

орз  
И 23

Э. А. Иванян

★★★★  
**Рональд  
Рейган**



**Хроника  
жизни  
и времени**





RONALD REAGAN AS LIFEBOUARD (1941-42), AT DIXON'S LOVELL PARK

DIXON, ILLINOIS - HOMETOWN OF RONALD REAGAN



Э. А. Иванян

---

# Рональд Рейган

Хроника  
жизни  
и времени



Москва «Мысль»

~~ББК 66-8-7 (США)~~  
И 23

**РЕДАКЦИЯ ЛИТЕРАТУРЫ  
ПО ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ**

И  $\frac{0503030000-036}{004(01)-91}$  24-91

ISBN 5-244-00506-5

© Издательство «Мысль» 1991

«Историк всегда вправе противопоставлять гипотезы свершившейся судьбе»

*Жан Жорес*

## **В мире реальностей и фантазий**



Жил в Ирландии в X в. правитель небольшой по размерам территории Сеннедиг, у которого был сын, вошедший в историю под именем Брайана Бору (или Бороима). В 1002 г. Брайан Бору (926—1014) стал преемником короля провинции Манстер Матгамэйна и в долгой и кровопролитной войне с норманнами оказался победителем, сыграв решающую роль в объединении ранее разрозненных провинций Манстер, Ольстер и Коннахт в Ирландское королевство. Именовавшийся по-гэльски эрд-риагом, т. е. верховным королем Ирландии (1002—1014), Брайан Бору, будучи уже в преклонном возрасте, одержал оказавшуюся последней в его жизни победу над викингами при Клонтарфе (1014), но был заколот в своем королевском шатре одним из оставшихся в живых врагов, которого звали Бродир. В тот же день были убиты сын Брайана Бору Марчэд и внук. Таковы исторические факты; возможно, фактом является и утверждение, что у Брайана остался в живых племянник, о котором практически ничего не известно, но о котором вспомнят восемь веков спустя. Исторически подтверждается и то, что имя национального героя Ирландии Брайана Бору пронесла через века династия О'Брайенов. На этом изложение более или менее достоверных исторических фактов, касающихся Брайана Бору и его потомков, можно считать законченным.

Где и на каком историческом отрезке времени с династией О'Брайенов стали связывать фамилию О'Риганов, установить не удалось. Впрочем, эти сведения до начала 80-х годов нынешнего столетия никого, по всей видимости, не интересовали. В течение восьмисот с лишним лет никому в голову не приходило проследить все ответвления генеалогического древа объединителя Ирландии. Но такая необходимость, судя по всему, неожиданно появилась в 1981 г., и прямой потомок боковой ветви генеалогического древа Брайана Бору (помните оставшегося в живых безымянного племянника?) был с подобающей значительности такого открытия «паблисити» обнаружен

в Соединенных Штатах. Им оказался не кто иной, как Рональд Уилсон Рейган, за несколько месяцев до обнародования «вновь обнаруженных фактов» ставший президентом страны.

Предки Рональда Рейгана были прослежены до X в. мастерами политической рекламы республиканской партии, руководство которой было уязвлено широко распространившимися в стране и комментировавшимися в печати утверждениями о полной непригодности бывшего киноактера Рейгана для исполнения обязанностей главы американского государства. После же такого «открытия» мало у кого могли возникнуть сомнения в способности Рейгана руководить страной — ведь в его венах текла королевская кровь: то есть если не профессионально, то уж во всяком случае генетически он был готов к столь ответственному посту. Сам Рейган воспринял сообщение о своем родстве с ирландскими королями как само собой разумеющееся дополнение к его биографии; во всяком случае никаких опровержений по этому поводу с его стороны никогда не было.

После ухода Рейгана с поста президента Соединенных Штатов интерес к его личности, а тем более к тому, чьим предположительно потомком он был, потерял актуальность, и не поддающиеся серьезной проверке сведения о далеких ирландских предках 40-го президента США так, видимо, и останутся плодом разбушевавшейся фантазии ирландских почитателей бывшего главы американского государства и его аппарата политической рекламы.

Более надежными, но значительно менее подробными оказались сведения о хронологически более близких к нашему времени предках Рейгана. О прадеде — безземельном бедняке Майкле О'Ригане известно, что в 40-х годах прошлого столетия он покинул в поисках более счастливой доли графство Типперэри, что в провинции Манстер на юге Ирландии, и обосновался в Англии. Английскими исследователями происхождения фамилии Рейганов с известной степенью достоверности установлено, что Майкл О'Риган был единственным из членов своей семьи, умевшим кое-как читать и писать, но именно кое-как, поскольку в день своей женитьбы на такой же бедной, как и он, ирландской девушке Кэтрин Мулкэхи в октябре 1852 г. он расписался в книге регистраций бракосочетаний католического собора Св. Георга в лондонском предместье Саутворке как Майкл Рейган, т. е. опустив приставку «О» и сделав, по всей видимости, произвольную ошибку в написании фамилии. Так на свет появилась фамилия Рейган, которую унаследовал родившийся в 1854 г. дед будущего президента Джон Майкл. О Джоне Майкле точно известно лишь то, что в 80-х годах

прошлого века он работал на элеваторе в г. Фултон, штат Иллинойс, хотя и очень часто оставался без работы. Именно в этом городе в 1883 г. родился отец будущего президента США Джон Эдвард Рейган.

О жизни Джона (себя он упорно именовал Джеком и под этим именем записался в книге регистрации своего брака с девушкой англо-шотландского происхождения по имени Нелли Клайд Уилсон) известно в основном из воспоминаний его двух сыновей — старшего — Нила и младшего — Рональда. Из этих воспоминаний, с большей долей симпатии у Нила и с меньшей у Рональда, проступает образ общительного трудяги, исколесившего в поисках постоянно ускользавшей от него удачи чуть ли не весь штат Иллинойс. Дело было даже не в невезучести Джека, сколько в том, что у него, по свидетельству его младшего сына, была одна «слабость» — он страдал «ирландской болезнью», а проще говоря, был запойным пьяницей. Была у Джека и другая слабость — пристрастие к картам, и сочетание этих двух черт характера не могло способствовать его популярности у работодателей. По мнению старшего сына Нила, именно пристрастие отца к алкоголю помешало ему добиться успеха в жизни, тогда как Рональд считал причиной бедности, в которой жила его семья, не только отцовский алкоголизм, но и экономический кризис 1929—1933 гг., полностью, по мнению младшего сына, выбивший Джека из колеи. Согласно воспоминаниям обоих братьев, их мать делала все, чтобы дети могли сохранить любовь и уважение к отцу, объясняя им, что алкоголизм Джека — это болезнь, к которой следует относиться с состраданием. Однако, как свидетельствуют даже те короткие отрывки, которые младший сын посвятил Джеку Рейгану в автобиографии «Где же моя остальная часть?» (к истории этого названия мы вернемся несколько ниже), несмотря на материнские увещания, Рональд Рейган сохранил на всю жизнь отрицательное отношение к пьяным эскападам отца. Уже став политическим деятелем, он мог долго и во всех подробностях рассказывать о своей матери, уклоняясь по возможности от воспоминаний о своем отце. Любопытно, однако, что основным источником сведений об алкоголизме Джека Рейгана и его регулярных запоях является сам Рональд Рейган. Создавалось впечатление, что он сознательно привлекал внимание к этому отцовскому пороку и даже драматизировал его, дабы иметь возможность занять критическую позицию по отношению к отвергаемым общественной моралью человеческим поступкам и поведению. Морализаторство всегда было отличительной чертой характера Рональда Рейгана, и он не мог отказать себе в возможности прочитать мораль даже в такой довольно щекотли-

вой для себя ситуации, но, как писал один из его биографов, в данном случае Рейган выступал в роли «смущенного морализатора»<sup>1</sup>

Нелли Рейган занимала в жизни своих сыновей, и особенно в жизни младшего — ее любимца, особое место. Это была работающая, религиозная (в отличие от мужа-католика исповедовавшая протестантизм) и исполненная чувства милосердия и любви к ближнему женщина — такой она проступает в первую очередь из воспоминаний будущего президента США. Именно Нелли Рейган и ее влияние в гораздо большей степени, чем кто-либо другой и что-либо другое, оказали, по словам Рейгана, воздействие на формирование его будущих взглядов и в какой-то мере его будущей судьбы. С этим утверждением можно согласиться лишь в той мере, в какой оно относится к его детским и отроческим годам. После же того, как Рейган покинул Диксон и вышел из-под материнской опеки, его характер, взгляды и будущее стали определяться совершенно иными факторами влияния.

\*

В ходе последующего изложения время от времени будет возникать необходимость уклоняться от основной нити повествования, чтобы заглянуть в далекое прошлое или забежать вперед в целях привлечения дополнительного и, возможно, более убедительного материала в подкрепление высказываемых автором мыслей и упоминаемых им фактов. На этом, начальном этапе изложения рейгановского жизнеописания уместно было бы сделать небольшое отступление, основанием для которого послужило знакомство с огромным количеством биографических сведений об американских президентах разных эпох, но в первую очередь последних десятилетий. Из большинства такого рода автобиографической, биографической и мемуарной литературы часто проступает образ занятого внутренними раздумьями мальчугана без сколько-нибудь бросающихся в глаза способностей, родившегося в захолустном городишке или небольшом селении, в семье, которую принято именовать проблемной или даже неблагополучной. Лишенное элементарных удобств, водопровода и электричества скромное жилище — душное летом и холодное зимой. Обладающая неукротимой энергией и самозабвенно оберегающая остатки тепла в семейном очаге мать, вынужденная стойко нести бремя жизненных невзгод, непрестанно обрушивающихся на ее дом, терпеть суровый нрав или нездоровые склонности главы семейства и нести свой крест во имя своих детей, одному из которых, а именно ее любимцу,



суждено стать спустя многие десятилетия президентом Соединенных Штатов.

Такая трогательная история, регулярно повторяющаяся (с неизбежными незначительными нюансами) особенно в последние десятилетия и по этой причине ставшая уже шаблоном, без особого труда разгадывается как попытка продемонстрировать реализацию «американской мечты» — трансформацию «гадкого утенка» в могущественного политического и государственного деятеля, миллионера. Сценарий подобных историй незатейлив и рассчитан на невзыскательность и сентиментальность голосующего обывателя, составляющего значительную долю американского электората, чью поддержку на выборах зачастую можно завоевать удачно сформулированными лозунгами и обещаниями или привлекательно скомпонованным «имиджем» претендента на выборный пост.

Политическая реклама претендентов на пост президента США независимо от того, какую из основных политических партий они представляли, особенно настойчиво и, следует признать, довольно успешно эксплуатировала до недавнего времени образ выбившегося «из грязи, да в князи» (так звучит в переводе на русский язык американское выражение — «от лохмотьев к богатству») политического деятеля, бывшего когда-то «одним из нас», т. е. одним из подавляющего большинства американцев, и уже в силу этого обстоятельства достойного-де широкой поддержки. Правда, время от времени оставшиеся в живых свидетели «босоногого детства» президента опровергали явно сгущенные «факты» тягот и лишений, выпавших якобы на долю будущего хозяина Белого дома в период его жизни под родительским кровом. Среди таких поборников истины встречались бывшие школьные приятели или соседи родителей, но, как это ни странно, среди них оказывались и матери самих президентов, для которых, по всей видимости, доброе имя семьи было дороже корыстных политических интересов их выросших и лишенных сантиментов сыновей. «Но ты же ведь хорошо знаешь, что это неправда, ты же знаешь, что ты родился и вырос в весьма приличном доме», — пыталась усювестить Ребекка Джонсон своего не в меру прибеднявшегося сына Линдона Джонсона, когда тот пытался выдать журналистам за родительский дом некую развалюху. «Он представляет нас такими бедными, что так и хочется взять в руки шляпу и собрать для него деньги», — комментировала Лилиан Картер «печальные воспоминания» своего сына, президента Джимми Картера, о «тяжелом и безрадостном детстве»<sup>2</sup>. Матери, восставшие в защиту чести родного очага, никак не могли понять сложных политических игр сыновей: ведь в далекое время их собственной молодости бедности

стыдились, а семейные неурядицы и лишения скрывались даже от самых близких друзей. Сегодня же, к их изумлению, их собственные сыновья даже бравовали несуществовавшими заплатами.

Надо признать, что в 1980 г. в сюжетной линии, хотя и повторявшей основные моменты уже шаблонного сценария о рождении в «бревенчатой хижине» со всеми вытекающими отсюда невзгодами, появились весьма любопытные коррективы. В ходе предвыборной президентской кампании того года была переиздана и широко комментировалась в печати и в общественных кругах страны автобиография Рейгана, в которой тот с поразительной безмятежностью и подчеркнутой сентиментальностью делился воспоминаниями о невзгодах, действительно выпадавших на долю его семьи. Создавалось впечатление, что кандидат республиканцев в президенты не только бравовал старыми заплатами, но и размахивал ими как знаменем с фамильным гербом, начертав на этих заплатах слова: «То были счастливейшие годы моей жизни»<sup>3</sup>. (Небольшая, но красноречивая деталь: в 1964 г., когда писались эти слова, Рейган владел недвижимым имуществом, оценивавшимся почти в 2 млн долларов, и его уже никакими коврижками нельзя было снова заманить в провинциальную глубинку его «счастливого детства».)

Оптимизм, который называется чуть ли не прирожденной чертой характера Рейгана, обладает одним особым свойством — приписывать его себе гораздо легче, уже имея определенные основания считать себя преуспевающим, чем когда таких оснований нет и в обозримом будущем не ожидается. Уже выйдя на национальную политическую арену, миллионер Рейган любил рассказывать на республиканских политических сборищах притчу, рассчитанную на то, чтобы утвердить своих соратников в надежде на лучшее будущее для партии. Притча эта была о двух братьях — безнадежном пессимисте и безоглядном оптимисте. Обеспокоенные этими крайностями в характере своих отпрысков, родители решили проконсультироваться с психиатром и попросить у него совета, как сделать пессимиста более жизнерадостным ребенком, а оптимиста предупредить о возможных превратностях судьбы, ожидающих его на жизненном пути. По совету психиатра они заперли сына-пессимиста в комнате, заполненной всевозможными соблазнительными игрушками, а сына-оптимиста — в комнату, заваленную конским навозом. Когда спустя некоторое время комнаты были открыты, родителям предстала следующая картина — в первой комнате рыдал навзрыд сын-пессимист, так и не дотронувшийся ни до одной игрушки из боязни ее сломать, а во второй энергично сгребал навоз в кучу сын-опти-

мист. На недоуменный вопрос родителей, для чего он это делает, второй сын жизнерадостно ответил: «Тут так много навоза, что где-то здесь должна быть и лошадка».

В автобиографии Ронни предстает перед читателем мальчиком, рассчитывающим со временем обязательно найти свою лошадку, а в ожидании этого счастливого случая полностью довольным тем, что вокруг него предостаточно навоза. Чуть ли не на каждой странице, посвященной описанию его детских лет, Рейган, игнорируя окружающую его бедность, посвящает длинные пассажи красотам окружавшей его дикой природы, поражавшему его «запаху сосновых игл в дождливую погоду и картине восхода солнца в пустыне». Идиллией в духе твеновских Тома Сойера и Гека Финна предстает перед читателем жизнь маленького Ронни в те годы: «Лесные чащи и тайны природы, жизнь и гибель маленьких существ, охота и рыбная ловля»<sup>4</sup>. А вот как проводила, если верить более позднему Рейгану, его семья вечерние часы: «Я вырос в атмосфере небольшого городка, и я помню, как летними вечерами мы гуляли с отцом и матерью. Прогулку мы начинали в самом далеком конце улицы и шли не спеша, окруженные прекрасными летними сумерками. Мы проходили мимо домиков — тогда у каждого домика было парадное крыльцо в отличие от распространенных ныне задних дворики, которые не видны с улицы,— и проходя мимо них, мы приветственно махали рукой, а порой и останавливались, вызывая кого-нибудь на крыльцо. И тогда хозяева говорили нам: «Поднимитесь к нам, посидите с нами хоть немного». Мы, дети, усаживались на ступеньках, а родители занимали качалки и стулья на крыльце. Мы в основном слушали — вы же знаете, как дети любят подслушивать разговоры взрослых,— а наши родители и соседи беседовали о событиях, происходивших в жизни, и высказывали свои точки зрения по их поводу. На небо высыпали звезды, мы вставали и шли домой. Это было тем самым «социальным обеспечением», которого не может дать ни одно правительство»<sup>5</sup>.

Этот отрывок из автобиографии Рейгана, впервые опубликованной в 1965 г., в преддверии к выдвижению его кандидатуры на пост губернатора штата Калифорния, несмотря на свою кажущуюся банальность, изобилует подтекстом, несомненно дошедшим до сознания тех, в расчете на кого он и писался. А в расчет брался весьма широкий круг калифорнийских, а в будущем и общенациональных избирателей.

Основным адресатом этого красноречивого пассажа были имущие люди страны, к которым ныне принадлежал и сам Рейган и которых он столь недвусмысленно предупреждал, что, несмотря на тяжелое детство и низкое социальное про-

исхождение, он, сегодняшний миллионер, отнюдь не стал противником системы. Претендент на губернаторский пост Рейган мог приписывать маленькому Ронни любую степень удовлетворенности жизнью, не опасаясь каких-либо опровержений: к выходу первого издания его автобиографии Джека и Нелли Рейган уже не было в живых, а старший брат Нил, также преуспевавший в своей области деятельности, впечатлений брата от далекого детства публично не оспаривал, хотя в своих собственных воспоминаниях описывал менее приятные стороны изобиловавшей лишениями жизни их семьи. (Единственным человеком, опровергавшим восторженные воспоминания уже преуспевающего в жизни Рейгана о том, как хорошо он жил в детстве и «никогда не просил чего-то большего, ни тогда, ни теперь»<sup>6</sup>, был, однако, сам Рейган, чья автобиография красноречиво свидетельствовала о никогда не оставлявшем его стремлении вырваться из того «мира идиллий».)

Автобиографические воспоминания Рейгана рисовали образ возвращенного американской глубиной высокоморального человека, воспитанного на уважении традиционных американских ценностей, на недоверии к каким-либо коренным изменениям в сложившемся образе жизни и на убеждении, что все люди созданы равными, а их будущее зависит лишь от их личного честолюбия и энергии. Именно эти качества, а отнюдь не уровень полученного образования или объем приобретенных с жизненным опытом знаний являлись, как следовало из воспоминаний Рональда Рейгана, решающими в жизни человека. На всю свою жизнь он сохранил убеждение, что беднякам следует лишь лучше и упорнее работать и тогда они смогут вытянуть себя из бедности, как это удалось сделать ему с братом. Лица же, состоящие на государственном пособии и получающие всевозможные социальные вспомоществования, считал он всегда, — всего лишь не желающие или не умеющие работать лентяи и бездельники.

Но все это — окрашенные в розовые тона воспоминания о «счастливейших днях» детства и образ «бедного, но честного малого», собственным трудом выбившегося из «гадких утят в белые лебеди», многомиллионное состояние, политические амбиции и морализаторские поучения — все это будет спустя много десятков лет после того, как 6 февраля 1911 г. в семье продавца магазина в г. Тампико, штат Иллинойс, родится второй сын.

Двухлетний Нил ждал обещанную ему родителями сестренку и был очень расстроен, когда в небольшой

спальне пятикомнатной квартиры на втором этаже дома по Мэйн-стрит появился на свет мальчик, которого назвали Рональдом. В городке Тампико, насчитывавшем около тысячи жителей, Мэйн-стрит была не просто единственной мощеной улицей, но и буквально главной торговой артерией. Первый этаж дома, в котором родился Рональд, был занят под универсальный магазин Питни. В этом магазине и работал глава семейства Рейганов. (В местной газете «Торнэйдо», не чуравшейся даже мелких новостей, было опубликовано сообщение, что Джек был так рад рождению второго сына, что в течение целой недели отпускал покупателей весового товара на несколько десятков граммов, а мерчого товара на несколько сантиметров больше, чем было ими оплачено.) Тампико был первым городом, в котором поселились Джек и Нелли после того, как в 1906 г. зажили самостоятельной жизнью. Голова Джека была всегда полна грандиозных планов и проектов, но постоянной его мечтой было стать владельцем обувного магазина. Именно поэтому он и придумал себе легенду выпускника заочных курсов никому не известной американской практикпедической школы (никто не знал, что означает и как точно пишется слово «практикпедическая», но звучало оно весьма внушительно). Живой и общительный Джек, никогда не упускавший возможности пустить пыль в глаза как покупателям, так и просто собеседникам, мог быть идеальным продавцом и имел все основания рассчитывать на реализацию своей мечты, если бы не его склонность к выпивке. Магазин Питни, в котором работал Джек, был своеобразным социальным и культурным центром маленького городка, где сходились не только его жители, но и многочисленные коммивояжеры из других городов и штатов. В кругу старых и новых друзей Джек чувствовал себя как рыба в воде, видя, как к нему, неистощимому рассказчику и знатоку анекдотов, тянутся люди. Но чем шире был круг общающихся с ним людей, тем чаще возникали ситуации, требовавшие дружеских попок.

В тот год, когда родился Рональд, «ирландская болезнь» отца пока еще не стала серьезной семейной проблемой, и поэтому Нелли Рейган жила надеждой на то, что ее семье еще предстоят счастливые годы. Рождение второго сына она считала личным подарком свыше, поскольку роды были очень тяжелые и с тех пор ей было запрещено рожать. С первого же дня жизни младенца она дала ясно понять мужу, кто из сыновей будет ее любимцем: во-первых, она дала ему в качестве среднего имени свою девичью фамилию Уилсон и, во-вторых, настояла на том, чтобы его крестили в протестантской церкви в отличие от старшего сына, крещенного в католической. Отныне в семье Рейганов будет два католика — отец и стар-

ший сын и два протестанта — последователя церкви Учеников Христа — мать и младший сын.

Маленький Рональд едва научился ходить, когда семья Рейганов переехала в Чикаго, где глава семейства стал работать в первом в этом городе крупном универсальном магазине, разместившемся в огромном, на весь квартал, одиннадцатипятиэтажном здании. «Все для всех под одной крышей», — рекламировал свои неограниченные товарные возможности этот торговый гигант, в обувном отделе которого Джек проработал всего один год. Плата за квартиру в таком городе, как Чикаго, оказалась семье Рейганов явно не по карману: на нее уходила почти вся получаемая Джеком зарплата. Именно к этому периоду в жизни семьи относятся воспоминания Нила Рейгана, которому тогда было семь лет: «Мне давали десять центов и посылали в мясную лавку, что на углу Коттедж-Гроув-авеню и 63-й стрит, за суповой костью ценой в 10 центов. В то время медики еще не считали печенку ценным мясным продуктом. Когда меня посылали за десятицентовой суповой костью, мне поручали попросить у мясника немного печенки для нашей кошки. Кошки у нас не было. В воскресенье мы пировали, обедаясь печенкой. Все остальные дни недели мы ели суп из той кости. Моя мать обычно варила ее в кастрюле, а затем ежедневно добавляла в бульон картофеля, морковных ломтиков и воды. Так мы и ели этот суп из кости, пока не наступала следующая суббота»<sup>7</sup> Неизменным завтраком для всего семейства была овсянка со сгущенным молоком. А в дни футбольных матчей, проходивших на расположенном неподалеку от их дома стадионе Чикагского университета, Нелли поджаривала воздушную кукурузу, укладывала ее в пакетики, и Нил вместе с маленьким Ронни отправлялся продавать их на трибунах.

В 1915 г. Рейганы оказались в небольшом городке Гэйлсберге, где они прожили три года, снимая целый дом, что могло служить свидетельством либо дешевизны жилой площади в этой местности, либо же относительного преуспевания главы семейства на новом месте работы. Джек даже купил себе велосипед, на котором добирался до универсального магазина О. Т. Джонсона, а у мальчишек появилась возможность гонять мяч на небольшой полянке, расположенной перед их домом.

Затем был городок Монмут с населением около 40 тысяч человек и тремя колледжами, в котором Джеку Рейгану удалось найти более высокооплачиваемое место в одном из местных обувных магазинов. Но и там семья задержалась ненадолго — уже через два года Рейганы оказались вновь в Тампико. Старый хозяин Джека мистер Питни, уверовав

в достоинства «выпускника практикпедической школы» и воздавая должное его общительности и умению производить хорошее впечатление на покупателей, пригласил Джека взять в руки бразды правления обувным магазинчиком, принадлежавшим Питни. Здесь, в Тампико, Ронни начал ходить в школу. Значительная часть воспоминаний Рональда Рейгана о своем детстве связана именно с этими годами повторного пребывания в городке, где он родился. Здесь же он впервые начал играть в американский футбол, хотя щуплое телосложение и врожденная острая близорукость мешали ему стать вровень со своими сверстниками, тем более когда речь шла о требовавшей известной силы и ловкости борьбе за мяч в неимоверной «куче мале».

Ронни исполнилось девять лет, когда семья вновь переехала на новое место жительства. Мистер Питни поддался уговорам Джека и согласился войти с ним в пай, открыв магазин по продаже обуви высшего качества в городе Диксон, в том же штате Иллинойс. «Пайщики» договорились следующим образом — деньги в магазин вкладывал мистер Питни, Джек же соглашался быть одновременно управляющим и единственным продавцом в этом магазине, т. е. вкладывал в качестве пая свой собственный труд. Местная газета писала в те дни об открытии этого, пятого по счету обувного магазина в городе: «Г. Ч. Питни и Дж. Э. Рейган намерены открыть в нашем городе фешенебельный магазин, который разместится в здании, ранее принадлежавшем О. Х. Брауну и К°. В магазине уже установлено новое, современное оборудование, а его запасы пополнены самой модной обувью высшего качества. Он будет называться магазином модной обуви. Г-н Рейган, который будет его управляющим, является опытным обувщиком и имеет специальное образование. Он разбирается во всех болезнях ног и наиболее эффективных методах их лечения, имея за своей спиной опыт, приобретенный за многие годы специализации в этой области во многих крупных городах нашего штата». Нил Рейган вспоминает, что в магазине Джека была даже специальная рентгеноустановка, которой пользовались во время примерки.

В городе Диксоне насчитывалось около 10 тысяч жителей, и по сравнению с Тампико он выглядел чуть ли не огромным городом. Это обстоятельство полностью отвечало честолюбивым планам Джека, не терявшего надежды найти для себя более широкое поле деятельности, соответствующее, как он считал, его недюжинным, но не оцененным пока никем способностям. Диксон стал, по собственному признанию Рональда Рейгана, его родным домом: всю жизнь он питал к нему гораздо больше теплых чувств, чем к истинному месту своего

рождения — Тампико. Объяснялось это в первую очередь тем, что в отличие от всех предыдущих мест проживания семья Рейганов обосновалась в этом городе на долгие двенадцать лет: Ронни было девять лет в 1920 г., когда они поселились в Диксоне, а покинул он его навсегда в 1932 г., в двадцать один год. Но и в эти двенадцать лет семья Рейганов не оставалась на месте: Джек сменил за эти годы пять домов, и с каждым переездом эти дома уступали предыдущему в размерах, стоимости и, следовательно, престижности. Дело было не в неподселимости или «охоте к перемене мест» Джека и его жены. Просто уже через четыре года после открытия обувного магазина «на паях» с мистером Питни стало ясно, что дело прогорит. Джеку Рейгану удалось продержаться в качестве управляющего еще несколько лет, но к 1929 г. магазин модной обуви перестал существовать, а Джек вновь стал менять одно место работы за другим, работая то в городской больнице, то продавцом в одном из местных обувных магазинов, то опять, как в молодости, коммивояжером.

Судя по воспоминаниям младших Рейганов, каждый член их семьи жил своей жизнью, стараясь отгородиться от чужих проблем и не особенно пытаясь вникать в то, как и чем живут остальные. «Наша семья была свободной, — объяснял Рональд Рейган весьма необычные взаимоотношения в семье, — мы любили друг друга до того предела, за которым начиналась независимость каждого из нас»<sup>8</sup>. В том, что дети не проявляли ни особого внимания, ни особого желания знать, как и чем жили их родители, ничего удивительного нет — такие семьи не столь уж редки. Трудно было ожидать сколько-нибудь внимательного отношения к сыновьям и их проблемам и со стороны Джека. Но, судя по тому, что пишет о своей матери Рональд Рейган и что известно о ней из рассказов людей, близко знавших семью Рейганов, и Нелли Рейган жила своей, обособленной жизнью, в которую допускался лишь ее любимец Ронни.

Именно в Диксоне проявились в полной мере личные качества и интересы Нелли Рейган, сохранявшиеся ранее в значительной мере втуне хотя бы по той причине, что краткосрочное проживание во всех предшествовавших Диксону городах не давало особой возможности для их проявления. Здесь, в Диксоне, Нелли Рейган стала признанным оплотом местной протестантской церковной общины. Значительную часть своего свободного от домашней работы времени, а, судя по широкому кругу ее общественных «нагрузок» и интересов, подчас и в ущерб своим обязанностям жены и матери (по крайней мере по отношению к своему старшему сыну), Нелли посвящала общественной деятельности: вела уроки Библии в школе, распространяла религиозные трактаты в школах, женских



клубах, больницах и даже в городской тюрьме, сочиняла религиозно-морализаторские пьески для представления их в тех же клубах и в тюрьме, нередко сама же ставя их и играя в них главные роли. К этой общинной деятельности Нелли нередко привлекала и своего младшего сына. Ронни подметал церковные помещения, играл в материнских пьесках, причем намного чаще, чем его старший брат Нил, обладавший, как признавалось многими, более ярко выраженными актерскими способностями. Одна из местных газет Диксона как-то поместила сообщение о том, что г-жа Рейган и ее сын (имелся в виду Рональд) организовали представление для пациентов городской больницы, где тогда работал по протекции своей жены Джек. В ходе этого представления Нелли играла на банджо, а Ронни продекламировал два стихотворения. Такого рода представления со временем превратились в ежемесячную программу для пациентов этой больницы. При всем том, что Нелли Рейган действительно была набожной женщиной, искренне стремившейся делать добро людям, в ней, по признанию Рональда Рейгана, говорило неудовлетворенное чувство «несостоявшейся актрисы»<sup>9</sup>. Соседи Рейганов по тем временам вспоминали хорошо поставленный «театральный» голос Нелли, которым она звала домой заигравшихся детей, ее забавные пародии на различные диалекты и говоры. Она даже придумала себе некое подобие сценического псевдонима, именуя себя не Нелли, а Нелл. Можно себе представить радость Нелли, когда, уже став киноактером в Голливуде, ее любимец Ронни иногда организовывал для матери совместные с ним выступления по радио и даже киносьемки.

Семья Рейганов стала одной из десятков миллионов американских семей, которых непосредственно коснулся экономический кризис 1929—1933 гг. Под Рождество 1931 г., когда оба сына приехали на каникулы из колледжа, их отец получил заказное письмо, извещавшее его об увольнении с работы. Джек Рейган, перебивавшийся до этого временной работой, пополнил армию безработных, колесивших в поисках удачи по всем Соединенным Штатам. Но работы и даже каких-либо надежд на ее получение в обозримом будущем предложить ему никто не мог, хотя республиканская администрация в лице президента Герберта Гувера пыталась убедить соотечественников в том, что «процветание находится за углом». Характерно, что, описывая в автобиографии эти тяжелейшие для страны и его собственной семьи годы, Рейган, по всей видимости сознательно, акцентировал внимание читателей на

достигнутых им лично в те годы успехах в спорте, на любительской сцене и т. п., подчеркивая свой «врожденный оптимизм».

Пока родители предпринимали отчаянные усилия вырваться из тисков нужды, сам Рональд с большим трудом продирался сквозь чащу преподаваемых в начальной и средней школе предметов. Ни любознательностью, ни усидчивостью он никогда не отличался, читать он попросту не любил («Я никогда не видел книги в его руках», — говорил один из его учителей), но был, что называется, «твердым середнячком». Выручала феноменальная, поистине фотографическая память, позволявшая ему буквально с одного взгляда запоминать целые страницы текста. К этому времени из пухлого мальчугана (а именно округлые черты его лица дали основание Джеку назвать своего младшего сына «толстомясым голландцем», что со временем превратилось в прозвище «Голландец») Рональд превратился в худощавого подростка-недомерка без каких-либо бросающихся в глаза физических данных, на лице которого выделялись большие, не по возрасту очки в тяжелой роговой оправе. До поступления в школу Рональд очков не носил, и, как он вспоминает, «мне и в голову не приходило, что я близорук. Я просто считал, что весь мир состоит из цветных клякс, которые обретают четкость по мере приближения к ним. Я был уверен, что такими же были и все другие люди»<sup>10</sup>. Раз он попробовал надеть материнские очки, и мир предстал перед ним во всем его великолепном разнообразии. С тех пор он с очками долго не расставался, хотя и ненавидел их, поскольку они выделяли его из толпы сверстников и мешали в полную силу заниматься спортом. (Связанный с очками комплекс неполноценности преследовал Рейгана вплоть до того времени, когда появились контактные линзы, и он, по его собственным словам, чуть ли не одним из первых в стране перешел на ношение этих линз.) Старший брат Нил, получивший еще в школьные годы прозвище «Мун» и сохранивший его на всю жизнь, так описывал Рональда школьных лет: «Он был довольно тихим мальчиком, во всяком случае никто не мог бы предположить, что он станет актером или политическим деятелем. Он был очень молчаливым и мог часами играть один в оловянные солдатки. В те дни он коллекционировал оловянных солдатиков»<sup>11</sup>. Крепко сбитый подросток, часто верховодивший в уличных стычках со сверстниками, отличный спортсмен, «Мун» считал младшего брата «девчонкой» и «маменькиным сынком».

Близорукость не позволяла Рональду играть в наиболее популярный среди ребят его возраста бейсбол — он просто не видел летящего в него мяча, но играть в американский футбол или регби ему ничто не мешало. Если занятия в школе и вы-

полнение домашних заданий мешали его спортивным увлечениям, предпочтение отдавалось спорту. «Футбол был для меня вопросом жизни или смерти», — писал Р. Рейган в своих воспоминаниях, признавая, что учился или, вернее, продолжал посещать занятия в школе только из опасения быть отстраненным от школьного спорта. Временами он участвовал в школьной самодеятельности, а в летние месяцы в течение семи лет подряд (т. е. даже уже учась в колледже) подрабатывал в качестве спасателя на общественном пляже на берегу реки Рок в живописном Лоуэлл-парке, километрах в пяти от Диксона. Рабочий день Рональда ежедневно начинался ранним утром с доставки продуктов для пляжного кафетерия и кончался поздним вечером, когда на пляже уже никого не оставалось. Времени на личные нужды не оставалось вовсе, но работа спасателем позволяла ему откладывать по меньшей мере 20 долларов еженедельно на колледж.

А вот еще одна деталь, характеризующая Рейгана. Как он утверждает в своих воспоминаниях (впрочем, эти факты подтверждают сообщения местной хроники диксоновских газет того времени), работая спасателем, Рейган спас жизнь семидесяти семи тонувшим. Позднее в Голливуде злые языки утверждали, что он явно предпочитал «спасать» молодых девушек, даже не собиравшихся тонуть. Сам же он признает, что практически все спасенные им люди обвиняли своего спасителя в том, что, бросаясь им на помощь, он был в первую очередь движим желанием покрасоваться, поскольку-де никакой необходимости их спасти не было. По убеждению Рональда Рейгана, такая реакция спасаемых объяснялась нежеланием признавать чей-то успех в ситуации, когда они сами оказались не на высоте. Из опыта своей работы спасателем Рональд Рейган сделал основополагающий вывод, который пронес через всю свою жизнь: «Люди не очень любят, когда их спасают»<sup>12</sup>.

Рональду не удалось добиться сколько-нибудь серьезных успехов ни в одном из видов спорта, которыми он занимался, но работа спасателем и регулярные занятия спортом превратили выглядевшего заморышем мальчугана в отлично сложенного, мускулистого и высокого, под метр восемьдесят, подростка. Участие в самодеятельности и в спортивных состязаниях, привлекательная внешность (даже несмотря на уродовавшие его очки) способствовали его популярности среди сверстников и сверстниц: его выбирали в органы школьного самоуправления, в школьный журнал. Он все чаще думал о продолжении образования в колледже, как этого очень хотела Нелли, но никак не мог решить, в какой именно колледж поступать. В конечном счете все определило чужое решение — кумир

Рональда, ведущий игрок школьной футбольной команды, избрал колледж в г. Юрика, туда же собиралась идти учиться и подруга Рональда Маргарет Кливер. Рональд решил последовать за ними.

В школе, где учился Рональд, уже давно существовала традиция публиковать фотографии своих выпускников с указанием их имени, прозвища (если оно было), фамилии, а также избранное ими или сочиненное лично жизненное кредо. Под фотографией слегка улыбающегося мальчика, наряженного в галстук-бабочку, фигурировала подпись: «Дональд (вместо Рональд) «Голландец» Рейган» и его кредо — «Жизнь — это сплошная восхитительная песня, так что начинайте музыку!»

Вряд ли с определением жизни как ласкающей слух песни согласились бы Джек или Нелли Рейган. После потери работы в декабре 1931 г. Джеку удалось получить ее лишь с приходом к власти администрации Франклина Д. Рузвельта. Место в государственном учреждении, ведавшем оказанием всевозможного рода помощи и выплатой социальных пособий лицам, пострадавшим в результате экономического кризиса 1929—1933 гг., Джек Рейган получил в качестве вознаграждения за активное участие в предвыборной кампании демократической партии, за то, что без устали агитировал за кандидатов этой партии. Получение им работы не означало, однако, для семьи Рейганов, что кончились все ее заботы и проблемы. Нелли продолжала работать в пошивочной мастерской, получая 14 долларов в неделю и продолжая верить в то, что «господь не бросит нас в беде», а Нил поступил на работу на городской цементный завод, отказавшись на несколько лет от идеи продолжения учебы в колледже. Продолжил свою учебу один Рональд, которому в дополнение к накопленной им за годы работы спасателем сумме удалось заручиться согласием колледжа оплачивать половину стоимости его обучения (полная стоимость составляла 180 долларов в год) в признание его школьных спортивных успехов. Колледж г. Юрика, куда поступил Рональд, пользовался хорошей репутацией в штате и был единственным протестантским учебным заведением в этом городке с полуторатысячным населением, расположенном более чем в 150 километрах к югу от Диксона. «Юрика» — так произносится по-английски греческое слово «эврика» (т. е. «нашел»), ставшее названием города. Судя по воспоминаниям Рональда Рейгана, он действительно нашел именно такой колледж, который устраивал его со всех точек зрения.

Годы учебы в колледже мало чем отличались от лет, проведенных в средней школе в Диксоне: Рональд по-прежнему

му отлынивал от занятий, посвящая все время спорту и самодеятельному театру. «Профессор знал, что мне нужен лишь диплом, что предмет моей специализации (а им была экономика.— Э. И.) ни при каких обстоятельствах не будет играть сколько-нибудь важной роли в моей жизни, что мне нет необходимости его учить, и поэтому не был строг ко мне»,— писал Р. Рейган позднее <sup>13</sup>. Много лет спустя, в 1957 г., будучи уже довольно известным киноактером и получая из рук директора колледжа почетный диплом доктора наук колледжа (как было сказано в дипломе: «за понимание сущности и разоблачение коммунистов и их влияния»), Рейган бросил в зал шутку: «А я-то думал, что почетным был тот первый диплом, который мне вручили при окончании» <sup>14</sup>. А в интервью политическому обозревателю телекомпании Эй-би-си Барбаре Уолтерс кандидат в президенты США Рейган признался: «Средний балл «С» (тройка) означал, что ты можешь активно заниматься спортом, и я стремился к нему, чтобы мне разрешили участвовать в спортивных мероприятиях... Так что я никогда не знал отметки выше «С»» <sup>15</sup>.

Юрика был небольшим по сравнению с Диксоном городком, не имевшим даже собственной газеты. Несмотря на то что в Юрике было практически невозможно найти работу, Рональду удалось устроиться на подсобную работу сразу в двух местах — он мыл посуду в мужской студенческой столовой и в кухне женского общежития. Эта работа в свободное, как правило вечернее, время давала ему возможность не только откладывать небольшие суммы «на черный день», но и помогать матери и даже старшему брату. Рональд был уже на втором курсе колледжа, когда в Юрику приехал Нил и поступил на первый курс того же колледжа.

Нил и Рональд еще учились в колледже г. Юрика, когда Джек решил попытать счастья в одиночку и переехал в г. Спрингфилд, расположенный в двухстах с лишним километрах от Диксона, где ему предложили работу в небольшом обувном магазинчике. Собственно говоря, по воспоминаниям Р. Рейгана, это был даже не магазинчик, а «дыра в стене» — небольшое пространство между двумя соседними зданиями, в котором удалось разместить «торговое помещение». Судя по тому, что Рональд продолжал ежемесячно переводить оставшейся в Диксоне матери 50 долларов, дела у Джека шли неважно.

Уже выйдя на национальную политическую арену, Рейган нередко говорил, что жизнь научила его не ожидать ни от кого помощи, полностью полагаться только на себя. Но тогда, в трудные для всей Америки годы, семья Рейганов возлагала большие надежды на объявленный Франклином Рузвельтом

«новый курс», призванный вытащить страну из страшной беды, и боготворила президента. Как вспоминает Рейган, всей семьей они усаживались у радио, слушая рузвельтовские «беседы у камина» и буквально впитывая в себя сочные звуки президентского баритона. Голосовавший за демократов и до экономического кризиса, Джек еще более уверовал в то, что эта партия заслуживает его поддержки. С тех пор считал себя демократом и Рональд Рейган. (Изменив с возрастом свои политические симпатии и предпочтения, Рональд Рейган 60-х годов, как бы прося прощения у новых сторонников и единомышленников за свое недостойное прошлое, иронически отзывался о Рональде Рейгане 30-х годов как о «почти безнадежном либерале, с сердцем, истекающим кровью по любому поводу»<sup>16</sup>.)

Рейган уже учился в колледже, когда разразился экономический кризис 1929—1933 гг., и этот кризис все еще продолжался, когда он окончил колледж. Спустя десятилетия, в ходе предвыборной кампании по выборам президента США он будет отрекомендован избирателям как единственный за всю историю Соединенных Штатов претендент на президентский пост, имеющий ученую степень бакалавра экономики — ведь в течение четырех лет обучения в колледже г. Юрика Рейган специализировался или, если быть абсолютно точным, от него ожидалось, что он будет специализироваться в области экономики. Всего лишь четырем годами раньше кандидат на пост президента США Джимми Картер представлялся американским избирателям как ученый, физик-атомщик, имея за собой лишь годы обучения в военно-морской академии в г. Аннаполисе. Организаторам политической рекламы республиканского кандидата в президенты США очень не хотелось, чтобы Рейган выглядел менее образованным на фоне столь эрудированного предшественника, и избиратели услышали по радио и телевидению и прочли в прессе, что «ученого, физика-атомщика» Картера намерен сменить в Белом доме «ученый-экономист» Рейган. Справедливости ради следует сказать, что после окончания предвыборных кампаний 1976 и 1980 гг. и избрания соответственно Картера и Рейгана на пост президента США никаких упоминаний об ученых степенях и научных успехах этих двух государственных деятелей Белый дом больше не допускал. Оно и понятно — что могло сойти с рук в условиях предвыборной борьбы и традиционно присущих этому периоду «переборов» в политической рекламе кандидатов в президенты, то выпирало наружу белыми нитками в обстановке всеобщего отрезвления после въезда избранника в Белый дом, тем более когда отрекомендованные учеными государственные деятели не проявляли особой эрудиции в во-

просах, имевших, казалось бы, самое прямое отношение к области их «научной специализации». Справедливость, однако, требует отметить, что в автобиографии Рейган ни разу не упомянул, что, обучаясь в колледже, он специализировался в области экономики.

Спустя много десятилетий, уже после того, как он будет избран президентом США, журнал «Тайм» напишет о Рейгане: «Ни один президент со времен Кеннеди не обладал таким одновременно характерным и обвораживающим голосом. Он точно так же, как у Кеннеди, в нужные моменты становится тихим, обретая сочность в напряженных ситуациях. Когда Рейган очень хочет в чем-то убедить слушателей, его голос становится едва слышным, завоеывая симпатии своей интимностью, если не содержанием того, о чем говорится. ...Именно этот голос вытащил Рейгана из Диксона и из экономического кризиса, именно этот голос в большей степени, чем какие-либо другие его качества, привел его туда, где он сейчас оказался»<sup>17</sup>, т. е. в Белый дом. Справедливости ради, однако, надо сказать, что голос — это природный дар, но им еще надо научиться пользоваться и управлять.

После окончания колледжа перед Рейганом встала труднейшая задача найти работу в условиях продолжавшегося в стране жесточайшего экономического кризиса и безработицы, охватившей к тому времени 13 миллионов американцев, причем найти работу не по специальности, поскольку в экономике он, окончив колледж, понимал ровно столько же, сколько до поступления в него. В этих условиях при устройстве на работу он мог рассчитывать лишь на свои спортивные возможности или же на опыт участия в самодеятельных постановках театральной группы колледжа. В те годы влиятельных покровителей у него еще не было.

Незадолго до того, как окончить колледж, Рональд познакомился с канзасским бизнесменом Сидом Альтшулером, ежегодно приезжавшим с женой и двумя дочерьми на отдых в Диксон. Рональд учил девочек плавать, а с их отцом у него установились такие доверительные отношения, что он стал поверять ему свои самые сокровенные мысли и делиться планами на будущее. Именно Альтшулеру Рональд впервые высказал свое намерение попытаться устроиться на радио в качестве диктора или комментатора. Альтшулер поддержал его намерение, сославшись на перспективное будущее этого относительно нового средства массовой информации: «Соглашайся на любую работу на радио, даже подметальщиком,

лишь бы попасть туда». Судя по воспоминаниям Рейгана, этот совет и выраженный Альтшулером оптимизм произвел настолько сильное впечатление на него, что имя Альтшулера упоминается в рейгановской автобиографии наряду с именами всего лишь нескольких лиц, сыгравших наиболее важную роль в его судьбе.

Отправным пунктом своей будущей карьеры Рональд избрал Чикаго, ближайший к Диксону крупный город. Голосуя на автодорогах, «на перекладных» он, наконец, добрался до него и обошел все без исключения чикагские радиостанции, но ни на одной из них не нашлось места для юноши, чей «профессиональный опыт» сводился к выступлениям на самодеятельной сцене. Семь лет работы в качестве спасателя на общественном пляже никем в расчет, естественно, не принимались. На одной из радиостанций, однако, Рейгану дали весьма дельный совет — не замахиваться на Чикаго или какой-либо другой крупный город, а для начала попытаться счастья на одной из периферийных радиостанций.

Возвратившись в Диксон, Рональд решил не терять времени даром. Одолжив у отца (а к тому времени Джек лишился работы в Спрингфилде и возвратился к семье в Диксон) его потрепанный автомобиль, Рональд отправился в находившийся на противоположном берегу р. Миссисипи, в штате Айова, город Давенпорт, где ему улыбнулась удача. В своих воспоминаниях он рассказывает, что, получив на одной из местных радиостанций отказ со ссылкой на отсутствие вакансий, он направился к лифту, бормоча про себя нелестные эпитеты в адрес отказавшего ему в работе редактора отдела спортивных программ. Ожидая лифт, он вдруг услышал постукивание костылей (а редактор отдела спортивных программ шотландец Питер Макартур был болен артритом), и ворчливый голос с шотландским акцентом, перемежая обращение к Рональду с руганью, предложил ему задержаться. Расспросив Рональда о его спортивных интересах, Макартур неожиданно спросил: «Как ты думаешь, смог ли бы ты рассказать мне о ходе футбольного матча, причем так, чтобы у меня создалось полное впечатление, что я на нем присутствую?» Рейган ответил утвердительно. Взяв за основу своего репортажа ход футбольного матча, в котором он в бытность учебы в колледже играл сам (и, надо сказать, довольно неудачно), Рейган симпровизировал рассказ о нем как бы с места событий, уделив, кстати говоря, особое внимание «впечатляющей игре» футболиста Рональда Рейгана. Импровизация произвела хорошее впечатление на Макартура, и он решил поручить Рональду провести репортаж о матче, намеченном через неделю, с участием игроков университета штата Айова, пообещав ему



в случае успеха проведение еще трех репортажей. За проведение первого репортажа Рональду было выплачено 5 долларов, а также оплачен проезд автобусом из Диксона до места проведения спортивной встречи. За три последующих репортажа Рональд получил уже двойное вознаграждение — по 10 долларов и оплату проезда на автобусе. Работа была временной, но Макартур посоветовал Рональду не отчаиваться и проявлять терпение: в ближайшее время ожидалось, что один из штатных радиокомментаторов подаст в отставку. Прошло лишь несколько недель, и в феврале 1933 г. Рейгану было предложено постоянное место радиокомментатора с окладом в размере 100 долларов в месяц. «Меня взяли на работу. Меня еще будут увольнять и вновь принимать на работу, но я, наконец, вышел на свободный простор», — вспоминал с восторгом Р. Рейган об этих днях<sup>18</sup>

Сто долларов в месяц были по тем временам весьма неплохим жалованьем, позволившим Рональду снимать приличную квартиру неподалеку от места работы, оказывать посильную помощь матери и даже субсидировать старшего брата, все еще учившегося в колледже. Нелли вырастила обоих сыновей в убеждении, что десятая часть того, что им удастся заработать, по праву принадлежит Всевышнему. В ее устах, вспоминает Р. Рейган, это убеждение звучало не совсем бескорыстно для обеих сторон. У нее получалось, что Господь, лично заинтересованный в номинальном росте своей десятипроцентной доли, будет прилагать все усилия для увеличения общего размера доходов жертвователя, и, таким образом, никто не останется внакладе. Практичный Рональд проконсультировался с местным священнослужителем — сочтет ли Всевышний «своими» те 10%, которые Рональд будет отсылать своему брату в Юрику. Получив утвердительный ответ, Рональд стал переводить Нилу ежемесячно по 10 долларов, уверовав в то, что он тем самым выплачивает небесам полагающуюся им долю. (Как позднее утверждал Рональд Рейган, не было случая, чтобы Нил, уже встав на ноги и преуспев в жизни, когда-либо попытался бы вернуть ему свои долги. Следовательно, видимо, хотел сказать Рейган, оказавшись безвозвратными, эти десятидолларовые выплаты старшему брату вполне могли рассматриваться как ожидаемые свыше пожертвования на благие дела.)

С годами жизни в Давенпорте у Рейгана были связаны, однако, не только приятные воспоминания. Серьезным и неожиданным ударом явилось для него письмо от Маргарет Кливер, с которой он обручился и обменялся кольцами сразу же после окончания колледжа. Возвращая ему обручальное кольцо, Маргарет поставила Рональда в известность, что

выходит замуж за другого. Это сообщение ввергло Рональда в такое отчаяние, что в течение очень продолжительного времени единственной отдушиной для него была только работа. Предательство Маргарет стало на много лет вперед темой, на которую он избегал с кем-либо разговаривать. Но время шло, раны рубцевались, в остальном же Рональду продолжало везти.

Было ли это везением или результатом проявленного Рональдом профессионализма, но, так или иначе, он был принят на работу, которая предусматривала помимо ведения спортивных репортажей выполнение функций ведущего музыкальных перебивок и рекламных передач. Но основным его занятием были все-таки спортивные репортажи, в которых он действительно достиг совершенства. Много позднее, в политической рекламе кандидата в президенты Рональда Рейгана будет часто фигурировать рассказ о том, как, уже поступив на работу, он мог комментировать спортивные матчи (сначала футбольные, а затем и бейсбольные), находясь за многие сотни километров от места их проведения и полагаясь лишь на получаемые по телеграфу короткие сообщения об отдельных эпизодах в ходе игры. В этих случаях за спиной у него сидел звукооператор, мастерски имитировавший звуки удара биты по мячу (если шел репортаж о бейсбольном матче), крики игроков и болельщиков, гул трибун. «Взволнованный» репортаж об острых моментах игры на поле Рональд прерывал время от времени возгласами отчаяния или же, наоборот, восхищения, будучи якобы не в силах скрывать свои чувства по поводу происходящего на его глазах. А одним из самых любимых воспоминаний Рейгана является рассказ о том, как во время подобного репортажа вышел из строя телеграфный аппарат, снабжавший его необходимой информацией о ходе игры, и он был вынужден в течение довольно продолжительного времени вести репортаж, не имея ни малейшего представления о том, что происходило в действительности на поле.

Шли месяцы, и с опытом работы Рональд приобретал необходимый профессионализм, хотя и никак не мог научиться звучать убедительно при первом чтении незнакомого дикторского текста. Л. Кэннон, автор книги о Рейгане, пишет, что с течением времени тот «обнаружил, что, если он заучивал текст наизусть и произносил его вслух до выхода в эфир, слова звучали так, будто они произносились спонтанно, без предварительной подготовки. Вскоре слабое место Рейгана стало его достоинством, и с тех пор он стал звучать очень убедительно. Если голос является даром Божьим, то умение естественно произносить текст является результатом упорного труда и

тщательной подготовки»<sup>19</sup> Начиная с первого радиорепортажа на давенпортской радиостанции и на протяжении последующих без малого шести десятков лет Рейган будет целенаправленно совершенствовать мастерство владения своим голосом.

Прошло всего лишь три месяца после поступления на постоянную работу в Давенпорте, когда Рейган получил предложение переехать в г. Де-Мойн, на одной из радиостанций которого он стал специализироваться в ведении репортажей о бейсбольных матчах. Сам он в бейсбол никогда не играл и до своей новой специализации редко видел профессиональные игры, но и эти репортажи он вел на расстоянии с таким мастерством, что создавалось полное впечатление присутствия на игре. Прошло еще немного времени, и он стал получать уже 75 долларов в неделю, что по крайней мере вдвое превышало размер денежного вознаграждения, которое когда-либо получал его отец. К этому времени Рональд уже утвердился в роли основного кормильца и «добытчика» средств существования для своей семьи, так как Джек, перенеся несколько инфарктов, уже не мог работать. Перестала работать в пошивочной мастерской и Нелли, полагаясь полностью на материальную помощь от младшего сына. Окончившего обучение в колледже Нила Рональд сумел устроить на работу на той же радиостанции, где работал и сам. Правда, радиокомментатора из Нила не получилось, но к 1936 г. он проявил себя способным администратором, что позволило ему не только утвердиться на радиостанции, но и добиться высокого оклада.

Шли годы, и Рейган становился в Де-Мойне своего рода местной знаменитостью. Его, как обладателя приятного и запоминающегося голоса, все чаще приглашали на всевозможные политические банкеты и общественные приемы в качестве ведущего, произносящего застольные речи и представляющего именитых участников. В городе и его окрестностях его уже узнавали не только по голосу, но и в лицо. Жизнь его становилась все размереннее и солиднее. Он мог уже позволить себе заниматься спортом ради удовольствия — много плавал и даже вступил в резервный кавалерийский полк в чине лейтенанта с единственной целью — иметь возможность тренироваться в верховой езде на огромном манеже кавалерийского форта. Другой формой отдыха, но пассивного для него было посещение кинотеатров. Дела Рональда шли настолько хорошо, что он позволил себе купить довольно дорогостоящую машину с откидывающимся верхом — «нэш» бежевого цвета. Для полного антуража он приобрел бежевый пиджак (под цвет машины), а для солидности — курительную трубку, и будущее должно было скорее всего видеться ему если не в розовых, то

во всяком уж случае в бежевых тонах. Однако неудовлетворенное честолюбие Рейгана не давало ему покоя. Шел 1937 год, и он все чаще и чаще думал о том, чтобы испытать свои силы на артистическом поприще, и не где-нибудь, а в Голливуде.

Такая возможность ему неожиданно представилась. Узнав о предстоящем выезде в Калифорнию на весенние тренировочные сборы игроков известной чикагской бейсбольной команды «Чикаго кабс», Рональд упрямил свое начальство на радиостанции отправить его вместе с ними. А всего лишь за несколько дней до предполагавшегося выезда он познакомился с девушкой из Де-Мойна, которая когда-то работала на местной радиостанции, но с тех пор успела стать довольно популярной голливудской актрисой и певицей. Джой Ходжес (так ее звали), проникшись симпатией к Рональду, предложила ему связаться с ней по приезду в Калифорнию и пообещала вывести его на своего импресарио Билла Мейклджона, представлявшего помимо нее многих крупных голливудских киноактеров, включая идола кинозрителей того времени красавца Роберта Тэйлора. Открывавшаяся перед Рейганом перспектива была столь заманчивой, а представившаяся возможность попасть в Голливуд столь уникальной, что он переборол чувство страха перед полетом на самолете и вылетел вместе с командой в Калифорнию.

По приезду в Калифорнию Рейган не преминул тут же связаться с Джой Ходжес, и та договорилась о его встрече с Мейклджоном. Девушка, однако, поставила условием, чтобы Рональд обязательно избавился от явно уродовавших его очков. Мейклджон, которому Рональд наплел с три короба о своем сценическом опыте, действительно договорился со своими знакомыми на студии «Уорнер бразерс» об организации кинопробы для протеже Джой Ходжес. По словам самого Рональда Рейгана, в присутствии которого произошел разговор Мейклджона по телефону со студией, тот («не похвалишь — не продашь») отрекомендовал Рональда как «еще одного Роберта Тэйлора». Проба в «Уорнер бразерс» состоялась, и по всем признакам удачная, хотя сам Рональд, по его словам, остался ею недоволен, а строгим экзаменаторам явно не приглянулась провинциальная прическа молодого человека.

Команде «Чикаго кабс» пора было возвращаться домой, и, не дождавшись сколько-нибудь определенного ответа, Рейган вернулся в Де-Мойн, даже не рассчитывая, по его собственным словам, на положительный исход своей отчаянной попытки. Но ему уже в который раз повезло: студия предложила контракт, гарантировавший занятость в течение 6 месяцев и предусматривавший возможное продление до 7 лет. (По-

зднее Рейган объяснял, почему ему был предложен контракт именно на семь лет, а не, скажем, на пять или на десять лет. Оказывается, в Калифорнии существовал закон, по которому контракты не заключались на срок, превышающий семь лет, так как больший срок контракта считался уже кабальным. Семилетний контракт был, следовательно, оптимальным, с точки зрения «Уорнер бразерс» и, конечно, самого Рейгана.) 200 долларов в неделю, предложенные студией, казались Рональду огромной суммой. «Сам того не осознавая, — писал он впоследствии, — я сделал самый разумный из всех возможных шагов (уехал из Голливуда после пробы, то есть не маячил на глазах у тех, от кого зависело решение его судьбы. — Э. И.). Голливуд обожает людей, которые в нем не нуждаются»<sup>20</sup> Много позднее он узнает, что на работу его приняли в основном по той причине, что его голос очень напоминал по тембру голос молодого и популярного актера Росса Александера, незадолго до того покончившего жизнь самоубийством.

В одночасье Рейган стал знаменитейшей личностью в Де-Мойне. Интервью с ним добивались газетчики не только местной «Де-Мойн реджистер энд трибюн», но и из соседних городов. «Мне больше всего и всегда хотелось стать актером, — признавался он в одном интервью. — Но я никогда не считал, что кто-нибудь, увидев меня на экране, тут же пойдет домой и даст своему мужу цианистого калия. Поэтому я и выбрал в качестве наилучшей альтернативы радио. Может быть, я пробуду там (в Голливуде. — Э. И.) всего шесть месяцев. Конечно, я надеюсь, что этого не произойдет, но кто знает. Во всяком случае, я никогда не был так взволнован, как сейчас. Признаюсь, у меня голова идет кругом»<sup>21</sup>. А когда настал день отъезда, Рейгана провожал чуть ли не весь Де-Мойн. Радиостанция приобрела большой чемодан и подарила его Рональду на торжественных проводах, транслировавшихся в эфир.

«Шла гражданская война в Испании, японцы вновь воевали в Китае, Гитлер разорвал Версальский договор, а я был в мире со всеми... Я ехал на Запад, сидя за рулем гордости всей моей жизни — моего первого автомобиля с откидывающимся верхом», — писал он позднее в автобиографии<sup>22</sup>. Завершался начальный, богатый событиями, но наименее впечатляющий этап его жизненного пути, на протяжении которого шел процесс формирования личности и характера Рейгана, вырабатывалась его позиция по многим жизненно важным для него вопросам. Основной вывод, сделанный им из пути, пройденного его родителями, и из всего того, что довелось увидеть и пережить ему самому, сводился к убеждению, что преуспеть в жизни он сможет лишь в том случае, если свяжет свое буду-

шее с теми, кто располагает реальными возможностями и властью для оказания ему необходимой помощи.

На самом пороге нового этапа в своей жизни Рейган принял еще одно решение, которое, вполне возможно, сыграло впоследствии немаловажную роль в его дальнейшей судьбе. Уже в первые годы существования «великого немого» в Голливуде зародилась традиция, следуя которой сотни крупных кинозвезд и мелких «звездочек» отказывались от своих неблагозвучных имен и фамилий, заменяя их броскими, радующими зрение и слух псевдонимами и оставаясь навечно в истории американского и мирового кино как Мэри Пикфорд и Дуглас Фэрбенкс (а не Глэдис Смит и Дуглас Ульман), как Грета Гарбо и Фрэд Астэр (а не Грета Густафссон и Фредерик Аустерлиц), как Дорис Дэй и Роберт Тэйлор (а не, страшно сказать, Дорис фон Каппельхоф и Спэнглер Арлингтон Брюг), как Мэрилин Монро и Кэри Грант (а не Норма Джин Мортенсон и Арчибальд Лич). Когда Рейгану был задан вопрос в студии «Уорнер бразерс», под каким именем и фамилией он хотел бы сниматься в Голливуде, он назвал свои настоящие. «Рональд Рейган, Рональд Рейган,— повторил за ним несколько раз один из руководителей студии, как бы пробуя на язык и на слух это сочетание звуков.— Ну что же, мне нравится». 26-летнему Рональду Рейгану были оставлены полученные им от рождения имя и фамилия.

Конечно, возможно, что этому факту никто не придавал бы значения, но никто не может исключить и того, что американским избирателям в 1980 г. могло не понравиться, что на пост президента США претендует человек, по собственной воле отказавшийся от полученных им при рождении имени и фамилии и тем самым как бы порвавший со всем тем, что его связывало с реальностью. Нет никакого сомнения в том, что в этом случае потеряла бы всякий смысл попытка проследить генеалогические связи Рейганов с Брайаном Бору. А как бы отнеслись люди к тому, что при подписании документов государственной важности президент США пользовался бы артистическим псевдонимом? Все эти «как бы» и «если бы», однако, потеряли свое значение в тот момент, когда Рейган принял решение сохранить имя и фамилию, с которыми он вошел в жизнь.

## Непризнанное призвание

Американские президенты всегда были объектом самого пристального внимания со стороны всевозможных аналитиков, особенно начиная со второй половины текущего столетия, но внимание к ним проявлялось, как правило, ближе к завершению их пребывания в Белом доме или уже после того, как они его покидали. Это обстоятельство было объяснимым — для анализа личности необходимо располагать большим объемом информации, касающейся предпочтительно всех этапов жизненного пути этой личности, а абсолютное большинство политических деятелей, избравшихся президентами, даже к моменту въезда в Белый дом во многом оставалось загадкой для страны, несмотря на обилие (особенно в последние десятилетия) кажущейся исчерпывающей информации о них. Большим подспорьем для аналитиков президентской личности мог бы оказаться автобиографический труд нового главы государства, но публикация таких трудов политическими деятелями, только еще заступающими на пост президента страны, вошла в практику лишь с недавних пор, а прежде они были исключением, подобно никсоновским «Шести кризисам» или картеровской автобиографии «Почему не самый лучший?». Автобиографии или мемуары Т. Рузвельта, К. Кулиджа, Г. Трумэна, Д. Эйзенхауэра, Л. Джонсона, Дж. Форда увидели свет только после того, как их авторы покинули Белый дом.

Автобиография Рейгана появилась на свет в 1965 г. в связи с его вступлением в борьбу за пост губернатора штата Калифорния, так что ко дню въезда его в Белый дом все, кто интересовался личностью нового президента страны, имели возможность ознакомиться с ней и вынести о нем определенное суждение на базе того, что он сам (или предположительно сам) написал о себе. Особенности личности обуславливает, как известно, не только ее генофонд, но и условия и среда ее формирования, начиная с детских лет и вплоть до, а нередко и включая период зрелости. Характер и взгляды человека можно считать в основном сформировавшимися к концу четвертого десятка лет его жизни, но лишь в основном, поскольку и в более зрелом возрасте он может обретать качества либо вовсе отсутствовавшие в его характере, либо, гораздо чаще, до поры до времени дремавшие в нем и не находившие явного выражения в силу сложившихся условий и среды его обитания

и деятельности. Судя по тому, что писал о себе Рейган и что о нем писали другие, процесс формирования его личности охватил не только 40-е и 50-е годы текущего столетия, но даже и часть 60-х, т. е. когда ему было за 50. Особенно плодотворным с точки зрения приобретения новых взглядов и отношения к окружающему миру явился для Рейгана так называемый голливудский период его биографии, в отличие от предшествовавшего не столько насыщенный событиями, сколько оказавший решающее влияние на то, каким этот человек предстал перед американцами в момент его выхода на политическую арену.

Первые годы жизни Рейгана в Голливуде были, однако, годами скорее эксплуатации заложенных в его генах качеств и приобретенного им ранее опыта, чем формирования новых качеств и приобретения нового опыта. И в этом плане вполне закономерным и логичным представляется тот факт, что самой первой из киноролей, сыгранных им на протяжении всей, без малого тридцатилетней кинокарьеры, была роль спортивного радиокомментатора. «Любовь в эфире» (так назывался этот фильм) была одной из тех, которых было большинство среди шестисот с лишним художественных лент; выпускавшихся тогда ежегодно голливудским конвейером на американский (в те годы преимущественно американский) кинорынок. Крайне примитивный сценарий этого фильма вряд ли мог привлечь внимание сколько-нибудь уважающего себя и свою профессию голливудского киноактера, но вполне годился для новичка, тем более что тот по своей неопытности даже не имел представления о существовании двух категорий голливудской кинопродукции — фильмов категории «А» и фильмов категории «Б». Первый фильм Рейгана, бесспорно, принадлежал к категории «Б», т. е. был изначально рассчитан на второй экран или, в лучшем случае, на демонстрацию первым экраном, но «в нагрузку», в паре с пользующимся зрительским успехом фильмом. Впрочем, и гораздо позднее, уже завоевав пусть и не лидирующее, но вполне приличное положение в киноиерархии «города грез», Рейган не отличался особой разборчивостью при определении своего отношения к предложениям сняться в том или ином фильме. В результате из 54 художественных фильмов, в которых он снялся на протяжении своей карьеры в кино, абсолютное большинство составили недорогостоящие, скороспелые и соответственно посредственные ленты, шедшие «вторым экраном».

В фильме «Любовь в эфире» герой Рональда Рейгана вел неравную борьбу с местными заправилами, вступившими в преступный сговор с рэкетирами, и терпел поражение за поражением. Но его решительность в сочетании с небезответной



любовью к героине фильма, которую играла Джун Трэвис, в конечном счете одерживала верх. Фильм был безнадежно слабым и безликим, о чем говорил хотя бы тот факт, что его в отличие от большинства кинофильмов 30—40-х годов, запозволивших телеэкраны в 50—70-е годы, так и не решились показать по телевидению США. Сам Рейган был в восторге, но, возможно, не от самого фильма, а от того, что реализовывалась его мечта стать частью того таинственного и блистательного мира, к которому его уже давно влекло. Состояние его пребывания «на седьмом небе» передавалось читателям писем, которые он посылал по договоренности в редакцию газеты «Де-Мойн реджистер» и которые в течение довольно продолжительного времени публиковались в воскресных изданиях этой газеты. В одном из писем Рейган назвал себя «Алисой мужского пола в стране чудес». Но в более поздних воспоминаниях о том времени он самокритично признавался: «Я стал полуавтоматом, «создающим» персонаж, выписанный кем-то другим, делая то, что кто-то мне приказывал делать на съемочной площадке»<sup>1</sup>.

Сыгранная в первом фильме роль оказалась решающей в творческой жизни Рейгана, определив на многие годы вперед его актерское амплуа «честного малого с располагающей к себе внешностью, но без особых интеллектуальных данных». Однако это амплуа не имело ничего общего с наиболее престижным амплуа «героя-любownika». В экранных любовных треугольниках Рейгану доставалась, как правило, роль «третьего лишнего», в бытовых коллизиях или ковбойских перестрелках — роль одной из первых жертв. В отличие от персонажей, роли которых доставались таким крупным голливудским киноактерам, как Роберт Тэйлор или Эррол Флинн (для героев их калибра бытовавший в те годы в голливудском кино «хэппи-энд» был нерушимым законом), многие кинематографические персонажи Рейгана редко дотягивали в своей экранной жизни до заключительного титра «конец». («О большем актеру и не приходится мечтать, — и здесь не терял оптимизма Рейган. — Ведь только умирая, живут в театре»<sup>2</sup>.) Его экранных возлюбленных уводили «настоящие» герои, или же героини покидали его второстепенных героев по своей собственной инициативе, так что персонажам Рейгана оставалось быть шаферами на свадебных церемониях счастливых пар. Рассказывали, что привыкший к роли «на подхвате», отводившейся Рейгану на протяжении нескольких десятилетий, владелец киностудии Джек Уорнер, прослышав в 1966 г., что Рейган собирается выдвинуть свою кандидатуру на пост губернатора Калифорнии, в комическом смятении воскликнул: «Нет, нет! Вы ошибаетесь! Это Джимми Стюарт баллотирова-

ется в губернаторы Калифорнии, Рональд же Рейган баллотируется на роль его ближайшего друга!» (Понятно, что Джеймс Стюарт, принадлежавший к тому же поколению голливудских актеров, что и Рейган, был более удачлив в роли «героя-любовника» в 30—40-х годах.)

Трудно представить себе, чтобы такой честолюбивый по натуре человек, как Рейган, мог быть удовлетворен подсобной ролью, которая отводилась ему в абсолютном большинстве снимавшихся студией «Уорнер бразерс» фильмов. Известны факты, когда он пытался добиться участия в съемках фильмов категории «А» или хотя бы главных ролей в фильмах категории «Б», и он добивался и того и другого, но реже, чем ему хотелось бы. Хорошо знавшие Рейгана люди утверждали в годы его успехов на политическом поприще, что не стоило большого труда заставить его потерять контроль над собой простым замечанием о постоянной невезучести его персонажей в любовных киноперипетиях. Американский журналист Л. Кэннон, избравший Рейгана объектом своего пристального внимания и неослабного изучения в 1966 г. и ставший с тех пор крупнейшим знатоком особенностей психологии и деталей биографии 40-го президента США, писал, что еще в 1968 г., в ходе одного из интервью с Рейганом, тот по своей инициативе упомянул о подобных «инсинуациях» досужих газетчиков и счел необходимым заметить, что, по всей видимости, они попросту не видели фильмов с его участием. Профессиональное самолюбие Рейгана взыграло даже незадолго до въезда в Белый дом, когда в интервью газете «Вашингтон пост» в ходе предвыборной кампании 1980 г., отмечая «злобные измышления» политических противников, он заявил: «Неправда, что мне не везло в фильмах с моими девушками. Девушки неизменно доставались мне»<sup>3</sup> — и для вящей убедительности стал перечислять фильмы со своим участием, где его персонажам везло в любви, а также имена киноактрис, чьи героини оставляли свой выбор на его героях. (Было замечено, что во всех разговорах на эту тему им особо подчеркивалось, что актриса Нэнси Дэвис, игравшая в паре с ним в его предпоследнем фильме «Морские дьяволы», стала его женой не только на экране, но и в жизни.) Вступив на политическую стезю в ипостаси оптимиста, верящего в свою звезду и свое везение, Рональд Рейган не мог позволить, чтобы кто-нибудь усомнился в обоснованности этой убежденности, даже если речь шла всего лишь о невезучести его киноперсонажей. Те, кто сделал или собирался делать ставку на него, должны были быть уверены в том, что его (а с ним и их) ждет успех, и только успех.

Если Рональд Рейган проявлял такую чувствительность к критике личной жизни его экранных персонажей, то можно

себе представить его реакцию на широко распространявшееся его политическими противниками мнение о нем как о весьма заурядном актере, потерпевшем фиаско в Голливуде и по этой причине решившем попытаться счастья на политическом поприще. Сам он признавался, что те, кто критикует его как актера, касаются «обнаженного нерва»<sup>4</sup>. Обращало на себя внимание, что он проявлял гораздо большую чувствительность к критическим высказываниям, касавшимся его кинокарьеры, чем к критике его политических взглядов, политической платформы и даже его способности быть губернатором штата или руководить страной. В 1980 г. в прессе ряда стран, в том числе и в советской прессе, Рональду Рейгану приписывалось заявление: «Если я мог играть королей в кино, то я смогу сыграть и президента в жизни». Но Рейган никогда не играл королей в кино и, следовательно, не мог делать таких заявлений. Не исключено, однако, что «обнаженность нерва» объяснялась тем, что в глубине души Рейган чувствовал, что актера крупного калибра из него действительно не получилось и что именно из-за своей неудовлетворенности и отсутствия сколько-нибудь обещающей перспективы он пошел в политику. Но признать это означало для него признать возможность своего неуспеха в чем-то, а это противоречило психологии мальчика-оптимиста, надеющегося откопать лошадку в груде навоза. Такое признание было выше его сил.

\* \* \*

В первые восемь месяцев работы на студии «Уорнер бразерс» Рейган снялся в восьми фильмах, причем все восемь принадлежали к категории «Б». Ампула, сложившееся в результате исполнения роли в первом фильме, довлекло над Рейганом в такой степени, что режиссеры видели в нем актера, способного играть роли лишь определенного плана. Судя по всему, Рейган имел в виду именно эти первые годы работы на студии, когда вспоминал: «Я всегда играл роль суперэнергичного газетчика, который раскрывал больше преступлений, чем детектор лжи. Расхожей для меня стала фраза, которую я выпаливал в телефонную трубку: «Дайте мне отдел местной хроники. Я заполучил материал, который разнесет ко всем чертям этот город»<sup>5</sup>. Через подобные роли в фильмах категории «Б» проходили на заре своей кинематографической карьеры практически все будущие «звезды». Со многими из них снимался в одних и тех же фильмах Рейган, но те по истечении какого-то времени становились кассовыми актерами категории «А», «звездами» первой величины, тогда как Рейган продолжал работать «на подхвате». В восьмом по счету филь-

ме с участием Рейгана его партнершей оказалась молодая киноактриса Джейн Уайман, ставшая через полтора года его первой женой.

В 1939 г. он снялся еще в восьми фильмах, причем с такими крупными именами в Голливуде, как Бетт Дэвис, Хэмфри Богарт. Он играл и главные роли и в эпизодах, играл полицейских и агентов секретной службы, ковбоев и страховых агентов, адвокатов и сезонников, кавалеристов и пехотинцев, летчиков и подводников, исторических личностей и своих современников, оставаясь неплохим ремесленником, но неспособным затронуть сколько-нибудь глубоких чувств зрительской аудитории. Исполнители главных ролей в фильмах, в которых он снимался, выдвигались на премию «Оскара» и получали эту высшую в США кинематографическую награду, но за всю свою продолжительную карьеру в Голливуде Рейган ни разу не удостоивался чести даже быть выдвинутым на эту премию. Его скованные, с застывшей улыбкой герои, произносившие банальные фразы, годились разве что на то, чтобы дать недалекому обывателю основание напыщенно произнести: «Вот именно такие молодые люди нужны нам, чтобы выбраться из кризиса» (независимо от характера кризиса — политического, экономического, военного или духовного) — или же вызвать сострадание у слезливых матрон. «Ему хорошо удавались лишь три вещи: выглядеть решительным, выражать сочувствие и поджимать губы,— комментировал актерские «таланты» Рейгана журнал «Нью рипаблик». — Он не умел целоваться и был способен загубить любую шутку. Талант его проявлялся лишь в одном — в способности выглядеть так, будто он верит в то, что говорит»<sup>6</sup>. «При взгляде искоса сужаются его глаза, с помощью грима делаются тонкими губы, но в основном он полагается на прием, которым он до того пользовался лишь в комических ролях,— на свою способность поднимать левую бровь независимо от правой»,— писал Г. Уиллс, говоря о той роли «злодея», которую Рейган играл уже под занавес своей голливудской карьеры<sup>7</sup>. С годами Рейган обрел еще одно качество, которое кинокритик газеты «Нью-Йорк таймс» Билл Кроузер назвал «способностью жизнерадостно смотреть на женщин»<sup>8</sup>. Вместе с тем нельзя было не обратить внимание и на то, что целый ряд пользовавшихся ранним успехом и многообещающих молодых «звезд», начинавших кинокарьеру одновременно с Рейганом, исчез с голливудского горизонта через относительно короткий срок, тогда как он оставался на виду и продолжал сниматься еще долгие годы.

«Фотографическая зрительная память Рейгана и готовность следовать режиссерским указаниям полностью отвечали конвейерному стилю производства кинофильмов, введенному

Джэком Уорнером. Подразделение «Уорнер бразерс», ведавшее производством кинофильмов категории «Б», неизменно приносило прибыль. Оно выпускало фильмы оперативно и квалифицированно, не особенно заботясь о художественных достоинствах. Актер, быстро запоминающий текст, такой, как Рейган, был подобен деньгам, хранящимся в банке. Еще одним достоинством Рейгана был легкий характер. На начальном этапе своей работы на студии он не выпрашивал главные роли в крупномасштабных фильмах после того, как добивался успеха в рядовых. Сочетание этих качеств способствовало сохранению положения во втором объединении студии «Уорнер бразерс», где было полно «звезд», обладавших рейгановскими достоинствами на экране, но гораздо более сложных в общении на съемочной площадке», — писал Л. Кэннон, комментируя причины относительного успеха Рейгана в Голливуде<sup>9</sup>.

Сам Рейган подходил к оценке своих артистических способностей по понятным причинам менее критически, считая, что добросовестно выполнял порученное ему дело. В зрительском или кассовом неуспехе лент с его участием были повинны, по его убеждению, киностудии (позднее Рейган снимался и на других киностудиях), предпочитавшие пустые и бессодержательные сценарии и экономившие деньги на рекламу. Газетчики, сопровождавшие Р. Рейгана в 1980 г. на борту самолета в ходе предвыборной кампании, вспоминали, с какой горячностью отстаивал Рейган тот статус, которого он достиг в Голливуде. «Я был несколько лучше, чем это пытаются сейчас представить. И вовсе я не был актером фильмов-вестернов категории «Б». Я добился статуса кинозвезды», — защищался он, подчеркивая, что достиг в те годы уровня «Эррола Флинна фильмов категории «Б»»<sup>10</sup>. Это же утверждение содержится и в его автобиографии, причем даже с уточнениями: «Я был так же храбр, как и Эррол, хотя и на более скромном содержании»<sup>11</sup>.

На основе личного опыта полуторагодичного пребывания в Голливуде (1930—1931 гг.) выдающийся советский режиссер Сергей Эйзенштейн писал: «В практике американских киностудий существует превосходный профессиональный термин «limitations» — «пределы», «ограничения». «Пределы» такого-то режиссера — рамки музыкальной комедии. «Ограничения» такой-то актрисы — роли великосветских барышень. За эти «пределы», за эти «ограничения» (в большинстве случаев вполне разумно) то или иное дарование и не высовывается»<sup>12</sup>. Нельзя утверждать, что Рейган не предпринимал попыток «высунуться» за определенные ему руководством студии и уровнем его собственных способностей «пределы», но

так уж получилось, что за первые три года (1937—1939) он снялся в 20 художественных фильмах, не оставивших сколько-нибудь заметного следа ни в американской, ни тем более в мировой кинематографии. Столь же творчески малопродуктивным следовало бы считать и 1940 год, если бы не одна деталь: в тот год Рейгану удалось сняться в фильме, который, возможно, столь же быстро стерся бы из памяти американцев, если бы не постоянное на всем протяжении его политической карьеры обращение Рейгана к истории создания этого фильма, к его образам и эпизодам из него. Этот фильм назывался «Кнут Рокни из Всеамериканской сборной».

С учетом того, что этому фильму, в частности, было суждено сыграть определенную роль в политической биографии Рональда Рейгана и что высказывание одного из его персонажей, так же как и ссылки на духовные ценности, заложенные в основу сценария этого фильма, часто встречались и встречаются в биографических трудах о Рейгане и в его собственных речах и выступлениях, более подробного рассказа о нем избежать будет трудно.

Однако, прежде чем приступить к рассказу об истории создания этого фильма, его содержании и роли, сыгранной им в жизни Рейгана, следовало бы совершить короткий экскурс в историю американского футбола периода начала текущего века, припомнив имя довольно известного в те годы тренера футбольной команды университета Нотр-Дам Кнута Рокни, натурализовавшегося в США норвежского эмигранта, чьими трудами и стараниями футбольная команда местного масштаба превратилась в сборную лучших игроков страны, а также имя одного из этих игроков — Джорджа Гиппа, ставшего благодаря прежде всего Кнуту Рокни легендарной, если не мифической личностью в американском футболе. Рейган, сам, как известно, заядлый футболист в юности, можно сказать, вырос на историях и анекдотах об известных футболистах страны. Одной из наиболее широко распространенных историй такого рода был рассказ о жизни и смерти Джорджа Гиппа по прозвищу «Гиппер», игрока команды Нотр-Дам, отличавшегося крайней несдержанностью и недисциплинированностью на футбольном поле и в быту. Он умер молодым от воспаления легких в 1920 г., и, видимо, его имя и по сей день пользовалось бы ограниченной известностью, притом лишь в спортивных кругах, если бы не статья, опубликованная Кнудом Рокни в журнале «Колльерс» в 1930 г. В этой статье Рокни рассказал, что в ходе своей последней встречи с ним, чувствуя приближение смерти, Джордж Гипп якобы обратился к тренеру своей команды с просьбой «выиграть одну игру за Гиппера». Спустя восемь лет, согласно воспоминаниям Рокни, его команда

проигрывала очень важный для себя матч, и тогда он вспомнил о просьбе Гиппа и в эмоциональном переложении предсмертной просьбы бывшего игрока команды призвал ее приложить все усилия, чтобы «выиграть игру за Гиппера». И игра была выиграна. Не исключено, что Кнут Рокни (очень неплохой психолог, каким и должен быть хороший спортивный тренер) придумал всю эту историю о предсмертной просьбе Гиппа и удачно использовал ее в нужный момент (иначе трудно объяснить, почему об этой просьбе он вспомнил лишь восемь лет спустя; к тому же близко знавшие реального Гиппа товарищи по команде никогда не слышали, чтобы он называл себя «Гиппером»), но, так или иначе, она стала частью американского спортивного фольклора.

История жизни и смерти Гиппа, рассказанная Рокни, потрясла юного Рейгана до такой степени, что, став уже спортивным радиокомментатором в Де-Мойне, он не раз включал ее в свои спортивные репортажи. Переехав в Голливуд и начав активно сниматься в фильмах, Рейган часто возвращался в своих мыслях к этой истории и даже задумал написать сценарий кинофильма, посвященного Гиппу. Зная теперь всю предысторию мифа о Гиппе и отношение Рейгана к этой реально существовавшей личности, можно себе представить реакцию молодого киноактера, прослышавшего о том, что студия «Уорнер бразерс» предполагает приступить к съемкам художественно-биографического фильма о Кнута Рокни и, следовательно, о его команде и с этой целью делает кинопробы претендентов на роль Дж. Гиппа.

Исполнителем заглавной роли в фильме руководство студии сразу же утвердило одного из ведущих актеров, Пэта О'Брайена, но из десяти актеров, пробовавшихся на роль Гиппа, ни один, как жаловался продюсер будущего фильма, не был похож на профессионального футболиста. Не произвел на него впечатления и отчаянно уговаривавший взять его на эту роль Рейган, пока не сообразил съездить домой и привезти свои юношеские фотографии в футбольной форме колледжа г. Юрика. Вид Рональда Рейгана в футбольных доспехах явно произвел впечатление.

Роль Гиппа была по сути дела эпизодической, так как этот персонаж появлялся на экране где-то ближе к середине и только в одной части полнометражного фильма. Специалисты в области истории американского футбола не находили ничего общего между настоящим Гиппом и его образом, созданным Рейганом, считая, что тот создал на экране полную противоположность реальной личности. Рейгановский Гипп был мягким, добропорядочным молодым человеком, примером, достойным подражания во всем для других игроков его команды, в общем

личностью, явно вызывающей симпатии. Видимо, по этой причине его безвременная кончина в начале второй половины фильма неизменно вызывала слезы у чувствительных зрителей. То был не единственный эмоционально насыщенный эпизод в фильме. Бурную реакцию зала вызывала и сцена, в которой Кнут Рокни в исполнении Пэта О'Брайена обращался к разувевшимся в возможности победы над сильным противником игрокам своей команды с отчаянным призывом «выиграть эту игру за Гиппера». Таким образом, не сам Гипп в исполнении Рейгана, а его образ присутствовал в фильме почти до конца, создавая впечатление основного персонажа этой ленты. Кинокритики были явно не в восторге от фильма, но игра Рейгана признавалась многими из них вполне удачной. Именно эта роль и вывела Рейгана в число наиболее перспективных молодых актеров Голливуда к началу 40-х годов. Ему тогда было 28 лет.

\*

В этой точке нашего рассказа имеет смысл предпринять попытку разобраться в том, как и под влиянием каких факторов искусство перевоплощения, освоенное Рейганом в годы пребывания в Голливуде, а также созданные им или кем-то еще экранные образы смогли стать столь эффективным подспорьем в арсенале целеустремленно использовавшихся Рейганом на всем протяжении его политической карьеры средств воздействия на взгляды и позиции сограждан.

Ни в одном из источников информации о голливудских годах жизни Рейгана не содержится и намек на то, что ему удалось получить хоть какое-то актерское образование. Но вместе с тем, судя по воспоминаниям знавших его в те годы людей, Рейгану нельзя было отказать в профессиональном знании основ актерского мастерства, позволявшем ему считаться «крепким ремесленником», надежным исполнителем режиссерского замысла и режиссерских указаний. Еще в 20-е годы, а если быть точнее, то после гастролей в США Московского Художественного театра в 1923—1924 гг., в американской актерской и режиссерской среде получила широкое распространение «система Станиславского», влияние которой в США, в том числе и в Голливуде, испытали на себе многие будущие крупные актеры и постановщики страны. Популярность школы Московского Художественного театра особенно возросла после того, как в США в мае 1924 г. была опубликована книга К. С. Станиславского «Моя жизнь в искусстве» на английском языке (в СССР она была издана на русском



языке несколько позднее). В 40-х годах в Голливуд переехал из Европы и оставался там до своей смерти выдающийся актер и педагог Московского Художественного театра Михаил Александрович Чехов, открывший в Голливуде школу актерского мастерства «Экторз лаборатори». Эту школу окончили, в частности, такие крупные «звезды» Голливуда, как Грегори Пек, Юл Бриннер, Ингрид Бергман, Мэрилин Монро и др. Ни сам Рейган, ни те, кто когда-либо писал о нем, не упоминают о каких-либо его контактах со школой М. А. Чехова, хотя трудно предположить, что, живя в эти годы в Голливуде и сталкиваясь в своей повседневной жизни и работе с людьми, совершенствовавшими свое актерское мастерство под руководством М. А. Чехова или под влиянием «системы Станиславского», и даже с бывшими актерами МХТ (такими, в частности, как известный советским кинозрителям старшего поколения по фильму «Сестра его дворецкого» Аким Тамиров или крестная второй жены Рейгана Нэнси Дэвис Алла Назимова), Рейган мог избежать влияния со стороны очень модных в те годы в американском актерском мире идей и принципов работы актера над собой и над ролью, выдвинутых школой Московского Художественного театра. Но если в годы активной творческой деятельности Рейгана в Голливуде сколько-нибудь выдающихся качеств актера за ним никто не признавал, то в более поздний период, связанный с его выходом на политическую арену, он стал заметно выделяться на фоне других политических деятелей своими раз и навсегда выработанными и заученными приемами сценической игры, ставшими по сути дела его второй (а кое-кто утверждает, что даже и первой) натурой. Как-никак, но ведь он действительно был лучшим актером из американских президентов и лучшим (и пока единственным) президентом из числа актеров.

Еще на заре политической карьеры Рональда Рейгана, в те годы, когда он еще только пытался пробиться на политическую арену в штате Калифорния, было замечено, что он обладает свойством «составлять свои политические речи в форме живой беседы с использованием анекдотов и примеров высококонрастного поведения для того, чтобы сплотить соотечественников и разжечь в них патриотические чувства, игнорируя при этом такие незначительные детали, как источник или точность его историй»<sup>13</sup>. Примеры «высококонрастного поведения» Рейган брал, как правило, не столько из жизни, сколько из более близкого его естеству и его личному жизненному опыту кинематографического фольклора, т. е. из фикции, созданной неумейной фантазией голливудских сценаристов и режиссеров.

Особенно «повезло» в этом плане образам Кнута Рокни и Джорджа Гиппа, которые эксплуатировались Рейганом как

в его допрезидентской политической карьере, так и после того, как он въехал в Белый дом. Одним из примеров такой эксплуатации образов фильма «Кнут Рокни из Всеамериканской сборной», приводимым практически во всех биографических трудах о Рейгане, является его выступление в качестве президента США в мае 1981 г. на выпускной церемонии в университете Нотр-Дам, связанном в прошлом с тренерской деятельностью реального Рокни и спортивными успехами реального Гиппа. Привлекая себе в помощь непререкаемый авторитет киноперсонажей, созданных усилиями голливудских творцов мифов, Рейган призвал в лице выпускников университета всю американскую молодежь быть готовой к будущим сражениям и будущим возможным жертвам во имя великих целей, подчеркнув при этом, что эти сражения вовсе не обязательно будут происходить на игровом поле стадионов. Фикция, созданная воображением голливудских сценаристов, легла в основу идейного посыла, с которым Р. Рейган обратился к выпускникам университета, олицетворявшим, как заявил он, всю американскую молодежь. Один из биографов Р. Рейгана позднее писал об этой речи: ««Идите вперед и покажите им, на что вы способны», — как бы говорил Рейган. Он призывал свою молодежную аудиторию «выиграть одну игру за Гиппера», говоря от имени Гиппера, символизировавшего прошлое величие и вдохновляющего на новые свершения, а также от имени более материального Гиппера — самого Рональда Рейгана, человека, убежденного в том, что будущее должно вобрать в себя признанные достижения прошлого... Если американцы последуют его совету, они смогут собраться с силами, справиться с внутренним расколом, которым характеризовались предшествовавшие приходу Рейгана к власти годы, и победить команду противника — советских марксистов»<sup>14</sup>.

Биографы 40-го президента США постоянно обращают внимание на то, что слова и поступки Рейгана на всем протяжении его политической карьеры часто полностью или в каких-то отдельных деталях ассоциировались с высказываниями и действиями его экранных персонажей, причем случалось и так, что эпизоды или ситуации из кинофильмов выдавались им за якобы имевшие место в действительности. При этом вовсе было не обязательным, чтобы сам Рейган, как актер, был в прошлом участником подобных эпизодов или ситуаций. Ему было вполне достаточно самому увидеть этот фильм или, на худой конец, хотя бы услышать о каком-то впечатляющем эпизоде из него, как в его сознании это переплеталось с действительностью в такой степени, что становилось для него такой же реальностью, как и то, что действительно происходило на его глазах. Известно немало случаев, когда в текст

политических речей и заявлений губернатора Калифорнии, а позднее президента США оказывались вставленными без каких-либо изменений фразы из кинофильмов, причем не обязательно из тех, в которых он играл. «Я плачу за этот микрофон», — заявил Рейган своим политическим конкурентам в ходе дебатов 1980 г., взяв эту фразу из старого фильма «Положение страны». «Где же мы находим таких людей?» — воскликнул он на церемонии, посвященной памяти американцев, погибших при высадке американских войск в Нормандии в 1944 г. Эта фраза, как выяснилось, была заимствована из фильма «Мосты у Токо-ри». Ни в том, ни в другом фильме Рейган не снимался.

Одним из получивших широкое хождение в американской прессе и биографической литературе о Рейгане примеров смешения в его сознании реального и фантазии была история с частым повторением им эпизода из одного из голливудских фильмов периода второй мировой войны. Рейган рассказывал о подвиге пилота американского бомбардировщика Б-17, подбитого зенитной артиллерией противника после выполнения им боевого задания. События, согласно Рейгану, развивались следующим образом: приказав экипажу выброситься с парашютами из горящего самолета, первый пилот готовится к прыжку и сам, но видит, что один из членов экипажа — молодой башенный стрелок тяжело ранен и не может покинуть гибнущий самолет. Прижав голову рыдающего стрелка к своей груди, пилот успокаивает его, приговаривая: «Крепись, мой мальчик, мы вместе с тобой долетим до земли». История эта рассказывалась Рейганом, как правило, с нотками надрыва в голосе, особенно при цитировании последних слов пилота. Один из корреспондентов, услышавший эту историю из уст Рейгана впервые в ходе предвыборной кампании 1980 г., пересказал ее в чикагской газете «Сан-таймс», дав повод другому журналисту ехидно поинтересоваться, каким образом стали известны последние слова пилота, если и он, и башенный стрелок погибли. Показательно не столько то, что Рейган рассказывал эту известную по старому фильму историю, выдавая ее за действительно имевший место факт, сколько то, что, несмотря на появившиеся в печати разоблачения ее явной надуманности, он продолжал рассказывать эту трогательную легенду, не меняя в ней ни единого слова и с тем же надрывом в голосе. (У К. С. Станиславского: «Как известно, текст роли скоро забалтывается от частого повторения. Что же касается зрительных образов, то они, напротив, сильнее укрепляются и расширяются от многократного повторения».)<sup>15</sup>

«Политические деятели имеют в своем распоряжении широкий набор риторических приемов, в той или иной степени

ассоциирующих их с тем, что масса избирателей может считать «душой» Америки,— пишет П. Эриксон.— Один из таких методов сводится попросту к тому, чтобы взывать к святым именам прошлого, настаивать на прямом идеологическом и духовном происхождении от «отцов-основателей» и их многочисленных последователей — будь то Вашингтон, Джефферсон, Линкольн, Франклин Рузвельт или все чаще упоминаемый сегодня Джон Ф. Кеннеди. Рейган так и делает, но гораздо более интересны и эффективны те более утонченные приемы, с помощью которых он создает дух Америки... Рейган извлекает свои наиболее действенные риторические символы из кажущихся менее возвышенными источников нашей повседневной жизни, из таких разнообразных форм нашего современного фольклора, как кино, телевидение и тому подобное»<sup>16</sup>.

Когда-то, вспоминая о сценических способностях Рейгана, один из его школьных преподавателей, занимавшихся с учениками постановкой любительских спектаклей, говорил: «Рейган был хорош. Он никогда не забывал своего текста или того, что ему нужно было делать на сцене. Когда он выходил на сцену, он превращался в играемый им персонаж»<sup>17</sup>. Эти же качества Рейгана, как известно, вызывали одобрение и у голливудских режиссеров, которым доводилось с ним работать. Но интересно, что эти же качества оказались необходимыми и для политических деятелей радиотелевизионного века. Мировая политическая история содержит достаточно свидетельств того, что широкие массы сплошь и рядом предпочитали политических деятелей, обладающих артистическими, ораторскими способностями и располагающей к себе внешностью, отказывая в такой поддержке (правда, следует признать, при прочих равных условиях) тем, кто этими качествами не обладал. «Знаете ли вы таких актеров, которым стоит только появиться на сцене, и зрители их уже любят?— писал К. С. Станиславский.— За что? За красоту? Но очень часто ее нет. За голос? И он нередко отсутствует. За талант? Он не всегда заслуживает восхищения. За что же? За то неуловимое свойство, которое мы называем обаянием. Это необъяснимая привлекательность всего существа актера, у которого даже недостатки превращаются в достоинства, которые копируются его поклонниками и подражателями. Таким актерам позволено все, даже плохая игра»<sup>18</sup>. Но в том-то и дело, что в Рейгане имелось счастливое и редкое сочетание тех качеств, о которых писал К. С. Станиславский,— привлекательная внешность, красивый голос и хотя и не талант, но все же определенный уровень профессионального мастерства актера, отвечавшие основным требованиям, предъявлявшимся политическим деятелям США начиная с 60-х годов текущего столетия. При всей не-

скрываемой иронии весьма серьезного американского журналиста Ричарда Страута, бывшего на протяжении десятилетий автором еженедельных колонок в журнале «Нью рипаблик», в его риторическом вопросе, заданном за год с лишним до въезда Рейгана в Белый дом, содержалось немало вполне обоснованных и серьезных доводов в пользу избрания актера на высший государственный пост в стране: «А почему бы актеру не баллотироваться в президенты? Сам процесс выборов театрален: это спектакль, нуждающийся в зрителях. Почему бы не узаконить этот спектакль, выдвинув в президенты настоящего актера — человека, заучившего наизусть свои реплики, помнящего свою роль, вовремя выходящего на сцену? Рональд Рейган излучает искренность»<sup>19</sup>.

И наконец, еще одно качество Рейгана, приобретенное им в Голливуде, развитое в последующие годы деятельности на поприще торговой рекламы и оказавшееся столь полезным в его политической карьере, — это мастерство, с которым он «надевал на себя образ» и вживался в него. Наверное, действительно следует считать незаурядным явлением политического деятеля, искусно создающего впечатление, что он верит каждому произносимому им слову, причем настолько искусно, что даже выдавшие виды журналисты и непредубежденные исследователи сходятся в убеждении в его полной искренности. Подключаемая нередко к публичным выступлениям повышенная эмоциональность заявлений и высказываний способствует еще большей вере в его искренность. Взаимоотношения Рейгана и его аудитории, будь то небольшой зал или значительная часть американцев, характеризует лаконичная фраза, высказанная в 1984 г. одним из «стратегов» рейгановской избирательной кампании: «Он верит этому. Вот почему и они верят этому»<sup>20</sup>.

Однако пора возвращаться в Голливуд и в 40-е годы.

\* \* \*

«Где же моя остальная часть?» — с ужасом восклицает молодой человек, придя в себя после хирургической операции и бросив взгляд на одеяло, плоско лежащее там, где должны были быть его ноги. Так Дрейк Макхью узнает, что остался калекой на всю жизнь. Этой трагедии предшествует целый ряд катастроф, обрушивающихся на некогда богатого бездельника и повесу: он сначала теряет все свое состояние по вине мошенника, ставшего директором банка, в котором Макхью хранил свои капиталы; будучи вынужденным зарабатывать себе на жизнь, он нанимается на работу в железнодорожное депо, где случайно попадает под

поезд, и в довершение ко всем несчастьям психически неуравновешенный хирург, отец девушки, с которой Макхью встречался вопреки воле отца, мстя за поруганную честь своей дочери, без какой-либо на то необходимости ампутирует молодому человеку обе ноги. Вновь обрести веру в себя и желание жить Дрейку помогает друг детства и любимая девушка (одна из тех немногих, которые отвечали рейгановским персонажам взаимностью). В финальной части фильма Дрейк Макхью находит «дело всей своей жизни», выступая инициатором социальных преобразований в той части городка Кингз-Роу, где он проживает, и превращения округа в образцовое, безопасное и отвечающее чаяниям проживающих в ней людей место жительства. Вот и весь незамысловатый сюжет фильма «Кингз-Роу», составившего гордость всей артистической карьеры Рейгана и принесшего ему новый семилетний контракт со студией.

Сам Рейган всегда считал роль Дрейка Макхью своей лучшей ролью, в которой, как он утверждал, ему удалось полностью вжиться в созданный им образ. Те, кто видел фильм после выхода в свет автобиографии Рейгана, не могли не обратить внимание на то, что в своих воспоминаниях Рейган рассказывал о развитии сюжета фильма, неизменно помещая себя в центр событий, т. е. глазами Дрейка Макхью, тогда как в фильме судьба Дрейка Макхью как бы разворачивалась на глазах у других персонажей. Так, Рейган в воспоминаниях писал, как его персонаж, приходя в себя после операции, смотрит на одеяло, покрывающее нижнюю часть его тела, и в ужасе говорит своей девушке: «Где же моя остальная часть?» В действительности же в фильме события развиваются иначе: за дверями палаты, в которой лежит Дрейк Макхью, идет разговор между его девушкой и его приятелем, девушка интересуется состоянием только что прооперированного Дрейка, на что приятель отвечает, что тот, кажется, начинает приходить в себя. Девушка открывает дверь в палату и слышит трагический возглас: «Где же моя остальная часть?» Помимо всего прочего из воспоминаний Рейгана о работе над ролью Дрейка Макхью можно сделать вывод, что он отнюдь не выкладывался ни физически, ни психологически, создавая этот образ, т. е., если пользоваться терминологией К. С. Станиславского, «играл на ослабленных мышцах, без физического напряжения» (как он будет продолжать играть и любые другие роли, в том числе и политические).

Вместе с тем следует, видимо, признать, что роль Дрейка Макхью в фильме «Кингз-Роу» (он вышел на экраны в 1942 г.) действительно была лучшей ролью Рейгана, тем более что в такой оценке сходились большинство кинокритиков и многие

кинозрители, вспоминая в последствии в первую очередь именно эту роль. Что же касается самого фильма и его художественной ценности, то, несмотря на участие в нем таких крупных «звезд» Голливуда, как Энн Шеридан, которая играла роль любимой девушки Дрейка Макхью, как Чарлз Кобурн, Роберт Каммингс и другие, вряд ли кто-либо и когда-либо вспомнил бы о нем добрым словом, если бы не появление автобиографии Рейгана и не последующие два с лишним десятилетия его политического восхождения. А восемь лет президентства Рейгана превратили эту заурядную ленту в классику Голливуда.

Фильм «Кингз-Роу» снимался в 1941 г., уже второй год шла самая жестокая за всю историю человечества война, но до декабря того года она обходила стороной и Соединенные Штаты, и самого Рейгана. В тот год на экраны страны вышли три фильма с его участием (он снялся в ролях пианиста, пилота-каскадера и, в который раз, газетчика), и, казалось, в его жизни наступал такой период, который позволял надеяться если не на ошеломляющие творческие успехи, то уж во всяком случае на определенное признание в кинематографическом мире со всеми вытекающими отсюда материальными и иными благами. Еще в 1938 г., вскоре после выхода на экраны его первого фильма «Любовь в эфире», он перевез в Голливуд своих родителей (за ними через год в Голливуд переехал и Нил Рейган, которого младший брат попытался, правда без особого успеха, тоже «устроить в кино») и приобрел им дом (Джек прожил недолго — он скончался от очередного инфаркта в 1941 г., так и не застав «триумфа» своего младшего сына в роли Дрейка Макхью), а в самом начале 1940 г. женился. Впрочем, слово «женился» не совсем точно отражает обстоятельства этого важного события, на многие годы вперед определившего личную и профессиональную судьбу Рейгана. Правильнее было бы говорить, что 26 января 1940 г. его женили.

С Джейн Уайман (в миру Сара Джейн Фулкс) Рейган познакомился за год до того, как их свели в одном фильме продюсеры киноленты «Братец Крыса». 24-летняя Джейн Уайман была к тому времени свободной женщиной (успев развестись со своим первым мужем), и начавшийся роман с казавшимся закоренелым холостяком Рейганом не мог не попасть на страницы отделов светской хроники сплетен и слухов местных голливудских газет. Рейган был завидной партией — по возможности избегавший ношения очков в повседневной жизни, высокий, атлетически сложенный (голливудская фототека хранит до сего дня фотографии, запечатлевшие Рейгана позирующим перед студентами художе-

ственного факультета университета Южной Калифорнии, где его, как молодого человека с «почти безупречной мужской фигурой», прозвали «Адонисом XX в.» и обладающий привлекательной внешностью, он пользовался успехом у женщин (особенно молодых). Не удивительно, что инициатива романа, как судачили местные газетные кумушки (и прежде всего влиятельная голливудская журналистка, шантажистка и сваха, автор местных слухов и пересудов Луэлла Парсонс, которая была родом из Диксона и по этой причине особо благоволила к Рейгану), принадлежала полностью Джейн Уайман. «То была любовь с первого взгляда», — говорила Уайман позднее, не уточняя, правда, с чьей стороны. Для полной гарантии успеха задуманного матримониального союза с Рейганом Джейн предприняла особые усилия, чтобы завоевать доверие и расположить к себе Нелли Рейган. Она даже стала ходить с Нелли на службы в местную церковь Христа, а позднее даже вела класс Библии в школе на общественных началах.

Голливудский киномир никогда не мог похвастать высокими моральными устоями лиц, его населяющих и в нем подвизающихся. Уж чего-чего, а слухов, преимущественно небезосновательных, о любовных похождениях режиссеров и актеров было всегда предостаточно. Моральные устои и нравы Голливуда 30-х годов как в реальной жизни, так и на экране были далеки от стандартов, на соблюдении которых настаивали религиозные круги США, и в первую очередь католическая церковь страны. Следуя, по-видимому, указаниям из Ватикана, американские католические епископы создали в 1933 г. Легион приличия для координации бойкота фильмов, которые католическая церковь относила к числу «непристойных». Уже в 1934 г. письменное требование соблюдения приличия в фильмах, подготовленное и распространенное католиками, поддержали 11 млн американцев, придерживавшихся самых различных религиозных убеждений. В период, предшествовавший переезду Рейгана в Голливуд, бойкот неприличных, с точки зрения верующих, фильмов привел к заметному падению посещаемости кинотеатров и соответственно к значительному снижению прибылей кинопромышленников. И тогда, как пишет исследователь Голливуда Р. Склар, «киномагнаты отказались от своей позиции неприятия (цензурных ограничений. — Э. И.), поскольку неожиданно обнаружили более многообещающие возможности повышения своих прибылей и престижа в поддержке традиционной американской культуры, превратившись в ее хранителей... Они чувствовали, что можно заработать еще больше денег, производя фильмы, которые отвечали идеалам, запросам и настроениям кинозрителей.



Подобно политическим деятелям, они поняли, как сильно стремление аудитории к избавлению от нервного напряжения, чувства страха и неуверенности. Им не составило труда отказаться в своих собственных интересах от спорных и противоречивых сюжетов и вдохнуть новую энергию в старомодные темы... Голливуд направил всю свою огромную мощь убеждения на сохранение основных моральных, социальных и экономических постулатов традиционной американской культуры»<sup>21</sup>.

Пункт о соблюдении актером требований морального кодекса Голливуда стал обязательным во всех заключаемых студиями контрактах. Пресс-агенты ведущих «звезд» Голливуда предпринимали отчаянные усилия, чтобы скрыть от зрительской общественности факты недостойного и предосудительного поведения своих подопечных в быту. Из сценариев безжалостно вымарывались не только излишне откровенные любовные сцены, но и намеки на то, что именовалось отныне совершенно непотребным словом «секс». (Не был обойден цензурной правкой и фильм «Кингз-Роу», в литературной основе которого хирург-садист был не психически неуравновешенным человеком, а аморальной личностью, замеченной в кровосмешении, а сам Дрейк Макхью явно демонстрировал гомосексуалистские склонности. «Вряд ли Рональд Рейган так гордился своим исполнением роли Дрейка Макхью, если бы в ней содержался, с его точки зрения, хотя бы малейший намек на гомосексуализм», — заметил Г. Уиллс<sup>22</sup>. В Голливуде долго помнили о семилетнем контракте, подписанном известным кинорежиссером Сесилем де Миллем с актрисой, исполнявшей роль девы Марии в его фильме «Царь царей» (1927 г.). По этому контракту актриса обязывалась воздерживаться на протяжении всего срока действия контракта от исполнения ролей, противоречащих с моральной и этической точек зрения образу Богородицы.)

В казавшемся (с подачи местной прессы, обычно склонной к скандальности) таким искренним и цельным романе двух молодых, обаятельных и перспективных актеров владелец студии «Уорнер бразерс» Джек Уорнер усмотрел реальный и, более того, уникальный шанс продемонстрировать кинозрителям Америки высокие моральные устои, царящие на ее съемочных площадках. Рональд Рейган и Джейн Уайман были представлены американцам как «идеальная пара», причем особо подчеркивалось, что Рейган никогда ранее не был женат, и лишь скороговоркой и вскользь упоминалось, что Джейн Уайман была уже раз замужем, с акцентом на том, что она была замужем короткое время. Без особой натяжки можно утверждать, что Рейган узнал о своей помолвке из прессы.

Авторы, описывающие жизнь молодой пары в первые годы существования кинематографической семьи Рейганов, сравнивают ее с жизнью «золотых рыбок в аквариуме» под всеобщим и пристальным наблюдением любопытствующей публики. Нельзя сказать, что такая жизнь вовсе не нравилась Рональду и Джейн Рейган: судя по их частым интервью, в которых они описывали в мельчайших подробностях свою семейную жизнь, радости и заботы, связанные с рождением дочери, столь повышенное внимание к ним со стороны представителей прессы явно им импонировало и даже приветствовалось как необходимый компонент и даже условие их популярности и успеха у кинозрителей. Трудно говорить за Джейн Уайман, объем информации о которой крайне ограничен, но Рейган воспринимал свою семейную жизнь как новый фильм, создаваемый на глазах у всей Америки, а роль мужа Джейн — как логическое продолжение любовной истории, лежавшей в основе того первого (и оставшегося единственным) фильма, в котором они вместе снялись в 1939 г. Впрочем, также будучи профессиональной актрисой, Джейн Уайман не могла не вносить свой личный и весомый вклад в искусственность «безоблачного счастья» семьи. В общем сплошная идиллия с незначительными вполне понятными, естественными и без особых сложностей переживаемыми проблемами, такими не похожими на те, которые возникали перед многочисленными, не рассчитывающими на общественный интерес семейными парами. Уже задним числом, после происшедшего в 1949 г. разрыва, занявшие сторону Рейгана газетные сплетники и сплетницы (и вновь в первую очередь Луэлла Парсонс) сокрушались по поводу того, что Джейн Уайман никогда не разделяла и не понимала спортивных увлечений мужа, ненавидела его общественную деятельность (все чаще оттеснявшую на второй план кино съемки) и вообще, будучи замужней женщиной, так и не смогла отказаться от соблазнов «ночной жизни». Но крах семейного союза этой блистательной голливудской пары наступил после девяти с лишним лет супружества, а до этого произошло множество событий. Основным из этих событий явился призыв Рейгана на военную службу. Цитируя голливудскую прессу, Рейган «ушел на войну», оставив молодую супругу «беречь семейный очаг».

\*

Для тех, кто успел забыть или не обратил на это должного внимания, следует напомнить о двух обстоятельствах, сыгравших решающую роль в мобилизации Рейгана на военную службу после вступления Соединенных Штатов во

вторую мировую войну в декабре 1941 г. Острая близорукость, которой с детства страдал Рейган, исключала возможность его призыва в действующую армию. Но война есть война, и Рональду Рейгану подыскивается с помощью связей в военных кругах область приложения его способностей. В апреле 1942 г. после прохождения месячной службы в Форт-Мэйсоне, расположенном в г. Сан-Франциско, он получает перевод в «Первое кинематографическое подразделение армейского военно-воздушного корпуса», расквартированное недалеко от студии «Уорнер бразерс» в Голливуде, что позволяло ему жить в Лос-Анджелесе и все годы войны ездить на военную службу на своей машине в Форт-Роуч, именованный так по имени старшего офицера этого подразделения Хэла Роуча (фамилия его переводится на русский язык как «таракан», и именно это обстоятельство, по всей видимости, сыграло решающую роль в том, что месторасположение подразделения получило расхожее название Форт-Роуч или «Тараканий форт»). Это название центра (иногда его именовали также «Форт-Психушка») и придуманное проходившими там военную службу киноактерами название для самих себя — «командос из Калвер-сити» свидетельствовали о явно несерьезном их отношении к тому, чем им приходилось заниматься (а вместе с Рейганом там проходили службу многие крупнейшие голливудские актеры, среди которых можно было бы назвать такие «звезды» первой величины, как Кларк Гэйбл, Джордж Монтгомери, Алан Лэдд, Вэн Хейфлин и др.).

В отличие от чуть ли не барабанного боя голливудских газет и журналов при проходах Рейгана «на войну» его возвращение в Лос-Анджелес, а тем более факт его проживания в нескольких милях от Голливуда был практически проигнорирован прессой. Более того, даже в начале 1943 г. голливудский журнал «Модерн скрин» писал: «Прошло уже девять месяцев с тех пор, как Рональд Рейган сказал «Будь здорова, Кнопка!» своей жене и ребенку и отправился в свой полк» и далее описывал чувство одиночества, испытываемое «солдаткой» Джейн Уайман в отсутствие мужа. У читателей складывалось полное впечатление, что Рейган находится на другом конце земного шара, тогда как он был все последующие три года рядом с домом. В тот день, когда на Хиросиму была сброшена американская атомная бомба, он ехал на студию Уолта Диснея, где ему предстояло озвучить мультипликационный фильм о войне<sup>23</sup>.

«Многие и по сей день придерживаются мнения, что персонал кинематографического подразделения состоял из неких уклонявшихся от призыва в армию и избегавших опасности лиц. Но в такие игры армия не играет, — пытался защититься в своих мемуарах Рейган много позднее. — Армия

требовала выполнения работы особого рода и подбирала людей, которые могли эту работу выполнить. Подавляющее большинство солдат и офицеров, служивших в нашем подразделении, было признано, подобно мне, ограниченно годными к военной службе или же непригодными к несению нормальной военной службы по причинам семейного характера, по возрасту или здоровью. И тем не менее некоторые лица усматривают в этом какие-то неблагоприятные мотивы»<sup>24</sup>. (Уж очень, видимо, «допекли» Рейгана подобными обвинениями его политические противники в ходе борьбы за губернаторский пост в Калифорнии. До выхода автобиографии в свет он вообще старался не распространяться на тему своей военной службы, ограничиваясь по возможности краткой информацией — служил-де адъютантом на одной из военно-воздушных баз США. О том, что она находилась в двух шагах от его голливудского дома, Рейган старался умалчивать.)

Даже вполне лояльно относящиеся к Рейгану исследователи его жизненного пути отмечают, что и в годы предельно реальной для подавляющего большинства населения мира войны он всего лишь «играл в войну», т. е. продолжал жить в мире фикций и притворства. (В 1982 г. американский политолог Николас фон Хоффман, не отличавшийся особыми симпатиями к Рейгану, сделал вывод: «Война для него вполне приемлемая возможность, поскольку он сражался в своей войне, делая учебные фильмы, в которых раненые истекали кровью из кетчупа, а мертвые оживали, как только раздавался крик режиссера: «Стоп!»»<sup>25</sup>.) По замечанию Г. Уиллса, «по своему темпераменту Рейган лучше всего подходил для целей военных вымыслов, вдохновляющих на подвиги»<sup>26</sup>, и это было действительно так, о чем свидетельствует, в частности, нередко приводимый биографами Рейгана пример. (Перед тем, как привести этот пример, необходимо дать краткую историческую справку: в США и в годы второй мировой войны продолжала существовать расовая сегрегация. Однако военно-пропагандистским службам, в том числе и «Первому кинематографическому подразделению», вменялось в обязанность представлять США как этнически и расово единую, интегрированную в неразрывное и гомогенное целое страну, для чего создателям пропагандистских фильмов настойчиво рекомендовалось включать черных солдат, а в отдельных случаях и черных офицеров в съемки массовых сцен.) В 1976 г. в ходе своей предвыборной кампании Рейган впервые рассказал историю, которая впоследствии часто фигурировала в его выступлениях, особенно перед молодежными и этнически и расово неоднородными аудиториями: «Когда на Пёрл-Харбор были сброшены первые бомбы, в вооруженных силах еще существовала

в крупных масштабах сегрегация. В ходе второй мировой войны это было исправлено. Положение было исправлено в значительной мере благодаря руководству таких генералов, как Макартур и Эйзенхауэр... Мне приходит на память одна история того времени, отражавшая происшедшую в армии перемену и касавшаяся одного черного матроса, чьи функции ограничивались лишь обязанностями по камбузу, в тот день, когда японцы сбросили бомбу (?) на Пёрл-Харбор. Он обхватил обеими руками ручной пулемет, что очень нелегко, и, стоя на самой кромке пирса, поливал огнем японские самолеты, которые пикировали и стреляли по нему, и тогда это (т. е. сегрегация.— Э. И.) кончилось». Журналисты, сопровождавшие Рейгана в предвыборных поездках, тщетно ссылались на исторические факты и документы, обращая его внимание на то, что сегрегация в вооруженных силах США была запрещена лишь в 1948 г., т. е. спустя 3 года после окончания войны, но Рейган лишь отрицательно качал головой и заявлял, что он им не верит. Позднее он говорил Л. Кэннону: «Я помню эту сцену. Она произвела на меня неизгладимое впечатление». «Откуда он помнит эту сцену?— справедливо вопрошал Г. Уиллс.— В Пёрл-Харборе его не было. Насколько мне известно, в природе не существует документальной киноплёнки с подобными кадрами, да и не могло существовать, так как ни одна плёнка не могла «рассказать», что функции того черного матроса ограничивались обязанностями по камбузу. Рейган вспоминает художественный фильм, который он когда-то видел, или же кинематографический образ, созданный в его воображении на основе эпизодов из такого фильма, как «ВВС» (1943 г.), где Джон Гарфилд, играющий роль башенного стрелка со сбитого американского самолета, стреляет из ручного пулемета и сбивает японский самолет... Рейгановские военные истории лично для него реальны; его военные истории были его войной частично по той причине, что он сам играл роль военнослужащего, «ушедшего на войну», оставаясь в действительности дома»<sup>27</sup>

Среди задач, поставленных военным командованием США перед 1300 мобилизованными и собранными в «Тараканьем форте» кинематографистами, на первом месте стояло создание учебно-агитационных документальных и рекламно-пропагандистских художественных и даже мультипликационных фильмов (в составе военного персонала центра были представители всех без исключения кинематографических профессий — от режиссеров и актеров до осветителей и монтажеров). Идея создания специального центра по производству таких фильмов была подсказана военным властям успехом двух мультипликационных агитфильмов — «Заслужи себе крылья» и «Выше

воинского долга», под влиянием которых (как было выявлено специальным анкетированием) в военно-воздушные силы США добровольно вступили полмиллиона молодых американцев. «Первое кинематографическое подразделение», без сомнения, сослужило весьма полезную службу ВВС США: помимо подготовки военных кинокорреспондентов, создания и озвучивания большого числа короткометражных учебных лент, демонстрировавшихся не только в военных, но и в гражданских аудиториях перед показом обычных художественных фильмов, его персонал принимал участие и в создании художественных лент, прославлявших героизм и готовность к самопожертвованию американских летчиков, а также высокие летные качества самолетов американского производства (таких, в частности, как бомбардировщики «Летающая крепость»). Особую гордость «Первого кинематографического подразделения» составили два десятиминутных агитфильма, созданных в связи с резким падением производительности труда и широко распространившимся отлыниванием от работы на заводах фирмы «Боинг» в Сиэтле. В этих фильмах, демонстрировавшихся в обычных кинотеатрах, рассказывалось о боевых подвигах летчиков, совершаемых на самолетах фирмы «Боинг», и о том значительном вкладе в победу над врагом, который вносили эти самолеты. Проблем на заводах фирмы, как утверждают, больше не возникало. К услугам этого специального подразделения военно-воздушное командование прибегало и в тех случаях, когда надо было пропагандировать летные качества непопулярных у летчиков боевых машин. Рейган вспоминает в автобиографии об озвученном им учебном фильме «Цель — Токио», созданном в целях подготовки американских летчиков к бомбовым рейдам на японскую столицу. Макет районов Токио, подлежавших первоочередной бомбардировке в связи с нахождением в них крупных военно-промышленных объектов, был сделан с такой точностью и таким мастерством, что, по признанию летчиков, сбросивших позднее эти районы города, они сбрасывали настоящие бомбы на знакомые им до мельчайших деталей объекты.

За три с лишним года своей военной службы Рейган снялся не только в трех художественных фильмах, созданных в рамках задач, стоявших перед «Первым кинематографическим подразделением» (в одном из них — «За бога и отечество» он сыграл роль католического капеллана, в двух других — летчика, хотя в действительности всю жизнь очень боялся летать на самолетах), но и в музыкальном художественном фильме «Вот она, армия!», для участия в котором он был специально откомандирован своим военным начальством в распоряжение студии «Уорнер бразерс». В функции Рейгана в годы службы

в «Тараканьем форте» входило также представительство на всевозможных мероприятиях по распространению военных займов, сбору финансовых средств, проводам солдат на передовую и проч., в ходе которых он довел до совершенства мастерство рассказа историй на военную тему. Спустя десятилетия, уже будучи президентом США, Рейган будет упоминать о своем участии в съемках документальных фильмов о нацистских концентрационных лагерях на территории Европы, создавая впечатление у слушателей (в том числе и у государственных деятелей, в частности Израиля), что в годы войны ему довелось быть по долгу службы на территории освобожденной от фашистской оккупации Европы, где он видел собственными глазами все ужасы концентрационных лагерей. На самом деле, как известно, за все годы войны Рейган ни разу не выезжал за пределы штата Калифорния, и о его участии даже в роли диктора в создании фильмов о нацистских преступлениях в годы второй мировой войны не упоминает ни один документ и ни один свидетель тех лет. Действительно, как язвительно заметил Г. Уиллс, «будучи «на войне», Рейган участвовал в таком количестве войн и сражался на таком множестве фронтов, что, судя по всему, забыл, где же точно он был»<sup>28</sup>. Какими для него лично были годы второй мировой войны и насколько его впечатления от нее отличались от впечатлений непосредственных участников, пожалуй, красноречивее всего свидетельствуют слова самого Рейгана: «Независимо от того, кто является автором высказывания о том, что война — это продолжительный период скуки, перемежаемый секундами отчаянного страха, он прав, но несколько преувеличивает долю страха, так как чего-чего, но скуки у меня было более чем достаточно»<sup>29</sup>. К концу этого «продолжительного периода скуки» Рональд Рейган уже щеголял в мундире капитана американской армейской авиации и совсем немного не дотянул до присвоения ему очередного воинского звания — майора.

Но даже все вышеперечисленные функции Рейгана в «Тараканьем форте» не исчерпывали круга его обязанностей: на него были возложены также обязанности офицера по кадрам. Судя по его собственным воспоминаниям, он был весьма решительно настроен навести «порядок в летных частях», свидетельством чего явилось его предложение о значительном сокращении бездельничавших и лишних, по его мнению, вольнонаемных служащих «Первого кинематографического подразделения». Но ему помешали осуществить это намерение существовавшие в те годы правительственные предписания и инструкции, гарантировавшие занятость в условиях участия значительного контингента рабочей силы в военных действиях

за пределами страны. Именно в последние полтора года второй мировой войны, как он заявляет, в его «стойкой либеральной позиции» появилась первая трещина<sup>30</sup>. Как можно понять из его собственных слов, причиной той трещины в рейгановском «либерализме» явилось его возмущение по поводу растущего бюрократизма правительственного аппарата и его «неоправданного вмешательства» в вопросы, не входящие в компетенцию гражданских чиновников. (Американский политический словарь 60-х и более поздних годов квалифицировал «либерализм» как понятие, включающее в себя помимо множества других совершенно неприемлемых для консерваторов обеих ведущих политических партий США политических положений поддержку необходимости роста правительственного аппарата и его тщательного контроля за всеми сторонами жизни американского общества.)

Но вот наступил декабрь 1945 г., а с ним и долгожданная демобилизация. «Единственное, что мне хотелось — подобно нескольким миллионам других ветеранов, — это немного отдохнуть, заняться любовью с женой и, уже придя в себя, приступить к более благодарной работе в идеальном мире, — написал Рейган о первых послевоенных месяцах в своих воспоминаниях. (Но оказалось, что мне предстояло разочароваться во всех трех моих послевоенных ожиданиях.)» Надо сказать, что в этом заявлении он основательно грешит против истины, так как все годы своего «отсутствия» он жил в нескольких километрах от жены и ничто ему не мешало «заниматься любовью» с ней. Что же касается отдыха, то отдохнуть ему удалось, правда в течение более продолжительного времени, чем ему этого хотелось. Дело было в том, как признает он сам, что «большое число людей во всей Америке вовсе не ждало моего возвращения с замирающим дыханием в течение трех с половиной лет... У них появились новые герои»<sup>31</sup>. Едва успевший добиться относительной известности в стране, в первую очередь благодаря фильму «Кингз-Роу», Рейган оказался основательно забытым и продюсерами, и публикой.

К разочарованию от встречи, оказанной возвратившемуся «домой с войны» (слова Рейгана из его автобиографии) офицеру, добавилось возмущение, вызванное «неоправданными действиями правительства» в лице Налоговой службы США, потребовавшей от него погашения (причем по высшим нормам) его задолженности по полагававшимся с него налогам за предвоенные годы. У Рейгана возникло активное неудовлетворение тем, что он представляет собой, нескрываемая зависть к тем, кто во время войны не терялся и основательно нагрел на ней руки, и, наконец, стремление добиться чего-то более ощутимого, чем преходящая, как он убедился, слава киноактера.



В автобиографии этот период «самокопания» обрел задним числом все признаки мучительно сложного процесса выработки «собственной философии» и осознания своей мессианской роли в этом мире: «В моем мозгу выкристаллизовалось убеждение. Мне следует использовать имеющиеся в моем распоряжении средства: мои мысли, мои ораторские способности, мою репутацию как актера. Мне следует попытаться осуществить духовное возрождение мира, которое вопреки моим ожиданиям не произошло автоматически»<sup>32</sup>. Следует, видимо, напомнить читателю, что эти слова писались не в первые послевоенные месяцы и даже не в первые послевоенные годы, а много позднее, в середине 60-х годов, когда перед Рейганом встала задача не только объяснить избирателям штата Калифорния причины своего переключения на политическую деятельность, но и убедить их в величии своих замыслов, затрагивающих интересы и будущее не только жителей одного американского штата, а всего необъятного мира. Вот так, не больше и не меньше!

Не прибавили Рейгану уверенности в себе и успехи Джейн Уайман. Уже в 1945 г. о ней заговорили как о восходящей «звезде» Голливуда после исполнения ею роли писательской жены-алкоголички в фильме «Потерянный уик-энд», позволившей ей сменить амплу комедийной актрисы на более ценимое и уважаемое амплу серьезной драматической актрисы. Тяжелым испытанием для четы Рейганов оказались тяжелые роды Джейн и смерть преждевременно родившегося ребенка; оправившись после болезни, Джейн Уайман с головой ушла в работу, лишь урывками уделяя внимание мальчику, которого Рейганы решили усыновить за 2 года до гибели их собственного ребенка. В 1948 г. за роль глухонемой в фильме «Джонни Белинда» Джейн Уайман была удостоена премии «Оскар» — так и недостигнутой мечты ее мужа.

Может показаться странным, что Рейган, с которым несколькими годами ранее был заключен семилетний контракт, гарантировавший ему доход в размере одного миллиона долларов, оказался не у дел. Речь шла, однако, не о материальных лишениях (к этому времени его ежегодный доход был лишь ненамного ниже того, которым располагал тогдашний кумир Голливуда Эррол Флинн), а о творческом крахе. Выход из сложившегося положения Рейган видел в своем участии в кассовых фильмах, способных возродить интерес к нему со стороны кинозрителей старшего поколения и представить его молодым кинозрителям. Но ему явно не везло с ролями и сценариями. Начало конца его кинематографической карьеры было положено в 1947 г. фильмом «Эта девчонка Хэйген», в котором он снялся вместе с очень популярной до войны молодой

киноактрисой Шерли Темпл, начавшей сниматься еще в трех летнем возрасте в 1931 г. (т. е. задолго до Рейгана) и навсегда запечатлевшейся в памяти многих американцев очаровательной девчушкой с каштановыми локонами. Кинороман 36-летнего Рейгана с девятнадцатилетней героиней, роль которой играла повзрослевшая Ш. Темпл, вызвал единодушное возмущение кинозрителей. После кассового провала этого фильма продюсеры проявляли понятную сдержанность в приглашении Рейгана на ведущие роли; руководство же киностудии «Уорнер бразерс» терялось, пытаясь решить, что делать с актером, не нашедшим общего языка с молодым послевоенным поколением кинозрителей. Взаимоотношения между Рейганом и руководством студии стали заметно портиться. В 1949 г. он принял приглашение сниматься в английском фильме, для чего выехал на несколько месяцев в Англию, но и эта перемена обстановки не дала ему удовлетворения, тем более что английские валютные законы запретили ему вывезти из страны в полном размере заработанную им там сумму. «Так Рейган впервые столкнулся с тем, что он считал социализмом, и по сей день он утверждает, что этот случай явился одной из причин того, что он стал республиканцем», — писал Л. Кэннон<sup>33</sup>. Впрочем, не по сердцу Рейгану пришлось и британская погода, и британская пища. Все шло не так, как он надеялся и рассчитывал. «Рейган хотел сниматься в вестернах, но Джэк Уорнер планировал для него иное. Он играл ветеринаров и профессоров, ученых и учителей. Ни одной роли боксера или убийцы ему не предложили. Кому интересно смотреть такие фильмы? В 1949 г. в фильме «Ночь за ночью», поставленном по роману Филипа Уайли, он сыграл роль эпилептика, но выглядел на экране человеком, пораженным столбняком. Его рот без конца сводило, будто он питался исключительно лимонами. Создавалось впечатление, что в своих картинах он становится все более и более одиноким, удаляясь от тех мест, где делались хорошие фильмы», — писал нью-йоркский публицист П. Каплан в статье, озаглавленной «Низковольтный любовник»<sup>34</sup>. За одним неудачным фильмом следовал другой. Пора было серьезно подумать о перемене профессии и о новой карьере.

Ни в Давенпорте, ни в Де-Мойне, ни тем более раньше Рональд Рейган не сталкивался с профсоюзами и не имел абсолютно никакого представления о характере и задачах их деятельности. Когда актриса Хелен Бродерик уговорила его вступить в профсоюз и чуть ли не буквально за руку привела на собрание членов Гильдии киноактеров, всего лишь годом раньше (в 1937 г.) весьма неохотно признанной киномагнатами в качестве профессионального союза, он был поражен не важностью и масштабом стоявших перед этим профсоюзом проблем, а присутствием на собраниях многих знакомых и популярных в Голливуде лиц. В 1941 г. Рейган оказался уже членом правления профсоюза. Его самолюбию очень льстило, что ему довелось оказаться рядом с такими блистательными голливудскими «звездами», как Роберт Монгомери, Шарль Буайе, Джеймс Кэгни, Кэри Грант, также являвшимися членами правления. Высшей наградой для молодого актера было то, что люди, с которыми его свела судьба и которые в противном случае так никогда и не узнали бы о его существовании, приняли его, начинающего актера категории «Б», в свою элитарную среду. В этих условиях говорить о каком-нибудь влиянии Рейгана на деятельность гильдии в те первые годы его пребывания в профсоюзе не приходилось. Он просто присутствовал на заседаниях правления и внимал тому, что говорили его более опытные и влиятельные члены.

Прежде чем продолжить изложение событий, имеющих непосредственное отношение к Рейгану, было бы полезным посвятить несколько строк истории создания Гильдии киноактеров, поскольку без знания предыстории трудно понять роль, которую будет играть этот профсоюз в жизни Голливуда в последующие годы, и особенно ту роль, которую доведется сыграть его будущему президенту Рейгану в изобиловавшей сложными политическими событиями и социально наэлектризованной обстановке послевоенного периода.

Отношение голливудских кинопромышленников к перспективе образования профессионального союза работников кино не отличалось от отношения любых крупных предпринимателей к созданию профессиональных союзов наемными работниками в любой другой отрасли экономики, т. е. было однозначно настроенным, если не негативным. Отсутствие профсоюза, стоящего на защите прав наемного труда, развязывало руки

хозяевам студий, позволяя им беспрепятственно диктовать условия найма, определять размер материального вознаграждения за труд, продолжительность рабочего времени и времени, отводимого на отдых, и увольнять с работы тех, нужда в руках и способностях которых миновала. Еще в 1927 г. в Голливуде была образована Академия киноискусств и кинонаук (сокращенно именовавшаяся Академией киноискусств), о которой в наши дни говорят преимущественно в связи с ежегодно присуждаемыми ею премиями «Оскар», но в 1927 г. один из крупнейших голливудских киномагнатов, Луис Б. Мейер, основатель и совладелец киноконцерна «Метро-Голдвин-Мейер», создавал академию с единственной целью — воспрепятствовать созданию эффективных профессиональных союзов голливудскими наемными работниками самых различных профессий и категорий. Расхожим утверждением тех лет, распространенным киномагнатами с помощью находившихся у них в услужении пресс-агентов, было утверждение об общности интересов всех лиц, занятых в создании фильмов, и, следовательно, об их способности решать все затрагивающие их интересы вопросы без какого-либо вмешательства извне. В результате полностью подконтрольная киномагнатам Академия киноискусств обеспечивала удобное им решение практически всех вопросов, ставившихся наемными работниками отрасли, в число которых входили, естественно, и все киноактеры независимо от их статуса и материального положения (подчас очень даже высокого). Однако по мере роста популярности в стране нескольких десятков крупнейших «звезд» Голливуда возможность действительного влияния, а тем более давления на них со стороны кинопромышленников стала заметно падать. Одновременно происходившие в стране экономические и социальные процессы стали затрагивать интересы не только голливудских парий, которых было огромное множество, но и актерской элиты. Актеры Голливуда (на первых порах ведущие, а со временем и все остальные) стали выходить из-под контроля владельцев киностудий, все чаще претендуя на свою независимость и пытаясь даже диктовать свои условия нанимателям. Все чаще в ходе борьбы за свою независимость актеры использовали растущую конкуренцию между студиями, заинтересованными в привлечении к сотрудничеству наиболее популярных киноактеров; сколько же нибудь эффективному объединению и санкциям кинопромышленников против того или иного излишне строптивного актера или актрисы первой величины препятствовала поистине общенациональная их известность.

Стремление актеров к созданию своего собственного профессионального союза, способного защитить их от про-

извола кинопромышленников, особенно проявилось в годы экономического кризиса 1929—1933 гг., когда под предлогом общего ухудшения экономического положения страны кинопромышленники Голливуда предприняли попытку на некоторое время снизить вдвое денежное вознаграждение актерам (в нарушение контрактов), и это решение было поддержано послушной Академией киноискусств. Спустя четыре месяца после этого решения киномагнатов и руководства академии актеры образовали Гильдию киноактеров (июль 1933 г.), в которую на протяжении всего лишь нескольких месяцев перешли из академии тысячи киноактеров. На этом этапе становления гильдии ее поддержал существовавший с 1893 г. Межнациональный альянс работников театральной сцены и киномехаников, пригрозивший кинопромышленникам общенациональной забастовкой киномехаников в случае принятия ими мер к роспуску гильдии. Поддержку гильдии оказывали и самые крупные «звезды» Голливуда, всегда располагавшие самой страшной для владельцев киностудий угрозой — покинуть съемочные площадки в самый разгар дорогостоящих съемок. Результатом столь небывалой солидарности всех наемных работников кино явилось официальное признание Гильдии киноактеров в качестве профессионального союза в мае 1937 г. (т. е. еще до того, как Рейган появился в Голливуде).

Связанные с созданием гильдии события продемонстрировали голливудским кинопромышленникам серьезную опасность, которую могли представить объединенные одним стремлением и одной идеей работники наемного труда, даже при том, что многие члены гильдии, а именно актерская элита, ни по образу жизни, ни по уровню материального достатка не походили на лиц, подпадающих под эту категорию. В победе гильдии над кинопромышленниками было усмотрено многими как в самом Голливуде, так и за его пределами торжество социалистических идей, получивших весьма широкое распространение в США в годы экономического кризиса. Свидетельством встревоженности хозяев Голливуда перспективой активизации социальных действий в «стране грез» было, в частности, опубликованное как-то в еженедельнике «Вэрайети» платное объявление за подписью Уолта Диснея, в котором забастовка работников его студии приписывалась «коммунистической агитации, руководству и деятельности». После истерии «красного страха», охватившей Соединенные Штаты в 1919—1920 гг., и «раскрытия» вильсоновским министром юстиции А. М. Пальмером всевозможных «коммунистических заговоров по свержению правительства США» в любом проявлении единства и солидарности работников наемного труда

виделось прямое влияние опасных идей, экспортируемых из Советского Союза.

Можно было бы вспомнить в этой связи лишь об одном эпизоде, связанном с политической обстановкой в Калифорнии в те годы. В 1934 г. в ходе предвыборной борьбы за пост губернатора штата выявилась популярность кандидата демократической партии, известного американского писателя Эптона Синклера, выступившего с широковещательной программой своей деятельности в случае избрания. Программа эта была названа броско и решительно — «Положить конец бедности в штате Калифорния» и очень перепугала калифорнийских богачей, в частности, тем, что содержала пункт о значительном повышении налогов на их доходы. К группе богатейших людей штата принадлежали, естественно, и все без исключения владельцы крупнейших голливудских киностудий, решившие использовать все находившиеся в их распоряжении средства, дабы не допустить Эптона Синклера в губернаторский особняк. Киностудия «Метро-Голдвин-Мейер» в срочном порядке выпустила на экраны страны короткометражные сюжеты якобы документальной кинохроники, содержавшие «интервью с рядовыми избирателями штата». В одном из таких сюжетов интервьюируемая пожилая женщина заявляла, что будет голосовать за соперника Синклера из республиканской партии, так как хочет «спасти свой маленький домик»; некий бородач из другого сюжета, говоривший с легко распознаваемым «русским» акцентом, решительно заявлял, что будет голосовать за Синклера, поскольку-де предлагаемая тем программа действий «хорошо работает в России, и почему бы ей не сработать и у нас». Кинохроника, подготовленная студией «Метро-Голдвин-Мейер», предлагалась кинотеатрам по всей стране бесплатно. Сотрудникам этой же студии, получавшим более 100 долларов в неделю, было настойчиво «рекомендовано» внести сумму заработной платы за один рабочий день в казну кандидата республиканской партии, причем хозяева студий давали ясно понять, что лиц, несогласных с этой «рекомендацией», могут ожидать серьезные неприятности. Эптон Синклер потерпел поражение.

Об атмосфере, царившей в Голливуде в начале 30-х годов, убедительно свидетельствуют воспоминания Чарльза Чаплина о пребывании в 1930—1931 гг. в Голливуде выдающегося советского кинорежиссера Сергея Эйзенштейна, а также собственные воспоминания С. Эйзенштейна. «Эйзенштейн должен был снимать фильм для фирмы «Парамаунт», — писал Чаплин. — Он приехал, овеянный славой «Потемкина» и «Десяти дней, которые потрясли мир» (так в США был назван фильм С. Эйзенштейна «Октябрь». — Э. И.). «Парамаунт»

пригласил Эйзенштейна поставить фильм по его собственному сценарию. Эйзенштейн написал превосходный сценарий — «Золото Зуттера» на основе очень интересного документального материала о первых днях калифорнийской «золотой лихорадки». В сценарии не было никакой пропаганды, но то обстоятельство, что Эйзенштейн приехал из Советской России, вдруг напугало «Парамаунт», и фирма в конце концов отказалась от своей затеи»<sup>1</sup>. А вот что писал сам Эйзенштейн: «В Америке и в Европе неожиданностью удара прозвучало появление наших картин, где визуально во всей широте были поставлены социальные вопросы перед аудиториями, которые с экранов никогда об этом не слыхивали, никогда этого не видывали... И фильмы наши, иногда на много лет опережая официальные дипломатические признания нашей страны, победоносно вламывались в капиталистические страны вопреки цензурным запретам и своим искусством вербовали в друзья даже тех, кто не всегда сразу мог понять величие наших идеалов»<sup>2</sup>. Конечно, нельзя отрицать (даже делая весьма существенную скидку на характерный для тех лет восторженный оптимизм устных и письменных заявлений советских людей и несколько гиперболизированное представление о разрушительных для капиталистической системы возможностях социалистической идеологии), что у капиталистической Америки были известные основания страшиться растущего влияния идей социализма на американское общество. Но вместе с тем нельзя было не обратить внимание и на то, насколько велики были глаза у страха: уже в 30-х годах показателем влияния «красных» на общественную жизнь США считалась даже частота и настойчивость требований трудящихся страны о повышении заработной платы, а директор ФБР Эдгар Гувер вообще был убежден, что у истоков рузвельтовского «нового курса» стояли коммунисты.

\*

Все воспоминания Рейгана о том периоде его жизни прошли через «красильную мастерскую» его собственной политической карьеры и через «цех ретушировки» профессионалов политической рекламы, активно приложивших свою руку не только к «автобиографии» Рейгана, но и ко всему тому, что он говорил и писал о своей жизни в Голливуде в последующие годы. Поэтому не удивительно, что в результате всех этих подчисток что-то в его воспоминаниях звучит более правдоподобно, что-то менее правдоподобно, а кое-что и вовсе не соответствует действительности. Из той части воспоминаний, которая завершается концом второй мировой

войны и возвращением Рейгана в Голливуд (сколь ни натянуто звучит слово «возвращение»), перед читателями и слушателями 70—80-х годов предстает образ политически наивного (вполне вероятно, поскольку политическому опыту тогда еще неоткуда было взяться) молодого человека, убежденного сторонника рузвельтовских социально-экономических реформ и политического курса администрации демократов (тоже вполне естественно, поскольку все, кто не принадлежал к имущим слоям населения и кто в первую очередь пострадал от экономического кризиса 1929—1933 гг., связывали именно с этой администрацией и провозглашенным ею «новым курсом» все свои надежды на будущее), «почти безнадежного либерала с сердцем, истекающим кровью по любому поводу» (вот чего не было, того не было; наговаривает он на себя. Да и откуда было взяться либеральным взглядам вкупе с «истекающим кровью сердцем» у человека, выросшего и воспитанного в американской провинциальной глубинке, всегда отличавшейся консервативными, индивидуалистическими воззрениями. Такая самохарактеристика понадобилась Рейгану, по всей видимости, для того, чтобы иметь возможность подчеркнуть в 1965 г. радикальность происшедших в его взглядах перемен после того, как с его глаз спали-де либеральные шторы 30-х годов). Вместе с тем можно поверить, что, когда Рейган демобилизовался (в сентябре 1945 г.), он еще не был воинственным антикоммунистом, но не столько по причине своей политической наивности, как он пытался объяснить в автобиографии, сколько потому, что просто не успел им стать за те несколько лет, в течение которых он делал карьеру в кино до мобилизации, а в годы второй мировой войны потому, что антикоммунизм был тогда не популярен в США и американцы в подавляющем большинстве своем все еще видели в Советском Союзе союзника в борьбе с гитлеровским фашизмом.

Но вот война окончилась, фашизм был разгромлен, в политических кругах страны на глазах у всех происходил поворот на 180° по отношению к недавнему союзнику — Советскому Союзу, а в Голливуде, особенно в его творческой среде, все еще сохранялись симпатии к стране и ее народу, вынесшим на своих плечах основную тяжесть борьбы с нацизмом и его античеловеческой идеологией. То, что эти симпатии продолжали сохраняться в Голливуде на фоне официально культивируемого в США антисоветизма, объяснялось в немалой степени активностью в Южной Калифорнии влиятельной антифашистски настроенной многочисленной еврейской общины, видевшей в СССР в годы второй мировой войны силу, идейно и политически противостоящую фашизму. Пока сочувствие и открытые симпатии по отношению к советскому народу укладывались



в рамки официального отношения политического руководства США к соратнику по оружию, они не считались предвзятными или во всяком случае не встречали откровенной вражды. Более того, следуя линии Рузвельтовской администрации и отражая отношение широкой американской общественности к тяжелой борьбе, которую вел советский народ с фашистской чумой, голливудские студии, в том числе «Метро-Голдвин-Мейер» и «Уорнер бразерс», выпустили в свет несколько художественных фильмов, с явной симпатией (хотя и с неизбежной для иностранных фильмов о «русских» долей «клюквы») изображавших советских людей, — «Песнь о России», «Миссия в Москву», «Северная звезда» (все были завершены производством в 1943 г.). Спустя всего лишь несколько лет, уже после смерти президента Ф. Рузвельта, американские антисоветчики — «охотники за ведьмами» 40-х и 50-х годов будут обвинять покойного президента в том, что он «выкручивал руки» голливудским кинопромышленникам, вынуждая их снять эти «прокоммунистические фильмы». «Оглядываясь назад, — писал Л. Кэннон, подвергая сомнению обоснованность подобных обвинений, — следует признать, что то, что было снято так мало просоветских фильмов, является свидетельством антикоммунизма многих кинопродюсеров Голливуда. Военнослужащие, видевшие добротный сделанный армейской службой связи фильм «Битва за Россию», получили более солидную дозу прорусских настроений, чем кто-либо из гражданских кинозрителей»<sup>3</sup>.

Рейган «возвратился» в Голливуд в самый разгар междоусобной борьбы за влияние, развернувшейся с участием двух голливудских профсоюзов. Межнациональный альянс работников театральной сцены и киномехаников, к тому времени оказавшийся в руках явных гангстеров, тесно связанных финансовыми узами с руководством киностудий, не брезговал никакими средствами для нанесения сокрушительного удара по престижу своего конкурента — Конференции студийных профсоюзов, пользовавшейся в Голливуде репутацией «левого» профсоюза. Незадолго до этого ставший президентом Межнационального альянса Рой Брюер решил, что самым сильным ударом по сопернику будет обвинение Конференции студийных профсоюзов в том, что ее деятельностью «руководят коммунисты». Возмущенное необоснованными обвинениями руководство конференции объявило забастовку с участием всех своих членов; в качестве штрейкбрехеров выступили руководители и члены Межнационального альянса. Эти-то события и совпали с демобилизацией Рейгана и восстановлением его на посту члена правления Гильдии киноактеров. «Я считаю, что одной из величайших трагедий, явившихся

результатом этой забастовки, является то, что она разрушает нашу тесно взаимосвязанную семейную ячейку», — оперативно подхватил Рейган демагогический тезис предпринимателей<sup>4</sup>. Свое отношение к враждующим между собой профсоюзам Рейган определил без каких-либо сложностей, сразу же встав на сторону того из них, который был связан с владельцами киностудий.

В отличие от первых лет пребывания Рейгана в Гильдии киноактеров занятая им на этот раз позиция не могла не оказать влияние на тактику гильдии в этом столкновении двух профсоюзов: к этому времени он уже был одним из руководителей гильдии и в качестве такового оказался в самой гуще событий. Бросается в глаза быстрота, с какой Рейган адаптировался к голливудской реальности, несмотря на свою «оторванность» от нее на протяжении трех с лишним лет. Во всяком случае для него не составило большого труда незамедлительно вынести свое суждение о сложившейся ситуации: «План коммунистов в отношении Голливуда был необыкновенно прост. Он заключался попросту в том, чтобы завладеть кинопромышленным бизнесом. И не только с точки зрения приносимой им прибыли, как это пытались сделать хулиганы (осталось неясным, кого он имел в виду под «хулиганами». — Э. И.), но и с целью создания колоссальной всемирной пропагандистской базы. В те времена, предшествовавшие появлению телевидения и массового производства зарубежных фильмов, американские фильмы доминировали на 95 % мирового киноэкрана. Еженедельная посещаемость наших фильмов достигала почти полумиллиарда человек. Овладение этим огромным производством и постепенное его превращение в коммунистическую мукомольную мельницу было грандиозным. Оно могло стать удачей наших врагов. Использование Конференции студийных профсоюзов явилось поразительно откровенным первым шагом»<sup>5</sup>. Определив свое отношение к соперничавшим профсоюзам, Рейган определил и роль Гильдии киноактеров — она должна была стать непреодолимым препятствием на пути осуществления зловещих планов «международного коммунизма» по завладению Голливудом. Прежде всего следовало очистить и гильдию от нежелательных элементов — ведь «коммунисты проникли повсюду». В апреле 1947 г. Рейган и его жена Джейн Уайман, все годы его «отсутствия» остававшаяся членом правления гильдии, секретно передали Федеральному бюро расследований фамилии по крайней мере шести ее членов, состоявших, по их убеждению, в подозрительных связях с коммунистами. Это был всего лишь один из эпизодов продолжавшегося долгие годы тайного сотрудничества Рейгана с ФБР, в секретных архивах которого

он фигурировал как тайный агент Т-10.

Рейган был далеко не единственным голливудским деятелем, привлеченным к секретному сотрудничеству с ФБР. В киноколонии упорно ходили слухи о том, что казавшиеся безответственными сплетницами журналистки Луэлла Парсонс и Хэдда Хоппер с давних пор работали на ФБР, не только распространяя переданную сотрудниками этого ведомства информацию, но и собирая и докладывая им сведения о личной жизни членов киноколонии. Был агентом ФБР и старший брат Р. Рейгана Нил, не делавший из факта сотрудничества с этим ведомством секрета. По его признанию, он выполнял «небольшие поручения ФБР — «Вы знаете, типа: «Нил, мы бы хотели, чтобы ты залег в кустах и записывал номера автомашин, приехавших на это небольшое сборище в Бель-Эйр. Вложи список в коричневый пакет без обратного адреса. Но учти, если тебя застукают в кустах, даже не думай ссылаться на то, что делал это по поручению ФБР, так как мы, смотря им честно в глаза, будем говорить: «Мы никогда в жизни не видели этого малого»»<sup>6</sup>.

Почти 25 лет жизни Рейгана были связаны с Гильдией киноактеров сначала в качестве члена, а затем президента ее правления (он избирался президентом пять лет подряд, с 1947 по 1951 г., а в шестой раз был избран после продолжительного перерыва в 1959 г.) и по крайней мере 17 лет из них он состоял тайным агентом ФБР. Американский журналист Г. Уиллс, первым раскрывший детали тайного сотрудничества Рейгана с американской охранной службой, имел возможность ознакомиться с личным делом и донесениями агента Т-10. По словам Уиллса, в личном деле Рейгана, хранящемся в ФБР, содержатся одобрительные отзывы о его антикоммунистической деятельности на посту президента Гильдии киноактеров, и, хотя сам Рейган категорически отрицал, что участвовал в составлении «черных списков» и изгнании «подозреваемых в симпатиях к коммунистам» лиц с работы, в деле содержится донесение следующего содержания: «Т-10 сообщил специальному агенту (фамилия густо зачеркнута чернилами), что он стал членом комитета, возглавляемого Л. Б. Мейером, целью деятельности которого является, как известно, «изгнание» из кинопромышленности членов коммунистической партии»<sup>7</sup>. Т-10 был одним из восемнадцати тайных осведомителей ФБР, специализировавшихся на информировании руководства Бюро о деятельности «прокоммунистических сил» в Голливуде. Внимание Уиллса привлек и тайный агент Т-9, неизменно представлявший информацию одновременно с агентом Т-10, причем нередко эта информация касалась и личности Рейгана, его взглядов и действий. Судя по всему, считает Уиллс, аген-

том Т-9 была женщина, но скорее всего не Джейн Уайман, так как вряд ли жена могла докладывать о своем муже. Скорее всего, считает Уиллс, агентом Т-9 была киноактриса Оливия де Хэвилленд, также являвшаяся одним из руководителей гильдии<sup>8</sup>.

Итак, в 1947 г. Рейган стал президентом Гильдии киноактеров. Решающим фактором в избрании его на этот пост явилось то, что в голливудских кругах он все еще продолжал слыть либералом, хотя такое мнение о нем сложилось скорее на основе его собственных заявлений о себе и своих взглядах, чем в результате каких-либо конкретных действий с его стороны. В автобиографии он пишет, что, следуя по стопам своего отца, он неизменно поддерживал в 30—40-х годах кандидатов демократической партии и голосовал за президента Трумэна, решительно поддерживая его антикоммунистическую линию, но с годами расходясь с ним по ряду других вопросов. Как пишет Рейган, после войны он «слепо» вступал во все организации, «которые гарантировали спасение мира», и одно это давало основание считать его «таким же красным, как Москва»<sup>9</sup>. (Следует отметить, что, делая подобные заявления в автобиографии, Рейган ни словом не обмолвился о том, что, считаясь «красным» и состоя в этих организациях, он был одновременно секретным осведомителем ФБР.)

Репутация Рейгана как убежденного либерала, верного американским демократическим идеалам, была настолько сложившейся, что на каком-то этапе его деятельности на руководящем посту в Гильдии киноактеров дело дошло до того, что группа либерально настроенных членов демократической партии в штате Калифорния обещала Рейгану необходимую поддержку, если тот решится выставить свою кандидатуру в палату представителей конгресса США. Эта репутация Рейгана ввела в заблуждение многих, даже очень близко знавших и тесно общавшихся с ним людей. Известен курьезный случай, когда он появился вместе с сыном покойного президента США Ф. Рузвельта Джеймсом Рузвельтом на одном из антикоммунистических сборищ на квартире киноактрисы Оливии де Хэвилленд. Увидев «соратника» по «прокоммунистической организации», хозяйка чуть не задохнулась от неожиданности: «А я-то думала, что вы коммунист». Оказалось, что Рейган считал ее коммунисткой. Как тут не воздать хвалу уровню конфиденциальности, поддерживаемому в ФБР!

Тем, кто только понаслышке знал о политических симпатиях и убеждениях Рейгана, казалось естественным и закономерным, что именно он, либерал и демократ, должен отражать и отстаивать интересы своих коллег-киноактеров в руководящем органе гильдии. Не обладавший еще в те годы прочными

личными, а тем более финансовыми связями с кинопромышленниками, Рейган казался вполне подходящей фигурой на пост президента гильдии. Его поддержали многие из его коллег, числившиеся в местных «левых». «Когда он в первый раз появился на заседании правления гильдии,— вспоминала Анна Ревери, одна из ведущих актрис Голливуда, являвшаяся членом правления,— мы ждали от него поддержки, и какое-то время он действительно ее оказывал. Но внезапно, бац, и он изменился»<sup>10</sup>. О том, что кандидатура Рейгана вполне устраивала владельцев киностудий, ни многим его коллегам, ни рядовым членам актерского профсоюза известно не было. Об особом отношении главы студии «Уорнер бразерс» Дж. Уорнера к Рейгану свидетельствовал, в частности, тот факт, что президента Гильдии киноактеров с готовностью отпускали в разгар съемок, чтобы он мог утрясать разногласия членов профсоюза с нанимателями, несмотря на то что каждый день простоя обходился студии в огромные суммы. «Это был оппортунизм в чистейшем и простейшем виде,— говорила киноактриса Карен Морли, которой предстояло пройти через серьезные испытания в жизни, связанные с деятельностью Рейгана на посту президента гильдии.— Он делал то, что было хорошо для его будущего. Я считаю его полностью искусственным созданием. Люди спрашивают: «Что он из себя представляет?» Он ни на что и ни на кого не похож. Он тот, кем ему нужно быть»<sup>11</sup>. Конечно, в этом заявлении бывшей актрисы, относящемся к 80-м годам, много личного; поэтому не будем спешить с выводами — впереди у Рональда Рейгана долгие годы жизни, с которыми нам еще предстоит познакомиться.

Описывая события того периода в своих воспоминаниях, Рейган делает весьма любопытное признание, касающееся обстоятельств своего избрания на пост президента Гильдии киноактеров. Отставка прежнего руководства в связи с разоблачением его финансовой заинтересованности в сотрудничестве с кинопромышленниками, предпринятая под давлением рядовых членов профсоюза, была, по мнению Рейгана, «в первую очередь на руку коммунистам, хотя нам (?!) и удалось (с помощью перестановок в руководстве.— Э. И.) обципать цветок их пропаганды еще в завязи»<sup>12</sup>. С самого начала он не испытывал никаких сомнений по поводу того, с кем будет он сам. Американские авторы Л. Флинт и Д. Фрид, не скрывающие своего негативного отношения к Рейгану, пишут, что с конца 30-х годов он «тесно сотрудничал с рядом влиятельных газетных обозревателей, включая Луэllu Парсонс (представлявшую интересы Херста) и яркого ненавистника Рузвельта Уэстбука Пеглера. Рейган был «источником»— консультан-

том для антипрофсоюзных журналистов и прессы, снабжая их конфиденциальной информацией, полученной им в ходе закрытых собраний и из закрытых отчетов Гильдии киноактеров о ее переговорах с враждующими между собой профсоюзами. Взамен Рейгану оказывались особые услуги и поддержка со стороны как правой прессы, так и хозяев студий и антрепренерских агентств. Но самое интересное во всех этих взаимоотношениях — это то, что в 1945—1950 гг. Рейган настаивал на том, что он либерал, «антикоммунистически настроенный, но тем не менее все-таки либерал»<sup>13</sup>. Став президентом гильдии, Рейган решительно и безоговорочно принял сторону хозяев голливудской киноиндустрии и, объединившись с другими ярыми антикоммунистами в руководстве гильдии, принял решение о вступлении в тесный союз с Межнациональным альянсом работников театральной сцены против Конференции студийных профсоюзов. Под давлением объединенных сил Гильдии киноактеров и Межнационального альянса Конференция студийных профсоюзов, обвиненная в прокоммунистической деятельности, вскоре прекратила свое существование. Рейган не только не скрывал свое участие в создании условий, приведших к ее ликвидации, но даже бравировал своей ролью. Собственно говоря, никогда на всем протяжении своей политической карьеры он даже не предпринимал попыток оправдаться за ту позицию, которую он занимал в годы антикоммунистической истерии в стране. Недовольство среди рядовых членов гильдии по поводу занятой Рейганом и его единомышленниками позиции приписывалось им подстрекательству «коммунистов», а для драматизации сложившейся в гильдии атмосферы и привлечения внимания к грозившей-де ему опасности (опять-таки, по его словам, ему передали по телефону угрозу так изуродовать его лицо, чтобы он не мог больше сниматься в кино) Рейган стал появляться на людях в сопровождении вооруженных телохранителей, его дом охраняли полицейские, а сам он неизменно носил «смит-и-вессон» для самообороны, расставаясь с ним лишь на ночь. Оружием его снабдил не кто иной, как сам владелец студии Дж. Уорнер раскошелившийся также и на оплату телохранителей. Как редко доводится слышать о такой трогательной заботе предпринимателей по отношению к профсоюзному лидеру, от которого в принципе ожидают одни лишь неприятности!

\* \* \*

Но мы несколько увлеклись общественной деятельностью Рейгана в ущерб рассказу о его личной и творческой жизни. А ведь он пока еще оставался киноактером и пусть

все более номинальным, но все же мужем и отцом. Однако, как заметил Л. Кэннон, «появление Рейгана в роли профсоюзного лидера в этот послевоенный период совпало по времени с крахом его семейной жизни и спадом в его кинокарьере. В 1946 и 1947 гг. основным занятием Рейгана стала скорее профсоюзная деятельность, чем участие в кинофильмах. Зачастую казалось, что он прерывал свою профсоюзную деятельность, чтобы сняться в кино, а не наоборот»<sup>14</sup>.

После провала фильма «Эта девчонка Хэйген» студия «Уорнер бразерс» пришла к выводу, что семилетний контракт стоимостью в один миллион долларов, заключенный после фильма «Кингз-Роу» с представлявшей интересы Рейгана Музыкальной корпорацией Америки, которая унаследовала его от Билла Мейклджона, не обеспечивает ожидавшейся отдачи (Рейган получал 3500 долларов в неделю независимо от того, снимался он или нет), поскольку все труднее было найти продюсеров и режиссеров, готовых пригласить его на роль. Не был удовлетворен, естественно, сложившимся отношением со стороны студии к его творческому потенциалу и Рейган. В интервью газете «Лос-Анджелес миррор» от 6 января 1950 г. он откровенно возмущался: «Я собираюсь самостоятельно подбирать для себя картины. Я пришел к выводу, что могу это делать с таким же успехом, как это делала в прошлом студия... Во всяком случае, не хуже... При тех ролях, которые мне давались, я мог произносить свой текст по телефону, и никто бы не заметил никакой разницы».

Обмен взаимными претензиями, происходивший как в глаза, так и за глаза, привел к пересмотру контрактных обязательств обеих сторон. Согласно новой договоренности студии с Рейганом, ему было предложено 75 тыс. долл. за фильм с условием, что в последующие три года он будет сниматься ежегодно в одном фильме. На тех же условиях Рейган подписал контракт на 5 фильмов и со студией «Юниверсал». Условия с учетом сложившейся ситуации были неплохими, но для того, чтобы они выполнялись, необходимо было сниматься. Хороших ролей ему не предлагали, да и плохих было не так уж и много. Лично он был готов согласиться на любую предложенную ему роль. В последующие годы он сыграл в нескольких «вестернах», причем роли в этих фильмах были ему предложены скорее в признание его мастерства в верховой езде, чем из каких-либо творческих соображений. В «Бонзо, пора спать» ему пришлось подыгрывать главному персонажу, роль которого исполнял шимпанзе (кстати сказать, отчаянно ненавидевший Рейгана). Начиная сказываться и возраст вместо ролей молодых людей приходилось уже играть роли отцов взрослых детей. («Я думал что они меня загримируют чтобы

я выглядел пожилым, может быть, посеребрят мои виски,— шутил, не скрывая горечи, Рейган,— но они только умыли меня и вытолкнули на съемочную площадку».) Никакого удовлетворения эти роли ему не доставляли, как, по всей видимости, не доставляли они особого удовольствия и кинозрителям тех лет.

Рейган не раз утверждал, что он принес свою артистическую карьеру в жертву деятельности на посту президента гильдии, однако он явно кривил душой: ни для кого не составляло секрета, что его пьянила роль могущественного профсоюзного вожака и связанная с его новым общественным положением известность. Он часто выступал с политическими заявлениями и речами, его приглашали на званые обеды и приемы, в ходе которых он с готовностью высказывался по животрепещущим вопросам, пользуясь случаем вновь и вновь осудить «безнравственный коммунизм». Чем глубже он проникал в мир профессиональной политики, тем консервативнее и жестче становилась его позиция. Его все чаще и чаще видели в обществе сильных мира сего, могущественных хозяев голливудской киноиндустрии, с которыми он уже на равных обсуждал меры по обузданию излишне активной, по мнению владельцев киностудий, деятельности отдельных профсоюзов и решал судьбу тех из своих коллег-актеров, которые не понимали всей важности борьбы с «засильем коммунистов в Голливуде». Кое-кто из его коллег считал, что в эти годы Рейган пытался за счет других актеров спасти свою быстро увядающую артистическую карьеру.

А тем временем Джейн Уайман испытывала расцвет своих творческих сил. Ее популярность среди кинокритиков и рядовых кинозрителей росла чуть ли не в обратной пропорции с потерей популярности Рейганом, не находившим, по словам Дж. Уайман, себе места от чувства творческой безысходности. Возможно, конечно, что помимо этого чувства Рейганом владело и чувство отнюдь не «белой зависти» к успехам жены, но не это обстоятельство явилось причиной их разрыва. После развода Мэри Пикфорд с Дугласом Фэрбенксом, блистательной голливудской пары 30-х годов, развал семьи Рейганов был самой сенсационной новостью в этой категории новостей. «Джейн и Рональд всегда были прообразом всего самого хорошего в Голливуде,— публично печалилась их общественная сваха Луэлла Парсонс.— Именно поэтому эта новость воспринимается столь болезненно. Именно поэтому мы так энергично боремся, чтобы они поняли, что происшедшее между ними не может быть таким значительным, чтобы привести к их окончательному разрыву»<sup>15</sup>. Но Джейн Уайман уже приняла решение и не была намерена от него отступить. Один из



голливудских журналов писал в декабре 1946 г., что уже тогда Дж. Уайман могла в запальчивости выговаривать мужу: «Отстань от меня, ты мне надоел. Иди и исправляй мир. Может быть, после того, как ты его исправишь, я заговорю с тобой».

На слушании дела о их разводе Джейн Уайман заявила, что ее муж посвящал слишком много времени своей политической деятельности, которая ее совсем не интересовала. Она обвинила Рейгана в том, что была нужна ему лишь для того, чтобы ему было с кем обсуждать профсоюзные дела. По ее словам, он настаивал на том, чтобы она посещала профсоюзные собрания, присутствовала на его деловых встречах и беседах, но вместе с тем никогда не прислушивался к ее мнению. Ее выводила из себя ежедневная утренняя сценка, когда, выходя к завтраку, она видела «мужа с газетой в руках, который высказывался по поводу крайне правых, крайне левых, правых консерваторов, левых консерваторов, центристов». (Близкие к Дж. Уайман лица позднее рассказывали, что она не раз выражала недовольство нетерпимостью Рейгана к любым взглядам, отличавшимся от его собственных, и называла его «ужасно нудным человеком».) «Между нами не осталось ничего общего, ничего, что могло бы сохранить наш союз», — заключила она свое выступление на суде<sup>16</sup>. По решению суда, окончательно расторгнувшего брак, дети Рейганов — родная дочь Морин и приемный сын Майкл остались с матерью. Помимо алиментов и других финансовых контрибуций за Джейн Уайман было сохранено право пользоваться для занятий верховой ездой земельным участком, когда-то приобретенным четой Рейганов в Нортридже.

Сам Рейган всегда пытался создать впечатление, что не имеет никакого отношения к решению расторгнуть брак. Его отсутствие в зале суда на слушании дела о разводе укрепило всех в убеждении, что решение было принято Джейн единолично и очень похоже на то, как она приняла в свое время решение выйти за него замуж. Обсуждать причины развала семьи с посторонними лицами Рейган категорически отказывался. Даже после того, как суд их развел, он вел себя так, будто ничего не произошло. «Для некоторых «звезд» в некоторые моменты их жизни не должно возникать вопроса о том, действительно ли имело место то, во что они хотят верить. Американский киномир представлял собой сложную структуру притворства. Каждый актер был обязан заключить собственную частную сделку с фикцией. С самого начала было ясно, какой путь изберет Рейган: он притворится, что не притворяется», — писал Уиллс<sup>17</sup>. Вспоминая об этом периоде жизни, Рейган был предельно немногословен: «Я никогда не обсуждал, что произошло, и не намерен этого делать и сейчас»<sup>18</sup>

Сдержанность Рейгана в вопросах, касавшихся его развода с Джейн Уайман, оказалась единственно разумной тактикой, сыгравшей очень важную роль в его дальнейшей судьбе: даже в нашей суперсовременной и отличающейся поразительной терпимостью действительности развод продолжает оставаться предосудительным в глазах значительной части американских избирателей и особенно избирательниц. Мастерам политической рекламы, окружавшим Рейгана на всех этапах его борьбы за губернаторский пост в Калифорнии и позднее за президентский пост, удалось создать у американской общественности впечатление полной непричастности Рейгана к решению о разводе и, следовательно, отсутствия за ним вины. Нельзя не согласиться с теми, кто считает это обстоятельство одним из важнейших факторов в решении американцев избрать Рейгана первым в истории США некогда разведенным президентом.

\* \* \*

Снискавший впоследствии печальную известность комитет палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности был образован в мае 1938 г. с целью (как декларировалось в соответствующем решении конгресса США) «пресечения деятельности нацистских, фашистских, коммунистических и иных организаций, являющихся антиамериканскими по характеру». Известный под названием комитета Дайса (по имени его первого председателя конгрессмена Мартина Дайса), он почти семь лет функционировал как специальный или временный, т. е. как комитет, для продолжения деятельности которого требовалось ежегодное продление его полномочий специальным решением конгресса. Личность Дайса, весьма ограниченного провинциала из штата Техас, наложила отпечаток на реакционность позиции и решений комитета, значительная часть членов которого разделяла убеждение своего председателя, что сторонники рузвельтовского «нового курса» были «идеалистами, мечтателями, политиканами, профессиональными благотворителями и попросту охотниками за тепленькими местечками». Представители либеральных кругов страны отвечали Дайсу полной взаимностью. Так, министр внутренних дел в администрации Ф. Рузвельта Г. Икес именовал Дайса не иначе как «слабоумным» и «фашистом», и это были далеко не самые сильные выражения, которые позволял себе Икес, характеризуя интеллектуальные способности и идейные воззрения председателя комитета. После того как в 1944 г. Дайс не был переизбран в конгресс, олицетворением реакционной деятель-

ности комитета стал известный своими расистскими и антисемитскими взглядами конгрессмен Джон Рэнкин, являвшийся, как утверждали его противники, идеальным объектом для изучения человеческой патологии (чего, к примеру, стоило его заявление, что виновным в распятии Христа следует считать коммунизм). Однако Рэнкин отказался официально возглавить комитет, переуступив пост председателя своему коллеге по демократической партии Дж. Вуду, но, несмотря на это, стал основной движущей силой антикоммунистической деятельности этого воинственного органа конгресса США. Именно по инициативе Рэнкина и под его неослабным давлением в январе 1945 г. большинство членов палаты представителей проголосовали за предоставление комитету по расследованию антиамериканской деятельности статуса постоянного комитета с довольно широкими полномочиями. (В 1969 г. он был переименован в комитет палаты представителей по внутренней безопасности.)

В результате второй мировой войны с нацизмом было покончено, но без сколько-нибудь заметного участия комитета в этой борьбе. В обстановке официально санкционированного разгула антисоветизма и антикоммунизма в США отдельные члены комитета во главе с Дж. Рэнкином были заинтересованы в громком и способном всполошить американцев деле, которое не только позволило бы оправдать дальнейшее существование этого органа, но и выдвинуло бы его на первый план государственной политики. Развитие событий в Голливуде после окончания второй мировой войны предоставляло с этой точки зрения уникальнейшую возможность — в силу особого положения Голливуда и вообще кино в жизни американского общества общественное внимание ко всему происходящему в блистательном мире кинозвезд было обеспечено.

К 1947 г. обвинения Конференции студийных профсоюзов в прокоммунистической деятельности, а ее руководителя Г. Соррелла в «симпатиях и явном интересе к коммунистическим идеям», выдвинутые руководством Международного альянса работников театральной сцены, дали основание комитету по расследованию антиамериканской деятельности направить в Голливуд группу своих членов, образовавших специальный подкомитет для изучения фактов «проникновения коммунистов в американскую кинопромышленность». Непосредственным поводом к этой акции явилось обращение к новому (с 1946 г.) председателю комитета Парнеллу Томасу руководства созданной в 1944 г. организации, именовавшей себя Альянсом работников кино за сохранение американских идеалов. Провозглашенной целью этой организации, созданной на специально выделенные владельцами голливудских кино-

студий средства, было ведение борьбы против «растущего впечатления, что киноиндустрия состоит и подчиняется коммунистам, радикалам и психически ненормальным людям» (так формулировалась цель организации в ее уставе).

Особую роль в разжигании антикоммунистической истерии в США вообще и в Голливуде в частности сыграл, как выяснилось позже, крупнейший газетный магнат страны Уильям Рэндолф Херст-старший. По признанию близкой его сотрудницы, писательницы и журналистки Адели Роджерс Сент-Джон, «Херст израсходовал миллионы долларов собственных денег, прежде чем в дело вмешался конгресс со своим комитетом. На том, раннем этапе все в конгрессе получали материал от нас (т. е. организации У. Херста.— Э. И.)... Команда Херста собрала весь материал — в основном через человека по имени Джон Клементс, который знал о коммунизме больше, чем кто-либо другой, и через Дж. Б. Метьюса, и лишь после этого подключился комитет. Г-н Херст вынудил их к этому... Мы совершили одну-единственную ошибку, но откуда нам тогда было знать об этом? Мы подыскивали сенатора, который мог бы возглавить это дело. Я выехала в Вашингтон и попыталась заполучить согласие Милларда Тайдингса, этого выдающегося сенатора из штата Мэриленд (г-жа Сент-Джон вкладывала в слово «выдающийся» далеко не комплиментарный смысл). Но он заявил: «Не-е-т, они забьют меня до смерти, прежде чем вы добьетесь своего. Я готов умереть за свою страну, но не таким же образом». Другие сенаторы отказались даже подступить к этой теме. Они были знакомы с нашим материалом, они знали, что он у нас есть; с этой точки зрения вопроса не возникало. Единственным, кто согласился на это, был Джозеф Маккарти. Мы не знали, что он пьяница. Если бы он не был алкоголиком, все сложилось бы по-иному; материал ведь у нас был, но он без конца делал что-то не так. Он напивался и говорил то, что не следовало говорить»<sup>19</sup>.

Результатом совместных действий Международного альянса работников театральной сцены, Альянса работников театральной сцены, Альянса работников кино за сохранение американских идеалов (и, следовательно, стоящих за ним голливудских кинопромышленников) и херстовской организации стало начало расследования «деятельности коммунистов» в Голливуде. Правда, на первых порах, дабы не разоблачать своей роли в организации расследования, владельцы киностудий стали активно демонстрировать свое возмущение по поводу «неоправданного избрания Голливуда комитетами конгресса в качестве мальчишка для битья», но одновременно с выражением этого возмущения принялись увольнять с работы идейно ненадежных членов Гильдии киносценаристов. По

воспоминаниям калифорнийского адвоката Роберта Кенни, защищавшего впоследствии интересы членов «голливудской десятки», когда у Луиса Б. Мейера поинтересовались причинами увольнения с работы этих людей, он ответил, что их выгнал «его друг г-н Херст». «У. Херст отказался поддерживать студию, оставлявшую на работе лиц, которых он считал «красными». Херст полагал, что с ним не посчитались во время президентской предвыборной кампании 1944 г., когда он активно работал против Рузвельта, а «леваки» в киноиндустрии способствовали своей прорузвельтовской рекламой его переизбранию... С годами Херст стал исключительно реакционным, и в его руках оказалось достаточное количество газет, чтобы он мог серьезно осложнить жизнь тем, кого он недолюбливал. Он дал понять, что газеты Херста будут бойкотировать любую кинокартину, выпущенную студией, которая «не изгнала красных», — никаких рецензий, никаких положительных откликов, никакой рекламы. Короче говоря, студии поджали хвост и побежали»<sup>20</sup>.

Еще в начале 1947 г., в дни работы в Голливуде приехавших из столицы членов подкомитета, глава студии «Уорнер бразерс» Дж. Уорнер следующим образом объяснял причины увольнения шести киносценаристов: «Они занимались тем, что брали ваши деньги и якобы писали ваши сценарии, пытаясь втиснуть в фильмы эти свои доктрины, т. е. работая на партию или как это еще там у них называется»<sup>21</sup>. Деятельность членов подкомитета в Голливуде вызвала активное противодействие со стороны целого ряда ведущих деятелей американского кино, направивших представительную делегацию в Вашингтон, чтобы лично заявить протест конгрессу США по поводу нарушения конституционных прав, допускаемого членами подкомитета. (Рейгана среди них не было.) Но, несмотря на такие протесты, расследование «коммунистической деятельности в Голливуде» было продолжено в федеральной столице. В числе вызванных в Вашингтон для дачи показаний лиц на этот раз оказался и избранный в ноябре 1947 г. президент Гильдии киноактеров Рейган.

«В каком-то смысле обвинения в адрес так называемых голливудских коммунистов были выгодны с точки зрения отвлечения внимания. Эти обвинения перенесли все внимание с вопроса о собственности и контроле над кинопромышленностью на вопрос, касавшийся убеждений отдельных лиц, состоящих на службе у кинокомпаний. Киномагнатов можно было называть игроками, мошенниками, ловеласами,

губителями талантов, но утверждать, что такие бездуховные капиталистические предприниматели были красными,— нет, опасность этого обвинения, причем именно этого конкретного обвинения, кинопромышленникам абсолютно не грозила»,— писал Р. Склар<sup>22</sup>. Грозить-то она, конечно, не грозила, но в отличие от предвоенных лет, когда подобные обвинения время от времени выдвигались против Голливуда и успешно отражались кинопромышленниками, комитет палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности оказался в 1947 г. более подготовленным к предъявлению обвинения и даже проявлял готовность оперировать конкретными «вещественными доказательствами» в виде вышедших на экраны страны фильмов или эпизодов из них, а также свидетельством целого ряда голливудских деятелей. Это требовало принесения в жертву отдельных наиболее одиозных, с точки зрения кинопромышленников, фигур из числа творческих работников Голливуда. Трудно сказать, было ли то случайностью или нет, но в числе намеченных к закланию жертв комитета оказались и несколько видных режиссеров и сценаристов, некогда состоявших вместе с Рейганом и Оливией де Хэвилленд в членах Голливудского независимого комитета искусств, наук и профессий (в частности, Джон Лоусон и Далтон Трамбо).

Какого же рода «доказательствами» оперировал комитет, его председатель и члены, а также небольшая группа привлеченных ими лиц, фигурировавших в протоколах заседаний комитета в роли «свидетелей обвинения», для того чтобы продемонстрировать стране и миру козни коммунистов в Голливуде?

Один из наиболее воинственно настроенных голливудских антикоммунистов, киноактер Адольф Менжу («Я охотник за ведьмами, если ведьмы являются коммунистами. Я преследую красных и не скрываю этого»,— заявлял он), предлагал безошибочный способ определения принадлежности того или иного лица к коммунистической партии: «Все, кто посещает мероприятия, на которых выступает Поль Робсон, кто аплодирует ему и слушает его коммунистические песни». Другой «специалист» по обнаружению коммунистов, сценарист Руперт Хьюз, заявлял, что узнает их «по запаху». Коммунистов «узнавали» везде и во всем, «каким бы утонченным ни было их присутствие и влияние». В качестве доказательства проникновения коммунистов в Голливуд приводились примеры: в одном из эпизодов какого-то фильма один из персонажей в ожидании лифта насвистывал мелодию «Интернационала», в музыке к другому фильму кому-то чудились «заунывные и печальные мотивы в явно русском стиле». В одном из сценариев звучало перефра-

зированной высказывание: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях», и этого оказалось достаточным для того, чтобы сценариста заподозрили в симпатиях к коммунистам — ведь автором высказывания считалась испанская коммунистка Долорес Ибаррури. А уж об эпизоде из художественного фильма «Битва в Северной Атлантике» и говорить не приходилось, настолько возмутительным он был, с точки зрения убежденных антикоммунистов: подумать только, советский истребитель, покачивая крыльями, приветствовал американское торговое судно, а американский матрос радостно восклицал: «Это наши!»

Подобных свидетельств, однако, оказалось вполне достаточно, чтобы Джон Рэнкин убежденно заявил: «Большое количество фильмов, выпускаемых Голливудом, проводит коммунистическую линию»<sup>23</sup>. Он, а с ним и ряд других членов комитета не раз грозились представить документальные доказательства в подтверждение предъявляемых Голливуду обвинений, но этого так и не было сделано. По всей видимости, ввиду отсутствия документальных доказательств коммунистического проникновения в Голливуд другой член комитета (а именно Ричард Никсон) сформулировал свое обвинение в несколько ином плане — Голливуд-де выпускает недостаточное количество антикоммунистических фильмов, и причиной тому препятствия и обструкция, чинимые засевшими там коммунистами<sup>24</sup>.

На предварительных стадиях расследования коммунистического засилья в Голливуде фамилия Рейгана фигурировала очень редко, и (во всяком случае открыто) источником компрометирующих сведений и материалов на своих коллег он, как считается, не был. Но не следует упускать из виду, что он продолжал оставаться тайным агентом ФБР Т-10 и в качестве такового не мог не быть источником интересовавшей Федеральное бюро расследований информации. Киноактриса Анна Ревери, вызванная в Вашингтон для дачи показаний, много позднее вспоминала, как президент гильдии Рейган уговаривал ее в Вашингтоне помочь комитету по расследованию антиамериканской деятельности: «Это ведь так просто. Единственное, что от вас требуется,— это назвать парочку фамилий, которые до вас уже были названы другими людьми»<sup>25</sup>. Актриса категорически отказалась последовать этому дружескому совету и в результате также попала в число лиц, подозреваемых в симпатиях к коммунизму. В 1951 г. она оказалась в «черном списке», закрывшем ей навсегда дорогу в голливудские киностудии.

Американские авторы, писавшие о слушаниях по делу о коммунистическом проникновении в Голливуд, организо-

ванных комитетом по расследованию антиамериканской деятельности в октябре 1947 г. в Вашингтоне, сходятся во мнении, что они походили скорее на цирковое представление с участием ведущих кинозвезд, специально вывезенных из Голливуда для придания блеска этому шоу. Тротуар перед зданием, где в течение почти двух недель проходили ежедневные слушания, был с утра запружен зеваками, преимущественно женского пола, млевшими от предвкушения увидеть своими собственными глазами своих идолов — Роберта Тэйлора, Гэри Купера, Роберта Монтомгери, Фрэнка Синатру и других. Общественный интерес и внимание прессы к заседаниям комитета под председательством Парнелла Томаса были таким образом гарантированы. Не ожидалось «проколов» и со стороны свидетелей обвинения, т. е. видных представителей киномира, поддерживавших разоблачение деятельности коммунистов в Голливуде. В их числе был и Рейган, прошедший (как можно предположить, наряду с другими подобными свидетелями) предварительную обработку со стороны представителей комитета. Известно, что юридический советник комитета Роберт Стриплинг навестил Рейгана в гостинице накануне начала слушаний и, поинтересовавшись содержанием его предстоявшего выступления перед членами комитета, не только получил необходимые ему сведения, но и дал понять Рейгану, что от него ожидалось.

Появление 36-летнего Рейгана в безупречно сшитом и изящно сидевшем на его ладной фигуре бежевом костюме с синим галстуком вызвало вздох восхищения у преобладающе женской части аудитории (так описала реакцию зала газета «Нью-Йорк таймс»). Парнелл Томас особенно рассчитывал на показания президента Гильдии киноактеров, поскольку его надежды на Роберта Тэйлора не оправдывались. Этот кумир американцев в опровержение приписывавшихся ему высказываний заявил на слушаниях в комитете, что он «выглядел бы глупцом, если бы утверждал, что снялся в фильме (имелся в виду фильм «Песнь о России». — Э. И.) по принуждению. Никто не может заставить кого-то сниматься в фильме». А. П. Томас так надеялся, что Тэйлор разовьет некогда высказанную им мысль о необходимости отправить «коммунистов обратно в Россию или в какое-нибудь другое малопривлекательное место» и представит комитету конкретные доказательства коммунистической инфильтрации. Правда, Р. Тэйлор назвал Хоурда да Силву и Карен Морли как двух из «тех, кто, кажется, время от времени несколько нарушают порядок», но на этом сник. Подвел в какой-то степени ожидания Томаса и Рэнкина и другой кумир американских кинозрительниц, Гэри Купер. Далекий от политики Купер с обезоруживающей улыб-



кой младенца, отвечающего «строгим дядям», заявил, правда, что, по его мнению, коммунистическую партию следует объявить вне закона, но при этом прибавил, что «никогда не читал Карла Маркса и не знает, на чем зиждется коммунизм, если не считать всевозможных слухов»<sup>26</sup>. Киносценаристка Эйн Рэнд заявила, что США совершили ошибку, «взяв Россию в союзники», и что оборудованию и оружию, которые поставлялись Америкой Советскому Союзу по ленд-лизу, можно было найти лучшее применение. Единственное, в чем она, пожалуй, была права, так это в том, что в упомянутом ею фильме «Песнь о России» жизнь в русской деревне военных лет была идеализирована до такой степени, что все персонажи расхаживали в опереточных костюмах, а трактористки шеголяли наманикюренными ногтями. Свидетельств такого рода было, однако, недостаточно для осуждения «коммунистических пособников в Голливуде», и они не могли удовлетворить «жаждавших крови» членов комитета.

Если судить по его заявлениям и поведению на публике, то следует сказать, что и Рейган оказался малополезным свидетелем обвинения, хотя с самого начала заявил: «В Гильдии киноактеров была небольшая группка людей, которая постоянно выступала против политики правления и руководства гильдии. Эта небольшая клика лиц подозревалась в том, что она следует тактической линии, которую мы ассоциируем с коммунистической партией»<sup>27</sup>. На протяжении последующих многих лет авторы, писавшие биографию Рейгана, особо отмечали тот факт, что Рейган счел возможным выступить тогда в защиту демократии и права на существование любой политической партии независимо от исповедуемой ею идеологии. «Я надеюсь,— заявил он публично,— что страх перед коммунизмом не явится поводом для компрометации наших демократических принципов», хотя добавил при этом: «Но если доказано, что та или иная организация является агентом иностранной державы или с любой другой точки зрения является незаконной политической партией, а я думаю, что наше правительство способно доказать это, то тогда совсем другое дело»<sup>28</sup>. Вообще-то говоря, Рейган не просто «думал», а был абсолютно убежден в способности правительства в лице сотрудников ФБР доказать все что угодно.

В сдержанности, проявленной Рейганом в публичных показаниях, в его высказываниях в защиту демократических прав и свобод были своя логика и свой резон, а именно ясное понимание им крайней непопулярности у голливудской, в основе своей либерально настроенной общественности целей и методов комитета по расследованию антиамериканской деятельности. Президент актерского профсоюза не мог позволить себе

в этой ситуации открыто и безоговорочно встать на сторону тех, кто так или иначе ставил своей задачей подрыв блистательного образа Голливуда в глазах миллионов американцев. Позиция явного и откровенного союзника комитета помимо всего прочего противоречила и тому образу либерального, демократически настроенного профсоюзного деятеля, который на протяжении многих лет сознательно культивировал Рейган. Но совершенно иным делом была негласная деятельность Рейгана, о которой, как уже говорилось выше, стало известно, когда он уже дослуживал второй срок своего пребывания в Белом доме.

Но даже при всей видимой сдержанности, проявленной Рейганом на слушаниях в комитете, его позиция по отношению к коммунизму была гораздо более непреклонной и решительной, чем позиция многих из его коллег-актеров. В ответ на адресованный ему призыв Парнелла Томаса «сделать Америку настолько чистой, насколько это в наших силах», Рейган заявил: «Сэр, я испытываю отвращение к их философии, но я испытываю еще большее отвращение к их тактике, которая является тактикой пятой колонны и нечестна»<sup>29</sup>.

В числе девятнадцати «идейно ненадежных» деятелей американского кино, вызванных в Вашингтон для дачи показаний по делу о проникновении коммунистов в американскую кинопромышленность, было несколько режиссеров, драматургов и сценаристов с мировым именем. Именно они, а не кинозвезды были объектом расследования со стороны комитета, так как широкая известность и популярность последних делала их очень «неудобными» обвиняемыми. Среди попавших под подозрение лиц были, в частности, Бертольд Брехт (уехавший в Европу вскоре после того, как он отверг в комитете обвинения в принадлежности к коммунистической партии), Лилиан Хелман, Альберт Мальц, Джон Лоусон и другие деятели киноискусства. Десять человек из этих девятнадцати категорически отказались ответить на вопрос, являются ли они членами Коммунистической партии США, сославшись на свое конституционное право не отвечать на вопросы\*. Они были обвинены в неуважении к конгрессу и приговорены к тюремному заключению (двое из них — к шестимесячному, а восемь — к годичному).

24 ноября 1947 г., в день утверждения палатой представителей решения комитета в отношении «голлиудской десятки», американские кинопромышленники, собравшись в фешенебельном нью-йоркском отеле «Уолдорф-Астория», дали обяза-

\* Согласно пятой поправке к Конституции США, обвиняемый может отказаться от дачи показаний, если эти показания могут быть использованы в ущерб его интересам.

тельство «не брать сознательно на работу коммуниста или члена любой партии или группы, проповедующей свержение правительства Соединенных Штатов силой или каким-либо иным неконституционным путем». Киноассоциация Америки приняла решение о внесении фамилий этих десяти видных деятелей американского кино в «черный список», исключавший возможность найма их на работу какой-либо из киностудий США. В решении, в частности, говорилось: «Мы не предоставим работы ни одному из десяти до тех пор, пока он не будет оправдан или пока с него не будет снято обвинение в неуважении к конгрессу, а он сам не присягнет, что не является коммунистом»<sup>30</sup>. Рейган с решением ассоциации согласился, а возглавляемая им гильдия распространила в 1951 г. такие санкции не только на членов «десятки», но и на «всех участников международного заговора против нашего государства»: «Если какой-либо актер, действуя за рамками деятельности профсоюза, в такой степени оскорбил американское общественное мнение, что его имя не сможет в будущем обеспечивать кассовый успех фильма, гильдия не сможет и не будет проявлять желания убеждать нанимателя в необходимости предоставить такому актеру работу», — объяснял Рейган позицию гильдии жене одного из членов «десятки» — режиссера Г. Бибермана. Дезавуируя любого своего члена, совершающего «антиобщественный» поступок, гильдия отказывалась «оказывать помощь актерам, публично обвиненным в том, что они являются коммунистами, или же тем, кто независимо от того, какими соображениями он руководствовался, воспользовался пятой поправкой к Конституции США, будучи приглашенным для дачи показаний. Гильдия не собиралась рисковать своим добрым именем даже в тех случаях, когда кого-то обвиняли ошибочно», — писал американский публицист Дж. Конауэй<sup>31</sup>. В 1953 г. во избежание любых недопониманий занятой ею позиции гильдия решительно поставила точку над «i»: «Ни один человек, являющийся членом коммунистической партии или другой организации, стремящейся к насильственному свержению правительства Соединенных Штатов, не может быть членом Гильдии киноактеров»<sup>32</sup>.

Дело «голливудской десятки» всколыхнуло весь Голливуд, расколов кинообщину на две противоборствующие группировки. Группа видных деятелей американской кинематографии, среди которых оказались столь далекие от проявления симпатий к коммунизму киноактеры, как Хэмфри Богарт, Лорин Бакалл, Катарин Хэпберн, Дэнни Кэй, Граучо Маркс и другие, образовали комитет в защиту незаконно осужденных членов «голливудской десятки», но под давлением киномагнатов были вынуждены отказаться от своих благородных наме-

рений. Позднее некоторые из них стали утверждать в свое оправдание, что их обманом вовлекли в защиту коммунистов. «Одно дело быть отважным мужчиной или женщиной, и совсем другое дело быть безработным», — заметил по этому поводу Р. Склар. Этому же автору принадлежит весьма любопытная характеристика мотивов, по которым среди 23 «дружественных свидетелей» (а именно так с нескрываемой симпатией именовались комитетом те, кто поддерживал выдвинутые им обвинения) оказались главы киностудий Джек Уорнер и Луис Б. Мейер, киноактеры Джордж Мэрфи, Роберт Монгомери, Адольф Менжу, Гэри Купер, Роберт Тэйлор и Рональд Рейган: «Кое-кто из них хотел отомстить за старые обиды, оправдать принятые в прошлом решения, расправиться со старыми врагами, посодействовать своему продвижению или реализации каких-то выгодных им дел. Как правило, их показания были подлыми, злопыхательскими, трусливыми и даже глупыми»<sup>33</sup>. По утверждению анонимной «вдовы известного голливудского автора песен», процитированному в книге Л. Флинта и Д. Фрида «Секретная жизнь Рональда Рейгана», «modus operandi» Рейгана был хорошо известен. Когда он хотел заполучить роль, он обычно наносил визит продюсеру... хвалил актера, выбранного на эту роль, и добавлял: «...жаль, что он коммунист». (Судя по тем ролям, которые доставались в конечном итоге Рейгану, либо он никогда не пытался дискредитировать исполнителей главных ролей в лучших голливудских фильмах тех лет, либо все они были выше подозрений.)

Тогда, в 1947 г., работавшему на протяжении почти двух недель комитету по расследованию антиамериканской деятельности так и не удалось доказать факта подрывной деятельности коммунистов в Голливуде. Остались невыслушанными восемь из 19 «недружественных свидетелей», но в них не было особой необходимости — основная цель затеянного в конгрессе процесса была достигнута. Фундамент продолжавшейся в течение многих последующих лет и наложившей глубокий отпечаток на государственный курс Соединенных Штатов «охоты на ведьм» был заложен. Произошли серьезные сдвиги под влиянием усилившейся в этот период антикоммунистической пропаганды и в общественном сознании. Уже проведенным 24—29 октября 1947 г. Институтом Гэллапа опросом общественного мнения было установлено, что 62 % американцев выступает за объявление Коммунистической партии США вне закона. Следующим шагом, считал обозреватель газеты «Сент-Луис пост диспетч» Томас Стоукс, будет «сжигание книг перед зданием Капитолия».

«Период антикоммунистического безумия в жизни Америки, — писал Р. Склар, — был временем, когда бездоказатель-

ным обвинениям был предоставлен статус истины, когда существовала презумпция вины, а невиновность нуждалась в документальном подтверждении... Практиковалась извращенная форма демократии: все обвинения, независимо от того, кто был их источником, признавались одинаково серьезными. Домохозяйка или бакалейщик, просто «никто» могли поставить под угрозу карьеру богатой блистательной кинозвезды, всего лишь написав письмо. Когда общенациональные организации, подобные Американскому легиону, выступили в роли судей идеологической чистоты кинопромышленности, угроза бойкота и пикетов перед входом в кинотеатры напугала кинопродюсеров в такой степени, что они были готовы капитулировать перед любым и всеми требованиями, исходившими извне»<sup>34</sup>.

Общественная организация «Фонд республики» опубликовала в 1956 г. исследование, в котором было сделано заключение, что ни один из 159 фильмов, в создании которых участвовал кто-либо из членов «десятки», не содержал коммунистической пропаганды. Действиями комитета по расследованию антиамериканской деятельности, как отмечалось в этом исследовании, руководил страх перед тем, что «кинофильмы — наиболее популярное средство массовой информации нашего времени — начинают уделять серьезное внимание анализу некоторых современных социальных, экономических и политических проблем. С давних пор существовали люди — как в Вашингтоне, так и в Голливуде, считающие эти новые тенденции в киносюжетах неуместными и опасными»<sup>35</sup>. Рейган, судя по всему, относился к числу тех, кто искренне разделял подобное убеждение.

Камуфляж личных интересов политическими и идеологическими доводами присущ членам любого общества, каким бы демократичным и добропорядочным оно ни пыталось бы выглядеть. Еще в XVI столетии доминиканский монах Бартоломео де Медина ввел в обиход развитое впоследствии иезуитами казуистическое понятие «пробабилизма», суть которого заключалась в том, что личность, внутренне сомневающаяся в высокой нравственности совершаемого ею поступка и даже, более того, признающая в душе всю его неблагоприятность, пытается тем не менее оправдать этот поступок какими-то своими, особыми доводами. Это качество, как свидетельствуют воспоминания Рейгана, четко проявлялось в его попытках оправдать занятую им позицию в ходе расследования «фактов» коммунистического проникновения в Голливуд (а вместе с оправданием этой позиции оправдать также и тайное сотрудничество с ФБР, остававшееся тогда еще государственным и его личным большим секретом) своей искренней убежденностью в реальном существовании коммунистического заговора по проникновению в американскую кинопромышленность для использования ее в целях насильственного свержения законного правительства Соединенных Штатов и «коммунизации» американского общества. Установление экономического контроля коммунистов над голливудской кинопромышленностью имело своей конечной целью, писал Рейган в своих мемуарах, «получение денежных средств для финансирования их деятельности и превращения киноэкрана в канал их пропаганды»<sup>1</sup>. (Сопровождавшие Рейгана в 1980 г. в предвыборной поездке по стране американские журналисты писали, что даже спустя три с лишним десятка лет он продолжал утверждать, что за «беспорядками» в Голливуде в 40—50-х годах «стояла Москва».)

«Не исключено, — развивал в своих мемуарах эту на многие десятилетия засевшую в его сознании мысль Рейган, — что коммунизм вновь может стать модным в интеллектуальных кругах Голливуда... Возможно, от него, как от кори, нам никогда не удастся избавиться... Без прививок корь может оказаться смертельной болезнью». Поэтому, заключал он, «может статься, что возникнет необходимость внушать каждому новому поколению американцев мысль о хрупкости свободы». В 50-х годах Рейган не раз высказывался по поводу того, что именно «засевшие в Голливуде коммунисты» нанесли удар

по его карьере в кино и помешали осуществлению многих из его творческих планов, а в 60-х годах он уже прямо заявлял: «Нет никакого сомнения в том, что моя карьера пострадала от моей антикоммунистической деятельности»<sup>2</sup>. Л. Кэннон, знакомый в мельчайших деталях с тем, что когда-либо происходило в жизни Рейгана, решительно оспаривает это утверждение: «Я не вижу каких-либо доказательств того, что Рейган сколько-нибудь пострадал в тех битвах, из которых он вышел пожизненным антикоммунистом... Что наиболее примечательно в погружении Рейгана в антикоммунизм в те годы, так это то, что он вышел из него в таком добром здравии»<sup>3</sup>.

Рейган вышел из сражений с коммунизмом конца 40-х — начала 50-х годов не только в добром здравии, но и вновь женатым человеком. О том, как произошло это важное событие в его жизни, сыгравшее заметную роль в его будущем, он, даже будучи уже президентом США, рассказывал с неизменным удовольствием. И действительно, обстоятельства его знакомства с 30-летней киноактрисой Нэнси Дэвис (по документам ей было на 2 года меньше) следует признать не совсем обычными.

Кое-кто из хорошо знавших Рейгана в его «второй холостяцкий период» (его собственный термин), т.е. после развода с Джейн Уайман и до женитьбы на Нэнси Дэвис, утверждает, что в те годы он все еще продолжал оставаться либералом по своим политическим взглядам, и в подтверждение этого убеждения ссылается на поддержку Рейганом в ходе президентских выборов 1948 г. кандидата демократической партии Гарри Трумэна, а также на его выступления на выборах в конгресс 1950 г. в поддержку кандидата демократической партии в сенаторы США, бывшей киноактрисы Элен Гэхэган Дуглас, соперничавшей за этот пост с Ричардом Никсоном. Победил на выборах Никсон, на волне разоблачений «коммунистического засилья» в Голливуде обвинивший Дуглас во всех смертных грехах прокоммунистических симпатий, вплоть до характерного для того времени презрительно-издевательского обвинения в ношении «розового нижнего белья». Наверное, лишь очень симпатизировавшим Рейгану людям удалось усмотреть серьезные различия между теми обвинениями, которые выдвигал против Дуглас признанный консерватор Никсон, и той позицией, которую занимал по отношению к «голливудской десятке» и «коммунистическим попутчикам» пользовавшийся репутацией либерала Рейган. Можно сказать, что они выражали очень сходные мысли, пользуясь различным словарем: Никсон настаивал, в частности, на необходимости защиты «национальной мощи Америки от попыток подрыва ее изнут-

ри», Рейган же решительно осуждал «подрывную деятельность «пятой колонны»».

До сего дня многим биографам Рейгана трудно найти объяснение, почему и в силу каких обстоятельств он оказался в 1950 г. в лагере сторонников Дуглас и тем более в лагере противников Никсона, с которым он был не только лично знаком с 1947 г., но и тесно контактировал в ходе «разоблачений» комитета по расследованию антиамериканской деятельности. Вряд ли можно серьезно утверждать, что Рейган, для которого принадлежность подозреваемых в симпатиях к коммунизму лиц к «артистическому цеху» была скорее отягчающим, чем смягчающим, вину обстоятельством, вдруг решил проигнорировать «розовость» Дуглас и поддержать коллегу в ее явно обреченной на неуспех борьбе за место в сенате США. Не мог искренне поддерживать «коммунистическую попутчицу» Дуглас президент Гильдии киноактеров, направивший в сентябре 1950 г. (т.е. в разгар предвыборной кампании по выборам в конгресс США) от имени этой гильдии генералу Люшиусу Клею, организатору и вдохновителю Комитета за Свободную Европу, телеграмму следующего содержания:

«Уважаемый генерал Клей,

Более чем 8000 членов Гильдии киноактеров исполнены гордости, вливаясь в крестовый поход за свободу и изъявляя готовность принять активное участие в борьбе за умы людей, идущей в настоящее время во всем мире. Мы предлагаем Вам нашу полную поддержку в этом великом контраступлении против коммунистической лжи и предательства. Просим связаться с нами»<sup>4</sup>. Всего лишь через год Рейган будет уже среди самых активных сторонников сенатора от штата Калифорния Никсона, будет энергично содействовать сбору средств в его финансовую казну и активно планировать выдвижение его кандидатуры на пост вице-президента США от республиканской партии на президентских выборах 1952 г.

Английская киноактриса Патриция Нил, с которой Рейган «близко подружился» (его собственная характеристика) во время съемок в Англии, движимая, как представляется, побуждениями, далекими от расположения к Нэнси Рейган, утверждала, что Рейган «был либералом до того, как познакомился со своей нынешней женой»<sup>5</sup>, т. е. подчеркивала ее негативное влияние на политические воззрения Рейгана. Все уже известное читателю о прежнем Рейгане дает основание, однако, утверждать, что и до знакомства с Н. Дэвис Рейгана нельзя было числить в либералах, хотя общение с семьей его второй жены укрепило Рейгана в уже сформировавшихся у него консервативных, антикоммунистических взглядах. Что



же касается Патриции Нил, то у нее не было серьезных оснований столь решительно ополчаться на Нэнси Рейган, так как и до знакомства с Нэнси Рейган вел, согласно его собственным воспоминаниям, типично холостяцкий образ жизни: «У меня была комфортабельная квартира... коллекция телефонных номеров», «мои счета за посещение ночных клубов составляли ежемесячно 750 долларов». «Очевидно,— заключает он в своих воспоминаниях о тех временах,— подобный образ жизни был приемлем, если не заглядывать вперед дальше чем на 48 часов»<sup>6</sup>. Судя по всему, в то время он и не заглядывал дальше.

Начало коренным переменам в его личной жизни было положено телефонным звонком кинорежиссера Мервина Лероя, обратившегося к Рейгану как президенту гильдии с просьбой замолвить словечко за молодую киноактрису, неведомо каким образом попавшую в «черные списки» членов коммунистических (в данном случае выступавших в защиту гражданских прав) организаций. Неприятное положение, в котором оказалась эта актриса, как сообщил Лерой, усугублялось тем, что она регулярно получала почтовые уведомления о предстоящих мероприятиях этих организаций, которые она не собиралась посещать, а ее имя и фамилия регулярно упоминались газетой американских коммунистов «Дейли уоркер» в числе присутствовавших на этих мероприятиях лиц «с весьма экзотическими политическими взглядами». По прошествии нескольких десятилетий эта история успела обрести легендой, так что установить реальные обстоятельства второй женитьбы Рейгана сейчас довольно трудно. Поэтому в изложении событий, связанных с этим фактом из жизни Рейганов, ссылки на личные воспоминания супружеской пары будут перемежаться со ссылками на другие, возможно, даже не всегда объективные источники. Впрочем, ведь и информация, исходящая от Рейганов, вряд ли может считаться объективной.

Сама Нэнси Дэвис, уже став Нэнси Рейган, утверждала, что идея обратиться за помощью именно к Рональду Рейгану принадлежала Мервину Лерою, старому другу ее семьи, у которого она в то время снималась. «Я знала Ронни, но лично знакома с ним не была, а Ронни вообще не имел обо мне никакого представления, но мне эта идея показалась соблазнительной, и я сказала: «Да, Мервин, позвони Рональду Рейгану»». Мервин Лерой так и сделал. Спустя два дня, не получив никакого ответа от Рейгана, она попросила Лероя вновь созвониться с Рейганом и напомнить ему о просьбе. При этом телефонном разговоре она стояла рядом с Лероем.

Как выяснилось, Рейган отнюдь не бросился, очертя голову, на спасение преследуемой, а предварительно тщательно

проверил через известные ему каналы (читай: ФБР) наличие на нее компрометирующих материалов и, выяснив, что таких нет, известил Лероя об отсутствии у молодой актрисы оснований для беспокойства — ее просто перепутали с другой женщиной, носившей те же имя и фамилию. Однако «настоящей Нэнси Дэвис» (так неизменно называл ее Рейган, рассказывая историю их женитьбы) хотелось большего (и это можно понять: молодой актрисе было уже 30 лет). Во всяком случае, услышав этот ответ Рейгана, Лерой предложил, явно по просьбе Нэнси Дэвис, чтобы Рейган пригласил ее на ужин и лично сообщил ей эту приятную весть.

В тот «приятный калифорнийский вечер» (характеристика вечера принадлежит Рейгану) в одном из лучших французских ресторанов, расположенном на фешенебельном бульваре Заходящего Солнца в Лос-Анджелесе, состоялась первая встреча Нэнси Дэвис с Рейганом. Рейган пришел на свидание на костылях, так как незадолго до этого сломал ногу, играя в бейсбол. Опасаясь, что его «подшефная» окажется неинтересной собеседницей, он заранее предупредил ее через Лероя, что, возможно, будет вынужден окончить встречу пораньше, так как на следующее утро его ожидала-де ответственная съемка. Нэнси Дэвис ответила, опять-таки через Лероя, что такое условие ее полностью устраивает, поскольку-де у нее также запланирована ответственная съемка на следующее утро. (Позднее выяснилось, что ни у него, ни у нее никаких съемок не намечалось.)

Вскоре они рассказывали друг другу о себе. Именно тогда Рейган впервые узнал, что Нэнси (урожденная Энн Фрэнсис Роббинс) была приемной дочерью известного чикагского нейрохирурга Лойала Т. Дэвиса, активного члена ультраконсервативных организаций, непримиримого противника коммунистов, черных и иже с ними, т. е. противником всех объединившихся под лозунгами борьбы за гражданские права, социальную справедливость и т. п. в «подрывные, антиамериканские альянсы». Недаром же, как утверждала молва, его имя и средний инициал «Лойал Т.», произносимые слитно, звучали как «лойалти», т. е. лояльность. Ни при каких обстоятельствах фамилия Дэвиса не должна была, да и не могла фигурировать в «черных списках». Более того, если бы существовали в природе «белые списки» истых американцев, то фамилия Дэвиса упоминалась бы там одной из первых. Да, настойчиво подчеркивала в разговоре Нэнси, доктор Дэвис, чьи политические взгляды, симпатии и антипатии она полностью разделяет, является одним из столпов американского общества, на чью решительность в борьбе с врагами Америки страна всегда может рассчитывать. Да, доктора Дэвиса она

считает своим родным отцом. Да, доктор Дэвис... (Кстати, о докторе: фильм «Кингз-Роу», в котором так блистательно сыграл Рейган, был одним из ее самых любимых фильмов, как бы вскользь заметила Нэнси, ведь и там, кажется, речь шла о каком-то докторе.) Матерью ее была довольно известная актриса театра и кино Эдит Лакитт, продолжала заполнять устную анкету Нэнси Дэвис, она все еще изредка снималась в кино и участвовала в радиопостановках даже после выхода замуж за доктора Дэвиса, но затем решила отказаться от своей профессиональной карьеры, дабы достойно представлять добропорядочную семью Дэвисов в чикагском высшем обществе. Именно с помощью матери и ее друзей Нэнси и попала в Голливуд после окончания колледжа и малообещающего начала в театрах нью-йоркского Бродвея. В Голливуде (ко времени знакомства с Рейганом) она успела с 1949 г. сняться в девяти фильмах (еще в двух она снялась уже после замужества), но ни имени, ни признания так и не добилась. «В те годы я в основном сыграла несколько ролей молодых жен либо уже с детьми, либо ожидающих появления ребенка. Мне делали накладку на живот, чтобы я выглядела беременной, чаще, чем я могу припомнить», — признавалась она. Не сказала Нэнси Рейгану лишь об одном — что пользовавшийся в Голливуде репутацией завидного жениха сорокалетний Рейган уже давно привлекал ее пристальное внимание, и она с характерной для нее решительностью приступила к выполнению операции по его завоеванию, тем более что ей представился удобный случай и повод. Вообще-то говоря, учитывая реноме ее приемного отца и широкие связи ее родителей среди крупных голливудских продюсеров и кинопромышленников, снять любые подозрения с ее фамилии и разобраться, где она, а где ее однофамилица, и без вмешательства президента Гильдии киноактеров не составило бы большого труда. Но такой вариант в ее матриониальные расчеты не входил.

Когда наступила его очередь рассказывать о себе, Нэнси остановила на нем свой восхищенный взгляд «снизу вверх» и в течение всего вечера больше его не сводила. Именно здесь и на многие десятилетия вперед родился известный всем обожающий «Взгляд» (именно так, с заглавной буквы) Нэнси Рейган. «Хотя Нэнси Рейган так и не стала голливудской звездой, восемь лет ее попыток стать ею отнюдь не прошли для нее без пользы. Она научилась кое-чему, что касается Взгляда. Она прибегает к суровой экономии выражений лица, в результате чего три или четыре мимических компонента покрывают все необходимые социальные потребности — улыбка приятного удивления на верхней площадке самолетного трапа, озабоченный взгляд, бросаемый на конфискованные наркотики, и —

самый главный — взгляд снизу вверх на своего мужа. На одной фотографии за другой можно увидеть один и тот же взгляд, не меняющийся ни на йоту. Маска доведена до совершенства», — писал Г. Уиллс<sup>7</sup>.

Любому исследователю, берущемуся за изучение биографии Рейгана, не может не броситься в глаза то обстоятельство, что в большинстве изданных до сего времени трудов о 40-м президенте США особо подчеркивается роль, сыгранная Нэнси Рейган в его судьбе (и не только политической), причем оценки, выносимые авторами этих трудов личности супруги президента, далеко не единообразны и не однозначны. Мы еще вернемся, и не раз, к Нэнси Рейган и попытаемся вынести свое суждение о ее месте в жизни и судьбе мужа. На этом этапе изложения позволим себе лишь одно, хотя пока еще и кажущееся преждевременным мнение — Нэнси Рейган стала «добрым гением» Рональда Рейгана на всю жизнь.

Еще в 1949 г., представляя руководству студии «Метро-Голдвин-Мейер» сведения о себе и своих планах на будущее, Нэнси Дэвис признавалась, что самой сокровенной ее мечтой является «счастливое замужество». Много лет спустя, уже будучи женой губернатора Калифорнии Рейгана, она написала при заполнении опросного листка выпускников своего колледжа: «Я никогда не была в полном смысле этого слова нацеленной на карьеру женщиной и стала ею лишь по причине того, что не нашла мужчину, за которого я хотела бы выйти замуж. Я не могла просто сидеть и ничего не делать, поэтому стала актрисой». Она не делала очень уж большого секрета из того, что с самого начала поставила перед собой целью выйти замуж за Рейгана и что истинной причиной ее обращения за помощью к Мервину Лерою было стремление познакомиться с объектом своего матримониального интереса, а вовсе не опасение быть обвиненной в прокоммунистических симпатиях<sup>8</sup>. Развитие дальнейших событий было уже делом нехитрой женской техники: перед ее восхищенным и обожающим взглядом устоять было невозможно. И еще одно замечание, которое необходимо обязательно иметь в виду при любой попытке охарактеризовать личность и нарисовать психологический портрет Нэнси Рейган: оставлять какое-либо начатое ею дело незавершенным, не доведенным до логического конца противоречило натуре этой хрупкой на вид, но исключительно волевой и решительной женщины. А с учетом этой черты ее характера можно легко угадать ответ на вопрос, заданный Г. Уиллсом относительно знаменитого обожающего «Взгляда» Нэнси Рейган на своего мужа, — «интересно, чего больше в этом взгляде — готовности поддаться гипнозу или решимости загипнотизировать?».

Они поженились 4 марта 1952 г. В октябре того же года у них родилась дочь, которую назвали Патрицией Энн. Роды были тяжелыми, и врачи были вынуждены сделать кесарево сечение.

Почти все американские авторы, писавшие о жизни семьи Рейганов в первые два года ее существования, сходятся в утверждении, что с материальной точки зрения этот период был самым сложным для Рональда и Нэнси Рейган. В основе этого утверждения, как и в основе многого из того, что пишется о раннем Рейгане, лежат, как уже отмечалось, зафиксированные в его мемуарах высказывания. А к теме материальных лишений, которые испытывала семья Рейганов в 1952—1954 гг., Рональд Рейган обращался часто. «Я делал приличные деньги после второй мировой войны,— писал он,— но эти приличные деньги теряли значительную часть своей привлекательности и содержания, попадая в категорию доходов, подлежащих обложению налогами в размере 91% от общей суммы»<sup>9</sup>. (Органическое неприятие подоходного налога началось у Рейгана, судя по его собственным воспоминаниям, с того времени, когда размер получаемых им доходов достиг уровня, который облагался высшей налоговой ставкой. С тех пор и на всю жизнь он стал активным противником американской налоговой системы, особенно в той ее части, которая касалась наиболее состоятельной части налогоплательщиков страны.)

Женитьба Рейгана совпала с полной и, судя по всему, окончательной потерей интереса к нему со стороны кинопродюсеров и кинорежиссеров. В своих мемуарах Рейган рисует убедительную картину процесса, в результате которого он оказался на творческой и финансовой мели: «Простейшая истина заключается в том, что на протяжении всех лет моего пребывания на договоре со студией у меня выработались особенности поведения, совершенно непригодные для человека, свободного от договорных обязательств. Находясь на договоре, ты читаешь сценарий, будучи предрасположенным к тому, чтобы сниматься в делаемом по нему фильме: ведь ты находишься на твердой ставке и от тебя ожидается, что ты будешь делать то, что просит тебя делать студия. Если сценарий действительно плох, ты выдвигаешь претензии к нему, если же он средненький, твой мозг автоматически предвосхищает следующий сценарий, поскольку следующий обязательно будет. Суровая истина свободы от договорных обязательств заключается в том, что «следующие сценарии» появляются

лишь тогда, когда ты неизменно выбираешь хорошие. Если ты хоть раз появляешься в неудачном фильме, ни у кого не появляется желания помочь тебе смыть с себя пятно. Я дал согласие на съемку в паре обреченных на неудачу фильмов. И теперь я видел и анализировал всю свою карьеру. Одним из первых признаков прохладного отношения к тебе в Голливуде является не только то, кто тебе не звонит по телефону, но и то, кто звонит»<sup>10</sup>. А звонили ему лишь второстепенные режиссеры или продюсеры, предлагая третьесортные сценарии и роли. Когда же театральный агент Рейгана предлагал его кандидатуру на роль крупным продюсерам, то в ответ обычно раздавалось: «А кого еще вы можете предложить?»

В те два фатально неудачных года Рейган снялся в паре забытых с тех пор «вестернов», а в 1956 г. — в своем последнем художественном фильме «Морские дьяволы», запомнившимся лишь тем, что это был единственный фильм, в котором в главных ролях снялись Нэнси и Рональд Рейганы, и что именно этим фильмом была поставлена точка на кинокарьере Рейгана. (Позднее, в 1964 г., он снялся еще в одном, на этот раз телевизионном, художественном фильме — «Убийцы» по рассказу Э. Хемингуэя, от которого в фильме осталось разве что одно название. В этом изобиловавшем сценами физического насилия фильме Рейган впервые в своей жизни сыграл отрицательную роль.) Нэнси Рейган, одновременно с мужем завершившая после участия в фильме «Морские дьяволы» свою ничем не примечательную кинокарьеру, по-своему объясняла причины бесславного конца творческой карьеры Рейгана, выдвигая на первый план доводы, явно рассчитанные на поддержание авторитета супруга на должном уровне: «Он был активен на политическом поприще в кинопромышленности, как и на протяжении столь же продолжительного времени в Голливуде, и нет никакого сомнения в том, что это повредило его актерской карьере. Когда продюсеры подбирают действующих лиц для своих кинокартин, они представляют себе различных актеров в конкретных ролях. Когда они проводят годы за столом переговоров, сидя напротив актера, или же являются вместе с ним членами одного и того же профессионального комитета, то это обстоятельство может влиять на их мнение о нем. Им трудно представить его скачущим на коне во главе кавалерийского эскадрона или же отбивающимся от угонщиков скота у Орлиного перевала. Когда Ронни пытался пробить себе роль в «вестерне», он сказал как-то Джеку Уорнеру, что если тот и даст когда-либо ему роль в «вестерне», то это скорее всего будет роль адвоката с Восточного побережья»<sup>11</sup>

Учитывая, что Нэнси Дэвис вышла замуж за Рональда Рейгана далеко не «бесприданницей» (первое время он даже

жил на квартире жены, сохраняя за собой свою старую городскую квартиру, поскольку его весьма внушительный личный гардероб не умещался в жениных шкафах, также едва умещавших ее гардероб) и что, несмотря на значительную долю доходов, удерживаемую Налоговой службой США, Рейгана трудно было относить к категории материально бедствующих граждан страны, ссылки супругов Рейган на стесненное финансовое положение в эти годы следует воспринимать, как говорят в Америке, «с крупницей соли», т. е. с определенной долей сомнения. Именно в этот период они купили небольшой дом в Пасифик Пэлисейдс, тогда еще не очень фешенебельном жилом массиве города Лос-Анджелес, и приобрели земельный участок площадью 350 акров (ок. 140 га) в горах Малибу, расположенных на северо-западе от Лос-Анджелеса. В частичную уплату за этот участок пошло маленькое ранчо в Нортридже, которое Рейган приобрел, еще будучи мужем Джейн Уайман. Новый земельный участок четы Рейганов обошелся им по 275 долларов за акр. (Этот факт и эти цифры упоминаются здесь лишь по той причине, что именно эта покупка стала впоследствии основой сделки, превратившей Рейгана в миллионера. Но об этом несколько ниже.) Так что, говоря о своей материальной стесненности, Рейган имел в виду исключительно стесненность в наличных средствах, да и масштабы этой стесненности были далеко не такими, чтобы можно было говорить, что «семья голодала». Достигнутое им положение в артистическом мире практически гарантировало более или менее постоянный поток приглашений выступить, естественно не бесплатно, в той или иной телевизионной программе или перед той или иной аудиторией.

И тем не менее тот факт, что театральному агенту Рейгана удалось убедить его согласиться на выступления в одном из ночных клубов Лас-Вегаса, свидетельствует о том, что семья Рейганов вплотную подошла к той точке, которую (по стандартам, к которым они привыкли) можно было считать крайней. Надо сказать, что Рейган не умел ни петь, ни играть на каком-либо музыкальном инструменте, и в этом плане возможности его участия в варьете были предельно ограничены — он мог быть только ведущим программы, т. е. тем, кого мы именуем конферансье. Что же касается роли конферансье, то Рейган обладал для этого всеми необходимыми качествами — обаятельной внешностью, известностью, декламаторскими способностями, чувством юмора и знанием огромного количества всевозможных анекдотов и историй, особенно из жизни голливудских актеров. Именно в Лас-Вегасе, во время своего двухнедельного ангажемента в ночном клубе, Рейган, как нам представляется, пришел к выводу о том, что, дабы не выгля-

деть смешным в глазах других, надо изредка прибегать к насмешке над собой: человек, открыто, а тем более с юмором признающий свои недостатки и слабые места, обезоруживает потенциальных критиков и насмешников и, как правило, вызывает даже симпатию к себе. «Мне приходится представлять других актеров, потому что сам я делать ничего не умею», — начинал свое выступление на эстраде ночного клуба Рейган, неизменно вызывая дружеский смех у понимающей аудитории. Он начал было даже готовить совместный номер с мужским вокально-танцевальным квартетом «Континенталз», занятым в шоу, но необходимость выступить поздней ночью выбивала его и Нэнси из привычного ритма жизни. Для Рейгана, всю жизнь с особым вниманием относившегося к своему отдыху и созданию необходимых условий для него, это было просто невыносимо.

По утверждениям Нэнси и Рональда, выступления в ночном клубе принесли Рейгану большой успех: его просили продлить ангажемент, предлагали выступления в других ночных клубах страны, но по здравому размышлению супруги пришли к решению отказаться от всех этих предложений и вернуться домой, где ждала их маленькая дочь, оставленная на попечение няни. Двухнедельный ангажемент в ночном клубе Лас-Вегаса принес Рейганам кругленькую сумму, почти равную гонорару за один из его последних фильмов, но, учитывая тот образ жизни, к которому привыкли супруги, ее хватило ненадолго.

«То были времена тяжелых испытаний для меня, — вспоминал Рейган, — но у меня было чувство, что меня ожидает нечто большее». Эти слова были написаны позднее, когда это «нечто большее» уже стало реальностью, а в 1954 г., когда театральный агент Рейгана предложил ему совершенно новую сферу деятельности, Рейганы стали вновь влезать в долги.

\* \* \*

Даже столкнувшись с реальными и казавшимися уже непреодолимыми сложностями в своих отношениях с киноиндустрией, Рейган упрямо отказывался иметь дело с американским телевидением, которое, по его убеждению, угрожало подрывом устоев и позиций американского кино в обществе. Видимо, по этой причине его друзья из руководства Музыкальной корпорации Америки, включавшего бывшего импресарио Рейгана, с некоторой опаской предложили ему работу на телевидении в качестве ведущего специальной телевизионной программы, спонсором которой была одна из крупнейших промышленных корпораций США — «Дженерал электрик».



Побороть стародавнюю неприязнь Рейгана к телевидению помогла предложенная ему сумма вознаграждения за труды — 125 тысяч долларов в год, но, по всей видимости, Рейган был явно заинтригован и предложением сочетать роль телевизионного ведущего с выступлениями перед реальной аудиторией — персоналом и руководством многочисленных филиалов корпорации «Дженерал электрик», разбросанных по всей стране. «Вам предлагается вести еженедельные программы «Театра Дженерал электрик» по телевидению, а десять недель в году посвящать пропаганде деятельности «Дженерал электрик», рекламе ее продукции и продвижению в массы мысли о том, что она является по существу «корпоративным гражданином Соединенных Штатов» — такова была суть предложения, сделанного Рейгану от имени руководства корпорации. В то время Рейган еще не знал, что идея привлечения кого-либо из известных в стране лиц, желательно из числа обладающих ораторскими способностями и располагающей к себе внешностью, к рекламе «общественно полезной деятельности» «Дженерал электрик» и пропаганде идей классового мира принадлежала президенту корпорации Ральфу Кординеру. «У них было 139 заводов в 38 штатах, — вспоминал уже позднее Рейган, — и он был тем самым человеком, который имел мужество в качестве высшего административного руководителя и председателя правления заявить менеджерам этих заводов: «Я хочу, чтобы вы руководили ими так, как будто они являются вашими собственными заводами». Они никогда не ждали указаний от правления директоров. Они выработали уставные положения общего характера, и в результате появился этот театр. У Кординера возникла идея, что они не только создадут свое телевизионное шоу, но и что тот ведущий, которому будет поручено вести театр, а им оказался я, будет направляться на несколько недель для посещения заводов. Рабочие, фактически разбросанные по всей стране, будут знать, что руководство помнит о их существовании, поскольку тот малый, которого они видели по телевидению в воскресный вечер, приехал их навестить»<sup>12</sup>. На протяжении многих лет Рейган делал именно то, что от него теперь ожидали хозяева, и в те далекие годы, когда он выступал перед радиомикрофоном или на званых банкетах в Давенпорте и Де-Мойне, и перевоплощаясь в персонажи разных эпох и разных профессий перед кинокамерами в Голливуде, и отстаивая интересы кинопромышленности в качестве президента Гильдии киноактеров. Выбор руководства «Дженерал электрик» остановился на кандидатуре Рейгана именно по той причине, что его послужной список и квалификация, как нельзя лучше, отвечали тем задачам, которые отныне ставились перед ним. Позднее

Рейган признаёт, что это событие сыграло решающую роль в его судьбе: «Так родился «Театр Джeneral электрик» и отворилась дверь в другую часть моего «я», в ту часть, перед которой сейчас предстал выбор нескольких дверей, и некоторые из них ведут в направлениях, о которых я раньше никогда не думал»<sup>13</sup>. (Как известно, он выберет дверь, которая вела в мир политики.)

За восемь лет работы на «Дженерал электрик» в качестве постоянного ведущего еженедельной телевизионной программы, финансируемой этой корпорацией, и в качестве разъездного ее пропагандиста Рейган посетил все 135 городов в 38 штатах, где находились заводы корпорации (путешествуя, естественно, поездом или на машине — самолетов он по-прежнему панически боялся), и выступил перед четвертью миллиона рабочих и служащих этих заводов, проведя в общей сложности перед микрофоном около 40 тысяч часов. Бывали дни, по его словам, когда он делал по 14 выступлений в день. При таком расписании его пребывание перед той или иной аудиторией ограничивалось несколькими минутами (в любом случае они никогда не длились более 20 минут), в течение которых Рейган рассказывал несколько баек из жизни голливудских актеров, расхваливал деятельность «Дженерал электрик» и заботу, проявляемую ее хозяевами о рабочих и служащих корпорации, и произносил несколько выпрених фраз о достоинствах системы свободного предпринимательства и американской демократии. Трудно даже предположить, что все эти выступления (а их, если полагаться на воспоминания Рейгана, было за восемь лет уж никак не меньше, а то и много больше 120 тысяч) сколько-нибудь существенно разнились друг от друга по содержанию в рамках одного, как правило трехнедельного, лекционного турне. Баловать аудитории разнообразием содержания выступлений не было особого смысла, да и времени на подготовку каждый раз новых текстов у него не было. Один из сотрудников руководящего аппарата «Дженерал электрик», сопровождавший Рейгана в одной из его поездок по стране, вспоминал: «Существовала определенная процедура, которой мы неизменно следовали. Его сначала знакомили с руководителями завода, затем проводилась короткая встреча с рабочими в столовой или другом аналогичном месте. Вечером мы всегда устраивали банкет с участием какой-либо общественной группы, скажем Торговой палаты, на котором он выступал в качестве основного оратора. Его выступление было всегда одним и тем же, он его отшлифовал до совершенства. В нем фигурировали вечные американские ценности из тех, в которые я верю, но они походили на устав организации бойскаутов, т.е. не содержали практически ника-

кой информации. Но они неизменно были живыми и содержали забавные истории»<sup>14</sup>. Судя по воспоминаниям тех, кто его тогда знал и слышал, у слушавших его людей создавалось, как правило, впечатление, что никому до них не доводилось слышать из уст Рейгана то, что он им, и только им, так сокровенно рассказывал.

Нельзя, однако, говорить, что тексты его выступлений оставались неизменными из года в год и из аудитории в аудиторию. Уже на третий год в них (особенно в тех случаях, когда он выступал перед представителями деловых кругов) стали появляться оценки политического характера, учитывающие консервативную линию в вопросах внешней и внутренней политики американского государства, которую традиционно занимали хозяева «Дженерал электрик», да и вообще представители власть имущих. (Правда, тогда ни владельцы корпорации, ни сам Рейган не решились бы открыто назвать себя консерваторами — американцы в массе своей относились еще к консерватизму как к чему-то не заслуживающему ни интеллектуального признания, ни политического уважения.) Продолжавший номинально числиться демократом Рейган примкнул к движению «Демократы за Эйзенхауэра» и голосовал на выборах 1952 и 1956 гг. за кандидатов республиканской партии. Сначала только изредка, а со временем все чаще и чаще в его выступлениях начинает вновь фигурировать тема сатанинских намерений советского и международного коммунизма по захвату контроля над кинопромышленностью Голливуда. «Уродливая реальность возникла в нашем городе по прямому указанию Кремля,— заявлял он, настойчиво проводя мысль о том, что коммунистов удалось изгнать лишь благодаря мужеству и решительности, проявленным им лично и несколькими его друзьями и единомышленниками.— Но борьба не кончена,— подчеркивал он.— Мы знаем, конечно, что выиграли лишь одно сражение. Они выползают из-под камней, а поскольку у людей короткая память, находится немало таких добреньких, но заблуждающихся лиц, готовых оказать им помощь». (Он был ошеломлен, по его словам, «обнаружив, в какой степени полностью неинформированными относительно внутреннего коммунизма и методов его деятельности» оказались аудитории, перед которыми ему приходилось выступать. В этом плане, удовлетворенно подчеркивал он в своих мемуарах, он сыграл «весьма полезную роль, пробудив многих людей к осознанию опасности на задворках их собственного дома».) Войну, которая идет и в которую вовлечены все американцы, нельзя просто переждать, развивал он эту мысль. «Войны кончаются либо победой, либо поражением. Один из крупнейших в мире специалистов по коммунизму

сказал, что у нас еще есть 10 лет. Десять лет не на то, чтобы решать, что делать, а для того, чтобы одержать победу или потерпеть поражение, — к 1970 г. весь мир будет либо в рабстве, либо свободным». Все чаще начинает муссироваться в его выступлениях и тема опасности для общества свободного предпринимательства активного (он говорил, настырного) вмешательства правительства в деятельность частного капитала, и тема частной инициативы как незыблемой основы свободного общества. Голливудские анекдоты стали занимать в тексте его выступлений все меньше и меньше места, а спустя некоторое время почти полностью исчезли.

Политизация рекламно-пропагандистских выступлений Р. Рейгана перед рабочими и служащими корпорации «Дженерал электрик» произошла после того, как он получил от недовольного политической беззубостью его публичных выступлений Ральфа Кординера совет выработать некую «философию», которую он смог бы отстаивать как свою собственную, но которая вместе с тем отражала бы преобладающий, с его (Рейгана) точки зрения, в американском обществе настрой. Совет Кординера, переданный через третьих лиц, был воспринят Рейганом, как и ожидалось, со всей серьезностью. (Любопытная деталь, характеризующая отношение Рейгана к лицу, давшему ему по существу путевку в политическую жизнь, была подмечена американским журналистом Лоренсом Барретом. Неоднократно встречаясь и беседуя с Рейганом на разных этапах его жизненного пути, в том числе и после его въезда в Белый дом, он обратил внимание на то, что тот мог, упоминая об Эйзенхауэре, называть бывшего президента просто «Айком», а Дж. Форда — просто «Джерри». Но председатель правления директоров корпорации «Дженерал электрик» Ральф Кординер, с которым Рейган никогда в жизни лично не виделся, и много лет спустя оставался для него «мистером Кординером».)

Хотя Рейган и пользуется любой возможностью подчеркнуть в своих воспоминаниях о том периоде его жизни, что он был полностью неподконтролен и свободен в выборе тем своих выступлений и формулировании своих позиций и оценок, эпизод, нашедший отражение на страницах его мемуаров, свидетельствует о том, что далеко не все было для него столь просто и безмятежно. «Я делал все возможное, чтобы подчеркнуть, что проблемы централизации власти в Вашингтоне с последующей утерей свободы действий на местах превратились в проблемы, касающиеся обеих партий. Я подчеркивал опасность такого безграничного расширения постоянной структуры правительства, которая стала бы оказывать влияние на избранных представителей и узурпировала бы их

функции выработки политических решений», — писал Рейган, приступая к рассказу о том случае, происшедшем в 1959 г. В качестве одного из примеров того, как правительственные решения выходят за рамки их первоначальных замыслов и приводят к нежелательным и неприемлемым для системы свободного предпринимательства последствиям, в выступлениях Рейгана на каком-то из этапов его лекционно-миссионерской деятельности стало фигурировать правительственное Управление по делам развития долины р. Теннесси — государственная энергетическая корпорация, созданная администрацией Ф. Рузвельта в 1933 г. с целью строительства и руководства работой электростанций и плотин в районе долины р. Теннесси. Откуда было знать Рейгану, что эта могущественная государственная корпорация заказала «Дженерал электрик» электрооборудования на 50 млн долл. и что общая сумма доходов, принесенных ею «Дженерал электрик», составляла к тому времени 187 млн долл. Недовольство руководства государственной корпорации публичными нападками одного из служащих «Дженерал электрик» на ее деятельность грозило «Дженерал электрик» крупными финансовыми убытками, и в телефонном разговоре Кординер дал Рейгану ясно понять, что оскорбительным выпадам против выгодного заказчика следует положить конец. «Отказ от упоминания Управления по делам развития долины р. Теннесси не представлял никакой проблемы, — с явно наигранной беззаботностью вспоминал об этом эпизоде Рейган. — Даже с завязанными глазами не составляет особого труда найти сотню других примеров разросшегося правительства»<sup>15</sup>, но в дальнейшем, прежде чем критиковать кого-либо или что-либо, проявлял особую осмотрительность.

В 1959 г. размер ежегодного вознаграждения, получаемого Рейганом за работу на «Дженерал электрик», уже составлял 150 тыс. долл., и в том же году он был, после длительного перерыва, в шестой раз избран президентом Гильдии киноактеров, несмотря на то что уже давно перестал быть киноактером. (С первых же дней пребывания на посту новый президент объявил, что в Голливуде вновь завелась «коммунистическая угроза».) Решающую роль в том, что Рейган оказался вновь избранным на пост президента гильдии, сыграла, несомненно, его уже многими признаваемая способность вызывать к себе доверие у аудиторий самых различных социальных и профессиональных категорий и уровней и его явно разраставшаяся известность в стране. Кое-кто утверждал, что как оратор он уступает в популярности только президенту Эйзенхауэру. Не могли не импонировать наиболее состоятельной части населения страны и те взгляды и идеи, которые

теперь фигурировали практически во всех его выступлениях и которые со временем лягут в основу его открыто провозглашенного политического кредо. Политическое заявление, которое инкорпорирует все высказывавшиеся Рейганом ранее в неофициальном плане основополагающие суждения, будет сделано несколько позднее — в 1964 г., но многие из составных частей этого кредо проходили «обкатку» именно в годы сотрудничества Рейгана с «Дженерал электрик»: «Медицинская помощь престарелым является ногой, протиснутой в дверь полного подчинения медицины правительственному контролю»; подоходный налог является «детисцем Карла Маркса», объявившего системы прогрессивного налогообложения «первейшим необходимым признаком социалистического государства»; страхование на случай безработицы является «заранее оплаченным отпуском для бездельников»; продовольственные талоны, получаемые бедствующими американцами за счет государственных бюджетных ассигнований, — «солидной субсидией в пользу экзотических экспериментов в области группового сожительства» \*. Перед замороженными слушателями разворачивалась леденящая кровь картина постепенного завоевания Америки коммунистами, коварным козням которых противостояла горстка отважных защитников системы свободного предпринимательства и демократических свобод из числа, естественно, представителей делового мира — истых патриотов Америки. Уже в выступлениях тех лет он зарекомендовал себя решительным противником государственных субсидий фермерам и государственных программ жилищного строительства в городах, поддерживал «добровольное социальное страхование», освобождающее от выплат по социальному страхованию тех, кто в состоянии обеспечить себя сам.

Многое из того, что Рейган критиковал и поддерживал, находило сочувственное отношение среди слушателей, принадлежавших преимущественно к состоятельной части населе-

\* Обращало на себя внимание, что в выступлениях Р. Рейгана по проблемам социально-экономической политики американского государства явно превалировала тема подоходного налога. Объяснить это было не трудно. Дело было в том, что, чем выше были его доходы, тем выше был и начисляемый на них подоходный налог. Правда, происшедшие позднее события пролили некоторый свет на то, как Р. Рейган сочетал свои выступления против налоговой системы США с конкретным бойкотом ее. В ходе расследования уотергейтского скандала выяснилось, что в 1971 г. по указанию президента Никсона делались подборки компрометирующих сведений на всех его возможных политических противников в предстоявшей тогда, в 1972 г., борьбе за Белый дом. Среди собранных материалов фигурировали и данные о задолженности Р. Рейгана по уплате подоходного налога за 1962—1965 гг. в размере 23 с лишним тысяч долларов.

ния страны. Именно в их консервативно настроенной среде все чаще находились люди, предлагавшие Рейгану попробовать свои силы на политическом поприще и выдвинуть свою кандидатуру на какой-либо выборный пост на уровне штата или даже в конгресс США. (О Белом доме на том этапе речи, конечно, еще не было.) «Рейгану не было необходимости меняться в корне, чтобы стать рупором правого крыла на этом этапе его карьеры,— считает Г. Уиллс.— Он с 1947 г. верил в то, что стране угрожает коммунистический заговор, особенно в профсоюзах. Он по существу разделял точку зрения Дж. Эдгара Гувера, что Америке и миру грозит страшная опасность и что Америка и весь мир проявляют наивную «мягкость» по отношению к доктринам коллективизма. Вращаясь среди лидеров делового мира и оттачивая свои ударные высказывания, встречаемые их горячей поддержкой, он не испытывал особых трудностей, разделяя их недовольное ворчание по поводу правительственного регулирования, высоких налогов и вмешательства в дела «частного сектора». Главы страховых компаний не скрывали своего удовольствия, когда он говорил им, что социальное обеспечение могло бы быть добровольным. Его тесть присоединился ко многим другим докторам, аплодируя его выпадам против «социализированной медицины»<sup>16</sup>.

Но среди тех, кто слушал Рейгана, было немало и таких, кто решительно возражал против того, что проповедовал представитель «Дженерал электрик», и принимал участие в акциях протеста против подобных выступлений. Нет ничего удивительного в том, что организаторы поездок Рейгана по стране снабдили его личным оружием и сочли необходимым приставить к нему в качестве постоянного сопровождающего телохранителя сотрудника ФБР: аудиторин, перед которыми выступал Рейган, порой проявляли весьма бурно свое несогласие с высказываемыми им идеями.

В связи с политической и психологической обстановкой, сложившейся вокруг его выступлений, Рейган вспоминал в своих мемуарах высказывание Уитакера Чэмберса, чьи показания явились в годы «охоты на ведьм» основанием для судебного приговора в отношении ни в чем не повинных людей: «Когда я взял в руки рогатку и выпустил заряд по коммунистам, я попал в кое-кого еще. Я попал в ту силу великой социалистической революции, которая, скрываясь под именем либерализма, судорожными рывками, шаг за шагом, незаметно в течение двух десятилетий набрасывала на нашу страну ледяной покров. Я не имел четкого представления ни о масштабах или глубине этого процесса, ни о свирепой мстительности революционного нрава этой силы». Проводя прямую параллель

между Чэмберсом и собой \*, Рейган ассоциировал ситуацию, в которой оказался тот в 40—50-х годах, с положением, с которым столкнулся сам Рейган после прихода к власти в стране демократической администрации президента Дж. Ф. Кеннеди. «Я не чувствовал практически «свирепой мстительности либерального права» до 20 января 1961 г. (т. е. даты вступления Дж. Кеннеди на пост президента США.— Э. И.). Вот тогда-то я действительно превратился в одну из самых главных мишеней». Именно тогда, по его словам, на него был навешен «ярлык громогласного рупора правого экстремизма, находящегося на грани безумия»<sup>17</sup>.

В 1960 г. Рейган все еще продолжал оставаться формально демократом, но, как и в предыдущие два года президентских выборов, голосовал за кандидата республиканской партии в президенты США Ричарда Никсона. Рейган утверждает, что он заявил о своей готовности зарегистрироваться как республиканец еще в 1960 г., но представители калифорнийского комитета республиканской партии убедили его в том, что он принесет больше пользы республиканцам, оставаясь формально демократом и ведя пропагандистскую работу в своей партии в пользу Никсона. Номинальная принадлежность Рейгана к демократической партии не мешала ему воспринимать близко к сердцу все, что касалось политического будущего республиканцев. О том, какое будущее ему виделось для партии, свидетельствовала телеграмма, направленная Нэнси и Рональдом Рейган Ричарду Никсону накануне съезда республиканцев в Чикаго в июле 1960 г., который должен был выдвинуть Никсона официальным кандидатом партии на пост президента США: «Почтительно настаиваем на рассмотрении Голдуотера в вице-президенты. Не сможем поддержать вас, если кандидатом в вице-президенты окажется Рокфеллер». В том же июле в личном письме на имя Никсона Рейган писал: «Пора, чтобы кто-нибудь назвал смелую новую оригинальную программу Кеннеди именем, которое она заслуживает. Под искусственной мальчишеской прической все тот же старый Карл Маркс, впервые запущенный в обращение столетие назад. В идее о том, что правительство является Большим братом для всех нас, нет ничего нового. Гитлер называл свой вариант «государственным социализмом», а еще раньше это называлось «милосердной монархией»<sup>18</sup>.

После победы Дж. Кеннеди и прихода к власти в стране администрации демократов открытая ассоциация Рейгана с

\* В 1984 г. президент Рейган подпишет указ о посмертном награждении У. Чэмберса (умер в 1961 г.) медалью Свободы, высшей гражданской наградой США, особо подчеркнув его вклад в «дело служения на благо общества».



крайне правой оппозицией к проводимому правительством внутривластическому и внешнеполитическому курсу сделала даже формальную принадлежность его к демократической партии не просто бессмысленной, но и противоречащей здравому смыслу. В 1962 г. Рейган объявил себя республиканцем, тесным общением с руководством таких организаций, как общество Джона Берча и Христианский антикоммунистический крестовый поход, и своим участием в их общественных мероприятиях демонстрируя предпочтение позиций крайне правого крыла политического спектра страны. Имея за спиной уже многолетний опыт общения с признанными консерваторами и ассоциации со многими проповедуемыми ими взглядами, Рейган уже не имел ничего против, когда пресса именовала его «выразителем консервативной линии» (При этом изредка он продолжал энергично возмущаться, когда его открыто называли правым экстремистом, и предпочитал именовать себя истым американским патриотом. Вскоре, однако, Рейган стал воздерживаться от открытой поддержки общества Джона Берча.) Мотивы перехода Рейгана на крайне правый фланг политического спектра общества в начале 60-х годов интересовали многих исследователей его жизненного пути и убеждений. Р. Даггер, в частности, вопрошает: «Рисуя теперь либерализм всего лишь промежуточной остановкой на пути к коммунизму, был ли Рейган искренне убежден в правоте и справедливости того, что он ныне говорил, или же он был сознательно нечестен, прибегая к удобному, но клеветническому аргументу с тем, чтобы сделать свою собственную странную эволюцию более драматичной и более привлекательной для своих консервативных слушателей? Безжалостно нападая на все либеральные внутренние реформы, которые он отстаивал вплоть до того времени, когда ему исполнилось сорок лет, пускал ли он в ход свои новые взгляды на тоталитаризм или же обеспечивал себе новое положение среди представителей делового мира, говоря им то, что они хотели слышать? Оттолкнувшись от крайне левой стенки в полярно противоположный конец к крайне правой стенке, возвращался ли он к патристическим и религиозным истинам своего детства или же, просто пользуясь иным сценарием, проявлял ту же склонность к крайностям, которые ассоциировали его ранее с просоветскими левыми кругами?»<sup>19</sup> Оставляя на совести Р. Даггера смысл и формулировку его третьего вопроса (во всей сложной и изобилующей всевозможными нюансами и переклестами жизни Рейгана мы, подобно большинству других исследователей жизненного пути Рейгана, так и не обнаружили хотя бы относительной его близости к «крайне левой стенке», не говоря уже об ассоциации с «просоветскими левыми кругами»), следует

согласиться, что первые два вопроса, заданные Даггером, действительно заслуживают и анализа и ответа на них. Но с ответом на них мы спешить не будем. Пусть он будет дан по мере изложения всего имеющегося в нашем распоряжении биографического и исследовательского материала. Это будет, наверное, самым справедливым и по отношению к Рейгану, и по отношению к читателю.

\*

В 1961 г. Рональду Рейгану исполнилось 50 лет. Он был известен целому поколению американских телезрителей как ведущий довольно популярной телевизионной программы, в которой ему и его жене Нэнси время от времени удавалось выступать и как актерам. Он обладал солидным доходом, позволявшим иметь огромный земельный участок, собственную конюшню и собственный дом на берегу Тихого океана, бесплатно оборудованный щедротами «Дженерал электрик» всеми известными и даже еще только внедрявшимися в быт и не освоенными серийным производством электротехническими и электронными приборами и приспособлениями (неэлектрифицированными в доме остались разве что стулья, не скрывая своего восторга, хвастал знакомым и незнакомым Рейган). У него была крепкая и дружная семья — жена Нэнси, дочь Патти и родившийся в 1958 г. сын Ронни-младший, прозванный «Скиппером» или просто «Скипом». Выступления от имени и в защиту системы свободного предпринимательства, сопровождаемые по мере необходимости антикоммунистическими заявлениями и выпадами в адрес вашингтонского правительства, «оседлавшего рядового труженика и не дающего ему свободно дышать», щедро оплачивались корпорацией «Дженерал электрик», предпринимательскими объединениями и общественными организациями правого толка и планировались, как ему хотелось верить, на многие годы вперед. Унизительный ангажемент в прокуренном ночном клубе Лас-Вегаса остался в памяти кошмарным воспоминанием.

«Театр Дженерал электрик» на протяжении нескольких лет фигурировал в десятке наиболее популярных у зрителей телевизионных программ. Многие ведущие голливудские «звезды» считали за честь быть приглашенными участвовать в постановках, спонсором которых была одна из крупнейших промышленных корпораций страны. Но всему на свете приходит конец: программы «Театра», шедшие в черно-белом изображении, были уже не в состоянии конкурировать с цветной вечерней воскресной программой «Бонанза», захватывающим зрелищем в жанре «вестерн», продолжавшимся из недели

в неделю по другой телепрограмме. Таково было официальное объяснение конца «Театра Дженерал электрик».

В интерпретации же Рейгана обстоятельства и причины ликвидации «Театра Дженерал электрик» выглядели совершенно иначе. По его словам, ничто не предвещало поворота на 180° в отношении корпорации к телевизионной программе, спонсором которой она выступала на протяжении восьми лет. «Затем произошла странная вещь: мне позвонил президент рекламного агентства. Это уже само по себе было странным, поскольку на протяжении нескольких лет я имел дело непосредственно с «Дженерал электрик», дружески общаясь с ее представителями. Этот человек начал прощупывать мое отношение к тому, чтобы мои поездки продолжались, но ограничивались бы выступлениями с рекламой продукции «Дженерал электрик». Я подумал о намеченных на три недели вперед мероприятиях, включая выступление на ежегодном ужине Ассоциации промышленников штата Индиана, и никак не мог представить себя производящим большое впечатление на эту группу людей описанием нового кофейника образца 1963 года. Я сказал этому джентльмену, что, если дело заключается в моих выступлениях, я не вижу иного выхода из создавшегося положения, кроме разрыва наших отношений. Совершенно очевидно, что «Дженерал электрик» не могла отменить все мои поездки, сообщив важным деловым клиентам, что она не может направить меня в качестве лектора; вместе с тем ни «Дженерал электрик», ни я не могли пойти на то, чтобы я ограничился пустой болтовней перед аудиторией, ожидавшей разговора на тему о «посягательствах правительственного контроля». Через 24 часа «Театр Дженерал электрик» перестал существовать». Столь пространное цитирование рейгановской версии вызвано необходимостью проиллюстрировать сохранившееся у него на всю жизнь убеждение в том, что за решением о ликвидации программы «Театр Дженерал электрик», так же как и за всеми обрушившимися на него после января 1961 г. неприятностями, стояли «либералы», в том числе и те, кто пришел к власти в стране с победой демократов на выборах 1960 г. «Трудно было поверить,— писал он в своих мемуарах,— что та же самая речь, которая на протяжении шести лет администрации Эйзенхауэра вызывала лишь весьма незначительные нападки, возбуждала сейчас такие бурные вихри. Пару раз я даже перечитывал эту речь, пытаясь выяснить, не включил ли кто-нибудь в нее без моего ведома несколько лишних абзацев. Я бы тоже ненавидел меня, если бы я произносил ту речь, которую, по их утверждениям, я произносил»<sup>20</sup>.

Но существует и другая, и, как представляется, гораздо

более правдоподобная версия ликвидации «Театра Джeneral электрик», чем та, которой придерживается сам Рейган, или же выдвинутая некоторыми авторами версия о том, что руководство «Дженерал электрик» было вынуждено отказать программе в своем спонсорстве и соответственно отказаться от услуг Рейгана под давлением либеральных кругов, недовольных-де резко отрицательными характеристиками, которые давались им решениям и действиям демократической администрации Дж. Кеннеди в области внешней и внутренней политики. Дело было в том, что «Театр Джeneral электрик» перестал выходить в эфир в сентябре 1962 г., а несколькими месяцами ранее министерство юстиции США, во главе которого, как известно, стоял Роберт Кеннеди, возбудило гражданский иск по делу о нарушении антитрестовского законодательства Музыкальной корпорацией Америки. В ходе рассмотрения иска в суде выяснилось, что это антрепренерское агентство, представлявшее интересы Рейгана на всем протяжении его творческой карьеры, пользовалось особой (и понятной) благосклонностью президента Гильдии киноактеров Рейгана и что гильдия со всеми на то юридическими основаниями может считаться соответчиком по возбужденному против Музыкальной корпорации гражданскому иску. Уже в феврале 1962 г. Рейган вызывался повесткой Большого жюри для определения степени его вовлеченности в противозаконную деятельность корпорации и вынесения решения о привлечении его к судебной ответственности. «В воздухе запахло возможностью скандала,— считает Г. Уиллс.— И «Дженерал электрик» с ее положительным реноме и многочисленными правительственными контрактами была вынуждена проявлять осторожность в отношении людей, привлечших к себе столь враждебное отношение министерства юстиции, и тем более в условиях возможности дальнейших разоблачений и даже привлечения к суду»<sup>21</sup>. Рейган был извещен о ликвидации программы «Театр Джeneral электрик» практически без всякого предварительного уведомления, за 24 часа до официального прекращения ее существования. Даже в этом случае он предпринял попытку снять ответственность за допущенную по отношению к нему несправедливость с того, кого он почитал превыше всех,— с президента корпорации Кординера. «Этого не случилось бы, если бы во главе «Дженерал электрик» оставался Кординер»,— утверждал он. Но он явно заблуждался: Кординер покинул пост президента корпорации в декабре 1963 г., т. е. более чем через год после ликвидации «Театра Джeneral электрик», и, следовательно, эта акция была осуществлена с его ведома. Согласиться с этой мыслью было выше сил Рейгана.

Потеря постоянного и гарантированного источника доходов не создала на этот раз сколько-нибудь серьезных материальных проблем в семье Рейганов. Прочное финансовое положение было обеспечено восемью годами активной работы на «Дженерал электрик»... и на себя. Спрос на платные выступления Рейгана по животрепещущим проблемам, стоявшим перед американским обществом в те годы, ничуть не уступал спросу на него в бытность его сотрудничества с корпорацией. Музыкальная корпорация Америки продолжала заботиться о своем верном клиенте, организовывая ему выступления в качестве гостя других телевизионных программ; в 1964 г., как уже говорилось выше, через Музыкальную корпорацию им было получено и принято предложение сняться в телевизионном художественном фильме «Убийцы». А в 1965 г. у него вновь появился гарантированный источник доходов — крупная американская компания по производству стиральных и моющих средств «Боракс». На целых два года он стал ведущим еженедельной телепередачи «Дни Мертвой долины» — популярного сериала-«вестерна», создававшегося на средства компании. Функции ведущего передачи включали обязанность рекламировать во время специально предусмотренных перерывов в показе сериала продукцию, выпускаемую «Боракс», и в частности производимый ею стиральный порошок «Боратим».

Работу ему нашел на этот раз старший брат Нил, ставший к тому времени вице-президентом довольно крупного рекламного агентства. Согласно совместно разработанному братьями плану, был проведен «опрос общественного мнения» якобы с целью определения, насколько популярна среди покупателей рекламируемая Рональдом Рейганом по телевидению продукция компании «Боракс». Результаты проведенного опроса обнародовал Нил Рейган, сопроводив их следующим комментарием: «Мы пригласили женщин прямо с улицы и показали им рекламный ролик. Мы спросили у них, что они думают о Рональде. Они сказали, что готовы купить у него что угодно. Они даже заявили, что готовы проголосовать за него, если он будет баллотироваться на выборный пост, хотя мы их об этом не спрашивали»<sup>22</sup>. Именно в последней фразе Нила Рейгана заключались замысел и подоплека проведенного опроса. Результаты этого рекламного трюка не заставили себя долго ждать.

## Перед выходом на сцену

Судя по последним страницам его мемуаров, они писались в те самые месяцы, когда шли, а может, уже завершались съемки в последнем фильме Рейгана «Убийцы». По всей видимости, именно эти съемки он и имел в виду, упоминая о том, что вновь «надел на себя свою кинематографическую шляпу». За этой фразой следовали строки, объяснявшие, для чего автору понадобилась метафора шляпы: «Восемь лет, конечно, не прошли бесследно, и я обнаружил, что в мыслях заигрываю с идеей телевидения. (Незадолго до того, как прекратила свое существование телепрограмма «Театр Джерал электрик», Рейган попробовал свои силы в постановке телеспектакля и собирался финансировать одну из телепрограмм на основе партнерских взаимоотношений с другими спонсорами.— Э.И.) И еще одна шляпа — действительно совершенно новая — была продемонстрирована совсем недавно, и, хотя она и обладала рядом весьма интригующих достоинств, я решил, что она может оказаться не очень удобной. Модель ее была изготовлена группой моих сограждан, и они оказали мне высокую честь, за которую я им низко кланяюсь, хотя шляпа мне и не подошла. Их шляпа относится к категории тех, которые бросают на политический ринг; они ждали от меня именно этого — чтобы я стал губернатором или сенатором. Человек выполняет ту работу, которая, по его мнению, ему удастся лучше других, и выполняет те обязанности, которые, как он считает, позволяют ему принести наибольшую пользу. Что же касается лично меня, я могу быть полезен тем, что буду продолжать принимать приглашения выступать...»<sup>1</sup> Если полагаться на слова Рейгана, то он отказался от предложенной ему чести баллотироваться на политический пост, приняв решение остаться в кино или, на худой случай, на телевидении. Но трудно оставить без внимания тот факт, что этим признанием фактически завершаются мемуары, которые обычно пишутся либо по завершении активного жизненного пути на общественно значимом поприще, либо же (как это становится во все большей степени традицией в Соединенных Штатах) на пороге планируемой крупномасштабной политической карьеры. Говорить о завершении в 1965 г. жизненного пути 54-летнего Рейгана не было оснований, да и он сам отнюдь не стремился, судя по содержанию его мемуаров, создать такое впечатление. Напротив, совершенно явной целью мемуаров

было создание у читателя впечатления об избытке жизненных сил и идей у их автора. Следовательно, замысел Рейгана, нанявшего к тому же для его реализации весьма дорогостоящего соавтора из профессиональных журналистов, был вполне определенным, как бы ни старался он убедить читателей в отсутствии у него честолюбивых планов. Без малого три с половиной сотни страниц, написанные Рейганом при помощи журналиста Ричарда Хюблера, или, вернее, написанные Хюблером при помощи Рейгана, как и все мемуары политических деятелей, лишь с большой натяжкой могут считаться надежным источником информации, так как они писались уже по существу будущим политическим деятелем — человеком, не столько оглядывавшимся назад на пройденный им путь, сколько заглядывавшим вперед.

Прежде чем продолжить повествование, представляется уместным вспомнить высказывание о Рейгане, принадлежащее хорошо знавшей его в голливудский период его жизни киноактрисе Карен Морли. Не исключено, что кое-кому оно покажется необъективным, тем более что у Карен Морли, давшей столь нелицеприятную оценку личности и внутреннего мира Рейгана, были известные основания не питать особых симпатий к нему. Напомним, что она была одной из тех, кто был включен в «черные списки» в годы «охоты на ведьм» в Голливуде и лишился работы в результате акций, предпринятых, в частности, президентом Гильдии киноактеров Рейганом. «Дело не в том, что он плохой человек, — сказала Морли в беседе с журналистом, интервьюировавшим ее в ходе президентской предвыборной кампании 1980 г., когда Рейган баллотировался на пост президента США. — Самое ужасное в Ронни — это его стремление быть всегда на стороне тех, кто обладает силой. Я не думаю, что он способен на самостоятельные поступки и решения. Я никогда не видела, чтобы у него когда-либо в жизни возникла собственная идея. Честно говоря, я не думаю, что он понимает, насколько опасно то, что он делает»<sup>2</sup>. Внимание к этому высказыванию Морли о Рейгане было вызвано помимо всего прочего тем, что спустя 30 с лишним лет после ставших для нее роковыми событий 1947 г. Карен Морли оказалась чуть ли не единственной из давно знавших Рейгана людей, кто решился откровенно высказать негативное мнение о нем.

Журналисты, пытавшиеся в преддверии президентских выборов 1980 г. узнать и рассказать побольше о человеке, собиравшемся въехать в Белый дом, наталкивались на поразительную сдержанность тех, кто, казалось бы, должен был знать в самых мельчайших деталях о многих малонизвестных широкой общественности сторонах личной и общественно-

политической жизни своего старого знакомого и коллеги. Калифорнийские старожилы — голливудские актеры, местные политические деятели и просто соседи по земельным участкам — либо ссылались на то, что совершенно не знают Рейгана, либо же отделялись общими фразами типа: «он любит колоть дрова и ездить на лошадях», «любит пилить бревна и верховую езду», «обожает чинить забор и сидеть в седле». Эти люди охотно говорили о том, что Рейган любит хорошие вина, железное драже и рассказывать анекдоты, но уходили от оценок его политического лица и деловых качеств. Поневоле складывалось впечатление, что дело в действительности было не столько в том, что эти люди плохо знали Рейгана, а в том, что они знали его достаточно хорошо и опасались, как бы вырвавшееся у них опрометчивое суждение о нем не обернулось в конечном счете против них самих. Можно, конечно, предположить, что для старых знакомых Рейгана его сотрудничество с Федеральным бюро расследований не было столь уж большим секретом. Но такое предположение относится скорее к категории домыслов, а вот ассоциация имени Рейгана с лицами, обладающими властью, была вполне реальной. Да и восемь лет пребывания к тому времени Рейгана в губернаторском особняке могли уже научить кое-чему калифорнийцев. Иначе действительно трудно объяснить, почему даже «близкие его друзья, говоря о нем, отделялись казавшимися заранее отрететированными, сугубо формальными фразами»<sup>3</sup>. Была, правда, в Калифорнии и небольшая, но весьма влиятельная группа лиц, проявлявших готовность говорить о Рейгане даже тогда, когда их мнением не интересовались. Состав этой группы был неоднородным: в ней были люди, как говорится, заказывавшие музыку, и люди, ее исполнявшие. Разговор об этих людях и взглядах, которые они исповедовали, пойдет несколько ниже, но именно сейчас было бы, видимо, уместным хотя бы в самых общих чертах охарактеризовать ситуацию, сложившуюся в политическом мире США на пороге 60-х годов.

Возможно, большинство читателей не придадо особого значения брошенному выше вскользь замечанию, что ни хозяева «Дженерал электрик», ни сам Рейган не согласились бы в середине 50-х годов назвать себя консерваторами. Дело в том, что на протяжении довольно продолжительного исторического отрезка времени, а если говорить точнее, то с 1933 г. и вплоть до второй половины 50-х годов хвастать принадлежностью к консерваторам, находившимся в значи-



тельной мере «на отшибе» активной американской политики, не приходилось. Более того, политические деятели, придерживавшиеся консервативных взглядов на те или иные аспекты внешней и внутренней политики американского государства, отчаянно отбивались от ярлыка «консерватора», предполагавшего, по определению либерально-буржуазной прессы, образ мышления, недостойный разумного человека, а тем более человека, рассчитывающего на успех в политике. Даже сенатор Роберт Тафт, считавшийся наиболее консервативным деятелем республиканской партии и лидером ее крайне правого крыла, решительно отказывался именовать себя консерватором. Относительно небольшая группировка политических и общественных деятелей страны, называвших себя в те годы «консервативным контрестэблишментом» и довольствовавшихся ролью критиков политического процесса и общественной морали, принимала участие в политической жизни США в основном в качестве воинствующих проповедников антикоммунизма. Американский историк Джон Лукач, пытавшийся разобраться в корнях современного американского консерватизма, считал, что «американское консервативное движение возникло в 50-е годы, когда антикоммунизм стал ассоциироваться с американским патриотизмом. Эта ассоциация была столь же неправомерной, сколь и поверхностной. В умах многих людей она была всего лишь еще одним проявлением их убежденности в американской безгрешности. Бог одарил Америку монополией на добродетель, а коммунизм — монополией на греховность. Коммунизм представлял собой полную противоположность того, за что выступала Америка; практически все зло, существовавшее в мире, было делом рук коммунистов и тех, кто им симпатизировал»<sup>4</sup>. Идейный вдохновитель консерваторов Р. Тафт, ставший сенатором США в год начала второй мировой войны, был убежден, что основную опасность для Америки представлял не фашизм, а коммунизм, поскольку «фашизм привлекателен лишь для немногих, а коммунизм — для многих»<sup>5</sup>, и эта высказанная им в 1941 г. мысль на многие годы вперед предопределила отношение правого крыла американского политического спектра к Советскому Союзу.

Перспективы того, что представители этой воинствующей, но маломощной группировки смогут занять сколько-нибудь заметное место в политической жизни страны, казались довольно сомнительными, особенно после того, как Тафт потерпел поражение в борьбе за Белый дом в 1952 г. от популярного в стране генерала Эйзенхауэра. Авторитет Тафта среди его сторонников оказался основательно подорванным, а последовавшая в 1953 г. его смерть оставила американских консерваторов не только без идейного лидера, но и, как каза-

лось тогда, без каких-либо реальных шансов на сколько-нибудь значимое политическое будущее. Вместе с тем смерть Тафта в еще большей степени обострила неприязненное отношение истых консерваторов к администрации Эйзенхауэра, лично к президенту и проводимому им внешнеполитическому и внутривнутриполитическому курсу. Особенно обостренным было неприятие «ставленника восточного истеблишмента» Эйзенхауэра среди ультраконсервативно настроенных республиканцев западного побережья США, где особо активную политическую роль традиционно играл штат Калифорния.

Одновременно с выделением ультраконсерваторов в политическую фронду в 50-х годах, а точнее, начиная со второй половины десятилетия, шел процесс перегруппировки политических сил в традиционных рамках двух ведущих партий страны. Некогда явно тяготевшее «влево» либеральное крыло политического спектра США стало все откровеннее смыкаться с «центром» в вопросах внутренней политики, а в вопросах внешней политики, и особенно по тем ее аспектам, которые имели отношение к Советскому Союзу, нередко оказывалось на самом правом фланге этого спектра. «Холодная война», маккартизм, рост влияния военно-промышленного комплекса, расширяющийся «кадровый взаимообмен» между государственно-политическим аппаратом и деловыми кругами способствовали сближению позиций республиканской и демократической партий по основным вопросам внешней и внутренней политики при сохранении расхождений лишь в малопринципиальных деталях. Сближение позиций происходило, как правило, в некоей точке, которую следовало искать много правее той, где не так давно обретались традиционные центристы.

Консолидация сил внешнеполитического экстремизма привела к укреплению позиций «старых» консерваторов, которым в условиях, когда консерватором стал называть себя даже президент Эйзенхауэр, стало больше подходить имя ультраконсерваторов. В 1955 г., буквально через несколько месяцев после того, как началось катастрофическое падение политического авторитета и влияния сенатора Джозефа Маккарти, приведшее в конечном итоге к его политической, а вскоре и физической смерти, американские ультраконсерваторы основали журнал «Нэшнл ревью», издателем которого стал Уильям Бакли. Для сил, стоявших за созданием журнала, был категорически неприемлем тот политический консенсус, который сложился в стране в годы администрации Эйзенхауэра и который стал теперь одной из основных мишеней ультраконсервативной критики. «Современный республиканизм» администрации, нашедший выражение в ее решениях по социально-экономическим вопросам, наличие отдельных элементов

реализма в проводимом ею внешнеполитическом курсе не устраивали, да и не могли устроить ультраконсерваторов, все чаще и все основательнее расходившихся с оставшимся по многим параметрам консервативным политическим курсом правительства. Уильям Бакли и его единомышленники «относились к самому президенту с пренебрежением, граничившим с презрением, и вели неустанную деятельность (оставаясь большей частью в политической изоляции) по подрыву центристского единства, которое он возглавлял», — считает один из современных тяготеющих к неоконсерватизму авторов <sup>6</sup>.

В среде консерваторов США было широко распространено представление о себе как о небольшой интеллектуальной элите общества, стоящей на защите непреходящих ценностей цивилизации, которой грозит гибель от рук диких представителей необузданной массы. Они особо гордились ролью, отведенной им одним из идеологов американского консерватизма, Альбертом Джеймсом Ноком, некогда заявившим, что «после того, как все полетит в тартарары, именно они (т. е. элита, которую он называл «остатком». — *Э. И.*) вернутся и построят новое общество» <sup>7</sup>. Создание первого консервативного журнала открывало перед американскими правыми более широкие возможности пропаганды их позиций по основным внешнеполитическим и внутривнутриполитическим аспектам деятельности американского государства. Но даже с учетом активной лекционно-пропагандистской работы, которую вел по телевидению и перед различными «живыми» аудиториями сам Уильям Бакли, ощущалась явная необходимость выхода за пределы ограниченных возможностей, чтобы донести консервативную мысль до максимального числа американцев. Не трудно предположить, что У. Бакли и его соратники с особым вниманием и понятным интересом следили за лекционной деятельностью Рейгана, тем более что ее общенациональный размах был действительно уникален.

Рейган оказался в числе тех немногих на первых порах подписчиков журнала «Нэшнл ревью», которые отвергали рузвельтовский «новый курс», протестовали против правительственного вмешательства в экономику и против контроля за деятельностью частного сектора, отрицали необходимость государственных программ социального вспомоществования, оспаривали целесообразность вступления США во вторую мировую войну и, конечно, органически не воспринимали безбожный коммунизм и ненавидели Советский Союз. Так уж получилось, что основные идеи, аргументы и факты, находившие отражение в выступлениях Рейгана перед многочисленными аудиториями в бытность его наемным служащим корпорации «Дженерал электрик», будь то рабочие и служа-

щие этой корпорации или могущественные члены влиятельной Национальной ассоциации промышленников США, заимствовались из «Нэшнл ревью» — по его собственному признанию, самого любимого его журнала.

Уже упоминавшийся выше Дж. Лукач писал, что взгляды американских консерваторов на мир и внешнюю политику «были прискорбно жалкими, так как их отношение к Советскому Союзу как средоточию гигантского атеистического заговора и источнику всех возможных зол в мире было столь же нереалистическим, неисторическим, продиктованным идеологическими соображениями и иллюзорным, как и просоветские иллюзии бывших либералов и прогрессистов. Даже при том, что интеллектуалы из американского консервативного движения зачастую были более великодушными и менее ограниченными, чем интеллектуалы из числа либералов, они весьма редко испытывали сомнения, вступая в союз и ища поддержку у некоторых из наиболее невежественных и несимпатичных людей и политических деятелей»<sup>8</sup>. В числе таких людей, которых ультраконсерваторы привлекли к своей антикоммунистической деятельности, оказались и сенатор Джозеф Маккарти (в его защиту У. Бакли совместно с Б. Бозеллом написали книгу «Маккарти и его враги», 1954 г.), и журналист Уитакер Чэмберс, написавший книгу воспоминаний «Свидетель» (1952 г.), высоко оцененную и часто цитируемую как Уильямом Бакли, так и Рейганом. Образ «непримиримого борца с безбожным коммунизмом» и «истинного патриота» Чэмберса попал на страницы мемуаров Рейгана со страниц журнала «Нэшнл ревью», как и многие из мыслей и суждений по проблемам общественного звучания.

Едва успел завершиться первый год пребывания у власти администрации Эйзенхауэра, как журнал «Американ меркьюри» обвинил президента в том, что вместо выполнения наказа избирателей вести борьбу с коллективизмом тот сполз на позиции «сдержанного новокурсизма», а вместо признания того, что «либо мы, либо они (коммунисты) должны быть уничтожены» и что целью Соединенных Штатов должно быть «свержение власти Кремля», он, президент, следовал внешнеполитическому курсу своих предшественников. Автором этой статьи был редактор «Нэшнл ревью» Фрэнк Мейер, который спустя пять лет подвел своеобразный итог пребыванию у власти администрации Эйзенхауэра в редактируемом уже им журнале: «После шести лет правления администрации, приведенной к власти прежде всего голосами консерваторов, отмечается огромное ослабление нашей воли к сопротивлению коммунизму и наших позиций по сравнению с позициями коммунизма»<sup>9</sup>. Рейган, судя по его высказываниям тех лет,

полностью разделял взгляды Бакли и «Нэшнл ревью» на необходимость защиты системы свободного рынка и частного предпринимательства от государственного вмешательства, грозящего социализацией американского общества, и решительно поддерживал силовое противостояние коммунизму. Однако те же его выступления говорили о сдержанности в тех вопросах, которые касались положения, сложившегося внутри республиканской партии, или личности самого президента Эйзенхауэра. При всем том, что Рейган не питал особых личных симпатий к Эйзенхауэру и был во многом не согласен с проводившимся администрацией внешнеполитическим и внутривнутриполитическим курсом, он не мог себе позволить открыто выступать против партии и президента, пользовавшихся активной поддержкой руководства «Дженерал электрик» и других влиятельных представителей корпоративной верхушки правящего класса страны. На такое могли решиться лишь те, кто располагал «крепкой спиной» в политических или деловых кругах, а в 50-х годах Рейган ею еще не располагал. Ультраконсерваторы отказались в 1960 г. поддержать даже кандидатуру Никсона на пост президента США; Рейган, уже как республиканец, поддержал Никсона и предпринял попытку протолкнуть кандидатуру сенатора Голдуотера в напарники к Никсону в качестве вице-президента. Но кто тогда всерьез считался с мнением Рональда Рейгана?

\* \* \*

Нет сомнения в том, что лекционно-просветительская деятельность Рейгана не прошла мимо внимания консервативно настроенных политических и общественных деятелей страны, но с такой же степенью уверенности можно утверждать, что никому из них в то время не приходила в голову мысль о том, что Рейган может стать их избранником на сколько-нибудь ответственный политический пост. Рупором — да, но ни в коем случае не лидером или знаменосцем. К 60-м годам в роли лидера и знаменосца американских консерваторов прочно утвердился сенатор Голдуотер. Поражение Р. Никсона на президентских выборах 1960 г. не только не охладило пыл консерваторов, а, напротив, в еще большей степени усилило их стремление приблизить долгожданный момент овладения политической властью в партии и в стране. Все их надежды отныне возлагались только на Голдуотера, решительно отмежевавшегося от Никсона в ходе работы национального съезда республиканской партии 1960 г. своим осуждением «республиканского Мюнхена». Так он назвал негласное соглашение между прониксоновской и пророкфеллеровской группировка-

ми в партии, результатом которого явилось выдвижение приемлемого для обеих группировок «тандема» на пост президента и вице-президента США — Ричарда Никсона и Уильяма Миллера. Авторы, пишущие о Голдуотере, да и он сам, утверждают, что он не испытывал никакого энтузиазма по поводу выдвижения своей кандидатуры на пост президента США, а после убийства Джона Кеннеди и вовсе потерял интерес к этому. Его убедили в необходимости такого шага, если опять-таки верить Голдуотеру и его биографам, консервативно настроенные коллеги по сенату, высказавшие опасения, что в случае отказа Голдуотера выставить свою кандидатуру верховенство в республиканской партии захватят либералы во главе с Н. Рокфеллером. Представить себе такую ситуацию было выше сил Голдуотера и его единомышленников, к числу которых к этому времени решительно относил себя и Рейган.

А тем временем среди немногочисленной, но весьма влиятельной в штате Калифорния группы состоятельных дельцов, тесно связанных финансовыми узами с военно-промышленным комплексом, зародилась мысль выдвинуть Рейгана кандидатом на пост губернатора штата от республиканской партии. (Взаимосвязанность зарождения этой мысли и официальной регистрации Рональда Рейгана в качестве республиканца в 1962 г. настолько очевидна, что распространяться на эту тему нет никакой необходимости.) Фактором, объединившим эту группу промышленников и финансистов Калифорнии, в состав которой вошли лица примерно одного возраста, в идеологически и политически гомогенное целое, был единый подход к оценке роли наиболее состоятельной части предпринимателей в жизни американского общества. В самых общих чертах объединявшая их всех идея сводилась к убеждению, что огромные состояния, накопленные незначительным меньшинством американских граждан, являются убедительным свидетельством и результатом неординарной талантливости и предприимчивости этих людей и что стоит предоставить им полную свободу действий и оградить их общественно полезную деятельность от государственного вмешательства, как будут решены все стоящие перед Соединенными Штатами экономические и социальные проблемы. Позиция этой группы по вопросам разоружения и контроля над вооружениями была предельно проста: чем сильнее США в стратегическом плане и чем страшнее и мощнее оружие, которым они обладают, тем больше шансов создания и сохранения отвечающей американским политическим и экономическим интересам ситуации в мире. Хорошо знавший многих членов этой группы журналист Р. Линдсей так охарактеризовал основополагающее социально-экономическое кредо, которого они придержива-

лись: «Секретом экономического успеха Америки они считают систему частного предпринимательства и возражают против того, что все более возрастающая часть доходов от их деятельности бесследно уходит на финансирование правительства, являющегося, по их убеждению, расточительным и неэффективным; на финансирование правительства, которое вмешивается в дела, входящие по праву в компетенцию частных предпринимателей, и поощряет народ к безделью»<sup>10</sup>.

Члены этой предпочитающей по возможности оставаться в тени группы говорили о себе с большей сдержанностью. «Объединяющим нас всех фактором является то, что наша группа состоит из добившихся успеха в жизни людей,— говорил кинопродюсер Джек Разер, входивший на первых порах в этот ограниченный круг людей, получивший позднее известность как «рейгановская команда». — Мы все стоим за экономическую стабильность и предпочитаем — хотя это и звучит весьма уныло — тихую, семейную жизнь». Упомянутый Разером «объединяющий фактор» миллионных состояний и консервативного образа мышления свел в одной группе, состоявшей из 20 человек, его самого, промышленников Джастина Дарта, Джозефа Курса, Эрла Джоргенсона, финансистов и дельцов Эла Блумингдейла, Холмса Таттла, Теодора Каммингса, Клемента Стоуна, Арманда Дейча, Уильяма Уилсона, крупного адвоката Уильяма Ф. Смита, специализировавшегося на представительстве интересов крупных корпораций, и еще нескольких человек из кругов «калифорнийской элиты», решивших поставить на Рейгана. «Мы верили в систему свободного предпринимательства,— заявил Х. Таттл, отвечая на вопрос о том, как его группа пришла к решению об оказании Р. Рейгану поддержки.— Мы считали, что, если мы хотим сохранить эту систему, нам надо делать что-то конкретное, а не просто кричать об этом на каждом углу. Мы собрали людей, объединенных общими интересами, и решили помочь Рону»<sup>11</sup>. Однако в 1962 г. Рейган уклонился от заманчивого предложения попробовать свои силы в борьбе за губернаторский пост, заявив, что видит свое предназначение не в занятии высокого политического поста, а в оказании содействия, в частности своими выступлениями, другим претендентам на эти посты и в поддержке выдвигаемых теми благородных целей. Так во всяком случае утверждают многие из пишущих о Рейгане авторов, пытающиеся найти особый смысл в проявленной им тогда скромности и усматривающие в отказе Рейгана баллотироваться в губернаторы плоды урока, преподанного ему в те далекие годы, когда он еще только пытался попасть в Голливуд,— дескать, он рассчитывал на то, что и весь штат Калифорния, как некогда Голливуд, «полюбит» того, кто доста-

точно убедительно продемонстрирует, как мало он нуждается в такой «любви». Такое убеждение представляется по меньшей мере натянутым. Гораздо более достоверным представляется утверждение, основывающееся на всего лишь одной фразе из письма того периода, направленного Рейганом своей старшей дочери Морин, крайне расстроенной отказом отца баллотироваться в калифорнийские губернаторы: «На свете так много других дел. Я ведь могу еще стать президентом». Эта ставшая с тех пор широко известной американцам фраза из личного письма Рейгана считается первым свидетельством, хотя и выраженным в шутливой форме, имевшихся у Рейгана уже тогда честолюбивых замыслов. Наверное, не совсем уж безосновательно у некоторых из беседовавших с ним в тот период людей возникало впечатление, что, отказываясь от губернаторского поста, Рейган уже в те годы строил планы выхода на национальную политическую арену.

\* \* \*

Многие из авторов, пишущих о Рейгане, включая и советских исследователей, сходятся в утверждении, что политический деятель получился из него в тот день, когда он произнес свою известную речь в поддержку кандидатуры Голдуотера на пост президента США 27 октября 1964 г. Внешне все так именно и выглядело. Но при этом упускается из виду, что сам факт выступления Рейгана по национальному телевидению с этой речью, так же как и то, что им было сказано в этой речи, было предопределено всем тем, что он делал и говорил до того. Если бы по той или иной причине настоятельные попытки миллионера Сальватори организовать упомянутое выступление Рейгана по национальному телевидению сорвались, был бы найден другой, не менее эффективный способ вывода Рейгана на национальную политическую арену.

Калифорния, самый большой по населению штат страны, играла тогда и продолжает играть до сего времени исключительно важную роль в американской политике не только по причине большого числа избирателей, проживающих там, но и в силу того места, которое занимает этот штат в экономической структуре американского государства. Губернатор второго по численности штата США — Нью-Йорк Рокфеллер не мог не учитывать роль Калифорнии в ходе предвыборной кампании 1964 г., пытаясь заручиться поддержкой калифорнийских избирателей-республиканцев в своей борьбе за Белый дом. Опасность завоевания им такой поддержки признавалась американскими консерваторами, мобилизовавшими по всей



стране своих единомышленников с целью противостояния угрозе завоевания власти в партии «кумиром либералов». Рокфеллер, как можно предположить, располагал практически неограниченными финансовыми возможностями в своей борьбе за пост президента США, равных которым у Голдуотера, естественно, не было. С целью сбора средств на предвыборную кампанию Голдуотера Сальватори, ответственный за финансирование этой кампании в штате Калифорния, организовал серию званых обедов и ужинов, от участников которых ожидалось крупные взносы в голдуотеровскую казну.

На одном из таких платных обедов выступил со «Спичем» в поддержку кандидатуры Голдуотера и Рейган. «Спич»<sup>\*</sup> произвел большое впечатление на калифорнийских консерваторов, поднявших вопрос о желательности организации выступления Рейгана с этим же текстом по национальному телевидению и даже приступивших к сбору средств на оплату такого выступления. Утверждают, что, поддерживая эту идею в беседе с Сальватори, Нил Рейган заявил: «Дайте этому парню возможность выйти в эфир, и он докажет вам свою эффективность. Мы уже испытали его на стиральном порошке»<sup>12</sup>. Особенно уговаривать Сальватори Нилу Рейгану не пришлось: оказалось, что тот уже имел возможность прослушать этот «Спич» на одном из званых обедов. (Рейган по-прежнему придерживался правила не баловать слушателей разнообразием высказываемых им мыслей и оценок. Как говорят американцы, достаточно было прослушать «Спич» Рейгана один раз, как слушателю становились чуть ли не дословно известными все остальные его речи.) «После этого выступления мы пришли к решению дать ему высказаться по телевидению. Мы поняли, что Рейган излагает позицию Голдуотера лучше, чем сам Голдуотер», — решительно высказался Сальватори<sup>13</sup>.

Краеугольным камнем политической философии Голдуотера был тезис о необходимости защиты прав личности, подвергающейся всевозможным формам контроля со стороны государства, начиная с контроля за предпринимательской деятельностью и кончая контролем за содержанием программного образования. Государственный контроль над лич-

\* Английское слово «спич» используется здесь не случайно. Именно так и обязательно с заглавной буквы вошел текст этой речи в американскую историю. «Краткая приветственная застольная речь» — так объясняет известное и в русском языке слово «спич» словарь С. И. Ожегова. Учитывая, однако, что «Спич» Рейгана не носил характера приветствия и был далеко не кратким, было бы предпочтительнее употреблять его в толковании В. И. Даля — «речь, слово, сказанное по случаю», тем более что «случай» был явно налицо.

ностью, заявлял Голдуотер, является не чем иным, как социализмом, а его основной соперник во внутривнутрипартийной борьбе за президентский пост Рокфеллер является всего лишь социалистом, вырядившимся в одежду миллионера. Говоря о своей программе во внешнеполитической области, Голдуотер обращал внимание в первую очередь на недопустимость такой международной ситуации, когда «срывают наши флаги и сжигают наши посольства». Один из ближайших помощников Голдуотера ставил точку над «i» с еще большей решительностью: «Нам нужна победа, даже если это сопряжено с риском и даже если нам угрожают уничтожение и смерть. Ведь смерть как таковая не равносильна концу всего для мужчин и женщин, возвращенных в иудейско-христианских традициях». Цитировавший это высказывание американский политолог и историк Теодор Уайт вместе с тем признавал в мае 1964 г. наличие у сенатора из Аризоны и весьма серьезных тактических проблем: «В Калифорнии живут десятки тысяч людей, не просто реагирующих, а излишне горячо реагирующих» на подобные заявления. «Берчисты, фанатики и самые примитивные доморощенные сумасброды пытаются подключиться к «крестовому походу» Голдуотера, распространять брошюры о нем, распускать слухи о частной жизни Рокфеллера, его предполагаемых связях с коммунистами и усложнять жизнь его сторонникам»<sup>14</sup>. В выступлениях и публикациях правых экстремистов целеустремленно создавался портрет Рокфеллера как человека, предавшего интересы своей партии с такой же легкостью и безответственностью, с какой он за несколько лет до этого оставил свою первую жену и женился на своей секретарше.

Трудно себе представить, что у этого воинствующего антикоммуниста, казалось бы совсем недавно призывавшего «долбануть атомной бомбой по мужскому туалету в Кремле», еще работали какие-то разумные политические ограничители. Но чем ближе была дата общенациональных президентских выборов 1964 г. и особенно после того, как он был официально назван съездом республиканской партии ее кандидатом на пост президента США, Голдуотер проявлял все больше сдержанности в ассоциации своей политической позиции с позицией, которую занимали самые ультраправые из поддерживавших его организаций и лиц. К этому времени были почти сведены на нет все связи Голдуотера и его аппарата даже с журналом «Нэшнл ревью». По личному указанию Голдуотера его помощники публично дезавуировали ряд особо поджигательских заявлений и публикаций своих единомышленников справа, и поэтому неудивительно, что сначала помощники республиканского кандидата в президенты, а спустя некоторое время и он сам проявили крайнее беспокойство, узнав о наме-

рении калифорнийских республиканцев выпустить на общенациональное телевидение Рейгана. Текст неизменного рейгановского «Спича» был им хорошо известен и был объявлен неприемлемым для Голдуотера его помощниками, известившими о точке зрения своего «шефа» рейгановских спонсоров. Голдуотера и его советников особенно взволновало то обстоятельство, что в последнее время многие из заявлений Рейгана чуть ли не буквально совпадали с выпадами берчистов. В разгар предвыборной кампании вышла в свет оперативно скомпонованная книжка Дж. Стормера «Никто не решается назвать это изменой», разоблачавшая установление «коммунистического контроля над американским правительством и американской прессой». Из этой книжки Рейган вычитал фальшивую «ленинскую цитату», которую автор в свою очередь нашел в сочинении создателя общества Джона Берча Р. Уэлча «Сняя книга»: «Первым делом мы завоюем Восточную Европу. Вслед за нею завоюем массы Азии. Затем мы окружим последний бастион капитализма — Соединенные Штаты Америки. Нам не надо будет подвергать их нападению: Соединенные Штаты, как переспелый плод, сами упадут в наши руки»<sup>15</sup>. («Цитата» из «Николая Ленина» была впервые использована Рейганом в дни предвыборной президентской кампании 1964 г.; последний раз он обратился к ней, уже будучи президентом США, за месяц с небольшим до своей первой встречи с М. С. Горбачевым в Женеве, в ноябре 1985 г. После Женевы и вплоть до своего последнего дня в Белом доме Рональд Рейган на нее больше не ссылался.) «В нашем лагере есть суперпатриоты, которые готовы поджечь все вокруг, и мне приходится следить за ними, чтобы вовремя погасить пожар», — говорил один из помощников Голдуотера. К такого рода суперпатриотам был, по всей видимости, причислен и Рейган, и руководители предвыборной кампании Голдуотера пришли к решению о нежелательности ассоциации его экстремистских взглядов с апеллирующей к возможно более широкому кругу избирателей позицией республиканского кандидата в президенты.

Дальнейшие события развивались довольно быстро. Ознакомившись с текстом «Спича», помощники Голдуотера настояли на том, чтобы сам Голдуотер созвонился с Рейганом и попросил его отозвать с телевидения уже записанную пленку с выступлением. По свидетельству самого Рейгана, он спросил у Голдуотера, имел ли тот возможность лично ознакомиться с текстом, на что Голдуотер ответил отрицательно и сказал, что полагается на мнение своих помощников. Рейган обратился с ответной просьбой, чтобы Голдуотер лично с ним ознакомился, прежде чем решать, что делать. Время шло:

деньги, собранные среди сторонников Голдуотера в Калифорнии на оплату телевизионного выступления Рейгана, были уплачены, и в отсутствие новых звонков от Голдуотера Сальватори принял решение. Телевизионный «Спич» Рейгана вышел в эфир.

К 27 октября 1964 г., когда вышел в эфир телевизионный «Спич» Рейгана, исход предстоявших через неделю президентских выборов был практически предрешен: ожидалось сокрушительное поражение Голдуотера (и действительно, тогда за Линдона Джонсона, кандидата демократов, проголосовало около 43 млн избирателей; Голдуотер получил немногим больше 27 млн голосов). То, что Голдуотера ожидало поражение, было ясно всем, и в том числе, несомненно, и калифорнийским спонсорам телевизионного выступления Рейгана. Официальное название речи «Время выбирать» в этих обстоятельствах звучало довольно двусмысленно — времени для выбора Голдуотера явно уже не доставало, но оставалось достаточно времени для выбора политической линии республиканской партии на будущее. «Спич» Рейгана предлагал республиканским избирателям страны альтернативу ожидавшемуся поражению их лидера. Думается, что нет оснований приписывать калифорнийским спонсорам «Спича» талант предвосхитителей будущего развития событий. Вряд ли, финансируя телевизионное выступление Рейгана, они рассчитывали увидеть именно его на месте не оправдавшего надежд Голдуотера. Скорее всего на том этапе политической биографии Рейгана ему по-прежнему отводилась роль искусного и популярного в различных аудиториях пропагандиста политической и идеологической линии тех сил, которые не оставили надежд на решающую роль в республиканской партии. Реальных претендентов на место лидера консервативного крыла партии, как многим тогда казалось, не было. Было ясно лишь одно, и эту мысль четко донес до молодых республиканцев одного из округов Лос-Анджелеса сам Рейган: «Мы не намерены отдавать республиканскую партию изменникам, предавшим ее в только что окончившейся борьбе. Поражение (Голдуотера.— Э. И.) во все не означает отказа от консервативной идеологии. Нам больше не нужны кандидаты, присягнувшие на верность социалистической философии наших противников»<sup>16</sup>.

Учитывая роль, сыгранную «Спичем» в политической биографии Рейгана, тот факт, что текст этого выступления был своего рода резюме всего, что им говорилось по разному поводу и перед различными аудиториями, а также то, что его содержание определило на многие годы вперед позицию Рейгана по всем без исключения проблемам, затронутым в «Спиче», было бы, по-видимому, уместным и своевременным более

подробно разобрать хотя бы самые важные из изложенных в нем положений. Но прежде следует привести небольшую выдержку из книги Л. Кэннона, прямо относящуюся к рейгановскому «Спичу»: «Несмотря на то, что его «Спич» был более спорным по содержанию и содержал больше гипербол, чем какое-либо выступление Голдуотера в свою пользу, Рейган вдохновлял, тогда как Голдуотер был склонен пугать. Рейгановские слова носили радикальный характер, но его поведение успокаивало, поскольку в его словах было много шуточек самокритичного содержания и они сопровождались его известной обаятельной улыбкой. Профессиональное мастерство сделало его способным войти в доверие, но не вкрасться в него, совместив все лучшее, что ему дали Голливуд и Диксон. По манере и стилю поведения он был все тем же мальчиком из небольшого городка, добившимся успеха в большом городе»<sup>17</sup>.

«Я собираюсь говорить о спорных вещах,— начал свой «Спич» Рейган.— И я не прошу простить меня за это». Он обращался к своим соотечественникам как человек, которому открылось видение, недоступное им. Из его слов, оценок и предупреждений должно было быть ясно всем, что он видел не только дальше, но и глубже других. Американцы должны прекратить называть тех, кто разделяет его взгляды, правыми экстремистами, поскольку именно они сами проявляют политическую слепоту, отказываясь видеть, что на их глазах идет война с самым опасным врагом, которого когда-либо знал человек. «Пушки молчат в этой войне,— настойчиво развивал он эту тему,— но рушатся границы, в то время как те, кто должен сражаться, предпочитают оставаться нейтральными». Америка, говорил он, стоит перед выбором между свободным предпринимательством и разросшимся правительством, между свободой личности и «муравьиной кучей тоталитаризма», между необходимостью проявления стойкости в сложившейся опасной международной обстановке и капитуляцией перед «наиболее злобным врагом, которого когда-либо знало человечество на своем долгом пути восхождения из топких болот к звездам». Рейган не щадил тех, кто осмеливался призывать к проявлению разумности и дальновидности во внешней политике, и тех, кто пытался осуждать опасный экстремизм при выработке подходов к решению современных международных проблем. «Наши прекраснодушные либеральные друзья отказываются признать, что их политика приспособления к сложившейся ситуации есть не что иное, как политика умиротворения, а умиротворение не предоставляет выбора между миром и войной, оно предоставляет выбор лишь между борьбой и капитуляцией... Те, кто осуждает использование терминов «розо-

вые» или «леваки», сами виновны в навешивании ярлыка «правый экстремист» на тех, кто противостоит их либерализму».

Разделавшись с темой борьбы с коммунизмом, Рейган переключился на «непомерно разросшееся правительство», которое «подчинило себе здравоохранение, жилищное строительство, фермерское хозяйство, промышленность, торговлю, образование и во все нарастающей степени вторгается в право народа знать». Он назвал программы социального обеспечения программами оказания благотворительной помощи, экономическую помощь зарубежным странам — «субсидией социализму», городское строительство — «наступлением на свободу личности», бесплатное образование — «не всеобщим правом, а привилегией тех, кто его заслуживает». Особого внимания Рейгана удостоилась, как обычно, проблема налогообложения: «Мы нуждаемся в настоящей налоговой реформе, которая по крайней мере начнет движение в направлении реализации Американской мечты для наших детей, мечты, заключающейся в том, что никому не будет отказано в возможности достижения богатства; в том, что любой человек обладает правом достичь таких высот, которые обеспечиваются ему его возможностями и способностями».

30-минутное выступление Рейгана по национальному телевидению завершилось грозным предупреждением об ожидающих американцев опасностях в случае победы демократов. «Нам с вами предстоит встреча с судьбой,— сказал он в заключение, позаимствовав известный лозунг, выдвинутый еще в 1932 г. Франклином Рузвельтом,— и мы можем сохранить для наших детей самую светлую надежду человечества, но можем и приговорить их к первому шагу в тысячелетие тьмы»<sup>18</sup>.

Выступление Рейгана создавало полное впечатление программной речи, выгодно отличаясь от традиционных программных выступлений отсутствием прямых выпадов в адрес политических противников. Рейган не считал необходимым хотя бы раз упомянуть имя Голдуотера, человека, в интересах которого, как утверждалось, предпринималась эта акция. Лишь много времени спустя было обращено внимание на то, что в тексте «Спича» было очень много общих мест, анонимных примеров типа «один человек из крупного города на Востоке страны», «один судья», «одна относительно молодая женщина с шестью детьми», «два моих приятеля, беседовавших с одним кубинским беженцем» и т. п. Приводимые Рейганом в подтверждение выдвигаемых положений анонимные примеры не могли быть проверены, но производили на слушателей должное впечатление доказанности вины тех, кого он обвинял,

будь то эксплуатирующее индивида государство, некомпетентный федеральный чиновник, пользующийся плодами чужого труда получатель социального вспомоществования, «безответственный» и «бездумный» либерал или международный коммунизм.

«Спич», как, по всей видимости, и предполагалось, не сыграл никакой роли в исходе президентской предвыборной кампании 1964 г., хотя самым непосредственным результатом телевизионного выступления Рейгана было поступление в казну республиканской партии взносов, преимущественно мелких, на общую сумму 8 млн долл. Но это выступление сделало для консолидации правэкстремистских и консервативных сил Америки вокруг имени Рейгана больше, чем что-либо другое из того, что он говорил и делал раньше. В черные дни поражения на президентских выборах для американских консерваторов блеснул лучик надежды — у них появилась новая политическая звезда.

\* \* \*

В 1986 г. дочь Рейганов Патриция, или, как все ее называли, Патти, взявшая себе фамилию матери — Дэвис, опубликовала книгу в жанре художественного автобиографического романа — «Домашний фронт», в которой вывела под вымышленными именами всех членов своей семьи, но оставила без сколько-нибудь значительных изменений события и ситуации из жизни Рейганов на протяжении почти двух десятков лет. Уже на первых страницах книги Элизабет (под этим именем Патриция Дэвис вывела в романе себя) обращает внимание на повышенную активность в доме, где то и дело собираются и обсуждают важные дела влиятельные люди, «похожие на банкиров». Роберт Кэнфилд, так зовут ее книжного отца, выражает своей жене недовольство по поводу непрекращающегося столпотворения у них в доме, на что слышит в ответ: «Это необходимо, если ты хочешь чего-нибудь добиться в жизни»<sup>19</sup>. (Этой сценкой Патти лишь проиллюстрировала мнение, которое уже давно сложилось у людей, знающих близко семью Рейганов: за многими успехами Рональда Рейгана на политическом поприще угадывалась неиссякаемая энергия и неутолимое честолюбие Нэнси Рейган.) У повышенной активности гостей в доме реального Рейгана после президентских выборов 1964 г. были солидные причины: в 1966 г. предстояли выборы губернатора штата Калифорния, а у калифорнийских республиканцев не было перспективных кандидатов, чтобы противостоять на этих выборах собиравшемуся выдвинуть свою кандидатуру на новый срок губернатору — демократу Эдмунду («Пэту») Брауну.

Оглядываясь на допрезидентскую биографию Рейгана, нельзя не заметить, что на определенных этапах его жизненного пути появлялись конкретные лица, по своей собственной инициативе бравшие шефство над находившимся в затруднительном положении или на перепутье Рейганом, направлявшие его на «путь истинный» или на «путь многообещающий», а по достижении им успехов на вновь избранном поприще тихо и незаметно уходившие в сторону, а затем и полностью исчезавшие из его жизни. Можно было бы вспомнить в этой связи канзасского бизнесмена Сида Альтшулера, редактора давенпортской радиостанции Питера Макартура, голливудского импресарио Билла Мейклдждона, голливудского дельца Жюля Стайна (о нем речь еще пойдет впереди) и других упоминаемых и не упоминаемых по имени в биографии Рейгана корыстных и бескорыстных покровителей. Кое-кто из авторов книг о Рейгане склонен даже считать, что всю жизнь ему все само шло в руки, без особых усилий с его стороны, и единственное, что от него ожидалось, — это согласие принять шедшее ему в руки.

В конце 1964 — начале 1965 г. в жизни Рейгана появились новые «крестные отцы» в лице нефтепромышленника-миллионера Генри Сальватори и столь же состоятельного дельца, владельца сети магазинов и контор по продаже автомашин производства компании «Форд мотор» Холмса Таттла. Оба были, как и пристало быть преуспевшим в жизни людям, истыми республиканцами, и оба придерживались весьма определенных взглядов на систему свободного предпринимательства и роль государства в этой системе. Х. Таттл уже давно был знаком с Рейганом — еще с 1947 г., когда тот со своей первой женой Джейн Уайман как-то заглянул в один из принадлежавших Таттлу автосалонов с целью покупки автомашины. Именно Таттл, внимательно следивший за Рейганом в годы его работы на «Дженерал электрик» и имевший возможность в личных беседах выяснять позицию Рейгана по интересующим его проблемам, был организатором званого платного ужина в Лос-Анджелесе с целью сбора средств в предвыборную казну Голдуотера в 1964 г. На том ужине и было принято оказавшееся судьбоносным решение Таттла и его влиятельных друзей о выдвижении кандидатуры Рейгана на пост губернатора Калифорнии от республиканской партии, а для начала об организации его телевизионного выступления со знаменитым «Спичем». Поражение Голдуотера, на которого делали ставку Сальватори, Таттл и их друзья-единомышленники, уже в начале 1965 г. поставило их перед необходимостью составления тщательно разработанного плана по завоеванию их избранником губернаторского особняка в столице штата г. Сакраменто.



«Он не относится к категории мыслящих людей,— вынес из личного общения с Рейганом в 50-х годах Сальватори,— но у него есть хорошие внутренне присущие ему качества. У него есть своя философия»<sup>20</sup>. Рейгановская философия вполне устраивала «крестных отцов» прежде всего потому, что она была их собственной философией. Именно об этом совершенно определенно заявил С. Рубелл на совещании в доме Таттла: «Рейган является именно тем человеком, который может донести наши принципы до народа»<sup>21</sup>. Американский журнал «Атлантик», по своим партийно-политическим предпочтениям принадлежащий к либерально-буржуазным изданиям США, довольно зло, но не без оснований писал в ходе предвыборной кампании 1980 г. о людях, приведших Рейгана в мир высокой политики: «Им доставляет удовольствие, что на протяжении десятилетий Рейган стоял на задних лапках, выражая их собственные страхи, озлобление и разочарование. Но вообще-то говоря, они ожидают от него вполне практических результатов: сокращения налогов, сокращения государственного регулирования в частном секторе, где они обнаруживали обесценивающее воздействие бюрократического аппарата, прекращения американского пресмыкательства перед теми, кого Голдуотер называл «недоделанными странами мира». Последнее пожелание подразумевало военное производство на более высоком уровне, а это, в свою очередь, предполагало экономическое стимулирование»<sup>22</sup>. Эта характеристика возлагавшихся на Рейгана ожиданий относится к 1980 г., т. е. к кануну его въезда в Белый дом. По своим масштабам ожидания, возлагавшиеся на Рейгана в 1965 г., были намного скромнее. Но выполнения программы-максимум можно было ожидать от Рейгана лишь после того, как он успешно, и к удовлетворению «крестных отцов», пройдет первый круг испытаний в губернаторском особняке.

О принятом ими решении «сделать его губернатором» Рейгана известил на правах старого знакомого сам Таттл. Опыт прошлых лет научил Рейгана осмотрительности, да и помимо всего прочего он хорошо усвоил правило не проявлять излишнего энтузиазма при первом получении соблазнительного предложения: чем больше сомнений и внутреннего сопротивления выражает твое лицо и твое поведение, тем энергичнее и настойчивее добиваются твоего согласия, и наоборот. Дав понять Таттлу, что он сомневается в разумности такого шага, Рейган, однако, счел возможным поставить конкретные вопросы, и в первую очередь сугубо меркантильный вопрос о том, что в случае его избрания губернатором ему придется отказаться от финансовой и деловой деятельности (традиционно приносящей в США намного более высокие

материальные дивиденды, чем деятельность на выборном политическом или административном посту) и, следовательно, понести заметные финансовые потери. Кроме того, уже вскользь добавил Рейган, он всю жизнь боялся «сесть не в тот самолет», а участие в борьбе за губернаторский пост естественно предполагало многочисленные перелеты по территории штата. Согласно воспоминаниям Таттла, он ответил Рейгану, что отдает себе отчет в ожидаемых от того жертвах, и пообещал не только лично заняться решением поднятых вопросов, но и сообщить об имеющихся у Рейгана сомнениях инициаторам выдвижения его кандидатуры. Подумайте, прежде чем отвечать нам категорическим отказом, добавил он, помните, что вы являетесь именно тем человеком, который нам нужен. Беседа закончилась на ноте, дававшей Таттлу определенные основания рассчитывать на получение согласия Рейгана в том случае, если будут выполнены выдвинутые тем условия<sup>23</sup>.

Рейган не заставил Таттла и его друзей ждать слишком долго: затяжка с ответом была столь же чревата нежелательными для него последствиями, как и проявление излишней поспешности. Получив заверения в том, что к его условиям отнесутся с должным вниманием, и как бы без особой охоты уступая оказываемому на него давлению, Рейган позвонил Таттлу и дал свое согласие баллотироваться в губернаторы. Прошло еще совсем немного времени, и в служебных помещениях корпорации «Юнион ойл», во главе которой стоял Рубелл, была размещена штаб-квартира новой общественной организации «Друзья Рональда Рейгана», активно приступившей к политической рекламе своего «выдвиженца» и сбору средств на предстоящую борьбу за губернаторский пост. Для начала «Друзья Рональда Рейгана» разослали тысячи писем за подписью Рубелла, в которых сообщали избирателям, что «Рональд Рейган, движимый глубоким чувством долга и убежденностью, готов взять на себя обязанности республиканского кандидата в губернаторы при условии, что его кандидатура будет поддержана представительной частью членов нашей партии». Целью разосланного послания, как утверждалось в письмах, было проведение по возможности более глубокого исследования отношения избирателей к подобному шагу Рейгана. Текст послания и сама идея рассылки писем избирателям принадлежали Уильяму Робертсу и Стюарту Спенсеру, основателям и совладельцам лос-анджелесской компании по ведению политической рекламы, которым предстояло играть важную роль в жизни Рейгана на всем протяжении его политической карьеры. Для успешного достижения цели Спенсер и Робертс задумали создать Рейгану новый образ, в чем-то по-

вторяющий наиболее привлекательные черты его положительных киногероев, т. е. такой образ, который был бы способен завоевать симпатии и доверие рядовых калифорнийских избирателей. (О том, что поддержка деловых и финансовых кругов штата ему обеспечена, свидетельствовали 440 тыс. долларов, поступивших в казну Рейгана из корпоративных источников.)

Но даже этого было недостаточно; необходим был многозначительный и по возможности расплывчатый лозунг предвыборной кампании, который, не обязывая ни к чему конкретному самого Рейгана и поддерживающих его лиц, воплощал бы вместе с тем связываемые с его именем ожидания. Результатом усилий Спенсера и Робертса стал отвечающий этим требованиям лозунг «Созидательное общество», противопоставленный известному лозунгу президента Джонсона «Великое общество», а также образ Рейгана как «гражданина-политика», т. е. движимого общественными интересами человека, не коррумпированного контактами с миром профессиональных политиков. Признавая, что Рейган не мог конкурировать со своим основным соперником, губернатором штата Э. Брауном, с точки зрения политического опыта и знания местных проблем, Робертс говорил: «Мы решили не демонстрировать блестящих знаний, которых у него не было. Мы пытались действовать, исходя из того, что он не является профессиональным политиком, т. е. исходя из того, что он является гражданином, политиком, простым человеком, баллотирующимся на выборный пост»<sup>24</sup>. В условиях, когда американская общественность не испытывала особого доверия и уважения к профессиональным политикам, такое решение было поистине находкой. (Мастера политической рекламы из Лос-Анджелеса по сути дела не придумали ничего нового. Образ «гражданина-политика» был уже давно известен американцам, правда, не из реальной жизни, а из старых голливудских лент. Советским кинозрителям старшего поколения наверняка запомнились демонстрировавшиеся в нашей стране в 40-х годах «трофейные» американские фильмы «Познакомьтесь с Джоном Доу» и «Мистер Смит едет в Вашингтон», в которых были выведены образы простых, очень далеких от политики американцев, в силу сложившихся помимо их воли обстоятельств ставших активными политическими деятелями, выразителями общественных чаяний.) К созданию привлекательного для избирателей образа Рейгана был привлечен и знавший его лучше других старший брат Нил, впоследствии откровенно признававшийся: «Я знал, как продать его публике. Я продавал его не как моего брата, а как кусок мыла»<sup>25</sup>. Нил вовсе не собирался обижать своего младшего брата подобной аналогией: она была лишь призвана продемонстриро-

вать беседовавшим с ним газетчикам, каким способным и искусным специалистом в области политической рекламы оказался он, Нил Рейган.

Подготовительный период, в течение которого велись переговоры между заинтересованными в избрании Рейгана сторонами и определялись направления и детали будущей предвыборной кампании, продолжался до сентября 1965 г. По мнению Спенсера и Робертса, успех предстоявшей предвыборной кампании в значительной степени зависел от того, насколько успешно Рейгану удастся отмежеваться от ультраконсервативной линии, которая, как они были убеждены, сыграла решающую роль в поражении Голдуотера на президентских выборах 1964 г. Сами они дали согласие на руководство политической рекламой Рейгана при условии, что Рейган займет более умеренную позицию и согласится сотрудничать с представителями либерального крыла республиканской партии в штате. Рейган согласился с этими условиями, причем сделал он это настолько непринужденно и смиренно, что Робертс был очарован простотой и искренностью своего клиента: «Он разумный малый, обладающий чувством юмора, и к тому же из числа тех, кто не принимает себя всерьез»<sup>26</sup>. Думается, что Робертс, давая такую оценку Рейгану, в чем-то переоценил, а в чем-то и недооценил его. Во всяком случае у мобилизованных в помощь Рейгану двух специализировавшихся в области бихевиористских, или поведенческих, наук калифорнийских социопсихологов была своя точка зрения на подопечного. Дело было в том, что в отличие от абсолютного большинства кандидатов на выборные посты Рейгана надо было учить не как говорить (это он умел, так сказать, по роду своей профессиональной деятельности), а что говорить. Невежество Рейгана в вопросах жизни штата, т. е. в тех вопросах, которые в первую очередь беспокоили калифорнийских избирателей, уже давно отмечалось газетчиками. Ведавший его взаимоотношениями с прессой помощник делал все возможное, чтобы обезопасить Рейгана от журналистов, а на тот случай, если это не удастся, обучил его мастерству уклончивых ответов на прямо поставленные вопросы. Но так долго продолжаться не могло.

Социопсихологи, нанятые «Друзьями Рональда Рейгана», получили ответственное задание — в возможно короткий срок сделать из Рейгана если не специалиста по тем вопросам, которые ему предстояло обсуждать в ходе встреч с избирателями, то хотя бы человека, способного убедительно высказываться по этим вопросам, не допуская обескураживающих промахов. Один из социопсихологов, доктор С. Плог, позднее вспоминал: «Им была нужна именно та помощь, которую я мог

оказать. А толчком ко всему этому послужило сделанное им (Рейганом), кажется, в январе 1966 г. заявление: «Поверите ли вы, что 15,1 % населения Калифорнии получает социальное вспомоществование в той или иной форме?» Дело было в том, что в то время эта цифра составляла не 15,1, а 5,1 %. И тогда те люди, которые стояли за выдвижением кандидатуры Рейгана, такие, как Холмс Таттл и Генри Сальватори, потребовали, чтобы такое больше не повторялось. «Если он действительно намерен заполучить этот пост, он должен приобрести профессиональную подготовку...» Они не желали слышать от него в будущем подобные «ляпы»<sup>27</sup> По словам Плога, когда они с коллегой навестили Рейгана, их поразило, насколько примитивно тот готовился к своим выступлениям перед общественностью. Выяснилось, что Рейган полагался в основном на вырезки из газет и журналов, а его знание реального положения вещей в родном штате практически сводилось к нулю. В течение нескольких дней специалисты довели до совершенства рейгановскую систему подготовки к выступлениям: они «подготовили для Рейгана простые ответы на вопросы, касающиеся обычно затрагиваемых им тем, занесли эти ответы на формулярные карточки размером 12,5 см × 20 см и подшили их в восемь подборок по темам, которые привлекали его внимание и внимание избирателей. С этого момента они (т. е. два специалиста и их помощник Джеймс Гибсон) стали стражами кандидата и его картотеки, обновляя эти карточки, снабжая его нужными карточками в нужный момент, натаскивая его в промежутках между выступлениями. «Мы, т. е. кто-нибудь из нас троих, были с ним непрерывно, в течение всей кампании, за исключением того времени, когда он спал... Мы сопровождали его в туалет перед выходом на сцену, выдавая советы даже в самую последнюю минуту... На долю каждого из нас приходилась ровно одна треть его выступлений, мы это делали по очереди»<sup>28</sup>. Лишь постоянно сохраняемая бдительность могла предотвратить «ляпы» со стороны Рейгана.

Параллельно с деятельностью по предотвращению «ляпов» сопровождавшие Рейгана специалисты несли ответственность за обеспечение достаточно высокого (но ни в коем случае не обескураживающего потенциальную аудиторию «простых американцев») интеллектуального уровня его выступлений перед общественностью, за снабжение его по мере необходимости ссылками, цитатами и броскими афоризмами. Их усилия в общем и целом можно было считать увенчавшимися успехом: «ляпов» стало заметно меньше, прибавилось количество узнаваемых громких имен, привлекаемых Рейганом в подкрепление выдвигаемых им утверждений. Не изменилась лишь суть его обычного «Спича», не претерпевшего сколько-нибудь замет-

ных модификаций со времен его работы на «Дженерал электрик». По наблюдению Л. Кэннона, теперь «репортеров, проводивших с Рейганом много времени, выбивали из душевного равновесия не его ошибки, а его склонность без конца повторять одни и те же заученные ответы с видом человека, произносящего их в первый раз. Создавалось впечатление, будто кто-то нажимал на пусковую кнопку кассетного магнитофона»<sup>29</sup>

Но как только в силу тех или иных обстоятельств Рейган отходил от заученных текстов или оказывался в «нештатных» ситуациях, возникали сложности и в отношениях с коллегами по республиканской партии, и в отношениях с представителями прессы. Справедливости ради следует, однако, сказать, что напряженность в отношениях с прессой была, как правило, непродолжительной, так как Рейган отличался способностью вновь налаживать хорошие отношения с газетчиками откровенным признанием своей несдержанности, сопровождаемым неизменной обаятельной и дружелюбной улыбкой. «Со всеми может случиться», — приговаривал он, ссылаясь на накопившуюся за многие дни кампании усталость и постоянное напряжение. С целью предотвращения нежелательных «срывов» с его стороны, чреватых непредсказуемыми последствиями для его политического будущего, окружавшие Рейгана консультанты и помощники придавали особое значение обеспечению условий для полноценного отдыха. Ничто и никогда не ценил Рейган так высоко, как время отдыха, будь то в годы работы в Голливуде, в системе корпорации «Дженерал электрик» или позднее, на губернаторском посту и, наконец, в Белом доме. Отсутствие возможности отдохнуть и даже соснуть в течение дня выбивало его из привычного ритма жизни основательно и очень заметно для окружающих его лиц. При напряженном рабочем дне и в условиях отсутствия возможности основательно отдохнуть перед публичным выступлением или перед кино- или фотосъемкой Рейган утрачивал то качество своей личности, которое всегда привлекало к нему расположение людей, — доведенное до совершенства мастерство обаяния, неизменно сочетаемое с кажущейся неизбывной жизнерадостностью.

В той кампании даже в самый разгар борьбы за губернаторский пост Рейган никогда не жертвовал полноценным сном в привычной для него домашней обстановке. Вечера он всегда проводил в обществе Нэнси Рейган, но, по свидетельству тех, кто был рядом с ним в те месяцы, следующим утром или днем супруги встречались на людях так, будто не виделись друг с другом долгие недели. Кое-кому из не поддававшихся на эту удочку репортеров приходило на ум сравнение с тем, как Рей-

ган искусно строил образ «возвратившегося с войны солдата» после окончания второй мировой войны, тогда как все те годы провел в двух шагах от своего дома и нередко проводил вечера в обществе своей первой жены Джейн Уайман.

Образ «доброго и рассудительного малого», который создавался для Рейгана мастерами политической рекламы, не взялся с проявлением вражды к соратникам по партии. Невозможно буквально щетинившийся при упоминании имени Рокфеллера и его «единомышленников-либералов», Рейган стал одним из активных пропагандистов так называемой «одинадцатой заповеди республиканцев», сформулированной председателем комитета республиканской партии штата Паркинсоном: «Не говори ничего дурного о своих соратниках по республиканской партии». Рейган не ограничился принесением в жертву своей уже сложившейся политической позиции. Ради достижения задуманного ему пришлось отступить и от органического неприятия воздушных путешествий, хотя он и постарался свести необходимость полетов на самолете до минимума и доверялся только одному знакомому пилоту, летавшему на надежном и тихоходном ДС-3.

Поднявшись над внутривнутрипартийными распрями (что так импонировало республиканским лоялистам — «верным сыновьям величественной старой партии», видевшим в ширящемся расколе неминуемый конец этой партии), Рейган целеустремленно играл роль миротворца, призывая покончить с опасной конфронтацией как сторонников Голдуотера, так и сторонников Рокфеллера. Разумным следует признать и принятое им по рекомендации «приемных отцов» решение отмежеваться от берчистов. На этом особенно настаивал Таттл. Если в самом начале предвыборной кампании Рейган заявил, отвечая на вопрос репортера о своем отношении к поддержке со стороны общества Джона Берча, что не собирается требовать заполнения анкет от своих сторонников, то уже к концу 1965 г. он выступал с осуждением этой экстремистской организации, которую наводнили-де «бесноватые», и отказывался самым категорическим образом от помощи ее членов. Организаторы его предвыборной кампании утверждали, что от активного участия в ней решительно отстранены лица, о которых известно, что они являются берчистами или искренне симпатизирующими берчистам или даже просто ярко выраженными консерваторами. С завидным постоянством Рейган заявлял из интервью в интервью, что помощь этих лиц может быть принята им лишь при условии, если эти лица будут полностью и безоговорочно разделять его политическую философию.

Демократическая партия и ее единственный кандидат на пост губернатора — действующий губернатор Эдмунд

(«Пэт») Браун предпринимали отчаянные усилия, чтобы убедить избирателей в том, что Рейган был и по-прежнему остается «кронпринцем крайне правых» и что его избрание вдохнет новые силы в «экстремистское движение в Америке». Находкой сочли в кругах демократической партии штата адресованное избирателям предупреждение Э. Брауна о необходимости проявлять осторожность, поскольку-де президента Авраама Линкольна застрелил не кто иной, как актер. Нельзя сказать, что республиканцы проявляли бóльшую сдержанность и лишали себя возможности «ущучить» политических противников. Запомнилось, как на вопрос, заданный явно подставным журналистом, какими положительными качествами обладает его соперник, губернатор Браун, Рейган незамедлительно отреагировал: «Я знаю, что он очень любит свою семью. Именно поэтому так много ее членов получают жалованье от штата». Не зря получали солидное вознаграждение от «Друзей Рональда Рейгана» профессиональные авторы-юмористы, писавшие эстрадные репризы для известных голливудских комиков.

Сложившаяся к 1966 г. обстановка в штате Калифорния подсказывала организаторам рейгановской предвыборной кампании и составителям его речей немало тем, способных привлечь внимание и даже поддержку «добропорядочного» избирателя, ностальгически вспоминавшего о тех «старых, добрых временах», когда и налоги были не такими высокими, и личная инициатива и предприимчивость не сдерживались в такой степени всевозможными правительственными мерами контроля, и городские улицы были гораздо более безопасными, и молодежь была более «приличной» и «уважительной». Все эти признаки ухудшения качества жизни связывались республиканцами с восьмилетним периодом пребывания на губернаторском посту демократа Э. Брауна. Действительно, Калифорния 60-х годов была больше, чем когда-либо прежде, не похожа на ту Калифорнию, образ которой создавался на протяжении десятилетий красочной голливудской продукцией и всевозможными легендами о красивой и беззаботной жизни в этом штате. Не было никакого сомнения в том, что и «красивая» жизнь, и обилие роскоши существовали в Калифорнии далеко не для всех, и во всяком случае не для большинства из тех, на чьи голоса рассчитывал Рейган, вступая в борьбу за губернаторский пост. Однако в глазах многих калифорнийских избирателей он выглядел (как и было предусмотрено нанятыми специалистами по политической рекламе) «озабоченным гражданином», пекущимся лишь о всеобщем благе, строгой законности и общественном спокойствии.

То был период серьезных социальных волнений и массовых



выступлений против войны во Вьетнаме, расовой сегрегации, растущей безработицы, инфляции, активизации движения в защиту окружающей среды и обострения экологических проблем, растущей преступности и других волнительных событий, пугавших «добропорядочных» американцев. Калифорнийцы той же, что и Рейган, возрастной группы, люди со средним и высоким достатком, которых в процентном отношении к общей численности населения в этом штате было всегда больше, чем в большинстве других американских штатов, боялись и растущего числа «пришлых» из других штатов страны, и возрастания активности представителей расово-этнических групп, все чаще выступавших с требованием равных с белым населением гражданских прав и возможностей работать и учиться, боялись и не понимали молодежь, бросающую вызов американскому обществу и его традиционным ценностям. «Огромное количество людей приезжает в Калифорнию на постоянное жительство по той простой причине, что они знают — через двадцать четыре часа решением их проблем займемся мы», — умело обрабатывал «больные места» жителей штата Рейган. Беспорядки в Беркли — крупнейшем студенческом центре штата — стали одной из основных тем его предвыборных выступлений. «Мне противно смотреть на происходящее в Беркли. Мне противны все эти сидячие, стоячие и прочие забастовки. Когда я стану губернатором, я добьюсь того, чтобы их (протестующих студентов. — Э. И.) выкинули из университета», — грозил Рейган и раз даже пообещал устроить студентам «кровавую баню». Говоря о нравах в студенческой среде, Рейган не раз ссылался на «сексуальные оргии, настолько отвратительные, что я не решаю их вам описывать»<sup>30</sup> В случае своего избрания он обещал «расследовать выдвинутые в адрес студенческого городка Беркли обвинения в коммунизме и в вопиющих проступках сексуального характера» с участием в расследовании комиссии во главе с директором ЦРУ (!) Джоном Маккоуном и потребовать от руководителей университета принятия решительных мер по соблюдению студентами норм приличия.

Нагнетанию напряженности вокруг поведения студентов способствовало уже давно появившееся в малообеспеченных слоях населения штата недовольство по поводу того, что на нужды этого элитарного высшего учебного заведения выделялись из бюджета Калифорнии крупные суммы, не шедшие ни в какое сравнение с теми средствами, которые выделялись на финансирование менее престижных колледжей. Так что вопросы, которые поднимал Рейган, и опасения, которые он высказывал, не были надуманными. Они действительно беспокоили многих жителей штата, все чаще находивших в политической

платформе Рейгана единственно приемлемый для них выход из складывавшегося в штате и в стране положения. В его позиции виделся единственный шанс на то, что Калифорния, как подчеркивал Рейган, займет первое место по гораздо более важным показателям, чем численность населения или уровень преступности и размер налогов. И особенно импонировал калифорнийцам оптимизм Рейгана — «проблем у нас множество, возможности же наши их решить — безграничны». Как же всем хотелось, чтобы это действительно было так!

Журнал «Ньюсуик» назвал Калифорнию в октябре 1966 г., т.е. накануне губернаторских выборов, «барометром настроений в республиканской партии». Главная газета штата «Лос-Анджелес таймс» не испытывала никаких колебаний в определении своего отношения: «Избрание Рональда Рейгана губернатором, а Роберта Финча — вице-губернатором будет полностью соответствовать интересам Калифорнии». «Большинство калифорнийцев, — признавал позднее Э. Браун, — проявляло явную расположенность к личности, стилю и философии Рейгана. Я сомневаюсь, что какая-нибудь попытка с моей стороны переродиться физически, духовно и интеллектуально могла бы изменить исход выборов 1966 г.»<sup>31</sup>

Победив в напряженной борьбе со своим соперником в республиканской партии, бывшим мэром г. Сан-Франциско Джорджем Кристофером, с преимуществом в 700 тыс. голосов, Рейган стал официальным кандидатом калифорнийских республиканцев на пост губернатора штата. В оставшиеся до дня выборов недели Рейган целеустремленно закреплял в сознании избирателей представление о своей непохожести на тех, кто был им знаком по прошлым выборам. И надо признать, он был на них не похож хотя бы тем, что многие его высказывания скорее шокировали, чем убеждали. Он называл получателей государственных социальных пособий «безликой массой, ожидающей милостыню» («Мы не должны требовать от работающих мужчин и женщин, чтобы они несли на своих плечах дополнительную тяжесть ответственности за ту часть общества, которая может заботиться о себе, но предпочитает полностью полагаться на социальное вспомоществование, бездельничая за счет более сознательных граждан»); призывал начать «пожар в прериях, который охватит всю страну и восстановит в полной мере доверие к правительству»; отвергал необходимость принятия закона о так называемом «справедливом распределении жилого фонда», который в случае его утверждения помог бы черному населению штата при приобретении недвижимой собственности и несколько умерил бы аппетиты домовладельцев («Я против того, чтобы указывать людям, что они могут и что они не могут делать со своей со-

бственностью»); призывал покончить с «проявлением слабости» перед лицом «патологической вульгарности» студентов, требуя от них либо соблюдать официальные установления, либо «убираться» из университетов («Было бы крайне наивным с нашей стороны исключать влияние коммунистов на эти демонстрации»); подвергал насмешке тех, кто призывал к принятию оперативных мер по спасению гибнущей по вине человека дикой природы («Для того, чтобы представить себе, что такое секвойя, достаточно одного дерева»). Но наряду с риторикой подобного рода в его высказываниях фигурировали и действительно сложные и неотложные проблемы, волновавшие большинство избирателей: «Улицы наших (калифорнийских) городов после наступления темноты превращаются в тропинки в джунглях, где число преступлений и случаев насилия превышает их число в штатах Нью-Йорк, Пенсильвания и Массачусетс, вместе взятых»<sup>32</sup>.

Смягчая по мере необходимости свою позицию по некоторым проблемам внутривнутриполитического и социально-экономического характера, чтобы окончательно не отпугнуть умеренных республиканцев и не лишиться их поддержки на выборах, Рейган оставался, однако, воинствующим антикоммунистом и активным пропагандистом жесткого подхода к решению международных проблем. «Мы должны объявить войну Северному Вьетнаму,— призывал он к решительным действиям.— Мы можем до полудня сровнять с землей всю страну и к обеду вернуться домой». «Враг не должен знать, что мы не применим ядерной бомбы. Он должен ложиться спать, каждую ночь боясь, что мы можем ее применить» — это он говорил уже не только о Северном Вьетнаме<sup>33</sup>.

«Мы хотим Ронни»,— все чаще и чаще слышалось на многочисленных платных обедах, устраиваемых «Друзьями Рональда Рейгана».

8 ноября 1966 г. Рейган одержал убедительную победу над Эдмундом («Пэтом») Брауном, получив большинство почти в 1 млн голосов (3 742 913 против 2 794 174 голосов, поданных за Брауна). За Рейгана проголосовало немало калифорнийских избирателей, принадлежащих даже к тем слоям населения (рабочие, национально-этнические группы), которые до этого традиционно поддерживали демократов. Анализируя в 1970 г. причины своего поражения на выборах, Э. Браун сумел подняться выше личных чувств и констатировать: «При всем его (Рейгана) воинствующем негативизме, его оппозиции активной роли правительства и его подчеркнутым акценте на негативных чертах окружающего мира большинство калифорнийцев восприняло Рейгана в позитивном плане... Многие калифорнийцы считают, что он искренен и что его действия

продиктованы идущей от души убежденностью. Он производит впечатление человека, глубоко уверенного в своей фундаменталистской чистоте и целостности. Временами он выступает в роли активного миссионера, посвятившего всего себя искоренению зол, угрожающих нашему обществу и нашей жизни. Даже его банальный предвыборный лозунг «Созидательное общество» производил впечатление, что он намерен выстроить нечто хорошее, а не просто разрушить плохое»<sup>34</sup>

В этой тщательно отрепетированной и отрежиссированной роли озабоченного «гражданина-политика» Рейган оказался для Брауна непобедимой крепостью. Сыграло свою роль и то, что и сам Браун, и его советники и сподвижники явно недооценили Рейгана. Это признавал и Браун в своей книге «Рейган и реальность», вышедшей в свет в 1970 г., и те, чьими советами он пользовался в ходе предвыборной борьбы в 1966 г. Издававшийся в Сан-Франциско либеральный еженедельник «Санди рэмпартс», называя Рейгана консерватором, был вынужден вместе с тем признать, что «демократам не удалось доказать действительных связей (Рейгана) с обществом Джона Берча, с какими-либо другими правыми организациями или даже со взглядами определенно правого толка»<sup>35</sup>.

Один из близких к Брауну лиц признавал много лет спустя: «Имела и по-прежнему имеет место недооценка Рейгана. Мы старались сделать из него опасную фигуру, точно так же как это делал Джимми Картер в 1980 г. Это не сработало ни в нашем случае, ни в более поздних кампаниях. У Рейгана нет острых граней. То, что произошло, в какой-то степени объяснялось тем, что мы восприняли его как актера, подвергнув критике одну из главных областей профессиональной деятельности в штате, однако корни нашей ошибки были еще более глубокими. Рейган является исключительно приятной личностью, четко выражает свои мысли и отличается серьезным подходом к вопросам внутренней политики. Людям он нравится, а мы этого не поняли. Мы проигнорировали человеческие качества Рональда Рейгана»<sup>36</sup> Можно соглашаться или не соглашаться с этой характеристикой; можно принять ее полностью или только частично, однако не вызывает сомнения, что даже в Калифорнии, не говоря уже о всей стране, было очень много людей, отказывавшихся принимать всерьез претензии голливудского актера на ответственный политический выборный пост, требовавший, как всегда считалось, особых способностей и многолетнего опыта деятельности в сфере «высокой политики».

В 16 минут первого пополудни 3 января 1967 г. Рональд Рейган в сопровождении жены и нескольких политических деятелей штата появился в зале калифорнийского Капитолия,

где и принес торжественную присягу на пост губернатора штата. Беспрецедентное время инаугурации нового губернатора не было необъяснимой причудой. Решение Рональда и Нэнси Рейган начать церемонию принесения присяги именно в это позднее время основывалось на гороскопе, составленном знакомым астрологом. Дело было в том, что в момент произнесения текста присяги планета Юпитер — знак царствующих особ, символ процветания и славы — находилась в зените ночного неба.

## Генеральная репетиция

В губернаторский особняк Рейган въехал уже миллионером. Поскольку всего лишь двумя годами раньше он ссылаясь на финансовые причины своего нежелания баллотироваться на губернаторский пост, который-де не гарантировал ему приемлемого уровня доходов, то обстоятельства столь быстрого превращения Рейгана из просто состоятельного человека в миллионера наверняка могут заинтересовать читателя. Однако для начала требуется небольшое отступление.

Во многих советских трудах, посвященных США, по сей день присутствует утверждение о царящей в этой стране вседозволенности, особенно в том, что касается свободы частно-предпринимательской деятельности, т. е., проще говоря, процесса «делания денег». Советские читатели со школьной скамьи знают, что спекуляция, за которую в Советском Союзе грозит наказание, в Соединенных Штатах является не просто заурядной деловой операцией на коммерческом или финансовом рынке, но и в той или иной форме лежала в основе многих сегодняшних крупных состояний. Гораздо меньше советские люди знают, что в США существует целый ряд законов и правовых установлений, ограничивающих для лиц, занимающих официальные посты, полную свободу «делания денег» различного рода требованиями и условиями, основывающимися прежде всего на соображениях морально-этического характера. Для иллюстрации таких ограничений можно было бы сослаться на один из «этических кодексов», признаваемых и официально соблюдаемых органами как исполнительной, так и законодательной власти американского государства. Согласно этому кодексу, административно назначенное или избранное на официальный пост лицо не имеет права получать финансовые дивиденды от общественной или частной деятельности, к которой он причастен в качестве официального лица. Столь же неприемлемо с точки зрения американского права и «этического кодекса» такое положение, когда официальное лицо, принимая то или иное решение или содействуя его принятию, руководствуется личными финансовыми интересами, финансовыми интересами близких ему людей или политических сторонников. Противоречит правовым установлениям и морально-этическим нормам и такая нередкая в американском деловом мире ситуация, когда предприимчивые дельцы пытаются взять под свой контроль профессиональные союзы и объ-

единения в сфере своей деятельности, в результате чего, будучи нанимателями или юридическими представителями нанимателей, одновременно претендуют на представительство интересов наемной рабочей силы. Подобные нарушения фигурируют в правовых документах и судебных исках под общим для этой категории противозаконных действий определением — «конфликт интересов» — и нередко являются объектом расследования со стороны правоохранительных органов США.

Было бы, однако, наивным утверждать, что подобные правовые установления и морально-этические нормы невозможно обойти и что они не обходятся в действительности, в том числе и с помощью поднаторевших в такого рода делах юристов. Решающей в конечном счете зачастую оказывается способность нарушителя таких установлений и норм расплатиться за свое спасение от выборочно карающего меча Фемиды либо крупной суммой денег, либо же не менее ценной готовностью оказаться взаимно полезным тем, кто приходит ему на помощь. Принцип «ты — мне, я — тебе», не признающий в наши дни общественно-политических, социальных и идеологических границ, в своей первооснове явно был порождением частнособственнического инстинкта и частнопредпринимательской инициативы, ассоциируемых часто с США, где эти инстинкт и инициатива достигли наивысшей степени расцвета.

Выше уже говорилось о том, что в сентябре 1962 г. министерство юстиции США, во главе которого стоял тогда Роберт Кеннеди, вплотную заинтересовалось деятельностью Музыкальной корпорации Америки (МКА), одно из отделений которой представляло в качестве антрепренерского агентства интересы Рейгана, его первой и второй жены, а также еще четырех голливудских актеров, являвшихся членами правления Гильдии киноактеров. Внимание министерства юстиции США к МКА было привлечено тем обстоятельством, что наряду с представительством интересов актеров ряд ее отделений занимался одновременно предпринимательской деятельностью, т. е. налицо был явный «конфликт интересов». При расследовании этого нарушения министерству юстиции удалось установить, что успеху предпринимательской деятельности МКА во многом способствовала тщательно скрываемая от общественного внимания и от властей, противоправная договоренность между руководством корпорации и президентом гильдии Рейганом.

Прежде чем продолжить рассказ о МКА и ее роли в жизни и политической судьбе Рейгана, необходимо сделать еще одно короткое отступление. Не исключено, что читающие эти строки выскажут неудовлетворение кажущейся предубежденностью

автора: почему, мол, об этом ранее не писалось и нет ли здесь ставшего в последние годы повсеместно распространенным и даже модным стремления наконец-то «отыгаться» на уже ушедшем в политическую отставку видном государственном деятеле прошлого, бросить на него конъюнктурную тень. Это не так. Все, что будет рассказано ниже, было достоянием общественного внимания в Соединенных Штатах еще в годы пребывания Рейгана в Белом доме и документально подтверждается писавшими об этом американскими авторами. Публиковалось об этом кое-что и у нас в стране, хотя, возможно, не столь подробно и откровенно, и лишь по причине превратно понимаемых интересов налаживания конструктивных взаимоотношений с тогдашней американской администрацией. Проявляя сдержанность, граничившую с самоцензурой, наши исследователи и редакторы когда сознательно, а когда и бессознательно закрывали глаза на то, что, обладая американская сторона подобной информацией о советских политических фигурах, она не замедлила бы ею воспользоваться, каким бы сильным ни было ее желание наладить с нами конструктивные взаимоотношения.

Даже специалистам-международникам, посвятившим многие годы изучению США, название Музыкальной корпорации Америки мало что говорит. А между тем созданная в 1924 г. предприимчивым офтальмологом Жюлем Стайном корпорация превратилась к началу 40-х годов из антрепренерского агентства, ведавшего организацией гастролей по стране джаз-оркестров, в гиганта зрелищного бизнеса Америки, тесно связанного с крупнейшими гангстерскими группами и мафиями, контролирующими ночную жизнь американских городов. Далеко не безупречная с точки зрения закона деятельность Музыкальной корпорации Америки была объектом пристального внимания министерства юстиции США еще в годы второй мировой войны, но военные годы были не лучшим временем для исследования правовых нарушений американским бизнесом. Однако уже в 1945 г. судебный иск против Музыкальной корпорации Америки дал основание ведущему дело судье назвать эту корпорацию «спрутом, опутавшим своими щупальцами весь зрелищный бизнес»<sup>1</sup>.

Выше уже отмечалось, что Рейган оказался в поле зрения корпорации с того времени, когда его агент Уильям Мейклджен с его независимым агентством был поглощен МКА. С тех пор и на всем протяжении его творческой биографии судьба Рейгана была неизменно связана с МКА. Представители этой корпорации добились для Рейгана у руководства студии «Уорнер бразерс» первого в своей истории контракта стоимостью в один миллион долларов, просуществовавшего,



правда, только на бумаге, поскольку Рейган ни своими творческими возможностями, ни популярностью у кинозрителей не был в состоянии обеспечить его выполнение. Именно по этой причине спустя некоторое время МКА провела новые переговоры с «Уорнер бразерс» и заключила контракт, предусматривавший привлечение Рейгана к съемкам фильмов студии со сдельной оплатой, но снимавший с нее обязанность делать фильмы с его участием. Когда же творческая карьера Рейгана в кино явно пошла на спад, именно МКА организовала для него контракт с ночным клубом в Лас-Вегасе. Нет ничего удивительного в том, что в годы своего пребывания на посту президента Гильдии киноактеров Рейган стремился делать все, что было в его силах и в его компетенции, дабы оказаться полезным руководству МКА.

Вряд ли советскому читателю будут до конца ясны все сложные махинации, к которым прибегал президент гильдии, чтобы обеспечить возможность для Музыкальной корпорации Америки выступать в роли продюсера телевизионных фильмов, оставаясь антрепренером приглашаемых на съемки этих фильмов актеров. Гильдия киноактеров, говоря понятным для всех языком, продала и предала Музыкальной корпорации Америки своих членов, предоставив ей исключительное право сочетать в одном юридическом лице представителя интересов как нанимателя, так и наемных работников, т.е. киноактеров. Детали заключенного тогда негласного соглашения между корпорацией и гильдией в лице ее президента Рейгана не были известны общественности вплоть до 80-х годов, когда Рейган был уже в Белом доме.

Музыкальная корпорация Америки представляла интересы Рейгана и в первичных переговорах с «Дженерал электрик», и в течение всех лет его работы на нее. МКА организовала для Рейгана и контракт на съемку последнего в его творческой биографии фильма «Убийцы». Руководители МКА были именно теми людьми, которые уговорили Рейгана зарегистрироваться в 1962 г. в качестве республиканца, а позднее приняли участие в составе «Друзей Рональда Рейгана» в планировании и организации его предвыборной кампании в ходе борьбы за пост губернатора штата Калифорния. И на этом этапе рейгановской биографии корпорация оказала Рейгану неоценимую помощь, детали которой оставались скрытыми от общественного внимания вплоть до 80-х годов. Трудно, конечно, предположить реакцию американских избирателей как в 1966 г., так и особенно в 1980 г., если бы сведения о сделке между Рейганом и корпорацией, реализованной с помощью «Друзей Рональда Рейгана», просочились бы тогда на страницы американской прессы. Возможно, кое-кто не увидел бы в ней ничего

предосудительного, учитывая традиционно благосклонное отношение американцев к личной предприимчивости. Однако многими американскими избирателями это качество было бы скорее всего сочтено непозволительным для губернатора штата, а тем более для главы государства.

В числе тех, кто составил костяк «Друзей Рональда Рейгана» и кому пришлось вплотную заняться выполнением выдвинутых тем условий согласия баллотироваться в губернаторы, был Тафт Шрайбер, один из руководителей Музыкальной корпорации Америки и стратегов рейгановской предвыборной кампании. Действительно, ни продолжительная карьера киноактера, ни деятельность на посту профсоюзного лидера, ни многолетнее сотрудничество с «Дженерал электрик» и «Бораксом» не сделали Рейгана миллионером, хотя ни при каких обстоятельствах он не мог быть отнесен к категории материально бедствующих людей. Худо-бедно, но Рейганы владели с 1956 г. стилизованным под ранчо особняком в одном из наиболее привилегированных районов Лос-Анджелеса, Пасифик Пэлисейдс; ежегодный доход Рейгана исчислялся суммой, превышающей 100—150 тыс. долл. (правда, до выплаты органически раздражавших его налогов). Кроме того, как уже говорилось выше, в 1951 г. Рейган приобрел за 85 тыс. долл. два участка земли в гористой местности Санта-Моника, севернее Лос-Анджелеса. Именно этим двум участкам площадью 236 и 54 акра (соответственно 95,5 и 21,8 га) и суждено было стать предметом спекулятивной сделки, совершенной «Друзьями Рональда Рейгана» в преддверии его въезда в губернаторский особняк, и основой его будущего состояния в несколько миллионов долларов.

Будучи расчетливыми людьми, покровители Рейгана продумали будущую финансовую операцию до мелочей, но не приступали к ее реализации до победы своего протеже на выборах: ведь Рейган мог и проиграть на выборах, и тогда вся операция теряла смысл. В ноябре 1966 г. Рейган одержал победу, и уже в декабре (официальное вступление на пост ожидалось лишь в январе следующего года) один из принадлежавших ему участков, тот, который имел площадь 236 акров, был приобретен при посредничестве Т. Шрайбера голливудской киностудией «XX век — Фокс» за колоссальную сумму 1 930 000 долл. (прибыль Рейгана составила более 3000%). Узнавшие об этой операции лица не переставали изумляться причинам, вынудившим никогда ранее не проявлявших столь необоснованной щедрости в финансовых сделках владельцев студии выплатить более чем по 8 тыс. долл. за акр земли, которая первоначально обошлась Рейгану всего по 275 долл. за акр (т. е. почти в 30 раз дешевле), тогда

как, согласно оценкам экспертов по продаже недвижимой собственности, стоила на тот момент по крайней мере в 3 раза дешевле выплаченной Рейгану суммы.

На протяжении всех лет, прошедших со дня свершения этой сделки, политические оппоненты Рейгана пытались раскопать сведения, которые могли быть использованы в качестве доказательства противозаконной финансовой махинации с целью подкупа будущего губернатора штата, но все их усилия оказывались тщетными. В 1967 г. Рейган говорил журналисту Л. Кэннону, что он не смог бы принять участие в борьбе за губернаторский пост, если бы не удалось продать ранчо, а Нэнси Рейган дополняла версию своего мужа доводом, сводившимся к утверждению, что, согласившись стать губернатором штата, Рейган пошел на большие финансовые жертвы и в создавшихся условиях просто не мог себе позволить роскошь владения ранчо. Однако продолжала оставаться неясность в главном — кто или что вынудило «XX век — Фокс» заплатить за земельный участок раза в три дороже его рыночной стоимости.

Расследования, проведенные в 70-х годах сотрудниками журнала «Роллинг стоунс» и газетой «Уолл-стрит джорнэл», позволили получить некоторые дополнительные сведения о сделке. Как удалось выяснить, семья продюсеров Занук (глава которой — Ричард Занук входил в число «Друзей Рональда Рейгана»), владевшая в 1966 г. контрольным пакетом акций студии «XX век — Фокс», поддерживала, также и своими финансовыми взносами, предвыборную кампанию Рейгана. Но одно дело поддерживать чью-то кандидатуру на выборный пост и вносить энную, пусть даже внушительную сумму в ее казну, и совершенно иное дело без видимых на то причин выложить на стол колоссальную сумму за участок преимущественно каменистой и бесплодной земли безо всякой, казалось бы, надежды на ее возмещение. Согласно «Уолл-стрит джорнэл», сомнения в морально-этической безупречности совершенной сделки выражал как тогда, так и позднее не только окружной оценщик недвижимой собственности, но и руководитель отдела по приобретению недвижимой собственности самой студии «XX век — Фокс». Репортеры наконец проследили источник 1,9 млн долл., которые были выплачены студией «XX век — Фокс» Рейгану за участок. Оказалось, что деньги в действительности принадлежали мало кому известной «57 Мэдисон корпорейшн», никогда ранее не занимавшейся операциями по скупке или продаже недвижимой собственности за пределами штата Нью-Йорк. Вскоре выяснилось, что владельцем этой таинственной корпорации был все тот же Жюль Стайн, один из богатейших людей Калифорнии, старо-

давний приятель Рональда Рейгана и основатель Музыкальной корпорации Америки. Студия «XX век — Фокс» фигурировала в этой сделке всего лишь в роли подставного покупателя.

Забегая несколько вперед, следует сказать, что спустя два года после вступления на пост губернатора Калифорнии Рейган подписал закон (который ранее отказывался подписать его предшественник Э. Браун) о предоставлении голливудским киностудиям, в том числе и киностудии «XX век — Фокс», значительных налоговых послаблений (в результате которых доходы каждой из них выросли на 3—4 млн долл.), а несколько ранее назначил одного из руководителей киностудии, Гарри Соколова, председателем правления директоров Управления по охране парков и мест отдыха штата Калифорния. Спустя восемь лет именно это управление, действуя уже от имени штата, приобрело у киностудии «XX век — Фокс» большой земельный участок, составной частью которого были бывшие рейгановские владения, всего лишь по 1800 долл. за акр, т. е. чуть ли не в 5 раз дешевле, чем когда-то киностудия заплатила Рейгану.

Во избежание обвинений в использовании служебного положения в личных целях для ведения личных финансовых и иных дел губернатора был создан так называемый «слепой трест», в котором поверенными в делах Рейгана были уже известные читателю Жюль Стайн, Джастин Дарт, Уильям Френч Смит и Уильям Уилсон, стойко оберегавшие от общественного внимания сделки, совершавшиеся «трестом» в интересах губернатора Калифорнии. Когда в 1974 г. репортеры журнала «Роллинг стоунс» Х. Кон и Л. Бергман попытались проинтервьюировать У.Ф. Смита в связи с выдвинутыми в адрес Р. Рейгана обвинениями в спекулятивных сделках в период пребывания на посту губернатора, Смит отказался отвечать на их вопросы.

Оставшийся у Рейганов земельный участок меньшей площади (54 акра) был оценен уже в бытность Рейгана губернатором штата в 165 тыс. долл. (в 5 раз дороже его реальной стоимости) и был принят в частичную уплату за приобретенный «слепым трестом» за 347 тыс. долл. огромный земельный участок площадью 778 акров (около 315 га) в округе Риверсайд. Земельные участки, расположенные по соседству, были приобретены и другими членами группы «Друзей Рональда Рейгана», в частности Т. Шрайбером, У. Уилсоном и У. Ф. Смитом, объяснившими свое решение купить соседние земли тем, что они-де не хотели оставлять Рейгана одного: «Это глухие места, и вокруг у него не было ни одного знакомого соседа». Поистине трогательная забота! Спустя несколько лет покинувший узкий круг рейгановских друзей Шрайбер

счел себя свободным от обязательства хранить детали этой операции в тайне и рассказал журналистам об активной роли, которую играл губернатор Рейган в этой сделке.

В течение некоторого времени после приобретения нового огромного участка земли Рейган настойчиво убеждал интересовавшихся причинами приобретения очередного дикого земельного участка лиц в том, что он намерен использовать его для строительства усадьбы, где он мог бы коротать редкие дни отдыха от исполнения губернаторских обязанностей и куда он смог бы удалиться после ухода в отставку и разводить лошадей и крупный рогатый скот. Трудно было найти во всем штате менее приспособленный для таких целей участок земли: он находился на значительном удалении от сколько-нибудь крупных водных резервуаров и источников, доступ к нему обеспечивался находившейся в плачевном состоянии проселочной дорогой. Но ценность участка заключалась в другом, и в этом смысле он был поистине золотиносным — именно в этом направлении предполагалось проложить один из каналов Южно-Калифорнийской водной системы и именно этот участок охватывался планами строительства автотрассы общештатного значения. Невозможно предположить, что об этих планах было не известно губернатору штата и его могущественным «доверенным лицам», имевшим неограниченный доступ к документам и проектам управления водных ресурсов и управления шоссеиных дорог в администрации штата. Строительство канала было завершено еще в годы пребывания Рейгана на посту губернатора и, как и ожидалось, отразилось на стоимости участка. Так и не приступив к строительству на нем личной усадьбы, спустя 8 лет после его приобретения (в 1976 г.) Рейган продал его за 856,5 тыс. долл. И эта выгодная сделка была осуществлена через «57 Мэдисон корпорейшн».

В последний год своего пребывания на посту губернатора Рейган приобретет близ г. Санта-Барбара земельный участок площадью почти 700 акров (ок. 280 га), на котором построит свое «Ранчо дель Сиело» («Небесное ранчо»). Компания «Оппенхаймер индастриз», в акции которой вложил часть своего капитала Рейган и у которой приобрел бычков для своего ранчо, принадлежала приемному сыну Ж. Стайна. В числе других крупных ее акционеров был и У.Ф. Смит. Чистая прибыль, поступившая на банковский счет Рейгана от серии спекулятивных сделок с земельными участками в штате Калифорния, составила более двух миллионов долларов. Приобретя 22 головы крупного рогатого скота и выпасывая их на территории ранчо, Рейган поддерживал «легенду» ранчо как сельскохозяйственного угодья, облагаемого по закону гораздо меньшим налогом. Так, в 1979 г. вместо 42 тыс. долл. Рейганы

выплатили в виде налога на ранчо всего 862 долл. Какой-либо противозаконности действий или нарушения морально-этических норм со стороны губернатора Калифорнии ни его политическим противникам, ни любознательным журналистам доказать так и не удалось.

Рассчитанная на четыре дня программа торжеств, посвященная инаугурации 33-го губернатора штата Калифорния Рейгана, была составлена и расписана в деталях киностудией Уолта Диснея, выдающегося американского мультипликатора. Принесение Рейганом торжественной присяги в ярко освещенной ротонде калифорнийского Капитолия в окружении статуй королевы Испании Изабеллы и Христофора Колумба и последовавшие за этой церемонией прием и пышный бал на всю ночь были организованы по всем правилам зрелищного искусства. Организаторы торжеств явно не скупилась на расходы — толстосумы Калифорнии выделили своему наперснику 100 тыс. долл. (гулять так гулять; и пусть все, кому нужно, удостоверятся лишний раз в том, что для хорошего человека ничего не жалко). Сменяя друг друга, непрерывно играли пять оркестров, но особой популярностью у присутствующих пользовался огромный студенческий хор, исполнявший трогательно-торжественную песню «Америка прекрасная», предпочитаемую многими американцами национальному гимну. Хору подпевала источавшая благополучие и преуспевание толпа, состоявшая из мужчин во фраках и смокингах и увешанных драгоценностями дам в бальных платьях от Диора, Пьера Кардена, Живенчи и других парижских законодателей мод. 15 тысяч гостей, приглашенных на первый официальный бал губернатора Рейгана, представляли собой сливки калифорнийского политического, делового и артистического мира. (В нарушение традиции на инаугурацию нового губернатора не был приглашен тот, кого он сменил. Рейган не нашел более убедительной демонстрации своего стремления порвать с прошлой политикой администрации штата. Была нарушена, впрочем, и еще одна традиция: торжественную присягу Рейган принимал заместитель верховного судьи штата. Верховный судья был, по мнению Рейгана и его друзей, излишне либеральной фигурой.) В музыку оркестров и гул огромной массы людей время от времени вмешивались посторонние звуки. То был тревожный рокот моторов полицейских вертолетов, пронесшихся над головами собравшихся: в последние дни участились письма, в которых содержались угрозы по адресу Рейгана и членов его семьи.

Газета «Нью-Йорк таймс» писала на следующий день, что великолепие и блеск зрелища были беспрецедентными. Именно такого впечатления и добивался новый губернатор, пожелавший установить новые традиции не только в штате, но и во всей стране. За основным балом последовали не менее впечатляющие приемы. Вот как описывал один из советников Рейгана «небольшой» прием, устроенный Рейганами у себя дома в те дни: «Ужин при свечах и с калифорнийским вином был изысканным. Коктейли разносили официанты азиатского происхождения в национальных костюмах. Разговор поддерживался неизменно любезной г-жой Рейган. Гости были очарованы. После завершения ужина вечер прошел в типично рейгановском духе. Губернатор встал из-за стола и сказал: «Джентльмены, пройдемте вниз». Там перед мужчинами предстала гигантская электрическая железная дорога (видимо, из той серии электродиковинок, которыми в свое время щедро снабжала Рейгана корпорация «Дженерал электрик». — Э. И.), занимавшая чуть ли не половину большого зала для отдыха, а также пианино и бильярдный стол. Сняв с себя смокинг, губернатор запустил в движение железнодорожный состав, в то время как один из сенаторов заиграл на пианино, а член легислатуры штата сильным ударом кия послал шар в пирамидку»<sup>2</sup>.

Сразу же после принесения на экземпляре 400-летней Библии торжественной присяги Рейган подошел к микрофонам и, нимало не смущаясь диссонансом того, что он говорил, с окружавшим его морем роскоши и изобилия, пообещал собравшимся «ужимать, подрезать и подстригать, пока мы не сократим расходы на содержание правительства», и объявил начало строительства «созидательного общества». «Уже в течение многих лет вам и мне, как детям, затыкали рот, говоря, что не существует простых ответов. В действительности же простые ответы есть. Нет легких ответов» — написанная помощниками и подправленная лично новым губернатором речь звучала искренне, напористо и убедительно. Правда, первые несколько предложений Рейган прочел запинаясь, пытаясь разобрать бледный текст. Но и здесь быстро нашелся, обратившись к приглашенным: «Знаете, наши меры по экономии средств не должны затрагивать типографию штата. Я предлагаю им пользоваться более темной краской». А потом, надевая очки, добавил: «Я-то надеялся, что мне не придется пользоваться очками. В следующий раз, когда будет сниматься фильм о Рокни, я буду играть Рокни». (56-летний губернатор явно напрашивался на комплимент — он выглядел молодо, особенно до того, как ему пришлось надеть очки, в его густых каштановых с рыжинкой волосах не было ни единого седого

волоса, а в его высокой, подтянутой фигуре не было даже намека на брюшко.)

Балам и вечеринкам, как и всему на этом свете, приходит конец, и уже с понедельника следующей недели перед губернатором вплотную встали конкретные вопросы, ответа на которые он попросту не знал, как не знал и того, что от него ожидается. По словам одного из самых близких его помощников тех лет, Лина Нофцигера, «в отличие от Гуди Найта, Эрла Уоррена (бывшие губернаторы штата.— Э. И.) или других политических деятелей Рональд Рейган возник из ничего и не обладал ни политическим опытом, ни политическими дружками, ни политической машиной. Он даже не руководил своей собственной избирательной кампанией. Его кампанией руководили наемные лица, которые затем покинули его. В результате после его избрания возникла огромная проблема: «Господи, что же теперь нам делать?» И действительно, мы были так заняты предвыборной кампанией... что никому не пришло в голову после выборов сесть и задуматься: «Где же нам искать тех, кто будет нам помогать? Что же теперь делать?» Мы были настолько неопытны, что пытались руководить из Лос-Анджелеса в переходный период (между администрациями старого и нового губернаторов.— Э. И.), но обнаружили, что это невозможно». Ссылавшийся на это высказывание Нофцигера Л. Кэннон утверждал, что «у Рейгана были цели, но не было программ действий. У него были идеи, не подкрепленные практической концепцией их реализации. Он не знал, как функционирует правительство, и не ведал, каким путем оно добивается осуществления своих целей... В течение многих месяцев после выборов Рейган был похож в большей степени на человека в трансе, чем на человека, обуреваемого грандиозной мечтой... 14 марта, спустя два с половиной месяца после инаугурации, один из репортеров задал Рейгану вопрос о программе его действий в области законодательства и обнаружил, что губернатор не знает ответа на этот вопрос. Глядя на своих помощников в надежде на помощь с их стороны, Рейган сказал: «Вообще-то говоря, я бы не отказался от подсказки, если кто-нибудь сможет вспомнить мою программу в области законодательства»»<sup>3</sup>.

Все это, видимо, действительно было так, если вспомнить всю предшествующую биографию Рейгана, в которой, за исключением политических выступлений, не было ни единого случая, дававшего основание рассчитывать на наличие у него способностей к политическому, а к тому же еще административному и хозяйственному руководству штатом, превосходящим по территории, объему промышленного производства, бюджету и другим экономическим показателям чуть ли не



большинство современных государств мира \* Но как это ни парадоксально звучит, при всем том, что у нового губернатора Калифорнии и его советников не было конкретной и сложившейся программы действий и что по многим аспектам своей деятельности на этом посту Рейган практически не располагал никакой информацией, активность новой администрации штата (от имени, но без сколько-нибудь энергичного участия губернатора) была беспрецедентной уже в первые месяцы ее пребывания у власти.

Все более или менее значимые посты в руководстве штата были распределены еще в промежутке между победой на выборах и днем инаугурации. Тщетно, однако, было искать среди лиц, занявших ответственные посты в административных органах штата, имена тех, кто сыграл решающую роль в политическом взлете Рейгана. Абсолютное большинство из них предпочло остаться закулисными вершителями дел и судеб: никто из них не был готов принести в жертву огромные доходы от своей деятельности в качестве владельцев, президентов и членов правлений различных корпораций и банков ради относительно скромного жалованья хотя бы даже и руководителя одного из административных управлений штата. Практически все выдвинутые «рейгановской командой» на руководящие административные посты в штате лица были либо крупными бизнесменами, либо представителями руководящего звена ведущих монополистических объединений и корпораций, преимущественно имеющих отношение к военно-промышленному комплексу штата. Большинство из них были республиканцами и почти все убежденными консерваторами.

В ходе своей предвыборной кампании 1966 г. Рейган обещал избирателям, что в случае победы он сформирует администрацию штата из «самых квалифицированных лиц», и неизменно критиковал губернатора Э. Брауна за то, что тот формировал руководство административных органов штата из числа своих приятелей и подручных, принадлежащих к демократической партии. Когда уже после вступления на пост губернатора Рейгану был задан на пресс-конференции вопрос о причине того, что многие из назначенных им, в частности на судебные посты, лиц были республиканцами и лично близкими к нему людьми, он быстро отреагировал: «Это чистейшая случайность, просто некоторые из наиболее квалифицированных лиц оказались связанными с моей предвыборной кампанией»<sup>4</sup> Спустя много лет, в ходе предвыборной кампании 1980 г., в программных выступлениях Рейгана промелькнет

\* По валовому национальному продукту Калифорния уступала в 1964 г только пяти странам мира — самим США, СССР, ФРГ, Японии и Франции.

тезис о том, что он является «кандидатом большого бизнеса»<sup>5</sup>, но такое признание будет им сделано не сразу, а лишь после того, как он убедится, что оно не только не подорвет, а, напротив, укрепит его политические позиции и придаст ему еще больше веса в кругах, оказывающих решающее влияние на исход выборов. Придя же на пост губернатора, Рейган еще не решался на подобные откровенные признания, ограничиваясь констатацией очевидного для всех факта, что его администрация «ориентируется на интересы деловых кругов»<sup>6</sup>.

Г. Уиллс подметил общую черту тех, кто получил назначения в администрации губернатора Рейгана: «Окружение Рейгана было явно обучено восхищаться бизнесменами и оказывать им всяческое содействие, поскольку бизнесмены, как считалось, вносили свой вклад в успех администрации в форме мудрых советов и финансовой поддержки». Результаты подобных советов и поддержки, как заключает эту характеристику Г. Уиллс, нашли с годами отражение в многочисленных судебных делах<sup>7</sup>. Речь о правовых аспектах последствий рейгановской унии с калифорнийским бизнесом пойдет несколько ниже. Здесь же было бы уместным лишь заметить, что на всю свою жизнь Рейган сохранил убеждение, широко распространенное среди богатейших людей Америки и активно ими пропагандируемое: тем, кто обладает столь огромными состояниями, нет никакой нужды заниматься финансовыми махинациями, и лишь от них можно ожидать действительно бескорыстного служения общественным интересам. Факты американской истории последних двух десятилетий, свидетельствовавшие о прямо противоположном, не разубедили Рейгана, хотя он и стал воздерживаться от публичных высказываний этого убеждения. Тогда же, в 1966 г., его подход к заполнению административных вакансий в администрации штата, образовавшихся с приходом к власти республиканцев, откровенно и однозначно сводился к принципу «гасить пожар следует поручать поджигателям».

Новым руководителем управления социального обеспечения был назначен калифорнийский адвокат, пользовавшийся репутацией убежденного противника государственных программ в области социального обеспечения; на пост главы управления по охране рек и лесов штата был назначен крупный калифорнийский лесопромышленник; бывший президент Ассоциации владельцев недвижимой собственности, неизменно выступавший против установления государственного контроля над выплачиваемыми домовладельцам суммами за аренду жилых помещений, получил пост руководителя управления, ведающего недвижимой собственностью и жилым фондом штата; обязанности ответственного за вынесение решений

о помиловании преступников были возложены на бывшего окружного прокурора, всегда настаивавшего на применении смертной казни в качестве высшей меры наказания. Бывший член общества Джона Берча, крайне правой организации, проповедующей расизм и социальное неравенство, был назначен директором управления экономических возможностей, ведомства, занимавшегося проблемами нуждающегося населения штата. Даже на должность ответственного за поддержание контактов администрации штата с калифорнийскими промышленниками, традиционно принадлежавшую профсоюзным деятелям, был назначен бизнесмен.

Ближайший друг и сподвижник Рейгана адвокат У.Ф. Смит стал членом попечительского совета Калифорнийского университета в Беркли (позднее он стал председателем этого совета). Для характеристики этого человека, в течение многих лет остававшегося доверенным лицом Рейгана и исполнителем наиболее щекотливых, в том числе и с морально-этической точки зрения, поручений, следует вспомнить высказывание одного из коллег Смита по регентскому совету: «Смит очень основательный человек. Он неизменно добивается результата. Он действует без излишнего шума. Вы даже не замечаете, что он вообще действует, пока не происходит организованный им государственный переворот»<sup>8</sup>. По всей видимости, Смита всегда отличали эти качества, но широкая американская общественность, включая и абсолютное большинство калифорнийцев, впервые узнала о нем с победой Рейгана на губернаторских выборах 1966 г., и особенно в те сложные недели, в которые создалась взрывоопасная ситуация в одном из самых престижных университетов страны — Калифорнийском университете, ставшая предметом особой заботы нового губернатора с первых же дней его пребывания на посту.

Спокойствие университетского городка Беркли нарушалось не раз и при губернаторе Брауне, что вызывало негодование у добропорядочных жителей штата. Но через месяц после своего избрания Рейган обострил обстановку, пригрозив применением силы против студентов. Не прошло и недели со дня въезда Рейгана в губернаторский особняк, как студенты Калифорнийского университета устроили публичное сожжение чучела, на груди которого висела табличка с именем нового губернатора, и пригрозили пойти многотысячным маршем на столицу штата. Студенты разъезжали по дорогам штата на своих видавших виды драндулетах, на которых пестрели наклейки «Рейгана в фюреры!», и развешивали повсюду увеличенные до плакатных размеров фотомонтажи с изображением вооруженного до зубов ковбоя с лицом Рейгана и подписью: «Спасибо за отданные мне на выборах голоса, лопухи!» Круг

выдвинутых студентами требований включал решительное требование прекращения войны во Вьетнаме и предоставления студентам права свободно высказывать свою точку зрения по всем вопросам, непосредственно затрагивающим их интересы. Студенты отвергали и планы администрации штата ввести впервые за более чем столетнюю историю существования этого учебного заведения плату за обучение при сокращении на 10 % дотаций из бюджета штата. Эти меры рассматривались ими как попытка губернатора наказать студенчество за вольнодумство.

Рейган был настроен очень решительно: студенты должны были, по его убеждению, нести полную ответственность за свои поступки. «С какой стати штату Калифорния финансировать любознательность интеллектуалов?»<sup>9</sup> Именно в такой плоскости был поставлен вопрос губернатором, явно спровоцировавшим увольнение в отставку президента университета Кларка Керра за занятую тем негативную позицию в отношении намерений губернатора (формально Керр был обвинен контролирувавшимся Рейганом попечительским советом в неспособности навести порядок в студенческих кампусах). Тем временем введенный в состав попечительского совета У. Ф. Смит не терял времени зря. С помощью еще одного члена совета ему удалось путем «выкручивания рук» вынудить нескольких менее решительно настроенных коллег изменить точку зрения на введение в университете платы за обучение, и новый губернатор одержал свою вторую победу (если считать увольнение Керра за первую). Решения Рейгана вызвали «ярость, разочарование, неудовольствие и негодование» не только 87 тыс. студентов, но и большинства из 7,5 тыс. профессоров и преподавателей университета. По словам бывшего президента университета Керра, выступления студентов против войны во Вьетнаме крайне возмутили «правых радикалов, которым принадлежит власть в Калифорнии»<sup>10</sup>, чья позиция не могла не оказать решающее влияние на Рейгана, ставшего губернатором прежде всего благодаря их усилиям. Но было бы неверным объяснять занятую Рейганом позицию одним лишь влиянием на него праворадикальных кругов, и дело было не только в том, что Рейган совершенно искренне разделял точку зрения этих кругов на «бесчинства» молодежи, но и в том, что эту точку зрения разделяли и многие калифорнийцы, которые в любой другой обстановке возмутились бы, если бы кто-нибудь назвал их правыми радикалами. Даже бывший губернатор Калифорнии Э. Браун, никогда не упускавший возможности проявить свое принципиальное несогласие с действиями и решениями Рейгана в качестве нового губернатора штата, критикуя допущенные его преемником «перегибы»

в подавлении студенческих беспорядков, одновременно признавал, что «большинство общественности, как в Калифорнии, так и в масштабах страны, было крайне озабочено все учащавшимися проявлениями насилия во время студенческих волнений»<sup>11</sup> и что и ему лично доводилось в прошлом прибегать к помощи национальных гвардейцев для подавления взрывов социального недовольства в штате.

Все годы своего пребывания на губернаторском посту Рейган не устал подвергать разгромной критике всех тех, чьи действия или заявления шли вразрез с его политической философией, полностью совпадавшей с политической философией ограниченного круга лиц, сыгравших решающую роль в выдвижении его кандидатуры. Политические и идейные враги «Друзей Рональда Рейгана» были и его личными врагами — все эти неуправляемые студенты, чью «молодую энергию следует связать ремнями», либералы всех оттенков, цветные, безработные и бедняки, которые вкуче с престарелыми и матерями-одиночками рассчитывают «прожить за чужой счет», федеральное правительство в Вашингтоне, «подавляющее частную инициативу и ограничивающее индивидуальную свободу, за которую боролись отцы-основатели Америки», пытающиеся «отдать американскую экономику на откуп социалистам-коллективистам», и, конечно, коммунисты и «красные» в Москве и в самих Соединенных Штатах, поставившие своей целью «повсеместное и насильственное распространение своей идеологии» и стремящиеся подчинить «всю нашу планету своему диктату»<sup>12</sup>. Все восемь лет пребывания Рейгана на губернаторском посту были сплошным «крестовым походом», поскольку, по меткому наблюдению журнала «Харперс», все эти годы «не было такого случая, чтобы в пределах видимости не оказывался хотя бы кто-нибудь из врагов — будь то бешеные псы (так Р. Рейган именовал участников расовых волнений.— Э. И.), отвратительные интеллектуалы, манипуляторы разумом или лица, получающие обманном путем льготы по социальному обеспечению»<sup>13</sup>. Себе же самому он представлялся рыцарем правого дела на белом коне, с копьем наперевес бросающимся в борьбу с несправедливостью и защищающим интересы достойных.

Но обращало на себя внимание, что «самоотверженность» Рейгана проявлялась лишь в тех редких случаях, когда дело касалось лишь принципиальных, с его точки зрения, вопросов, позиция по которым сложилась у Рейгана уже давно. Вопросы же, не составлявшие основы политической философии Рейгана, оставались на периферии его личного внимания, не удоставаясь подчас даже мимолетного к ним интереса. Их решение полностью отдавалось на откуп сотрудникам его администра-

ции, и дальнейшей их судьбой Рейган никогда не интересовался. И в годы своего губернаторства, и позднее, уже пребывая в Белом доме, Рейган концентрировал свое внимание на вопросах, которые в силу тех или иных обстоятельств или по рекомендации близких к нему лиц, и в первую очередь Нэнси Рейган, оказывались потенциально способными принести ему выгоду в общеполитическом или личном плане.

Уже в первые недели своего губернаторства Рейган призвал на помощь «отряд особого назначения» — более 200 ведущих бизнесменов штата, которым был официально придан статус консультантов по вопросам разработки будущих социально-экономических и административных реформ в штате. Но главными советниками Рейгана, особенно на первых порах, и в том числе в период формирования будущей администрации штата, продолжали оставаться члены бывшей «рейгановской команды», образовавшие «кухонный кабинет» губернатора. Правда, в отличие от членов «кухонного кабинета» седьмого президента США Эндрю Джэксона, встречавшихся с главой государства на кухне Белого дома (откуда и пошло это название), члены «кухонного кабинета» Рейгана считали ниже своего достоинства собираться на кухне губернаторского особняка. «Друзья Рональда Рейгана» собирались для решения возникавших проблем и выработки единой, отвечавшей их общим интересам линии либо в загородном клубе, либо же в гостиной или рабочем кабинете губернаторского особняка и неизменно под предлогом дружеских обедов или ужинов. Чувствовали себя они в губернаторском особняке как дома и имели на то все основания.

Переехав из Лос-Анджелеса в Сакраменто, Рональд и Нэнси Рейган пришли к выводу, что традиционно занимаемый губернатором особняк их не устраивает. По мнению Нэнси Рейган, расположенный на шумной, загруженной транспортом улице с односторонним движением двухэтажный дом был крайне пожароопасен. Рональд Рейган же, всю свою жизнь предпочитавший строго ограничивать рабочее время (которому он отводил не более 8 часов в день, а зачастую и того меньше), не скрывал стремления жить подальше от служебных помещений, дабы его никто не беспокоил во внеурочное время. Учитывая пожелания губернаторской четы, семнадцать человек из числа «Друзей Рональда Рейгана» организовали сбор средств на строительство нового губернаторского особняка в облюбованном Рейганом районе фешенебельного предместья. Земельный участок под новый губернаторский особняк

был вскоре приобретен, и даже начато его строительство; тем временем все теми же «Друзьями Рональда Рейгана» был приобретен за 150 тыс. долл. другой особняк и сдан ими «в аренду» семье губернатора. Меблировка особняка была также осуществлена на пожертвованные ими средства, которые были приняты с благодарностью четой Рейганов «от имени штата». Улица, на которой был расположен дом, по описанию Б. Боярски, «была изолирована от остальной части города высокой стоимостью жилых зданий и традицией, которая отвела эту часть города старым, сложившимся семьям Сакраменто. Она представляла собой небольшой лоскут богатства, затесавшийся среди кварталов домов, принадлежащих владельцам среднего достатка,— замкнутый в себе, состоятельный и республиканский. Без негров»<sup>14</sup>. Все это — строительство одного особняка, аренда и меблировка другого «Друзьями Рональда Рейгана» — называлось «экономить средства штата». «Даренному коню в зубы не смотрят»,— отреагировал Рейган на щедрость благодетелей, не испытывая ни малейших угрызений совести по поводу столь явно предложенной ему взятки<sup>15</sup>. Л. Барретт, автор книги о первых годах президентства Рейгана, обратил внимание на эту черту его характера, проявлявшуюся на всем протяжении рейгановской политической карьеры, начиная с первого дня его пребывания на посту губернатора Калифорнии: «Для политического деятеля, столь искусного в представлении своих идей и себя в позитивном плане, Рейган проявлял поразительное равнодушие к необходимости проявлять обостренное чувство порядочности»<sup>16</sup>. А история уже не раз доказывала, что отсутствие этого чувства в высшем эшелоне власти любого общества неизбежно отражается не только на морали тех, кто в той или иной степени причастен к отправлению власти над обществом, но и на морали всего общества.

При губернаторе Э. Брауне ни в административном здании Капитолия, где помещался служебный кабинет главы администрации штата, ни в губернаторском особняке, служившем его резиденцией, не было ни пуленепробиваемых стекол в окнах, ни вооруженных сотрудников, ни постоянно дежуривших полицейских и агентов ФБР. Все это появилось лишь после того, как губернатором стал Рейган. В уже упоминавшейся выше книге младшей дочери Рейгана Патти Дэвис содержится весьма подробное описание внутреннего режима особняка, в котором жила семья «губернатора Калифорнии Ричарда Кэнфилда», без всякого сомнения зеркально отражавшее истинную атмосферу в резиденции ее отца. П. Дэвис писала, что в губернаторском особняке «было невозможно оставаться наедине с собой; охранники всегда смотрели на меня так,

будто были абсолютно уверены в том, что под верхней одеждой я прячу контрабанду... В один из моих визитов туда я нечаянно нажала на кнопку, скрытую за гардинами, и не прошло и нескольких секунд, как завывли сирены и на крышу особняка опустились вертолеты»; «с тех пор, как мой отец стал губернатором, в нашем доме в районе Бель-Эйр произошли некоторые изменения. По всему дому и у железных ворот в конце въездной дороги появилась охрана. Небольшой, но до зубов вооруженный батальон сопровождал повсюду моего отца и тех, кто был с ним»; «губернаторский особняк... не бросался в глаза, за исключением того, что лужайка перед ним была оборудована электронными глазами, а над домом периодически курсировали вертолеты»<sup>17</sup>. Губернатор путешествовал только в сопровождении вооруженного «секретаря». Его помощники объясняли принимаемые меры предосторожности тем, что на имя Рейгана поступает еженедельно по пять писем с угрозами в его адрес.

Новый губернатор работал в элегантном, отделанном панелями из темного дерева кабинете. На книжных полках было всего несколько книг, по названиям которых можно было судить о его вкусах и запросах. Побывавшие в этом кабинете люди называли книгу мемуаров Р. Никсона «Шесть кризисов», политический роман консервативного писателя Аллена Друри «Совет и согласие» и книгу Уильяма Бакли «Маккарти и его враги». Взгляд посетителей неизменно привлекала стоявшая на книжных полках вереница слоников разных размеров. На антикварной работы губернаторском столе, на котором никто и никогда не видел официальных бумаг, всегда лежала выполненная по специальному заказу бонбоньерка с разноцветным желейным драже — любимым лакомством губернатора и лежало стеклянное пресс-папье с выгравированным на нем псевдолатинским изречением, служившим (как острили в кругах политических противников) жизненным кредо Рейгана: «*Illegitimus non tatum carborundum*» (Не позволяй ублюдкам доводить тебя до изнеможения). В усталой приемной стоял бронзовый бюст самого губернатора, а на стене висели обрамленное под стекло личное письмо Рейгану от директора ФБР Эдгара Гувера и бронзовая табличка со словами: «Соблюдайте правила или убирайтесь». (Кому-то из «Друзей Рональда Рейгана» так понравилось это грозное предупреждение губернатора, адресованное студентам Калифорнийского университета, что он специально заказал эту табличку и подарил ее Рейгану.)

Все восемь лет его жизни в Сакраменто рабочий день Рейгана начинался и заканчивался в одно время: губернаторскими обязанностям четко отводилось время с 9 утра до 5 вечера.



Репортеры, освещавшие деятельность административных ведомств штата в эти годы, говорили, что по губернаторскому лимузину можно было проверять часы. В пять часов вечера Рейган возвращался домой к своим любимым телепередачам, которыми завершался каждый рабочий день, если не бывало каких-либо приемов, требовавших его присутствия. Один из его друзей как-то сказал: «Рональд Рейган не является политиком из Сакраменто и никогда им не будет. Он приходит домой и принимает душ не просто из гигиенических соображений, а для того, чтобы смыть с себя грязное политиканство и вновь стать кинематографическим кумиром, который лишь случайно ночует в Сакраменто»<sup>18</sup> Что ж, у Рейгана в бытность его губернатором действительно было много друзей, пусть не всегда бескорыстных, но всегда готовых дать представителям прессы самый благожелательный отзыв о нем. Высказывание одного из них приводится на этих страницах для иллюстрации действительно складывавшегося у сотрудников аппарата губернатора и представителей прессы убеждения, что Рейган исполнял свою роль административного главы штата Калифорния чуть ли не с отвращением и гадливостью, без всякого желания глубоко вникать в механизм управления штатом, в эти многочисленные «винтики и шпунтики» повседневной рутины. Стиль работы губернатора, атмосфера, преобладавшая в его кабинете, буквально все, казалось бы, говорило о страстном желании Рейгана поскорее разделаться с надоевшими ему делами и вырваться домой. И уж, конечно, не могло идти и речи о том, что губернатор мог увозить какие-то деловые бумаги домой для продолжения работы дома или вообще заниматься решением служебных вопросов в домашней обстановке. (Так во всяком случае поступал его предшественник, вспоминая позднее: «Служебный портфель, который я увозил домой каждый вечер, был всегда набит документами, и я считал непозволительной роскошью уделить полчаса вечерним телевизионным новостям». При таком расписании, по его словам, не было «даже намек на нормальную личную жизнь»<sup>19</sup>.)

Единой точки зрения относительно разумности и предпочтительности того или другого стиля руководящей работы скорее всего никогда не будет выработано. Сторонники первого (рейгановского) стиля вправе вспомнить известное суждение, что не успевающий справиться со служебными делами в рабочее время руководитель является никудашным работником, не умеющим правильно распорядиться своим временем и выделить из вороха требующих внимания вопросов главный или несколько главных, оставив относительно второстепенные на решение лиц, находящихся под его началом. (Следует,

правда, признать, что помимо органического предпочтения такого стиля деятельности необходимы либо абсолютная уверенность в надежности и способностях сотрудников аппарата в сочетании с убежденностью в единстве взглядов и подходов к решению этих вопросов, либо же действительно полное равнодушие к исполняемым обязанностям и отсутствие интереса к возникающим проблемам.) Сторонники второго, несравнимо более напряженного и, как ни странно, менее благодарного и оказывающегося в конечном счете, как правило, менее результативным стиля работы обычно ссылаются на сложность и ответственность стоящих перед руководителем задач и функций, за чем чаще всего стоит неуверенность в деловых качествах или единодушии сотрудников аппарата или же отсутствие у конкретного лица способности к руководству при всей его работоспособности и горячем желании добиться положительных результатов. (Через четырнадцать лет, в январе 1981 г., в Белом доме произойдет аналогичная смена руководящих стилей — уже известный нам рейгановский стиль сменит стиль руководства, практиковавшийся на протяжении предшествующих четырех лет президентом Дж. Картером и предусматривавший личную вовлеченность главы государства в практически все, включая даже третьестепенные, вопросы, возникавшие перед его администрацией.)

И все-таки в руководящем стиле Рейгана, при всей его предпочтительности с точки зрения здравого смысла и результативности, просматривались скорее отсутствие заинтересованности в возложенных на него обязанностях и нежелание утруждать себя умственно и физически, чем твердая уверенность в способностях и возможностях в большинстве своем прежде незнакомых ему людей, занявших ответственные посты в администрации штата и в аппарате его советников и помощников по рекомендации «Друзей».

Значительная часть служебных функций губернатора оказалась «делегированной», т. е. возложенной на плечи руководителей соответствующих управлений и отделов администрации штата. Представление Рейгана о положении дел в том или ином звене административного аппарата или сути той или иной проблемы, стоящей перед властями штата, складывалось на основе так называемых мини-меморандумов — предельно сжатого изложения существа вопроса с готовыми выводами и рекомендациями, подготовленными помощниками. В нижней части мини-меморандумов оставлялось место, чтобы губернатор мог поставить галочку против слова «да» или «нет» или же проставить четыре буквы «ОК.Р.Р.» (т. е. «О'кей. Рональд Рейган»), таким образом утвердив или отвергнув предложенное решение. Система этих односторонних меморанду-

мов, разработанная руководителем секретариата Уильямом Кларком, сводила к минимуму степень вовлеченности Рейгана в повседневную деятельность администрации штата. «Члены правительства штата по возможности улаживали все разногласия между собой и представляли готовое решение на его ратификацию. Это соответствовало его стремлению к консенсусу и охраняло от конфликта, к которому он питал отвращение. Но это укрепляло позиции кабинета, члены которого знали, что Рейган редко отвергал решение, поддержанное ими всеми»<sup>20</sup>. Делегирование губернаторских полномочий в такой степени устраивало сотрудников аппарата и руководящих членов администрации, что они предпочитали выработать все решения до того, как они попадали к Рейгану для формального утверждения. В своих же собственных глазах Рейган представлялся председателем правления крупной корпорации, занимающимся выработкой общей стратегической линии, а не решением мелких тактических вопросов, которыми пристало заниматься вспомогательному эшелону администрации. «Для Рейгана политика является неизбежным злом, — говорил один из сотрудников секретариата губернатора. — Он считает, что, раз уж Господь Бог поручил ему вывести нацию из тьмы, он готов с этим согласиться. Но он стоит выше рутины. В случае назревания конфликта он не хочет даже слышать о нем. Он склонен оценивать степень преданности ему лично по тому, насколько способны окружающие его лица предотвратить разрастание конфликта... Те, кто оберегает его будь то от трудных ли вопросов прессы или от внутренних конфликтов в аппарате, считаются самыми ценными сотрудниками»<sup>21</sup>. Руководитель секретариата губернатора Эдвин Миз признался как-то в интервью, что видит свою задачу в том, чтобы рабочий стол Рейгана был по возможности девственно чист. Лучшим же качеством своего «босса» Миз считал то, что тот никогда не волновался по пустякам и тем более никогда не волновался преждевременно<sup>22</sup>.

Трудно представить себе, что профессиональный актер кино мог бы одержать победу на губернаторских выборах в каком-либо другом штате страны, кроме Калифорнии. Своеобразный прецедент был установлен двумя годами раньше, когда близкий друг Рейгана, голливудский киноактер Джордж Мерфи, стал в 1964 г. сенатором США от Калифорнии. Видимо, в первую очередь по этой причине все попытки рейгановского предшественника на губернаторском посту и соперника на выборах 1966 г. Эдмунда («Пэта») Брауна подорвать шансы Рейгана ссылками на его актерское прошлое оказались безуспешными — калифорнийцев этой перспективой напугать не удалось. Органическое неприятие Брауном особенностей

личности Рейгана, практиковавшегося им стиля руководства штатом в годы губернаторства сохранилось на многие годы. И в 1980 г. в ходе президентской избирательной кампании Э. Браун продолжал предупреждать на этот раз всех избирателей страны об опасностях, таившихся в возможном предпочтении ими кандидатуры Рейгана: «Как и любой актер, Рейган привык работать со сценарием в руках. Он способный ученик. В течение ряда лет он неплохо зарабатывал, играя роли, которые требовали лишь одного — чтобы он не забывал слова, не пытаясь при этом проникнуть вглубь в поисках скрытого смысла, тонкостей или нюансов. Задолго до того, как компьютеры стали управлять нашей повседневной жизнью, Рейган был «запрограммирован» сценаристами и режиссерами, сформирован продюсерами и директорами студий, упакован и сбыт с рук специалистами в области рекламы»<sup>23</sup>. Справедливости ради следовало бы сказать, что не одни политические противники и соперники подвергали сомнению на разных этапах политической карьеры Рейгана его интеллектуальные способности. Один из близких к Рейгану лиц, знавший его долгие годы и даже пришедший вместе с ним в Белый дом, утверждал, что Рейган обладал «ленивым умом» при хорошей памяти, в которой оседала без какой-либо проверки любая вычитанная им или доведенная до его сведения информация<sup>24</sup>. Соратник Рейгана по республиканской партии, бывший председатель комитета здравоохранения и социального обеспечения сената Калифорнии, ставший позднее членом палаты представителей конгресса США, Э. Бейлинсон говорил: «На первый взгляд он (Рейган) является весьма незаурядной личностью. Он знает свои слова и свои чувства, но заставить его постичь еще что-то невозможно. Его нельзя ничему научить или заставить глубоко изучить тот или иной вопрос»<sup>25</sup>. А редактор политического отдела газеты «Сакраменто Би» М. Смит, имевший возможность не только наблюдать за деятельностью губернатора, но и часто беседовать с ним, пришел к выводу, что тот «много что говорит, причем говорит быстро, бойко, но не готов отвечать за свои слова. Слова для него не столь важны, сколь важны они для других политических деятелей. Будучи всю свою жизнь актером, он играет на эффект, а не делает политику»<sup>26</sup>. Последнее утверждение, если уж быть по возможности объективным в условиях наличия действительно огромного количества высказываний о Рейгане не совсем комплиментарного характера, явно нуждается в комментарии. Да, конечно, будучи профессиональным актером, Рейган и в своих публичных выступлениях, и в своих высказываниях, да и во всем том, что он делал на людях, явно «бил на эффект», но не на эффект ради эффекта, а в расчете на то,

чтобы его слова или его действия оказали бы благоприятное впечатление на по возможности большее число людей, затронули бы самые чувствительные струны их мыслей и ожиданий. И в подобных случаях было трудно сказать, кого в нем было больше — актера-профессионала или интуитивно дальновидного и расчетливого политика. Наверное, правильнее было бы говорить, что на протяжении всех своих лет в сфере политики Рейган проявлял себя интуитивно дальновидным политическим деятелем, обладавшим профессиональной актерской подготовкой.

Хорошо знавший Рейгана и имевший возможность изучить особенности его характера и личности лучше многих других лиц из губернаторского окружения Лин Нофцигер не скрывал своих опасений по поводу рейгановской склонности делать огромное количество ошибок в своих публичных выступлениях, бессознательно искажать действительное положение вещей или приводить неизвестно откуда взятые примеры и цитаты. Нофцигер знал, что это происходило прежде всего по той причине, что Рейган абсолютно не знал (и не очень стремился знать) многие детали политической, экономической и социальной жизни штата. Даже рискуя вызвать недовольство у представителей прессы, Нофцигер советовал губернатору почаще пользоваться ответом «не знаю». Самые крупные проблемы возникали у Рейгана, как считал Нофцигер, в тех случаях, когда губернатор должен был прибегнуть к спасительному «не знаю», но по каким-то одному ему известным причинам решал не делать этого<sup>27</sup>. Не многим отличались от публичных выступлений высказывания губернатора в ходе официальных заседаний администрации штата. По утверждению Л. Кэннона, хотя Рейган и проявлял здравый смысл при обсуждении некоторых вопросов, «стенограммы заседаний свидетельствовали также о том, что губернатор еще более наивен, чем можно было предположить на основе его публичных заявлений, и в еще большей степени несведущ в некоторых наиболее серьезных проблемах действительности»<sup>28</sup>.

Как бы хорошо ни относились в личном плане к Рейгану его близкие друзья, коллеги по Голливуду или сотрудники его аппарата, практически никто из них не питал особых иллюзий относительно его способностей и возможностей. У тех же, кто не имел удовольствия принадлежать к какой-либо из этих категорий лиц, ближайšie и более отдаленные перспективы пребывания Рейгана на губернаторском посту вызывали самый откровенный и неподдельный страх, весьма успешно, надо сказать, подогреваемый заявлениями его политических противников и критически относящимися к нему лично и его политической философии органами периодической печати. По-

добные опасения нашли наиболее исчерпывающее отражение в высказывании Э. Брауна, содержащемся в его книге «Рейган и реальность»: «Внимательное изучение исполнения Рейганом роли губернатора приводит к парадоксальному выводу. В глазах общественности и в личном плане он производит впечатление скромной, спокойной и уверенной решительности; большинство избирателей, как правило, не сомневаются в том, что Рейган знает, что такое хорошо и что такое плохо, и что он выступает за то, что хорошо. Но как личность и как губернатор он часто противоречив, непоследователен, уклончив и нерешителен. Именно это, возможно, представляется наиболее огорчительным для тех, кого волнует благополучие представительного, демократического правительства, и для тех, кого беспокоит значение Рейгана как современного преуспевающего политического деятеля. В этом человеке пугает огромная пропасть, если не явное противоречие между представлением общественности о том, что он собой представляет, и реальностью его действий в качестве губернатора... Когда я вычитал, что один из главных помощников президента Никсона (Э. Браун имел в виду министра юстиции США Джона Митчелла.— Э. И.) заявил репортеру: «Не обращайтесь внимания на то, что мы говорим; наблюдайте за тем, что мы делаем», я содрогнулся при мысли о *мрачных* перспективах демократии в Америке. Если и наши ведущие лидеры, наши губернаторы и президенты полностью отделяют свою общественную роль от своих основополагающих действий, каким же образом народ может узнать их, вынести о них свое суждение и разумно проголосовать?»<sup>29</sup> Впечатления о личности и политической философии Рейгана, сложившиеся в годы пребывания его на посту губернатора Калифорнии, послужили основанием для многих взглядов, высказывавшихся о нем его политическими и идейными оппонентами в более поздние годы, в том числе и в 80-х годах. Американский историк и политолог Николас фон Хоффман писал в 1982 г.: «Мы имеем дело с человеком, который знает, что именно он собирается делать, который не взвешивает «за» и «против» и который не стремится и не ощущает необходимости получить дополнительную информацию, прежде чем принять решение. Рональд Рейган принял решение тридцать лет назад (т. е. в годы пребывания на посту президента Гильдии киноактеров.— Э. И.). И с тех пор его визуальные и звуковые антенны установлены таким образом, чтобы они не принимали информации, не говорящей в пользу того, что он решил делать». Иллюстрируя эту точку зрения на личность Рейгана, Н. фон Хоффман вспоминает, как в ходе одной из своих пресс-конференций губернатор Рейган, отвечая на вопрос о безработице, ничтоже сумняшеся, заявил, что колонки объявлений

в газетах буквально заполнены предложениями работы и что всё, кто действительно хочет найти работу, могут ее найти без особого труда. (Надо сказать, что то же самое, с теми же интонациями и той же убежденностью он будет говорить, отвечая на аналогичные вопросы в качестве президента США.) «Несмотря на спад, депрессию, вам все равно не удастся убедить Рональда Рейгана в том, что вы не можете получить работу,— писал фон Хоффман с особой горечью в тот период, когда безработица в стране выросла до самого высокого за послевоенное время уровня. — Безработицы нет, поскольку ему лично всегда удавалось найти работу». «Когда над Рейганом посмеиваются как над неначитанным, плохо информированным или неинформированным человеком, это равнозначно его недооценке и непониманию. Он информирован в своих собственных целях, а не в наших»,— делал Н. фон Хоффман тревожное заключение<sup>30</sup>. Конечно, пафос большой и резко критической статьи, недвусмысленно названной автором «*Contra Reaganum*», был продиктован политическими соображениями и личными взглядами публициста, пользовавшегося репутацией либерального демократа, однако в обоснованности его анализа и оценок, исходивших из того, что было известно о Рейгане к тому времени, сомневаться не приходилось.

Чуть ли не на следующий день после завершения празднеств по случаю вступления на пост Рейган объявил, что ушедшая в отставку администрация Брауна «разворовала и опустошила» казну штата, оставив в наследство администрации республиканцев дефицит бюджета штата, достигающий почти 200 млн долл. (на самом деле дефицит составлял 158,5 млн долл.). «Более мрачной картины Калифорния не видывала с суровых времен Великой депрессии, когда наш штат был вынужден принять настолько отчаянные меры, что наш кредит испытывал на себе их влияние в течение нескольких десятилетий,— обвинял Рейган своего предшественника.— В прошлом году Калифорния расходовала ежедневно на 1 млн долл. больше, чем могла себе позволить»<sup>31</sup>. В числе мер, призванных способствовать «восстановлению» экономики Калифорнии и ликвидировать «катастрофическое положение», Рейган назвал 10-процентное сокращение бюджетов всех административных ведомств штата, замораживание численности персонала учреждений, сокращение средств, выделяемых из бюджета штата университету в Беркли и отдельным колледжам, ликвидацию созданных после крупных расовых волнений

в «черном» пригороде Лос-Анджелеса Уоттсе центров по реализации программ социального вспомоществования черно-му населению штата, закрытие психиатрических лечебниц и ряда других медицинских учреждений, оказывавших бесплатную медицинскую помощь нуждающимся и престарелым жителям Калифорнии.

Особую известность получило обращение Рейгана к служащим административных ведомств Калифорнии с призывом во имя экономии общественных средств выйти безвозмездно на работу в дни рождения А. Линкольна и Дж. Вашингтона — 12 и 22 февраля, обычно являющиеся в штате выходными днями. Однако, несмотря на настойчивые увещевания губернатора, на рабочих местах появилось менее 2 % служащих (в их числе чуть ли не в одиночестве оказался в служебном здании сам Рейган); остальные 98 % сочли этот призыв Рейгана проявлением насилия над ними. Своего рода субботника не получилось: не вышли на работу даже те служащие, которые никогда не признавали эти дни праздничными по причине личного негативного отношения к этим историческим личностям. Как анекдотический случай подавала калифорнийская пресса приказ губернатора пользоваться в целях все той же экономии общественных средств оставшимися от прежней администрации официальными бланками с именем губернатора Брауна. Подсчеты показали, что с точки зрения человеко-часов, затрачиваемых на перечеркивание фамилии старого губернатора и впечатывание фамилии нового, куда выгоднее было заказать новые бланки.

Разговоры об экономии прекратились с внесением на утверждение легислатуры штата бюджета на очередной финансовый год: этим бюджетом были предусмотрены расходы в размере 5,06 млрд долл.— на 440 млн долл. больше, чем предусматривалось последним бюджетом губернатора Брауна. (Бюджет, внесенный на утверждение в последний год губернаторства Рейгана, превысил 10 млрд долл.) Сославшись на необходимость изыскания средств для погашения бюджетного дефицита, полученного в наследство от прежней администрации штата, и покрытия расходов по существенно увеличившемуся бюджету, Рейган объявил о повышении налогов на жителей Калифорнии — самом крупном повышении налогов за всю ее историю. Это повышение стало первым из трех значительных и нескольких небольших повышений налогов за восемь лет пребывания Рейгана на губернаторском посту, в результате чего с 1967 по 1974 г. практически все категории налоговых сборов в штате изменились в сторону повышения и составили в среднем 7,6 % личного дохода (по сравнению с 6,6 % при Э. Брауне). В среднем налоги штата на душу



населения выросли с 426 долл. до 768 долл. За эти восемь лет общая сумма налоговых поступлений в казну Калифорнии возросла с 3,4 млрд долл. до 9,6 млрд долл., т. е. в 2,8 раза, вдвое превысив темпы роста налогов в любом другом штате страны. За этот же период в условиях роста населения штата на 10,5 % число служащих административных ведомств увеличилось на 28,5 %. Рейган продолжал призывать к сокращению административного аппарата и уменьшению непроизводительных расходов на его содержание, но уже к концу своего первого четырехлетнего срока пребывания на посту губернатора значительно повысил ставки заработной платы служащим административных ведомств штата, включая сотрудников своего аппарата и самого себя. (Жалованье губернатора выросло с 44 100 долл. в год до 49 100 долл.) Значительно увеличился штат аппарата губернатора, в том числе и за счет заметного роста количества сотрудников губернаторской охраны. Неизмеримо выросли расходы на меблировку губернаторского особняка и установку в нем всевозможных электронных и иных средств охраны. Одновременно губернатор принял решение о сокращении в 10 раз (с 5 млн до 500 тыс. долл.) ассигнований на программу выдачи школьных завтраков нуждающимся детям.

В ходе своих пресс-конференций (а он проводил их в первое четырехлетие почти каждый вторник, но сократил их частоту до одной в месяц во второе) Рейган демонстрировал мастерство ответов на несложные вопросы и завидное умение уходить от ответа на сложные. Следуя разработанной Л. Ноффигером тактике, губернатор ввел в практику столь многословные ответы на несложные вопросы, что от ответов на сложные ему «приходилось» отказываться из-за недостатка времени. Отвечая на вопросы, требовавшие точного ответа, губернатор, как правило, консультировался с текстом на многочисленных карточках, всегда находившихся у него под рукой, но даже эти «шпаргалки» не могли скрыть от репортеров крайне поверхностного знания губернатором многих важнейших вопросов деятельности его администрации. Журналисты настолько привыкли слышать из уст губернатора выражения типа «Я об этом еще не думал», «Я не имел возможности ознакомиться с этими материалами» или (с обезоруживающе-виноватой улыбкой) «Ну вот вы и поймали меня. Честно говоря, не знаю», что они не вызывали у них уже того удивления и недовольства, которые проявлялись было у них в первые месяцы рейгановского губернаторства. И вместе

с тем даже критически настроенный Э. Браун оказался вынужденным признать, что Рейган был в состоянии контролировать ситуацию не только тогда, когда пресс-конференция проходила по заранее расписанному и отрепетированному сценарию, но и в тех случаях, когда происходил не предусмотренный никакими сценариями и репетициями обмен вопросами и ответами: «Его ум, хотя и испытывающий на себе влияние примитивной и лишенной гибкости догмы, отличается быстрой реакцией, и его ответы не предваряются мычанием или бормотанием. Он способен на темпераментные высказывания, но очень редко теряет контроль над собой в присутствии телекамеры. Создается впечатление, что он пользуется старым никсоновским правилом, что политический деятель никогда не должен сердиться, за исключением тех случаев, когда он намеренно хочет казаться сердитым для достижения необходимого ему драматического эффекта. Рейган не только кажется спокойным, но и в действительности проявляет полное спокойствие в ходе большинства неотрепетированных телевизионных программ или конференций, сохраняя тон легкой, дружеской беседы, ход которой время от времени оживляется шуткой, призванной повысить интерес его слушателей. Несмотря на отсутствие официальности, он производит впечатление глубокой убежденности и искренности, что является, возможно, его самым большим достоинством в условиях неотрепетированной телевизионной программы. Он кажется спокойным, уверенным и невозмутимым, но вместе с тем открытым, озабоченным и деловым»<sup>32</sup>. Браун был далеко не единственным критиком Рейгана, вынужденным признать, несомненно, незаурядные качества губернатора, особенно наглядно проявлявшиеся в подобных ситуациях. Но, как заметил один из американских публицистов, хотя «с точки зрения театрального зрелища представление (т. е. пресс-конференции губернатора Рейгана.— Э. И.) было отличным, качество получаемой при этом информации оставляло желать много лучшего». «Он был мастером говорить все и ничего,— писал еще один критик Рейгана, публицист Ж. Уитковер.— У него была хорошая память актера и актерская способность говорить с уверенностью независимо от того, действительно ли он чувствовал такую уверенность или нет»<sup>33</sup>. После окончания губернаторских пресс-конференций журналисты в недоумении застывали над своими наспех сделанными стенограммами, пытаясь понять, что же именно заставило их лихорадочно записывать каждое слово, произнесенное Рейганом, и чем объяснить, что эти слова, звучавшие весомо и значительно, когда они произносились Рейганом или передавались в телезаписи, выглядели столь неубедительно на бумаге.

Для рядовых же калифорнийцев, имевших возможность получать представление о том, как проходят губернаторские пресс-конференции, только из вечерних телепередач, Рейган неизменно оказывался на высоте, легко разделяваясь со всеми вопросами и ставя своей осведомленностью в тупик даже самых бывалых и настырных репортеров. Лишь присутствовавшим на пресс-конференциях журналистам было известно, что руководство местного телевидения подвергало жесточайшей редакции весь отснятый на пресс-конференциях материал, вырезая из него все, что могло вызвать неудовольствие губернатора и его могущественных покровителей. Судьба известного карикатуриста из газеты «Лос-Анджелес таймс» П. Конрада, досадившего губернатору своими острыми политическими рисунками, свидетельствовала о том, что с «завравшимися» журналистами губернатор и его друзья расправляются быстро и безжалостно. Уступая давлению губернатора, его оскорбленной до глубины души жены и «Друзей Рональда Рейгана», издатель газеты О. Чэндлер сначала дезавуировал художника, а затем и вовсе отказался от его услуг, хотя тот и был долгие годы ведущим карикатуристом газеты.

Однако Рейгану не всегда удавалось свести счеты с журналистами, как не всегда удавалось сохранять полное спокойствие при общении с журналистами и контролировать складывающуюся на пресс-конференциях ситуацию. Свидетельством тому — широко комментировавшиеся не только в калифорнийской печати, но и проникшие на страницы крупнейших газет и журналов страны сведения, касавшиеся финансовых взаимоотношений губернатора с Налоговой службой США.

Надо сказать, что Рейган всегда проявлял особую неприязнь к вопросам журналистов, затрагивающим его личную жизнь, и в частности состояние его финансовых дел, и, как правило, категорически отказывался на них отвечать. Но в ходе состоявшейся в мае 1971 г. пресс-конференции ему пришлось ответить на поставленный «в лоб» вопрос: «Правда ли, что губернатор не выплатил ни единого цента в качестве налогов за 1970 г.?» «По-моему, он полагал, что я собираюсь спросить его о психиатрических больницах, о которых мы с ним говорили раньше,— вспоминал репортер местного телевидения Дж. Джервис, задавший Рейгану этот неприятный вопрос.— Если бы он располагал временем на обдумывание ответа, он скорее всего, как обычно, ответил бы, что не обсуждает вопросов, касающихся его личной жизни. Ответ он таким образом, разговор был бы тут же окончен»<sup>34</sup>. Но застигнутый врасплох неожиданным вопросом, губернатор явно заволновался и потерял контроль над собой: «Вы знаете,

честно говоря, я не знаю, выплатил я или нет... Мне надо будет проверить... Я знаю, что я... я знаю, что мне возместили в последние два года какую-то часть федеральных налогов или что-то в этом роде. Но я не знаю... не знаю, как обстоят дела с моими налогами». В тот же день секретариат губернатора опубликовал короткое официальное заявление следующего содержания: «В связи с финансовыми убытками, понесенными губернатором Рейганом по сделанным им капиталовложениям, подоходный налог с него в 1970 г. не причитался».

Репортеры настаивали на более вразумительном и правдоподобном разъяснении. Реакция губернатора и его подчиненных явно свидетельствовала о том, что журналистам удалось нащупать нарушение закона со стороны человека, призывавшего на протяжении стольких лет к необходимости строгого соблюдения законности. На очередной пресс-конференции, придя к выводу, что лучшей обороной в создавшейся ситуации может быть лишь наступление, Рейган обвинил журналистов в том, что они «опустились до вмешательства в личную жизнь» и прибегли к использованию «незаконно полученной информации» о состоянии его финансовых дел. Вместо того, чтобы заниматься этим бесчестным делом, заявил Рейган, журналистам следовало бы осудить того, кто нарушил закон штата Калифорния о неразглашении сведений, касающихся индивидуальных налогов. Но призыв Рейгана не произвел никакого впечатления на представителей прессы.

Скандал, казалось, разгорался. Редакционная статья, опубликованная в одной из калифорнийских газет, констатировала: «Человек, целомудренно поучавший, что налоги должны быть болезненными, избежал боли, в то время как большинство калифорнийцев должным образом испытывали страдания». Согласно проведенному другой местной газетой расследованию, с 1966 по 1969 г. губернатор выплачивал ежегодно в качестве подоходного налога в среднем около 1 тыс. долл. при доходах, превышавших 50 тыс. долл. в год, а со сделки с земельным участком, принесшей ему без малого два миллиона долларов прибыли в 1967 г., умудрился выплатить минимальный подоходный налог в размере 90 тыс. долл.\*

\* Спустя много лет станет известно, что в 1970 г. Рейган действительно не выплатил ни единого цента в виде подоходного налога, хотя его доходы в том году составили 73 тыс. долл. В 1979—1980 гг., будучи владельцем «Небесного ранчо», оценивавшегося в 2 млн долл., Рейган выплатил всего лишь 900 долл. в виде подоходного налога, как если бы он владел земельным участком стоимостью 20 тыс. долл. Назвав себя «частным предпринимателем», Рейган указал тогда, что основную часть его дохода в 1979 г. составили гонорары за выступления по радио и в печати, а расходы — выплаты компании «Дивер энд Ханнафорд. инк», как можно было догадаться, за подго-

Но разгоравшийся было крупный скандал по необъяснимым причинам стал постепенно затихать, а вскоре и вовсе прекратился. Недаром же управляющий личными финансовыми делами губернатора У. Ф. Смит пользовался репутацией юриста, знающего наизуток все уловки и увертки, позволяющие обходить закон. Столкновение губернатора с прессой не прошло, однако, совершенно бесследно для журналистов: встречи Рейгана с ними сократились до минимума, а подготавливаемые ими для публикации материалы о встречах и беседах с губернатором стали подвергаться еще более жесткому контролю со стороны владельцев местных органов периодической печати, твердо усвоивших полученный урок — критиковать губернатора бессмысленно и контрпродуктивно.

На главном приеме по случаю вступления в должность губернатора имел место один эпизод, который, правда, никого из присутствовавших не удивил: в числе здравниц в честь нового губернатора штата прозвучал тост Генри Сальватори «за будущего президента Соединенных Штатов Рональда Рейгана». Слова Сальватори были еще одним подтверждением того, что вопрос, уже не раз обсуждавшийся в узком кругу «Друзей Рональда Рейгана», не только не снят с повестки дня, но, напротив, приобрел новое, очень обнадеживающее звучание в связи с тем, что Рейгану удалось преодолеть еще одну весьма важную ступеньку на пути в Белый дом.

Вообще-то говоря, планы Рейгана и его покровителей добиться поддержки республиканской партии в борьбе за Белый дом не были очень уж большим секретом ни для местных политических деятелей, ни для представителей прессы. Именно в связи с широким распространением слухов о намерениях Рейгана ему пришлось дать в ходе предвыборной губернаторской кампании твердое заверение в том, что в случае победы на выборах он отслужит полностью четырехлетний

товку текстов этих выступлений. Разница, достигавшая почти 300 тыс. долл., составила чистый доход Рейгана за тот год. Правда, в графе доходов фигурировали еще 481 долл., выплаченные Рейгану его дочерью Морин в качестве процента на данную им займы сумму, а в графе расходов числились 15 долл., названные амортизационными расходами по эксплуатации вентилятора на его калифорнийском ранчо. Уже в бытность Рейгана президентом США стало известно, что ему пришлось выплатить задним числом 20 тыс. долл. Налоговой службе США в возмещение старого долга и процентов, набивавших на него за несколько лет уклонения от выплаты налогов. Остается усомниться в том, что такая незначительная сумма полностью покрыла старую задолженность Рейгана, но сам факт выплаты говорил за себя.

срок губернаторства. Но когда он по старой привычке не проявлять особого рвения в получении желаемого поста попытался «поскромничать» и выразил в беседе с Сальватори сомнения в целесообразности выдвижения своей кандидатуры на выборах, которые, дескать, состоятся всего лишь два года спустя после его избрания губернатором Калифорнии, ответом ему была строгая и недвусмысленная отповедь. «Если ты считаешь, что не потянешь, скажи нам», — раздраженно заявил Рейгану Г. Сальватори. «Нет, — поспешил заверить тот своих друзей, — я считаю, что у меня больше качеств, необходимых для того, чтобы быть президентом, чем губернатором»<sup>35</sup>. В дальнейшем никаких расхождений в позициях Рейгана и его покровителей по этому вопросу не возникало. Собственно говоря, их никогда по существу и не было.

Крупные калифорнийские дельцы, объединившиеся вокруг Рейгана, уже давно хотели избрать «своего» президента, который бы с особым вниманием относился к нуждам и запросам Калифорнии, тем более что бурно развивавшаяся экономика этого штата буквально с каждым годом вносила все более ощутимый вклад в самые жизненно необходимые для всей страны и самые технически передовые отрасли промышленного производства. В число ведущих потребителей производимой в штате продукции уже давно вошли министерство обороны США и Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства (НАСА). Нет ничего удивительного, объясняли политические деятели и представители деловых и финансовых кругов штата, что Калифорния требует к себе внимания, в более полной мере соответствующего ее выросшей и продолжающей расти роли в жизни нации. Не удаиваясь признания своей особой роли в политике и экономике страны со стороны «выдвиженцев» в президенты США из других районов и штатов, промышленники и финансисты Калифорнии решили взять дело в свои руки. В лице Рейгана была найдена кандидатура человека со взглядами, вполне устраивавшими Г. Сальватори и его единомышленников, и к тому же человека, которому было не занимать мастерства выражать эти взгляды. Пост губернатора Калифорнии с самого начала рассматривался как проба сил, своеобразная генеральная репетиция перед исполнением более ответственной роли.

Ни о каком непонимании или недопонимании возлагаемых на него надежд и отводимой ему роли со стороны Рейгана не было и речи. На все, что ему предстояло делать, он шел не только с четким осознанием дальнейших перспектив, но и с нескрываемым энтузиазмом и охотой. Уже упоминавшийся выше консультант Рейгана С. Плог, нанятый «Друзьями Рональда

Рейгана» для обучения кандидата в губернаторы тонкостям ведения предвыборной борьбы, вспоминал позднее о тех днях: «Главная задача состояла в том, чтобы он был знаком с политическими особенностями и проблемами Калифорнии, поскольку с самого начала все внимание этого человека было сконцентрировано на общенациональных политических вопросах. Он всегда хотел быть президентом, а не губернатором»<sup>36</sup>. Того же хотели и рейгановские советники и помощники, исходившие прежде всего не из какого-то особого отношения лично к Рейгану или признания его способностей, а из понятного стремления к достижению высшей для себя степени успеха в жизни в качестве членов узкого круга советников президента страны и извлечения из этого личной выгоды. Все обстояло точно таким же образом, как, скажем, в спортивном мире, когда, заметив в ком-то на раннем этапе определенные спортивные задатки и возможности, тренеры берут этого перспективного кандидата под свою личную неусыпную опеку и стремятся довести его до чемпионского статуса, рассчитывая получить при этом полагающееся им за сложную работу вознаграждение, будь то в форме денег или личного престижа.

Но был еще один человек, желавший, чтобы Рейган стал президентом США, в еще большей степени и еще более страстно, чем сам Рейган, его «Друзья» или советники. Этим человеком была Нэнси Рейган, главный и решающий фактор во всем, что и как делал и говорил Рейган с первых же дней своей женитьбы на ней. Роль и место Нэнси Рейган в жизни ее мужа могли бы служить самым красноречивым и убедительным подтверждением справедливости распространенного убеждения о том, что за каждым преуспевающим мужчиной стоит женщина.

Ниже, по мере изложения событий последующих лет и десятилетий, еще не раз будет возникать необходимость обращаться к личности Нэнси Рейган и ее влиянию на жизнь и политическую карьеру Рональда Рейгана. Образ Нэнси Рейган со взором, обращенным к мужу, складывался на всем протяжении политической карьеры Рональда Рейгана. Многие детали, характеризующие личность Нэнси Рейган, ее характер и сыгранную ею роль в восьмилетнем пребывании Рейгана в Белом доме, стали достоянием общественного внимания лишь в последние годы рейгановского президентства или уже после того, как Рейган перестал быть главой американского государства. Основными источниками этих сведений явились книги, написанные бывшими близкими соратниками и сотрудниками президента, в силу тех или иных причин покинувшими администрацию и посчитавшими себя свободными от обязательств хранить в тайне все или во всяком случае значи-

тельную часть того, что им было известно о личной жизни президентской семьи. Но хотя опубликованные ими сведения касались в первую очередь и прежде всего восьмилетнего пребывания четы Рейганов в Белом доме, они давали возможность делать определенные выводы и относительно более раннего периода их совместной жизни, и в частности о роли Нэнси Рейган в становлении Рональда Рейгана как политического деятеля. Эти более поздние наблюдения и точки зрения в полной мере относятся и к годам пребывания Рейгана на посту губернатора Калифорнии, что дает основание отвлечься на некоторое время от развития событий в 1967—1968 гг и посвятить несколько страниц повествования Нэнси Рейган и ее месту в жизни Рональда Рейгана на протяжении 22 лет его активной политической карьеры, зарезервировав одновременно право возвращаться к этой теме позднее по мере необходимости.

Под самый занавес восьмилетнего президентства Рейгана, за несколько дней до того, как навсегда покинуть Белый дом и возвратиться к себе в Калифорнию, Нэнси Рейган, опровергая степень своего влияния на решения и действия мужа, заявила: «Они (?) без конца повторяли, повторяли и повторяли это. Когда они говорят о власти — «у нее такая власть», — это неправда. У меня никогда ее не было, я никогда не вмешивалась в политические решения, во внешнюю политику, в финансовые вопросы или во что-либо другое. Я вмешивалась исключительно в тех случаях, когда я считала, что кто-то наносит вред Ронни. Только в таких случаях я вмешивалась»<sup>37</sup> А поскольку, с ее точки зрения, на разных этапах политической карьеры и в различной степени Рейгану «наносили вред» чуть ли не все окружавшие его люди (включая Л. Ноффигера, Дж. Сирса, У. Кларка, Р. Аллена, Д. Ригана, Д. Стокмана, А. Хейга, М. Дивера, Л. Спикса, Э. Миза и многих других людей, занимавших ответственные посты в администрациях Рейгана-губернатора и Рейгана-президента), то, способствуя их удалению из его ближайшего окружения, Нэнси Рейган оказывала самое непосредственное и самое эффективное влияние на деятельность этих администраций, т. е. располагала властью, равной которой не располагал больше никто.

Б. Боярски приводит в своей книге один из эпизодов периода пребывания Рейгана на посту губернатора Калифорнии, пересказанный находившимся в тот момент в губернаторском кабинете репортером Уорреном Олни. Согласно Олни, в первые месяцы своего губернаторства Рейган сделал официальное заявление по вопросам финансовой политики его администрации, которое было фактически опровергнуто в тот



же день руководителем финансового управления штата. В присутствии Олни зазвонил губернаторский телефон, и, подняв трубку, Рейган извинился перед репортером: «Это моя жена». «Да, дорогая, да, дорогая», — произнес он несколько раз в трубку, а потом, оправдывая поведение члена своей администрации, постарался убедить свою жену, что речь шла не о проявлении директором управления финансов неуважения к своему губернатору, а просто об отсутствии между ними согласованности. Репортер покинул губернаторский кабинет в твердом убеждении, что жена главы администрации штата вершит многими делами. Один из бывших помощников губернатора вспоминал позднее: «Нэнси — женщина с сильной волей и твердыми убеждениями. Именно с ней следует обсуждать политические вопросы. Она любит говорить на политические темы со всеми мельчайшими подробностями в гораздо большей степени, чем он», т. е. Рейган.

Сама Нэнси Рейган продолжала уверять всех, что она «просто старается быть полезной. Быть полезной и обладать влиянием — это разные вещи. Я вовсе не пыталась дергать за ниточки или решать, кому следует остаться, а кому следует уйти». Просто, считала она, ее женская интуиция подсказывала ей, кто заслуживал доверия, а кто — нет<sup>38</sup>. Трудно, конечно, считать объективными в этом вопросе лиц, которым на том или ином этапе губернаторской или президентской карьеры Рейгана пришлось уйти в отставку, но практически все они винили только Нэнси Рейган в рейгановском решении уволить их. Один из тех, кому пришлось покинуть аппарат Белого дома незадолго до окончания восьмилетней администрации президента Рейгана, пресс-секретарь Белого дома Лэрри Спикс, писал: «Власть Нэнси особенно очевидна в кадровых вопросах. Если она убеждается, что чье-то присутствие выставляет президента в плохом свете или негативно влияет на выполнение им своих обязанностей, она приступает к осуществлению отнюдь не утонченной кампании по изгнанию этого лица и не сдает своих позиций, пока это лицо не уходит со своего поста. Ей было абсолютно безразлично, что такие люди, как Дик Аллен, самый первый помощник Рейгана по вопросам национальной безопасности, или Дон Риган, подвергались несправедливым нападкам со стороны прессы. Они ставили президента в неловкое положение, и в значительной мере благодаря Нэнси они ушли в отставку. Именно она распознавала зачастую до того, как это делал президент, что такие проблемы, как Иран, обострились и требуют срочного решения. И еще в одной области заметно влияние Нэнси — в составлении расписания рабочего дня президента. Она настаивает, чтобы его не перегружали». «В ней есть что-то от примадонны», —

дополнял некоторыми деталями портрет Н. Рейган Л. Спикс, отнесший ее к числу людей, «способных нанести удар ножом в спину»<sup>39</sup> Судя по всему, не родился еще на свет тот человек, который совершил бы какой-либо поступок, противоречащий интересам Нэнси Рейган, и это сошло ему с рук. Исключений из этого правила Нэнси Рейган не делала даже для самых близких лиц, включая родных детей. В книге, написанной Патти Дэвис, образ жены губернатора и матери героини был списан с Нэнси Дэвис, и это ни для кого не было секретом. Да и сама Патти Дэвис не скрывала этого. Прослышав о том, что Нэнси Рейган оскорблена до глубины души тем, как ее изобразила в своем романе дочь, Патти Дэвис заявила: «Каким же образом я могла создать образ матери, чтобы она не обиделась?» «Интересный роман,— отозвался Рейган о книге своей дочери.— Надеюсь, он принесет ей много денег». Нэнси Рейган, однако, придерживалась другого мнения. Она приложила необходимые усилия для того, чтобы сорвать участие дочери в телевизионных постановках, которые задумывались как реклама книги.

Наблюдения лиц, близко и достаточно давно знавших семью Рейганов, дают основание заключить, что чета Рейганов с самого начала их совместной жизни была и осталась навсегда «обращенной вовнутрь», т. е. замкнутой на своих внутренних интересах, предпочтениях, симпатиях и антипатиях семейной парой при развитии до патологических масштабов чувстве собственности Нэнси Рейган на своего мужа и фетишизации своей роли при нем. Им, и особенно Нэнси Рейган, считают знающие эту чету люди, для полного счастья вполне достаточно их двоих. Реальная Патриция Рейган, подобно ее книжному двойнику, не нашла себе места в семье и оставила родительский дом еще в бытность Рейгана губернатором Калифорнии. Через несколько лет за ней последовал и сын — Ронни-младший. Патти Дэвис писала о матери в своем романе: «Она держала его (своего мужа.— Э. И.) в такой непосредственной близости к себе, что я подчас сомневалась, а ссть ли там место для меня»<sup>40</sup>. Отношения, сложившиеся в семье Рейганов между родителями и детьми, заслуживают особого внимания, поскольку они существенно дополняют образ Рональда и Нэнси Рейган. Рассказу об этих отношениях будет найдено место в ходе дальнейшего повествования. А пока продолжим рассказ о событиях 1967—1968 гг.

Год вступления Рейгана на пост губернатора Калифорнии был годом принятия сложных политических ре-

шений для руководства республиканской партии, и особенно для тех ее деятелей, которые собирались претендовать на Белый дом. Продолжающаяся эскалация войны во Вьетнаме, крах проектов строительства «Великого общества» и растущий кризис доверия к администрации Джонсона со стороны значительной части американцев, выразившийся в активизации движений социального протеста и массовых антивоенных выступлений различных слоев общественности, давали республиканцам основание надеяться на то, что демократическая партия скорее всего потерпит поражение на выборах 1968 г.

Можно с известной долей уверенности предположить, что в любой другой политической обстановке, менее перспективной для республиканской партии и ее возможных кандидатов на президентский пост, «Друзья Рональда Рейгана», да и он сам проявили бы больше сдержанности и терпения: ведь все-таки у него действительно не было абсолютно никакого политического опыта, который мог быть приобретен лишь после сколько-нибудь продолжительного (во всяком случае никак не меньше четырех лет) пребывания на губернаторском посту. Но шансы на победу республиканского кандидата в президенты в 1968 г. были столь велики, что отказаться от напрашивающейся в руки удачи было выше сил. В этих условиях, заявил Рейган, с его стороны было бы большим «нахальством» отрицать свой интерес к президентскому посту. Этот интерес проявлялся не только в начавшихся еще до официального вступления Рейгана на губернаторский пост консультациях и совещаниях с ближайшими помощниками и советниками по поводу выработки стратегической линии и тактических методов борьбы за Белый дом, но и в поистине лихорадочной активности губернатора и его администрации сразу же после прихода к власти в штате. Г. Уиллс дает, как представляется, абсолютно верное объяснение этой активности Рейгана: «От первых вихревых дней Рейгана в Сакраменто ожидалось быстрое достижение ошеломляющих результатов и успеха уже в первый год администрации, чтобы Рейгану было с чем отправиться в поездку по стране с выступлениями. Именно поэтому было необходимо нарушить столько прецедентов, предпринять в спешном порядке столько акций — полуночное начало губернаторства, спешное десятипроцентное сокращение бюджетных ассигнований, требование, чтобы правительство штата признало чрезвычайность ситуации, согласившись работать в дни национальных праздников, отряды специального назначения из внештатных экономистов и специалистов в области управления, натравленных на бюрократический аппарат, дабы подтолкнуть его к проведению реформ. Те, кто намереваются задержаться на своем посту, уважают прецедент, сложившие-

ся на протяжении продолжительного периода отношения, установившийся образ действий»<sup>41</sup>. Методы действий Рейгана в первые же месяцы пребывания на посту губернатора Калифорнии яснее ясного демонстрировали, что он не намерен задерживаться в штате. По мере приближения года президентских выборов число претендентов на Белый дом росло сначала только в республиканской партии, а с отказом Л. Джонсона баллотироваться в президенты США на новый срок — и в демократической партии.

По мере активизации других претендентов на президентский пост возрастала и политическая активность Рейгана, и уже в мае 1967 г. он принял участие в телевизионной дуэли с одним из основных претендентов на пост президента страны от демократической партии — Робертом Кеннеди. Летом 1967 г. в американской прессе уже всюду обсуждались различные варианты борьбы Рейгана за Белый дом и взвешивались его шансы на победу в различных сочетаниях — то он фигурировал в качестве кандидата в президенты с сенатором Эдвардом Бруксом или сенатором Чарлзом Перси, упоминавшимися в качестве кандидатов в вице-президенты, то фамилия Рейгана называлась на роль кандидата в вице-президенты при Нельсоне Рокфеллере как кандидате в президенты США. (Правда, с самого начала последнее сочетание вызывало наибольшее количество возражений прежде всего по той причине, что и Рокфеллер, и Рейган были разведены и женаты во второй раз. «Мы никогда не выдвигали кандидатов, которые разводились со своими женами, а в этом случае у нас их будет сразу два», — говорили республиканские политические деятели.)

Ширящееся в республиканской партии, и особенно на его правом крыле, движение в поддержку Никсона не могло пройти мимо внимания Рейгана и его «Друзей», но уже сам факт упоминания его фамилии наряду с другими претендентами на президентский пост, которые в отличие от Рейгана посвятили политической деятельности не один десяток лет, был в глазах Рейгана и его сторонников крупной политической победой. Отдавая себе отчет в том, что у него нет сколько-нибудь серьезных оснований надеяться на то, что удастся обойти Никсона, Рейган не скрывал надежды на какой-нибудь просчет Никсона на одном из этапов борьбы за Белый дом. В американской прессе цитировали Рейгана, сказавшего: «Никсон — приятный малый, но ведь Пэт Браун разбил его». (Имелись в виду губернаторские выборы в Калифорнии 1962 г., на которых Браун победил Никсона с преимуществом почти в миллион голосов.)

Определенным показателем статуса, достигнутого Рейганом в партии в масштабе всей страны, и в первую очередь у ее

правого крыла, явилось заявление Голдуотера о том, что, если что-то помещает Никсону стать кандидатом республиканцев на пост президента в 1968 г., он, Голдуотер, а с ним и все его сторонники, консервативные республиканцы, будут готовы поддержать кандидатуру Рейгана. Но «Друзья Рональда Рейгана» были, как всегда, начеку — в поддержке человека, продолжающего придерживаться архиконсервативных взглядов и полностью дискредитировавшего себя в политических кругах своим поражением в 1964 г., таилась, с их точки зрения, огромная опасность для рейгановского политического будущего. Но и в этом вопросе было необходимо, по их мнению, проявить гибкость — отказавшись от предложенной Голдуотером помощи, ни в коем случае не следовало отказываться от поддержки его сторонников. И Рейган четко придерживался этой тактической линии. Выступая перед бывшими сторонниками Голдуотера, он лил масло на их еще кровоточащие от поражения в 1964 г. раны: «Я испытываю те теплые чувства, которые испытывает человек, знающий, что он находится среди друзей — друзей, исповедующих ту же, что и он, философию, имеющих те же цели и те же стремления»<sup>42</sup>.

Располагая исчерпывающими данными о раскладке политических сил в республиканской партии, Никсон, несомненно, отдавал себе отчет в том, что и его, и Рейгана поддерживают одни и те же круги и что как кандидаты на пост президента США они взаимно исключают друг друга. Именно по этой в первую очередь причине и состоялась по инициативе Никсона летом 1967 г. встреча между ним и Рейганом. Местом встречи была избрана лесная хижина старого друга обоих, бывшего киноактера, а ныне сенатора Джорджа Мерфи, где, как писал журнал «Ньюсуик», «избранные члены западного истеблишмента обычно встречались, чтобы расслабиться, а порой и обсудить политические заговоры»<sup>43</sup>. 30-минутная встреча была крайне деловой: была достигнута договоренность о том, что они не будут претендовать на денежные фонды друг друга и не будут мешать друг другу. Было замечено, что после этой встречи Рейган уже не вспоминал о поражении Никсона на губернаторских выборах в Калифорнии, а Никсон не издевался над полной некомпетентностью Рейгана в вопросах внешней политики. Однако настороженное отношение друг к другу у них осталось даже при том, что Рейган продолжал убеждать всех в отсутствии у него намерений вступать в предвыборную борьбу. Настороженность Никсона в отношении Рейгана имела под собой почву: в сентябре 1967 г. аппарат губернатора Калифорнии выпустил в свет 48-страничную брошюру, озаглавленную «Успехи первых восьми месяцев администрации губернатора Рональда Рейгана». Ни в предисловии

к брошюре, ни при представлении ее журналистам никто не удосужился объяснить, чем была вызвана необходимость «отчета о проделанной работе» за такой короткий и неполный срок. За этим изданием вскоре последовал рейгановский «Доклад калифорнийцам», распространенный многотысячным тиражом. По стране активно разъезжали эмиссары Рейгана, предпринимавшие энергичные усилия по мобилизации потенциальных сторонников калифорнийского губернатора.

«Продолжающееся восхождение Рейгана в качестве незаявленного претендента на президентский пост усилило беспокорство в стане Никсона относительно реальности осуществления первоначального намерения бывшего вице-президента (Никсона) выступить на съезде партии в качестве фаворита правого крыла республиканцев,— писал в эти дни журнал «Ньюсуик». — Становилось все яснее, что, хотя прошлые заслуги (имелись в виду «заслуги» Никсона на поприще маккартизма и правой реакции в 40—50-х годах.— Э. И.) давали ему преимущественное право обратиться за поддержкой к консерваторам, их сердца в конечном счете принадлежали Ронни»<sup>44</sup>. Если это понимали в стане Никсона, то «Друзья Рональда Рейгана» были в этом попросту уверены. Тактика поведения на предстоящем съезде республиканской партии была ими разработана до мельчайших деталей и предусматривала выдвижение на начальном этапе кандидатуры Рейгана от Калифорнии в качестве «любимого сына»\*, а затем инспирирование требования со стороны делегатов съезда — сторонников Рейгана, чтобы он был официально и должным образом зарегистрирован в качестве одного из претендентов. Таким образом Рейган оказался бы в числе узкого круга лиц, претендующих на президентский пост, и смог бы избежать чреватого непредсказуемыми последствиями отсева на предварительном, досъездовском этапе кампании. Да и нарушение данного им слова дослужить до конца четырехлетний губернаторский срок могло бы быть убедительно объяснено «вынужденным подчинением решительно высказанной общественной воле».

\* Согласно сложившейся в США избирательной системе, штаты имеют возможность и право выдвинуть на партийных съездах в качестве кандидатов в президенты США своего губернатора или одного из своих сенаторов или конгрессменов без предварительной их регистрации как претендентов на президентский пост. Выдвинутый таким образом кандидат именуется «любимым сыном»; представители конкретного штата обязаны проголосовать за него лишь в первом туре, после чего им предоставляется право голосовать за любого из должным образом зарегистрированных кандидатов своей партии.

Незадолго до президентских выборов 1968 г. старейшина американской журналистики Уолтер Липпман высказал убеждение, что исход этих выборов будет решен «небедными, немолодыми и нечерными» избирателями, которые выступят против «беспорядка и насильственных изменений», и что «победителем в ноябре будет человек, сколотивший консервативную коалицию»<sup>45</sup>. Воздерживаясь до самого последнего момента от объявления себя официальным претендентом на президентский пост, Рейган строил свои расчеты на том, что ему удастся объединить вокруг себя всех тех, кто выражал недовольство высокими подоходными налогами, расовыми волнениями, студенческими демонстрациями, выступлениями за мир и отсутствием результатов в долгой войне во Вьетнаме, т. е. в первую очередь тех избирателей, которые, добившись достаточно высокого статуса в обществе и соответствующего уровня материальной обеспеченности, больше всего на свете боялись всевозможных потрясений, грозящих потерей нажитого добра и достигнутого общественного положения. Но для победы на выборах этой, хотя и значительной группы избирателей было явно недостаточно. Политическая база потенциального победителя нуждалась в расширении за счет включения тех, кто еще не относился к числу лиц достаточно высокого социального статуса и уровня доходов, но очень надеялся оказаться в этой категории в случае создания благоприятных для них возможностей, исключавших, естественно, высокие подоходные налоги, социальные катаклизмы, расовые и иные беспорядки, нарушающие размерный образ жизни.

Обращаясь к восьмистам убежденным сторонникам необходимости «наведения порядка в стране», собравшимся на платный обед в рамках предвыборной кампании в городке Юджин, штат Орегон, Рейган призывал: «В стране существует блок, к которому должны быть обращены и ваши и мои слова. Этот блок состоит из огромного числа невоспетых героев. Они представляют все расы и религии, все экономические категории населения и, конечно, все этнические группы. Я говорю о той огромной невоспетой массе американцев, несущих бремя на своих плечах и оплачивающих счета. Они ходят на работу, они посылают своих детей в школу, они жертвуют средства на свою церковь и на благотворительные нужды, и благодаря им, их содействию гражданского и иного характера колеса местной общины крутятся. Я считаю, что, если мы хотим, чтобы они последовали за нами, на нашем знамени должны быть начертаны слова: «Мы предлагаем всем равные воз-

возможности на старте жизненного пути, но не принудительную ничью для всех на финише»<sup>46</sup>.

От Рейгана требовалось разъяснение его позиции не только по внутривнутриполитическим и социально-экономическим вопросам деятельности американского государства, но и по гораздо менее знакомым ему внешнеполитическим проблемам. «Друзья Рональда Рейгана» видели особую опасность в широком распространении среди избирателей высказанного Липманом убеждения, что «губернатор Рейган не обладает опытом, необходимым для того, чтобы быть президентом Соединенных Штатов в наш критический век»<sup>47</sup>. Но именно по вопросам внешней политики США Рейган занял наиболее экстремистскую позицию, выделявшую его даже среди тех, кто стоял на самом правом фланге политического спектра США.

Политика США в Юго-Восточной Азии и продолжающаяся война во Вьетнаме были основными внешнеполитическими проблемами того времени, разделившими все общество, и в первую очередь политические круги страны, на два противостоящих лагеря — «голубей» и «ястребов». Рейган не колебался в своем выборе: он называл проходившие в Париже американо-вьетнамские переговоры коммунистической пропагандой, подвергал сомнению разумность объявленных администрацией США (но несоблюдаемых) «ограничений бомбардировок Северного Вьетнама». «Я не являюсь кандидатом на пост президента,— начал он с обычной преамбулы одно из выступлений в ходе предвыборной кампании,— но, высказываясь в качестве частного гражданина, я в течение продолжительного времени настаивал на том, что нашей целью должна быть победа, и притом, как я считаю, по возможности скорейшая победа, и что ставка на истощение противника обойдется дороже с точки зрения человеческих жизней, чем внезапный удар, имеющий целью достижение победы». Выражая на одном из ранних этапов борьбы за Белый дом сожаление по поводу того, что, находясь на посту всего лишь губернатора штата, он не располагает правом и возможностью объявлять войну иностранным государствам и проводить свой внешнеполитический курс, Рейган заявлял, что, будь он президентом, он «ускорил бы темпы ведения войны и завершил бы ее задолго до 1968 г.»<sup>48</sup>. «Вопрос не стоит таким образом, правомерна или неправомерна эскалация,— заявил он на одной из своих пресс-конференций.— Вопрос в том, должны ли мы эскалировать ее постепенно и до определенного предела, или же нам следует предпринять все возможное, чтобы добиться победы в этой войне». Но это же означает, что он безоговорочно выступает за дальнейшую эскалацию, настаивали на уточнении



позиции губернатора журналисты. «Да,— без тени колебания ответил им Рейган,— для того, чтобы победить по возможности скорее»<sup>49</sup>.

Поздней осенью 1967 г. Рейган колесил по стране в попытке сколотить политическую базу к предстоящей предвыборной кампании. К тому времени, следуя советам специалистов по тактике предвыборной борьбы, Никсон стал постепенно, но все заметнее смещаться к политическому центру в республиканской партии, сдавая Рейгану практически без боя позиции на крайне правом ее крыле. Айова, Канзас, Техас, Иллинойс, Огайо, Аризона, Флорида, Нью-Йорк, Вашингтон — города этих штатов мелькали перед глазами Рейгана как кадры рапидной киносъемки. Хриплым от перенапряжения голосом он щедро рассыпал перед очередной провинциальной аудиторией, восторженно встречавшей «голливудского актера-губернатора», весь набор анекдотов, подготовленных специально нанятыми профессиональными авторами из числа тех, кто писал для знаменитых американских комиков. На встречу с Рейганом люди шли, как на эстрадное представление, в ходе которого можно было услышать шутки, перемежающиеся произнесенными озабоченным голосом претензиями в адрес правительства, «бездумно расходующего общественные средства». На одном из званых обедов, организованных с целью сбора средств на избирательную кампанию, где место за столом и весьма скромный «комплексный набор» блюд обошлись «приглашенным» в 100 долларов, Рейган умело сдобривал «шуткой» предупреждение неразумным избирателям: «Я знаю, сколько вы заплатили за возможность присутствовать на этом обеде. Единственное, чем я могу вас утешить: если республиканцы не одержат победы на этих выборах, вам придется выкладывать точно такую же сумму за обычные обеды»<sup>50</sup>. В других ситуациях он обходился без шуток и острот, но обращался к неизвестно откуда взятым цифрам и фактам. Критикуя в одном из выступлений в Индианаполисе «философию вседозволенности», практикуемую-де «большим обществом», Рейган проиллюстрировал свою позицию ссылкой на то, что «только за прошедшую неделю в Чикаго при исполнении служебных обязанностей было убито шесть полицейских». Жители Индианаполиса были должным образом потрясены разгулом преступности в соседнем с ними городе, но были потрясены этой информацией и чикагские власти, которые провели специальное расследование и установили, что за весь 1968 год при исполнении служебных обязанностей в их городе было убито два полицейских. Отвечая на вопрос журналистов относительно явного расхождения в данных, пресс-секретарь Рейгана заявил, что губернатор продолжает настаивать на своей ин-

формации, но источника ее назвать не смог. Однако желаемый эффект был достигнут: по словам одного из американских журналистов, слушатели «остались убежденными в том, что если не сам Мэтт Диллон (герой популярной детективной серии.— Э. И.), то уж во всяком случае Рональд Рейган нужен, и немедленно, в Белом доме»<sup>51</sup>.

К началу 1968 г., выступая на многочисленных обедах, ужинах и приемах, обходившихся присутствовавшим республиканцам от 50 долл. за заурядный бифштекс с яйцом до 1000 долл. за коктейль и ужин из нескольких блюд, Рейган собрал в казну своей партии полтора миллиона долларов и превратил таким образом в своих должников на будущее многих республиканских деятелей местного масштаба, чьи предвыборные расходы покрывались из этой общей партийной кассы. Но в тщательно продуманные планы дальнейшего продвижения к Белому дому неожиданные поправки внес в конце 1967 г. внезапно разразившийся в Сакраменто скандал, связанный с обнаружением в аппарате калифорнийской администрации нескольких гомосексуалистов. На первых порах от губернатора эту информацию скрывали, но в предвидении дальнейшего осложнения ситуации и потенциального урона для претендующего на президентский пост Рейгана группа ближайших сотрудников во главе с У. Кларком и Л. Нофцигером решила ввести его в курс дела. Новость произвела на Рейгана ошеломляющее впечатление, и уже на следующее утро губернатор потребовал отставки уличенных в гомосексуализме лиц. Прессе было сообщено, что увольнение довольно заметных в администрации штата сотрудников вызвано сокращением аппарата. Необходимость сохранять в тайне истинные причины увольнения коллег предельно наэлектризовала атмосферу, в которой ежедневно пребывали сотрудники секретариата губернатора. По словам одного из них, «это была операция по пересадке сердца, в ходе которой сердце осталось непересаженным, а сама операция была осуществлена с помощью тупого ножа. Травма оказалась настолько тяжелой, что пациент — офис губернатора — впал в состояние шока на четыре месяца. А губернатор отгородился от многих вещей, чего он не должен был делать»<sup>52</sup>.

Однако через некоторое время скандальная информация проникла сначала в местную печать, а вскоре была подхвачена и за пределами штата. Вопреки категорическому требованию Рейгана и его жены сделать все возможное для того, чтобы остановить распространение губительной для дальнейших планов губернатора информации, Л. Нофцигер подтвердил нескольким журналистам истинные причины увольнения не-

скольких сотрудников администрации. Этим своим шагом он заслужил непреходящую враждебность к себе со стороны Нэнси Рейган, и без того не особо жаловавшей его за вызывающую небрежность в одежде и в поведении. (Через несколько месяцев ему пришлось уйти в отставку. И хотя он и в будущем привлекался Рейганом к сотрудничеству, когда тот нуждался в опытном пресс-секретаре, особым доверием у своего шефа он уже не пользовался.) После того, как известный публицист Дрю Пирсон довел эту информацию до сведения всех американцев в своей регулярно появлявшейся во многих газетах страны колонке, сопроводив ее критикой в адрес предпринятых Рейганом усилий по сокрытию ее от общественности, у Нэнси Рейган появился еще один личный враг. «Если Пирсон появится в Калифорнии, очень ему советую не плевать на тротуар», — пригрозил непредсказуемыми последствиями явно «подогретый» возмущением жены губернатор.

В том, что к раздуванию скандала вокруг администрации штата и, естественно, вокруг самого Рейгана приложили руку его политические противники и многие из тех, кто был явно недоволен предпринятыми губернатором шагами в области социальной и финансовой политики, можно было не сомневаться. Когда замешательство в рядах помощников и сторонников Рейгана улеглось и они смогли продолжить предвыборную деятельность в интересах своего кандидата, оказалось, что Никсон уже успел заручиться поддержкой практически всех республиканских делегатов от южных штатов, т. е. тех участников партийного съезда в Майами-Бич, на поддержку которых в первую очередь рассчитывали совсем недавно «Друзья Рональда Рейгана».

И тем не менее и у Рейгана, и у некоторых из его наиболее рьяных сторонников все еще теплилась надежда на то, что в первом туре голосования на съезде силы распределятся поровну между Никсоном и Рокфеллером, и тогда, столкнувшись с нежеланием обоих уступить друг другу, делегаты съезда отдадут предпочтение третьему, компромиссному кандидату, которым окажется Рейган. «Как только Ронни взойдет на трибуну и произнесет речь, призывающую к единству, — продолжал рисовать Сальватори подстегивающие энтузиазм «Друзей Рональда Рейгана» картины неизбежного триумфа, — я гарантирую вам, что весь съезд скажет: «Ронни, именно ты нам нужен! Только ты!»»<sup>53</sup> Не полагаясь, однако, только на везение, рейгановские помощники с ведома Рейгана выкрали в штаб-квартире Никсона в Майами-Бич переговорное устройство «уоки-токи», настроенное на волну, которую использовал Никсон в переговорах со своими людьми в зале съезда. Это позволило «рейгановской команде» и самому Рейгану быть

в курсе планов и тактики поведения на съезде своего основного соперника.

Хотя Рейган по-прежнему, к изумлению многих, настаивал на том, что он вовсе не горит желанием быть кандидатом на пост президента \*, «команда» Никсона зорко следила за возможными перебежчиками из своего лагеря в рейгановский. Когда шесть сторонников Никсона из Южной Каролины решили встретиться с Рейганом, им тут же позвонили от имени Никсона и предупредили, что в случае их перехода на сторону противника они окажутся «снаружи, заглядывая вовнутрь», т. е. что им не придется рассчитывать на расположение Никсона в случае его победы. Встреча группы с Рейганом была немедленно отменена.

Город Майами-Бич в штате Флорида, где разворачивались заключительные события многомесячной упорной борьбы в республиканской партии за право стать ее кандидатом на пост президента США, был разукрашен слонами — символом республиканцев. Слоны были повсюду — на столбах, на дорожных знаках, на воздушных шарах, на нагрудных значках. Огромный 17-метровый слон, надутый водородом, висел над Конвеншн-холлом, где должна была проходить работа съезда. Но не слоны, а необычно большое количество полицейских и секретных агентов на улицах выдавало присутствие в городе цвета республиканской партии. Сто секретных агентов — одна шестая всего состава Секретной службы США — охраняли в основном четырех ведущих претендентов — Никсона, Рокфеллера, Рейгана и Стассена. Город кишел агентами и других секретных ведомств США — ЦРУ, ФБР, военной разведки, Бюро по борьбе с наркотиками и даже Налоговой службы США. На каждый район возможного сосредоточения делегатов и гостей республиканского съезда выделялась группа

\* Один из видных республиканских деятелей вспоминал позднее об этих днях: «Я пришел на встречу с делегацией Калифорнии, в ходе которой «Кэп» Уайнбергер (в те годы один из ближайших советников губернатора Рейгана. — Э. И.) попросил нас поддержать Рейгана. Спустя двадцать минут меня пригласили на встречу с губернатором, и он продолжал твердить, что не является кандидатом. Я просто не находил слов. Это был либо наглый обман, либо самый настоящий самообман. Никсон по крайней мере знал, когда он лжет тебе». А может быть, были правы те, кто утверждал, что Рейган в глубине души действительно не хочет быть президентом хотя бы по той причине, что это нарушало привычный и близкий его натуре ритм и образ жизни, и что он лишь подчинялся без особой охоты безграничному честолюбию жены? Ведь были же основания у ближайшего друга семьи Рейганов, голливудского киноактера Джеймса Стюарта, для, казалось бы, невинной, но с глубоким подтекстом шутки: «Если бы Ронни женился на Нэнси вместо Джейн Уайман, он обязательно получил бы премию «Оскар». Она бы заставила его получить эту премию» (подчеркнуто автором высказывания. — Э. И.)<sup>54</sup>.

экспертов по обезвреживанию бомб и мин. Пригласительные билеты на мероприятия, связанные со съездом, проверялись по 20—30 раз, прежде чем приглашенный оказывался наконец у цели. Организаторы съезда и американские политические деятели еще были под впечатлением происшедшей всего лишь двумя месяцами ранее трагедии в Лос-Анджелесе — убийства Роберта Кеннеди.

Накануне начала работы съезда произошло событие, которого уже давно все ожидали. («Это походит на случай с женщиной, которая за две недели до родов объявляет о том, что она ждет ребенка», — прокомментировал решение своего калифорнийского коллеги губернатор штата Нью-Мексико.) Представитель делегации штата Калифорния на республиканском съезде объявил, что члены делегации приняли резолюцию с учетом растущих требований к Рейгану принять активное участие в борьбе за президентский пост. Смысл этой резолюции сводился к тому, что делегация Калифорнии отныне считала губернатора Рейгана полноправным и официальным кандидатом на пост президента Соединенных Штатов. «Случайно оказавшийся» тут же Рейган «смущенно» произнес: «Право, я удивлен. Для меня это как гром с ясного неба». Никто ему не поверил.

Пока за кулисами съезда шла ожесточенная борьба за голоса делегатов, в зале заседаний на трибуну всходили второстепенные деятели республиканской партии и знаменитости из мира искусств, певшие дифирамбы в адрес партии, которая «проявляет заботу о народе» и «живет его интересами». Коллега Рейгана по Голливуду, киноактер Джон Уэйн, начал свое выступление с заверения, что он не является политиком. В газетах на это заявление не замедлили откликнуться совершенно недвусмысленным намеком: «Что ж, в эти дни он оказался довольно большой редкостью среди современных или в какой-то мере современных голливудских актеров»<sup>55</sup>

В августе 1968 г. в завершение удачной закулисной работы среди губернаторов и руководящих политических деятелей ряда штатов, чьи голоса решали исход борьбы в зале съезда, и заручившись поддержкой «нейтралов» (в частности, Мэриленда, губернатору которого, Спиро Агню, был твердо обещан пост вице-президента), Никсон стал кандидатом республиканской партии на пост президента США. Как и пристало человеку, не раз призывавшему к единству, Рейган выступил с трибуны съезда с призывом к республиканцам поддержать кандидатуру «будущего президента Соединенных Штатов». Нет никаких оснований считать, что он рассчитывал на получение какого-либо ответственного поста в случае победы республиканцев на предстоявших в ноябре выборах. Явно нечестная

игра, которая велась им и его «командой» в течение последних недель предсъездовского соперничества, и откровенно анти-никсоновский характер его действий в зале съезда и за его пределами не давали ему никаких оснований для этого. Да и к тому же он оставался губернатором Калифорнии, хотя первые два года губернаторского срока были практически полностью посвящены борьбе за Белый дом. Сейчас он во всяком случае получил реальную возможность выполнить данное им избирателям обещание полностью отслужить четырехлетний срок в Сакраменто. И чем скорее люди забудут о том, что он предпринимал неудачную попытку стать президентом США, тем лучше для его политического будущего. В изданной в 1980 г. автобиографии Нэнси Рейган написала в решительной попытке устранить любые сомнения на этот счет у тех, кого они еще одолевали: «У Ронни никогда не было намерений добиться выдвижения своей кандидатуры в 1968 г.»<sup>56</sup>. Она, видимо, забыла, что двенадцатью годами раньше, в интервью Л. Кэннону, утверждала столь же решительно, что активное участие Рейгана в борьбе за Белый дом в 1968 г. было для нее неожиданным<sup>57</sup>.

В Сакраменто возвращался уже новый, закалившийся в политических схватках Рейган, получивший более четкое представление о своих возможностях и утвердившийся в своем намерении попасть в конечном счете в Белый дом. Можно предположить, что представившаяся ему уникальная возможность поближе познакомиться и лично пообщаться с другими деятелями своей партии, претендовавшими на президентский пост, убедила его в не меньшей степени, чем рекомендации Нэнси Рейган: чтобы стать президентом США, вовсе не надо быть семи пядей во лбу. В преддверии к избирательной кампании 1976 г., приведшей его в Белый дом, Джимми Картер, помнится, писал: «Я встречался с теми, кто либо уже был президентом США, либо же намеревался им стать,— Ричард Никсон, Агню, Макговерн, Уоллес, Рейган, Рокфеллер, Маски, и я утратил чувство благоговейного почтения к президентам»<sup>58</sup>. Можно ручаться за то, что это чувство (если оно было у него) утратил и Рейган, а с его утратой счел себя достойным высшей в Соединенных Штатах чести.

\* \* \*

Победа Никсона на выборах в ноябре 1968 г. означала, что в ближайшие восемь лет, т. е. в течение двух четырехлетних сроков его конституционно предусмотренного пребывания в Белом доме, ни одному республиканцу нечего

будет и думать о выдвижении своей кандидатуры на пост президента США. Кое-кому из рейгановских сподвижников и даже покровителей из числа тех, кто оказывал ему активную поддержку и в 1966 г., и в 1968 г., казалось, что «поезд Рейгана ушел» — в 1976 г. ему должно было исполниться 65 лет, а в этом возрасте никому не удавалось стать президентом США. Возможно, что такие мысли приходили в голову и самому Рейгану, хотя он воздерживался от публичных высказываний на эту тему. В любом случае гораздо более реальной представляла перед ним перспектива дослужить на посту губернатора оставшиеся до конца первого срока два года, а затем добиться переизбрания на новый четырехлетний срок. Второе четырехлетие должно было завершиться в 1974 г., т. е. за два года до президентских выборов 1976 г., что давало Рейгану достаточно времени для спокойного анализа политической ситуации в стране и принятия решения о своем будущем.

К исполнению губернаторских обязанностей Рейган приступил лишь после того, как несколько отошел от требовавшегося крайнего напряжения сил участия в борьбе за Белый дом. Когда же он и Нэнси возвратились в Сакраменто из непродолжительного морского круиза у берегов Флориды, их ожидали серьезные проблемы. Пока Рейган колесил по стране, а потом находился в Майами-Бич, принимая участие в борьбе за пост президента США, в его собственном штате началось и приобрело широкий размах движение за отзыв его с поста губернатора Калифорнии по причине «некомпетентности в вопросах управления... подрыва и деморализации им всей программы здравоохранения штата Калифорния... нанесения им вреда университету и всей системе высшего образования и попытки удовлетворить свое личное тщеславие в ущерб интересам народа»<sup>59</sup>. Около одного миллиона собранных в штате подписей под требованием о его отставке свидетельствовали о том, что Рейган возвращается далеко не в единодушно приветствующий его штат.

Проблемы, с которыми столкнулся Рейган, возникли много раньше его прихода на пост губернатора. С их периодическим обострением сталкивались практически все администрации штата начиная с 30-х годов, т. е. с того десятилетия, когда начался бурный процесс превращения ранее отсталого сельскохозяйственного штата с ограниченными экономическими возможностями и преимущественно однородным по социальному составу населением в шестую в мире административную единицу по экономическим показателям, в крупнейший по народонаселению штат США, в производителя и поставщика самой технологически современной и, следовательно, самой

необходимой в стране продукции и, в результате всего этого, в штат с наиболее резко выраженными контрастами, особенно ярко проявлявшимися в образе и стиле жизни самых богатых и самых бедных слоев населения штата. Если в 30-х годах лишь Голливуд слыл в Калифорнии средоточием роскоши и символом преуспевания в жизни, то начиная с 60-х годов на первый план выходят другие географические названия и имена собственные, ассоциируемые с таким уровнем доходов, ролью и местом в жизни страны, которые никому и никогда и не снились в Голливуде. В то же время стиль и образ жизни беднейших слоев населения Калифорнии, в первую очередь сезонных рабочих, работающих на цитрусовых, фруктовых, виноградных и овощных плантациях Калифорнии, описанный в романе Дж. Стейнбека «Гроздь гнева» (1939), хотя, без всякого сомнения, тоже изменились с 30-х годов, но несравнимо менее впечатляюще. На одном полюсе социальной пропасти возникли Силиконовая (или Кремниевая) долина с ее суперсовременной технологией и неограниченными исследовательскими возможностями, многочисленные корпорации военно-промышленного комплекса, обеспечивающие высокий жизненный уровень занятому на их предприятиях наемному труду, и на другом полюсе — агропромышленный комплекс, пользующийся за бесценок трудом сотен тысяч наемных сезонных рабочих из самих США и из Мексики, той неквалифицированной и малоквалифицированной рабочей силы, которая не обеспечена постоянным заработком, не нашла и, видимо, никогда уже не найдет себе применения в развивающихся гигантскими темпами калифорнийской космической, электронной, авиационной и других современных отраслях промышленности, требующих специалистов все более высокого уровня подготовки и образования. Большое число малоквалифицированной рабочей силы, сезонный характер работы которой сложился на протяжении многих десятилетий, не могло не вызвать серьезные социальные проблемы, и в частности проблемы социального обеспечения и вспомоществования малообеспеченной и нуждающейся части населения штата.

Выше уже рассказывалось о политической программе кандидата в губернаторы от демократической партии в 1934 г. известного писателя Эптона Синклера, выступавшего в предвыборной кампании под лозунгом «Положить конец бедности в штате Калифорния» и предлагавшего увеличить размер социальных пособий престарелым; инвалидам; женщинам, потерявшим кормильцев, и другим категориям нуждающихся калифорнийцев. Эптон Синклер, а вместе с ним и его программа потерпели поражение в том году, но популярность выдвинутых им предложений среди значительной части насе-



ления штата позволила демократической партии стать со временем партией большинства и побеждать на многих губернаторских выборах и особенно на выборах в легислатуру штата. В 1961 г. контролируемая демократами легислатура приняла новый закон о социальном вспомоществовании, значительно расширивший круг лиц, имеющих право на пособие (за период с 1961 по 1970 г. их число увеличилось с 620 тыс. до 2,3 млн человек). Эта акция привела к заметному росту налогов, что никогда не вызывало энтузиазма у состоятельной части населения, и особенно у предпринимателей, не скрывавших своей неприязни к «бездельникам, привыкшим жить за чужой счет». Личное отношение Рейгана к системе налогообложения и к налогам как таковым не могло не сыграть заметную роль уже в первые годы его пребывания на посту губернатора, и особенно после того, как в представленном ему меморандуме, подготовленном сотрудниками его аппарата, подчеркивалось: «Точка зрения свободного предпринимательства сводится к констатации того простого факта, что продолжающийся рост правительственной программы социального вспомоществования носит злокачественный характер. Чем больше она растет, тем сложнее становится проблема»<sup>60</sup>. С учетом извечного рейгановского убеждения в том, что многие проблемы американского общества, включая и растущие расходы на содержание правительственного аппарата, являются следствием неразумных и неконтролируемых расходов на социальные нужды, предсказать его реакцию на меморандум не составляло особого труда: он решительно высказался за «ограничение числа получающих социальное вспомоществование только теми лицами, кто в нем действительно нуждается», и лишь в течение строго ограниченного и непродолжительного времени, дабы «не отбить у них охоту работать». Уступив давлению со стороны контролируемой демократами легислатуры по менее принципиальным аспектам проблемы, Рейган добился ее согласия в имевшем для него принципиальное значение вопросе: к июню 1973 г. число калифорнийцев, получающих различные виды социальных пособий, — та самая «безликая масса, ожидающая подаяния», как называл их губернатор, сократилось на 352 тыс. человек. Дважды Рейган пытался сократить расходы штата на оказание медицинской помощи калифорнийским беднякам на общую сумму 210 млн долл., что коснулось бы таких видов медицинских услуг, как хирургические операции, зубоврачебная и психотерапевтическая помощь, выполнение заказов на очки и слуховые аппараты, но оба раза суды штата отменяли как антизаконные эти решения администрации. В 1969 г. он наложил вето на законопроекты, предусматривавшие оказание материальной помо-

щи способным детям бедняков и увеличение минимальной заработной платы учителям, хотя в то же самое время при нем произошло существенное увеличение средств, выделяемых из бюджета штата на нужды высшего образования, что вполне устраивало деловые круги штата, заинтересованные в получении новых кадров специалистов.

Судя по тому, что говорил Рейган, он полностью разделял взгляды, подобные сформулированному одним из его советников: «Если люди способны обеспечивать себя, им не следует ожидать денежной помощи от тех членов общества, которые работают и платят налоги». Логичность такой позиции представлялась обладателям постоянной работы и аккуратным налогоплательщикам абсолютно непоколебимой. Неоспоримость ее признавалась, естественно, и деловыми кругами штата. С точки зрения и тех и других, не вызывало никаких сомнений, что штат наводняется огромными полчищами лиц, не желающих работать, а рассчитывающих, как об этом неоднократно предупреждал губернатор, на получение незамедлительной социальной помощи от штата, т. е. из кармана трудолюбивых и аккуратных налогоплательщиков. К словам губернатора прислушивались, ему верили и аплодировали в округах и городских кварталах, заселенных состоятельными американцами и теми, кто располагал гарантированным источником доходов, но внимали со страхом в тех районах штата, где каждое решение администрации о сокращении социальных пособий осложняло и без того незавидное положение населения. Для того чтобы читателю не показалось, что в приведенной выше характеристике сложившейся в Калифорнии ситуации допущено столь знакомое ему сгущение красок, будет уместным привести несколько пространную цитату из книги Б. Боярски «Рональд Рейган», которая скорее благожелательно, чем критически, рисует губернатора Калифорнии: «Только во второй срок, когда выросло политическое мастерство Рейгана, его администрация смогла изменить с помощью новых законов и постановлений направление своей социальной политики. Одной из причин того, что на это ушло у него столько времени, было то, что проблема социальных выплат оказалась более сложной, чем он сначала предполагал, и представляла собой политическую, экономическую и социальную задачу, вызванную к жизни необычным характером бедности в Калифорнии, штате, который всегда выделялся своими островами нищеты в окружении показушного богатства. Извечный контраст между бедностью и богатством привел к созданию мощных политических и социальных движений, которые и определяли характер дебатов по проблеме социального обеспечения. Со времен Великой депрессии (эко-

номического кризиса 1929—1933 гг.— Э. И.), когда правительство начало активно выплачивать деньги большому количеству бедняков, проблема социального вспомоществования находилась в центре экономического конфликта в штате и не раз использовалась как в консервативных интересах бизнеса, так и в интересах либералов»<sup>61</sup>. Судя по этим словам Б. Боярски, а также зная, насколько политически ориентированными были позиции, занимаемые Рейганом по самым различным аспектам политической, экономической и социальной жизни страны и штата, можно сделать вывод, что жесткая риторика Рейгана по вопросам социального характера диктовалась в первую очередь интересами тех сил, которые стояли за его приходом на пост губернатора Калифорнии, а некоторое смягчение этой риторики и даже принципиального подхода к решению этих вопросов объяснялось появившимися у Рейгана планами выхода на национальную арену, где отношение к этим вопросам было менее однородным в условиях более широкого распространения либеральных взглядов.

Весьма противоречивым был список «достижений» рейгановской администрации штата и в других областях. Следует признать, что обвинение Рейгана в том, что он был «самым крупным взимателем налогов и растратчиком средств» в истории Калифорнии, имело под собой немало оснований: расходная часть финансового бюджета Калифорнии увеличилась с 1967 по 1974 г. с 4,6 млрд долл. до 10,2 млрд долл. О том, насколько выросли налоги за восемь лет пребывания Рейгана на посту губернатора, уже говорилось выше. Б. Боярски склонялся к выводу, что «на протяжении практически всего срока губернаторства Рейгана налоги были самым большим разочарованием в его политике. Он имел привычку произносить красочные лекции о бедствиях, причиняемых высокими налогами, но его помощники и законодатели, располагавшие большим количеством фактов, своими аргументами периодически убеждали его в необходимости таких налогов. Так рейгановское нежелание влезать глубоко в дела и стремление оставаться над происходившими политическими сражениями привели к результату, противоположному тому, какого он добивался»<sup>62</sup>.

Не лучшим образом обстояли дела и в университетском городке Беркли, где в 1969 г. произошел новый взрыв студенческого протеста, вызванный отказом администрации штата признать заброшенную часть принадлежащей университету земли «Народным парком». По решению губернатора и при поддержке У. Ф. Смита для разгона студенческой демонстрации были направлены 250 национальных гвардейцев, применивших слезоточивый и вызывающий тошноту газ. Вскоре на

помощь были призваны полицейские, открывшие огонь студентам из ружей, заряженных дробью и картечью. Несколько десятков человек были ранены, один лишился зрения, а черный юноша Джеймс Ректор скончался от полученных ран. Сотни демонстрантов были арестованы. В студенческом городке Беркли на четыре месяца было введено чрезвычайное положение. Угроза Рейгана устроить кровавую баню «варварам», нарушающим мирную жизнь университетских городков, была выполнена, а действия полиции, сдерживающей «этих тварей из джунглей», полностью одобрены губернатором<sup>63</sup>. Дело не ограничилось этим. Рейган внес на рассмотрение легислатуры законопроекты, предусматривавшие исключение студентов и увольнение педагогов, нарушающих учебный процесс, а также запрещение им появляться на территории университета после исключения или увольнения. Были подписаны законы, лишаящие стипендии студентов, обвиненных в участии в беспорядках, а также объявляющие наказуемым проступком неподчинение указанию властей очистить территорию или помещение учебного заведения. Волна студенческого протеста сошла на нет лишь к началу 1971 г.

Остаряли желать лучшего и взаимоотношения губернатора с легислатурой штата. Сочетая метод «выкручивания рук» с довольно жестким администрированием (за 8 лет пребывания на посту губернатора Рейган наложил сотни вето на законопроекты, принятые легислатурой штата), он в то же время нередко шел на компромиссы, уступая по малопринципиальным вопросам и добиваясь согласия на принципиальные для него решения с помощью самого примитивного обхаживания тех, кого он называл «политиканами из задней комнаты». На приемы, проводившиеся, как правило, на лужайке перед домом губернатора, приглашались небольшими группами в алфавитном порядке все по очереди члены легислатуры. Но для Рейгана всегда оставалось загадкой, как эти люди, совсем недавно подвергавшие занимаемую им позицию разгромной критике в зале заседаний, могли спустя несколько часов дружелюбно здороваться с ним и посещать его приемы. Да, нравы в мире «высокой» политики очень отличались от нравов, царивших в Голливуде: там врагами оставались на всю жизнь, а уж подставивший подножку своему коллеге мог рассчитывать только на такую же подножку с его стороны, но уж никак не на приглашение на прием. Но, снисходя до политических игр с членами местной легислатуры, Рейган ясно и четко давал им понять разницу в положении между провинциальными политическими деятелями и им, политической фигурой национального масштаба. Во внутренние помещения губернаторского особняка, куда часто захаживали близкие друзья губерна-

тора по Голливуду и покровители из «кухонного кабинета», членам legislatures штата дорога была заказана. Случайно забредших туда приглашенных на официальный прием лично выставляла за порог Нэнси Рейган.

Нет ничего удивительного в том, что к февралю 1971 г индекс популярности губернатора среди жителей штата был на уровне 32 %, а к августу упал до 28 %. К декабрю 1971 г. число жителей штата, высказывавших негативную оценку деятельности Рейгана на губернаторском посту, превысило число тех, кто ее одобрял. Журнал «Ньюсуик» нашел необходимым констатировать 20 декабря 1971 г.: «Рейгану следует признать сейчас, что Калифорния под его руководством обанкротилась и что ей нечем платить по счетам». Один из специалистов, изучавших состояние общественного мнения в штате, заявил: «Его (Рейгана) популярность находится на самом настоящем спаде. Он настроил против себя демократов, людей, занятых в системе образования и социального обеспечения, служащих административных учреждений штата и даже некоторых республиканцев. Он предложил свой стиль деятельности — гражданина в служебной командировке, но этот стиль подразумевал скрытое обещание обеспечить решение проблем. Когда же он этого не сделал, начались неприятности. Ему будет весьма сложно восстановить свою популярность»<sup>64</sup>.

То, что Рейгану далеко не всегда удавалось выполнять данные им консерваторам обещания, настраивало против него и определенную часть правых республиканцев, требовавших более энергичного противостояния Вашингтону. Время от времени в американской печати появлялись сообщения о тяжбах, затеянных губернатором Калифорнии с федеральным правительством по поводу тех или иных программ социального обеспечения, медицинской помощи неимущим и престарелым, но, по мнению правых, этого было явно недостаточно, чтобы продолжать считаться знаменосцем и рупором американского консерватизма. Кое-кто из них уже всерьез стал поговаривать о том, что Сакраменто может оказаться заключительным этапом политической карьеры Рональда Рейгана, тем более учитывая его возраст. «Когда личность человека создана на целлулоиде, он возвышается быстро, но не менее быстро и сгорает», — считал один из политических противников Рейгана. Но сам Рейган уже и думать не хотел о политической отставке «Политика оказалась самой интересной вещью из всего того, что я когда-либо делал, и я не собираюсь исключать возможность того, что буду продолжать выполнять общественные функции. Я просто посмотрю, как буду себя чувствовать, когда все это кончится. Бог мой, кажется, что прошло всего 15 минут с тех пор, как я стал губернатором», — сказал он в 1971 г.<sup>65</sup>—

в первый год второго четырехлетнего срока своего пребывания на губернаторском посту, хотя в ходе своей предвыборной кампании 1970 г. он сообщил избирателям своего штата, что после окончания второго срока в 1974 г. с готовностью уйдет в отставку. Оказалось, что Рейган имел в виду только свое намерение не выдвигать своей кандидатуры на пост губернатора на третий срок. «Уход в отставку» в действительности вовсе не означал его отказа от подготовки к предстоящим в 1976 г. политическим битвам за право представлять республиканскую партию на очередных президентских выборах.

\* \* \*

Авторам, анализирувавшим рейгановскую кампанию за переизбрание губернатором Калифорнии на второй срок, бросилось в глаза, что, борясь за новое четырехлетие в Сакраменто, Рейган ставил себе в заслугу не столько то, что ему удалось сделать на этом посту за предшествующие четыре года, сколько то, что он не совершил тех ужасных вещей, которые, по словам его политических противников, он намеревался совершить. Более того, как заметил Л. Кэннон, «Рейган вел предвыборную кампанию таким образом, будто он собирался в Сакраменто с единственной целью — расчистить беспорядок, оставленный после себя кем-то другим»<sup>66</sup>. Была отмечена еще одна особенность рейгановской предвыборной кампании 1970 г. — позиции Рейгана по ряду аспектов политики администрации штата, в том числе даже в социальной сфере, стали более умеренными по сравнению с 1966 г. Продолжая витийствовать в привычном для себя стиле «гражданина-политика», Рейган зачастую проявлял больше здравого смысла и готовности идти на уступки (правда, чаще в узком кругу заинтересованных лиц, чем в своих публичных выступлениях), что давало основание обратившим внимание на это «новшество» людям говорить с привычной для американцев откровенностью: «Он больше лает, чем кусает». «Философия «непредубежденного разума», которой стал придерживаться Рейган, была важным этапом в его политической карьере, — писал Б. Боярски. — Его готовность обсуждать с противниками наиболее важный для его администрации законопроект и способность протолкнуть его через легислатуру дала основание сторонникам Рейгана утверждать, что он вовсе не является вторым Голдуотером; что он не был связан жесткой консервативной философией, которую он не был готов модифицировать. Развившаяся у Рейгана способность идти на компромисс придавала ему более умеренный образ — более соответствующий потенциальному кандидату на пост президента»<sup>67</sup>.

Рейган победил на выборах 1970 г. своего соперника из демократической партии Джесси Унру с внушительным перевесом в полученных голосах (3 439 664 против 2 938 607), хотя и уступающим результатам выборов 1966 г. На фоне поражения республиканских кандидатов на выборные посты в 11 других штатах победа Рейгана оценивалась как неординарное событие в политической жизни всей страны. Оказалось, что при всех своих недостатках и промахах, при всем своем казавшемся несерьезным отношении к выполнению возложенных на него обязанностей и даже при всей своей непопулярности среди умеренных, а тем более либерально настроенных политических деятелей и избирателей Рейган пользовался достаточной поддержкой и авторитетом, чтобы выиграть сражение за губернаторский пост в явно невыгодно складывавшейся для его партии политической обстановке в стране.

Но при всем этом в преддверии к президентским выборам 1972 г. Рейган не представлял сколько-нибудь серьезной угрозы надеждам президента Никсона на переизбрание. Помимо редко нарушаемого неписаного правила политической игры в США — не конкурировать в открытой форме с президентом, коллегой по партии, выдвигающим свою кандидатуру на предусмотренный конституцией второй четырехлетний срок, в качестве препятствия на пути Рейгана к Белому дому замаячила фигура более молодого и казавшегося более энергичным вице-президента Спиро Агню, не без успеха заявившего о своих претензиях на лидерство и добившегося его в качестве громкогодосого и нередко скандального выразителя интересов и требований правого крыла республиканской партии. Для многих американцев политическое будущее 54-летнего Агню казалось в 1972 г. более многообещающим, чем политическое будущее 61-летнего Рейгана.

Красноречивым символом оливковой ветви, протянутой Никсоном и смиренно принятой Рейганом, явилось то, что Рейгану было поручено председательствовать в течение первых дней работы съезда республиканской партии, состоявшегося в том же Майами-Бич. 23 августа 1972 г. республиканцы вновь выдвинули Никсона своим кандидатом на пост президента, а Агню — кандидатом на пост вице-президента. Кандидатуру Никсона выдвигал другой его неудачливый соперник прежних лет — губернатор штата Нью-Йорк Рокфеллер. Как и обещал председатель национального комитета республиканской партии Роберт Доул, съезд был непродолжительным по времени, деловым по стилю работы и продуманным до мельчайших деталей, не оставлявших никакой возможности для возникновения случайных и непредвиденных ситуаций. «Мы хотим провести такой съезд, за работой которого будут наблю-

дать не только страдающие бессонницей люди», — объявил Доул, добавив при этом, что все происходящее на съезде подчинено строгому контролю, включая «стихийную демонстрацию в зале в поддержку кандидатур Никсона и Агню». «Противоречия были притлушены, а если и проявлялись, то в уважительном тоне и в малых дозах», — писал в те дни журнал «Тайм»<sup>68</sup>. Видимое единодушие, с которым были поддержаны обе кандидатуры на высшие административные посты, и активное участие в процессе выдвижения и одобрения этих кандидатур обоих основных соперников Никсона в борьбе за Белый дом — Рокфеллера и Рейгана создавали обманчивое впечатление мира и согласия в руководстве республиканской партии на многие годы вперед. Многим, в том числе и Рейгану, было ясно, что влиятельная консервативная группировка в партии уже на этом съезде пришла к решению сделать ставку на Агню как на будущего кандидата республиканцев в президенты США. Никсону оставалось отслужить отведенный ему по конституции второй четырехлетний срок и освободить политическую арену для грядущих битв за Белый дом.

Два года губернаторства Рейгана в период между 1972 и 1974 гг. прошли под знаком уотергейтского скандала, потрясавшего политическую жизнь страны в течение всего этого продолжительного периода. Рейган продолжал время от времени пытаться привлекать внимание страны к себе по-прежнему страстно звучащими обвинениями в адрес «страшного и ненасытного монстра» — программ социальной помощи, — пожирающего средства, в которых так нуждается народ для реализации гораздо более насущных нужд, «таких, как открытие парков и тому подобное»<sup>69</sup>; обсуждал выросшую в Калифорнии вдвое за годы его губернаторства преступность; подписывал новые законы или накладывал губернаторское вето на законопроекты, прошедшие легислатуру, объясняя журналистам причины того или иного решения общественными интересами, но ничто не могло отвлечь внимания американцев, включая и калифорнийцев, от того, что происходило в Вашингтоне. Уотергейтский скандал путал все планы Рейгана. События развивались с такой быстротой и неизбежностью, что Рейган и члены его «команды» стали даже серьезно опасаться, как бы в Белом доме действительно не оказался Агню, что поставило бы точку на намерениях Рейгана сражаться за Белый дом в 1976 г. Скорее всего именно этими опасениями можно объяснить тот факт, что на протяжении всего уотергейтского скандала вопреки совету своих помощников губернатор Калифорнии ни разу не высказался с критикой действий президента Никсона, приведших к скандалу, и вплоть до 6 августа 1974 г. (Никсон объявил о своей отставке 8 августа) не присое-



днял своего голоса к голосу многих коллег по партии, требовавших отставки президента. Более того, он с завидной настойчивостью продолжал утверждать, что Никсон не несет никакой ответственности за своих подчиненных, которые без его ведома предприняли противозаконные действия. Стандартное заявление Рейгана тех месяцев сводилось к утверждению, что виновные происшедшего «не являются в душе своей преступниками». Результаты опросов общественного мнения, свидетельствовавшие о том, что 41 % американцев убеждены в вине президента, Рейган назвал «свидетельством способностей тех, кто старался раздуть это дело и по возможности довести его до следующих выборов»<sup>70</sup>. Но невольно на память приходит прием в честь Л. И. Брежнева, устроенный президентом Никсоном в июне 1973 г. в Сан-Клементе, штат Калифорния. Кого только не было на этом приеме! Голливудские звезды и вашингтонские политические деятели считали своим долгом сфотографироваться с президентом и советским лидером. На многочисленных фотографиях, публиковавшихся в газетах, бросалось в глаза отсутствие губернатора штата Рейгана. В прессу проникло сообщение, что, будучи представлен Никсоном Л.И. Брежневу, Рейган произнес несколько приличествующих моменту, но ничего не значащих слов и, отойдя в сторону, вскоре покинул прием. Оставалось неясным, кто был объектом этого явного афронта — лидер ненавистных коммунистов или свой запятанный президент. А может быть, они оба? \*

Дело было, конечно, не в обостренной щепетильности Рейгана и не в его верности лидеру партии или лояльности самой партии, хотя его выросшая популярность среди республиканцев в этот период свидетельствовала, что проявленная им сдержанность была воспринята именно так. Все обстояло гораздо проще: в случае преждевременного ухода Никсона с президентского поста президентом страны в соответствии со статьей XXV Конституции США автоматически становился вице-президент Агню, и в этом случае с ним, как с уже находящимся в Белом доме государственным деятелем, да еще принадлежащим к той же партии, было бы гораздо сложнее конкурировать в 1976 г. не только Рейгану, но и любому другому претенденту на президентский пост от республиканской партии.

\* Уже став президентом США, Рейган вспоминал, что он счел нужным обратить внимание Л. И. Брежнева на важность решений, достигнутых руководителями СССР и США, для осуществления надежд и чаяний всех людей мира. Согласно Рейгану, Л. И. Брежнев, взявшись двумя руками за руку Рейгана, заверил его, что душой и сердцем он стремится осуществить эти надежды и мечты.

После подачи в отставку Агню, уличенного в финансовых злоупотреблениях и махинациях, в том числе и в неуплате полагавшегося с него подоходного налога, имя Рейгана всплыло только один раз. Тогда он был назван в числе нескольких возможных кандидатов на пост вице-президента при еще остававшемся в Белом доме Никсоне. В группе возможных кандидатов кроме него фигурировали Н. Рокфеллер, Дж. Коннелли, М. Лэйрд, Г. Бэйкер и Э. Ричардсон, но ведущими претендентами считались Рейган и Рокфеллер. Никсон разумно решил не отдавать предпочтения ни одному из двух претендентов, представлявших противостоящие лагеря партии, поскольку, как он считал, партия и без того испытывала серьезные потрясения в связи с уотергейтским скандалом. К тому же он учитывал, что против назначения Рейгана на пост вице-президента яростно восстали представители умеренного крыла республиканской партии, выдвинувшие убедительный довод, что в этом случае и президентом, и вице-президентом оказались бы калифорнийцы если не по месту рождения, то уж по корням своей политической биографии. При всем том, что Рейган превосходил Рокфеллера в популярности среди коллег по партии в соотношении 29 к 19, многие республиканцы считали его позиции по важнейшим вопросам внешней и внутренней политики США «упрощенческими».

Вопреки надеждам Рейгана пост вице-президента был предложен Джеральду Форду, конгрессмену из штата Мичиган, своей бесцветностью устраивавшему представителей всех фракций партии, тем более что он дал заверение в отсутствии у него намерения выдвигать свою кандидатуру на пост президента США в 1976 г. Такое обещание устроило всех, включая Рейгана. Оставалось дожидаться окончания второго никсоновского четырехлетия в Белом доме. Но 9 августа 1974 г., за пять месяцев до завершения пребывания Рейгана на губернаторском посту, президент Никсон ушел в отставку. В 12.03 пополудни того же дня Джеральд Форд принес торжественную присягу в качестве тридцать восьмого президента страны. Ситуация явно осложнялась: в случае вступления в борьбу за Белый дом в 1976 г. Рейгану предстояло бороться с коллегой по партии, к тому же пробывшим уже два года на президентском посту.

Очень широка амплитуда оценок восьмилетнего пребывания Рейгана на посту губернатора Калифорнии. Резкость негативных и цветистость позитивных оценок достигала своего апогея в годы активизации борьбы Рейгана за Белый дом, поскольку к предвыборным кампаниям подключались и с той и с другой стороны силы, придерживавшиеся преубежденных взглядов. Разобраться в достоинствах и недостатках Рейгана-администратора и Рейгана-человека в такие периоды накала страстей было практически невозможно. Ближе к истине были те оценки, которые выносились губернатору Рейгану немногочисленными серьезными исследователями его политической биографии в годы избирательного «межсезонья» и которые в общем и целом совпадали с мнением, сложившимся о восьмилетии рейгановского правления у жителей Калифорнии. В последние месяцы губернаторства Рейгана в штате был проведен опрос общественного мнения: количество калифорнийцев, назвавших Рейгана хорошим губернатором, заметно превысило число тех, кто дал ему отрицательную оценку. Наилучшим обобщением оценки калифорнийцами Рейгана можно считать мнение одного из редакторов газеты «Лос-Анджелес таймс», Э. Дея: «Он совершил очень немного хорошего и принес очень мало вреда». Еще один комплимент несколько сомнительного свойства был выдан Рейгану в завершение его губернаторства репортером газеты «Вашингтон пост» Лероем Аронсом: «Те, кто предрекал катастрофу, вынуждены признать сквозь зубы, что штат (Калифорния) по-прежнему существует». «Он покинул свой пост,— подвел итоги рейгановского губернаторства Л. Кэннон,— обладая посредственным, но в общих чертах удовлетворительным послужным списком»<sup>1</sup>.

Г Уиллс высказал убеждение, что в результате восьмилетнего правления в Калифорнии Рейган укрепил административный аппарат штата, т. е. по сути дела способствовал тому, против чего сам всегда выступал. «Рейган будет позднее необоснованно приписывать себе много заслуг в деле управления штатом и даже ставить себе в заслугу то, чего не было. Он тратил средств больше, а не меньше, чем Брауны\*. Зачастую

\* Предшественником Рейгана на посту губернатора Калифорнии был Эдмунд Дж. («Пэт») Браун (1959—1966 гг.), а преемником — сын «Пэта» Брауна Эдмунд Дж. («Джерри») Браун-младший (1975—1983 гг.).

**механизм управления штатом работал сам по себе, без его вмешательства. Он широко делегировал свои полномочия. Он делил свои функции с другими людьми. Но он выполнял свою работу. Он часто опаздывал с решениями. Но он принимал решения», — писал Уиллс<sup>2</sup>. Подобные высказывания не могли не оставлять двойственное впечатление: с одной стороны, действительно в те восемь лет, на протяжении которых Рейган был губернатором штата, Калифорния не просто «выжила», но и превратилась в важный фактор влияния на политическую и экономическую жизнь всего американского общества; с другой — создавалось убеждение, что этот процесс шел без сколько-нибудь заметного участия самого Рейгана, нередко вопреки его намерениям и желанию, но, как правило, с последствиями, оборачивающимися в конечном итоге в его пользу. В таких условиях даже ни во что не верящие скептики оказывались вынужденными признавать факт небывалого везения, объясняемый «рождением Рейгана под счастливой звездой» или «удачным расположением планет», предшествовавшим его выходу на политическую арену.**

Многим это может показаться сплошной мистикой, но действительно трудно отделаться от впечатления о наличии элемента везения во всем, что выпадало на долю Рональда Рейгана на протяжении его продолжительной политической карьеры. Но главным и решающим было, естественно, не какое-то таинственное везение, а широко распространенное убеждение в том, что Рейган ответственен лишь за общее направление, дух и стратегию своей администрации, тогда как ответственность за те или иные конкретные ее решения и акции лежит на тех, кто его окружал и кому он предоставил широкие полномочия. В итоге самые общие позитивные результаты деятельности администрации калифорнийского губернатора были связаны с его именем, тогда как конкретные решения с негативными последствиями оказались на совести его советников и помощников.

Личное везение Рейгана никак не было связано с успехами республиканской партии и даже контрастировало с беспрецедентным «невезением», обрушившимся на нее в первой половине 70-х годов. Не прошло и нескольких недель после завершения губернаторства Рейгана, как один из республиканских экспертов в области изучения общественного мнения довел до сведения участников совещания председателей отделений республиканской партии в штатах, собравшихся в Чикаго, что большинство американцев считают партию недостойной доверия, некомпетентной и тесно связанной с крупным капиталом. Согласно сообщенным им данным, лишь 18 % американцев сочли возможным назвать себя республиканца-

ми. Такого не было никогда. После отставки Никсона с поста президента США и последовавшего месяц спустя «полного, безусловного и абсолютного прощения вины» Никсона президентом Фордом республиканская партия потеряла на ноябрьских промежуточных выборах 1974 г. 43 места в палате представителей и четыре места в сенате, а также четыре губернаторских поста. Казалось, совсем недавно, в конце августа 1974 г., журнал «Тайм» с удовлетворением писал о «доброжелательном и даже радостном настроении в Вашингтоне, подобного которому город не испытывал на протяжении многих лет; оно дало основание надеяться на то, что мрачная, беспросветная зима сменится блистательной весной», а через месяц после этого индекс популярности президента Форда резко упал с 71 до 49 %. Из более чем 30 тыс. телеграмм и писем, полученных в те дни Белым домом, одобрение решения президента амнистировать Никсона содержалось менее чем в 400<sup>3</sup>.

Сам Рейган продолжал свою непонятную игру: по свидетельству Л. Кэннона, осенью 1973 г. и на протяжении всего 1974 года Рейган производил впечатление человека, никак не решившего для себя, уйдет ли он в политическую отставку и посвятит себя полностью лишь выступлениям на политические темы с лекциями и в печати, будет ли баллотироваться в сенат США или же все-таки вновь попробует свои силы в борьбе за Белый дом. Полностью он исключал лишь третий срок на губернаторском посту. Вариант № 1 гарантировал высокие доходы шестизначного порядка, но означал конец политической карьеры. Вариант № 2 был в конечном счете отвергнут им самим, но под явным влиянием Нэнси Рейган, которую явно не прельщала жизнь супруги одного из ста сенаторов в Вашингтоне. Оставался Белый дом.

Ранней весной 1974 г., когда Рейган был еще губернатором Калифорнии, а Никсон — президентом США, несколько человек из ближайшего окружения Рейгана предприняли в Вашингтоне неофициальный и скрытый зондаж перспектив и возможной реакции столичных политических кругов в случае повторного выдвижения кандидатуры Рейгана на пост президента страны от республиканской партии. Сложность стоявшей перед «рейгановской командой» задачи заключалась в том, что Никсон все еще был главой государства и что к этому времени в стране уже был вице-президент Форд, которому и предстояло бы в случае ухода Никсона в отставку занять президентский пост и назначить нового вице-президента. Такого в истории США прежде никогда не было, и, следовательно, любые предположения не могли основываться на опыте прошлого. Рейган мог себе позволить защищать до последнего

дня реноме президента Никсона, но его люди, проводя разведку в столице, исходили из твердого убеждения, что Никсону оставалось в Белом доме не более нескольких месяцев. Проведя предварительный зондаж в Вашингтоне, «разведывательный дозор» возвратился в Калифорнию, где обсуждение складывающейся в стране обстановки продолжалось уже с участием «Друзей Рональда Рейгана». На одном из таких совещаний в особняке Рейганов в Пасифик Пэлисейдс «дозорные» подвели итог впечатлениям, полученным в Вашингтоне: «Джерри Форд сделан не из того теста, он не воспринимается как лидер, он не может руководить конгрессом или страной. Он будет уязвим, и мы сможем победить его. Он не будет считаться полноправным претендентом на президентский пост»<sup>4</sup>. В этих условиях, следовало из подобных выводов, Рейгану нет никакой необходимости соблюдать «одинадцатую заповедь» республиканцев и отказываться от вступления в борьбу за Белый дом с президентом от своей партии.

Несмотря на строгую секретность проводившихся консультаций и зондажа, слухи о них достигали Белого дома и вызвали известную озабоченность у его хозяина и его ближайших советников. В условиях еще не успевшей сформироваться политической базы, на которую мог опираться в своих решениях и действиях Форд, и в обстановке крайнего недовольства в стране решением президента о помиловании Никсона Рейган представлял собой достаточно серьезную политическую силу, с которой приходилось считаться и которую по возможности следовало нейтрализовать. В самом начале декабря 1974 г. президент Форд созвонился с Рейганом, тогда еще дослуживавшим последние недели на посту губернатора, и после обсуждения вариантов с назначением Рейгана послом в одну из крупных стран, в частности в Великобританию, предложил ему войти в кабинет в качестве одного из министров. Речь могла бы идти, в частности, уточнил Форд, о посту министра транспорта. Через несколько дней Рейган позвонил по телефону президенту и отказался от предложенной «чести». Он сомневается, сказал он, что ему доставит удовольствие быть членом кабинета после того, как он пробыл в течение восьми лет губернатором крупнейшего американского штата. Расшифровать ответ Рейгана не составило большого труда — пост губернатора Калифорнии давал ему основание претендовать на гораздо более высокое положение в административной иерархии. Намек был яснее ясного: Рейган согласился бы только на пост вице-президента, все еще остававшийся вакантным.

Прекрасно понимая, что назначение Рейгана на пост вице-президента поставит под угрозу его собственное будущее,

Форд решил сократить до минимума контакты с Рейганом, дабы излишнее внимание к нему со стороны Белого дома не было бы истолковано как признание политической силы Рейгана. Прекратились телефонные звонки из Белого дома в Сакраменто, президент более не консультировался с губернатором Калифорнии, как это бывало порой при Никсоне. Рейгана перестали приглашать на официальные приемы в Белом доме. А 19 декабря 1974 г. вице-президентом США был назначен основной политический соперник Рейгана по прошлым битвам за Белый дом, губернатор штата Нью-Йорк Рокфеллер, фаворит тех политических сил в республиканской партии, которые на протяжении всех последних лет не скрывали своей антипатии и даже вражды к Рейгану. О состоявшемся назначении Рейган узнал лишь к концу дня. Напрашивался оскорбительный для него вывод — в Вашингтоне либо перестали его принимать всерьез, либо же решили «поставить на место». После событий этих дней у Рейгана и его сторонников исчезли последние сомнения относительно участия в президентской кампании 1976 г.: опасность того, что Рокфеллер может унаследовать Белый дом от Форда, сцементировала все консервативные силы страны. На повестку дня был поставлен вопрос о выработке основных направлений и инструментария борьбы за президентский пост.

\* \* \*

Стратегическая линия предвыборной кампании Рейгана была выработана уже в первые месяцы 1975 г. и включала несколько важных отправных положений: не выступать против Форда как личности; не подвергать нападкам конгресс США; не выступать даже против демократов как политической партии. Основной огонь выступлений Рейгана было решено обратить против «воплощения зла вашингтонской системы, основывающейся на приятельских отношениях», против «небольшой шайки интеллектуальной элиты на берегах реки Потомак, считающей, что она знает нужды американского народа». Стратегическим лозунгом предвыборной кампании был избран призыв: «Возвратить народу Соединенных Штатов право управлять своей собственной страной и определять свое собственное будущее — то самое право, которое было отнято у него центральным правительством в Вашингтоне».

Инструментарий предвыборной борьбы вырабатывался по ходу дела. Сразу же по завершении срока пребывания Рейгана на губернаторском посту в Лос-Анджелесе была создана фирма «по связям с общественностью» во главе с двумя близкими помощниками Рейгана — Майклом Дивером и Питером

Ханнафордом. В течение продолжительного времени Рейган был практически единственным клиентом этой специально созданной под его предвыборную кампанию фирмы, если не считать Дж. Дарта, ставшего клиентом этой же фирмы, дабы слишком узкий круг ее клиентуры не привлекал ненужного внимания вездесущих репортеров и общественности. Фирма «Дивер энд Ханнафорд, инк» немедленно принялась за организацию лекционных турне Рейгана по стране, а также его выступлений в печати и по радио с целью поддержания общественного внимания и интереса к его личности вплоть до тех пор, пока не настанет время его активного вступления в предвыборную борьбу. Уже в 1975 г. Рейган ездил по стране с лекциями, проводя в дороге 12—14 дней в месяц, его политические радиокомментарии охватывали ежедневно аудиторию в 10—15 млн радиослушателей, а его колонка политического обозревателя перепечатывалась 174 газетами страны. Авторство текстов выступлений, радиокомментариев и газетных колонок принадлежало Диверу и Ханнафорду, но политические дивиденды и весьма солидное материальное вознаграждение доставались Рейгану. Гонорары, поступавшие от более чем 200 радиостанций, включивших пятиминутные выступления Рейгана в свои программы, от ежемесячно читаемых 8—10 лекций и других общественных мероприятий с его участием, составили, судя по всему, более 800 тыс. долл. в одном 1975 году (точные сведения о получаемых им доходах Рейган по-прежнему держал в тайне от всех), что во много раз превысило жалование губернатора штата — всего 49 100 долл. в год. Рейгану явно доставляли удовлетворение столь высокие доходы, но он знал, что ему придется отказаться от них, как только он станет официальным претендентом на президентский пост: участникам борьбы за выборный пост оплата за выступления не полагалась.

Весной 1975 г. с согласия Форда была предпринята еще одна, последняя попытка «мирными средствами» нейтрализовать Рейгана как потенциального соперника в 1976 г. Во время пребывания Рейгана в Вашингтоне ему был предложен на этот раз пост министра торговли, но он вновь отказался. Повторный отказ Рейгана от сотрудничества с администрацией Форда был истолкован Белым домом как открытый разрыв «дипломатических отношений». Для сторонников же Рейгана он стал сигналом к началу боевых действий, активное развертывание которых сдерживалось теперь лишь отсутствием официального объявления Рейгана о вступлении в борьбу за пост президента США в 1976 г. Своим выступлением по случаю создания общественной организации «Граждане за Рейгана» он обрадовал своих сторонников, пообещав сделать это долго-



жданное объявление до 20 ноября 1975 г. Объявление было сделано 20 ноября 1975 г., в день, который, согласно рейгановскому гороскопу, был наилучшим для «заключения важных финансовых сделок и исполнения желаний». Л. Кэннон утверждает, что какое-то время Рейган даже подумывал о создании так называемой третьей партии в противовес республиканской и демократической и о выдвижении своей кандидатуры этой партией в 1976 г. Хотя о сколько-нибудь серьезных практических шагах в этом направлении со стороны Рейгана говорить не приходится, в том, что у Рейгана могли возникать на том этапе борьбы за Белый дом подобные мысли, можно убедиться, ознакомившись со статьями и трудами идеологов консерватизма тех лет.

В 1954 г. экономический советник президента Эйзенхауэра Г. Хейдж высказал утверждение, что крайне правое крыло намерено вновь захватить в свои руки руководство республиканской партией, а с узурпацией власти в партии обрести возможность овладеть Белым домом. Не очень веря в такую возможность, президент, однако, с нескрываемой тревогой охарактеризовал последствия подобной перспективы: «Если правое крыло действительно захватит вновь власть в республиканской партии, то всего лишь через несколько лет в стране не останется и следов республиканского правления. Создание новой партии станет неизбежным»<sup>5</sup>. Это пророчество обрело весьма конкретные формы в 1975 г., о чем свидетельствовал выход в свет в США книги одного из идеологов американского консерватизма, издателя журнала «Нэшнл ревью» Уильяма Рашера, активно включившегося в организацию предвыборной кампании Рейгана и выработку его политико-идеологической платформы. Книга называлась «Создание новой партии большинства», но основной мишенью ее стали «либералы» и умеренные республиканцы, которые, по утверждению автора, осели «в федеральных и местных ведомствах, ведущих средствах массовой информации, крупнейших благотворительных фондах, научно-исследовательских институтах и национальных учебных заведениях с целью руководства Соединенными Штатами во имя реализации интересов (в первую очередь их личных, а также интересов многочисленной клиентуры программ социального обеспечения), полностью отвечающих их взглядам на мир». В книге Рашера не содержалось ничего нового по сравнению с тем, что уже давно проповедовали адепты американской консервативной мысли, за исключением разве что названия предлагаемой им новой партии — «партии независимости», но утверждалось, что положения, нашедшие отражение в этой книге, разделяются «средним американцем», противопоставленным «либеральным

болтунам» из Вашингтона и «восточного истеблишмента».

Нельзя было не заметить поразительное сходство перечислявшихся Рашером политических, военных, экономических и идеологических «страхов» консервативно настроенных американцев с проблемами, вызывавшими обеспокоенность и тревогу у рейгановских «невоспетых героев», как нельзя было не заметить и другие совпадения в основных положениях идеологов американского консерватизма и заявлениях Рейгана, не поддающихся объяснению иначе как сильным влиянием Рашера и его единомышленников на рейгановскую политическую философию. Трудно сказать, как далеко пошел бы Рейган в развитии мысли о создании новой политической партии, если бы не «Друзья Рональда Рейгана», недвусмысленно предупредившие его: «Ты республиканец, и им ты и останешься!» Результатом этого строгого внушения явилось заявление Рейгана: «Я не создаю третью партию. Я не верю в то, что республиканская партия мертва. Я верю в то, что республиканская партия отражает суть того, о чем думает народ нашей страны, и эту мысль следует донести до народа. Я намерен попытаться это сделать». А спустя еще несколько месяцев Рейган риторически воскликнул: «Действительно ли нам нужна третья партия, или же мы нуждаемся в новой и возрожденной второй партии, поднимающей знамя не блеклых пастельных тонов, а ярких красок, которые дадут ясно понять нашу позицию по всем проблемам, беспокоящим народ?»<sup>6</sup>

Уж чего не было на развернутом Рейганом знамени, так это «блеклых пастельных тонов», особенно когда речь заходила о проблемах, сознательно выдвинутых им на первый план при обсуждении внешнеполитических решений администрации Форда, — будущего процесса разрядки и советско-американских отношений и начавшихся переговоров о будущем статусе Панамского канала. Именно эти проблемы в первую очередь стояли тогда в центре внимания американской общественности и занимали умы многих представителей политических и деловых кругов страны, не говоря уже о представителях прессы. Одной из наиболее удачных попыток Рейгана сконденсировать основные положения занятой им позиции по отношению к разрядке и к Советскому Союзу следует, по всей видимости, считать его интервью журналу «Тайм» в ноябре 1975 г., в ходе которого он заявил, что «разрядка явилась улицей с односторонним движением, которой воспользовались Советы для продолжения своего движения к марксистской цели создания всемирного социалистического государства». Обрушившись на внешнеполитический курс администрации Форда — Киссинджера, уступившей-де советскому давлению, он заявил: «Советский Союз больше уважал бы нас, если бы знал, что

обмануть нас не удалось. Мы должны решительно заявить, что не намерены никому уступать первого места»<sup>7</sup>. Вариации, развивающие и дополняющие эти основные положения, содержались в специально изданной к выборам 1976 г. брошюре Рейгана «Призыв к действию» и в его многочисленных публичных радио- и телевизионных выступлениях и газетных статьях: «Мы сделали слишком много уступок при подписании соглашений по ОСВ»; «Все больше и больше свидетельств того, что мы занимаем второе место в мире, где очень и, даже более того, смертельно опасно быть вторым»; политика разрядки дала Соединенным Штатам лишь «право продавать пепси-колу в Сибири»; «Коммунистический план завоевания мира действительно существует, и этим планом предусматривается на заключительном этапе завоевание Соединенных Штатов»; «Нам не следует отвечать на их (Советского Союза) вызов, пытаясь сравниться с ними по количественному составу армии, но нам следует продолжать развивать наши ракетные системы»; «Мира нельзя добиться с позиций слабости и отступлений. Его можно добиться лишь восстановлением американского военного превосходства»<sup>8</sup>. «Пока американский народ не изберет себе нового президента и не назначит нового государственного секретаря, Советский Союз будет извлекать выгоду для себя из процесса разрядки», — предупреждал Рейган избирателей глухих провинциальных городов Соединенных Штатов, и те в ужасе внимали рассказам о том, что творили и творят коммунисты на международной арене<sup>9</sup>.

Проблема будущего зоны Панамского канала представляла в речах и выступлениях Рейгана как логическое продолжение темы о кознях марксистов: администрация Форда была обвинена им в том, что она «молчит как мышь» перед лицом шантажирующего ее марксистского диктатора Панамы Омара Торрихоса. Зона Панамского канала, заявлял Рейган, является «суверенной территорией США точно так же, как Аляска и другие штаты, возникшие в результате приобретения Луизианы (у Франции в 1803 г. — Э. И.). Мы построили канал, мы заплатили за него, и мы должны сказать Торрихосу и его компании, что намерены сохранить его за собой. Я считаю, что Соединенные Штаты не могут позволить себе отказаться от того, что нам принадлежит, только потому, что нам угрожает неприятностями какой-то диктатор». В ходе одного из выступлений в г. Сан-Диего в мае 1976 г. он сообщал избирателям, что уже в течение двух лет правительство США ведет переговоры о передаче в чужие руки суверенитета над зоной Панамского канала, не ставя об этом в известность «законных владельцев зоны канала — вас, народ Соединенных Штатов». Эта мысль перекочевывала из одного рейгановского выступле-

ния в другое, хотя журналисты не раз напоминали ему о том, что правительство США уведомило о переговорах американцев еще в феврале 1974 г. Дж. Осборн, один из тех журналистов, который тщетно пытался напомнить об этом факте Рейгану, заключил из своих бесед с ним, что «Рональд Рейган является мастером, самым великим на моей памяти мастером искажений, которые обычно (но не всегда) содержат крупную правду, что делает невозможным или по крайней мере рискованным называть этого человека лжецом»<sup>10</sup>. По мнению бывшего президента США Дж. Картера, позиция Рейгана по проблеме Панамского канала «импонировала многим американцам, поскольку он представлял эту проблему в упрощенном виде — как испытание мощи и величия нашей страны»<sup>11</sup>.

И вновь, как и в предшествующие годы, в его выступлениях, радиокомментариях и статьях звучали популистские темы безответственности федеральных программ социального обеспечения, здравоохранения, образования. Неожиданно для всех он предложил передать в руки администраций штатов и органов управления на местах многие функции федеральных властей в области социального обеспечения, образования и здравоохранения, что, по его словам, позволило бы правительству США сбалансировать свой бюджет, сократив его расходную часть на 90 млрд. долл., уменьшить государственный долг (более чем вдвое выросший за короткий срок пребывания Форда в Белом доме) на 5 млрд. долл. и даже сократить на 23 % личные подоходные налоги. Последствия этого предложения Рейгана чуть не оказались для него катастрофическими (газета «Портсмут геральд» опубликовала свой комментарий под заголовком «Рейган роет себе могилу»): у избирателей возникли серьезные опасения, что предлагаемая им программа сокращения федеральных расходов неизбежно приведет к резкому сокращению социальных программ и росту расходов в штатах и на местном уровне. Рейгану пришлось срочно «спускаться на тормозах».

И конечно, практически ни одно его выступление не обходилось без упоминания «разросшегося правительства»: «Сегодня гордиев узел находится в Вашингтоне. Но мы живем в республике, и у нас нет короля, который мог бы разрубить его. Существует лишь мы — народ, и наш меч уже перекован в избирательные урны». Проблема «разросшегося правительства» подкреплялась конкретными данными: «Вашингтонское правительство расходует 7 миллионов долларов в минуту, пока я говорю с вами». Цифра звучала пугающе внушительно, но если бы правительство США действительно расходовало по 7 млн долл. в минуту, то государственный бюджет страны составлял бы в 1976 г. 3,58 трлн долл. На самом же деле государственный

бюджет США и, следовательно, «ежеминутные» расходы правительства были на порядок меньше<sup>12</sup>. «Есть нечто большее, чем просто небольшой обман, в президентском кандидате, который пытается попасть в Вашингтон, утверждая, что он баллотируется «против Вашингтона», и надеется быть избранным на самый влиятельный в мире пост, заявляя, что он выступает против «большого правительства». С таким же успехом владелец питейного заведения может обосновать свою заявку на патент утверждением, что он является членом Лиги борьбы за трезвость. Это походит на то, как если бы Юлий Цезарь уговаривал свое войско перейти Рубикон, утверждая, что целью их похода на Рим является превращение этого города обратно в деревню» — так прокомментировал рейгановскую позицию по этому вопросу известный публицист Г. Фэрли. «Вопрос не в том, есть ли необходимость в «большом правительстве» или нет, — это фальшивая проблема, — а в том, кому должно служить это «большое правительство»<sup>13</sup>. Судя по тому, как формулировал свою позицию и к чему призывал в те месяцы Рейган, вопрос в такой плоскости его не интересовал.

Советники Рейгана признавались позднее, что он категорически отказывался последовать их советам критиковать хотя бы изредка «большой бизнес» с целью завоевания симпатий рядовых избирателей. Но зато из выступления в выступление Рейгана и в 70-х, и в 80-х годах переходили когда мифические, а когда умышленно гиперболизированные нарушения закона, допущенные получателями социальной или медицинской помощи из числа бедствующих или престарелых американцев. С характерным для него пренебрежением к точному изложению фактов и цифр (важен принцип!) Рейган рассказывал в своих обличительных выступлениях о некоем «жителе штата Нью-Джерси», обманным путем получившем у органов социального обеспечения 700 долл. на свои собственные похороны, или же о пользовавшейся благодаря Рейгану анекдотичной известностью в стране «жительнице Чикаго», получавшей, по его словам, по 150 тыс. долл. в год в виде социальных пособий и имевшей возможность приобрести две машины экстракласса «Континентал». Эта женщина, служившая неизменным украшением рейгановских обличений, «пользовалась 80 фамилиями, 30 адресами и 12 карточками социального страхования, а также получала пособия ветеранам на имя четырех несуществующих усопших мужей». Рейган так часто ссылался на этот случай, что чикагские власти оказались вынужденными заняться специальным расследованием. В конечном счете в городе была найдена женщина по фамилии Линда Тейлор, использовавшая две фамилии для получения 8 тыс. долл. Даже после

того, как репортаж об этой женщине со всеми данными о ее действительно незаконной деятельности был опубликован газетой «Вашингтон пост», Рейган продолжал придерживаться изначально имевшихся у него фальсифицированных сведений<sup>14</sup>.

Несмотря на лицо, изборожденное глубокими морщинами, Рейгану невозможно было дать 65 лет. Наверное, впечатлению молоджавости способствовали его неизменно подтянутая фигура и густые волосы. Волосы претендента на президентский пост особенно интересовали журналистов, и наиболее дотошным из них удалось проникнуть в парикмахерскую, где стрижся Рейган, и утащить несколько клоков его волос. Лабораторный анализ рейгановских волос, по сообщению прессы, показал отсутствие химической краски, но скептиков убедить не удалось. «Вот так и с самим Рейганом,— прокомментировал результаты лабораторного анализа журнал «Тайм»,— никогда нельзя быть в чем-то уверенным, говоря о нем. Он летает по стране, выходя человеком, стремящимся заполучить президентский пост, но говорит, что делает это через силу. Его речи звучат воинственно, но он уклоняется от открытой борьбы. Он не испытывает огромного интереса к политике, но на этой неделе объявит себя официальным претендентом на президентский пост». Из других высказываний того периода о Рейгане, вызывавших смешанное чувство неуверенности и опаски, можно привести слова одного из его бывших помощников: «Мне никогда не приходилось видеть, чтобы он самостоятельно дал указание. Вот почему нам было так легко его программировать. У кандидатов обычно есть собственная стратегия. Но только не у Рона. Он полностью зависел от других с точки зрения идей». И развивал далее эту мысль: «Вопрос в том, кому принадлежит это тело. Общественность должна знать, чьими идеями он пользуется. Если он станет президентом, встанет исключительно важный вопрос — кто правит страной?»<sup>15</sup>

Политическое прошлое Рейгана, его поведение в ходе избирательной кампании 1972 г., комментарии прессы и отзывы знающих его лично людей — все это вкуче дало основание даже опытным политическим обозревателям отметить серьезность рейгановских претензий на президентский пост. Обычно рассудительный и дальновидный Дж. Рестон писал: «Рейган дает меньше оснований для озабоченности, поскольку в отличие от (сенатора) Джексона он поистине невежда в международных делах и к тому же обладает еще одним недостатком — он ленив до умопомрачения. Форд трудится, сражается и прислушивается, а Рейган считает, что знает все ответы; он обладает дурным характером, а когда обсуждаются

важные проблемы, оказывается, что он «ушел на обед»<sup>16</sup>. Аналогичную ошибку допустил на первых порах и президент Форд, признававшийся позднее в своих мемуарах, что, несмотря на предупреждения своих помощников о предстоящей тяжелой борьбе за Белый дом с Рейганом, он «отнесся легкомысленно к этим предупреждениям, поскольку не воспринимал Рейгана всерьез». «Ряд черт его характера, казалось, исключали его как серьезного соперника. Одной из них была его склонность предлагать примитивно простые решения исключительно сложных проблем. Второй было его убеждение, что он неизменно прав, выдвигая тот или иной аргумент; складывалось впечатление, что его невозможно убедить в том, что он может допустить ошибку. И наконец, я слышал от хорошо знавших его людей, что он старается весьма бережно расходовать личную энергию. Из опыта прошлых избирательных кампаний, свидетелем которых мне приходилось быть, я знал, что невозможно баллотироваться в президенты, работая только с девяти до пяти»<sup>17</sup>. К тому же Форд и его советники не поняли общего настроения в стране, характеризуя который Д. Янкелович, известный исследователь общественного мнения, указывал в мае 1976 г. на преобладающие «настроения против сохранения всего старого, причем не только сохранения людей на своих постах, но и против сохранения старых идей и стилей руководства, против практически всего, что было частью образа мыслей, ассоциируемого с проблемами прошлого»<sup>18</sup>, включая войну во Вьетнаме и Уотергейт.

\* \* \*

Незадолго до официального подключения Рейгана к борьбе за Белый дом шансы президента Форда на победу на съезде республиканской партии выглядели предпочтительнее шансов Рейгана. Абсолютное большинство опросов общественного мнения предсказывало ему убедительное преимущество в голосах делегатов съезда; финансовые средства, собранные в кассу его предвыборной кампании, чуть ли не вдвое превышали финансовые возможности сторонников Рейгана. Но с каждым месяцем набранное Фордом на первом этапе борьбы преимущество становилось все менее впечатляющим, и винить в этом можно было в первую очередь самого Форда, продолжавшего воспринимать Рейгана с известной долей иронии. Нельзя было, правда, сбрасывать со счетов и того факта, что бесцветный, выглядевший подчас крайне нерешительным президент значительно уступал напористому, энергичному и общительному отставному губернатору Калифорнии. Когда же советникам президента Форда удалось

убедить своего шефа в реальной опасности того, что движение в поддержку Рейгана может расти подобно катящемуся с горы снежному кому, Форд явно испугался и в отсутствие тщательно продуманной ответной стратегии стал ударяться в крайности. Уже в конце 1975 г. он наложил вето на принятый конгрессом законопроект о бесплатных школьных завтраках и призвал к сокращению ассигнований на целый ряд программ социального вспомоществования. В октябре 1975 г. в беседе с вице-президентом Рокфеллером Форд дал ясно понять, что был бы признателен, если бы тот отказался от выдвижения ~~своей кандидатуры на вице-президентский пост в 1976 г.~~ **Свой рассказ об этом эпизоде Дж. Форд завершает в мемуарах следующими словами: «Я был благодарен ему за то, что он не проявил эгоизма, за его готовность сделать то, что было в интересах партии, страны, в моих личных интересах. Но вместе с тем я был зол на самого себя за то, что проявил трусость и не сказал ультраконсерваторам: «Форд и Рокфеллер выставят свои кандидатуры вместе, каковы бы ни были последствия этого шага»»**<sup>19</sup>. Но это признание Форда относится уже к категории «дискуссий на лестнице». Дело было сделано, страх Форда перед Рейганом можно было уже наблюдать, как говорится, невооруженным глазом.

**А в 1976 г. в отчаянной попытке «перерейганить» Рейгана Форд последовал рекомендации своих советников, совершив «поворот на 180°» в советско-американских отношениях. В марте 1976 г. Форд объявил о решении исключить слово «разрядка» из американского внешнеполитического лексикона: «Разрядка — всего лишь выдуманное слово. Я не считаю, что в дальнейшем его следует применять». Один из помощников Киссинджера вынужденно признал, что «Форд среагировал таким образом в значительной степени из-за Рейгана, чем из-за чего-то еще»**<sup>20</sup>. Но «умиротворить» Рейгана было не так просто. («Нас всегда беспокоила сама политика, а не слово».) «Заняв экстремистскую позицию по убеждению или из оппортунистических соображений или же исходя и из того, и из другого, Рейган добился сдвига Форда вправо», — писал американский политический обозреватель С. Карноу. В результате уже к маю 1976 г. администрация Форда «низвела все внешнеполитические дебаты к общему знаменателю, предложенному Рейганом»<sup>21</sup>.

Уступки Форда давлению правого крыла республиканской партии имели своей целью в первую очередь убедить сторонников Рейгана, что президент ничуть не уступает тому в решительности и целеустремленности в деле отстаивания на международной арене национальных интересов США, а внутри страны — принципов «свободного предпринимательства» в



ущерб интересам «разросшегося правительства». Одновременно Белый дом не прекращал попыток теми или иными средствами нейтрализовать Рейгана. Вместо того, чтобы мешать коллеге по партии, убеждали Рейгана посланцы Форда, было бы разумнее стать членом «фордовской команды» и принять участие в подготовке предвыборной платформы республиканцев. Рейгану звонили мэры городов и губернаторы штатов, рекомендуя отказаться от борьбы с Фордом за Белый дом. Позвонил ему и сам Форд, «посоветовав» то же самое. Не встречая понимания со стороны Рейгана, организаторы предвыборной кампании Форда распространили слух о предстоящем выходе Рейгана из игры, что тут же опровергла «рейгановская команда». «Консерваторы заинтересованы по возможности дольше сохранять Рейгана как участника борьбы за Белый дом, с тем чтобы оказывать давление на Форда. Дело не в том, что в отсутствие Рейгана Форд превратился бы в необузданного либерала; просто не вызывает сомнения, что наличие Рейгана является фактором, способствующим оказанию на президента консервативного влияния», — писала Э. Дрю<sup>22</sup>. Возможно, что кое-кто из консерваторов действительно считал присутствие Рейгана в предвыборной кампании всего лишь оружием давления справа на Форда, но сам Рейган относился к своей кандидатуре к этому времени со всей серьезностью и конечно же возмутился бы, если бы кто-нибудь решился открыто назвать его пешкой в затеянной консерваторами политической игре.

Незадолго до начала предварительных выборов — «праймериз» Форд заявил, что у Рейгана не будет никаких шансов победить кандидата демократов на ноябрьских выборах, поскольку он занимает слишком уж правую позицию по важнейшим аспектам американской внешней и внутренней политики. Форд допустил в этом случае явный просчет, которым не замедлил воспользоваться Рейган: выступив на пресс-конференции, он известил журналистов о предпринятых Фордом попытках уговорить его занять пост одного из министров в его кабинете и о своем отказе от этих предложений. Ни сам Форд, ни члены его команды не смогли дать журналистам вразумительного ответа на вопрос, с какой стати президенту понадобилось приглашать в свой кабинет министров столь явного экстремиста, если не для того, чтобы нейтрализовать его.

«Наконец-то я понял, что представляет собой политическая деятельность, — признался Рейган одному из своих помощников в ходе предвыборной кампании 1976 г. — Она очень похожа на шоу-бизнес. Ты открываешь представление каким-нибудь эффектным номером, затем держишься на инерции и завершаешь колоссальным крещендо»<sup>23</sup>. Неизвестно, в ка-

кой связи Рейгану пришла в голову такая аналогия, и именно на том конкретном этапе его политической биографии, но жизнь его в политике удивительно укладывается в созданный им рисунок, если согласиться с тем, что его губернаторство явилось **эффектным началом**, что все последующие годы вплоть до 1980 г. он умело держался в планирующем состоянии на политических потоках и что его победа на выборах 1980 г. и последующее восьмилетнее пребывание в Белом доме явились тем самым **«колоссальным крещендо»**, о котором он говорил в 1976 г. Надо сказать, что частые аналогии политической деятельности и шоу-бизнеса или театрального представления были характерны для исследований американской политической жизни и американских политических деятелей и до того, как к политике стали проявлять активный интерес профессиональные актеры. Но с появлением имени Рейгана на политическом горизонте эти аналогии стали обычными и даже неизбежными, делая эти кажущиеся абсолютно несхожими профессии в каком-то смысле родственными. «А почему бы актеру не баллотироваться в президенты? — задавал представлявшийся вполне резонным вопрос один из американских публицистов. — Сам процесс выборов театрален: это спектакль, нуждающийся в зрителях. Почему бы не узаконить этот спектакль, выдвинув в президенты настоящего актера — человека, заучившего наизусть свои реплики, помнящего свою роль, вовремя выходящего на сцену?»<sup>24</sup> Аналогию, предложенную Р. Страутом, можно было бы продолжить, подкрепив и другими соображениями. Кто еще, кроме политика и актера, в состоянии «увидеть» несуществующие полчища врагов, мчащихся на вас в остервенении с единственной целью стереть вас в порошок, и при этом убедить вас в реальности этой опасности? Кому еще, кроме актера и политика, удавалось усмотреть в ограниченном бутафорней узком пространстве необозримые поля колосющихся злаков или махины изрыгающих пламя доменных печей и дать вам при этом ощущение сопричастности к общественно значимому делу? По мнению тех, кто сделал ставку на Рейгана в начале 60-х годов и в буквальном смысле довел его до Белого дома, помимо качеств настоящего актера у него было еще одно важное качество, делавшее его особенно привлекательным для закулисных вершителей государственной политики, которые, как известно, существуют не только в Соединенных Штатах. Г. Уиллс так писал об этом: «В отличие от многих актеров Рейган никогда не хотел стать режиссером. Он очень хорошо поддавался режиссерскому руководству и сохранил это качество, став участником политического представления»<sup>25</sup> Но полностью соглашаться с замечаниями Г. Уиллса о нежелании Рейгана стать режиссером нет основа-

ний, тем более что не так уж часты случаи отказа актеров попробовать себя в роли режиссера, когда им представляется такая возможность. В этом плане, как представляется, Рейган ничуть не отличался от абсолютного большинства своих коллег как из актерского, так и из политического мира.

И уж поскольку речь зашла об актерском мастерстве Рейгана в применении к политической арене, то было бы уместным проиллюстрировать эту комбинацию некоторыми примерами из предвыборной кампании 1976 г. Дж. Наполитан, исследователь средств массовой информации и общественного мнения США, как-то сказал, что он определяет эффективность выступлений политических деятелей по телевидению очень простым способом — он выключает полностью звук и наблюдает лишь за изображением. Рейган, по его мнению, выдерживал такое испытание с блеском<sup>26</sup>. Вовсе не обязательно было слушать, что он говорит, вполне достаточно было видеть, как он говорит, тем более что его выступления отличались друг от друга лишь порядком, в котором он перечислял стоявшие перед страной проблемы. Сопровождавшие Рейгана в поездке по стране журналисты выучили наизусть все шутки и анекдоты, которые неизменно фигурировали в его выступлениях. «Этот человек хочет быть президентом,—вынесла из многодневных наблюдений за Рейганом в 1976 г. американская журналистка Э. Дрю.— Создается впечатление, что он усвоил несколько проблем или отдельные аспекты нескольких проблем и теперь цепляется за них. Вокруг всего этого царит атмосфера, слегка напоминающая маскарад. Он говорит о людских обидах, но, судя по всему, не сопереживает им. Кажется, что он вообще не испытывает никаких эмоций по поводу того, о чем он говорит. И он не создает впечатления хорошо информированного человека... Его шутки являются шутками человека, руководящего застольем,— не очень умными и не очень уместными. Его «речи» представляют собой в действительности комплект карточек размером четыре на шесть дюймов, на которых ручкой с фетровым пером им записаны обрывки текста и анекдоты и которые он постоянно перетасовывает, чтобы не повторяться дословно. Запас его знаний базируется, по всей видимости, в основном на вырезках из газет и журналов, на попавшихся ему на глаза статьях и опросах общественного мнения, из которых получается хороший материал для выступлений»<sup>27</sup>. Перед слушателями вновь, как и в те далекие годы сотрудничества с «Дженерал электрик», был актер, твердо заучивший текст и скрупулезно придерживавшийся режиссерского сценария и замысла, но уже хорошо усвоивший на опыте политических сражений 1968 и 1972 гг. основные каноны, согласно которым развивается действие на

политической «сцене» и завоевывается внимание публики в «зале» политического представления, именуемого президентскими выборами в Соединенных Штатах.

Предвыборный марафон близился к концу, и, хотя уже в ходе предварительных выборов стал ясен исход предстоявшего в августе в Канзас-Сити республиканского съезда, сторонники и советники Рейгана продолжали надеяться на то, что, несколько снизив воинственный накал выступлений Рейгана в преддверии съезда, им удастся отвоевать у Форда хотя бы часть голосов умеренно настроенных делегатов. С этой целью «рейгановская команда», практически не консультируясь с Рейганом, пошла на беспрецедентный шаг: подобрала кандидатуру пользовавшегося репутацией либерала сенатора Р. Швейкера и уговорила Рейгана еще до начала работы съезда объявить этого малоизвестного ему лично политического деятеля своим напарником, т. е. кандидатом на пост вице-президента США. Эта тактическая уловка не принесла ожидаемых плодов и даже осложнила взаимоотношения Рейгана с консервативными кругами, отвергавшими какие-либо компромиссы с либералами. Своевременно найденная сторонниками Форда удачная формулировка предостережения делегатам съезда: «Губернатор Рейган развязать войну не смог бы, но ее сможет развязать президент Рейган» — произвела должное впечатление на собравшихся в Канзас-Сити республиканцев. 18 августа 1976 г. в первом же туре голосования с преимуществом всего лишь в 117 голосов делегатов (1187 против 1070) кандидатом республиканской партии на пост президента США был назван Джеральд Форд.

\* \* \*

Штаб-квартира Рейгана, размещавшаяся в отеле «Аламеда плаза», напоминала утром следующего дня ритуальный зал похоронного бюро. Последний рабочий день активистов предвыборной кампании Рейгана начался с его прощального выступления перед ними. Рейган поблагодарил сторонников за проделанную работу, закончив свое короткое выступление словами из английской баллады XVII в., которую он помнил с детства: «Хотя я и ранен, я не убит. Я встану и буду, как прежде, сражаться». Плакала Нэнси Рейган, плакали многие рейгановские сторонники. Искрящаяся энергия и бьющий через край энтузиазм рейгановских сторонников, многие из которых все еще ходили в рекламных майках с портретом или именем своего фаворита, сменились всеобщим унынием. Как в сомнамбулическом сне, упаковывали они остатки никому уже не нужной предвыборной реклам-

ной литературы и других традиционных атрибутов избирательной кампании — значков, плакатов, наклеек на автомобильные бамперы. Предшествующая ночь была очень беспокойной: кое-кто из не желавших примириться с поражением Рейгана активистов настаивал на том, чтобы предложить Форду выдвинуть кандидатуру Рейгана на пост вице-президента США. Такой же точки зрения придерживался и один из влиятельнейших «Друзей Рональда Рейгана», Дж. Дарт, заявлявший, что согласие на выдвижение своей кандидатуры на второй пост в стране является патриотическим долгом Рейгана. Однако сам Рейган и его советники были против этого: при том, что Рейган потерпел поражение, результаты голосования на съезде продемонстрировали наличие достаточно внушительной политической базы для продолжения в будущем его попыток попасть в Белый дом. В случае согласия Рейгана стать вице-президентом (хотя в интересах истины надо сказать, что у Форда не было намерений предлагать Рейгану этот пост) существовала реальная опасность того, что он разделит судьбу вице-президента из притчи, которую любил рассказывать вильсоновский вице-президент Томас Маршалл: «У старика было два сына. Один из них стал моряком и ушел в дальнее плавание, а другой стал вице-президентом США. С тех пор ни о том, ни о другом не было ни слуха ни духа». Такая перспектива не устраивала ни самого Рейгана, ни тех, кто продолжал возлагать на него надежды. Л. Нофцигер говорил Э. Дрю, отражая позицию «рейгановской команды»: «Если одержит победу (на президентских выборах в ноябре.— Э. И.) Форд, у нас есть возможность оказывать на него давление. Если он потерпит поражение, мы захватим руководство партией в свои руки. И поверьте мне, мы очень внимательно следим за ходом событий. Мы не собираемся пускать их на самотек, как это сделал Голдуотер после выборов 1964 г.»<sup>28</sup>.

Своеобразным признанием потенциальных возможностей Рейгана и силы его влияния в партии явилось поведение Форда на следующее утро после его победы на съезде: он самолично приехал в отель, где размещался его недавний соперник, с тем чтобы согласовать с ним кандидатуру вице-президента. «Помощь Рейгана мне очень пригодилась бы в ходе осенней кампании. Было бы глупо сердить его и его сторонников в сложившейся ситуации», — признавал Форд в своих мемуарах. — Один из помощников Рейгана встретил меня в вестибюле отеля «Аламеда плаза» и сопровождал на 10-й этаж. «Губернатор, у нас с вами была очень интересная схватка, — сказал я, пожимая его руку в присутствии репортеров. — Я бы очень хотел обладать хотя бы частью ваших талантов и вашей замечательной организацией». Затем мы прошли в его личные

апартаменты и продолжили беседу в приватном порядке. Осторожно подбирая слова, я спросил, есть ли у него кандидатура, которую он хотел бы предложить на роль моего напарника. Я выложил перед ним шесть имен: Билла Саймона, Джона Коннелли, Боба Доула, Говарда Бейкера, Эллиота Ричардсона и Билла Ракедсхауса — и замолчал в ожидании ответа. Доул, сказал он, был бы отличным выбором»<sup>29</sup>. Оба почувствовали облегчение после окончания этой встречи и последовавшей за ней пресс-конференции — ни тому, ни другому больше не нужно было демонстрировать взаимную симпатию, и можно было стереть с лица сводившую скулы натянутую улыбку. На следующий день кандидатом республиканской партии на пост вице-президента США был утвержден Роберт Доул, сенатор от штата Канзас. Перед закрытием работы съезда перед делегатами предстали победители — Джеральд Форд с женой и Роберт Доул с женой. Бок о бок с ними стояли приглашенные Фордом Рональд и Нэнси Рейган. Затем, взяв друг друга за руки и высоко подняв их над головой, все шестеро продемонстрировали единство республиканских рядов перед лицом стоящих перед ними задач.

В предвыборной борьбе между Фордом и Картером сам Рейган играл роль стороннего, но отнюдь не безразличного наблюдателя, не высказываясь ни за, ни против кого-либо из соперников. Самолюбию Рейгана льстило, а членам его «команды» доставляло большое удовольствие, что в надежде привлечь на свою сторону оставшихся «бесхозными» консерваторов оба претендента на президентский пост нередко повторяли основные положения рейгановской позиции, в частности по внешнеполитическим проблемам. Дж. Картер даже стал акцентировать внимание избирателей на тех деталях своей политической биографии или политической платформы, которые ассоциировались с рейгановскими, как-то: «непринадлежность к Вашингтону» и «восточному истеблишменту», серьезность намерений сократить непроизводительные правительственные расходы и т. п. Вторя основным положениям предвыборных заявлений Рейгана, Картер осуждал заключенное в Хельсинки Соглашение по безопасности и сотрудничеству в Европе и подвергал критике «мягкость, проявленную Фордом в переговорах с СССР». Во внешнеполитических заявлениях Картера часто звучали призывы к тому, чтобы «оборонные возможности США не уступали никакой другой стране». Форд в свою очередь бросал Картеру гневные обвинения в том, что тот намеревается сократить военные расходы США на 15 млрд долл. и тем самым поставить под угрозу безопасность США. Так что совсем небезосновательным было сложившееся у Э. Дрю впечатление, что это «Рональд Рейган

дебатирует с Рональдом Рейганом»<sup>30</sup>, а вовсе не Форд с Картером.

После поражения на республиканском съезде и вплоть до въезда в Белый дом нового президента Джимми Картера в политической активности Рейгана, казалось, наступил спад. Если не считать нескольких вялых предвыборных выступлений в пользу Форда в двух десятках штатов, заслуживших лишь мимолетное упоминание в прессе и понятное неудовольствие самого Форда, имя Рейгана в течение многих месяцев практически не появлялось ни в печати, ни по телевидению. Однако пассивность Рейгана и его «команды» была лишь кажущейся. Решение добиваться выдвижения кандидатуры Рейгана на пост президента США в 1980 г. было окончательным и бесповоротным, и к созданию благоприятных условий для этого «рейгановская команда» приступила уже в сентябре 1976 г., т. е. еще до того, как стало известно имя будущего президента США. Л. Кэннон пишет, что в один из первых дней сентября в особняке Рейганов в Пасифик Пэлисейдс был устроен знаменитый обед для небольшого количества ближайших советников и помощников Рейгана, принимавших самое активное участие в только что окончившейся борьбе за Белый дом. Кое-кто из присутствовавших счел этот обед прощальным. На самом же деле он оказался началом нового этапа в политической биографии Рейгана и нового витка борьбы за Белый дом. На этом обеде Рейган выдвинул на обсуждение вопросы, которые, как он сказал, будут положены в основу его программных выступлений, намеченных на 1977 г.

И Рейган, и члены его «команды» отдавали себе отчет, что одним из основных препятствий на пути Рейгана к Белому дому в 1980 г. будет скорее всего его возраст. При всей молодости и подтянутости Рейгана трудно было забыть о том, что в феврале 1981 г. ему исполнится 70 лет. Эта цифра вызвала опасения особенно у молодых избирателей, которым она казалась чуть ли не астрономической. Мысли, приходившие в то время многим, были выражены через два года известным американским публицистом М. Чайлдсом в газете «Вашингтон пост». В статье, озаглавленной «Рейган: более серьезен, чем когда-либо», М. Чайлдс напоминал, что 9-й президент США Уильям Генри Гаррисон «был единственным президентом, вступившим на этот пост в таком возрасте, но он умер от воспаления легких спустя шесть недель»<sup>31\*</sup>. В этих условиях Рейгану было уже не до ставших столь привычными для него

\* Если придерживаться абсолютной точности, то У. Г. Гаррисону на момент вступления на пост президента США было 68 лет, а пробыл он на этом посту 32 дня.

уклончивых ответов на вопросы о планах на будущее и не до проявлений наигранного нежелания выставлять свою кандидатуру. Ожидать, что кто-то будет очень уж настойчиво уговаривать 70-летнего человека баллотироваться на пост президента, не приходилось. Быка за рога следовало брать решительно и без промедления.

Уже на упомянутом выше сентябрьском обеде Рейган заявил о необходимости образования «общественного» комитета в поддержку его кандидатуры, на деятельность которого он выделил все полтора миллиона долларов, оставшиеся в его предвыборной казне в результате преждевременно закончившейся кампании. Так был создан комитет «Граждане за республику», во главе которого был поставлен опытный Нофцигер. Обладая столь внушительными финансовыми средствами, основную часть которых составили взносы представителей калифорнийского военно-промышленного комплекса, Нофцигер вскоре приступил к организации региональных семинаров и изданию бюллетеня, в котором с завидным постоянством подвергалась резкой критике политика США по отношению к Зоне Панамского канала, к Кубе. Постоянной мишенью бюллетеня был Советский Союз. Забегая несколько вперед, следует сказать, что в ходе промежуточных выборов 1978 г. комитет «Граждане за республику» выдал от имени Рейгана более 600 тыс. долл. 25 консервативным кандидатам на пост сенатора, 234 кандидатам в члены палаты представителей конгресса США, 19 кандидатам в губернаторы штатов и 122 кандидатам на другие выборные посты на местном уровне<sup>32</sup>. Так создавалась база политической поддержки кандидатуры Рейгана на 1980 г.

\* \* \*

«Рейгановская команда» образца 1977 г. очень незначительно отличалась по составу от той, которая ведала организацией его предвыборной кампании в предшествующие годы. Помимо уже известных по прошлым годам Л. Нофцигера, Э. Миза, П. Ханнафорда, Дж. Сиэрса, М. Дивера к ее деятельности активно подключился сенатор от штата Невада Пол Лэксолт, пользовавшийся полным личным доверием Нэнси Рейган и ставший с годами одним из самых близких друзей Рейгана. Руководящую и направляющую роль в «команде» стала на этот раз играть Нэнси Рейган. Компания «Дивер энд Ханнафорд», не теряя времени, приступила к организации новых выступлений Рейгана по стране, а также по радио и телевидению и продвижению его статей в периодическую печать. Только в 1977 г. Рейган произнес 75 речей в различных городах



США, принесших ему немалые дивиденды как сугубо финансового (при гонораре 15 тыс. долл. за выступление), так и политического характера. Статьи за подписью Рейгана по-прежнему публиковались в сотне с лишним газет по всей стране, а его пятиминутные выступления, как и прежде, транслировались 270 местными радиостанциями. И вновь Рейган не спешил преждевременно объявлять себя официальным кандидатом на пост президента США, хотя «рейгановская команда» давала знать всем, кого этот вопрос интересовал, что Рейган продолжает оставаться претендентом на президентский пост. Не случайно Рейган комментировал, критиковал или поддерживал исключительно проблемы общенационального звучания, имевшие самое непосредственное отношение к политике на федеральном уровне.

Одной из таких проблем на протяжении почти двух лет была проблема Зоны Панамского канала. Лишь после того, как 20 апреля 1978 г. соглашения по Панамскому каналу между США и Панамой были ратифицированы конгрессом США, Рейган отказался от этой темы. Ее место с течением времени заняла тема отношения США к авторитарным и тоталитарным государствам мира. Еще летом 1977 г. Рейган обрушился на провозглашенную администрацией Дж. Картера кампанию в защиту прав человека, утверждая, что «внешняя политика новой администрации избрала объектом значительной части своей критики по вопросу о правах человека те правительства, которые не представляют угрозы для других и которые, хотя и ведут себя не всегда так, как нам хотелось бы, были и являются, несмотря ни на что, нашими друзьями»<sup>33</sup>.

Президент Картер высказал убеждение, что «республиканская иерархия решила согласиться с нами по Панамскому каналу и сразиться с нами по ОСВ... Поддержать демократического президента по двум столь сложным вопросам было бы чуть ли не самоубийственным для тех, чье политическое будущее зависело от богатых экстремистов, финансирующих многие республиканские кампании»<sup>34</sup>. Судя по накалу рейгановских выступлений против Договора по ОСВ, президент имел в виду в первую очередь Рейгана и его единомышленников и сторонников. И действительно, хотя Рейган и внес по рекомендации своих советников некоторые весьма незначительные коррективы в жесткие формулировки своих внешнеполитических заявлений, касавшихся проблемы ограничения стратегических вооружений, администрация Картера по-прежнему обвинялась им в «моральном разоружении» перед Советским Союзом, в проведении «примиренческого» курса на международной арене, а все администрации США предшествующего

десятилетия, т. е. начиная с администрации Никсона, в игнорировании необходимости перевооружения США в условиях роста «коммунистической угрозы». В поведении Картера в ходе переговоров с СССР Рейган слышал «жалкое постукивание зонтика Невилля Чемберлена по булыжным мостовым Мюнхена»<sup>35</sup>. Советники Рейгана отдавали себе отчет в том, что проявления им политического экстремизма, давшие ему прозвище «мистер Правый», могут привести к сужению политической базы поддержки его кандидатуры в 1980 г. Перед «рейгановской командой» была поставлена задача внушения общественному мнению страны, что он является вовсе не экстремистом, а выразителем интересов и чаяний тех самых «невоспетых» и «забытых» американцев, о которых он всегда помнил, т. е. истым народолюбом, всего лишь придерживающимся консервативных взглядов на роль государства в обществе свободного предпринимательства и на место США в современном сложном и противоречивом мире. Нофцигер назвал это некоторое «смягчение» позиции Рейгана изъятием «жесткости из жесткой линии». Знаменательно, что, прочитав в газете «Нью-Йорк таймс» сообщение о «сдержанной» критике Рейганом соглашения по ОСВ-2, подписанного Дж. Картером и Л. И. Брежневым в Вене, в стане консерваторов проявили серьезную озабоченность — не перестарались ли члены «рейгановской команды» в своем желании успокоить американцев. Нет, поспешил заверить их Рейган, его отношение к ОСВ-2 осталось прежним — «договор следует положить на полку» (в другом случае он заявил, что договор следует «отправить обратно в Москву»), и вообще «переговоры с Советским Союзом никогда не должны превращаться в умиротворение». «Не следует заблуждаться, — добавлял он при удобном случае, — за всеми беспорядками, происходящими в мире, стоит Советский Союз».

Шла ли речь о взаимоотношениях с СССР, ратификации Договора по ОСВ-2, отношениях со странами — союзниками по НАТО, с третьим миром или с Организацией Объединенных Наций, Рейган поднимал вопрос: «Не пора ли нам перестать заботиться по поводу того, любят нас или нет, и начать заботиться о том, уважают ли нас в мире?» — вопрос, судя по всему, занимавший умы многих американцев. «Рейгановская команда» нащупала ностальгическую тоску довольно значительной части американцев по «старым, добрым временам», когда никому в мире не могла прийти в голову мысль «наступать на мозоли Соединенных Штатов» и когда Америку «все боялись и уважали». Ведь как приятно было осознавать (если согласиться с утверждениями Рейгана), что у всех сложных внешнеполитических и экономических проблем со-

временности есть простые решения, не требующие ни особого напряжения сил, ни особого напряжения мысли. В отличие от Картера, лишь констатировавшего наличие перед страной сложных проблем, Рейган дарил надежду на то, что у «американской мечты» есть будущее и что следующее десятилетие будет лучше уходящего.

Однако одних общих заявлений о радужном будущем, ожидающем американцев, было явно недостаточно. Необходима была идея, способная продемонстрировать избирателям, что в своем стремлении попасть в Белый дом Рейган движим не политическим честолюбием, а желанием «оказаться полезным простым людям», мозолистые руки которых, по его словам, он с таким удовольствием пожимал в своих поездках по стране. Такая идея была позаимствована помощниками Рейгана у конгрессмена Джека Кемпа, некогда работавшего в аппарате губернатора Калифорнии, а вообще-то больше известного в стране в качестве хорошего футболиста. Идея, получившая название «экономики, ориентированной на предложение» (supply-side economy), основывалась на утверждении о необходимости снижения налогов как наиболее эффективного средства возрождения деловой активности и экономического подъема в стране. В условиях охватившей Соединенные Штаты стагфляции — экономического феномена последних десятилетий, сочетавшего стагнацию (или экономический застой) и инфляцию, идея Кемпа, подхваченная Рейганом, была поддержана рядовыми налогоплательщиками. В экономических же кругах «экономика, ориентированная на предложение», была встречена полярно противоположными оценками. Многие крупные экономисты США, поддержанные, в частности, специалистами с Уолл-стрита, считали снижение налогов в условиях высокой инфляции немислимым. Их доводы представлялись весьма убедительными: снижение налогов при одновременном резком повышении расходов на военные нужды (а именно это и имел в виду Рейган, настаивая на необходимости ликвидации «окна уязвимости» и растущего отставания США от СССР в области стратегических вооружений) обязательно приведет к еще большему дефициту бюджета и сокращению ассигнований на социальное обеспечение, образование и здравоохранение. Советниками Джорджа Буша, тогдашнего соперника Рейгана в борьбе за Белый дом, было найдено броское определение экономических выкладок рейгановцев — «экономика, основывающаяся на шаманских заклинаниях», и вставлено в одно из программных заявлений Буша. (На протяжении последующих восьми лет журналисты будут часто язвительно напоминать Дж. Бушу, ставшему вице-президентом США при президенте Рейгане, это определение

экономической политики администрации, к которой он стал принадлежать и сам.)

Но предупреждения экономистов не производили сколько-нибудь заметного впечатления на значительную часть избирателей. Дело было в том, что на протяжении многих лет их убеждали в необходимости потуже затянуть пояса. Обещание же сократить налоги (да еще на 33 %) при одновременной ликвидации инфляции и безработицы не осмеливался дать ни один кандидат в президенты, тем более республиканец. Будущее страны в том виде, в каком его рисовал Рейган, выглядело заманчиво. Проводимая в жизнь администрацией Картера «старомодная экономическая политика, основывающаяся на выборе между инфляцией и спадом», изжила себя, утверждал Рейган, а попытки прошлых администраций США победить инфляцию, лишая трудящихся мужчин и женщин работы, аморальны. Популярность Рейгана заметно росла. В мае 1978 г. бывший президент Форд еще обходил его в популярности среди республиканских избирателей на 10 %, но этот разрыв неукоснительно сокращался. Известный политический обозреватель газеты «Вашингтон пост» Д. Броудер, признавая в конце сентября, что Форд лидирует по популярности, вместе с тем сомневался, что ему удастся стать кандидатом партии в президенты: «Многие из его ближайшего окружения считают, что в конечном итоге Форд откажется от борьбы за президентский пост. И практически все они надеются, что именно таким будет его решение»<sup>36</sup>. Проведенный в марте 1979 г. опрос общественного мнения засвидетельствовал выход Рейгана на первое место среди республиканских претендентов на президентский пост: его предпочли 31 % опрошенных. Второе место осталось за Дж. Фордом (26 %), третье — за Дж. Коннелли (12 %). Как и писал Д. Броудер, 25 мая 1979 г. Дж. Форд отказался от активной борьбы за Белый дом, заявив, что будет баллотироваться лишь в том случае, если партия не сможет прийти к согласию относительно другого кандидата.

К ноябрю 1979 г., т. е. к тому времени, когда ожидалось официальное заявление Рейгана о выдвижении своей кандидатуры на пост президента США, в группе республиканских претендентов насчитывалось (с Фордом) уже девять человек, в том числе Дж. Коннелли, Дж. Буш, Г. Бейкер, Р. Доул, Дж. Андерсон, Ф. Крейн и другие. Неожиданно для многих основным соперником Рейгана стал бывший губернатор Техаса Коннелли, получивший общенациональную и даже мировую известность после 23 ноября 1963 г., когда он был поражен в Далласе одной пулей (если верить результатам официального расследования) с президентом Кеннеди. Успех Коннелли

был тем более неожиданным, если принять во внимание его недавнюю принадлежность к демократической партии и едва утихнувший скандал в связи с обвинением его во взяточничестве на посту министра финансов в администрации Никсона.

13 ноября 1979 г. в нью-йоркском отеле «Уолдорф-Астория» Рейган сделал официальное заявление о вступлении в борьбу за Белый дом, став десятым и последним по счету претендентом на президентский пост от республиканской партии. Хотя к этому времени он захватил лидерство среди других кандидатов, многие по-прежнему отказывались принимать его кандидатуру всерьез. Его речь по поводу вступления в борьбу не оправдала возлагавшихся на нее надежд, поскольку не содержала ни одной новой мысли. Все, что говорил Рейган, было давным-давно известно. Он осудил «высокомерие федерального истеблишмента, который отказывается нести ответственность за наше нынешнее положение, истеблишмента, от которого нельзя надеяться получить честную оценку сложившейся ситуации и который категорически отказывается жить по средствам». В бедственном положении американской экономики он обвинил правительство, которое, по его словам, «перерасходовало, переоценило и перерегулировало». В Нью-Йорке, крупнейшем центре внешнеполитических исследований и международной деятельности, следовало проявлять несколько большую осмотрительность при произнесении жестких заявлений по проблемам внешней политики, и поэтому осторожные члены «рейгановской команды» включили в текст выступления две новые темы международного плана, не вызывавшие негативных эмоций у слушателей: призыв Рейгана сделать Пуэрто-Рико 51-м штатом США и требование регулярных консультаций между США, Канадой и Мексикой по широкому кругу интересующих эти страны вопросов. Но заключительные слова были привычными: «Я не могу и не буду безразлично наблюдать за тем, как наша великая страна занимается самоуничтожением»<sup>37</sup>

Л. Кэннон обратил внимание на особенность этого выступления Рейгана: «Если у Рейгана не было всех ответов или каких-либо ответов (на стоявшие перед страной проблемы.— Э. И.), ему во всяком случае удалось установить со своими слушателями узы близости и доверия. Рейган делал это со столь давних пор, что многие из нас забыли, насколько это важно. Он сделал это вновь в вечер своего объявления словами, так и не попавшими в большинство информационных сообщений, но он сделал это на высоком уровне. Другие кандидаты рассказывали избирателям о том, что они собираются сделать для спасения Америки, а Рейган описал им свою собственную жизнь»<sup>38</sup> Рейган обратился (как это он делал

много раз в прошлом) к воспоминаниям о своем тяжелом детстве и юности, об испытанных его семьей лишениях в годы жизни в маленьких городках штата Иллинойс, о «Великой депрессии», лишившей его отца работы (в этом месте его голос дрогнул, и на глазах сверкнули слезы точно так же, как это произошло днем раньше в телевизионной передаче при произнесении тех же слов).

В то утро Рейган выступал по телевидению, и в числе заданных ему вопросов оказался вопрос, касавшийся возраста лидеров других государств. Рейган уверенно заявил, что в случае избрания он окажется чуть ли не самым молодым из тех, с кем ему придется иметь дело. «Но Жискар д'Эстен моложе вас», — возразили ему. «Кто?» — не понял Рейган, дав основание журналистам заключить, что он не знает, о ком шла речь. «Жискар д'Эстен, президент Франции», — разъяснил один из журналистов. «Возможно, он и моложе, — отреагировал быстро Рейган, — но ненамного». (На самом деле Рейган был старше французского президента на целых пятнадцать лет.) Появившиеся на следующий день в печати саркастические комментарии вынудили рейгановского пресс-секретаря дать разъяснение: задававший вопрос, дескать, находился довольно далеко от Рейгана, и тот не расслышал названной фамилии. Находчивые журналисты предложили пресс-секретарю на выбор два варианта исправления сложившегося положения: «Мы можем опубликовать поправку в «Вашингтон пост», сообщив, что Рейган знает, кто является президентом Франции, но плохо слышит». Пресс-секретарь предпочел оставить все, как было: «Лучше уж продолжайте говорить, что он слишком многого не знает, чем говорить, что он слишком стар». (Вскоре с помощью симпатизировавших Рейгану журналистов распространилась информация, согласованная с Рейганом: он действительно слышит плохо на одно ухо, но не потому, что стареет, а в результате несчастного случая, происшедшего с ним много лет назад на съемочной площадке. По словам Рейгана, один из его партнеров по съемке прямо над его ухом произвел холостой выстрел из пистолета. Такое объяснение многих и надолго удовлетворило. Когда через пару лет Рейган стал открыто пользоваться слуховым аппаратом, это уже никого не удивило.) На следующий день после официального заявления о вступлении в борьбу состоялась пресс-конференция Рейгана, открывая которую конгрессмен Дж. Кемп представил его «самым старым и самым мудрым кандидатом». Присутствовавшие при этом помощники Рейгана в ужасе закатили глаза: вот уж поистине заставь кое-кого молиться... Но Рейган отнесся к этой характеристике с юмором, и это полуироническое прозвище — «самый старый и са-

мый мудрый» — сохранилось за ним и после въезда в Белый дом. Прослышав о планах соперников «отметить» 69-летие Рейгана акцентированием его солидного возраста, «рейгановская команда» организовала в ряде штатов празднества по случаю дня его рождения с многочисленными здравицами, тортами и запуском воздушных шаров, исключив таким образом возможность использования рейгановского возраста во вред его предвыборной кампании. Подводя итог своему многонедельному общению с Рейганом в ходе напряженных предвыборных баталий, Л. Кэннон написал в своем репортаже, опубликованном в газете «Вашингтон пост», что Рейган устранил все имевшиеся сомнения относительно его энергичности, но «вселил сомнения в его способности быть президентом»<sup>39</sup>

Можно предположить, что именно такими сомнениями, существовавшими в определенных кругах республиканской партии, и было вызвано прозвучавшее для многих неожиданно заявление Форда газете «Нью-Йорк таймс» в марте 1980 г. «Куда бы я ни поехал, — сказал Форд, — повсюду мне говорят, что губернатор Рейган не сможет победить». Да и он сам, продолжил эту мысль Форд, считает, что «очень консервативный республиканец не может победить на общенациональных выборах». Означает ли это, что Рейган не сможет одержать верх в борьбе за Белый дом, попросили журналисты уточнения. «Да, означает», — без колебаний ответил Форд, добавив, что если в партии сформируется широкая база поддержки его собственной кандидатуры, то он будет готов отреагировать на это должным образом<sup>40</sup> Но эта вспышка политической активности Форда быстро и столь же неожиданно заглохла. Уже 15 марта он вновь отказался баллотироваться на пост президента США, а в мае поддержал кандидатуру Рейгана.

Приближалась дата созыва съезда республиканской партии, но у Рейгана не было еще четкой позиции в отношении того, кто будет предложен съезду в качестве кандидата партии на пост вице-президента США. «Рейгановская команда» при активном участии самого Рейгана и Нэнси Рейган перетасовывала многочисленные варианты, в которых фигурировали по меньшей мере два десятка фамилий, в том числе и практически все рейгановские соперники в борьбе за президентский пост. Решительность, с которой отвергались варианты, возрастала с приближением даты съезда, и в преддверии к сбору делегатов в Детройте в некогда длинном списке остались лишь две фамилии — Форда и Буша. Надо сказать, что Рейган уже имел возможность еще в мае провести зондаж возможной реакции Форда на предложение ему поста вице-президента. Информация об этом предложении проникла на страницы

газет, и в течение нескольких дней возможность такого «идеального сочетания» активно муссировалась политическими обозревателями. Но затем последовал отказ Форда, и разговоры на эту тему прекратились. Реальной оставалась лишь кандидатура Буша, не вызывавшая особого энтузиазма у самого Рейгана и у Нэнси Рейган по ряду причин, в числе которых немаловажную роль играли критические замечания Буша в адрес Рейгана, его политической программы и социально-экономических проектов, высказанные в ходе предвыборной борьбы. Но за Буша выступали многие члены «рейгановской команды» и, самое главное, целый ряд видных деятелей республиканской партии, увидевших в таком сочетании возможность укрепления единства партийных рядов. В день открытия работы съезда республиканской партии, 14 июля 1980 г., выбор Рейгана остановился на кандидатуре Джорджа Буша.

\* \*

Предугадать исход съезда республиканской партии не представляло особой сложности: на протяжении по крайней мере 16 месяцев, предшествовавших съезду, Рейган никому не уступал лидерства в президентском марафоне, и не было никаких оснований считать, что он уступит его на этом решающем этапе борьбы за Белый дом. Что же касается хода работы самого съезда, то контроль за развитием событий в зале со стороны «рейгановской команды» был настолько полным и исключаящим любые неожиданности, что небольшая группа делегатов, представлявшая умеренное крыло партии, даже не пыталась создать хотя бы видимости оппозиции популярному кандидату. Атмосфера в зале съезда, разукрашенного транспарантами с рейгановским лозунгом «Вместе к новому началу», напоминала огромный стадион в день боя быков с его живописными красками, бравурной музыкой, дикими танцами в проходах между рядами и даже криками «Вива! Оле!», но фактически с одним-единственным тореадором, которому не с кем было состязаться в ловкости и силе. В Детройте находилась большая группа политических обозревателей ведущих органов печати США и многих зарубежных стран, предпринявших в преддверии съезда попытку выяснить у делегатов их отношение к личности наиболее вероятного победителя и предлагаемой им программе действий на будущее. Результаты бесед с делегатами ошеломили одного из наиболее уважаемых политических обозревателей, Дж. Рестона: «Когда они говорят серьезно о Рейгане и им задается вопрос о том, что именно, с их точки зрения, имеет



в виду Рейган, говоря о «новом начале», они выглядят растерянными и, по всей видимости, не имеют ни малейшего представления ни о том, в каком направлении движется Рейган, ни о том, кто движется вместе с ним... Они признают, что он мастер читать слова своей роли, но не знают, кто будет ему их писать»<sup>41</sup>.

Не внесла ясности и 45-минутная речь Рейгана по поводу утверждения его в качестве официального кандидата республиканской партии на пост президента США (из 1994 делегатов съезда в первом же туре голосования за него отдали голоса 1939 делегатов): она представляла собой резюме всего того, что говорилось Рейганом прежде, но в еще более расплывчатом плане. Рейган обещал приостановить дальнейший рост государственного аппарата, сократить налоги, увеличить расходы на военные нужды и принять меры с целью стимулирования экономического развития страны: «В результате экономической политики демократической партии миллионы американцев лишены работы... Пора Америке вновь дать работу... Тем, кто не обладает специальностью, мы постараемся помочь обрести специальность. Для тех, кто не имеет возможности найти работу, мы создадим новые возможности, в том числе и в тех городах, где они проживают»<sup>42</sup>. «Мы располагаем всем необходимым,— заявил он, повторив слова Томаса Пэйна,— чтобы начать мир заново», а в заключение своего выступления, придав своему голосу приличествующее торжественному моменту тремоло, призвал присутствующих присоединиться к его молчаливой молитве и завершил словами: «Господи, благослови Америку!» Сценарий съезда, тщательно разработанный его помощниками, предусматривал даже последовавшую за этими словами 20-минутную овацию.

Но то, что произошло в последующие два дня, не предусматривалось никакими сценариями. Под влиянием энергичной речи, произнесенной Фордом после одобрения делегатами съезда кандидатуры Рейгана, новоиспеченный кандидат партии в президенты в ходе приватной встречи с Фордом, состоявшейся на следующий день, вновь поднял вопрос о вице-президентском poste. Форд опять отказался от предложения, но в его отказе никому не удалось услышать решительных ноток. Сомнения в разумности выдвижения Форда на этот пост стали появляться у членов «рейгановской команды» и у самого Рейгана лишь к концу второго дня работы съезда, когда эта возможность стала обретать реальные черты. Кому-то из помощников Рейгана пришла в голову мысль, что на фоне более опытного в международных делах Форда отсутствие у Рейгана опыта деятельности в области внешней политики будет всем бросаться в глаза. «На следующий день после

окончания работы съезда Форд превратился бы в «господина президента», а Рейган — в «господина Рейгана», счел нужным заметить другой помощник. Да и в кулуарах съезда мгновенно получила хождение злая шутка о том, что Форд будет президентом США до девяти утра и после пяти вечера в будние дни (т. е. за исключением обычных рабочих часов Рейгана), а также в выходные дни. Особенно насторожили Рейгана и его «команду» высказывания Форда в ходе телевизионного интервью, в котором были затронуты вопросы его возможной деятельности на посту вице-президента США. Форд решительно заявил, что он не намерен ехать в Вашингтон в качестве «номинального вице-президента». В случае принятия им предложения, заявил Форд, он поедет в Вашингтон, если будет уверен, что ему предстоит играть заметную роль в решении жизненно важных вопросов на протяжении всех четырех лет пребывания на этом посту. Смотревший это телевизионное интервью Рейган был явно обеспокоен: делить с кем бы то ни было так трудно и так поздно доставшуюся ему высшую власть он не намеревался. Не теряя времени, Рейган созвонился с Фордом и сказал ему, что нуждается еще в некотором времени, чтобы принять окончательное решение по этому вопросу. Намек был достаточно прозрачным, чтобы Форд понял, что от него ожидается; через полтора часа он нанес визит Рейгану и заявил, что окончательно отказывается от предложения баллотироваться в вице-президенты. Через пять минут после ухода Форда Рейган созвонился с Бушем, а еще через полтора часа делегаты съезда утвердили кандидатом партии на пост вице-президента США бывшего конгрессмена, бывшего директора ЦРУ, бывшего представителя США в ООН и бывшего руководителя миссии связи США в КНР Джорджа Буша.

События, связанные с кандидатурой вице-президента США, были практически единственным отклонением от программы действий, тщательно разработанной и продуманной до мельчайших деталей давними рейгановскими помощниками. Правда, состав «рейгановской команды» претерпел за предшествующие месяцы довольно серьезные изменения за счет ухода или, вернее, увольнения из нее нескольких самых активных ее членов и включения в ее состав новых лиц, которым еще предстояло сыграть важную роль в политической биографии Рейгана. Оставшимся в составе «команды» помощникам со стажем были, как правило, поручены новые обязанности и новые участки деятельности, в результате чего оказалось, что единственным членом «рейгановской команды», сохранившим свою главенствующую роль и свое влияние на Рейгана, была Нэнси Рейган. Объяснить это было совсем не трудно:

в отличие от всех других членов «команды» только она одна руководствовалась в определении своей позиции и отношения ко всему происходящему интересами своего мужа. К действиям всех других неизбежно примешивались их личные, далеко не бескорыстные интересы и амбиции. Активная участница всех решений и акций «рейгановской команды», она гораздо лучше своего мужа знала обстановку, сложившуюся в группе ближайших помощников Рейгана, и действовала со всей решительностью, наводя в ней порядок. Она была инициатором увольнения Дж. Сиэрса и нескольких других многолетних соратников мужа и привлечения в «команду» Уильяма Кейси в качестве руководителя аппарата помощников Рейгана вместо Сиэрса и возвращения М. Дивера, некогда вынужденного под давлением Сиэрса покинуть круг ближайших рейгановских помощников. Укрепив, как она считала, состав «команды», Нэнси Рейган взяла под свой неослабный контроль весь ход предвыборной кампании своего мужа. Конечно, как и в любой другой кампании такого масштаба, даже такой плотный контроль не исключал полностью просчетов и неудачных выступлений кандидата.

Серьезная неувязка произошла в результате визита Буша в КНР, который должен был послужить свидетельством готовности Рейгана в случае избрания его президентом следовать курсу Никсона на развитие взаимоотношений между США и КНР. Буш был еще в Пекине, заверяя руководство КНР в многообещающих перспективах будущих американо-китайских отношений, когда Рейган заявил на пресс-конференции о своем намерении открыть миссию связи (т. е. по сути дела посольство) США в Тайбее, столице Тайваня, в нарушение договоренности между США и КНР, обусловившей установление между ними дипломатических отношений в 1979 г тем, что США разорвут все отношения с Тайванем. Буш был вынужден спешно покинуть Пекин, а спустя некоторое время Рейган и Буш появились вместе перед американскими и иностранными журналистами с довольно неуклюжим разъяснением, что Рейган был неправильно понят и что у него нет намерений устанавливать официальные связи с правительством Тайваня. Рейган давал эти «разъяснения» с такой неохотой и сохраняя такую недовольную мину на лице, что у присутствовавших представителей прессы создалось четкое впечатление — он делает это под давлением не зависящих от него обстоятельств и по принуждению своего окружения.

Непродуманные действия Рейгана служили еще одним свидетельством того, что независимо от того, насколько тщательно продумывался его советниками и помощниками каждый шаг и каждое публичное выступление Рейгана, очень

многое зависело от самого кандидата, от его способности быстро ориентироваться и находить верное решение в различных сложных ситуациях или при постановке перед ним неожиданных вопросов. А такой способности Рейган чаще не проявлял, чем проявлял, дав основание одному из его помощников признать: «Единственной хорошей новостью для нас сейчас является то, что мы делали так много ошибок, что репортерам приходилось выбирать, о каких из них стоило писать, а о каких нет»<sup>43</sup>. «Ляпов», подобных искажению исторических фактов и географических названий, приписыванию штату Алабама сомнительной чести «родины ку-клукс-клана», и других высказываний, основывавшихся, как всегда, на неизвестно когда и где вычитанных им сведениях, было вполне достаточно для возрождения сомнений в способности Рейгана быть президентом Соединенных Штатов. Сложившаяся ситуация требовала неотложного принятия чрезвычайных мер. По настоянию Нэнси Рейган к организации публичных выступлений ее мужа и контролю за их содержанием был привлечен С. Спенсер, уже не раз демонстрировавший на более ранних этапах политической биографии Рейгана свою неоспоримую компетенцию и высокую квалификацию в подобных вопросах. (Любопытно, что, прежде чем согласиться с предложением вновь стать членом «рейгановской команды», Спенсер поинтересовался, хочет ли этого Нэнси Рейган.) Свою задачу Спенсер видел в убеждении Рейгана в том, что, «когда он что-то говорит, он говорит это перед всей страной. Все, что он говорит, следует осмысливать с этих позиций. И все, что он говорит, следует обдумывать в десять раз тщательнее, чем раньше. Риторика, которая поднимала всех с мест в ходе предварительных выборов, не будет работать на всеобщих выборах»<sup>44</sup>. В течение некоторого времени, необходимого для того, чтобы сбить наметившуюся в прессе критическую тенденцию, Рейган проявлял повышенную осторожность при разговорах и общении с журналистами, а его помощники делали все, чтобы исключить возникновение непредвиденных ситуаций, сокращая до минимума его пресс-конференции. Однако предвыборная борьба между Рейганом и кандидатом демократов, президентом Картером, продолжалась, и полностью отгородить Рейгана от вполне понятного проявления особого внимания и интереса к нему со стороны избирателей и представителей прессы не представлялось возможным, да и могло оказаться контрпродуктивным.

17 июля 1980 г., после выдвижения Рейгана кандидатом республиканской партии на пост президента США, ему позвонил президент Картер и, поздравив с успехом, предложил провести телевизионные дебаты между ними по широкому кругу проблем, фигурировавших в заявлениях и выступлениях претендентов от обеих партий. Картер вспоминал позднее в своих мемуарах об испытанной им радости по случаю победы Рейгана: «В то время вся группа моих политических советников считала, что он является самым слабым из всех кандидатов, которых могла выдвинуть республиканская партия. Мои эксперты по анализу предвыборной кампании внимательно изучили все, что он говорил в ходе республиканских предварительных выборов, и, поскольку его позиция была хорошо известна общественности, им казалось невероятным, что он может оказаться приемлемым кандидатом в президенты. Огромное снижение налогов на богатых, чувствительные сокращения в области социального обеспечения и программ, предназначенных для бедняков и престарелых, оказание федеральной помощи частным школам, беспрецедентное повышение расходов на оборону, отказ от ОСВ, игнорирование распространения ядерного оружия, предпочтительное отношение к Тайваню в противовес Китаю, отдельные его уклончивые заявления, касающиеся гражданских прав и прав человека, и практический отказ от кэмп-дэвидских соглашений как основы мира на Ближнем Востоке служили примерами высказанных им намерений, которые, с нашей точки зрения, должны были сделать его весьма уязвимым. Я не отдавал себе отчета в том, что и пресса, и общественность не верили в намерение Рейгана действительно выполнить обещанное, хотя мы и пытались подчеркнуть, как радикально отличается его подход от политического курса моей администрации и моих предшественников в Белом доме»<sup>45</sup>. Картер перечислял на страницах своих мемуаров неприемлемые, с его точки зрения, для американской общественности пункты внешнеполитической и социально-экономической программы Рейгана, отказываясь признать даже самому себе в том, что общественным вниманием к себе и даже известной популярностью у избирателей Рейган был обязан в первую очередь ему, Картеру, его бесконечным шараханьям в вопросах внешней политики и заигрываниям с консервативными силами в вопросах социальной и экономической политики правительства. Да и трудно было ожидать от Картера признания, которое мог себе позволить видный американский специалист в области изучения общественного мнения Д. Янкелович. «Самым большим плюсом

Рейгана является Картер», — сформулировал тот основной фактор, работавший в пользу Рейгана<sup>46</sup>.

Предлагая Рейгану провести теледебаты, Картер следовал рекомендации своих советников, убедивших его в том, что кандидат республиканцев и по возрасту, и по политическому опыту, да и с учетом его склонности к непродуманным и ошибочным заявлениям представит легкую мишень, если тем более не ограничиться единственной встречей перед телекамерами. Дж. Картер впоследствии вспоминал: «Группа моих политических советников хотела запланировать целую серию дебатов между нами двоими, с тем чтобы лишить Рейгана того естественного преимущества, которое он как профессиональный актер получил бы после первого тура дебатов. Мы были убеждены, что, если они продлятся более продолжительное время, ему и мне придется перейти к обсуждению специальных проблем, и тогда-то мое знание международных и внутренних дел даст мне преимущество над ним»<sup>47</sup>. Решению Картера выступить с инициативой о проведении дебатов в немалой степени способствовало и то, что его помощники располагали сведениями о существовавших в окружении Рейгана сомнениях в целесообразности соглашаться на проведение дебатов с Картером. Такие сомнения действительно были, и, что самое главное, в целесообразности дебатов сильно сомневалась Нэнси Рейган, видимо опасавшаяся, что ее муж может сказать нечто такое, что нанесет ущерб всей его предвыборной кампании и что с учетом всего лишь нескольких дней, остающихся до выборов, нельзя будет исправить. (Присутствовавшие при обсуждении этого вопроса члены рейгановского окружения вспоминают, что Нэнси Рейган просидела на совещании в банном халате, не произнеся ни единого слова, пока они высказывались по поводу того, стоит или не стоит соглашаться на дебаты с Картером.)

Послесъездовская предвыборная борьба только начиналась, и впереди было еще более двух месяцев интенсивных баталий и выступлений перед избирателями в различных уголках страны. Кандидаты ездили или летали по стране, посещая заводы, фабрики, учебные заведения, дома для престарелых, городские центры и пригороды, магазины и конторы, пользуясь любой предоставляющейся возможностью, чтобы сфотографироваться с представителями различных слоев населения, расовых, этнических, возрастных и профессиональных групп. Порой кандидаты, прилетая в очередной город, даже не удосуживались покинуть аэродром. Тут же, на посадочной полосе, устраивалась встреча с заранее собранными представителями местной общественности и журналистами, кандидат выступал с заученным текстом, отвечал на пару-

другую вопросов... и самолет вылетал далее по маршруту, составленному помощниками кандидата и согласованному с национальным комитетом его партии. Иногда приходилось все же проводить и более обстоятельные пресс-конференции с расчетом на их показ в вечерних телепрограммах. У тех, кто регулярно смотрел телерепортажи о встречах кандидатов с журналистами, создавалось впечатление, что пресс-конференции Рейгана пользовались у журналистов бóльшим успехом, чем пресс-конференции Картера. Именно на встречах с Рейганом залы, где проводились пресс-конференции, казалось, ломались от огромного количества присутствовавших на них журналистов. Секрет «успеха» рейгановских пресс-конференций объяснялся очень просто: по указанию членов «рейгановской команды» возвышение с телекамерой располагалось в непосредственной близости к трибуне, на которой стоял Рейган, а журналисты помещались в ограниченное пространство между телекамерой и трибуной, что создавало неизбежную толчею, но выглядело огромной массой людей при демонстрации по телевидению репортажа о пресс-конференции.

Тактическая линия поведения Рейгана, разработанная его «командой», предусматривала необходимость проявления на первой фазе послесъездовской борьбы «солидной сдержанности» перед лицом ожидавшейся активизации личных нападков на республиканского кандидата со стороны Картера, и действительно, продолжая недооценивать возможности и растущую популярность Рейгана, Картер решительно вышел на «военную тропу», твердо намереваясь добиться преимущества, прежде чем встанет вновь вопрос о теледебатах. Самым своим эффективным оружием Картер продолжал считать страх перед воинственностью Рейгана. Выступая перед участниками съезда АФТ—КПП в Калифорнии в сентябре 1980 г., президент заявил, что на ноябрьских выборах будет решаться вопрос, «быть войне или миру». Говоря о своей позиции по этому важному для всех американцев вопросу, он заверял, что мир является его «страстью и обетом». «За последние 20 лет мы сделали ряд шагов в противоположную сторону от ядерной пропасти,— говорил он.— Сейчас же впервые нам советуют предпринять шаги, которые могут привести нас к этой пропасти». Программа действий его соперника в области контроля над стратегическими вооружениями, заявлял Картер, сводится к следующему: «Первым делом выбросить в мусорную корзину существующее соглашение об ограничении стратегических ядерных вооружений (ОСВ-2). Во-вторых, поставить Советский Союз перед угрозой гонки ядерных вооружений. В-третьих, начать кампанию за так называемое ядерное превосходство»<sup>48</sup>.

Играя роль рассудительного и сдержанного (как и подобает «будущему президенту США») политического деятеля, а в действительности с большим трудом сдерживаясь, Рейган реагировал на подобные высказывания Картера тщательно сформулированными с помощью «команды» отповедями типа: «Я считаю непостижимым, чтобы кто-либо, а тем более президент Соединенных Штатов мог предположить (а такое предположение он высказывает уже не в первый раз), что кто-то в нашей стране хочет войны». Понимая, однако, что его излишне воинственный тон может нанести серьезный ущерб на выборах, оттолкнув от него часть избирателей, и в первую очередь женщин, Рейган счел своевременным несколько смягчить свои критические высказывания, в частности в адрес подписанного в Вене в июне 1979 г. Договора об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-2), заявив о своей готовности вступить в переговоры с СССР по «ОСВ-3» — договору, который, как он разъяснял, не просто снижал бы темпы гонки ядерных вооружений, а позволил бы сократить их количество.

Предупреждение Картера о том, что победа Рейгана приведет страну к расколу, тогда как он, Картер, хочет видеть страну единой, было отвергнуто произнесенным с достоинством заявлением Рейгана, суть которого сводилась к утверждению, что президент является «плохо информированным и предубежденным человеком» и что в своих выступлениях он достиг «той точки истеричности, которую трудно понять».

Резкость заявлений и нередкая необоснованность взаимных обвинений со стороны кандидатов соперничающих партий не являются чем-то новым и необычным в предвыборной борьбе, и в такого рода сшибках между Картером и Рейганом не было ничего такого, чего не видели или не слышали раньше многоопытные американские избиратели. Но для многих из них Картер, уделявший все четыре года своего пребывания в Белом доме столь большое внимание поддержанию реноме честного и органически неспособного нарушить морально-этические нормы поведения человека, представал в совершенно новом свете. Оказалось, что, когда речь заходит о чем-то важном для него, в данном случае о президентском кресле, он вполне способен на поступки и высказывания, не совсем приличествующие порядочному человеку, каким он себя объявил еще в 1976 г., когда пообещал избирателям Америки «никогда им не лгать». Нет, конечно, президент Картер не был менее честным и менее порядочным (с общечеловеческой точки зрения) политическим деятелем, чем кто-либо из его предшественников или преемников на посту президента страны, но надо признать и то, что никто из них и не обещал стране с такой страстностью никогда ее не обманывать и никто



из них не акцентировал внимание общественности в такой степени, в какой это делал Картер, на морально-этической стороне политической деятельности. А в 1980 г., движимый желанием победить во что бы то ни стало в борьбе за Белый дом (как сложилось впечатление у многих американцев и как решительно утверждали сторонники Рейгана), Картер не оставался перед явной клеветой, дав основание Рейгану заявить, что президент опускается до недостойного поведения. В октябре 1980 г. Рейган уже открыто называл Картера человеком, подверженным «припадкам детского каприза», участником заговора по введению американцев в заблуждение относительно действительного состояния экономики и военной мощи США, «величайшим обманщиком, который когда-либо занимал Белый дом»<sup>49</sup>.

В складывавшейся уже явно в пользу республиканского кандидата ситуации «рейгановская команда» приняла решение почаще выпускать своего протеже в «свободное плавание», подчас даже рискуя тем, что ему будут заданы неожиданные вопросы и что им будут даны столь же неожиданные ответы. Сопровождавшие Рейгана в поездках по стране журналисты без особых сложностей оказывались в одном с ним самолете, специально арендованном на весь период предвыборных поездок по стране, и располагали неограниченной возможностью задавать ему каверзные вопросы. Репортажи об этих беседах и интервью, публиковавшиеся по свежим следам в периодической печати, создавали непривычное впечатление о претенденте на президентский пост. Чем реальнее по мере приближения выборов становилась возможность победы Рейгана на выборах, тем чаще предпринимались попытки дать трезвую оценку его интеллектуальных и физических возможностей. Живой интерес вызывали у журналистов ссылки помощников Рейгана на книги, которые он, по их утверждениям, прочел за последние месяцы. Вот как описывал одну из бесед на эту тему корреспондент журнала «Тайм», сопроводивший ответы Рейгана ироническим комментарием:

«Тайм». Про Вас писали, что Вы прочитали книгу Нормана Подгореца (главного редактора журнала «Комментарии» и одного из идеологов американского неоконсерватизма.— Э. И.) «Существующая опасность» и назвали ее очень важной книгой. Так ли это? Вам она понравилась?

Рейган. Да, я прочитал ее (тут же идет на попятный, в глазах проступает смятение, смешанное с удивлением, как будто его в чем-то обвинили или пытаются проверить). Но я не помню, чтобы я что-нибудь говорил о ней (колеблется, но, убеждаясь в отсутствии западни, несколько расслабляется). Но я ее читал (в голосе проступает некоторая уверенность)

и считаю, что она полна глубокого смысла (уверенность полностью восстановилась)»<sup>50</sup>

Корреспондент журнала «Атлантик» Дж. Конауэй спросил у Рейгана, какую книгу тот считает своей любимой. Рейган, по словам журналиста, «сделал большие глаза». «О, я не уверен, что могу ответить на этот вопрос... Библия, — наконец решился он. — Да, Библия является моей любимой книгой. Если бы я оказался выброшенным на необитаемый остров, я бы хотел иметь с собой Библию, и не только с религиозной точки зрения, но и потому, что из нее можно вычитать много нового для себя». («Это правда, что у него лошадей больше, чем книг», — признал как-то один из ближайших помощников Рейгана.) «Ранее, — вспоминал Конауэй, — в ходе того же интервью я поинтересовался у Рейгана, чего он боится. Он сказал, что боится замыслов русских, но я настаивал на чем-то более личном. Наконец, он сказал: «Знаете, я страдаю страхом перед замкнутым пространством — клаустрофобией»<sup>51</sup>. В обстановке наибольшего благоприятствования, сознательно созданной «рейгановской командой» в преддверии ноябрьских выборов для представителей прессы, практически невозможно было обезопасить Рейгана от появления в печати нежелательных для него сведений или комментариев, хотя эта задача считалась одной из главных для рейгановского окружения. Даже Нэнси Рейган, никогда особенно не жаловавшая журналистов, взяла за обыкновение во время перелетов по стране выходить время от времени в секцию самолета, отведенную для прессы, болтая с ними по пустякам и одаривая их шоколадными конфетами. Временами по проходу между креслами из секции, где располагались супруги Рейган, в журналистскую секцию катились один за другим апельсины. Обычно их «запускала» Нэнси Рейган, но нередко к ней присоединялся и Рональд Рейган.

Рейган не мог не знать о том, что многие американцы испытывали серьезные сомнения в отношении его интеллектуальных способностей, но даже признание в отсутствии у него этих способностей высказывалось им в довольно своеобразной форме, вызывавшей не столько разочарование или недовольство, сколько сочувствие и симпатию: «Я недостаточно умен, чтобы лгать вам». В преддверии выборов 1980 г. политический обозреватель журнала «Нью рипаблик» Р. Страут, очень опытный и иронично мыслящий журналист, писал: «Страна ищет не великого человека для Белого дома, а приличного, обычного человека, способного держать себя с достоинством»<sup>52</sup>. Выступая перед нью-йоркскими строительными рабочими, Рейган напомнил собравшимся, что шесть раз избирался президентом профсоюза, и добавил с таким видом, будто эта мысль его только что озарила: «Боже мой, по-моему, я пер-

вый из баллотирующихся в президенты, кто может так сказать». Учитывая, что он выступает перед особой категорией избирателей, не раз в прошлом демонстрировавших свое неприятие «гнилой интеллигенции», Рейган счел возможным и даже нужным побравировать тем, что он принадлежит к «булавочноголовым» (pin-heads) в отличие от «яйцеголовых» или умников (egg-heads). Такой кандидат был ближе по духу той, составлявшей политическую базу республиканцев рыхлой коалиции, которая, по определению канадского журнала «Маклинс», включала «оружейных лоббистов, участников движения «за право на жизнь», представителей большого бизнеса, отставных военных и новых пуритан морального большинства»<sup>53</sup>.

Но нет никаких оснований считать Рейгана ярко выраженным антиинтеллектуалом. К тому же следует признать, что вряд ли он достиг бы тех политических вершин, если бы действительно был таковым. В принципе в природе существуют три категории людей, не обладающих особыми интеллектуальными способностями и не получивших сколько-нибудь основательного образования. К первой, в количественном отношении не очень распространенной категории относятся те, кто, не обладая этими достоинствами, склонны боготворить умных и образованных людей, готовы следовать за ними, внимать их советам и всячески признавать их превосходство над собой. Ко второй, количественно более распространенной категории относятся те, кто ненавидит превосходящих их по уровню развития и образования людей и радуется по поводу любой выпадающей на их долю неприятности и даже сами готовы при случае способствовать их неудачам. И наконец, третья, наиболее распространенная категория — это те, кто не только не чурается «дозированного» общения с талантливыми и высокообразованными людьми, но даже прибегает по мере необходимости к их услугам и советам во имя достижения личных интересов. Рейган, несомненно, относился к третьей категории. При этом, будучи по натуре прагматиком, не приемлющим и порой неспособным к восприятию высокой материи политических теорий, он (как правило, с «подачи» и по настоянию Нэнси Рейган) проявлял завидную способность импонировать интеллектуально превосходившим его людям, что помогало ему привлекать их к сотрудничеству с собой на тот отрезок времени, в течение которого он нуждался в них. Более того, подобно крошке Цахесу по прозвищу Циннобер из одноименной гофмановской сказки, он с первых же своих шагов в политике проявил удивительную способность распространять вокруг себя ауру, обладавшую магическим свойством: любой достойный поступок, любое достижение, кем бы

из его окружения они ни были совершены, приписывались в глазах общественности ему лично, тогда как любой достойный порицания или противозаконный поступок казался всем совершенным кем-то другим или же без его, Рейгана, ведома. К этому уникальному качеству рейгановской личности логика изложения будет подводить нас еще не раз, а сейчас возвратимся к событиям, непосредственно предшествовавшим президентским выборам 1980 г.

\* \* \*

Первые телевизионные дебаты между основными претендентами на президентский пост состоялись в 1960 г., когда политическая судьба свела на телеэкране Р. Никсона и Дж. Кеннеди. С тех пор каждые четыре года кандидаты республиканской и демократической партий отстаивали на глазах у миллионов телезрителей свои предвыборные платформы и программы, обменивались колкостями и взаимными обвинениями с одной-единственной целью — убедить избирателей отдать свои голоса наиболее достойному из них, которым, естественно, каждый из них считал именно себя. Теледебаты 1980 г. отличались от всех предшествовавших тем, что они проводились не между двумя, а между тремя претендентами на пост президента США: к ноябрю 1980 г. помимо Рейгана и Картера на этот пост активно претендовал «независимый» кандидат Дж. Андерсон. После того как Картер отказался принимать участие в трехсторонних теледебатах, Рейгану пришлось дебатировать с Андерсоном один на один. Особого значения для исхода президентских выборов эти теледебаты не имели и поэтому прошли при минимальном проявлении интереса к ним со стороны избирателей и прессы. Предстояло главное событие предвыборной кампании 1980 г. — теледебаты между Картером и Рейганом, хотя правомерно вставал вопрос, есть ли в них смысл, если ими завершается продолжавшаяся по крайней мере полтора года борьба, в ходе которой оба основных претендента имели неограниченную возможность высказаться по самому широкому кругу вопросов и информировать избирателей о своем отношении друг к другу. И тем не менее накал предвыборной борьбы достиг апогея именно накануне начала теледебатов. Уже на протяжении нескольких месяцев в прессе энергично муссировался вопрос о возможности так называемого «октябрьского сюрприза» в пользу президента Картера — освобождения иранскими властями 52 сотрудников посольства США в Тегеране, более года томившихся в заключении в качестве заложников. «Рейгановской командой» была организована тщательная слежка за действиями

президента Картера и членов его администрации, с тем чтобы исключить какую-нибудь неожиданность. Члены рейгановского окружения не раз высказывали в приватном порядке опасения, что Картеру удастся в последний момент, буквально за несколько дней, а то и накануне выборов, добиться успеха в организации освобождения американских заложников и тем самым серьезно повлиять на исход выборов. Чем ближе было к выборам, тем активнее Рейган и его советники выступали против каких-либо попыток администрации Картера найти возможность договориться с правительством Ирана, вспоминает, в частности, в своих мемуарах бывший помощник президента Картера З. Бжезинский. «Злосчастная судьба томящихся в неволе соотечественников» блекла в сравнении с предвыборными интересами претендентов на президентский пост. (Опасения Рейгана и его «команды» оказались безосновательными: руководство Ирана освободило заложников в ту самую минуту, когда Картер перестал быть президентом США, т. е. в полдень 20 января 1981 г.)

В течение полутора часов, отведенных на телевизионные дебаты, ни тот, ни другой кандидат не смог убедить телезрителей в преимуществах своей программы действий, как и в опасности победы на выборах своего политического противника, хотя многих наблюдавших эту телебаталию людей поразило то, что Рейган позволял Картеру определять тематику вопросов и весь ход дебатов. Казалось, что он прочно занял оборонительную позицию. «Строго контролируемая манера поведения, роботоподобность, запрограммированность, жесткий взгляд, язык технократа, впечатление, что он заучил наизусть слова и сейчас зачитывает их на память,— все это дополняло телевизионный образ человека, стремящегося заслужить хотя бы уважение, если он не может рассчитывать на любовь,— так описал Картера и его поведение в ходе дебатов один из ведущих консервативных политических обозревателей США, Уильям Сэфайр, всегда отдававший предпочтение личности и взглядам Рейгана.— Губернатор Рейган, напротив, выглядел человеческим и уязвимым... Когда он непрестанно позволял Картеру выбирать темы для обсуждения, у меня возникало желание запустить в телевизор башмаком. Однако в определенный момент стал ясен тактический прием Рейгана. Со знакомой кривой усмешкой на губах, покачав укоризненно головой, он начал свой ответ словами: «Ну вот, опять Вы за свое». Прибегнув к языку телодвижений и мимики с помощью столь заурядной фразы, он представил президента несправлимым искажителем фактов и прирожденно несправедливым человеком... Как честный, порядочный человек, защищающийся от несправедливых нападков, он завоевал

огромные симпатии избирателей, еще не решивших, за кого голосовать»<sup>54</sup>.

«Оборонявшийся» Рейган только раз перешел в наступление, но момент наступления (под занавес дебатов) и брошенный им президенту Картеру вызов были продуманы до мелочей. «Задайте себе вопрос на избирательных участках, — обратился он к телезрителям в своем заключительном комментарии, — лучше ли вы живете, чем четыре года назад? Легче ли вам купить то, что вы хотите купить? Увеличилась или сократилась безработица? В большей или в меньшей степени уважают сегодня Америку в мире?»<sup>55</sup> Тогда, в конце октября 1980 г., и произнесенная с печальной укоризной фраза «Ну вот, опять Вы за свое», и заключительное обращение к телезрителям выглядели как удачные находки, позволившие Рейгану предстать перед избирателями серьезным соперником Картера и при этом остававшимся способным на улыбку, шутку и на проявление человеческих слабостей. Лишь спустя три года стала известна причина столь возмущившей Сэфайра снисходительности Рейгана к своему сопернику в ходе дебатов — «рейгановской команде» удалось выкрасть из Белого дома документы, заготовленные помощниками Картера к дебатам. Эти документы, содержавшие все вопросы и доводы Картера, которыми он собирался оперировать в ходе дебатов, были тщательно проанализированы помощниками Рейгана, и на каждый из них был подготовлен ответ или контрдовод, заученный потом Рейганом наизусть. Были определены и те конкретные моменты, в которые Рейгану рекомендовалось прибегнуть (за отсутствием более убедительных ответов и контрдоводов) к языку «телодвижений и мимики» и использовать фразу «Ну вот, опять Вы за свое».

Факт кражи документов, позволивших Рейгану «с неизменным успехом предвидеть» картеровские вопросы и обвинения и «столь умело на них отвечать», был установлен в июне 1983 г., когда 100-страничная подборка документов Картера была передана в редакцию газеты «Вашингтон пост», где обнаружили поразительное их сходство с застенографированными в ходе дебатов вопросам и высказываниями кандидата демократов. Последующим расследованием, предпринятым под давлением общественного мнения и отдельных политических деятелей демократической партии, было установлено, что в краже документов Белого дома были в той или иной степени замешаны практически все ближайшие советники и помощники Рональда Рейгана и что кража и последующее использование документов в процессе подготовки к дебатам с Картером не могли произойти без ведома самого Рейгана. Но второго Уотергейта из этого неприглядного события, полу-

чившего в прессе по аналогии с Уотергейтом название «Рейгангейт», не получилось, несмотря на все старания демократической общественности и отдельных органов периодической печати США. Сыграл свою роль «фактор крошки Цахеса»: репутация ближайших сотрудников Рейгана была несколько подмочена (правда, на очень короткое время); на репутации же самого Рейгана это событие не оставило и пятнышка, а к концу 1984 г. о нем забыли даже те, кто пытался извлечь из него политические дивиденды. Страна без особого сопротивления последовала за рекомендацией прорейгановски настроенных политических обозревателей «научиться различать между мелкими грешками и грубыми политическими промахами» и не отвлекать правительство «от выполнения жизненно важных функций поддержания экономики, национальной обороны и отстаивания дела мира», поскольку-де «подобное отвлечение внимания может, в свою очередь, разочаровать союзников и спровоцировать агрессивные действия со стороны недружественно настроенных государств». В стране было немало тех, кто в душе, а то и открыто соглашался с Рейганом в том, что «шпионаж не считается бесчестным в политических кампаниях»<sup>56</sup>.

По убеждению политологов, проанализировавших ситуацию в стране ко дню выборов, дебаты завершили процесс утверждения Рейгана в общественном сознании в качестве приемлемого и совсем не опасного кандидата (после дебатов доля американцев, считающих, что Рейган ввергнет страну в войну, сократилась с 43 до 35 %), тогда как продолжавшиеся безуспешные попытки администрации Картера добиться освобождения задержанных в Иране американских заложников служили каждодневным напоминанием избирателям о их серьезных претензиях к деятельности президента и его правительства. Сам Картер считал свой неуспех в ходе дебатов с Рейганом одним из факторов, приведших его к поражению на выборах 4 ноября 1980 г.<sup>57</sup>

Результаты выборов 1980 г. были преподнесены в американской печати под кричащими заголовками — «Внушительная победа Рейгана», «Сокрушительное поражение Картера». То, что Картер и демократическая партия потерпели сокрушительное поражение, сомнений не вызывало. Однако не было абсолютно никаких оснований для утверждений об «убедительной победе» Рейгана и республиканцев. Из 160 с лишним миллионов американцев, имевших право голоса, за Рейгана и выдвинутую республиканской партией политическую и экономическую программу действий сочли возможным проголосовать всего лишь 43,9 млн человек. В числе 117 млн американских избирателей, отказавших Рейгану в поддержке, были

76 млн человек, попросту оставшихся дома и не явившихся на избирательные участки по той причине, что ни один из баллотировавшихся на пост президента США кандидатов не отвечал их требованиям. Сокрушительное поражение Картера нельзя было считать убедительной победой Рейгана, хотя оно и сделало его сороковым президентом США.

За Рейгана проголосовали 72 % американцев, называвших себя консерваторами, но ему отказали в поддержке больше половины американских женщин, 85 % черных избирателей Америки и такая же доля представителей испаноязычного населения страны. Рейган оказался избранным на пост президента самым меньшим процентом избирателей за предшествующие 50 с лишним лет — за него проголосовало менее 26,7 % американцев, обладавших правом голоса. В Калифорнии было еще только около 6 часов вечера, когда в Пасифик Пэлисейдс раздался междугородный телефонный звонок. С влажными после душа волосами, завернувшись в банное полотенце, Рейган выслушал поздравления с победой от 39-го президента США Картера.

До официального вступления Рональда Рейгана на пост президента оставалось около двух с половиной месяцев. В один из дней этого «переходного периода» состоялась встреча Картера с Рейганом, в ходе которой, как намечалось, будущий президент должен был получить подробную и исчерпывающую информацию о состоянии дел в области внешнеполитической деятельности от уходящей в отставку демократической администрации. Об этой встрече (с явным подтекстом: «Смотрите, на кого вы меня променяли!») рассказывает в своих мемуарах Картер, потрясенный полным отсутствием у Рейгана интереса к тому, что ему рассказывалось об ожидавших его сложных государственных проблемах. «Обсуждайте все внешнеполитические и военные вопросы с моим советником Ричардом Алленом впредь до назначения мной государственного секретаря, министра обороны и других членов кабинета», — порекомендовал Рейган явно не ожидавшему такого безразличия Картеру. И только, когда речь зашла о Южной Корее, Рейган, по словам Картера, оживился и явно заинтересованно прокомментировал решительность, с которой южнокорейский диктатор Пак Чжон Хи подавил студенческие волнения, закрыл университеты, а «бунтовщиков» забрил в армию. (Видимо, Рейган вспомнил о тех днях его губернаторства, когда ему не удалось справиться со студентами Калифорнийского университета в Беркли.) «Он пробыл со мной около часа, — с плохо скрываемой иронией пишет Картер, — и в целом это была приятная встреча, но я не был убежден, что мы поняли друг друга»<sup>58</sup>.



3. Бжезинский вспоминает в мемуарах «Власть и принцип», как однажды, уже после победы Рейгана на выборах 1980 г., дослуживавший остаток своего президентского срока Дж. Картер высказал озабоченность по поводу того, что будущий президент США не проявил особого желания встретиться с представителями уходящей администрации и получить от них хотя бы общее представление об ожидающих его внутренних и международных проблемах. «Как же Рейган собирается править страной?— высказывал вслух свои сомнения Картер.— Неужели с помощью правительства, составленного из старых миллионеров, которые образовали его неофициальный «кухонный кабинет»?» «Президент откинулся в своем кресле за столом в Овальном кабинете, заложил руки за голову и задумчиво произнес: «Неужели Рейган намеревается править страной подобно тому, как управляют компанией «Дженерал моторс»?» «Нет, господин президент. Они собираются править ею подобно тому, как управляли компанией «Крайслер»»,— вспоминает Бжезинский о своем саркастическом намеке на ожидающее-де правительство Рейгана банкротство<sup>59</sup>.

В 7 часов утра 20 января 1981 г., за пять часов до того, как Рейгану предстояло официально вступить на пост президента США, Картер позвонил ему по телефону, желая сообщить радостную весть: власти Ирана согласились освободить задержанных сотрудников посольства США. В ответ Картеру сказали, что Рейган еще спит и предпочитает, чтобы его не беспокоили. Будущего президента ждал тяжелый день — принесение торжественной присяги, а потом бесконечные балы и приемы, и ему было просто необходимо как следует выспаться, чтобы выглядеть таким, каким его привыкли видеть соотечественники,— энергичным, молодежавым, подтянутым, готовым к любым испытаниям.

Несколько дней, посвященные инаугурации президента США, включая и сам день 20 января, — особые дни для Америки, но прежде всего для вашингтонцев. Американская столица превращается в «сборный пункт» политической и деловой элиты американского общества. Оказаться приглашенным на торжества по поводу вступления на пост президента — высокая честь, и политическая история США знает немало курьезных случаев, связанных с тем, что кому-то забыли направить приглашение или выделили слишком далекое от центральной трибуны место.

20 января 1981 г. заметно отличалось от других инаугурационных дней, сохранившихся в памяти вашингтонцев и ставших с лишним тысяч гостей, заполонивших столицу в связи с торжествами. Как писала в те дни американская пресса, «начиная с открывавшего праздничные дни фейерверка и кончая последним танцем, это было самым грандиозным и самым дорогостоящим за всю историю страны мероприятием в честь вступления президента на пост»<sup>1</sup>. В течение всей предшествующей этому празднеству недели по вашингтонскому телевизионному каналу демонстрировали 30-, а то и 40-летней давности фильмы с участием нового президента. Национальный аэропорт им. Даллеса едва справлялся с сотнями персональных и принадлежащих частным корпорациям реактивных лайнеров, доставлявших в столицу цвет руководства крупнейших промышленных объединений и банков страны. Улицы были забиты роскошными, арендованными за 500 долл. в день лимузинами с номерами соседних с Округом Колумбия штатов — автомобильного парка столичных арендных компаний не хватало на всех желавших засвидетельствовать свое уважение к приходящей к власти администрации, а если представится возможным, и добиться престижного назначения в правительстве. Театральные и ресторанные гардеробы, казалось, решили обслуживать лишь владелиц норковых манто. Если в гостиницах столицы и оставались свободные места, то лишь самые дешевые.

Но ничто не могло сравниться с торжеством калифорнийцев, с невиданным доселе даже в столице размахом отмечавших приход к власти «их президента». На средства, выделенные толстосумами Калифорнии, снимались концертные залы, рестораны, клубы и даже художественные галереи. оплачивались симфонические, духовые, джазовые и танце-

вальные оркестры, хоры, организовывались бесконечные балы, обеды, ужины и коктейли. В одном лишь Вашингтоне было организовано девять балов, включая основной инаугурационный бал, билет на который обходился «приглашенным» от 500 до 10 тыс. долл. Из 11 млн долл., в которые обошлись эти торжества (вдвое дороже, чем аналогичные торжества 1977 г.), 8 млн долл. были выделены на организационные расходы непосредственно президентскому инаугурационному комитету. Было немало вкладов и «натурой». Компания «Алмаден Вайнярдс» предоставила в распоряжение организаторов торжеств 14 400 бутылок шампанского. Общество американских цветоводов поставило роз на 13 тыс. долл., а компания «Джелли Белли» прислала в столицу 3,5 т железного драже — любимого лакомства нового президента. «Если бы фильмы с Вашим участием привлекали бы такое огромное количество людей, Вам не было бы никакого резона идти в политику», — прозвучало в адресованной Рейгану репризе одного из известных американских комиков.

В числе особо почетных гостей были многие из 865 «республиканских орлов» — членов элитарного республиканского клуба, каждый из которых внес в казну национального комитета партии личный взнос в размере 10 тыс. долл. Репортер газеты «Вашингтон пост» Д. Рэдклиф так отозвалась об этой четырехдневной «вакханалии имущих» (это определение принадлежало другой американской журналистке — Элизабет Бюмийер): «Республиканская аристократия овладела в конце этой недели Вашингтоном, продемонстрировав, что вновь принято носить бриллианты, красоваться в сделанных по специальному заказу туалетах и, вообще, купаться в роскоши... На дамах были длинные норковые и соболиные манто, накинутые поверх туалетов от Сен-Лорана, Оскара де ла Рента, Халстона и Билли Бласса<sup>2</sup>. «Первая леди» Америки Нэнси Рейган блистала в 25-тысячедолларовом платье ее любимого красного цвета, на которое было наброшено норковое манто, сменившее старое из черной норки (его предприимчивый модельер решил пустить на меховую подкладку к плащу президентской супруги). «То была голливудская премьера в особом варианте для Восточного побережья; размах ее не могли умерить ни высокий уровень инфляции, ни высокий уровень безработицы», — писал в те дни лидер американского движения потребителей Р. Нэyder<sup>3</sup>. Критика безудержного разгула роскоши не ограничивалась представителями либеральных кругов страны. Даже сенатор Б. Голдуотер назвал экстравагантность пришедшей к власти республиканской администрации «показухой», назвав неуместной публичную демонстрацию богатства «в то время, когда большинство народа не может себе этого позволить». Пури-

танским воззрениям консерватора старой закваски дал отповедь представитель молодого поколения консерваторов, один из руководителей инаугурационного комитета, Роберт Грей: «Из того, что мы являемся консерваторами, вовсе не следует, что мы должны ходить в рогоже и отрепьях в то время, как нам хочется праздновать»<sup>4</sup>. Даже сам Рейган не смог скрыть изумления при виде роскоши приготовлений к торжественной церемонии принесения присяги, когда его, только что прилетевшего в Вашингтон на специальном президентском самолете, провезли мимо трибун, установленных впервые за всю историю США со стороны Капитолия, выходящей на памятник Дж. Вашингтону.

Все обратили внимание на то, как диссонировали со всей этой роскошью слова инаугурационного выступления Рейгана, адресованные «группе особых интересов, которую так долго игнорировали», — народу Соединенных Штатов. Эта группа, заявил новый президент, «не знает местнических разграничений или этнических и расовых разногласий, и в ней нет политических партийных водоразделов. Она состоит из мужчин и женщин, возвращающих то, чем мы питаемся, патрулирующих наши улицы, работающих на наших шахтах и фабриках, обучающих наших детей, содержащих в порядке наши дома и лечащих нас, когда мы боеем, — специалистов-профессионалов, предпринимателей, лавочников, клерков, таксистов и водителей грузовых автомашин. Короче говоря, они — это «мы — народ»\*, порода людей, именующих себя американцами». Неоднократно прерывавшаяся аплодисментами почти 20-минутная инаугурационная речь Рейгана содержала все отправные положения его политических заявлений последних пятнадцати лет.

Поблагодарив Картера за содействие в обеспечении перехода власти к республиканской администрации, Рейган перешел к критике, обвинив предшественника в том, что именно в результате проводимого им курса перед страной встали серьезные экономические проблемы. К решению этих проблем Рейган пообещал приступить немедленно. Одновременно он подчеркнул, что жертвы, необходимые для того, чтобы поправить экономическое положение страны, ожидаются от всех без исключения членов американского общества, хотя и пообещал при этом, что не будет игнорировать чаяния бедствующих слоев американского населения. Бурные аплодисменты присутствующих вызвало произнесенное суровым голосом предупреждение «врагам свободы, тем, кто являются потенциальными противниками», что самым огромным желанием американско-

\* Словами «Мы — народ» открывается Конституция США.

го народа является мир, но что «мы ни сейчас, ни когда-либо в будущем не сдадим наших позиций только ради того, чтобы сохранить мир... Наше нежелание идти на конфликт не должно быть ошибочно принято за слабоволие. Когда возникнет необходимость в действиях для защиты нашей национальной безопасности, мы будем действовать»<sup>5</sup>. Каждый из слушавших эту речь нового президента услышал в ней именно то, что хотел услышать. Оптимизм и уверенность, с которой она была произнесена, произвели большое впечатление на американцев. Даже выдавшие виды политические обозреватели, воздававшие должное актерскому мастерству нового президента, не могли не признать, что именно по этим отсутствовавшим в прежних лидерах страны качествам — оптимистическому взгляду в будущее и уверенности в достижимости стоящих перед обществом задач — американцы тосковали больше всего. «В отличие от президента Джимми Картера, таким замогильным голосом вещавшего о кончине «американской мечты», господин Рейган дал надежду на светлое будущее,— писал редактор журнала «Харперс» Л. Лэфем.— Конечно, г-н Рейган не дал четкой формулировки связной системы социальной или экономической мысли... Он обошелся лозунгами и приятными на слух импровизациями, обаяние его личности нашло воплощение в его актерском голосе, спокойно увещевавшем аудиторию в том, что все опять будет хорошо и что никто не погибнет в давке во время бегства из горящего театра». Картер же, противопоставил Лэфем бывшего президента новому, «излагал свою политику в форме медицинского заключения, а не колыбельной, и избиратели отвернулись от него, как от призрака смерти»<sup>6</sup>. После произнесения инаугурационной речи Рейган проследовал в здание Капитолия, где подписал свой первый исполнительный указ о замораживании численности персонала федеральных учреждений. «Это наш первый шаг в направлении установления контроля за ростом федерального правительства»,— объявил он.

А тем временем из Белого дома вывозились последние предметы обстановки, оставшейся от прежнего хозяина, и расставлялась новая мебель в точном соответствии с указаниями супруги нового президента. Не обошлось и без символики: в рабочем кабинете президента вместо висевших при Картере портретов Джефферсона и Трумэна появились портреты Эйзенхауэра и Кулиджа. По словам Рейгана, Эйзенхауэр заслужил эту честь тем, что Рейгану удалось когда-то выиграть у него в гольф 10 долл. Уважение, оказанное Кулиджу, объяснялось более принципиальными соображениями: именно этому президенту удалось, как заявил Рейган, сократить государственный долг США. (Как показало дальнейшее

развитие событий, символические жесты оказываются совершенно бездействующими в области конкретной экономики. Но об этом ниже.)

Так начался отсчет годам пребывания в Белом доме 40-го президента Соединенных Штатов Рональда Уилсона Рейгана.

\* \* \*

Принято считать, что процесс ломки уже успешных сложившихся взглядов и формирование новых происходит легче всего в детстве, когда личность еще только складывается, и что с годами этот процесс становится все более болезненным, а с достижением человеком зрелого возраста и вовсе тяжелым. И тем не менее не столь уж редки случаи, когда даже люди, перешагнувшие за пятидесятилетний возрастной рубеж, без сколько-нибудь серьезных последствий для собственной психики, самоуважения и уважения окружающих меняют коренным образом собственное суждение о чем-либо или ком-либо, принимают то, что какое-то время назад вызывало их категорическое неприятие, и видят в более жизнерадостных тонах то, что представлялось им совсем недавно в черном свете. Такие метаморфозы свойственны в принципе всем людям, но привлекают особый интерес, когда речь идет о личностях, находящихся в центре общественного внимания или в силу занимаемого ими положения способных оказывать заметное влияние на жизнь и взгляды других членов общества, т. е. прежде всего, когда речь идет о политических лидерах. Анализ причин, по которым люди решаются пересматривать сложившиеся взгляды и суждения (именуемые по достижении человеком зрелого возраста его принципами), позволяет заключить, что это может происходить под влиянием глубокого осмысления объективной действительности, а может диктоваться и сугубо корыстным стремлением подстроиться к требованиям момента, к изменившейся обстановке. Для американской политической философии одинаково приемлемы и объективные и субъективные причины метаморфозы взглядов и позиций. Видный политический деятель американского прошлого Джон Кэлхун высказал свое отношение к этому вопросу в речи, произнесенной в марте 1848 г.: «Истинная последовательность, проявляемая благоразумными и мудрыми людьми, заключается в том, чтобы действовать в полном соответствии с обстоятельствами, а вовсе не в том, чтобы всегда делать одно и то же в меняющихся условиях». Такого же прагматического взгляда придерживался философ и поэт Ральф Уолдо Эмерсон, писавший в одном из своих эссе: «Безрассудная последовательность является пугалом ограни-

ченных умов, обожаемым мелкими государственными деятелями, философами и богословами. Крупной личности последовательность попросту не нужна... Высказывайте то, что вы думаете сегодня, словами, сравнимыми по жесткости с пушечными ядрами, а завтра говорите столь же жесткими словами то, что диктует завтрашний день, хотя, быть может, это и противоречит тому, что вы сказали сегодня»<sup>7</sup>

Отсутствие последовательности (в зависимости от того, ради каких целей и во имя чьих интересов от нее отказываются) может считаться как проявлением реализма и гибкости мышления, так и свидетельством беспринципности и даже отсутствия морали. Верно, впрочем, и то, что отсутствие готовности признавать происходящие вокруг изменения и корректировать соответственно свои взгляды и суждения (опять-таки в зависимости от преследуемых при этом целей) может называться достойным уважения словом «принципиальность» или же характеризоваться как глупое и беспочвенное упрямство и политическая слепота. В политике — самой непредсказуемой области человеческой деятельности — принципиальность и беспринципность, последовательность и непоследовательность представляют собой всего лишь своеобразные фаски тончайшего лезвия, по ребру которого еще никому из политических деятелей не удавалось пройти, не соскальзывая либо в одну, либо в другую сторону.

Еще много книг и исследований будет написано о Рональде Рейгане и его времени, и еще не раз будут предприниматься попытки подвергнуть анализу все то, что им было сказано и сделано. Будут изучаться субъективные и объективные причины того, под влиянием каких факторов человек, категорически отвергавший возможность переговоров с СССР в 60-годах, поскольку-де «нельзя идти на компромиссы с людьми, отрицающими существование души, потустороннего мира и Бога», счел возможным заявить в начале 1984 г.: «Тот факт, что никому из нас не нравится другая система, не может служить основанием для отказа от переговоров»<sup>8</sup>. Будут еще выноситься и полярно противоположные суждения о том, что превалировало в действиях и высказываниях Рейгана — принципиальность или беспринципность, похвальный реализм или достойный осуждения своекорыстный интерес. Попытка, предпринимаемая автором этой книги, всего лишь одна из многих.

На протяжении всей своей допрезидентской политической карьеры и в годы пребывания в Белом доме Рейган отличался скорее последовательностью, чем шараханьями, в своих взглядах на окружающую его действительность и встававшие перед ним проблемы, и в этом плане он заметно отличался от своего непосредственного предшественника президента Картера. Идя

порой в сугубо прагматических интересах на какие-то уступки, переформулируя свои оценки того или иного события, той или иной политической или идейной установки, он с завидным упорством отстаивал свои суждения по представлявшимся ему принципиальными положениям, неоднократно подчеркивая, как он это сделал, в частности, в ходе предвыборной кампании 1980 г., что он является «тем, кем был всегда, и намерен им и остаться»<sup>9</sup> Можно сказать, что верность провозглашенным им принципам была для Рейгана также делом принципа, причем эту свою последовательность он считал самым большим из своих достоинств и основным из тех, которые (как он был склонен верить) привлекли в первую очередь к нему внимание политических и деловых кругов Америки. Подобное убеждение укрепляли в нем и сами члены «кухонного кабинета». Так, Х. Таттл, вспоминая о годах, положивших начало «сотрудничеству» калифорнийских миллионеров с Рейганом, говорил: «Тогда нас называли экстремистами. Но мы просто считали, что наша страна уходит от основных принципов, провозглашенных нашим правительством. То, что губернатор Рейган говорил 20 лет назад, он продолжает говорить и сегодня. Наша политическая философия совпадает с его политической философией»<sup>10</sup>. Л. Кэннон рассказывал, что во время подготовки текста инаугурационного выступления Рейгану позвонил его друг и конфидант сенатор Лэксолт, рассказавший о муссируемых в столице слухах о том, что Рейган намеревается забыть о данных им в ходе предвыборной борьбы обещаниях, как только въедет в Белый дом. Вызвав к себе К. Хачигяна, одного из помощников, трудившихся над текстом инаугурационной речи, Рейган приказал: «Проследите за тем, чтобы в тексте был абзац, из которого ясно следовало бы, что я не собираюсь отступаться от предвыборных обещаний и что я не поступлюсь своими принципами»<sup>11</sup>.

Еще в ходе предвыборной кампании 1980 г. перед кандидатами на пост президента США от обеих ведущих политических партий встал вопрос об отношении к объявленному Картером эмбарго на продажу зерна СССР в качестве санкции в ответ на принятое советским руководством решение направить в Афганистан свои войска. Рейган в отличие от большинства других республиканских кандидатов поддержал на первых порах это решение картеровской администрации, но вскоре изменил свою точку зрения. Причиной тому послужило крайне отрицательное отношение к этому эмбарго со стороны американских фермеров, в голосах которых Рейган очень нуждался для победы в борьбе за Белый дом. В одном из выступлений тех месяцев он заявил, что объявленное Картером эмбарго наказывает американских фермеров, не нанося никакого ущерба



советской экономике, и пообещал в случае своей победы отменить это эмбарго. Решение об отмене эмбарго стало первым конструктивным решением президента Рейгана, принятым исключительно в целях демонстрации его верности данным в ходе предвыборной кампании обещаниям. Этот принцип оказался для него настолько важным, что он даже поступился другим, оказавшимся для него в сложившейся ситуации менее важным, — не идти ни на какие уступки «коммунизму» — и отказался прислушаться к доводам своего государственного секретаря Хейга, наставлявшего на том, чтобы повременить с отменой эмбарго и использовать его в качестве инструмента давления на СССР в связи с событиями в Польше.

Еще одна возможность продемонстрировать свою последовательность предоставилась Рейгану в процессе формирования кабинета министров и аппарата советников и помощников. Принцип комплектования руководства органов исполнительной власти и советнического аппарата, так же как и круг лиц, из которых делался выбор, оставались в принципе теми же, что и в годы пребывания Рейгана на посту губернатора Калифорнии. За две недели до въезда в Белый дом Рейган дал интервью журналу «Тайм», в ходе которого его спросили о реакции на критику со стороны правого крыла республиканской партии по поводу того, что в предложенном Рейганом составе кабинета министров не нашли отражения интересы и надежды правых, которые-де обеспечили его успех на выборах. Действительно, хотя в новом правительстве страны ключевые посты были отданы лицам, занимающим политические позиции правее центра, Рейган в какой-то мере подвел ожидания крайне правых сил, искренне считавших, что с его победой на выборах настало «их время». Ответ Рейгана на эти претензии заслуживает того, чтобы привести его полностью. «Я не думаю, — сказал Рейган, — что они (т. е. правые круги. — Э. И.) хорошо знают назначенных мной людей, поскольку на самом деле, с моей точки зрения, у моих назначенцев присутствует «правый уклон». Одним из самых важных моих условий было требование их согласия с объявленным мной политическим курсом администрации; мы отбирали людей именно на этой основе. (Это требование предусматривало и их личную лояльность президенту. — Э. И.) Я говорил также, что мне были нужны вовсе не те люди, которые стремились получить правительственный пост, а те, которых надо было еще убеждать занять этот пост и которым в связи с этим приходилось отказываться от чего-то гораздо более значительного в их жизни и карьере. По-моему, я четко следовал этому принципу. Жертвы, принесенные некоторыми лицами, получившими назначение в кабинет министров, много значительнее простого

понижения в статусе и доходах. Они скорее равнозначны прыжку с моста». В другом, более раннем интервью тому же журналу Рейган изложил еще один принцип подбора будущих министров и глав административных ведомств страны: «Я хочу людей, которые первыми скажут мне, что их посты абсолютно не нужны»<sup>12</sup>. В следовании как тому, так и другому принципу Рейган во многом просчитался.

Вскоре после победы Рейгана на выборах и при формировании будущего правительства страны выяснилось, что лишь очень немногие из почти 70 отобранных кандидатов на замещение министерских должностей были готовы «прыгнуть с моста». (У. Ф. Смит, возглавивший специальную группу из 18 наиболее близких к Рейгану лиц, осуществлявших этот подбор, назвал кандидатов «сырьевым материалом, из которого еще предстоит получить готовый продукт».) До конца 1980 г. Рейгану пришлось выслушать отказ от занятия министерских постов в его администрации от ряда крупных дельцов. Дело было не только в их нежелании нести финансовые потери в результате перехода из частного в менее выгодный в материальном плане государственный сектор, но и в отсутствии у них желания подвергать свои финансовые дела скрупулезной проверке со стороны государственных ведомств (включая ФБР и Налоговое управление) и общественных организаций, призванных следить за соблюдением этических норм в правительстве и не допускать случаев возникновения «конфликта интересов». Журавль в руках был для них явно предпочтительнее синицы в небе. Кое-кто из оказавшихся в списке «сырьевых материалов» лиц проявил в беседах с рейгановскими представителями излишнюю самостоятельность в суждениях или даже высказал свое несогласие с какими-то элементами политической философии Рейгана. Этого было достаточно, чтобы У. Ф. Смит и члены его группы к обсуждению их кандидатур больше не возвращались.

Сам Рейган принимал лишь формальное участие в формировании своего кабинета министров, время от времени высказывая предпочтение тому или иному кандидату, предложенному его калифорнийскими «Друзьями» или же ближайшими советниками. В группу, формировавшую будущее правительство страны, вошли и многие члены калифорнийского «кухонного кабинета», на протяжении более полутора десятков лет курировавшие каждый шаг Рейгана на политическом поприще. Предпочитавшие оставаться в тени и не афишировать своих отношений с Рейганом, они продолжали пользоваться огромным влиянием на своего протеже. «Эти отношения сложились очень давно, и губернатор Рейган ценит их весьма высоко,— говорил Смит, по привычке называвший

Рейгана старым титулом вплоть до официального его вступления на президентский пост.— Это люди, чье суждение он уважает. И я полагаю, что в Белом доме будет существовать точно такой же «кухонный кабинет», какой был в Сакраменто»<sup>13</sup>. Судя по тому, с какой тщательностью и вниманием отбирали члены «кухонного кабинета» будущих министров, они действительно рассчитывали на сохранение своего решающего влияния на Рейгана и членов его администрации. А. Блумингдейл с прямотой, которой часто бравируют деловые люди Америки, информировал журналистов, что при подборе правительства страны члены «кухонного кабинета» руководствовались прежде всего намерением найти таких людей, которых они «сами бы наняли для своего собственного бизнеса»<sup>14</sup>. Как и в собственном бизнесе, члены «кухонного кабинета» намеревались оставить за собой формулирование и разработку общей, отвечающей их интересам и взглядам политической и экономической стратегии администрации, оставив в руках ее членов лишь управленческие функции. Роль, которую изначально отводил себе Рейган,— председателя правления директоров или совета управляющих — полностью укладывалась в схему политического руководства страной, разработанную «кухонным кабинетом». Его члены, как заявил Таттл, были готовы «всегда быть рядом, чтобы дать совет, ответить на возникшие вопросы и помочь избежать неприятностей»<sup>15</sup>.

Судя по готовности Рейгана следовать советам «кухонного кабинета» (при назначении министров и руководителей крупных федеральных ведомств) и рекомендациям лиц из его ближайшего окружения (при одобрении или отклонении кандидатур руководителей более низкого ранга), его вполне удовлетворяла роль лица, осуществляющего общее руководство. «Рейган не является управляющим картеровского типа, который хочет знать каждую деталь каждого проекта,— комментировал стиль работы нового президента его советник М. Браун.— Он склонен к тому, чтобы нарисовать общую картину, оставив прорисовку деталей сильным управленцам»<sup>16</sup>. Такая роль не требовала личного вмешательства в повседневную деятельность правительства и к тому же позволяла сохранять привычный образ жизни. Как ни анекдотично звучит пересказываемый Л. Кэнноном эпизод заключительного этапа предвыборной кампании 1980 г., у нас нет оснований не доверять досконально изучившему Рейгана автору. Согласно Кэннону, разбудившему Рейгана как-то рано утром помощнику пришлось выслушать ворчливую отповедь. «Но вам пора привыкать, губернатор,— попытался оправдаться помощник.— Когда вы станете президентом, малый из

Совета национальной безопасности будет готов к докладу Вам каждое утро в 7.30». «Долго же ему придется меня ждать», — проворчал в ответ Рейган. «Он не собирался перерабатывать на посту президента», — заключил пересказ этого эпизода Л. Кэннон<sup>17</sup>. И действительно, став президентом, Рейган передвинул доклад сотрудника Совета национальной безопасности на 9.30 утра; когда же в устном докладе не было особой необходимости, он представлялся президенту в письменном виде. «Большая тройка» ближайших помощников президента — Э. Миз, М. Дивер и Дж. Бейкер, — ставшая глазами и ушами Рейгана, взяла на себя основное бремя повседневных президентских забот, решая многие вопросы текущего характера за ставшим для них обычным совместным завтраком в 7.30 утра. На протяжении первых двух лет президентства Рейгана ни один сколько-нибудь важный политический или кадровый вопрос не решался президентом без того, чтобы при этом не присутствовал хотя бы один член «тройки». Члены «тройки» усвоили раньше и лучше других, что степень их влияния на государственную политику находилась в прямой зависимости от степени их близости к президенту.

Тема рейгановского окружения, нравов и норм морально-этического плана, которых придерживались (а чаще не придерживались) лица, составлявшие высшее административное руководство страны, будет возникать еще не раз по мере того, как мы будем знакомиться с событиями восьми лет пребывания Рейгана в Белом доме. В январе 1989 г. в уходящей в отставку администрации 40-го президента США останется лишь один член кабинета образца 1981 г. — министр жилищного строительства и городского развития С. Пирс, известный стране как «невидимка Сэм», а среди ответственных сотрудников аппарата Белого дома, с которыми Рейган начал свое президентство, не останется ни одного. Для президентов текущего столетия восемь лет пребывания в Белом доме — скорее необычный, чем обычный, срок: Рейган оказался одним из всего лишь четырех американских президентов XX в., которым довелось пробыть на посту два или более четырехлетних срока. Один из четырех — Франклин Д. Рузвельт четырежды избирался на президентский пост; дважды избирались и пробыли на президентском посту все полагающиеся им восемь лет Вудро Вильсон и Дуайт Эйзенхауэр. Но ни при одном из рейгановских предшественников, включая, естественно, и тех, кто пробыл на президентском посту меньший срок, не произошло такой практически полной «смены декора-

ций», как в годы администрации Рейгана. На разных этапах рейгановского президентства и по различным причинам правительство США и Исполнительное управление президента покинули как старые, испытанные соратники Рейгана еще по калифорнийскому периоду его политической карьеры, так и те, кто был рекомендован ему членами «кухонного кабинета» или советниками на этапе формирования правительства страны. Два из членов первого кабинета — министр торговли М. Болдридж и директор ЦРУ У. Кейси умерли до истечения восьмилетнего пребывания Рейгана в Белом доме, но, останься Кейси жив, против него скорее всего было бы возбуждено судебное дело по обвинению в нарушении Конституции США \*.

Г. Уиллс считает, что «лица, окружавшие Рейгана, были четко научены восхищаться бизнесменами и помогать им, поскольку именно бизнесмены, как считалось, вносили большой вклад в деятельность администрации как с точки зрения интеллектуальной, так и финансовой помощи. Результаты многолетней приверженности такому взгляду нашли отражение в судебных протоколах»<sup>18</sup>. Выразителем подобных взглядов открыто выступал У. Ф. Смит. Один из его бывших коллег по регентскому совету Калифорнийского университета сослался как-то на глубокое убеждение Смита в том, что «право руководить всеми нами должно быть предоставлено небольшому центральному истеблишменту, состоящему из нескольких человек, которые добились успеха в жизни». Этот принцип «успеха в жизни» действительно стал одним из определяющих (помимо приверженности консервативным политическим взглядам) при подборе кандидатур на сто высших административных постов в министерствах и ведомствах рейгановской администрации. По меньшей мере четверть занявших эти посты лиц были миллионерами, а в самом правительстве из тринадцати министров, помимо самого Рейгана и вице-президента Дж. Буша, одиннадцать также были миллионерами. Занятие миллионерами и просто состоятельными людьми высших административных постов в стране не является чем-то исключительным в текущем столетии; напротив, занятие руководящего поста в правительстве или государственном ведомстве лицом, не добившимся столь ценного американским обществом успеха в жизни, является скорее исключением, чем правилом. Но в отличие от практически всех предшествующих администраций, члены которых старались не афишировать

\* Единственный сохранивший свой пост член рейгановского кабинета образца 1981 г. С. Пирс уже после ухода Рейгана с поста президента был обвинен в серьезных нарушениях законов страны, в коррупции и взяточничестве. К моменту выхода этой книги в свет он находился под следствием.

личного богатства, члены пришедшей к власти рейгановской администрации бравировали им. Миллионер Ч. Уик, занявший пост директора Управления международных связей (сменившего Информационное агентство США, а затем вновь названного по-старому), буквально в первые же дни пребывания администрации у власти принялся за формирование ее благоприятного общественного «имиджа». В условиях обострения экономических проблем американского общества Ч. Уик не нашел ничего лучшего, как заявить, что «сегодняшним экономически ущемленным американцам доставляет удовольствие наблюдать за роскошным вашингтонским образом жизни членов рейгановской администрации точно так же, как тем, кто бедствовал в годы Великой депрессии, доставляло удовольствие любоваться жизнью голливудских звезд на киноэкране»<sup>19</sup>.

Уже в первые месяцы деятельности новой администрации по инициативе калифорнийских друзей Рейгана был объявлен сбор средств на ремонт и отделку интерьера Белого дома по вкусу президента и первой леди Америки. Мимо внимания представителей американской прессы не прошел тот факт, что сбор средств проводился активным членом «кухонного кабинета» Таттлом и что средства на эти цели стали поступать лишь после того, как президент Рейган принял решение об отмене правительственного контроля над ценами на нефть, дав возможность нефтепромышленникам (в том числе и калифорнийским) получить дополнительные прибыли, исчисляемые миллиардами долларов. Решение Рейгана принять от имени американского народа «дар бескорыстных жертвователей» сопровождалось возвращением конгрессу США специально выделенных на ремонт президентской резиденции 50 тыс. долл. Президент решил сэкономить общественные средства — так было объяснено решение Рейгана американцам. Но дошлые журналисты справедливо отмечали, что 823 тыс. долл., поступившие на ремонт и отделку Белого дома, были пожертвованы состоятельными американцами, которые по уровню своих доходов входят в категорию граждан, облагаемых подоходным налогом в размере 50 % и более. Получалось, что в результате столь щедрого «дара» министерство финансов США получило обратно 50 тыс. долл., но недосчиталось около 300 тыс. долл., которые должны были быть выплачены дарителями Налоговому управлению. На тех же условиях и с теми же последствиями для государственной казны вскоре стали поступать средства от частных жертвователей на приобретение нового сервиза для президентских приемов (209 тыс. долл.), мебели для обстановки многочисленных залов и комнат Белого дома и даже наимоднейших туалетов

для первой леди страны (в декабре 1989 г. Налоговое управление США проявило интерес к полученным Нэнси Рейган в качестве дара туалетам, стоимость которых не отразилась в выплаченных президентской четой подоходных налогах). Представители прессы обратили внимание и на то, что очень частые, на первых порах практически еженедельные полеты президентской четы на уик-энд в Калифорнию обходились американским налогоплательщикам в 250 тыс. долл. за каждый полет. Можно ли было удивляться тому, что многие лица из окружения президента имели весьма своеобразное представление о морально-этических нормах поведения государственных служащих и не усматривали ничего предосудительного в том, что служебное положение активно использовалось ими в целях личного обогащения и оказания содействия в обогащении лицам, связанным с ними деловыми или родственными узами? Анализируя состав правительственного аппарата, Р. Нэйдер отмечал, что «многие из этих официальных лиц намерены возвратиться на прежние места работы в своей отрасли, но уже на более высокий уровень и за большее материальное вознаграждение». Это обстоятельство объясняло, почему многие из них не могли избежать того, что историк Л. Дженкс назвал «беззастенчивым смешением государственной деятельности с увеличением личных состояний»<sup>20</sup>.

Нет, по всей видимости, никакой необходимости рассказывать во всех деталях и с перечислением всех случаев противозаконной, а нередко и попросту преступной деятельности виднейших деятелей рейгановской администрации, зарегистрированной в сотнях, а то и тысячах томов судебных дел, возбужденных на протяжении всех восьми лет президентства Рейгана. Каждого из подобных случаев было бы достаточно для написания целой книги. Можно здесь лишь указать, что в нарушении американских законов, во всевозможных махинациях с налогами, фальсификации документов, использовании служебного положения в корыстных целях, обмане общественности, связях с преступным миром и прочих противоправных действиях были обвинены и были вынуждены под удобным предлогом, давлением общественности или по решению судебных органов покинуть верхний эшелон государственной власти два министра юстиции, министр внутренних дел, министр труда, министр финансов, три помощника президента по вопросам национальной безопасности, заместитель министра обороны, директор Национального управления по авионавтике и исследованию космического пространства (НАСА), помощник министра обороны, директор Агентства по охране окружающей среды и многие другие крупные чиновники администрации, общее число которых составило около

200 человек. Кто-то из них уходил с крупным скандалом, кто-то исчезал с политического горизонта без какого-либо шума. Кого-то из них президент Рейган защищал буквально до последнего, от других избавлялся по настоянию Нэнси Рейган, а кое-кто и после ухода Рейгана из Белого дома все еще находился под следствием, грозившим воскресить в памяти американцев многие неблагоприятные поступки и эпизоды периода его президентства.

Но все это — нарушения законов, противоправные действия членов администрации — будет позднее, а сейчас продолжим рассказ о первых месяцах пребывания Рейгана в Белом доме.

\*

Энтузиазм, с которым был встречен приход к власти администрации Рейгана в военно-промышленных кругах Калифорнии и в целом всеми американскими консерваторами, заметно диссонировал с настроением подавленности и пессимизма в стране. События последних лет, а тем более последних двух десятилетий как в самой стране, так и на международной арене не способствовали чувству уверенности в завтрашнем дне. В предшествующие четыре года американцы в который раз убедились, как мало значат обещания политических деятелей, как ненадежны их заверения в скором решении стоящих перед обществом проблем. К январю 1981 г. предкризисное состояние американской экономики ни у кого не вызывало сомнения. О сложном положении, в котором оказалась американская экономика в начале 80-х годов, свидетельствовали не только постоянные напоминания нового президента (ссылавшегося при этом на тяжелое наследие, доставшееся ему от его предшественника в Белом доме), но прежде всего то, что огромная масса американцев в целом жила хуже, чем в начале предшествовавшего десятилетия.

Инфляция в течение последних двух лет президентства Картера впервые после конца первой мировой войны выражалась двузначной цифрой и составляла в 1980 г. 12,4 % (в 1979 г. она превосходила 13 %). Выступая перед американскими телезрителями 5 февраля 1981 г., Рейган не смог отказать себе в драматическом жесте: продемонстрировав с телеэкрана бумажный доллар, он назвал его долларом образца 1960 г. и добавил, что этот доллар «стоил» в 1980 г. всего 36 центов, а в ближайшие годы, если не удастся остановить бурного роста цен, будет «стоять» лишь 25 центов. И для пущего впечатления бросил на стол перед собой несколько никелевых монеток. (В других своих выступлениях на ту же тему он отрывал



от «доллара образца 1960 г.» небольшой кусочек, иллюстрируя им ту малую толику, которая осталась от некогда полноценного доллара.) Рейгановская драматизация инфляционного процесса в стране была очень впечатляющей в отличие от сложных математических выкладок, которыми обычно оперировали финансисты и экономисты. Образ «урезанного» до мелких монеток или небольшого обрывка доллара производил большее впечатление, чем растущие на глазах цены в соседней бакалейной лавке. Столь же впечатляющей иллюстрацией президент воспользовался через две недели после своего первого телевизионного выступления, когда изобразил один триллион долларов, к которому приближался государственный долг США, в виде «пачки» тысячедолларовых ассигнаций толщиной или, точнее, высотой в... 107 с лишним километров. (К началу 1980 г. государственный долг США составил 934 млрд долл.)

Тесно увязанными с инфляционным процессом и ростом государственного долга страны были и другие экономические проблемы американского общества. Дефицит федерального бюджета достиг казавшейся тогда фантастической цифры в 74 млрд долл. Не лучше обстояло дело и с занятостью трудоспособного населения страны. Подытоживая безрадостное положение во всех без исключения областях американской экономики, журнал «Тайм» писал в те дни, что любой человек, который всего лишь несколько лет назад решился бы назвать такие цифры, был бы незамедлительно отправлен в психиатрическую больницу. В январе же 1981 г. эти сведения фигурировали повсюду — на первых страницах газет, в комментариях радио и телевидения, в анализах экономических обозревателей и в заявлениях политических деятелей. Эти же данные прозвучали и в президентском обращении об экономическом положении страны, произнесенном им перед совместной сессией обеих палат конгресса США 18 февраля 1981 г.

В развитие главного тезиса своего телевизионного выступления от 5 февраля о том, что основой предлагаемой его администрацией программы экономического возрождения страны будет бюджет на очередной финансовый год, президент предложил конгрессу «пакет» конкретных мер, которые, по его словам, могли помочь избежать грозящей экономической катастрофы. По сути дела в этих предложениях не было ничего такого, о чем Рейган не говорил раньше, правда в более обтекаемых и общих фразах. Программа Рейгана, получившая закрепившееся за ней название «рейганомики», предусматривала неслыханное до того сочетание попытки сбалансировать федеральный бюджет при одновременном повышении расхо-

дов на военные нужды и заметном сокращении подоходных налогов. В возможности такого сочетания Рейган убедил себя давно, и теперь ему предстояло убедить в том же и других. «Экономика, основанная на шаманских заклинаниях» кандидата в президенты Рейгана, превращалась в государственную экономическую политику администрации президента Рейгана, тогда как автор этой саркастической характеристики Буш уже стал вице-президентом страны. Комментируя предложенную президентом программу «экономического возрождения страны», его ближайший советник Миз говорил вслед за Рейганом, что успех ее во многом, во всяком случае на 50 %, зависит от психологического фактора — стоит стране, ее деловым кругам и всем американцам поверить в возможность реализации такой программы, как произойдет активизация экономической деятельности, которая в свою очередь приведет к сокращению безработицы, укреплению доллара, снижению темпов роста инфляции и, следовательно, к устранению дефицита федерального бюджета, а с его устранением и к сокращению государственного долга страны. (С целью укрепления веры американцев в предлагаемые президентом меры по экономическому возрождению страны в органы массовой информации США вновь стали активно проталкиваться сведения о наличии у президента экономического образования.)

При всем том, что в президентском обращении об экономическом положении страны было предостаточно общих слов и лозунгов, в нем было и немало конкретики. Основной была цифра 41,4 млрд долл., на которые Рейган призывал сократить федеральный бюджет на 1982 финансовый год. Это сокращение предполагалось осуществить за счет ликвидации «не вызываемых необходимостью расходов, мошенничества и злоупотреблений», а также путем систематического сокращения расходов на социальные программы. Необходимость таких мер президент объяснил существованием широкого круга лиц, пользующихся выплатами из государственной казны, но «не имеющих права считаться истинно нуждающимися или злоупотребляющих программой социального вспомоществования» в виде бесплатных продовольственных талонов, бесплатных школьных завтраков, пособий по безработице, многодетности, возрасту или состоянию здоровья. Сокращения коснулись в разной степени 83 федеральных программ. Развивая поднятую президентом тему возрождения экономики, министр финансов Д. Риган нарисовал оптимистическую картину того, как подстегнутая принимаемыми администрацией мерами деловая активность приведет к увеличению вкладов капитала в новое производство и в новое оборудование, доведя их до 12 % ВВП.

Не подлежащей закланию «священной коровой» предложенного Рейганом проекта федерального бюджета на 1982 финансовый год была область военных расходов, призванных, по его словам, ликвидировать «окно уязвимости», образовавшееся в результате гонки вооружений, навязанной Соединенным Штатам Советским Союзом. (Споры по поводу того, кто кому навязывал гонку вооружений, продолжают до сего времени, но вторая половина 70-х и первая половина 80-х годов были периодом наиболее активного обмена взаимными обвинениями чуть ли не за всю послевоенную историю.) В результате предлагаемого президентом повышения расходов на военные нужды военный бюджет США увеличивался на 29 млрд долл. с соответственным повышением доли военных расходов в федеральном бюджете страны до 27 % (в бюджете на 1981 финансовый год эта доля составляла 24,1 %) Рейган не был намерен останавливаться на достигнутом: в 1984 финансовом году бюджет Пентагона намечалось довести до 250 млрд долл., что составило бы 32,4 % федерального бюджета<sup>21</sup> Общая сумма военных расходов на ближайшие 5 лет должна была составить, согласно планам администрации, полтора триллиона долларов. При всей колоссальности военных расходов США доля их в ВВП страны на протяжении 1980—1984 гг. изменялась, по официальным данным, следующим образом (соответственно по годам) 5,2; 5,5; 6,1, 6,5 и 6,7 %. В постоянных долларах военные расходы выросли в 1980 г. на 6,6 %, в 1981 г.— на 3,5, в 1982 г.— на 3,5, в 1983 г.— на 4,5, в 1984 г.— на 2,8 %.

Одной из важных особенностей предложенного Рейганом проекта федерального бюджета на 1982 финансовый год в размере 695,5 млрд долл. было и первое из намеченных им на ближайшие три года снижение подоходного налога на 10 %. Это рейгановское предложение, неизменно фигурировавшее в его предвыборных выступлениях, пользовалось особой и понятной популярностью во всех слоях населения США, но лишь немногие отдавали себе отчет в том, что в условиях резкого повышения военных расходов такое заметное снижение налогов может быть осуществлено лишь путем еще большего урезывания расходов на социальную помощь. Иного решения проблемы дефицита федерального бюджета не видели и американские экономисты, подвергшие серьезной критике предлагаемый президентом «пакет мер по экономическому возрождению страны» Абсолютное большинство из них выражало очень серьезные сомнения в том, что, продолжая увеличивать военные расходы и снижая налоги ежегодно на 10 % в течение трех ближайших лет, Рейган будет в состоянии довести бюджетный дефицит до 45 млрд долл. в 1982 финансовом году,

затем до 22,9 млрд долл. в 1983 финансовом году и наконец добиться даже превышения доходной части бюджета над расходной на 500 млн долл.

Беспристрастный анализ положения, сложившегося в сфере социального обеспечения с 30-х годов, свидетельствовал о наличии определенных «перегибов» либерального регулирования социального обеспечения, здравоохранения и образования, вызванного к жизни экономическим кризисом 1929—1933 гг. и необходимостью предотвращения серьезного социального взрыва в стране. Заметных сдвигов в либерализации государственных программ социального вспомоществования добилось и американское рабочее движение. При этом нельзя было полностью отрицать возможность того, что в сфере социального обеспечения существовали факты злоупотреблений, фальсификаций и подлогов. Однако президент приводил единичные, подчас фальсифицированные данные как установленные факты, широко-де распространенные в сфере социального обеспечения и требующие вмешательства государства с целью наведения в ней порядка. Возражения специалистов, считавших, что задача ликвидации перегибов не оправдывает столь жесткого урезывания программ социального вспомоществования и что в любом случае сэкономленных на этом средств будет явно недостаточно для ликвидации дефицита федерального бюджета, отметились Белым домом как несостоятельные. Тем более не принимались во внимание серьезные возражения со стороны значительной части американской общественности и особенно со стороны малоимущих слоев населения. Разработанный администрацией Рейгана проект бюджета был в конечном итоге, хотя и с незначительными изменениями, утвержден конгрессом США в условиях, когда большинство в палате представителей продолжало принадлежать демократической партии. Федеральный бюджет США на 1982 финансовый год был урезан на 35 млрд долл. (а не на 41,4 млрд долл., как первоначально предлагал президент). Оценивая позднее эту победу Рейгана, американский политолог О. Ранни писал, что она «в большей степени, чем какое-либо другое событие, позволила Рейгану получить репутацию лидера конгресса калибра Франклина Рузвельта и Линдона Джонсона, репутацию, которую ему удалось в определенной мере сохранить в течение всего своего президентства»<sup>22</sup>. После утверждения обеими палатами конгресса его предложений о снижении налогов (в июле 1981 г.) президент объявил начало нового возрождения Америки. Победа Рейгана была встречена Уолл-стритом с ликованием. Но вслед за этим началось резкое падение курсов акций на нью-йоркской бирже, а к концу года в стране наступил экономический спад. Уже

в декабре 1981 г. президенту были доложены долгосрочные прогнозы экономистов, согласно которым вместо сбалансированного федерального бюджета в 1984 финансовом году следовало ожидать увеличения дефицита до 162 млрд долл. Рейган этому прогнозу не поверил или, вернее, не захотел поверить. Как писал Л. Кэннон, «когда Рейган находит идею, отвечающую его целям, его редко заботят детали, препятствующие ее реализации»<sup>23</sup>.

В отличие от конкретных шагов, предпринятых администрацией в сфере экономики и финансов, первые проявления активности нового президента во внешнеполитической области носили ярко выраженный теоретический и идеологический характер. Возможно, объяснение этому следовало искать в том, что, располагая некоторым опытом практической деятельности в области социально-экономической политики, накопленным на посту губернатора крупнейшего и богатейшего американского штата, Рейган был предельно неопытен и даже невежествен в международных вопросах. Еще в ходе предвыборной кампании 1980 г. Рейган путал Индонезию с Индокитаем, Афганистан с Пакистаном и вызвал по меньшей мере удивление своим заявлением, что, воюя во Вьетнаме, США в действительности «защищали только что освободившуюся от колониального гнета маленькую страну от тоталитарного соседа, исполненного решимости завоевать ее»<sup>24</sup>. Журналистам тогда не оставалось ничего иного, как напомнить Рейгану, что именно США вложили по меньшей мере полмиллиарда долларов в попытки Франции сохранить свое колониальное господство в Индокитае и что именно США воспрепятствовали проведению выборов в Южном Вьетнаме из опасения, что в случае предоставления народу этой страны свободы выбора он выскажется за объединение с ДРВ. Рассказывали, что уже в первые дни пребывания Рейгана в Белом доме произошел курьезный случай в ходе доклада сотрудника Совета национальной безопасности о положении в Иране и на советско-иранской границе. Сидевший до этого по своему обыкновению с безучастным видом Рейган внезапно оживился и заинтересованно переспросил: «Советско-иранская граница? А что, разве они соседи?» «Соседи», — пришлось просветить главу американского государства. И позднее Рейган настолько часто допускал искажения или незнание исторических фактов и существа возникающих перед ним проблем, в первую очередь внешнеполитического характера, что введенная еще в период предвыборной кампании 1980 г. в ряде американских

газет и журналов специальная рубрика «Опять он за свое!», под которой публиковались подборки допущенных Рейганом искажений или, попросту, «ляпов», сохранялась и после его въезда в Белый дом. Но не эти оговорки и оплошности президента пугали американцев. В конечном счете, считали многие из них, президентские ошибки свидетельствовали лишь о том, что он является таким же простым человеком, как и абсолютное большинство людей, населяющих Америку, и о том, что ничто человеческое не чуждо и главе американского государства. Пугало их другое.

Еще с предвыборной кампании 1976 г. сложилось убеждение, что Рейган является принципиальным противником переговоров о сокращении стратегических наступательных вооружений, считая, что в этих переговорах США совершенно недостаточно пользовались таким методом давления на СССР, как угроза нового витка гонки вооружений. И в 1976 г., и в ходе предвыборной кампании 1980 г. Рейган говорил, что, став президентом, он приступит к осуществлению политики создания новых видов ядерного оружия и будет ее реализовывать до тех пор, пока советские лидеры не убедятся в растущей ядерной мощи США и не пойдут на установление жестких «потолков» или даже на сокращение ядерных вооружений. Рейган подчеркивал, что он не собирается прекращать переговоры с СССР, а просто, продолжая их, будет одновременно наращивать ядерную мощь США. Страх, который испытывали многие американцы перед лицом нового и много более опасного витка гонки ядерных вооружений, не могли снять даже рейгановские заверения в том, что он «прошел уже через четыре войны и не хочет пятой». Как он «прошел» через четыре войны (т. е. первую и вторую мировые войны, войны в Корее и во Вьетнаме), было хорошо известно: они оставили в его жизни не больший след, чем те многочисленные войны, через которые он «прошел» в качестве голливудского актера.

Через девять дней после въезда в Белый дом Рейган выступил на своей первой пресс-конференции с заявлениями и оценками, напомнившими присутствующим, как писала газета «Вашингтон пост», «самые трудные времена «холодной войны»». Газета «Нью-Йорк таймс» в свою очередь отметила полное совпадение взглядов Рейгана со взглядами «многих противников развития отношений с Советским Союзом»<sup>25</sup>. Рейган заявил, что не знает «ни одного лидера Советского Союза со времен революции и включая нынешнее руководство страны, который бы не заявлял, и притом не раз, на различных коммунистических съездах, что их целью должно быть содействие мировой революции и создание единого социалистического или коммунистического государства». Кто бы ни вступал

в договорные отношения с СССР, продолжал Рейган, должен всегда помнить, даже в условиях разрядки, что для советских лидеров «единственно морально оправданным является только то, что способствует реализации их целей», и что «они резервируют за собой право совершать любое преступление, лгать и обманывать»<sup>26</sup>. Американские газеты были вынуждены констатировать, что ни один из американских президентов со времен Гарри Трумэна не допускал таких грубых высказываний в отношении советских лидеров. На следующий день американские журналисты попытались выяснить, какими фактами располагал президент, ссылаясь на стремление Советского Союза к мировому господству, но пресс-секретарь Белого дома Дж. Брэйди заявил, что не знает ответа на этот вопрос. Были, впрочем, у американских журналистов и другие вопросы. Один из крупных политических обозревателей страны, Д. Броудер, писал: «С тех пор как Рональд Рейган появился на общественном горизонте, он говорил такие вещи, которые затрудняли серьезное отношение к нему со стороны некоторых людей. Его никогда не обвиняли в преднамеренном обмане. Независимо от того, нравится он им или нет, люди признавали, что Рейган говорит то, во что сам верит. Но, даже имея в своем распоряжении огромный государственный аппарат, президент продолжает говорить такие вещи, которые вызывают вопрос: откуда на свете берет он все эти свои идеи... Комментарии Рейгана дают основание считать, что некая влиятельная анонимная личность вновь заложила в его голову некую идею, которая может стать основой государственного политического курса. Президентские ошибочные представления являются весьма опасными забавами... Кто говорит ему, что дела обстоят именно так, а не иначе, и кто (если вообще существует такой человек) окажется достаточно смелым, чтобы убедить его в ошибочности таких представлений?»<sup>27</sup>. Но и этот, и многие другие вопросы, которые задавали американцы, носили явно риторический характер и не были рассчитаны на то, что кто-то из представителей Белого дома, не говоря уже о самом президенте, когда-либо ответит на них.

Не обошлось на пресс-конференции и без очередной оплошности президента, спутавшего Карибское море со Средиземным, но весь тон и содержание заявления и ответов Рейгана на вопросы журналистов вызвали настолько серьезную тревогу как в самих США, так и среди американских союзников в Европе, что мало кто обратил внимание на пустяковую оговорку. Как писала Ф. Льюис, политический обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс», «друзья и союзники предпринимают энергичные попытки разобраться с истинными намерениями Соединенных Штатов» и «задают себе вопрос, какая доля

вашингтонской риторики рассчитана на то, чтобы ободрить домашний фронт, а какая серьезно адресуется противникам»<sup>28</sup>. Комментируя после пресс-конференции Рейгана «сомнительное качество кое-чего из сказанного», газета «Вашингтон пост» в своей передовой призвала не путать «официальную критику конкретного советского поведения, какой бы публичной и резкой она ни была», с «неопределенными, расплывчатыми нападками на природные качества Кремля». «Столь явно привнося свою философию в свою дипломатию, г-н Рейган питает те силы в советском и американском общественном мнении, которые настроены только на конфронтацию», — писала газета<sup>29</sup>. Посол СССР А. Ф. Добрынин высказал государственному секретарю США А. Хейгу недоумение по поводу высказываний Рейгана на пресс-конференции и выразил надежду, что такое в будущем не повторится. Но «такое» повторялось, и не раз. Успокаивая то ли самих себя, то ли мировое общественное мнение, озабоченное первыми признаками отсутствия сдержанного и взвешенного подхода к международным проблемам со стороны Белого дома, политические деятели и журналисты, не разделявшие взглядов и подходов Рейгана, вновь и вновь ссылались на то, что новый президент является профессиональным актером и поэтому слаб в импровизации, и предлагали судить о действительных намерениях администрации во внешнеполитической области по официальным документам и заявлениям, зачитываемым президентом с листа. Но в напряженной международной обстановке начала 80-х годов трудно было говорить о спокойствии, тем более что подобные заявления исходили от лидера одной из двух могущественнейших в военном отношении держав мира, известного к тому же своим давним и категорическим неприятием социально-экономической и политической системы второй державы. На символических часах, печатающихся с 1947 г. на обложке американского журнала «Буллетин оф атомик сайентистс», минутная стрелка была сдвинута на три минуты ближе к полуночи, символизирующей наступление всемирной ядерной катастрофы\*.

\* Когда эти рисованные часы впервые появились на обложке журнала, они показывали без семи минут полночь. В 1953 г. после того, как обе великие державы провели испытания водородной бомбы, минутная стрелка была сдвинута на пять минут ближе к полуночи, и в течение последующих десяти лет часы показывали без двух минут полночь. В 1963 г. подписание соглашения о запрещении ядерных испытаний в атмосфере, космическом пространстве и под водой передвинуло минутную стрелку назад на целых десять минут, и часы стали показывать без двенадцати минут полночь. Последующее осложнение международной обстановки передвинуло стрелку ближе к полуночи, но она была возвращена в старое положение — без двенадцати минут



Не чуряющимися порой мистических обобщений американцами было подмечено, что с 1840 г. все президенты США, избравшиеся в год президентских выборов, оканчивающийся нулем,— 1840, 1860, 1880, 1900, 1920, 1940, 1960, рано или поздно умирали на своем посту или же погибали от руки убийцы. Эти странные совпадения дали повод американской прессе и склонным к сенсациям авторам заговорить о существовании таинственного «нулевого фактора», обрекающего на смерть или гибель государственных деятелей, избранных президентами США в год, который отмечен «проклятием нуля».

Возможно, не было бы никакой необходимости даже упоминать об этих мистических совпадениях, если бы не то, что в преддверии выборов 1980 г. и после въезда в Белый дом Рейгана упоминания «нулевого фактора» участились в такой степени, что не могли не оказывать воздействие на значительную часть американцев, уверовавших в незавидную судьбу 40-го президента США. Муссирование этого таинственного символа в средствах массовой информации оказывало влияние и на психически неуравновешенных лиц, давая основание их больному воображению оправдывать акты насилия в отношении «нулевого президента» убеждением, что они являются всего лишь «исполнителями высшей воли», «инструментом в руках рока». В том, что произошло в дождливый мартовский день 1981 г., небесные силы не фигурировали, но если уж говорить о каких-то земных силах, то следовало бы упомянуть публикации любителей сенсаций, создавшие психологическую атмосферу совершенно уникального свойства: с момента въезда Рональда Рейгана в Белый дом страна была готова к тому, что с президентом со дня на день что-то должно случиться.

полночь после того, как США и СССР подписали Соглашение об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-1) в мае 1972 г. С середины 70-х годов и вплоть до президентских выборов 1980 г. часы показывали без семи минут полночь. С приходом к власти администрации Рейгана в январе 1981 г. стрелки были сдвинуты на три минуты ближе к полуночи и показывали без четырех минут полночь почти семь лет, вплоть до декабря 1987 г., когда в результате подписания Договора между СССР и США о ликвидации их ракет средней и меньшей дальности стрелки символических часов Судного дня стали показывать без семи минут полночь. В феврале 1990 г. с учетом всего комплекса событий в Восточной Европе, договоренностей, достигнутых в ходе встречи М. С. Горбачева и Дж. Буша на Мальте, и все чаще признаваемого окончания перисда «холодной войны» стрелки были сдвинуты еще на 3 минуты назад и ныне показывают без 10 минут полночь.

Цветные фотографии в иллюстрированных журналах, кадры телевизионной хроники, показания очевидцев позволили восстановить шаг за шагом все события, происшедшие 30 марта 1981 г. перед вашингтонской гостиницей «Хилтон» через несколько минут после того, как президент Рональд Рейган закончил свое выступление перед 3,5-тысячной аудиторией делегатов профсоюзного объединения АФТ — КПП. Судебное следствие в свою очередь позволило узнать о том, что предшествовало тому роковому дню.

В 1976 г. на экраны США вышел художественный кинофильм «Таксист», главную роль в котором исполнял популярный американский киноактер Роберт Де Ниро. Джон Хинкли, как выяснилось, смотрел этот фильм 15 раз, потому что ему очень понравилась молоденькая актриса Джоди Фостер, сыгравшая в этом фильме эпизодическую роль. Все, что делал Джон Хинкли вплоть до конца марта 1981 г., делалось им в расчете на то, чтобы привлечь ее внимание. В письме, написанном на имя Джоди Фостер, ставшей к тому времени студенткой Йельского университета, Хинкли писал в день совершения покушения на президента Рейгана: «Дорогая Джоди! Вполне вероятно, что я буду убит при попытке застрелить Рейгана. Именно по этой причине я пишу тебе это письмо. Как тебе уже известно, я тебя очень люблю. В течение последних шести месяцев я направил тебе десятки поэм, писем и посланий в слабой надежде привлечь твой интерес к себе... Джоди, я прошу тебя заглянуть себе в душу и по крайней мере дать мне шанс после того, как я совершу этот исторический поступок, чтобы завоевать твое уважение и любовь»<sup>34</sup>

В ходе предварительного следствия и допроса Хинкли после совершения им покушения на Рейгана выяснилось, что в октябре 1980 г. Хинкли был задержан в аэропорту г. Нэшвилл, штат Теннесси, с тремя револьверами. В тот день в Нью-Йорке, куда собирался вылететь Хинкли, находился президент Картер, но полицейские власти Нэшвилла не усмотрели в задержании вооруженного Хинкли никакой связи с объявленным планом поездок президента или с предстоявшим через неделю приездом в Нью-Йорк из находившегося недалеко от Нэшвилла г. Мемфиса кандидата республиканской партии на пост президента Рейгана. Оружие у Хинкли было конфисковано, а сам он был оштрафован на 50 долл. Спустя четыре дня Джон Хинкли приобрел в г. Далласе (неподалеку от того места, где был застрелен президент Джон Ф. Кеннеди) два новых револьвера, а еще через несколько дней — третий. Следствию стало известно и то, что Хинкли охотился за Рейганом еще до вступления последнего на пост президента США и даже сфотографировался, будучи в Вашингтоне, на фоне театра Форда, где

был убит Авраам Линкольн. За день до покушения на Рейгана Хинкли прибыл в столицу и снял номер в отеле, находившемся в двух кварталах от Белого дома. Профланировав весь вечер по находящемуся в четырех кварталах от президентской резиденции району столицы, известному сомнительными с точки зрения морали заведениями, Хинкли возвратился в гостиницу, полный решимости совершить задуманное на следующий день. Джон Хинкли закончил свое письмо на имя Джоди Фостер, выдержки из которого приводились выше, за полтора часа до покушения. Он был еще в своем номере, когда в Белый дом прибыл министр труда Р. Донован, чтобы сопровождать президента в отель «Хилтон». Президентский лимузин подъехал к парадному входу в гостиницу, и в сопровождении Донована, сотрудников аппарата Белого дома и личной охраны президент проследовал в гостиничный зал, где его уже ожидали собравшиеся там профсоюзные деятели. Короткое, сугубо протокольное выступление Рейгана изобиловало общими фразами, касавшимися самых разнообразных тем. В числе прочих была затронута и проблема роста преступности в США и право американцев на приобретение и ношение огнестрельного оружия, в самых решительных выражениях поддержанное президентом.

Ни стоявшие снаружи здания гостиницы полицейский и охранники, ни собравшиеся в отведенном им и огороженном красным вельветовым канатом месте представители периодической печати, радио и телевидения США не обратили внимания на нервно ведущего себя молодого человека, непостижимым образом затесавшегося в толпу репортеров, ожидавших выхода президента из гостиницы. Президентский лимузин был запаркован метрах в восьми от парадного подъезда гостиницы. Выйдя из гостиницы, Рейган поднял в приветствии руку, тогда как репортеры беспорядочными выкриками: «Г-н президент, г-н президент!» — пытались привлечь его внимание и получить возможность задать ему какой-нибудь вопрос. В этот момент раздались выстрелы. «Крутился барабан, шелкал курок, и маленький тупорылый револьвер сеял смятение. Майкл Дивер, заместитель руководителя аппарата Белого дома, съехался, как человек, мимо которого только что просвистела смерть. Пресс-секретарь Джеймс Брэиди упал ничком на тротуар, обливаясь кровью. Полицейский Томас Деланти резко повернулся и упал, получив пулю в шею, а его фуражка отлетела в сторону. Одна пуля попала в грудь агенту секретной службы Тимоти Маккарти, свалив его на землю. Другая проделала небольшое отверстие в левом боку президента Соединенных Штатов, которого тут же втолкнул в машину агент секретной службы Джерри Парр, и машина умчалась

с такой скоростью, что поначалу даже Рональд Рейган не понял, что он ранен» — так описывал журнал «Ньюсуик» те несколько мгновений, в течение которых Джон Хинкли успел выпустить шесть разрывных пуль из своего короткоствольного револьвера 22-го калибра, прозванного в США «специальным для субботнего вечера»<sup>31</sup>.

Доставленному в госпиталь университета им. Джорджа Вашингтона Рейгану было срочно сделано переливание крови, а затем была произведена операция по извлечению пули, которая пробила левое легкое и остановилась в двух сантиметрах от сердца. Схваченному на месте преступления сыну состоятельного нефтепромышленника, Джону Уорнеку Хинкли, человеку без определенных занятий, состоявшему некогда в нацистской партии Америки, но изгнанному из нее по подозрению в принадлежности к агентуре ФБР, было предъявлено обвинение в покушении на президента США и нанесении серьезных ран еще трем лицам. (Джеймс Брэйди, пресс-секретарь Белого дома, раненый Джоном Хинкли, остался полностью парализованным на всю жизнь.) Предвосхищая возможность возникновения всевозможных слухов, пресса США констатировала, что Хинкли «не имел ничего общего с теми, кто совершает в мире государственные перевороты и революции»<sup>32\*</sup>.

Люди, помнившие реакцию американцев на убийства братьев Кеннеди, на покушения (по счастливой случайности неудачные) на президента Форда, не могли не обратить внимание на то, что сообщения о покушении на Рейгана и его ранении не только не вызвали возмущение и обеспокоенность, но были восприняты широкой общественностью как нечто вполне естественное. Аналогичным образом на первых порах отреагировала на покушение и американская пресса, еще раз напомнившая своим читателям о действии «нулевого фактора». Если в сообщениях прессы и фигурировало недоумение, то лишь по поводу того, что «нулевой фактор» проявился так скоро после въезда Рейгана в Белый дом. Отношение к происшедшему и к самому президенту менялось буквально с каждой новой информацией, выплескивавшейся на первые страницы газет и в радио- и телевизионные репортажи. Американцам рассказывали, что до того, как Рейган был доставлен в госпи-

\* Хинкли хвастал в беседе с психиатром, нанятым его отцом, что стал убийцей, чье имя фигурирует на первых страницах газет, и что отныне о нем будут упоминать все учебники истории, а сам он навечно будет связан с Джоди Фостер. Суд присяжных признал Хинкли невменяемым и, следовательно, неспособным нести ответственность за совершаемые им действия. Он по сей день содержится в тюремной психиатрической больнице под наблюдением врачей и, как предполагают, останется в ней до конца своих дней.

таль, ни он сам, ни сопровождавшие его агенты секретной службы не знали о ранении, хотя струйка ярко-алой крови, сочившаяся по уголкам рта президента, свидетельствовала о том, что с ним что-то произошло. (Агент секретной службы Дж. Парр, резко втолкнувший Рейгана в машину в те роковые секунды, боялся, что он сломал президенту ребро и оно пронзило легкое.) Будучи доставлен в госпиталь, президент с помощью сотрудников охраны прошел в помещение, но при входе в палату неотложной помощи силы его покинули и он опустился на одно колено со словами: «Мне трудно дышать». Тщательное обследование президента показало, что одна из шести пуль с алюминиевой головкой, разрывающейся на мелкие фрагменты при соприкосновении с любой поверхностью, попала в корпус президентского лимузина, разрывная ее часть дезинтегрировалась, а сама сплюснутая в плоский диск пуля рикошетом и практически на излете прошла в щель между корпусом машины и открытой дверью, вошла в левую подмышку Рейгана, оставив на его теле небольшой надрез, внешне похожий на царапину. После обследования его перевезли в операционную. В течение этих нескольких часов при активном участии оперативно подключавшихся сотрудников аппарата Белого дома и представителей прессы стал формироваться совершенно новый, много более симпатичный образ главы американского государства, который в значительной мере сохранялся на протяжении почти всех последующих лет пребывания Рейгана в Белом доме даже в условиях неблагоприятных событий в стране или его непопулярных личных решений и действий.

Конечно, и это требует присутствия духа и мужества, и далеко не каждый способен на подобные вещи, тем более в таком возрасте и при таких обстоятельствах, но, видимо, поняв в какой-то момент, что его жизни не угрожает опасность, Рейган повел себя так, как, в его представлении, должен был вести себя настоящий мужчина из голливудских кинолент. Прежде чем его уложили на операционный стол, он шутивно поинтересовался у хирургов, все ли они являются республиканцами, на что те вполне серьезно ответили, что сегодня они все республиканцы. И в короткой реплике раздевавшей его медицинской сестре («А что, если об этом узнает Нэнси?»), и во фразе, которой он встретил срочно доставленную в госпиталь жену («Прости, дорогая, я забыл пригнуться»), и в вопросе, адресованном собравшимся у его кровати помощникам («А кто же остался в лавке?»), и в ряде других ситуаций в госпитале президент проявил качества, очень ценимые американцами (да и не только американцами), — чувство юмора и твердость духа, даже если все или почти все его остроты

и реплики были известны по голливудским фильмам прошлых лет или анекдотам. В одной из своих записок обслуживающему персоналу (ему было запрещено разговаривать после операции) Рейган процитировал Уинстона Черчилля: «Нет чувства более радостного, чем осознание того, что в тебя стреляли безрезультатно». Американцы были потрясены и очарованы своим президентом. «В будущем критика политического курса Рейгана будет всегда четко отделяться от оценки его качеств как человека», — заметил Л. Кэннон<sup>33</sup> Индекс популярности президента, вернувшегося к исполнению своих обязанностей в конце апреля, подскочил до 68 %.

К концу первого года пребывания у власти Рейган назвал сформированный им кабинет министров «единой дружной группой». Схватки между «друзьями» со временем стали настолько обычным явлением, что на что уж падкая на сенсации и несоответствия между желаемым и действительным американская пресса и та сочтет неуместным вспоминать об этой неудачной характеристике. А первая серьезная ссора в «благородном семействе» произошла в день покушения на президента, и выяснение отношений между государственным секретарем А. Хейгом и министром обороны К. Уайнбергером комментировалось в американской печати бок о бок с сообщениями о состоянии здоровья президента и информацией о личности покушавшегося на его жизнь. Яблоком раздора явился порядок преемственности власти, в принципе не допускающий никаких интерпретаций. Но как только были получены первые сообщения о покушении на президента и его ранении, в кабинете министров разразился скандал. Дело было в том, что второе лицо в государстве — вице-президент Буш, конституционный наследник президента в случае смерти или серьезной болезни последнего, был вне Вашингтона. В срочно переданном ему телеграфном сообщении о покушении на президента указывалось, однако, что глава государства остался невредимым и, следовательно, спешить в столицу не имело смысла. К тому времени, когда Бушу сообщили о ранении Рейгана и он, изменив свои планы, поспешил в Вашингтон, там уже произошел первый серьезный конфуз рейгановской администрации. Государственный секретарь Хейг заявил собравшимся в так называемой Ситуационной комнате Белого дома для обсуждения сложившегося положения членам кабинета и ответственным сотрудникам президентского аппарата, что в отсутствие вице-президента он берет всю полноту власти на себя. Затем, не говоря никому ни слова, он бросился в телевизионную студию Белого дома, откуда прерывающимся от сильного волнения голосом и утирая выступающую на лбу испарину, обратился к стране с призывом сохранять спокойствие, по-

скольку-де ситуация полностью контролируется им лично. (Действия Хейга были сразу же признаны неконституционными, поскольку следующим по рангу после вице-президента должностным лицом США, наследующим президентскую власть, является спикер палаты представителей, за ним президент (pro tempore) сената США и уже только после него государственный секретарь США.) Хейг также сообщил американцам, что «нет никакой необходимости в принятии мер чрезвычайной боевой готовности». Согласно воспоминаниям присутствовавшего в тот момент в Ситуационной комнате человека, «на лице Уайнбергера застыло выражение душевного страдания». Он сказал: «Я не могу этому поверить. Что делает этот малый и по какому праву?» После возвращения Хейга в Ситуационную комнату с трудом сохраняющий спокойствие Уайнбергер указал своему коллеге по кабинету, что в вопросах, касающихся национальной безопасности, следующим за вице-президентом должностным лицом является он, а вовсе не государственный секретарь и что Хейгу не следовало делать подобных заявлений, поскольку приказ о принятии мер повышения боевой готовности вооруженных сил страны уже был дан им, министром обороны. (По его приказу были приведены в состояние боевой готовности силы ВВС стратегического командования.) «Послушай, приятель, ты лучше поезжай домой и подучи конституцию», — заявил ему в ответ Хейг<sup>34</sup>. Отношения между двумя ведущими членами кабинета министров США, и ранее не отличавшиеся дружелюбием, подернулись, как говорят американцы, кислинкой. «Кризисной ситуацией в вопросах контроля над кризисной ситуацией» окрестили в американской прессе столкновение Хейга и Уайнбергера. Вплоть до самого последнего дня пребывания Хейга на посту государственного секретаря Уайнбергер и президентская «тройка» видели в нем потенциального узурпатора их функций.

Единственным деятелем администрации высшего ранга, чье поведение в эти дни было признано безупречным, оказался Буш: пока он летел на самолете в Вашингтон, один из его помощников разработал линию поведения вице-президента в сложившейся непростой обстановке. В представленных предложениях содержалась, в частности, рекомендация «не проявлять ни особой настырности, ни робости» в руководстве страной в отсутствие президента. Буш скрупулезно придерживался данных ему рекомендаций весь тот отрезок времени, в течение которого шел процесс выздоровления президента. Он руководил заседаниями кабинета министров, встречался и беседовал с иностранными лидерами, приезжавшими в США, совещался с законодателями но оставлял все важные реше-

ния до возвращения Рейгана. Через двенадцать дней после совершения покушения на его жизнь Рейган, заметно похудевший и еще передвигавшийся с большой осторожностью, был перевезен в Белый дом, где был продолжен курс лечения уже в домашних условиях. Тщательное наблюдение за процессом выздоровления Рейгана осуществлялось Нэнси Рейган, придирчиво следившей за соблюдением режима лечения, отдыха и питания и не допуская никаких отклонений от него. Ничего более важного, чем здоровье и благополучие ее мужа, для Нэнси Рейган не существовало.

В эти насыщенные драматическими событиями дни американцы, как и во время инаугурационных торжеств, вновь получили возможность лицезреть на телевизионных экранах всю рейгановскую семью. Младшие Рейганы, озабоченность которых состоянием здоровья отца не скрывала возбужденности, вызванной повышенным вниманием прессы к ним лично, посещали раненого президента в госпитале, комментировали процесс его выздоровления, сопровождали его при выписке. Вновь на короткое время возродился общественный интерес к членам этой необычной семьи, и вновь заговорили о их неординарных отношениях между собой. Этот интерес был вполне понятен и естествен: чета Рейганов была единственной из президентских семей с 40-х годов, жившей в Белом доме без детей и внуков. Правда, молодое поколение Рейганов уже давно вышло из детского возраста, но даже самый молодой представитель этого поколения — Рональд Рейган-младший в отличие от своих сверстников — детей предшествующих обитателей Белого дома никогда не жил с родителями в 25-комнатной президентской резиденции. Бросающуюся в глаза отчужденность младших Рейганов от президентской четы объясняли по-разному — кто их рано проявившейся самостоятельностью и понятным стремлением молодых людей к независимости, кто сложными отношениями с Нэнси Рейган. Скорее всего были правы и те и другие.

Как ни странно, но более или менее регулярные отношения с Рональдом и Нэнси Рейган практически на всем протяжении их жизни в Белом доме поддерживала старшая дочь президента от первого брака с Джейн Уайман — Морин. Только ей, единственной из четырех младших Рейганов, удалось наладить не просто приличные, но даже в какой-то степени доверительные отношения с Нэнси Рейган, принципиально не выносившей женского присутствия в доме, тем более такого присутствия, которое могло претендовать на внимание и лю-



бовь ее мужа. В формировании таких отношений играло роль и то, что консервативная общественная и политическая позиция старшей дочери мужа импонировала Нэнси в гораздо большей степени, чем либерально-радикальные «вывихи» в мыслях и вызывающе современный образ жизни ее родных детей — Патриции и Ронни-младшего. Лишь Морин, давняя активистка республиканской партии, не ставила отца в неловкое положение непродуманными выходками и заявлениями, чем, по всей видимости, и заслужила признательность и расположение Нэнси Рейган.

Как бы расплачиваясь за везение, сопровождавшее их отца на протяжении всей его жизни, дети Рейгана как от первого, так и от второго брака оказались неудачниками в профессиональной и личной жизни. За свою жизнь Морин Рейган перепробовала множество профессий, включая карьеру актрисы, певицы, телевизионной ведущей, деловой женщины, и даже пыталась добиться избрания в 1982 г. в сенат США от Калифорнии, но нигде не добилась успеха. Постоянная неудовлетворенность и экзальтированность, присущая ее натуре, помешали ей получить высшее образование (она бросила учебу в колледже) и найти счастье в семейной жизни (она была несколько раз замужем, но все браки кончались разводом). Ее энергия оказывалась весьма полезной в ходе всех предвыборных кампаний Рейгана, в которых она проявила больше активности, чем остальные ее сводные братья и сестра, вместе взятые. Полагая, что она имеет на то полное право как член семьи, вложивший в победы отца больше сил, чем кто-либо другой (за исключением, естественно, Нэнси Рейган), Морин часто присутствовала на официальных отцовских торжествах, всем своим видом и поведением демонстрируя при каждом удобном случае свою верность, любовь и лояльность к нему. По словам пресс-секретаря Белого дома Спикса, президентские помощники и даже государственный секретарь Дж. Шульц опасались Морин не меньше, чем Нэнси Рейган. Рейган, никогда не проявлявший особо теплых родительских чувств ни к старшим, ни к младшим своим детям, в какой-то степени выделял Морин, считая ее более самостоятельной и предсказуемой, чем остальные его дети. Но вход в святилище — в семью, состоящую только из двух человек — Нэнси и Рональда Рейган, Морин точно так же, как и другим молодым Рейганам, был заказан решительно и бесповоротно. «Никто из нас им не нужен, — констатировала Морин. — Они имеют друг друга. Они являются друг другу лучшими друзьями, и это продолжается уже более 30 лет. Это не жалоба. Это факт»<sup>35</sup>.

Приемному сыну Рейгана и Джейн Уайман Майклу было

всего года два, когда распалась их семья, так что совместной жизни с отцом он практически не знал, и нет ничего удивительного в том, что главным авторитетом для него всегда оставалась мать. Принимая активное участие, правда лишь в выходные дни, в кампании за избрание Рейгана президентом США, Майкл делал это без особого энтузиазма и скорее в расчете на то, что ассоциация с именем отца окажется полезной в его личной карьере мелкого бизнесмена, чем из какой-то особой любви или симпатии к нему. Уже в первые месяцы после того, как Рейган стал президентом, Майкл был уличен в незаконных сделках с использованием налаженных им контактов в администрации и злоупотреблением именем отца. Рональд Рейган, не говоря уже о Нэнси Рейган, не испытывал особого расположения к Майклу и его семье, хотя сын и дочь Майкла были и остаются до сих пор единственными внуками Рейганов. Лишь ненамного удачливее своей старшей сестры в профессиональной карьере и семейной жизни (и он прошел через многие профессии и развод со своей первой женой), Майкл стал в отличие от нее изгоем, которого очень редко видели в Белом доме в течение всех восьми лет пребывания Рейгана на посту президента.

Выше уже рассказывалось о дочери Рональда и Нэнси Рейган Патриции, покинувшей родительский дом в начале 70-х годов и решившей взять псевдоним Патти Дэвис в стремлении самостоятельно утвердиться в жизни. Решение Патриции бросить учебу в университете и посвятить себя артистической карьере было оценено родителями крайне отрицательно. К возмущению ее решением уйти из университета примешивалось негодование по поводу активного участия Патриции в антивоенном движении, в выступлениях американской молодежи против войны во Вьетнаме. Ее отношение к семье и браку расценивалось придерживавшимися викторианских взглядов на любовь Рональдом и Нэнси Рейган как крайне легкомысленное. Карьеру Патти Дэвис нельзя было назвать успешной: ни драматической актрисы, ни сколько-нибудь популярной исполнительницы собственных песен из нее не получилось. Скорее всего в надежде на то, что ассоциация с именем главы государства может оказаться полезной в ее профессиональной карьере, Патти Дэвис не упускала случая присутствовать рядом с родителями на празднествах по случаю инаугурации отца, хотя в отличие от своих братьев и сестры вообще не принимала никакого участия в предвыборных кампаниях Рейгана, ссылаясь на свою «полную аполитичность». Американцы увидели ее вновь по телевидению, когда она вместе с матерью сопровождала возвращавшегося в апреле 1981 г. из госпиталя в Белый дом Рейгана. Первым успехом в ее творческой жизни

был выход в свет уже упоминавшегося выше автобиографического романа «Домашний фронт», который не представил бы в силу своей художественной слабости и тривиальности сюжета никакого интереса для американских издателей и читателей, не будь его автором дочь президента США. На протяжении последующих лет рейгановского президентства имя Патти Дэвис лишь периодически появлялось на страницах американских газет, да и то в основном в связи с выходом в свет ее книги или же в связи с сообщениями о реакции на нее Нэнси Рейган. Судя по всему, авторства книги Нэнси Рейган своей дочери не простила: в Белом доме Патти Дэвис видели с тех пор очень редко. Вопреки традиции, поддерживавшейся всеми президентскими детьми, церемония замужества Патти Дэвис в 1984 г. состоялась в одном из Вашингтонских отелей, а не в Белом доме. Напряженность в их отношениях сохранилась и после того, как Рейганы покинули Белый дом.

Рональд-младший, прозванный в семье «Скипом» (от «Скиппер», или «Капитан», как его ласково называл в детстве отец), бросил в 1976 г. учебу в престижном Йельском университете, объявив родителям о своем решении стать балетным танцовщиком. Какое-то время Ронни выступал в кордебалете профессиональной балетной труппы Джоффри, затем снимался в телевизионных постановках, занимался журналистикой, в том числе и в периодических изданиях, не отличавшихся пуританскими взглядами на мораль. При том, что «Скип» считался любимцем своих родителей, ни Рональд, ни Нэнси Рейган не проявляли особого внимания к нему и не делали никаких исключений для него в своем одинаково индифферентном отношении к тому, что происходит с их детьми и какого образа жизни они придерживаются. Свою «дешевую популярность» в стране (это его собственное выражение) Ронни-младший, надо отдать ему должное, всегда воспринимал с достаточно большой степенью иронии, издеваясь и над собой, и над теми, кто пытался использовать его в целях саморекламы. Многие его поступки были рассчитаны на эпатаж окружающих, включая даже его собственных родителей. Так, в журнале «Вэнити фэйр» были опубликованы фотографии Ронни-младшего, делающего более или менее классическое балетное антраша в красном нижнем белье и белых носках, с «панковской» прической и в темных очках. Удовольствия его родителям эти разошедшиеся по всей стране снимки, естественно, не доставили, но «первого сына» страны это обстоятельство, судя по всему, мало волновало. Его, как молодого человека, склонного пусть даже с элементом клоунады к самоиронии и трезвой оценке происходящего вокруг него оживленного действия, наверное, не могло не забавлять повышенное

внимание к его особе, с которым он сталкивался при своих выездах за пределы Соединенных Штатов. В ряде стран представители официальных властей и средства массовой информации оказывали ему прием явно по категории «очень важных персон», скорее всего не отдавая себе отчета в том, что на самого президента (ради которого по существу и устраивалась подобная встреча) все это не производило никакого впечатления и, конечно уж, никак не отражалось на политическом курсе США в отношении этих стран. Л. Спикс, президентский пресс-секретарь, считал, что Ронни-младший всегда был самым любимым из четырех детей. Далее любовь Рональда и Нэнси Рейган шла по нисходящей в следующем порядке: Морин, Майкл и Патти.

Присутствие в Белом доме молодежи, а тем более детей младшего возраста, всегда накладывало особый отпечаток на атмосферу, царившую в президентской резиденции. Время от времени, особенно в дни семейных и национальных праздников, в личных апартаментах главы государства царило всеобщее оживление, в которое оказывались вовлеченными даже сотрудники аппарата Белого дома. Детские дни рождения и рождественские елки отмечались с приглашением маленьких гостей — соучеников и соучениц президентских детей или внуков, в результате чего Белый дом — символ высшей государственной власти США превращался на время в обычный американский дом, а «первая семья страны» — в заурядную гостеприимную американскую семью. Подобные празднества, лишённые малейшего намека на официальщину, привлекали внимание представителей прессы и широко освещались на страницах газет и в теленовостях, способствуя созданию впечатления о простоте и доступности президента. Дух, царивший в рейгановском Белом доме, был совершенно иным.

Изменения, происшедшие с приходом к власти Рейгана, бросались в глаза особенно в сопоставлении с атмосферой, которая царила в президентской резиденции при Картере. На смену подчеркнутой простоте и даже аскетизму семьи Картеров пришли изысканность и великолепие в голливудском, т. е. «показушном», стиле. В Нэнси Рейган, по ее словам, с давних пор дремал без дела «неудавшийся декоратор интерьера»; с переездом четы Рейганов в Белый дом применение этим способностям было найдено. Рука и вкус новой хозяйки чувствовались на каждом шагу — и в верхних жилых помещениях, и внизу, где располагались комнаты и залы для официальных приемов. Броские сочетания красок с неизменным присутствием красного цвета, многочисленные, начищенные до блеска канделябры и бронзовые скульптуры, развешанные по стенам картины западных мастеров и множество ярких цветов

в расставленных повсюду вазах отвечали представлению Нэнси Рейган о президентской резиденции как о доме, непохожем на какой-либо другой. К участию в официальных мероприятиях Белого дома вновь были привлечены отсутствовавшие в предшествующие четыре года внешние атрибуты верховной власти США, такие, как почетный караул, наряженный в опереточные формы, трубачи, возвещавшие о появлении президентской четы и почетных иностранных гостей. Возвратились и пышные балы, и роскошные приемы. Вновь стало модным быть приглашенным на прием в Белый дом, оказаться среди самых известных, самых богатых, самых элегантно и изысканно одетых и кажущихся самыми беззаботными людей Америки — гостей президента США и «первой леди», встречавших приглашенных неизменной сердечной улыбкой или дружеской шуткой. Постоянными гостями на президентских приемах и вечерах были старые приятели Рейгана по Голливуду: Боб Хоуп, Фрэнк Синатра, Джеймс Стюарт, Чарлтон Хестон и другие и, конечно, калифорнийские «друзья» Альфред Блумингдейл, Джастин Дарт, чета Джоргенсенов и многие другие миллионеры, надолго снимавшие самые роскошные номера в известной вашингтонской гостинице «Уотергейт», дабы не терять зря времени и не расходовать лишних средств на частые перелеты из Калифорнии в федеральную столицу — ведь в первые месяцы рейгановской администрации приемы в Белом доме следовали один за другим. Главным распорядителем всей этой роскоши была Нэнси Рейган. «Ее участие во всем этом самое непосредственное, — сообщала представителям прессы личный секретарь президентской супруги Маффи Брэндон. — Она осуществляет наблюдение за всем: за списком приглашаемых, за цветами, за выбором вин, за организацией зрелищных мероприятий, буквально за всем»<sup>36</sup> Президент полагался на свою жену во всем. По всеобщему признанию, долгое супружество президентской четы являло собой истинный симбиоз двух взаимодополняющих и взаимоудовлетворяющих натур, объединенных одной целью в жизни. Как писал журнал «Тайм», «она (Нэнси Рейган) создает условия, в которых он (Рональд Рейган) может процветать, тем самым заботливо лелея ее»<sup>37</sup>

Первой ласточкой, сигнализовавшей о том, что далеко не все американцы получали удовольствие, наблюдая за роскошной жизнью обитателей Белого дома и их друзей, было появление в продаже почтовых открыток, на которых Нэнси Рейган изображалась с накинутой на плечи собольей мантией и с усыпанной бриллиантами короной на голове. Кто-то из ближайших сотрудников Рейгана порекомендовал ей воздержаться от выражения возмущения по этому поводу и постараться свести

все дело к шутке. Но то, что так хорошо удавалось самому Рейгану, оказалось выше сил и способностей самолюбивой «королевы Нэнси»: в ее устах шутливая фраза «Я никогда не ношу короны, так как она портит прическу» прозвучала свидетельством легкомысленности, диссонирующей с теми трудностями, с которыми сталкивались в своей повседневной жизни многие рядовые американцы. Все реже стали приходить в редакции газет (а вскоре и вовсе перестали поступать) письма читателей, восхищавшихся «элегантностью и высокими идеалами нашей первой леди», которая «сменила моду на грязные джинсы и всклокоченные волосы модой на красивые платья и хороший вкус». И все чаще стали поступать письма, осуждающие «гедонизм» Нэнси Рейган в условиях, когда «ее муж призывает многих американцев к жертвам и экономии»<sup>38</sup>. В начале 1982 г. ситуация стала настолько серьезной, что часть сотрудников аппарата Белого дома рекомендовала сократить до минимума появление президентской супруги на публике.

Некоторое падение личной популярности президента стало отмечаться еще до покушения на его жизнь. Газета «Нью-Йорк таймс» объясняла это тем, что, хотя «американцам нравится этот держащийся с достоинством, добродушный президент, они сомневаются в его способности разрешить растущие проблемы»<sup>39</sup>. Покушение, вызвавшее искреннее сочувствие и симпатии у американцев, отодвинуло наступление того неизбежного момента, когда от нового президента и его администрации ожидают уже успехи в решении стоящих перед страной проблем. Но эта отсрочка не могла продолжаться бесконечно даже при том, что американцы были склонны по-прежнему винить в отсутствии результатов не столько самого президента, сколько администрацию в целом, а в игнорировании нужд бедствующих и благоволении к богатым — кого угодно, но не Рейгана. И все-таки перемены в общественном настроении не могли полностью обойти президента: индекс его популярности понизился, хотя даже к концу первого года его пребывания в Белом доме продолжал оставаться на относительно высоком уровне — 49 %.

\*

Когда в конце 1981 г. Рейгана спросили, от какого из своих решений первых шести месяцев президентства он воздержался бы сейчас, последовал ответ в шутливом духе: «Я бы не поехал в гостиницу «Хилтон»». (Имелся в виду тот роковой день, когда на него было совершено покушение.) Но, решись Рейган ответить на этот вопрос журналиста серьезно,

ему пришлось бы признать, что многое из того, что было принято его администрацией в те первые месяцы, не могло быть предметом гордости руководства такой страны, как США. А признав это, президент был бы вынужден признать и то, что ни он, ни те, кто встал вместе с ним у государственного руля, не имели представления о большинстве стоявших перед американским обществом проблем в области внешней или внутренней политики и о путях их решения.

С того дня, когда он победил на выборах, Рейган неоднократно заявлял, что получил от американских избирателей широкий «мандат на перемены». Говорили о полученном президентом «мандате на перемены» и многие из его ближайших соратников; министр финансов Риган утверждал, что, избрав Рейгана президентом, избиратели поручили ему обеспечить сокращение налогов; директор административно-бюджетного управления Стокман считал, что избиратели, предпочтя Рейгана, дали добро на сокращение программ социального вспомоществования; сенатор Лэксолт настаивал на том, что, отдав свои голоса Рейгану, американские консерваторы дали ему наказ поддерживать законодательство, запрещающее аборты, разрешающее смертную казнь и, вообще, способствующее реализации консервативных целей. Вице-президент США Буш предупреждал конгресс США, что, выступая против рейгановской программы экономического возрождения Америки, сенаторы и конгрессмены выступают по сути дела против мандата, данного Рейгану американским народом. Сам президент утверждал, что предоставленный ему американскими избирателями мандат предусматривал полную свободу рук администрации в области укрепления военной мощи и международного авторитета США. Результаты исследования, проведенного Мичиганским университетом, опубликованные газетой «Вашингтон пост» в конце июня 1981 г., свидетельствовали об ином. «Голосование явилось выражением озабоченности американцев инфляцией, темпами экономического роста и военной мощью и престижем США за рубежом, а вовсе не четко выраженным одобрением конкретных методов решения этих проблем,— писал руководитель исследования А. Миллер.— Неоднократные утверждения администрации о существовании «мандатов» могут рассматриваться как попытка сформировать общенародный консенсус либо путем выдумывания общенародных желаний, либо же путем выборочного использования фактов, подкрепляющих ее утверждения»<sup>40</sup>.

Одобренный конгрессом США федеральный бюджет на 1982 финансовый год в размере 688,8 млрд долл. превышал бюджет предшествующего года на 42 млрд долл. и предусматривал самые высокие за всю историю страны военные расходы

в мирное время. За пять лет войны во Вьетнаме, с 1965 по 1970 г., уровень ежегодных военных расходов США вырос на 24 млрд долл. (или, с учетом уровня цен 1981 г., на 53 млрд долл.). В случае же реализации программы экономического возрождения Америки, предложенной администрацией Рейгана, за пятилетие 1981—1986 гг. военные расходы США должны были повыситься на 181 млрд долл., т. е. более чем в 3,5 раза по сравнению с периодом войны во Вьетнаме, и составить в 1986 финансовом году 343 млрд долл. (в 1981 финансовом году они составляли 162 млрд долл.). Американский экономист Л. Туроу писал в своей книге «Общество с нулевой суммой», комментируя экономические выкладки администрации Рейгана, что президент одновременно пытается добиться двух целей: «резкого снижения налогов для увеличения капиталовложений и еще более резкого повышения военных расходов. Но он не сможет одновременно добиться и того, и другого без дальнейшего разрушения экономики, если он не проявит при этом готовности пойти на резкое повышение налогов на частного потребителя. Но он решил не делать этого»<sup>41</sup>.

Хотя Рейгану и удалось с помощью всевозможных компромиссов и увещеваний добиться от конгресса США одобрения федерального бюджета на 1982 финансовый год с незначительными отклонениями от разработанного администрацией проекта, это вовсе не означало, что экономические проблемы, стоявшие перед его предшественником, были решены. Скорее, напротив: в бюджете на очередной финансовый год были заложены изначально и остались в утвержденном законе такие положения, как налоговые послабления корпорациям, высокие учетные ставки, неуклонный рост военных расходов, сокращение бюджетных ассигнований на социальную помощь, включая и выплату пособий по безработице, увеличение долевых выплат престарелыми пользователями медицинского страхования, значительное сокращение ассигнований на социальное вспомоществование многодетным семьям и нуждающимся и т. п. Даже Стокман, основной автор и инициатор многих положений бюджетного законопроекта, был вынужден признать, что администрация дала знать генералам и адмиралам, что они могут ослабить пояса, тогда как все остальные будут вынуждены их потуже затянуть<sup>42</sup>. В результате, несмотря на сокращение ассигнований по статьям социальных расходов, проблема бюджетного дефицита не только не была решена, но и наметилось ее дальнейшее обострение. Не могло способствовать решению этой проблемы и принятое в последний момент Рейганом решение поступиться одним из своих основных предвыборных обещаний и сократить подоходный налог в первый год своего пребывания у власти не на 10, а на 5 %, начи-



ная не с 1 января (т. е. ретроактивно), а с 1 октября 1981 г. К концу года видные американские экономисты настойчиво рекомендовали президенту вовсе отказаться от обещанного сокращения подоходного налога во избежание катастрофических последствий для американской экономики. Согласно их расчетам, для выполнения этого обещания администрации предстояло сократить свои расходы дополнительно на 70—90 млрд долл., чего можно было достичь лишь путем сокращения военных расходов или же путем полной ликвидации одной из программ социального вспомоществования. В противном случае дефицит федерального бюджета грозил значительно превысить 100 млрд долл. в 1984 г. Первым признаком надвигающейся опасности для экономики страны стало увеличение суммы государственного долга США до 1 трлн долл., о чем было объявлено 22 октября 1981 г. Американцев поразила не фантастическая, а следовательно, и не представляемая реально цифра в 1 трлн долл. (кому доводилось видеть триллион чего бы то ни было «живьем»?), а иллюстрация, которой сопровождалось объявление о выросшем государственном долге страны: для того, чтобы отсчитать эту сумму однодолларовыми бумажками, понадобилось бы около 32 тыс. лет. Вот это впечатляло!

В октябре же президент объявил, что страна переживает период короткого и, как он надеется, легкого экономического спада. Экономическая статистика тех месяцев свидетельствовала о том, что такая оценка экономической ситуации в стране была лишь попыткой выдать желаемое за действительное. Производственные возможности промышленных предприятий использовались в среднем на 78,5 %, безработица выросла в сентябре до 7,5 % и, по всем расчетам, должна была составить 8,5 % к концу года. На 42 % выросло число банкротств по сравнению с предшествующим 1980 годом. За рейгановским признанием наличия экономического спада в стране последовало заявление министра финансов Ригана, подтвердившего возможность достижения сбалансированного бюджета к 1984 г.

Можно себе представить, какое впечатление на политические круги и широкую общественность страны произвели опубликованные в ноябре 1981 г. журналом «Атлантик» откровения директора Административно-бюджетного управления (АБУ) Д. Стокмана в серии интервью с журналистом Уильямом Грейдером. Трудно понять причины, заставившие Стокмана высказать свое истинное отношение к «рейганомике» на столь раннем этапе реализации экономической программы администрации, да еще в непонятно наивной надежде, что содержание интервью можно будет сохранить в тайне от обще-

ственности. Не исключено, что, поняв раньше многих своих коллег, к чему приведут экономические прожекты администрации, он решил заблаговременно заручиться индульгенцией. По словам Стокмана, экономические выкладки администрации основывались не на серьезных и тщательных расчетах, а на домыслах и догадках. «Никто из нас толком не понимает, что происходит с этими цифрами»,— заявил он, не снимая с себя вины за введение в заблуждение конгресса и народа США. По мнению Л. Кэннона, «абсурдные утверждения администрации на раннем этапе ее пребывания у власти о меньшем дефиците и сбалансированном бюджете были основаны не столько на данных, предложенных АБУ, сколько на убеждении Рейгана, что его программа сработает,— на убеждении, которое он неоднократно высказывал еще до того, как Стокман стал директором АБУ, и которое он повторял не раз своим помощникам и близким к нему лицам даже после того, как ему должно было все стать ясным. Президентский оптимизм был заразным, и его инфекция не обошла Стокмана. Подобно Рейгану, он хотел верить, что рейганомика сработает или же что будет найдена возможность заставить ее работать»<sup>43</sup>. Но эти ожидания не оправдались, и кому-то надо было нести за это ответственность. «Козлом отпущения» был избран Стокман, который-де ввел президента, а с ним и всю страну в заблуждение своими неоправданно оптимистическими прогнозами. Единого мнения в отношении того, что делать с «безответственным» Стокманом, не было даже среди ближайших помощников и советников Рейгана. Два члена всемогущей «тройки» Белого дома, Э. Миз и М. Дивер, настаивали на отставке Стокмана, считая его «предателем», тогда как Дж. Бейкер полагал необходимым для пользы дела оставить его на посту директора АБУ. Окончательное решение осталось за самим президентом. Стокман подал прошение об отставке, но Рейган не принял его: ведь директор АБУ по существу принял на себя весь заряд полагавшейся президенту критики, выведя его тем самым из-под огня. Солдат, подставивший в бою свою грудь под выстрелы и спасший таким образом своего командира, заслуживал во всех армиях поощрения, а не наказания. (Надо сказать, что за все эти дни никто ни разу не вспомнил, что всего лишь несколькими месяцами раньше Рейган представлялся американской общественности человеком с высшим экономическим образованием, т. е. способным понимать тонкую экономическую материю.) Ни откровения Стокмана, ни экономическое положение страны не смогли подорвать уверенность Рейгана в блестящей перспективе, ожидающей экономику США в случае реализации предложенных им планов экономического возрождения. Если

цифры расходились с реальностью, тем хуже для реальности: счастливой звезде Рейгана предстояло навести в этой непослушной реальности отвечающий его расчетам порядок. На экономистов надеяться больше не приходилось.

Преувеличение позитивных последствий для федерального бюджета в случае сокращения ассигнований на социальные программы дало возможность Рейгану провести через конгресс США и оправдать перед общественностью значительное увеличение ассигнований на вооруженные силы и наметить программу их дальнейшего роста на ближайшее пятилетие. Но рост военного бюджета при всей реальности крупных дивидендов для военно-промышленных корпораций родного штата президента, получавшего даже в 1980 г. более одной пятой военных заказов Пентагона \*, не был самоцелью для хозяина Белого дома. «Военные расходы независимо от того, разумны они были или нет, стали знаменем для демонстрации национальной решимости,— писала газета «Нью-Йорк таймс» еще до официального вступления Рейгана на пост президента США.— Военный бюджет — не просто элемент внешней политики, он — ее главный символ»<sup>44</sup>. Автор этих строк, политический обозреватель газеты Р. Холлоран, подводил итог четырехлетнему пребыванию у власти администрации Картера, но его слова прозвучали в те дни и прогнозом на будущее. Ближе к концу первого года пребывания Рейгана у власти в той же газете «Нью-Йорк таймс» появилась статья за подписью политического обозревателя Флоры Льюис, которая констатировала, что «в основе все большего числа внешнеполитических проблем оказывается оружие. Дипломатия превратилась в большинстве случаев в искусство передачи оружия. Взаимоотношения с европейскими союзниками концентрируются вокруг вопроса о размещении американских ракет. В качестве умиротворителя гражданских волнений в Сальвадоре было предложено оружие. Оружие называется свидетельством искренности взаимоотношений с Китаем... Одержимость оружием делает Соединенные Штаты опасными для хрупкого равновесия в мире»<sup>45</sup>. Программа дальнейшего наращивания американских стратегических ядерных арсеналов, охватывающая всю триаду стратегических сил — ракеты наземного базирования, ракеты морского

\* По мере реализации выдвинутой администрацией Рейгана программы перевооружения страны и строительства новых видов вооружений доля Калифорнии неуклонно росла и к концу 1988 г. превысила 25 % ежегодных военных заказов Пентагона.

базирования и стратегические бомбардировщики, объявлялась Белым домом единственной возможностью восстановить утраченный Соединенными Штатами «резерв безопасности». В рамках программы модернизации американских ядерных вооружений, общая стоимость которой оценивалась в 180 млрд долл., предполагалось, в частности, завершение строительства межконтинентальных ракетных систем MX, строительство по крайней мере ста стратегических бомбардировщиков В-1 стоимостью 200 млн долл. каждый, строительство по одной атомной подводной лодке «Трайидент» в год, совершенствование радарно-спутниковой системы предупреждения о ядерном нападении, совершенствование системы раннего предупреждения для Северной Америки, продолжение научных исследований в области строительства системы обороны от баллистических ракет с возможным размещением ее в космическом пространстве и др. Цель достижения военного превосходства над Советским Союзом Белым домом не скрывалась, хотя при этом президент упоминал о готовности вести переговоры о контроле над вооружениями с СССР. Само собой подразумевалось, что такие переговоры велись бы «с позиции силы»: иного уровня взаимоотношений с СССР администрация в обозримом будущем не предусматривала.

Военное противостояние Советскому Союзу стало краеугольным камнем американской внешней политики. По словам Дж. Рестона, в лексиконе президента и других руководителей администрации «детант» (разрядка) стало ругательным французским словом, которым не следует пользоваться в приличной компании. Они превратили Сальвадор в узловой вопрос, которым проверялось состояние американо-советских отношений, обвиняли Москву в организации большинства террористических акций в мире (это обвинение оспаривало даже их собственное ЦРУ) и подчеркивали «неизбежность» советского вторжения в Польшу»<sup>46</sup>. Воинственная риторика президента и других представителей администрации свидетельствовала о том, что основная внешнеполитическая и военно-политическая установка на обострение взаимоотношений с СССР и мобилизацию энергии американских союзников на решительное противостояние распространению коммунистического влияния в мире разделялась всеми руководителями внешней и военной политики страны. Вместе с тем публичные высказывания этих лиц свидетельствовали о наличии заметного «разнобоя» в способах решения затрагиваемых ими проблем и, самое главное, об отсутствии центрального авторитета, способного согласовать различные точки зрения и выработать единую линию и единый подход. Американские политические обозреватели нашли объяснение этому в отсутствии у Рейгана

опыта внешнеполитической деятельности, знания внешнеполитических проблем, да и желания ими серьезно заниматься.

С давних пор американские политические деятели в своей борьбе за Белый дом концентрируют основное внимание на проблемах социально-экономического характера, исходя из особой важности этих проблем для американского избирателя. Но стало правилом и то, что, оказавшись в Белом доме, президенты чуть ли не с первого же дня уделяют предпочтительное внимание внешней политике. Исследователи, подметившие эту особенность практически всех американских президентов текущего столетия (да и вообще многих государственных лидеров), объясняют ее тем, что социально-экономические проблемы оказываются, как правило, много сложнее внешнеполитических, а их решение требует гораздо большего времени при гораздо меньших политических дивидендах для правительства и главы государства и несравнимо меньшем внимании к ним со стороны прессы. Кроме того, внешнеполитические успехи по своему национальному и международному резонансу намного превосходят имеющие, как правило, сугубо внутреннее значение успехи в социально-экономической области, а в тех случаях, когда президент и правительство сталкиваются с серьезными внутривнутриполитическими проблемами и даже кризисами, успехи, достигнутые во внешнеполитической области, оказываются эффективным средством отвлечения общественного внимания, а при необходимости и незаменимым средством укрепления пошатнувшегося авторитета главы государства и завоевания общественной поддержки его действий. Можно было бы вспомнить в этой связи попытки президента Никсона сбить накал уотергейтского кризиса серией встреч на высшем уровне с Л. И. Брежневым или же кэмп-дэвидские соглашения между Египтом и Израилем, достигнутые при активном участии президента Картера в период серьезного ослабления его политических позиций и роста экономических проблем в стране.

Рейган и в этом оказался в первое четырехлетие непохожим на своих предшественников в Белом доме, уделяя неизмеримо больше внимания деятельности в социально-экономической сфере. Л. Кэннон объяснял эту рейгановскую «непохожесть» тем, что «повестка дня Рейгана во внутривнутриполитических делах уже в достаточной мере сложилась и была им освоена в результате повторения на протяжении многих лет. В области же внешней политики он начинал практически с нуля. Он вступил на пост, располагая скорее точкой зрения, чем политическим курсом, точкой зрения, которая была антисоветской, произраильской и в основном поддерживающей Атлантический союз»<sup>47</sup> Эта особенность политического опыта Рейгана

в сочетании с растущей неопределенностью, кто же именно и в какой степени осуществляет руководство внешней политикой США, представляла серьезную опасность. Заголовок статьи, опубликованной 20 июня английским журналом «Экономист», — «Мир становится слишком сложным для Белого дома» — отражал опасения европейских союзников США и их сомнения в способности рейгановской администрации справиться с комплексом внешнеполитических проблем начала 80-х годов. «Администрация представляла собой лишенную головы коалицию, объединяемую только ее риторикой. Провозглашенная ею фарисейская жесткая линия напоминала о более простодушной эре «холодной войны», когда конфронтация, подобная «берлинскому вопросу», была реальностью жизни. Ортодоксальные элементы выражали обеспокоенность по поводу того, что может случиться, когда характер рейгановского президентства станет ясным в столицах других стран. У них были все основания для беспокойства. Во многих столицах испытали резкое чувство разочарования. В первую очередь и прежде всего такое чувство испытали в Москве. Жесткий, но реалистично мыслящий Рейган, которого ожидали увидеть Советы, предстал перед ними опасной и нереалистичной личностью, человеком, готовым к войне и убежденным в ее неизбежности», — писал о первых месяцах рейгановского президентства Дж. Ньюхаус. Укреплению такого впечатления во многом способствовали руководящие деятели администрации, не раз ссылавшиеся на необходимость приобретения Соединенными Штатами способности вести войну с Советским Союзом в глобальном масштабе. Да и сам Рейган в ходе одной из своих пресс-конференций высказал мысль о возможности ограниченной ядерной войны. Последующие разъяснения и уточнения сотрудников Белого дома по поводу неверно-де понятых слов президента не сняли напряжения, созданного рейгановским заявлением, даже среди союзников, не говоря уже о серьезной озабоченности, которую вызвало президентское заявление в Советском Союзе.

Можно было бы, конечно, как предлагали некоторые американские политические обозреватели, отнестись с меньшей серьезностью к подобным высказываниям президента, зная о его склонности к малопродуманным высказываниям и весьма поверхностном представлении о внешнеполитических проблемах. Кое-кто опять предлагал почаще вспоминать рекомендацию никсоновского министра юстиции Митчелла обращать внимание не на то, что говорят государственные деятели, а на то, что они делают. Но полностью игнорировать то, что говорили и президент Рейган, и другие руководящие члены его администрации, было невозможно, тем более что их слова

нередко сопровождалась и соответствующими конкретными действиями. На одном из первых слушаний в конгрессе, касавшихся федерального бюджета США на 1982 финансовый год, министр обороны Уайнбергер говорил о необходимости обеспечения способности США «сдерживать или вести войну с Советским Союзом в глобальном масштабе», и конгресс США утвердил самые высокие военные расходы в мирное время. В 1980 г., будучи еще претендентом на пост президента США, Дж. Буш, ставший вице-президентом, говорил, что ядерное превосходство не имеет значения лишь в том случае, «если вы верите в невозможность победы в обмене ядерными ударами... Я в это не верю». Беседуя в Белом доме с группой приглашенных редакторов провинциальных газет, Р. Рейган, отвечая на вопрос, предполагает ли он возможность ограниченного обмена ядерными ударами, довольно беззаботно заявил, что он видит такую возможность, «когда может быть произведен обмен ударами тактического ядерного оружия на поле войны без того, чтобы какая-либо из крупных держав нажала на кнопку». Напряженность в советско-американских отношениях возрастала буквально с каждым подобным заявлением. «Взаимоотношения между Вашингтоном и Москвой редко были хорошими,— писал Дж. Ньюхаус,— но уже давно они не были столь плохими, как на раннем этапе президентства Рейгана»<sup>48</sup>.

Возникал вполне резонный вопрос: в какой мере нес сам президент ответственность за разногласия и «кутерьму» (по определению одного из сенаторов США) в формулировании внешней и военной политики страны и в каких пределах причиной «броунова движения» в высших эшелонах власти: были организационные просчеты, а в какой — личные качества президента. Люди, имевшие за своей спиной длительный опыт общения с внешнеполитическим аппаратом американского государства, утверждали, что руководство внешней политикой в администрации Рейгана принципиально отличалось от того, как руководили внешней политикой при его предшественниках в Белом доме. В стиле руководства американской внешней политикой при Рейгане не было прежде всего президентского единоначалия, столь явственно проявлявшегося в годы администраций Ф. Рузвельта и Дж. Кеннеди, как не было и четко сложившегося «тандема» президента с государственным секретарем, подобного тому, который стал признанной всеми реальностью в никсоновской администрации после прихода на пост руководителя внешнеполитического ведомства Г. Киссинджера. Не взял Рейган примера ни с президента Г. Трумэна, во многом полагавшегося на государственного секретаря, ни с президента Д. Эйзенхауэра, возлагавшего большую от-

ветственность на аппарат Совета национальной безопасности (но с доминирующей ролью, отведенной государственному секретарю Дж. Ф. Даллесу). И уж конечно, рейгановский стиль руководства внешней политикой страны никак не походил на стиль руководства Дж. Картера, считавшего своей обязанностью и даже долгом лично заниматься решением даже второстепенных внешнеполитических проблем. Единственное, в чем руководство внешней политикой в администрации Рейгана в какой-то степени походило на некоторые из прежних администраций, было наличие серьезных разногласий и личной неприязни между руководителями ведомств, занимавшихся выработкой тех или иных аспектов внешнеполитического курса США. Но на этот раз в отличие от администраций Никсона, Форда и Картера (в которых такие конфронтационные отношения устанавливались в основном между государственными секретарями и помощниками президента по вопросам национальной безопасности) враждующими сторонами были государственный секретарь Хейг и министр обороны Уайнбергер при практически игнорируемом ими и в свою очередь отвергающем их помощнике президента по вопросам национальной безопасности Ричарде Аллене. Положение последнего усугублялось, однако, тем, что его игнорировали Рейган и вся «тройка» ближайших сподвижников президента из аппарата Белого дома. Политический обозреватель газеты «Вашингтон пост» Ф. Гейелин, анализирувавший сложившееся во внешнеполитическом руководстве США положение дел, пришел к выводу, что «взаимные придирки, упадок морального духа, внутренние распри, ослабляющие противоборствующие стороны, и простое отсутствие направляющей силы уже обходятся очень дорого внутри страны и обойдутся в будущем еще дороже. Что же касается внешнего мира, где такое положение отражается на доверии и понимании союзников и способно вызвать непонимание у противника, цена этому много выше и опаснее». «Наихудшим аспектом проблемы рейгановского руководства внешней политикой,— заключал Гейелин,— является то, что единственный человек, который в состоянии что-то сделать с этим, т. е. сам Рональд Рейган, судя по всему, даже не отдает себе отчета в том, что такая проблема существует»<sup>49</sup>. Инстинктивно, а кое-когда и сознательно воздерживаясь от личной вовлеченности в решение сложных и малознакомых ему международных или военных проблем, президент не шел и на то, чтобы делегировать всю полноту власти в сфере внешней политики кому-либо из членов администрации.

Единственным человеком в высшем эшелоне административной власти, обладавшим внушительным внешнеполитическим опытом, был Хейг, но доверия, а тем более симпатий



к нему Рейган не испытывал, памятуя о том, как настойчиво рекомендовал ему Хейга Г. Киссинджер. Сдержанное отношение президента к Хейгу проявлялось, в частности, в том, что руководителю внешней политики США лишь с большим трудом удавалось добиваться личного приема в Белом доме. И Р. Аллен, президентский помощник по вопросам национальной безопасности, хотя был рекомендован У. Кейси и имел достаточно продолжительный опыт работы с Рейганом, оказался отстраненным от сколько-нибудь деятельного участия в планировании и формулировании политического курса администрации. (В течение многих месяцев Рейган вообще не мог понять функций Аллена при Белом доме и ограничил свое общение с помощником лишь получением сначала его устных, а позднее даже только письменных ежедневных докладов о международном положении.) Несмотря на многоопытность во внешнеполитических делах Буша и на то, что Рейган поручил именно ему возглавить (вопреки резко выраженному недовольству Хейга) специальную группу по урегулированию кризисных ситуаций за рубежом, вице-президент продолжал оставаться в глазах близких к Рейгану калифорнийцев «аутсайдером», заслуживающим лишь мелкие поручения внешнеполитического характера (типа представительства администрации на торжественных или траурных событиях за рубежом). Все остальные, пользовавшиеся неограниченным президентским доверием лица из высшего эшелона власти, такие, как Уайнбергер, «тройка» помощников из аппарата Белого дома, Кларк, и другие калифорнийцы понимали в вопросах внешней политики немногим больше, а то и меньше самого Рейгана. При всем личном к ним расположении президент не решался полностью полагаться на их рекомендации и надежность их анализа, хотя во многом и разделял их позиции.

Ситуация осложнилась к концу первого года президентства Рейгана тем, что помощник по вопросам национальной безопасности Аллен был обвинен в получении ценного подарка от японских издателей за организацию интервью с Нэнси Рейган, и тем, что «тройка» ближайших помощников президента повела «партизанскую войну» (по определению самого Хейга) против государственного секретаря. Личным противником Хейга стала даже Дж. Киркпатрик, получившая должность представителя США при ООН, которая считала, в частности, что в своей жесткой позиции по отношению к СССР Хейг многое позаимствовал у нее, но в ходе проведения этой линии допустил ошибки и «отсебятину». Хейг в свою очередь выдвигал ответные претензии к этим лицам, заявляя, что мало что смыслящие в международных делах люди меша-

ют ему в реализации внешнеполитического курса страны. Открыто (слишком открыто для собственного блага) критиковал Хейг невежественность и неопытность самого президента. В конечном счете сначала совместными усилиями «тройки» и Хейга в ноябре 1981 г. в административный отпуск неопределенной продолжительности был отправлен Аллен (в январе 1982 г. он официально подал в отставку), а затем в июне 1982 г. «тройка» добилась отставки Хейга. Никаких попыток уговорить их остаться на занимаемых постах Рейган не предпринимал, да и обычные в таких случаях выражения благодарности за проделанную работу и сожаления по поводу их решения уйти в отставку звучали очень приглушенно и фальшиво. На освободившиеся посты пришли люди, лично знакомые президенту и энергично поддержанные «тройкой» и калифорнийскими «Друзьями»: государственным секретарем США стал Джордж Шульц, занимавший ряд ответственных постов в администрации Никсона, а в последние годы являвшийся президентом калифорнийской строительной корпорации «Бектел», а президентским помощником по вопросам национальной безопасности был назначен личный друг Рейгана калифорниец Уильям Кларк, в свое время содействовавший в качестве главы секретариата губернатора Рейгана найму на работу М. Дивера и Э. Миза. Кларк получил право неограниченного доступа к президенту и полного административного контроля над деятельностью Совета национальной безопасности. Все ключевые пункты рейгановской круговой обороны были теперь заняты калифорнийцами или же их ставленниками.

\* \* \*

Политическим лидерам всех времен и всех социально-экономических систем свойственно стремление окружать себя хорошо известными им или рекомендованными хорошо известными им людьми лицами. Это стремление естественно и понятно: от лиц, попавших таким путем в ближайшее окружение лидера, меньше всего оснований ждать неприятностей. Бывают, конечно, и тут просчеты. Бывает и так, что тщательно культивируемый фаворит оборачивается главой оппозиции или даже заговора против своего патрона, но такой случай относится скорее к категории исключений, во всяком случае до тех пор, пока лидер остается в силе и ничто не свидетельствует о его неминуемом и скором крахе. Правилom же является постоянная готовность фаворита услужить лидеру.

Выше уже отмечалось, что из всех членов кабинета министров и руководящих сотрудников аппарата Белого дома, составивших администрацию Рейгана в январе 1981 г., к янва-

рю 1989 г. оставался лишь один — министр жилищного строительства и городского развития С. Пирс. (О «близости» его к президенту может свидетельствовать то, что не то на второй, не то на третий год своего президентства Рейган, здороваясь с приветствовавшими его официальными лицами, принял С. Пирса за мэра города.) Кадровые кризисы периодически лихорадили администрацию на всем протяжении ее пребывания у власти вплоть до самых последних месяцев. На различных этапах рейгановского президентства по тем или иным причинам (в большинстве случаев скандального свойства) высший эшелон администрации покидали официальные лица, пользовавшиеся личными симпатиями и доверием Рейгана, причем согласие на их отставку президент давал лишь под давлением обстоятельств или во избежание крупных неприятностей для администрации. Но, наверное, не случайно первыми ушедшими в отставку видными членами администрации были те, кто был ему навязан некалифорнийцами. С ними Рейган расставался безболезненно и без сожаления, хотя, как утверждали хорошо знавшие его люди, по природе своей он не любил конфликтов и старался их по мере возможности избегать, как избегал и необходимости принимать доставляющие кому-нибудь неприятности решения.

Несколько лет спустя после смерти Л. И. Брежнева (при его жизни это было абсолютно невысказано) советские читатели узнали из исследований и очерков советских историков о том, что собой представлял как человек и политик бывший Генеральный секретарь ЦК КПСС и глава Советского государства. Наиболее удачной попыткой анализа личности Л. И. Брежнева следует признать очерк, принадлежащий перу Р. А. Медведева и опубликованный в журнале «Рабочий класс и современный мир» (№ 6, 1988 г.). Ознакомление с результатами исследования, проведенного Р. Медведевым, позволяет сделать вывод, что при всем различии в социальных системах, воспитавших Л. И. Брежнева и Р. Рейгана как политических и государственных деятелей, при всем различии условий, способствовавших их политической карьере, в их натурах, склонностях и слабостях, стиле работы, в их отношении к окружению можно найти немало общего. Представляется любопытным сопоставить черты характера Л. И. Брежнева, приводимые Р. А. Медведевым, с чертами рейгановского характера, как их описывает наиболее авторитетный и в отличие от Р. Медведева симпатизирующий объекту своего исследования биограф 40-го президента США Л. Кэннон. И в том, и в другом случае при сопоставлении характеристик цитирование источников будет вынужденно отрывочным, но даже при таком цитировании комментарии будут излишними. «Брежнев ни-

когда не был тем, кого принято называть «сильной личностью», — пишет Р. Медведев. — Это был человек со слабой волей и слабым характером. Во многих отношениях он был человеком не только доброжелательным, но даже мягкотелым... Брежнев вполне добросовестно относился к своим обязанностям, но он не очень любил перегружать себя работой... Он никогда не стремился держать в своих руках все нити управления даже самыми важными делами и тем более не брался решать такие дела, которые могли и должны были решать работники более низкого ранга... Недостаток Брежнева состоял, однако, в том, что он при этом не слишком тщательно контролировал своих помощников и подчиненных, передоверяя им нередко и те дела, которые эффективно может выполнить только лично глава партии и государства... Из-за недостаточной активности и работоспособности Брежнева постоянно увеличивался и штат его личных помощников, секретарей, референтов, который постепенно превратился в большой и влиятельный аппарат... Брежнев привык слишком полагаться на своих помощников и подчиненных и поэтому попадал в чрезмерную зависимость от своего собственного окружения, состоящего из людей, далеко не одинаковых по своим деловым и моральным качествам. В результате Брежнев постепенно начинал жить в мире как созданных им самим, так и навязанных ему иллюзий... Брежнев был в целом человеком благожелательным, он не любил осложнений и конфликтов ни в политике, ни в личных отношениях со своими коллегами. Когда такой конфликт все же возникал, Брежнев старался избежать экстремальных решений... Эта благожелательность переходила нередко в попустительство, которым пользовались и нечестные люди. Брежнев часто оставлял на своих постах не только провинившихся, но и проворовавших работников... Не будучи сильной личностью, Брежнев обладал своеобразным инстинктом власти. Хотя он и не проявлял в прошлом ясно выраженного стремления к доминированию, он постепенно входил в роль фактического главы партии и государства, и эта роль ему все больше и больше нравилась. Он все же понимал или чувствовал, что может укрепить основу своей личной власти и влияния только путем назначения на ответственные посты в ключевых органах партийно-государственной власти не просто подходящих людей, а своих ближайших друзей, товарищей по работе... Эту группу называли часто «днепропетровской дружиной», хотя в нее входило немало людей, никогда не работавших в Днепропетровске. Было бы правильнее называть ее «командой Брежнева»... При Брежневе его «команда» разрослась до слишком больших размеров. К тому же в ней было не так уж много одаренных политиков и админи-

страторов, но множество слабых руководителей, которые могли удерживаться на своих постах только благодаря поддержке Брежнева».

Да будет прощена автору столь пространная цитата, тем более что за ней последует столь же красноречивая и вынужденно столь же длинная ссылка на характеристики, данные Рейгану его биографом Л. Кэнноном. О многих других чертах характера американского президента, схожих с брежневскими, уже не раз говорилось выше. «В семьдесят лет (напоминаем, что Л. И. Брежнев был старше Р. Рейгана на пять лет. — Э. И.) он (Рейган) не мог изменить привычкам, приобретенным на протяжении всей его жизни, и не делал вида, что, став президентом, он стал другим человеком... Рейгану доставляло удовольствие быть президентом... Он знал, что он не интеллеktуал, но верил в то, что его способность видеть мир таким, каким он виделся другим американцам, играет важную роль... Он сложным путем выяснил, насколько важен подбор помощников, совместимых с его собственной личностью и способных без особого напряжения обеспечивать работу его администрации... Хотя Рейган ценил верные ему калифорнийские кадры и предоставил им ответственные посты в своем аппарате и в своей администрации, он привлек и других лиц... Рейган не принадлежал к людям, испытывающим сомнения. Даже когда он был абсолютно не прав или располагал неверной информацией, он звучал настолько убежденным и уверенным, что другие верили ему... С точки зрения интеллекта Рейган не был ни ученым-ракетчиком, ни глупцом... На протяжении всей его продолжительной жизни разум Рейгана не подвергался жестоким испытаниям... Большой частью президент Рейган был интуитивно проницателен, но интеллектуально ленив. Его невежество было его броней, защищавшей его от грубых реальностей жизни... Он не располагал достаточным уровнем знаний. И он не знал, как много он не знал. Рейган продолжал делегировать членам кабинета гораздо больше власти, чем большинство его предшественников, предоставляя им широкие полномочия и придерживая их на длинном поводке... Подобное делегирование президентских функций было удачной маскировкой рейгановского невежества во многих областях... По своему темпераменту и опыту деятельности Рейган был человеком, попросту не интересующимся деталями. Даже по тем проблемам, по которым он располагал хорошей информацией, Рейган сознательно предпочитал концентрировать внимание на самых общих целях того, чего он добивался, оставляя детали на решение других лиц... Рейган знал, чего он хотел добиться на посту президента, но он знал, как ставить цель, а не как добиться ее реализации... Рейгану

нравятся спокойные, уравновешенные, настроенные на коллегиальность люди, способные подчиниться гармоничному целому» — так писал Л. Кэннон<sup>50</sup>. И было бы полезным добавить пару наблюдений другого рейгановского биографа, Г. Уиллса: «Рейган явно получает удовольствие от церемониальных обязанностей своего поста и умножает их, находя новые возможности для вручения медалей (тут уместным было бы заметить, что за всю историю США ни один президент страны никогда и ничем не награждался. Избрание президентом всегда считалось высшей наградой.— Э. И.), наград, президентских поздравлений; посещая многочисленные банкеты и торжественные мероприятия, которые ему удается втиснуть в свое расписание, явно не перегруженное пребыванием за рабочим столом; добиваясь такого же телевизионного освещения своего участия в этих событиях, как и в других более узко очерченных политических мероприятиях... Ему нравится нравиться, и обычно он делает все необходимое для того, чтобы понравиться другим»<sup>51</sup>

Но как же так оказалось, что, обладая многими схожими чертами характера и особенностями стиля руководства, один из двух государственных деятелей пользовался довольно широкой популярностью у своих соотечественников и заслужил (во всяком случае с позиций сегодняшнего дня) почетное место в истории своей страны, в то время как имя другого стало символом застоя во всех сферах жизни общества, синонимом отрицательных человеческих качеств, особо неприемлемых в государственном лидере? Объяснение, как представляется, следует искать, в частности, в демократических в первом случае и в авторитарных во втором случае традициях, лежавших в основе деятельности этих государственных лидеров. Обладая широкими полномочиями, как конституционными, так и сложившимися на практике, и тот, и другой лидеры были в различной степени подотчетны обществу и его политическим институтам. Во-первых, в случае с президентом Рейганом его личные качества (которые, уместно будет заметить, нельзя однозначно квалифицировать как негативные) имели по сравнению с брежневскими менее решающее значение в общественном плане в силу неизмеримо большей подконтрольности президентской политики, президентских решений и акций конгрессу США и гораздо большей их общественной открытости. Во-вторых, самим фактом демократических выборов президента США, при всех их достаточно хорошо известных недостатках, на значительную часть голосующей общественности страны возлагается немалая доля ответственности за того, кто избран ею на высший административный пост, за его личные качества, просчеты и ошибки. (Справедливость при-

нципа «кого выбирали, того и получили» бесспорна.) Такую ответственность советские люди брать на себя не имели ни оснований, ни желания. И наконец, в-третьих, даже при том, что Рональд Рейган оставался на президентском посту на протяжении редких для текущего века двух четырехлетних сроков, перспектива его неизбежного ухода из Белого дома и обращения в частное лицо облегчала ассоциацию с ним значительной части американского общества (даже тех, кто не разделял его позиции, взгляды и не одобрял его действий или личных качеств). Подобная трансформация главы Советского государства в рядового гражданина через определенный конституцией или закреплённый политическими традициями срок была в те годы абсолютно немыслимой. Прижизненная общественная неподсудность и неподконтрольность брежневских решений и действий, его образа жизни и стиля работы неизбежно должны были привести и привели к его посмертной критике и резкому осуждению обществом.

\* \* \*

Р. Рейгану и Л. И. Брежневу не довелось встречаться в их официальном качестве глав государств за столом переговоров. Короткий период их параллельного пребывания на высших постах своих стран — 1981—1982 гг. — нередко называют временем упущенных возможностей. Представляется, однако, более правильным говорить не об упущенных возможностях, а об их практическом отсутствии в условиях, когда во главе СССР и США стояли государственные деятели, не готовые по причине их отрешенности от реалий, их политико-идеологической «заикленности» на конфронтации и их подвластности могущественным, претендующим на надгосударственность силам (монополистическому капиталу и партийно-бюрократическому аппарату соответственно) идти на компромиссы, отказаться от представления друг о друге как обществах, нацеленных на уничтожение противоположной стороны. Весьма показательным для характеристики образа мыслей и интеллекта обоих лидеров представляется разговор Рейгана с сыном Майклом после поражения в избирательной кампании 1976 г. в борьбе за Белый дом. Он признался тогда сыну, что расстроен поражением, в частности, потому, что давно мечтал встретиться с советским президентом Брежневым за столом переговоров. За таким многообещающим высказыванием последовало развитие темы в типично рейгановском (тех лет) духе: «Я бы сидел и слушал, как в течение полутора часов переводчик доводит до моего сведения, каких уступок ждет господин Брежнев от

президента Соединенных Штатов, если последний хочет сохранить дружбу с Россией. Потом бы я медленно встал, обошел бы вокруг стола и прошептал бы господину Брежневу на ухо по-русски: «Нет!» Мне действительно очень жаль, что этого теперь не произойдет»<sup>52</sup>. Сожаление оказалось явно преждевременным: «это» произошло или, вернее, происходило позднее много раз, хотя и не в такой форме и не при личных встречах между ними\*.

Для решительного сдвига в сцементированном противостоянии простого ухода с политической арены этих государственных лидеров или хотя бы одного из них было объективно недостаточно. Требовался коренной пересмотр основ международных отношений в современных условиях, выработка нового подхода к ним. Когда 10 ноября 1982 г. в Москве умер Л. И. Брежнев, Рейган отказался последовать рекомендации государственного секретаря Дж. Шульца вылететь на похороны советского лидера для демонстрации своей готовности приступить к серьезному обсуждению накопившихся проблем с его преемником. (Он отказался присутствовать на похоронах и Ю. В. Андропова и К. У. Черненко, направив вместо себя вице-президента Буша в 1984 и 1985 гг.). А спустя четыре месяца после смерти Л. И. Брежнева, в марте 1983 г., президент США выступил в г. Орlando, штат Флорида, перед Национальной евангелической ассоциацией с политической речью, в которой нашли отражение его личные взгляды на перспективы развития американо-советских отношений и на коммунизм вообще. Эта речь, судя по всему, была рассчитана на то, чтобы устранить иллюзии (если они у кого-то оставались или возникали) в отношении возможного смягчения позиции США по вопросам, затрагивающим интересы СССР. Глубоко религиозная аудитория была избрана не случайно: президент облек свою речь в форму проповеди, призывающей к «крестовому походу» добра против зла. Олицетворением зла, его средоточием, «империей зла» был назван Советский Союз. В этой речи Рейган сослался на молодого отца, который заявил: «Я люблю моих дочерей больше всего на свете. Но я бы предпочел, чтобы мои маленькие дочери умерли сейчас, продолжая верить в Бога, чем увидеть их растущими при коммунизме и оканчивающими свой жизненный путь не верящими в Бога». Отмежевываясь на словах от такого антигуманного

Трудно поверить в аутентичность процитированной летом 1988 г. газетой «Чикаго трибюн» записки, написанной Рейганом от руки и посланной Брежневу в 1981 г., в которой президент якобы просил советского руководителя «не обращать внимания на мои публичные заявления» о Советском Союзе и призывал к улучшению отношений между двумя странами. Никаких упоминаний об этой записке в других источниках не встречается.



экстремизма, Рейган на самом деле признавал глубокий смысл в такой позиции. Предложив присутствующим присоединиться к молитве во имя спасения тех, кто живет в «тоталитарной тьме», он одновременно обратился к ним с призывом встать на пути тех, кто хотел бы видеть Соединенные Штаты «неполноценными с военной и моральной точек зрения». Замораживание вооружений, повторил президент уже не раз высказываемую им мысль, является не чем иным, как «иллюзией мира», тогда как реальностью является достижение мира с «позиции силы»<sup>53</sup>.

Один из наиболее видных американских историков, У Лаффер, писал в изданной уже после ухода Рейгана из Белого дома книге, что «президент рассматривал всю внешнюю политику через телескоп конфликта между США и СССР»<sup>54</sup>. Предвзятость его отношения к Советскому Союзу и к тому, что он называл коммунизмом, в сочетании с несомненной ограниченностью его представлений о внешней политике вообще, даже при отсутствии у него ярко выраженного желания заниматься вплотную внешнеполитическими проблемами, наложила глубокий отпечаток на все, что делалось Соединенными Штатами на международной арене. В условиях отсутствия среди ближайших президентских советников и помощников специалистов по Советскому Союзу (на протяжении преобладающей части его первого президентского четырехлетия) источником, питавшим выработку концепции подхода к СССР и американско-советским отношениям, был непоколебимый антисоветизм, который с президентом разделяли министр обороны К. Уайнбергер и его ближайший помощник Р. Перл, У. Кларк, сменивший Р. Аллена на посту помощника по вопросам национальной безопасности, представитель США при ООН Дж. Киркпатрик, т. е. те лица, к мнению которых Рейган прислушивался с особым вниманием, во всяком случае до тех пор, пока сменившему А. Хейга Джорджу Шульцу не удалось, наконец, стать главным внешнеполитическим советником президента и привлечь к формулированию американской политики в отношении СССР хорошо знающих эту страну специалистов. Не удивительно поэтому, что первые годы администрации Рейгана, несмотря на периодически повторявшиеся официальные заявления ее руководящих деятелей, включая президента, о готовности США «сесть с русскими за стол переговоров для обсуждения практических мер, способных помочь решению проблем и достижению прочного и подлинного улучшения отношений между Востоком и Западом», не привели к сколько-нибудь конструктивному сдвигу в советско-американских отношениях. Отвечая как-то на вопрос о перспективах улучшения взаимоотношений с Советским Союзом,

Рейган сказал, «что нужны два человека, чтобы танцевать танго», т. е. что для улучшения советско-американских отношений необходимо желание двух сторон. В первой половине 80-х годов складывалось убеждение, что к «танго» не проявляла искреннего интереса ни одна из сторон.

Внешнеполитическое многоголосье первых полутора лет рейгановской администрации, когда американская внешняя политика декларировалась по меньшей мере четырьмя не всегда звучавшими в унисон голосами А. Хейга, К. Уайнбергера, Р. Аллена и Дж. Киркпатрик, не говоря уже о голосе самого президента, к началу 1983 г. сменилось согласованно выглядевшей генеральной внешнеполитической линией. В той ее части, которая касалась непосредственно американо-советских отношений, эта линия сводилась к тому, чтобы, продолжая произносить общие заявления о необходимости переговоров и вносить конкретные предложения в интересах снижения уровня военного противостояния двух великих держав (в частности, такие, как изначально рассчитанное на негативную советскую реакцию предложение о ликвидации обеими странами ракет средней дальности в Европе, получившее название «нулевого варианта»), делать одновременно все возможное, чтобы эти предложения оказались неприемлемыми для советского руководства, то ли путем создания атмосферы нетерпимости вокруг действий СССР на международной арене, то ли путем оговаривания этих предложений всевозможными условиями. Неизменно следовавшие один за другим отказы советских руководителей в ответ на американские «инициативы» свидетельствовали о том, что такая тактика администрации США достигала цели. Трудно было убедить себя в серьезности стремления американского президента к переговорам и решению спорных вопросов, когда он нередко в одном и том же заявлении совмещал призывы к конструктивным шагам в этом направлении с оскорбительно звучащими высказываниями в адрес Советского Союза и его исторических или действующих руководителей. «Грубый антисоветизм давно присущ Р. Рейгану и его ближайшему окружению,— говорилось, в частности, в заявлении ТАСС, опубликованном газетой «Правда» 10 июня 1982 г. после выступления Рейгана в Лондоне перед английскими парламентариями.— Но все же есть предел, особенно когда человек наделяется полномочиями главы государства». Нет сомнения в том, что предел этот был известен, пусть даже в самых общих чертах, президенту и достаточно хорошо известен его внешнеполитическим советникам, и если этот предел преступался, то это делалось явно сознательно. Рейган не видел какой-либо необходимости скрывать свое отношение к СССР и коммунизму, тем более,

как он говорил, и советские руководители не проявляли никакой сдержанности в критике США и американских лидеров. Но помимо органического неприятия коммунизма и Советского Союза Рейганом руководили и другие соображения, частично подсказанные окружением, а частично являвшиеся компонентом его собственных убеждений. Провоцируя возмущение советского руководства занимаемой Белым домом позицией, представители администрации оттягивали перспективу переговоров до наступления выгодного момента, т. е. до того времени, когда США окажутся в состоянии диктовать условия со вновь обретенной «позиции силы», а Советский Союз, истощенный или доведенный до крайности непомерными военными расходами, будет вынужден пойти на немыслимые ранее компромиссы. Преждевременная готовность СССР к переговорам не входила в планы администрации прежде всего потому, что грозила сорвать уже реализуемые программы довооружения США, настроила бы Западную Европу на сепаратную договоренность с Советским Союзом и продемонстрировала бы мировому мнению отсутствие советской военной угрозы. Этого допускать было нельзя ни при каких обстоятельствах: СССР должен был по-прежнему пугать Западную Европу и выглядеть в глазах мирового общественного мнения стороной, противящейся действительному сокращению ядерных вооружений, уклоняющейся от эффективного контроля на местах за процессом разоружения. Жесткая позиция советского руководства в первой половине 80-х годов (в частности, по вопросу о контроле на местах за претворением в жизнь договоренностей о разоружении, о сохранении в Европе советских ракет средней дальности, равных по количеству общей численности английских и французских ракет и т. п.) облегчала задачу американской администрации, позволяя ей говорить о советской негативной тактике и об отсутствии искреннего стремления СССР к снижению уровня военного противостояния.

Очередной вехой в разработанной администрацией программе политического, военного и психологического давления на Советский Союз стала транслировавшаяся по телевидению речь Рейгана от 23 марта 1983 г., получившая известность как речь о «звездных войнах». Целью этой речи, как писал один американский исследователь, было «продемонстрировать, что Империя зла совсем рядом и что она с каждой минутой становится все опасней, и заставить нас поверить в то, что, если мы окажемся вновь втянутыми в войну, нам не будет угрожать опасность ядерного отмщения»<sup>55</sup>. С присущим ему драматизмом президент объявил о принятии им очень важного решения о том, как сделать Америку вновь сильной. Рост военного могущества СССР за последние годы, проиллюстри-

рованный фотографиями, коснулся, по словам президента, и Центральной Америки, в частности Кубы и «маленького острова Гренада», где Советский Союз приступил к строительству аэродрома со взлетной полосой длиной 10 тыс. футов (более 3 км). С какими целями, задал вопрос президент, ведь у Гренады нет собственных военно-воздушных сил. Намек был ясен — естественно, с целью угрожать Соединенным Штатам. (Президент не сказал о том, что аэропорт был спроектирован и строился английской компанией для гражданской авиации и что ни проектом, ни самим строительством не предусматривались столь необходимые для военного аэродрома подземные заправочные емкости, радарные установки, подземные арсеналы, параллельные взлетно-посадочные полосы, мастерские и ангары соответствующих нуждам военных самолетов размеров.) Привлечение внимания к Гренаде было лишь частью, причем не главной, президентского выступления. Основным было объявление «стратегической оборонной инициативы» (СОИ) президента Рейгана, предусматривавшей развертывание в космическом пространстве системы противоракетной обороны, способной уничтожить баллистические ракеты противника в момент их запуска или во время полета в направлении территории США. Временной разрыв между объявлением Советского Союза «империей зла» и рейгановской «стратегической оборонной инициативы» составил две недели, да и последующие месяцы 1983 г., судя по всему, грозили быть очень беспокойными: к середине года ожидалось начало размещения 572 американских крылатых ракет и «Першингов-2» на территории ФРГ и четырех других стран Западной Европы (СССР отказался от уничтожения своих ракет СС-20 в обмен на обязательство США не размещать своих РСД в Западной Европе). Размещение американских ракет началось позднее, в ноябре 1983 г., но до этого советской стороной было отвергнуто (как и предполагалось) рейгановское «промежуточное решение», предусматривавшее усановление оговоренного и согласованного обеими сторонами равного количества боеголовок РСД США и СССР в Европе и в Азии. До конца года произошло много и других опасных международных событий, предельно накаливших обстановку в мире и давших основание утверждать обеспокоенным таким положением дел кругам по обе стороны Атлантического океана, что мир подошел вплотную к ядерному Армагеддону. Один из представителей рейгановской администрации сравнил взрывоопасную международную обстановку с платной сушилкой стираного белья в общественной прачечной: «Все крутится, вертится, а затем все останавливается и застывает без движения, но вот кто-то бросает четвертак в машину, и все начинает снова крутиться

и вертеться»<sup>56</sup>. Если придерживаться предложенной метафоры, то в 1983 г. «четвертаки» закладывались в «сушильный аппарат» практически безостановочно, сводя к минимуму периоды спокойствия. Справедливости ради надо признать, что эти «четвертаки» принадлежали к национальной валюте и Соединенных Штатов, и Советского Союза.

\* \* \*

Нельзя считать случайностью, что лишь в 1983 г., а не годом раньше или годом позже произошла заметная активизация внешнеполитической деятельности рейгановской администрации. В первые два года ее пребывания у власти озабоченность ухудшавшимся экономическим положением страны и обострявшимися социальными проблемами явно превалировала над беспокойством по поводу нерешаемых и явно осложняющихся международных проблем. Повышенное внимание президента к внутривнутриполитическим проблемам нашло выражение, в частности, и в отсутствии единой и тщательно продуманной внешнеполитической концепции американского государства. Но проявление на том этапе деятельности администрации особого внимания к социально-экономическим проблемам в ущерб другим сферам деятельности представлялось вполне естественным. Большинство американских экономистов разделяли убеждение своих зарубежных коллег, что к январю 1983 г. «рейганомика» свела на нет чуть ли не все социальные и экономические достижения прежних администраций США. «Около 2 миллионов американцев потеряли работу только в текущем году... Страдают, причем очень серьезно, как отдельные люди, так и целые семьи. Фабрики пустеют, очереди безработных длинны», — цитировала газета «Нью-Йорк таймс» слова Рейгана, произнесенные им еще в ходе избирательной кампании 1980 г. в осуждение бездействия картеровской администрации в социально-экономической сфере, отмечая при этом, что ситуация, сложившаяся в стране к началу 1982 г., была ничуть не лучше<sup>57</sup>. В 1982 г. экономическое положение в стране обострилось в еще большей степени, давая основание наблюдателям говорить о пике экономического спада\*.

\* Возможно, не все данные, которые будут приведены ниже, произведут должное впечатление на советского читателя начала 90-х годов, располагающего ныне более широкой информацией о состоянии советской экономики и степени остроты социальных проблем советского общества, но это вовсе не означает, что серьезность стоявших перед американским обществом в начале 80-х годов социально-экономических проблем была надуманной и искусственно гиперболизированной советскими исследователями или советскими средствами

В первые два года рейгановской администрации уровень жизни в стране заметно понизился: 15 % населения страны, или 34,4 млн человек, были отнесены в докладе Бюро переписи населения США к категории бедняков, живущих ниже «черты бедности», т. е. уровня дохода для семьи из 4 человек менее 10 178 долл. в год. Более двух миллионов американцев были лишены крыши над головой, т. е. были бездомными; более 12 млн человек (10,8 % работоспособного населения США) были безработными — самое высокое число безработных с 1934 г. Треть производственных мощностей страны бездействовала; за год, с июля 1981 г., объем промышленного производства сократился на 10,1 %; реальный валовой национальный продукт снизился в 1982 г. на 2,1 %. Более 40 млн рабочих лишились права на получение в прежнем объеме пособий на медицинское обслуживание; на 5 млрд долл. в год сократились федеральные ассигнования целевого назначения на оказание продовольственной помощи детям из бедствующих семей. Происходил дальнейший рост государственного долга страны, а дефицит федерального бюджета, составлявший 74 млрд долл. в 1980 г., достиг в 1983 г. 208 млрд долл. Дефицит внешнеторгового баланса достигал 4 млрд долл. в месяц. Радужные надежды, которые связывались со снижением подоходного налога на корпорации, не оправдывались — число банкротств продолжало расти, причем более быстрыми, чем ранее, темпами. Все эти экономические показатели тех лет регистрировались американскими исследованиями и органами печати с нескрываемой тревогой. Единственным позитивным моментом в экономическом положении США было замедление темпов инфляции с 12 % в 1980 г. до 6,1 % в 1982 г.<sup>58</sup>

«Экономика, — писала газета «Бостон глоуб», — находится в самом плачевном состоянии. Ни у кого нет четкого представления о том, как заставить ее вновь функционировать как следует». Однако уверенность президента в том, что решение экономических проблем будет найдено, была непоколебимой, точно так же как и его стремление убедить американцев в том, что «экономические неурядицы» явились результатом «тяжелого наследия», полученного его администрацией от предшествовавшей. «Я считаю, что многие люди отдают себе отчет в том, что экономический спад является результатом деятельности прошлой администрации. Сейчас по всей Америке распространяется совершенно иное отношение к нашей адми-

массовой информации. Проблемы американского общества тех лет были столь же реальны и сложны для американцев, как реальны и сложны проблемы советского общества конца 80-х — начала 90-х годов для советских людей. Просто следует признать, что речь идет о разных точках отсчета.

нистрации. Даже в условиях существующего экономического спада налицо уверенность в том, что дела пойдут на поправку. Об этом свидетельствуют опросы общественного мнения. Если год или два назад люди говорили, что они не ожидают перемен к лучшему, сегодня они выражают уверенность в том, что все будет хорошо»<sup>59</sup> Порой казалось, что президент не столько разъясняет сложившуюся ситуацию, сколько заклиняет неподконтрольные ему силы оказать содействие администрации в решении стоящих перед ней задач. Порой же он, приписывая все трудности беспрецедентной сложности свалившихся на его администрацию проблем, ограничивался призывом к снисходительности при критике администрации и президента: «Больше всего я сожалею о том, что в результате копившихся столь долгие годы проблем их накопилось так много, что наведение порядка в доме стало очень сложной и болезненной задачей. Я помню слова Джона Кеннеди при вступлении на президентский пост о том, насколько сложность положения дел, с которым он столкнулся, соответствовала его опасениям. В моем же случае самым большим сюрпризом было обнаружить, что положение дел гораздо сложнее, чем я ожидал»<sup>60</sup>. Заклинания и призывы подобного рода не возымели желаемого действия в ходе промежуточных выборов в конгресс в ноябре 1982 г.: правящая республиканская партия потеряла 24 места в палате представителей и семь губернаторских постов в штатах. Индекс личной популярности Рейгана, составлявший 52 % в августе 1981 г., снизился до 35 % в январе 1983 г., побив все рекорды президентской непопулярности со времени окончания второй мировой войны. Но уже в следующем месяце появились первые признаки того, что худшее оставалось позади. В феврале 1983 г. министерство труда США объявило о снижении уровня безработицы до 10,4 %, дав повод президенту заявить во всеуслышание, что экономические дела страны пошли на поправку. И в этом заявлении было больше надежды, чем сколько-нибудь обоснованных расчетов и научного прогноза, но к июню 1983 г. безработица, продолжая оставаться высокой, снизилась до 10 %, а к концу года составляла уже 8,1 %. Аналогичная динамика наблюдалась, к изумлению многих, и в темпах роста валового национального продукта: если в первом квартале 1983 г. его объем вырос на 3,3 %, во втором — на 9,4 %, то рост его за весь 1983 год составил 7,6 % — самый высокий процент после окончания второй мировой войны. Получалось, что, обещая скорое окончание экономического спада, Рейган знал что-то такое, чего не знали и не могли понять ведущие американские и иностранные экономисты. В глазах миллионов американцев происходила реабилитация «рейганомики»; индекс личной популярности

президента вырос к концу года до 54 %<sup>61</sup>. На страницах американских газет и журналов, совсем как в первые месяцы администрации, замелькали ссылки на «рейгановскую революцию».

Возрождающийся оптимизм нации охлаждали трезвые голоса политических и экономических обозревателей оппозиционной прессы, пытавшихся привлечь внимание эйфористически настроенных американцев к изначально заложенным в программу экономического возрождения страны опасным тенденциям. Федеральный бюджет США на 1984 финансовый год составил 848,5 млрд долл., превысив бюджет предшествующего года на 43,3 млрд долл., или на 5,4 %. 70 % суммы превышения предназначались на увеличение военных расходов, доля которых в общем бюджете страны повысилась с 26,7 % до почти 29 %. На 1985 финансовый год администрация запросила бюджет уже в размере 925,5 млрд долл., причем доля военных расходов в нем повышалась на 13 % по сравнению с бюджетом предшествующего года. И в бюджете 1984 г., и в бюджете 1985 г. предусматривались и проводились в жизнь дальнейшие сокращения расходов на социальное вспомоществование, здравоохранение, образование, хотя вместе с тем нельзя было не признать, что доля федеральных ассигнований по этим статьям бюджета была традиционно (во всяком случае после 30-х годов) высокой и даже в сокращаемых объемах была много выше государственных ассигнований многих развитых стран мира на социальные нужды<sup>62</sup>. К февралю 1984 г. стало ясным, что предлагаемый администрацией проект федерального бюджета на 1985 финансовый год будет способствовать дальнейшему увеличению государственного долга страны, который к тому времени составлял 1,4 трлн долл., или на 53,3 % больше, чем к началу 1981 г. При сохранении такой тенденции, предупреждал журнал «ЮС ньюс энд уорлд рипорт», сумма государственного долга превысит 2 трлн долл. в 1986 г. (к концу 1988 г. государственный долг США вплотную приблизился к 3 трлн долл., т. е., если воспользоваться столь популярными среди американских журналистов красноречивыми «образами», к сумме, представляемой «пачкой» тысячедолларовых банкнот толщиной 300 км или «дорожкой» из однодолларовых ассигнаций длиной в два с лишним расстояния от Земли до Солнца). К концу 1986 г. администрация Рейгана набирала государственный долг, вдвое превышавший сумму государственного долга США, накопившегося за годы администраций всех 39 президентов США, начиная с Дж. Вашингтона и кончая Дж. Картером. (К январю 1989 г. превышение стало почти тройным.)

В редакционной статье газеты «Нью-Йорк таймс» от



13 марта 1984 г. четко указывалось, в чьих интересах осуществлялась «рейгановская революция»: повторив вопрос предвыборной кампании Рейгана 1980 г. — «Живете ли вы лучше?», газета сама же отвечала на него — «Да, если вы и прежде жили хорошо. Нет, если вы жили плохо». «Рейгановская» налоговая и бюджетная политика привела к колоссальному перераспределению богатства из нижнего в верхний слой получателей доходов. 20 % наиболее состоятельных людей страны стали получать на 8,7 % больше реально располагаемых доходов, тогда как 20 % наименее состоятельных американцев потеряли 7,6% таких доходов. В 1980 г. семья из 4 человек, жившая на грани бедности, платила 462 долл. в виде федеральных налогов. Сегодня эта семья выплачивает 1079 долл., — писал журнал «Нью рипаблик»<sup>63</sup>. Подсчеты журнала «ЮС ньюс энд уорлд рипорт» были не менее впечатляющими: «К концу 1984 г. беднейшие семьи потеряют 870 долл. правительственных субсидий, лишь частично возмещаемых сокращением подоходного налога на 320 долл. У семей со средним достатком, имеющих доход в размере 20—40 тыс. долл., положение лучше. Поступления в семейный бюджет от снижения налогов в 1982, 1983 и 1984 гг. превышают потери от снижения социальных пособий в пропорции 9 к 1. Лучше всего семьям с доходом в 80 тыс. долл. в год и выше. В среднем они получают за 3 года 33 275 долл., потеряв за этот же период всевозможных благ на сумму, составляющую меньше 1 % выигранной»<sup>64</sup>. Но в преддверии очередных президентских выборов 1984 г. Рейгана и его администрацию волновала прежде всего позиция большинства американских избирателей, активно участвующих в выборах, а такими избирателями (во всяком случае на протяжении последних нескольких десятилетий) были американцы с высоким и средним достатком, т. е. те, кому было что терять и выигрывать. Американцы, жившие на грани бедности и в нищете, давно утратили интерес к сложным политическим играм в стране и перестали ожидать серьезных изменений к лучшему в их судьбе в результате смены администрации. Эта категория американских избирателей, как правило, воздерживалась от участия в голосовании, и, следовательно, их отношение к администрации и президенту не имело реального значения для исхода выборов.

Соперник Рейгана в борьбе за Белый дом, кандидат демократической партии Мондейл, назвал первое рейгановское четырехлетие периодом «невыполненных обещаний», проявившимся в рекордном экономическом спаде, за которым последовал весьма неустойчивый экономический подъем, сопровождаемый ростом государственного долга и дефицита федерального бюджета. Президент же вступал в борьбу за

второй четырехлетний срок, утверждая, что он выполнил все обещанное избирателям в 1980 г. — в первую очередь умерил инфляцию с 12,4 % в 1980 г. до 4,2 % в 1984 г., сократил безработицу с 7,5 % в 1980 г. до 7,4 % в 1984 г. Объективно говоря, внушительный успех, достигнутый администрацией в борьбе с инфляцией, и позитивная тенденция, наметившаяся в сокращении безработицы (а именно эти показатели всегда считались первостепенными при характеристике экономической обстановки в стране и материального положения населения), при очень поверхностном внимании, уделяемом американскими избирателями далеко не всем понятным проблемам государственного долга и бюджетного дефицита, позволили президенту уделять все больше внимания внешнеполитическим проблемам. Стране, как считал Рейган, была продемонстрирована способность его администрации справиться со сложными экономическими проблемами; очередь была за обещанной еще в ходе предвыборной кампании демонстрацией военной мощи нации и ее непоколебимой уверенности в себе. Для завершения первого четырехлетия в Белом доме и обеспечения переизбрания на второй срок Рейгану была крайне нужна мажорная нота или во всяком случае то, что он и его окружение считали мажорной нотой.

\* \*

Рейгановское восьмилетие стало уже достоянием истории, и, подобно многим (но далеко не всем) предшествующим администрациям, оно будет еще очень долго привлекать пристальное внимание исследователей, которые будут пытаться разобраться в его историческом значении и наследии, оставленном грядущим поколениям, и будут выносить ему (а это ясно уже сейчас) неоднозначные оценки. Особое внимание будущих исследователей скорее всего привлечет внешнеполитический курс рейгановской администрации, и особенно те его аспекты, которые касались советско-американских отношений и проблемы разоружения, хотя бы по той причине, что никому из рейгановских современников, занимавшихся исследованием этого курса в начале 80-х годов, не удалось предсказать тот путь, по которому пошла внешняя политика США во второй половине 80-х годов. Американский исследователь Терри Дейбел писал в 1989 г.: «Трудно говорить о грандиозной стратегии в отношении администрации, которая уделяла столь незначительное внимание концептуальной мысли, которая в такой степени была подвластна идеологии на начальном этапе своей деятельности и в которой прагматическая, активная дипломатия была вы-

нуждена дожидаться существенной смены лиц, стоявших у истоков этой стратегии». Но и смена действующих лиц (вслед за Р. Алленом и А. Хейгом в октябре 1983 г. ушел с поста президентского помощника по вопросам национальной безопасности У. Кларк, которого сменил Р. Макфарлейн) не сразу привела к выработке стратегической линии администрации в области внешней политики. Инерция концептуального мышления продолжала определять решения и поведение администрации на международной арене на протяжении как 1983, так и 1984 г. Как считает Т. Дейбел, «так или иначе, рейгановский отвлеченный стиль руководства, по всей видимости, способствовал этому процессу. В отдельных случаях выдвинутые усердными подчиненными проекты, рассчитанные не на обсуждение в ходе переговоров, а на воздействие на общественное мнение (как, например, выдвинутое на переговорах по ракетам средней дальности «нулевое решение»), получали поддержку у президента, который не только не понимал, но и не интересовался тонкостями ядерной стратегии и расширенного сдерживания»<sup>65</sup>. Внешнеполитический юз, хотя и обильно смазываемый воинственной риторикой, не мог служить свидетельством решимости администрации сочетать слова с конкретными делами, обещанной Рейганом на выборах 1980 г. своим сторонникам. «Гиппер» нуждался в победе (желательно даже в нескольких победах) с широким международным резонансом, но без серьезного риска, в победе, способной вызвать эмоциональную поддержку тех, кому предстояло выбирать президента США в 1984 г.

В самом конце августа 1983 г. советским истребителем был сбит над территорией СССР гражданский пассажирский самолет южнокорейской авиакомпании KAL с 269 пассажирами (в т. ч. более 60 американцев) на борту, и администрация Рейгана не преминула воспользоваться этой трагедией — рейгановская характеристика «империи зла» обрела оправдание. Акция командования советской противовоздушной обороны, названная Рейганом варварским актом, продемонстрировала американцам обоснованность того, что Рейган говорил о СССР. «Советский Союз против всего мира», «Советская паранойя», «Окровавленные руки Москвы», «Умышленное убийство» — кричали заголовки американских газет в те дни. Американцы жгли Государственные флаги СССР перед зданием ООН, били витрины в магазинах, торгующих советскими товарами, требовали самых жестких правительственных санкций против Советского Союза, советских граждан и советских организаций на территории США. Волна антисоветизма оказалась весьма кстати, поскольку она, как писала газета «Нью-Йорк таймс», «сняла оппозицию к политике

администрации в Центральной Америке» и «содействовала размещению нового американского ядерного оружия в Западной Германии, Англии и Италии». Газета «Чикаго трибюн» откровенно признала, что «сбитый самолет оказался политическим подарком и пропагандистским благом для Рейгана»<sup>66</sup>. Можно лишь догадываться, что имел в виду «один из президентских советников», заявивший, что трагедия с южнокорейским самолетом «кое-что облегчит для нас»<sup>67</sup>.

Позднее, ближе к концу 1983 г. и в начале 1984 г., те же газеты уже признавали, что, «по словам специалистов в области разведки США, они просмотрели всю имеющуюся информацию и не нашли никаких признаков того, что персонал советской противовоздушной обороны знал, что это гражданский самолет» («Нью-Йорк таймс», 7 октября 1983 г.); что «весь ход событий, начиная с того момента, когда Советы начали следить за полетом KAL-007... и вплоть до того момента, когда самолет был сбит, скрупулезно записывался на пленку и тут же анализировался американской разведкой» («Вашингтон пост мэгэзин», 8 января 1984 г.). Но «эти откровения бесследно исчезали в национальном самосознании, как будто они никогда не публиковались. Все без исключения детали правительственной версии, сообщенной общественности, оказались позднее неверными»<sup>68</sup>. В марте 1984 г. родственники погибших пассажиров авиалайнера возбудили судебный иск против авиакомпании KAL (которая, как выяснилось, уже давно использовалась спецслужбами для сбора разведывательной информации о советских оборонных объектах в районе Камчатки) и против правительства США, обвинив их в сокрытии от южнокорейского экипажа имевшихся у них данных об угрожающей лайнеру опасности.

При всем том, что действия командования советской противовоздушной обороны нельзя было назвать безупречными и что, прежде чем отдавать приказ о применении оружия, им не были исчерпаны менее решительные меры пресечения полета самолета-нарушителя, а также признавая, что политическое руководство СССР в духе того времени неоправданно долго уклонялось от хотя бы частичного признания вины в превышении мер обороны и выражения соболезнования семьям погибших, заявления и действия Рейгана и руководящих деятелей его администрации в связи с трагедией над Камчаткой были сознательно провокационными. Можно высказать предположение, что напряженность вокруг этого трагического случая нагнеталась президентом и отдельными членами администрации преднамеренно ввиду предстоявшего через несколько дней приезда министра иностранных дел СССР А. А. Громыко на сессию Генеральной Ассамблеи ООН

и наметившейся его встречи с Рейганом для обсуждения настоящих международных вопросов. Оставляя в стороне личные взгляды Рейгана на «империю зла» и его неизменную и до этого случая готовность выступить с осуждением «безнравственного коммунизма», не вызывало сомнения, что нагнетанию напряженности в немалой степени способствовали и те лица в окружении президента и политические силы страны, которые были решительно настроены не допустить позитивных сдвигов в советско-американских отношениях и продвижения вперед в переговорах о разоружении. Именно этими силами при отсутствии возражений со стороны Белого дома была спровоцирована активная кампания в печати США с критикой излишней мягкости занятой администрацией и президентом позиции. Рейгана сравнивали с Невилем Чемберленом, называли «плаксивым болтуном», «обманщиком»; в газетах его изображали дамочкой, ударяющей медведя (русского медведя!) ридикюлем по носу. Опросы общественного мнения показывали, что две трети опрошенных американцев считали, что Рейган недостаточно жестко реагирует на совершенное Советским Союзом преступление. Газета «Нью-Йорк пост», принадлежащая газетному магнату Р. Мэрдоку, известному своими крайне правыми взглядами, открыто призывала: «Единственный способ ответить на злодейство в отношении авиарейса 007 — задать Москве взбучку в Центральной Америке». Гренада была не за горами, но и до того дня, когда 82-я воздушно-десантная дивизия США высадилась на крошечном карибском острове, международная напряженность продолжала неуклонно расти.

Несмотря на полное отсутствие информации, но судя по некоторым признакам осенью 1983 г., можно было понять, что в руководстве Советского Союза намечался очередной кризис: практически отошел от активного руководства страной серьезно болевший Ю. В. Андропов. И хотя ответственные и важные официальные заявления еще публиковались от его имени, глава государства и партии активного участия в формулировании и реализации внешней и внутренней политики страны принимать уже не мог. В этих условиях вряд ли можно было ожидать каких-либо изменений в стратегической линии или хотя бы даже в тональности советской внешней политики. Состоявшаяся в сентябре в Мадриде встреча А. А. Громыко с государственным секретарем Дж. Шульцем лишь подтвердила продолжающееся отсутствие готовности обеих сторон к конструктивным шагам по пути нормализации взаимоотношений и смягчения напряженности в мире. По давно сложившейся традиции отсутствие признаков продвижения вперед в жизненно важных областях советско-американских

переговоров объяснялось обеими сторонами искусственными препятствиями, создаваемыми противной стороной, ее авантюризмом и милитаризмом. Сыграла свою роль и еще одна давняя традиция, исторически присущая в гораздо большей степени Советскому Союзу, чем Соединенным Штатам, а именно: в периоды политической неопределенности или кризиса во избежание использования этого обстоятельства врагами теснее спланировать ряды, проявляя еще большую бдительность и решительность в организации отпора посягательствам на государственные интересы и государственную безопасность СССР. 29 сентября 1983 г. в центральной советской печати было опубликовано Заявление Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Ю.В. Андропова (или, точнее, заявление от его имени), практически отвергавшее любую возможность договориться с США по какому-либо важному вопросу до тех пор, пока у власти в этой стране остается президент Рейган и его администрация: «Если у кого-то и были иллюзии насчет возможности эволюции в лучшую сторону политики теперешней американской администрации, то события последнего времени окончательно их развеяли. Ради достижения своих имперских целей она заходит так далеко, что нельзя не усомниться, существуют ли у Вашингтона какие-то тормоза, чтобы не перейти черту, перед которой должен остановиться любой мыслящий человек». В качестве свидетельства отсутствия желания у США достичь важных договоренностей с Советским Союзом назывались «изошренная провокация с южнокорейским самолетом», «новые горы оружия массового уничтожения — от ракет МХ до контейнеров с нервно-паралитическим газом», «залпы корабельных орудий» в Ливане, геноцид в Сальвадоре и, конечно, намерение США приступить к размещению в Западной Европе баллистических ракет «Першинг-2» и крылатых ракет большой дальности. В этом заявлении не было угрозы покинуть переговоры в Женеве, в случае если США приступят к размещению своих ракет в Западной Европе (хотя возможность такого решения Советского Союза никогда не исключалась), и не было еще упоминания ответного размещения советских ракет в Восточной Европе, однако в нем содержалось недвусмысленно сформулированное предупреждение: «На любую попытку сломать сложившийся военно-стратегический баланс Советский Союз сумеет дать надлежащий ответ, и его слово с делом не разойдется». Внимание зарубежных, и в первую очередь американских, политических деятелей и аналитиков привлекло даже не это предупреждение, а всего лишь одна фраза из этого заявления: «Если у кого-то и были иллюзии... то события последнего времени оконча-

тельно их развеяли». Более определенно сказать о перспективах продолжения совместного поиска решения назревших проблем было невозможно. «Ключевым словом в этом предложении было «окончательно». Оно означало, что принято твердое решение и что дебаты окончились», — писали позднее об этом заявлении С. Тэлботт и М. Манделбаум<sup>69</sup>.

Той же осенью 1983 г. на протяжении всего трех суток произошли два международных события, одно из которых было названо в американской и зарубежной прессе крупнейшим внешнеполитическим фиаско рейгановской администрации, а второе было разрекламировано как крупнейшая внешнеполитическая победа первого четырехлетия президентства Рейгана. 23 октября 1983 г. начиненный взрывчаткой грузовик въехал на территорию американской военной казармы в районе аэропорта ливанской столицы, где и взорвался, убив более 240 американских морских пехотинцев и моряков из состава многонациональных сил по поддержанию мира в Ливане. В ответ на требование политической оппозиции и общественности о выводе американских вооруженных сил из Ливана президент заявил решительно: «Позвольте мне спросить тех, кто утверждает, что мы должны покинуть Ливан: «Если мы сейчас уйдем из Ливана, что этот шаг скажет тем, кто создает нестабильность и разжигает терроризм? Если Америка уйдет из Ливана, какая возможность останется для достижения договоренности о создании единого демократического Ливана? Если мы повернемся спиной к Ливану сейчас, каким окажется будущее Израиля?»<sup>70</sup> Морские пехотинцы, сказал он, должны оставаться в Ливане до тех пор, пока ситуация там не будет полностью контролироваться. Решительность, с которой президент отстаивал необходимость сохранения американского присутствия в Ливане для обеспечения мира в регионе, воодушевила сторонников жесткой внешней политики и обескуражила тех, кто надеялся на смягчение позиции администрации в преддверии президентских выборов 1984 г.

А 25 октября 1983 г. воздушный десант из морских пехотинцев США высадился на остров Гренаду и оккупировал его под предлогом возникшей в результате происшедшего там государственного переворота опасности для жизни американских граждан, включая студентов, оказавшихся на этом острове. Из опасения, что этот повод будет сочтен недостаточным и слишком уж смахивающим на печально известную «дипломатию канонерок», администрацией США было оперативно организовано обращение руководителей шести стран Карибского бассейна к правительству США за военной помощью «с целью предотвращения вмешательства Кубы». Во вторжении в эту самую маленькую страну западного полуша-

рия с населением, едва превышающим 100 тыс. человек, т. е. способным уместиться на трибунах современного крупного спортивного стадиона, участвовали 11 боевых кораблей, несколько десятков самолетов и одна из наиболее подготовленных для такого рода операций воздушно-десантных дивизий, насчитывавших более 7 тыс. солдат и офицеров. В течение четырех дней вооруженные силы США расправились с сотней находившихся на Гренаде кубинских специалистов и советников (крошечные вооруженные силы Гренады, оставшиеся к тому же без руководства, особого сопротивления не оказали), разбомбив заодно больницу для умалишенных и детей, и «обкорнали (так заявил один из американских сенаторов в своем выступлении по телевидению) шупальца русского спрута, который угрожал нам»<sup>71</sup>. Все эти и последующие дни американские средства массовой информации расписывали героизм морских пехотинцев, вызволивших американских студентов из очень опасной ситуации, прежде чем на Гренаду высадились крупные вооруженные силы Кубы и захватили их в качестве заложников. (Спустя две недели Пентагон вынужденно признал, что для утверждения о готовящемся вторжении кубинских вооруженных сил на Гренаду не было никаких оснований. А возвратившиеся под победные фанфары домой студенты-медики заявили, что они осознали угрожающую им опасность только тогда, когда открыли пальбу высадившиеся на остров морские пехотинцы США<sup>72</sup>.)

Американское общественное мнение, с первых же месяцев пребывания у власти администрации Рейгана целеустремленно подготавливавшееся консервативной прессой и консервативными политическими кругами к мысли о необходимости более решительной американской заявки на первенствующее положение в мире и столь же неотложной необходимости «ущемить хвост вконец распоясавшемуся коммунизму», в целом отреагировало на вторжение в Гренаду довольно восторженно: «Наконец-то в Белом доме появился настоящий мужчина!» Опросы общественного мнения свидетельствовали о новом взлете популярности Рейгана. Наиболее известный из политических обозревателей крайне правого толка Дж. Уилл писал в статье, опубликованной журналом «Ньюсуик», что отпечатки сапэг американских солдат на земле Гренады сделали больше для веры в мощь США, чем ракеты МХ, а журналист П. Бьюкенен, входивший в круг ближайших сотрудников Белого дома, писал в мэркоковской «Нью-Йорк пост»: «Рейган является первым американским президентом, отвоевавшим для Запада колонию советской империи». Бьюкенену вторил его единомышленник Т. Долан из Национального консервативного комитета политических действий: «Это самый значи-



тельный политический успех за последние десять лет. Впервые мы отняли у Советского Союза его сателлита»<sup>73</sup> Были, естественно, и противоположные точки зрения, которые высказывались и политическими деятелями (преимущественно принадлежавшими к оппозиционной демократической партии), и обозревателями политически умеренных газет и журналов. Так, конгрессмен Пол Саймон из Иллинойса осудил тот факт, что «военное решение является, по всей видимости, автоматическим рефлексом у этой администрации», а спикер палаты представителей конгресса США О'Нил объявил, что вторжение на Гренаду было предпринято без предварительного согласования с законодателями: «Нам просто сообщили, что уже происходит»<sup>74</sup> В вышедшей в свет в 1987 г книге О'Нил писал, что, принимая решение о вторжении на Гренаду, «Белый дом хотел, чтобы страна забыла о трагедии в Бейруте». Но превалировало все-таки удовлетворение тем, что «американцы наконец естали во весь рост и со всей твердостью». Журнал «Тайм» следующим образом суммировал общественный настрой в результате предпринятой администрацией акции на Гренаде: «После многих лет состояния, близкого к параличу, администрация воспользовалась сложившейся на Гренаде ситуацией для демонстрации того, что США вновь способны к применению военной силы как продолжения их политической воли. С символической точки зрения более важный, чем об этом могут говорить масштабы острова, захват Гренады призван был продемонстрировать, что США могут решительно заставить повернуть вспять советские продвижения в третьем мире»<sup>75</sup>. Еще более определенно высказался один из членов рейгановской администрации: «Гренада, Бейрут и авиалайнер компании KAL — все эти события утвердили президента в том, что он правильно смотрит на мир, считая эти события связанными одной общей нитью, которая ведет в Москву»<sup>76</sup> «Восхитительная маленькая война» на Гренаде продемонстрировала американцам, что правительство страны может «ответственно» прибегать к военной силе при возникновении в этом необходимости, несмотря на несогласие с таким решением союзников США (Гренада являлась частью Британского содружества наций, и ее монархом считалась королева Елизавета) и осуждение со стороны ООН, не приводя к продолжительным и тяжелым для страны конфликтам с многочисленными человеческими жертвами (на Гренаде погибло всего 18 морских пехотинцев; гробы с их телами были доставлены в США и преданы земле под рейгановскую эпитафию: «Не молитесь за них, поскольку они сейчас находятся в любящих руках Господа»). Поствьетнамский синдром, столь долго терзавший неспокойную совесть страны, приказал долго жить.

Накал напряженности в мире продолжал нарастать. 22 ноября 1983 г. западногерманский бундестаг одобрил решение о размещении американских ракет «Першинг-2» на территории страны, и в тот же день в ФРГ прибыли первые девять ракет. На следующий день советский представитель на переговорах в Женеве Ю. Квицинский заявил о решении СССР покинуть переговоры в связи с «невозможностью в них участвовать», а 25 ноября было опубликовано Заявление Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропова, в котором, в частности, сообщалось о решении Советского Союза отменить мораторий на развертывание советских ядерных средств средней дальности в европейской части СССР и ускорить подготовительные работы по размещению на территории ГДР и ЧССР советских оперативно-тактических ракет повышенной дальности. Кроме того, с учетом повышения ядерной угрозы для СССР в результате размещения американских ракет в Западной Европе было объявлено о развертывании соответствующих советских средств в океанских районах и морях. Военное противостояние двух великих держав достигло к концу 1983 г. апогея: мир вплотную подошел к грани ядерной войны, которая могла стать последней войной в истории человечества в силу непредсказуемости ее последствий для жизни на Земле.

Конфронтационное крещендо 1983 г. заметно пошло на убыль чуть ли не с первых дней нового 1984 г. — года очередных президентских выборов, подтверждая давно циркулировавшие в политических кругах США слухи о том, что в стремлении добиться победы на выборах на второй срок (о своем решении баллотироваться на второй срок Рейган официально объявил лишь 29 января, но уже в конце 1983 г. мало кто сомневался в том, что он будет баллотироваться) президент предпримет решительную попытку утвердиться в глазах соотечественников в роли «миротворца». К нескрываемому изумлению тех, кто привык к совершенно иным заявлениям президента (одна из статей в «Правде» в первые дни января 1984 г. так и называлась «Чему же верить, г-н президент?»), в интервью журналу «Тайм», данном в последние дни ушедшего года, Рейган в ответ на вопрос, считает ли он по-прежнему уместной свою фразу: «СССР является средоточием зла», — решительно ответил: «Нет. Я не стал бы больше говорить подобных вещей», дезавуировав тем самым полярно противоположный ответ на тот же вопрос,

который он дал другому журналу всего двумя неделями раньше. Тогда этот неожиданный поворот в казавшейся незыблемой антисоветской позиции Рейгана был назван в советской прессе попыткой подкрасить лик президента «миротворческими гримом и румянами». «Может, на кого-то в США это и подействует,— писал известный советский политический обозреватель.— Других же, нас уж во всяком случае, не введет в заблуждение»<sup>77</sup> Недоверие к заявлению президента, сделанному тем более в неформальной обстановке, было понятным: не раз в прошлом вслед за высказываниями такого рода следовало другое, противоположное по духу и тону, оставлявшее лишь недоумение относительно причин, вынуждавших Рейгана быть столь непоследовательным. Но 16 января 1984 г. президент сделал уже официальное заявление, практически целиком посвященное состоянию и перспективам развития советско-американских отношений. Констатируя начало экономического подъема в стране, повышение оборонной мощи и крепость союзнических уз американского государства, президент заявил о том, что *теперь* США готовы вступить в переговоры с СССР с целью преодоления существующих между ними разногласий. Назвав наступающий год годом мирных возможностей, президент США призвал Советский Союз к мирному соревнованию и конструктивному сотрудничеству и выделил три основные проблемные сферы, где, по его мнению, следовало добиваться успеха,— отказ от использования силы и угрозы применения силы при решении международных споров, поиск путей сокращения мировых запасов оружия и установление более продуктивных рабочих отношений между СССР и США. «Перед нами долгая дорога, но мы полны решимости пытаться и пытаться вновь. Возможно, нам придется начать с мелких проблем, но мы должны начать»,— заявил президент, не преминув добавить, что существенным условием успеха переговоров и защиты американских интересов является сила. «Если мы будем слабы, мы не добьемся ни того, ни другого». В том, что говорил далее Рейган, был определенный здравый смысл: «Я открыто высказывал свою точку зрения о советской системе. Я не знаю, почему это должно удивлять советских лидеров, которые никогда не стеснялись высказывать свою точку зрения на нашу систему. Но это вовсе не означает, что мы не можем вести дела друг с другом. Мы не отказываемся разговаривать, когда Советы называют нас империалистическими агрессорами и даже хуже. Или же по той причине, что они придерживаются фантазии триумфа коммунизма над демократией. Тот факт, что нам взаимно не нравятся системы друг друга, не должен служить причиной отказа разговаривать друг с другом. Жизнь в ядер-

ный век делает крайне необходимым, чтобы мы обязательно говорили друг с другом». Впервые с того дня, когда он пришел в Белый дом, Рейган привнес в свое официальное заявление то, что можно было назвать «человеческим фактором», обратив призыв к сотрудничеству к простым людям обеих стран — символическим советской семейной паре Ивану и Ане и американской семейной паре Джиму и Салли, «чьи общие интересы не знают границ». «Если Советское правительство хочет мира, мир будет достигнут. Вместе мы можем укрепить мир, сократить уровни вооружений и знать, что, делая это, мы способствуем реализации надежд и чаяний тех, кого мы представляем, и в сущности всех людей, где бы они ни были»<sup>78</sup>

Хотя сотрудники аппарата Белого дома пытались убедить представителей печати, что изменившийся тон президентских заявлений свидетельствует о том, что «с этим человеком что-то произошло», и ссылались на высказанную президентом надежду, что январское заявление «устранит все неясности, если они еще сохранялись, относительно его личной заинтересованности в решении проблем с Советским Союзом», большинство американских и иностранных наблюдателей были настроены скептически. По их убеждению, этим заявлением президент Рейган попросту открыл свою предвыборную кампанию 1984 г. «Антисоветские инстинкты президента и некоторых из его ближайших советников лежат настолько близко к поверхности, что они могут легко и быстро появиться вновь», — писал, ссылаясь на мнение вашингтонских официальных лиц, обозреватель М. Гетлер. Со ссылкой на некоторых американских специалистов по Советскому Союзу тот же обозреватель писал, что «годы неослабно жесткой риторики и иных акций убедили русских в непримиримой враждебности Рейгана и в том, что при принятии решений им следует исходить из этой презумпции»<sup>79</sup>. И действительно, оценка президентского заявления, вынесенная министром иностранных дел СССР А. А. Громыко, была привычно суровой и недвусмысленной: оно было названо содержащим лишь избитые фразы. (Советский Союз явно не был склонен помогать Рейгану в его борьбе за второе четырехлетие в Белом доме.) Нужны дела, а не словесные упражнения, подчеркнул руководитель советской внешней политики. Но, как представляется, одной из причин, и не исключено, что важнейшей, почему тогда дела не получилось, явилась смерть Ю. В. Андропова спустя всего три недели после рейгановского заявления. На смену Ю. В. Андропову пришел 72-летний К. У. Черненко, физически явно нездоровый человек. (Бывший министр иностранных дел Великобритании Д. Оуэн, приехавший в СССР на похороны Ю. В. Андропова и представленный по этому случаю новому

советскому руководителю, заявил по возвращении в Лондон представителям печати, что полученное им в молодости медицинское образование позволяет ему заключить, что К. У. Черненко болен эмфиземой легких и долго не протянет.) «Черненко произвел на Вашингтон впечатление очередной искусственной фигуры, которая скорее всего исчезнет с глаз прежде, чем с ним можно будет начать сколько-нибудь реальное дело», — писал Дж. Ньюхаус<sup>80</sup>. Человеком, первым сообщившим Рейгану свои впечатления от встречи и беседы с Черненко, был вице-президент Буш, приехавший на похороны Ю. В. Андропова в качестве личного представителя президента США.

К началу 1984 г. сменились все главные действующие лица, наводившиеся на переднем крае советского направления американской внешней политики, помимо Дж. Шульца и Р. Макфарлейна, ставших главными советниками президента по вопросам, касавшимся отношений с СССР; к формулированию внешнеполитического курса США по отношению к СССР был привлечен Дж. Мэтлок, сменивший активно антисоветски настроенного Ричарда Пайпса. 7 февраля 1984 г. Рейган согласился на вывод американских морских пехотинцев из Ливана, что было расценено в зарубежных политических кругах как свидетельство намерения американского президента сосредоточить все свое внимание на проблемах взаимоотношений с СССР и на проблемах разоружения. К этому времени индекс личной популярности Рейгана (54 %) после трех лет пребывания у власти превзошел показатели других президентов послевоенного периода, кроме Эйзенхауэра. Обращало на себя внимание, однако, то обстоятельство, что столь высокие показатели популярности президента Рейгана отражали скорее позитивное отношение американцев к нему лично как человеку, а не как государственному деятелю. При анализе результатов опросов общественного мнения стало бросаться в глаза беспокойство американцев по поводу непримиримо жесткой антисоветской риторики президента и неспособности администрации наладить деловые рабочие отношения с Советским Союзом.

В этих условиях в рамках конкретных шагов, разработанных президентскими советниками в связи с приближающимися выборами, руководимый Дж. Шульцем государственный департамент при поддержке Дж. Бейкера и М. Дивера, а самое главное, при поддержке Нэнси Рейган запланировал проведение встречи Рейгана с А. А. Громыко. Как пишет Дж. Ньюхаус, «стали просачиваться слухи о том, что г-жа Рейган очень хочет, чтобы ее мужа вспоминали добрым словом за то, что ему удалось уменьшить риск ядерной войны. Лишь

в 1984 г. она стала проявлять интерес к его месту в истории, сам же президент не проявлял никакой заинтересованности к тому, какой приговор вынесут ему потомки и какие требования предъявляет к нему история. Что же касается г-жи Рейган, то, однажды увлекшись этой идеей, она твердо решила довести ее до реализации». В подтверждение роли, сыгранной Нэнси Рейган в перемене, происшедшей в тональности рейгановских заявлений об СССР, Дж. Ньюхаус ссылается на слова М. Дивера из его автобиографии «За сценой»: «Она лоббировала президента с тем, чтобы он смягчил свою линию в отношении Советского Союза»<sup>81</sup>. (В ноябре 1989 г. вышли в свет мемуары Нэнси Рейган «Мой черед», в которых она подтверждает, что ей приходилось сдерживать идеологические перегибы, которые позволял себе ее муж, в частности в отношении Советского Союза. «Нельзя допускать, чтобы две супердержавы не говорили друг с другом. Этого требует здравый смысл», — заявила она в интервью журналу «Ньюсуик».) Говорили, что аналогичный совет давал Рейгану и бывший президент США Никсон, единственный из бывших глав государства, к мнению которого Рейган прислушивался и с которым время от времени неофициально консультировался. Впрочем, наверное, и сам Рейган, а не только его советники понимал, что перспектива восстановления рабочих контактов с СССР с выходом на все больше беспокоившие американцев проблемы современности открывает перед ним единственную возможность говорить о сколько-нибудь конкретной программе второго срока его президентства. Следуя советам «петь свои антисоветские песни несколько более мягким голосом», Рейган стал «смещаться к центру сцены, к серединке, где и выигрываются все выборы, — писал Дж. Рестон. — Он разочаровывает консервативных республиканцев, которые изначально привели его в Белый дом, но набирает больше голосов в центре и даже слева, чем теряет»<sup>82</sup>.

Прошедший огонь, воду и медные трубы всех рейгановских предвыборных кампаний, будь то в Сакраменто или в Вашингтоне, старый и испытанный консультант С. Спенсер, вновь привлеченный «рейгановской командой» к планированию и руководству политической рекламой президента в 1984 г., открыл секретное совещание с двумя другими консультантами, Р. Титером и К. Хачигяном, сообщением о том, что «рейгановская администрация выпустила все свои пули очень рано и весьма успешно в первые два года. Она выполнила все свои планы, все свои приоритеты, все свои

программы. У них кончились боеприпасы. И наибольшим потрясением для меня оказалось то, что, как я узнал, у них ни черта не осталось в трубопроводе. У них нет ни одной идеи». Четырехчасовая магнитофонная запись совещания стала достоянием общественного внимания лишь в 1988 г., и, знакомясь с ней сегодня, кое-кто приходит к заключению, что, стань тогда, в июне 1984 г., содержание разговора известным американским избирателям, трудно было бы предсказать исход выборов. Из обмена репликами президентских консультантов становилось ясным, что ни у президента, ни у его ближайших советников не было никакого представления о том, что будет делать администрация в следующие четыре года в случае победы республиканцев на выборах: не только не существовало стратегического стержня в программе будущих действий, но и отсутствовала сама программа. Уж очень беспомощным и неспособным к самостоятельному мышлению выглядел президент в глазах хорошо знавших его людей — в их комментариях отсутствовало искреннее уважение к человеку, из которого они же на протяжении многих лет лепили образ разумного и многоопытного государственного деятеля. «Если бы его ранили в палец ноги, это очень помогло бы его избранию», — неожиданно вырвалось у Спенсера, и, испугавшись своих собственных слов, он поспешно добавил: «Выключите магнитофон. После окончания нашего совещания я эту кассету заберу»<sup>83</sup>. (Никто не позавидовал бы Спенсеру, попади эта магнитофонная пленка в руки Нэнси Рейган.) Любопытно, что проникшие годы спустя в печать сведения об этом совещании основывались именно на этой пленке, которую у Спенсера, видимо, не хватило решительности уничтожить (а может, хватило сообразительности не уничтожать).

«Рейгановская команда» не могла позволить себе выпустить президента на предвыборное ристалище с пустыми руками. «Это же общенациональные выборы, — не скрывая отчаяния, проговорил Роберт Титер. — Нам необходимо найти, что сказать». «Дело было не только в том, что в рейгановском лагере ощущался кризис новых идей, но и в том, что, согласно опросам общественного мнения, таяла поддержка и большинства старых идей. К 1984 г. по меньшей мере треть избирателей относилась с одобрением лично к Рейгану, но не одобряла проводимую им политику. Людям импонировал статус-кво, но они не хотели подталкивать дальше так называемую «рейгановскую революцию». Истина заключается в том, что за доставляющими удовлетворение мифами и образами не было действительно солидного политического фундамента», — писали американские авторы Джейн Мейер и Дойл Макманус<sup>84</sup>. Итак, большинство тем избирательной кампании 1980 г. не

было годно к употреблению в 1984 г.: тема превосходящей советской военной мощи и связанной с этим необходимости увеличения военных расходов США была исчерпана собственными заявлениями президента о возрожденном военном превосходстве страны и восстановленном месте США в мире как «державы номер один». Тема сокращения непроизводительных расходов на социальные нужды и на нужды «разрастающегося правительства» грозила непредсказуемой реакцией избирателей, уже ощутивших на своем семейном бюджете последствия осуществленных администрацией мер по экономии федеральных средств. Рискованно было педалировать идею налоговой реформы, учитывая, что она была еще в стадии доработки и могла вызвать вопросы, на которые администрация не была еще в состоянии ответить. Не было никаких оснований ждать общественной поддержки и основных направлений внешнеполитического курса администрации прошедшего четырехлетия, будь то в Центральной Америке, на Ближнем Востоке или на переговорах по разоружению. Отвергнув еще ряд возможных ключевых тем предстоящей избирательной кампании, консультанты сошлись на том, что она должна будет строиться (в плане внутривнутриполитическом и социально-экономическом) на сопоставлении достигнутого Рейгановской администрацией с плачевными результатами администрации Картера, вице-президентом в которой был нынешний конкурент Рейгана Мондейл. Это позволяло сконцентрировать внимание избирателей на послужном списке прошлых свершений, а не на планах будущих. В плане же внешнеполитическом основной темой избирательной кампании Рейгана должны были стать американско-советские отношения и перспективы договоренности в области контроля над вооружениями и разоружения. Вот еще один отрывок из магнитофонной записи совещания от 30 июня 1984 г.:

«Т и т е р. Вот еще насчет открытия ООН (т. е. сессии Генеральной Ассамблеи ООН)...

Х а ч и г я н. Я бы здесь и произнес мою речь «Не надо больше войн». Я бы здесь использовал одну фразу, которая заставила бы всех газетчиков включить ее в заголовки статей... Знаете, что ему нужно сделать в этом ооновском выступлении? Ведь Советский Союз располагает буквально в двух шагах от нас в зале Генеральной Ассамблеи. Надо, чтобы он указал на них пальцем и сказал: «Знаете, а ведь между нами нет широкой пропасти. В этом здании нас разделяют лишь два метра».

С п е н с е р. Ну да, и он скорее всего укажет пальцем на делегацию Пуэрто-Рико (смех, неясно).

Х а ч и г я н. Вы же знаете, что он сможет это сделать.



С Никсоном такое никогда не получилось бы. Или же с Фордом — он бы указал на какого-нибудь черного. А с Рейганом это можно фактически запрограммировать в его речь и сделать так, чтобы это выглядело экспромтом»<sup>85</sup>. В выступлении Рейгана перед сессией Генеральной Ассамблеи 24 сентября 1984 г. эти слова действительно выглядели только что пришедшими президенту в голову: «Вы знаете, я вот стою здесь и гляжу на зал с этой трибуны, и мне видно кресло представителя Советского Союза. А неподалеку от этого кресла, немного в сторону, расположено кресло представителя Соединенных Штатов. В этом историческом зале собраний совершенно очевидно, что между нами не столь уж огромное расстояние. И за пределами этого зала, несмотря на существование явных разногласий, нам совершенно необходимо сделать все возможное, чтобы сократить это расстояние»<sup>86</sup>. Однако ни подобные «экспромты», ни, несомненно, более серьезно и основательно готовившиеся в недрах государственного департамента США и Министерства иностранных дел СССР предложения и инициативы не снимали основной проблемы — отсутствия на том этапе взаимоотношений готовности сторон идти на какие-либо компромиссы, готовности сделать первый, самый трудный шаг навстречу. Состоявшаяся после открытия очередной сессии Генеральной Ассамблеи ООН встреча президента США и министра иностранных дел СССР к каким-либо конструктивным сдвигам в позиции обеих стран не привела. «Рейган ни к селу ни к городу заявил, что он не ест детей, на что Громыко с торжественной серьезностью ответил, что детей не едят и в Советском Союзе», — писал Дж. Ньюхаус, комментируя эту встречу, которая тем не менее, по его мнению, «сломала лед»<sup>87</sup>. Но в конце 1984 г. надо было обладать поистине сверхъестественной прозорливостью, чтобы почувствовать, что лед действительно сломлен или будет вот-вот сломлен. Во всяком случае, отвечая 17 ноября на вопросы корреспондента американской телевизионной компании Эн-би-си Марвина Кэлба, К. У. Черненко отверг возможность встречи с Р. Рейганом, объяснив свою позицию отсутствием уверенности в ее успехе. При этом он лишь повторил в самых общих выражениях заинтересованность СССР в конструктивном развитии советско-американских отношений.

Объясняя или пытаясь понять действительно отсутствовавшую у Советского Союза готовность к договоренностям с США, нельзя сбрасывать со счетов (помимо отсутствия полноценного политического руководства страной) и то обстоятельство, что при практически полном отсутствии оснований рассчитывать на победу Мондейла в позиции советских представителей на переговорах и встречах с представителями

США проглядывало намерение дождаться итогов президентских выборов, не оказывая никакого содействия победе продолжавшего вызывать негативную реакцию Рейгана (а любой прогресс, каким незначительным он бы ни был, в американо-советских отношениях, несомненно, пошел бы на пользу действующей администрации), но и ни в коем случае не нанося вреда установившимся с ним контактам. Президентские эскапады, подобные той «шутке», которую допустил Рейган в августе 1984 г. у себя на ранчо перед началом своего регулярного еженедельного радиообращения к стране (проверяя готовность радиотехники к записи, он вместо обычного отчета цифр произнес: «Дорогие соотечественники-американцы! Я рад сообщить вам, что только что подписал закон, навсегда объявляющий Россию вне закона. Бомбежка начнется через пять минут»), оправдывали в глазах советских людей и многих представителей зарубежной общественности проявляемую Советским Союзом сдержанность и отсутствие теплых чувств к американскому президенту. «Никакая псевдомиролюбивая риторика, к которой время от времени стали прибегать в Вашингтоне в предвыборных целях, не должна вводить в заблуждение. Несоответствие этой риторики реальным делам очевидно. А если кто-то и сомневался на этот счет, то последние «откровения» президента Р. Рейгана должны и им открыть глаза», — говорилось в заявлении ТАСС, опубликованном 16 августа 1984 г. В этих обстоятельствах и в этой атмосфере, казалось, трудно было рассчитывать на какие-либо конструктивные сдвиги в советско-американских отношениях в ближайшем будущем или во всяком случае при Р. Рейгане.

23 августа 1984 г. под восторженные возгласы прорейгановски настроенных делегатов: «Еще четыре года! Еще четыре года!» — национальный съезд республиканцев вновь выдвинул Рейгана своим кандидатом на пост президента США.

Подводя итог первому четырехлетию рейгановской внешней политики, ведущие американские политологи А. Даллин и Г. Лапидус высказали точку зрения, с которой соглашались многие из специалистов-международников как в США, так и в других странах: «До начала его второго срока в Белом доме, когда решение о встрече на высшем уровне в Женеве на время сконцентрировало его внимание на советско-американских отношениях и придало в его глазах исходу встречи глубоко личный характер, президент казался менее заинтересованным и мало что понимающим во внешней политике по сравнению со многими своими предшественниками, не имел четкой стратегии руководства ею и в значительной степени полагался на своих подчиненных в деле получения информации, формулирования предлагаемой позиции и разрешения

конфликтов»<sup>88</sup>. Все эти качества Рейгана проявились и в ходе предвыборной кампании 1984 г., и в ходе дебатов претендентов на президентский пост, давая лишний повод политическим обозревателям заключить, что «на протяжении без малого четырех лет в Белом доме г-н Рейган никогда не правил страной в истинно президентском смысле слова. Авторитетные источники вновь и вновь подтверждали, что он отличается отрешенностью, неинформированностью и нежеланием заниматься сложными проблемами. Именно это и продемонстрировали дебаты всем тем, кто проявил к ним интерес. Дебаты положили конец иллюзии того, что Рональд Рейган правит страной». «То, как развивались дебаты,— писал другой обозреватель,— подтвердило, что президент является приятным и добронамеренным зрителем в своем собственном правительстве, проявляющим интерес к тому, что происходит (в определенной степени и в той мере, в какой это доступно его пониманию), искренне надеющимся на то, что в мире не произойдет войны, и желающим добра тем людям в его администрации, кто бы они ни были, которым поручено проследить за тем, чтобы войны не было»<sup>89</sup>. Но эти нелестные отзывы политических обозревателей газеты «Нью-Йорк таймс» Энтони Льюиса и газеты «Интернэшнл геральд трибюн» Уильяма Пфаффа касались лишь внешнеполитической области деятельности президента, отношение к которой, как и в предшествовавшие годы президентских выборов, играло второстепенную роль при определении позиции избирателей. Проведенными накануне дня выборов опросами общественного мнения вновь было установлено, что американцев по-прежнему в первую очередь интересовали проблемы социально-экономического характера. И как все четыре года президентства, американцам импонировали личные качества Рейгана: его неиссякаемый оптимизм, обаяние, чувство юмора, кажущаяся неподвластность времени и неуязвимость перед лицом порой складывающихся не в его пользу обстоятельств, т. е. все те качества, которые приписывались издавна американскому национальному характеру и которые каждый американец хотел бы видеть в себе. Так или иначе, по признанию даже тех политических обозревателей, которые не питали особых личных симпатий к Рейгану, ко дню президентских выборов 1984 г. его называли в числе самых популярных президентов XX в. наряду с Д. Эйзенхауэром, Дж. Кеннеди и даже Ф. Рузвельтом.

В день выборов за Рейгана проголосовало 59 % американцев, принявших участие в голосовании, или свыше 53 млн человек. Республиканская партия получила 14 новых мест в палате представителей (при сохранившемся за демократами подавляющем большинстве), но потеряла 2 места в сенате

(сохранив небольшое — 53 к 47 — преимущество над демократами). Республиканцы завоевали четыре губернаторских поста, но потеряли три. За кандидата демократической партии Мондейла проголосовало большинство избирателей лишь в его родном штате Миннесота и в Округе Колумбия. Диссонансом к эйфории сторонников Рейгана прозвучал заголовок опубликованной на следующий день после выборов статьи Дж. Рестона: «Потрясающая победа, неопределенные последствия». Ничуть не более оптимистичной была точка зрения другого политического обозревателя, заявившего, что и последующие четыре года Белый дом будет продолжать функционировать «на автопилоте».

Отдав во второй раз свои голоса Рональду Рейгану, избиратели проигнорировали его довольно преклонный для политического деятеля возраст — через полмесяца после вступления во второе четырехлетие президентства ему должно было исполниться 74 года. «Возраст стареющего президента вовсе не шутка» — назвал одну из своих статей Дж. Рестон, и его мнение разделяли многие политические обозреватели страны. Но их обеспокоенность не передавалась основной массе избирателей. Разве что пожилые американцы и американки, сами переступившие семидесятилетний рубеж и на своем опыте познавшие ограниченность физических и интеллектуальных возможностей своего возраста, сомневались в разумности избрания Рейгана на второй срок. Но основную массу избирателей впечатляло, с какой легкостью разделялся президент с этим чуть ли не основным укором, выдвигавшимся в его адрес оппозиционными политическими силами. В ходе его дебатов с 46-летним Мондейлом один из задававших вопросы журналистов поинтересовался отношением Рейгана к проблеме его возраста. Ответ был явно заранее подготовлен, так как трудно предположить, что готовившие Рейгана к дебатам помощники не предвидели такого вопроса. С обаятельной улыбкой президент ответил, что он не считает себя стариком в свои 73 года, и добавил: «Я не собираюсь эксплуатировать в политических целях юность и неопытность моего соперника». То, что Рейган с готовностью шутил на эту тему, лишало смысла попытки других «проехаться» на эту тему. Опросы общественного мнения регистрировали недовольство американцев тем, что вопрос о рейгановском возрасте вообще кем-то поднимается.

В иронии упоминавшейся выше статьи Рестона скрывался серьезный подтекст, который, однако, был проигнорирован избирателями, голосовавшими за Рейгана. Рестон писал: «Судя по информации, которой мы располагаем, г-н Рейган является очень здоровым человеком, а его неуверенное поведение в ходе первых дебатов и ошибки, допущенные им в ходе вторых дебатов, свидетельствуют лишь о том, что в свои 70 лет он владеет фактами ничуть не лучше, чем в свои 50 лет. Справедливости ради следует сказать, что президента нельзя обвинить в том, что он ввел кого-то в заблуждение относительно своих интеллектуальных способностей. Все недостатки, в которых его обвиняют сейчас,— его неспособность понять

все детали проводимой им политики, его слабая память, его любовь к старым приятелям и его нереальный взгляд на мир — присутствовали в его личности задолго до того, как он въехал в Белый дом»<sup>1</sup> Рестон вспомнил о данном Рейганом еще в ходе избирательной кампании 1980 г. обещании регулярно проходить медицинские обследования на предмет выявления у него признаков старческого маразма. С тех пор общественности не предоставлялось никакой информации о результатах таких обследований, если они вообще когда-либо проводились. В начале 1984 г., отвечая на вопрос журналиста, Рейган заявил, что он готов пройти обследование лишь в том случае, если появятся признаки того, что он не владеет своим разумом. «Ничего подобного со мной не случилось», — добавил он.

Дабы снять все возникающие вопросы на эту тему, незадолго до выборов 1984 г. были все же опубликованы результаты медицинского обследования президента. В заключении, подписанном медицинскими светилами, отмечалось, что «г-н Рейган — психически здоровый и физически крепкий мужчина, выглядящий моложе своего возраста». Буквально мимоходом в заключении констатировалось «ослабление остроты слуха» и наличие небольшого доброкачественного полипа во внутренних органах президента. Тылы медиков-практиков, обследовавших президента, были укреплены представителями медицинской науки. Директор Национального института по проблемам старения Ф. Уильямс заявил в печати, что нет причин сомневаться в высоких интеллектуальных способностях 73-летнего Рейгана, поскольку (ничуть не смущаясь, пояснил он) «компетентность личности с возрастом меняется весьма незначительно. Многие люди, достигшие 80- и 90-летнего возраста, вполне способны быть президентом». Американские геронтологи ссылались при этом на китайского лидера Ден Сяопина и давно переступивших 70-летний рубеж членов советского руководства того времени. (Несколькими годами раньше один из членов советского руководства, торжественно отмечавший свое семидесятилетие, публично назвал свой возраст «средним». По сути дела к этому сводилось и заявление американского геронтолога Дж. Спара, нашедшего уместным заявить в преддверии президентских выборов 1984 г., что «в наши дни люди в возрасте между 65 и 75 годами статистически ближе к молодым, чем к старым».)<sup>2</sup> Чего только не услышишь в оправдание стремления людей сохранить свою власть!

Но если уж быть объективным, Рейган действительно не выглядел на свои годы. Конечно, за годы пребывания в Белом доме он не стал моложе, но явный процесс старения как-то его обошел. Джинсы по-прежнему облегали сохраняющую строй-

ность фигуру президента, его прежде рыжевато-каштановые волосы приобрели более подобающий государственному деятелю стальной отлив (по утверждению его личного парикмахера, президент лишь очень незначительно поседел за эти годы), весь его внешний облик говорил о неистребимой уверенности в том, что в его жизни все будет складываться хорошо. Он по-прежнему с нескрываемым удовольствием выслушивал комплименты по поводу того, как хорошо он выглядит, и давал щупать желающим вздувшиеся от ежедневных занятий в гимнастическом зале Белого дома мускулы. А уж когда его фотографировали на коне или колющим дрова на своем ранчо в Санта-Барбаре, он и вовсе выглядел кинематографическим ковбоем, для которого понятие возраста вообще никогда не существовало.

Но все это было всего лишь частью искусно создаваемого президентского «имиджа». Конечно, чувствовался и возраст, были и очень серьезные, но скрываемые, пока это было возможно, болезни (хотя, как ни удивительно, прошедшая в двух сантиметрах от сердца пуля не отразилась сколько-нибудь серьезно на состоянии его здоровья), была и общая усталость, несмотря на тщательно соблюдаемый под неусыпным оком Нэнси Рейган режим рабочего дня. Всего лишь два-три года назад президент и его помощники чувствительно реагировали на появлявшиеся время от времени в американской печати сообщения о том, что Рейган «затрачивает не более двух-трех часов на настоящую работу, предпочитая обычно рассказывать истории о днях своей работы в кино»<sup>3</sup>. Тогда в ряде ведущих политических журналов появились статьи об «одном рабочем дне президента», из которых напрашивался вывод о загруженности президента серьезными проблемами, требовавшими ответственных решений. (Позднее стало известно, что для того, чтобы «рабочий день» президента выглядел внушительно, сотрудники аппарата Белого дома сконцентрировали в течение одного дня, освещенного журналистами, чуть ли не недельную программу деятельности Рейгана.) К концу первого срока пребывания в Белом доме общественный интерес к количеству времени, отводимому президентом на выполнение государственных функций, значительно спал, а признание ограничений, налагаемых на президента возрастом, стало весьма распространенным. Появлявшиеся время от времени в печати сообщения о том, что президент задремал во время ответственного государственного мероприятия или же сидел с отсутствующим выражением на лице, уже не вызвали былого недовольства или критики в адрес Рейгана — возраст есть возраст. Все подробнее становились подготавливаемые помощниками «шпаргалки» с инструкциями, что и в какой

момент следует делать президенту в ходе того или иного официального приема. И даже случайно попавшая в руки журналистов «шпаргалка», в которой Рейгану напоминалось о необходимости поприветствовать члена его собственного кабинета министров — «джентльмена, который будет сидеть под портретом президента Кулиджа», не произвела впечатления на американцев. Воспринималось как должное и само собой разумеющееся, что президент проводил все меньше времени в своем Овальном кабинете в Белом доме в рабочие дни; что взял за правило проводить вторую половину дня в среду на свежем воздухе, совершая прогулки верхом на расположенной неподалеку от столицы базе морских пехотинцев; что пользовался любой предоставляющейся ему возможностью для вылета в Санта-Барбару на свое любимое ранчо, где вел отрешенный от государственных дел образ жизни. «Я слышал, что от работы еще никто не умирал, — сводил все это к привычной шутке Рейган, — но к чему рисковать».

В жизни президентской четы «Небесному ранчо» отводилось настолько важное место, что о нем следует рассказать особо. У большинства президентов последних десятилетий было любимое место отдыха: кто-то из них довольствовался исторической президентской «дачей» в лесистых горах Кэтоктин, именовавшейся в годы администраций Ф. Рузвельта и Г. Трумэна «Шангри-Ла» и переименованной президентом Д. Эйзенхауэром в «Кэмп-Дэвид»; кто-то предпочитал собственные поместья. Рейган невзлюбил Кэмп-Дэвид с того момента, когда увидел заасфальтированные по приказу Никсона дорожки в лесу, и поэтому выезжал туда на отдых лишь вынужденно. «Небесное ранчо» намеренно не подвергалось Рейганом цивилизации, за исключением разве что прокладки линии специальной связи. Пресс-секретарь Рейгана Л. Спикс писал, что президент даже дал указание сотрудникам секретной службы не устанавливать в помещениях и на территории «ничего такого, что надо будет убирать после завершения президентского срока». Ранчо было расположено в живописной горной местности, покрытой густым лесом. Гуляя по горным тропинкам, можно было выйти на открытые площадки, откуда открывался захватывающий дух вид на Тихий океан. «Там, наверху, — говаривал Рейган, — кажется, что ты находишься на самой вершине мира и все проблемы и заботы остались далеко внизу». По словам Л. Спикса, «бывали времена, когда президент выглядел стариком, когда он приезжал сюда, но спустя неделю или две пребывания на ранчо казался моложе на 20 лет»<sup>4</sup>. Небольшой кирпичный дом — основное жилое помещение на ранчо — не имел системы центрального отопления, и часто появлявшиеся в газетах и журналах цвет-



ные фотографии Рейгана, колющего дрова, были в одинаковой степени отражением как рекламных, так и повседневных нужд президента. Жизнь президентской четы на ранчо, за исключением специально организуемых для фотожурналистов съемочных дней, а тем более жизнь за стенами этого кирпичного домика оставалась недоступной для прессы на протяжении всех лет пребывания Рейгана в Белом доме. Телевизионщики оборудовали было в нескольких сотнях метров от ранчо наблюдательную площадку и даже снабдили свою аппаратуру телескопическими линзами, используемыми в области космических исследований, но даже подглядывание в окна мало что им дало. Те же, кого принимали в этом доме, — близкие друзья Рейганов, старший брат президента Нил и другие — не проявляли никакого желания делиться «внутренней» информацией с представителями прессы. Все восемь лет существовал официальный Рональд Рейган, президент Соединенных Штатов, и тот неофициальный Рональд Рейган, каким он сам хотел себя видеть в глазах американцев. Всех его других ипостасей для американцев практически не существовало, о них можно было только догадываться. То же самое относилось и к Нэнси Рейган.

В ходе избирательной кампании 1984 г. исключительно важная роль и место Нэнси Рейган в Белом доме, а следовательно, и в жизни страны были не только подтверждены, но и в значительной степени закреплены. Правда, многие свидетельствующие об этом факты оставались неизвестными американской общественности, и лишь вышедшие позднее воспоминания близких к Белому дому лиц пролили некоторый свет на это существенное обстоятельство.

Президентские помощники и консультанты, принимавшие участие в планировании и организации предвыборной кампании в 1984 г., не раз обращали внимание на отсутствие у президента интереса к тому, кто и как готовит его переизбрание на второй срок. «Президент никогда толком не занимался вопросами планирования или стратегии кампании, — признавался один из руководителей кампании. — Я не думаю, что он когда-либо ставил это перед собой целью. Дело в том, что Рональд Рейган — кандидат, доведенный до степени совершенства. Он делает то, что вы желаете. И делает он это великолепно»<sup>5</sup> Поневоле приходит в голову мысль о том, что у Рейгана и не было оснований беспокоиться по поводу того, кто и как планирует его предвыборную кампанию, и что дело было не столько в его уверенности в профессиональном мастерстве нанятых его

«командой» экспертов, сколько в том, что он знал, что все бразды руководства кампанией держит в своих руках Нэнси Рейган — его «ближайший друг... его компаньон, подсказчица, няня и режиссер-постановщик», человек, которого Рейган часто любовно называл «мамочкой»<sup>6</sup>.

Постоянное присутствие Нэнси Рейган рядом с мужем, ее решительное вмешательство во все дела, касавшиеся лично его, вызывало, особенно в первые годы, раздражение у сотрудников аппарата Белого дома, членов кабинета и у довольно большого числа американцев. (О пронизательности Нэнси Рейган говорит ее замечание об окружавшей ее атмосфере тех лет: «Я понимала, что никто не сходит по мне с ума».) Проникавшие изредка на страницы органов печати или в телерепортажи курьезные случаи откровенно оказываемого влияния Нэнси Рейган на президента вызывали не только сочувственные или презрительные смешки, но и неуважительные по отношению к президентской чете комментарии. Один из таких случаев был описан газетой «Нью-Йорк таймс»: 1 августа 1984 г. Рейган давал интервью, в ходе которого ему был задан вопрос, что может сделать Америка, чтобы «привести русских к столу переговоров». Рейган долго молчал, не зная, видимо, как на него ответить, и тут, оросив на него быстрый взгляд, Нэнси Рейган прошептала: «Будет делать все возможное». Президент восторженно улыбаясь, повторил: «Будет делать все возможное»<sup>7</sup>. Позднее, оправдываясь на встрече с журналистами, Нэнси Рейган утверждала, что она проговорила эту фразу про себя, не намереваясь подсказывать мужу. Такие «непроизвольные» подсказки, однако, вошли в практику, причем Нэнси Рейган подсказывала президенту не только как отвечать, но и в конкретных ситуациях подсказывала воздерживаться от ответа на вопрос. Со временем президентские помощники научились ценить оказываемое Нэнси Рейган влияние и даже пытались его использовать в тех случаях, когда она не могла усмотреть в обращении к ней за помощью чьих-либо корыстных интересов или какого-либо вреда президенту. «Угроза ее влияния, — заметил один из помощников Рейгана, — столь же действенна, как и само влияние». Единственное, что продолжало и в годы второго четырехлетия вызывать неудовольствие президентских помощников, это вмешательство Нэнси Рейган в вопросы составления расписания мероприятий с участием президента. Лишь спустя много лет стало известно, что, назначая или отменяя мероприятия, Нэнси Рейган исходила из рекомендаций астрологов, а вовсе не из желания досадить сотрудникам аппарата Белого дома. По мере приближения конца пребывания Рейгана в Белом доме образ Нэнси Рейган, подрывающей уважение к прези-

денту и мешающей ему быть тем, кто он есть на самом деле, постепенно мерк, трансформируясь в образ президентской спутницы, помогающей ему нести тяжкое бремя лидера американского государства и оказывающейся неизменно под рукой в трудные и ответственные моменты его жизни. То ли по причине постепенного привыкания американцев к Нэнси Рейган, то ли еще по каким-то другим причинам ее минусы с годами обретали очертания плюсов и стали вызывать скорее уважительное изумление, чем негодующее неприя ие.

Внешне поведение Нэнси Рейган за годы пребывания в Белом доме практически не изменилось. Так же как и в первые месяцы жизни в Белом доме, она отдавала предпочтение изысканным и дорогим нарядам, заказанным у ведущих модельеров страны; точно так же предпочитала красный цвет всем другим цветам и оттенкам (не было для нее большего оскорбления, чем использование этого цвета платья или костюма другими высокопоставленными супругами); в не меньшей, а то и в большей степени, чем прежде, не терпела попыток других дам в чем-то перещеголять ее или оттеснить ее на второй план, да еще в присутствии представителей прессы. Разве что в том, что и как она делала, появилось больше уверенности в себе, которая стала проявляться и в манере ее общения с зарубежными сановными лицами, и особенно с их женами.

Незадолго до вступления Рейгана во второй срок президентства журнал «Тайм» опубликовал воспоминания Нэнси Рейган о содержании состоявшегося в Красной комнате Белого дома разговора с тогдашним министром иностранных дел СССР А. А. Громыко. В ходе ничем не примечательной беседы протокольного характера, последовавшей за только что закончившимися официальными переговорами с президентом, А. А. Громыко неожиданно спросил у Нэнси Рейган: «Во что верит ваш муж — в войну или в мир?» «В мир», — ответила, согласно ее воспоминаниям, Нэнси Рейган. «Вы уверены в этом?» «Да», — решительно ответила супруга президента. «Ну что ж, — сказал советский министр, — шепчите ему на ухо каждую ночь слово «мир»». «Хорошо, — последовала немедленно реакция Нэнси Рейган, которой она неизменно гордилась, — я буду шептать это слово и в ваше ухо»<sup>8</sup> Она была убеждена, что лучшего ответа придумать никому не удалось бы.

У самого Рональда Рейгана никогда не возникало сомнений в важной роли, играемой при нем его женой. «Когда происходит что-то необычное или что-то важное в моей жизни или же я впервые о чем-то узнаю, у меня тут же возникает в голове мысль: «Надо будет рассказать Нэнси». Вот такие отношения существуют между нами». Естественно, что Нэнси

Рейган всегда была первым человеком, не просто имевшим информацию о дальнейших политических планах и шагах Рейгана, но и первым советчиком в этих делах. Выше уже говорилось о том, что Нэнси Рейган оказывала действенное влияние на решение кадровых вопросов не только в аппарате Белого дома, но и в кабинете министров США. Ее настойчивые рекомендации президенту удалить «сухостой» из администрации привели в конечном итоге к удалению в отставку в первое четырехлетие ряда ответственных сотрудников аппарата Белого дома и даже членов кабинета. После победы Рейгана на выборах 1984 г. Нэнси Рейган не отказалась от намерений удалить из администрации бесполезных, а то и вредных, с ее точки зрения, лиц: «После этих выборов я говорила то же самое — что это самое удобное время для проведения замен. Я говорила в общем плане, а не только об аппарате Белого дома». Но Рейган — излишне мягкий, по ее словам, человек — не решался на предлагаемые ею суровые меры: «По-моему, в нем говорит вечный оптимист, считающий, что, если пустить дело на самотек, оно со временем утрясется. Так вот, это не всегда так». Ронни-младший, называвший свою мать «несентиментальным» человеком, считал, что ее политический инстинкт превосходил отцовский, но лишь в определенном смысле: «Его инстинкты более развиты с точки зрения всей страны, т. е. на всеобъемлющем уровне. Ее же инстинкты непревзойденны, когда речь идет об отдельных личностях или небольших группах людей. Именно по этой причине она оказалась вовлеченной во внутренние дела аппарата Белого дома». Последовавшие вскоре после вступления Рейгана во второй срок президентства замены и перестановки в правительстве и в аппарате Белого дома стали убедительным свидетельством справедливости замечания одного из хорошо ее знающих сотрудников Белого дома: «Она целеустремленная личность, знающая, чего она хочет; она стремится к лучшему, причем хочет добиться его немедленно»<sup>9</sup>. В первые же месяцы второго четырехлетия были поменяны местами «начальник штаба» Белого дома Дж. Бейкер и министр финансов Д. Риган (в 1989 г. Нэнси Рейган назвала это решение крупной ошибкой); затем не без содействия Нэнси Рейган ушел в отставку У. Кларк, занимавший в последнее время пост министра внутренних дел; один за другим ушли или были отправлены в отставку министр образования Т. Белл, министр здравоохранения и социальных служб М. Хеклер, министр труда Р. Донован. Ушел и директор Административно-бюджетного управления Д. Стокман. Лишь с одним уходившим в отставку человеком Нэнси Рейган рассталась с большим сожалением — М. Дивер, старый и испытанный друг, конфидант и советник

президентской супруги, решил уйти в сферу частного предпринимательства, сулившую ему баснословные доходы после того, как он стал обладателем широчайших и полезнейших связей в администрации. (Со временем М. Дивер пополнит длинный список членов рейгановской администрации, обвиненных в противозаконной деятельности и использовании служебного положения в корыстных целях.)

Нэнси Рейган приписываются слова: «Если ты оказался здесь (т. е. в Белом доме.— Э. И.) и ты не растешь над собой и ничему не учишься, значит, ты довольно глуп. Я не думаю, что я глупа». В чем угодно, но в глупости ее действительно обвинить было трудно. Более того, все годы ее пребывания в Белом доме убеждали в обоснованности высказанного С. Спенсером наблюдения: «Она является столь же хорошим инстинктивным политическим деятелем, как и ее муж. Только она лучше разбирается в вопросах тактики, тогда как он превосходит ее в вопросах стратегии»<sup>10</sup>. Но очень нелегко квалифицировать определенно — тактика то была или стратегия, когда она стала настойчиво рекомендовать своему мужу избавиться от создавшегося о нем в стране и за рубежом впечатления как о держащем палец на пусковом крючке, убежденном и непоколебимом милитаристе.

\*

«То ли еще будет» или «То ли еще вы увидите» — так можно было перевести на русский язык лозунг рейгановской предвыборной кампании 1984 г., за многообещающим и даже бравурным звучанием которого скрывалось отсутствие конкретных планов деятельности второй администрации Рейгана, будь то в области внутренней или внешней политики. От самого президента можно было ожидать, как и в годы его первой администрации, лишь то, что именовалось «общим видением» стоящих перед Соединенными Штатами проблем. Даже Нэнси Рейган не могла представить себе, что ее муж может изменить своим личным привычкам или политическим взглядам: «Он Рональд Рейган, и был Рональдом Рейганом очень долго. И кажется, это шло ему на пользу»<sup>11</sup>. Да и, казалось, какой был смысл меняться? Как писал Рестон, Рейган «продемонстрировал, что мир иллюзий пользуется большей популярностью, чем жестокий мир реальностей, и что обещание успеха столь же действенно, как и сам успех. Толпы на этих заснеженных улицах (в день инаугурации Рейгана 20 января 1985 г.— Э. И.) включают большое число его политических критиков, но никто не злится на него... Наблюдая президента и его привлекательную даму, люди счита-

ют, что самое главное — это действие, что жизнь может быть прекрасной, и даже если это не так, то ведь г-н Рейган обещает, что она станет прекрасной позднее». «Земля содрогалась, и небо покрывалось зловещими тучами, но пришел Рейган, включил свет и музыку, и, судя по всему, этого сегодня достаточно для этой части земного шара», — констатировал Рестон, не видевший оснований для торжества по случаю вступления Рейгана во второй срок президентского правления, хотя и признававший, что тому «удалось каким-то образом драматизировать свои успехи и свести к минимуму свои провалы в области прав человека и сострадания к человеку»<sup>12</sup>. Неверие в «светлое будущее», обещаемое Рейганом, находило у одних выражение в сарказме, у других — в беспросветном пессимизме, подкрепляемом ссылками на растущую внешнюю и внутреннюю задолженность или же на предельно напряженную международную обстановку. Левый журнал «Прогрессив» писал в те дни: «Большинство голосовавших явно предпочли предложенную Рональдом Рейганом розовую картинку американского будущего. Трудно их винить в этом. Если их вера в его обещания и представления окажется обоснованной, если действительно «то ли еще будет», то через четыре года они будут стоять во весь рост, аплодировать и издавать радостные крики, требуя повторения того, что произошло... Но те из нас, которыми не движет страсть повернуть вспять стрелки часов, не могут испытывать оптимизма по поводу того, что нас ждет в последующие четыре года. В худшем случае второй акт рейгановской пьесы может оказаться «спектаклем ужаса» — всемирным Гран-Гиньолем \* ядерного опустошения. И даже если нам посчастливится избежать всемирного конфликта, последующие четыре года грозят нам трудностями и опасностью. Тех, кто смотрит с надеждой на новое появление президента на сцене, может ожидать жестокое разочарование практически во всех сферах общественной политики. Их радостные возгласы могут превратиться в шиканье задолго до того, как будет спущен занавес над рейгановской администрацией»<sup>13</sup>. (Обреченность, сквозившая или откровенно звучащая во многих устных и печатных выступлениях в США и других странах мира, имела под собой определенные основания с учетом время от времени повторяемого Рейганом убеждения в скором наступлении Армагеддона — конца мира. Начав в 1980 г. с заявления о том, что «наше поколение может оказаться свидетелем Армагеддона», Рейган еще в октябре 1984 г. говорил:

\* Гиньоль — наименование пьес, спектаклей, основой которых является изображение преступлений, злодейств и т. п. Происходит от названия парижского театра «Гран-Гиньоль», специализировавшегося на аморальных и антигуманистических постановках.

«Никто не знает, когда произойдет Армагеддон — через тысячу лет или завтра»<sup>14</sup>. Нельзя сказать, что в Соединенных Штатах очень уж верили тогда в добрые намерения и миролюбие Советского Союза, но во всяком случае его лидеры не пугали человечество неминуемым и скорым Армагеддоном.)

Первое президентское четырехлетие Рейгана было в основном посвящено стоявшим перед страной экономическим проблемам; в новое четырехлетие, утверждали президентские помощники, приоритетное внимание будет сконцентрировано на вопросах внешней политики, в первую очередь на выработке соглашения с Советским Союзом по контролю над вооружениями<sup>15</sup>. Тогда заявления такого рода воспринимались скорее как попытка выдать желаемое за действительное, тем более что экономические проблемы страны отнюдь не выглядели решенными. В официальных заявлениях и документах в качестве свидетельства улучшившейся экономической ситуации в стране назывались снижение темпов роста инфляции и сокращение безработицы (к концу 1984 г. деловая активность в стране выросла по сравнению с 1982 г. на 11 %, в результате чего армия безработных сократилась почти на 4 млн человек. Ошеломленные огромным количеством безработных в 1982—1983 гг. американцы уже не обращали внимания на то, что сокращение безработицы шло за счет расширяющегося военного производства и особенно за счет роста числа низкооплачиваемых рабочих мест). Большинство же американских экономистов волновали прежде всего продолжающийся рост дефицита федерального бюджета (в 1983 г. перевалившего за 200 млрд долл.), рост дефицита внешнеторгового баланса (с 26 млрд долл. в 1980 г. до 159 млрд долл. в 1987 г.) и рост государственного долга США<sup>16</sup>. При всем разном в статистических данных, содержащихся в официальных документах, публикациях экономистов и в периодической печати, картина экономического положения страны была предпочтительнее той, которая связывалась с первыми годами рейгановской администрации. Выплачивали ли Соединенные Штаты в качестве процентных отчислений за растущий государственный долг 256 млн долл. в день, как утверждали одни источники, или 134 млрд долл. в год, как утверждали другие<sup>17</sup>, было в конечном счете не важно, так как в любом случае эта сумма была, несомненно, выше того, что могла позволить себе финансовая система государства, стремящегося к сбалансированному бюджету. Как писал Б. Фридман, «американцам в будущем придется работать на этот долг, выплачивая налоги и передавая работодателям в других странах производимые в Америке товары и принадлежащие Америке доходы»<sup>18</sup>. Военные расходы США выросли за первое

четырёхлетие рейгановской администрации почти в 2 раза по сравнению с последним годом администрации Картера (в 1989 г. в 2 с лишним раза). Не давали оснований для успокоенности и публиковавшиеся в печати прогнозы, предупреждавшие, что в 1985 г. сумма займов США за рубежом превысит сумму долгов иностранных государств Соединенным Штатам, превратив последние в самого крупного должника в мире. Чувствовалось в стране и недовольство планами администрации Рейгана провести реформу системы налогообложения, в результате которой вместо 15 категорий налогоплательщиков, выплачивавших в зависимости от уровня личных доходов налоги в размере от 11 до 50 %, сохранялись лишь три категории налогоплательщиков с минимальной ставкой личного подоходного налога в 15 % и максимальной — в размере 35 % и всего лишь одна ставка налога на корпорации в размере 33 %. Повышение налогов на работающих бедняков и снижение налогов на материально обеспеченных членов общества, писал журнал «Нью рипаблик», делало правительство «очень похожим на Робин Гуда наоборот»<sup>19</sup>.

Социально-экономическая ситуация в стране не вызывала, однако, у президента сколько-нибудь повышенной озабоченности. Создавалось впечатление, что он удовлетворен результатами экономической деятельности своей администрации и не видит оснований вносить в нее какие-либо изменения. По словам одного из членов администрации, «в глазах президента первые четыре года были близки к совершенству», а бывший председатель Экономического совета при президенте Картере Ч. Шульце высказал предположение, что Рейган «действительно верит в то, что ему удалось найти гусыню, снесшую золотое яйцо»<sup>20</sup>. Оптимистические оценки предшествующих лет разделялись и многими членами кабинета и аппарата Белого дома, утверждавшими, что второе четырехлетие можно будет считать успешно завершившимся, если президенту удастся сохранить достигнутое в первые четыре года.

Состояние дел во внешней политике и в экономике Соединенных Штатов, сложившееся в результате первого четырехлетия рейгановского правления, создавало труднообъяснимое впечатление промежуточности на пути к переменам, которые одинаково обоснованно могли стать как хорошими, так и ужасными. Определенностью отличалась лишь политика администрации по отношению к состоятельной части населения США, откровенно проводившаяся в режиме наибольшего благоприятствования. Как отмечала газета «Нью-Йорк таймс» в первые дни второй администрации Рейгана, «общая атмосфера мира, процветания и гордости царит в основном в состоятельной Америке. Среди 20 тыс. бездомных, ютящихся



в нью-йоркских трущобах в частности, чувство благополучия мало кому знакомо»<sup>21</sup>. Острота проблемы бедняков была настолько серьезной, что мимо нее не смогла пройти даже такая крупнейшая газета американского истеблишмента, как «Вашингтон пост», опубликовавшая после выборов 1984 г. серию статей Роберта Кайзера о растущей социальной и имущественной дифференциации в американском обществе. Р. Кайзер писал, что «наиболее бедные 100 млн американцев получали в последние годы все уменьшающуюся долю экономического пирога, тогда как более состоятельные слои получали все более жирные куски... Страна действительно меняла свое лицо: бедные становились беднее, богатые — богаче»<sup>22</sup>. Тема бедности, усиливающегося социального расслоения активно обсуждалась многочисленными общественными и религиозными организациями страны и привлекала пристальное внимание средств массовой информации, однако официальные заявления представителей администрации, включая и самого президента, свидетельствовали о том, что в правительстве имеется своя точка зрения. (Так, в частности, отрицая существование в США бездомных, Рейган и Э. Миз заявляли, что на самом деле — это люди, попросту предпочитающие такой образ жизни — «на свежем воздухе»,) Один из близких советников Рейгана признал, что у президента на сей счет «есть свои взгляды и свои предубеждения, и их невозможно поколебать. Он обладает в известной мере чувством сострадания, но о многом не имеет представления. Для него бедность — это то состояние, которое он испытал мальчиком, но это вовсе не то же самое, что сегодняшние лишения. Ему удалось избавиться от бедности, и он не понимает, почему из нее не могут сегодня найти выход другие. Проблема заключается в том, что его модель страны больше не существует». Другой президентский советник говорил, что Рейган убежден, «когда мы добьемся того, что вся наша экономическая система заработает, у бедняков появится реальный шанс», и такой позиции он придерживается и по другим вопросам — «решите главную проблему, и тогда все остальное встанет на свои места»<sup>23</sup>.

Упрямство всегда было отличительной чертой рейгановского характера. Еще в 1982 г., когда ситуация в социально-экономической сфере была намного сложнее, журнал «Тайм» писал: «С точки зрения Рейгана, его упрямство вполне оправданно... Он считает, что политика, основывающаяся на верных принципах, *должна* преуспеть. Так что дефициты могут быть лишь преходящими неприятностями, которые не должны отвлекать администрацию от ее долгосрочных целей»<sup>24</sup>. В 1985 г. для проявления упрямства, с точки зрения Рейгана, было еще больше оснований: при снижении темпов роста

социальных расходов американского государства продолжался их абсолютный рост, и даже при сокращении их относительной доли в ВВП США она продолжала оставаться достаточно высокой (около 18 % к концу президентства Рейгана). Убежденности Рейгана в правильности проводимого им курса в социально-экономической сфере способствовало и то, что при явном обострении критики внутривластного курса администрации не отмечалось сколько-нибудь серьезных признаков социальной напряженности. Начавшийся в 1983 г. экономический подъем устранил опасность социальных волнений: признаки перемен к лучшему — снижение безработицы и сокращение темпов роста инфляции — свидетельствовали о том, что обещание того, что американцы будут при нем жить лучше, Рейганом выполняется. То, что это происходило за счет жизни в долг, за счет накопления нерешаемых проблем и с неизбежной перспективой оставления этих проблем в наследство следующим поколениям государственных лидеров и граждан страны, никого, за исключением отдельных экономистов, казалось, не волновало.

Это оптимистическое видение открывающихся перед страной горизонтов определило содержание и тон инаугурационного обращения президента Рейгана при вступлении во второе четырехлетие своего правления. Четырьмя годами раньше бросался в глаза контраст между серьезностью социально-экономических проблем, стоявших тогда перед страной, и роскошью рейгановских инаугурационных торжеств. В январе 1985 г. эти торжества проходили иначе, в гораздо более сдержанной обстановке. Дело, однако, было не в том, что президент и его окружение решили проявить несвойственную им скромность или что они сочли неуместным сочетать роскошь с явно популистскими сентенциями, превалировавшими в инаугурационной речи президента, а в том, что в связи с сильными морозами предусматривавшую участие десятков тысяч человек парадную часть инаугурации на открытом воздухе пришлось отменить, а саму церемонию инаугурации перенести в закрытое помещение — в Ротонду Капитолия, где могли разместиться лишь несколько сот человек. Необычным было и то, что официальная инаугурация состоялась 21 января, а не 20-го, как это предусматривается американской конституцией. (20 января было воскресным днем, и поэтому в тот день состоялась как бы приватная церемония инаугурации в Белом доме в присутствии членов рейгановской семьи, членов кабинета и его ближайшего окружения, которую надлежало повторить на следующий день в более подобающей официальной обстановке.)

Президентские инаугурационные заявления традиционно

являются декларацией намерений в самом общем плане и не содержат, как правило, ничего конкретного. Не была исключением и рейгановская речь, произнесенная в Капитолии 21 января 1985 г. (Говорили, что значительная часть текста была написана самим президентом за два с лишним месяца после выборов, проведенные им без особого напряжения: кто-то подсчитал, что Рейган провел в ноябре и декабре почти столько же дней в своем Овальном кабинете, сколько и на своем «Небесном ранчо».) Изобиловавшая банальностями и историческими реминисценциями речь давала лишь общее представление о планах президента на ближайшее четырехлетие, но из нее следовало, что Рейган намерен продолжать идти по пути сокращения федеральных расходов на социальные нужды при одновременном наращивании военных расходов. В речи не содержалось никаких признаков намерения президента проявить какую-либо уступчивость в обсуждении с Советским Союзом вопросов разоружения и контроля над вооружениями. И президент вновь подтвердил свою решимость содействовать реализации программы СОИ — «щита, который будет не убивать людей, а уничтожать оружие, будет способствовать не милитаризации космического пространства, а демилитаризации наземных арсеналов». Одновременно Рейган заявил о своем намерении продолжать встречаться с представителями СССР «в надежде, что можно будет договориться о формуле, которая спасла бы мир от угрозы ядерного уничтожения»<sup>25</sup>. Опубликованный через несколько дней законопроект о бюджете страны на 1986 финансовый год подтвердил планы президента в отношении дальнейшего роста военных расходов до 313,7 млрд долл. и сокращения федеральных ассигнований на реализацию программ целого ряда гражданских министерств. Предлагалось также сокращение средств, выделяемых на оказание медицинской помощи престарелым, финансовой помощи беднякам, ассигнований на переобучение безработных, пособий студенческой молодежи. Как писали газеты и журналы страны, намерения администрации на ближайшие годы лишали американцев надежды на то, что стране удастся добиться в ближайшие годы сбалансированного бюджета и, самое главное, ставили под сомнение осуществимость достижения договоренностей с Советским Союзом. С учетом всего сказанного и сделанного президентом в первые недели после вступления во второй срок президентства не внушала особого оптимизма даже достигнутая между СССР и США договоренность о начале в марте 1985 г. в Женеве переговоров по ядерным и космическим вооружениям. Не было никаких реальных признаков того, что вторая администрация Рейгана готова отказаться от того, что составляло сущность внешнепо-

литического курса первой администрации, когда она «упрямо отказывалась делать что-либо, помимо того, что занимала позицию высокомерной враждебности» и «проявляла склонность проследить все или почти все беды мира прямо к дверям Кремля»<sup>26</sup>.

\*

Последнее появление К. У. Черненко на экранах советского телевидения незадолго до очередных выборов в Верховный Совет СССР подтвердило давно циркулировавшие в стране слухи о неизбежной в скором времени смене высшего руководства. За последние годы к изменениям в высшем эшелоне власти в СССР в Белом доме стали относиться довольно хладнокровно, не ожидая от них сколько-нибудь серьезных международных последствий. Однако к тому, что произошло после смерти К. У. Черненко, и к тому, какое влияние это оказало на обстановку в мире и на решение застарелых международных проблем, в США явно не были готовы. Одним из первых, кто признал необходимость трезвого учета складывающихся реалий, был политический обозреватель Дж. Крафт, заметивший: «Кончина Черненко является напоминанием того, что Вашингтон не может бесконечно продолжать становиться в позу в вопросе о контроле над вооружениями».

Избранный Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачев в своей первой речи на Пленуме ЦК КПСС 11 марта 1985 г. особо выделил значение начинавшихся на следующий день переговоров между СССР и США в Женеве и, подтвердив отсутствие у Советского Союза стремления к достижению односторонних преимуществ перед Соединенными Штатами и перед странами НАТО, предложил заморозить ядерные арсеналы и прекратить дальнейшее развертывание ракет: «Мы хотим действительного и крупного сокращения накопленных вооружений, а не создания все новых систем оружия, будь то в космосе или на Земле». В тот день, когда Пленум ЦК КПСС выбирал нового Генерального секретаря, Рейган счел возможным, не повторяя своих старых характеристик Советского Союза, заявить группе журналистов: «Между двумя странами (США и СССР) существует огромное взаимное недоверие. Я считаю, что у нас есть больше оснований для этого, чем у них»<sup>27</sup>. Советская сторона придерживалась прямо противоположной точки зрения, давая понять, что простого смягчения тона президентских заявлений в отношении СССР и даже его участвовавших деклараций о стремлении к договоренности было явно недостаточно для изменения отношения к Рейгану и проводимому им внешнеполитическому курсу.

Возможность прибытия Рейгана на похороны К. У. Черненко оставалась реальной вплоть до самого последнего момента. На необходимости личного визита президента настаивали Дж. Шульц и помощник по вопросам национальной безопасности Р. Макфарлейн, считавшие, что Рейгану надо воспользоваться этой возможностью для знакомства с новым советским руководителем, который, судя по всему, в отличие от своих предшественников твердо и надолго встал у государственного руля. Возобладала, однако, точка зрения М. Дивера, считавшего, что обстановка государственных похорон не способствует решению серьезных вопросов межгосударственных отношений<sup>28</sup>. И сам президент склонялся к такой же мысли, считая, что кратковременное знакомство и общение с М. С. Горбачевым не сможет дополнить сколько-нибудь существенно ту информацию о нем, которая была получена от уже имевшей возможность встречаться с М. С. Горбачевым премьер-министра Великобритании М. Тэтчер. Вместо президента в Москву отправился в очередной раз вице-президент Буш, с которым было направлено личное послание Рейгана М. С. Горбачеву с предложением о проведении встречи на высшем уровне. В ответном послании М. С. Горбачева, переданном также через Дж. Буша, было высказано положительное отношение к проведению такой встречи, однако сроки и место ее проведения были оставлены открытыми.

В Вашингтоне стали ходить слухи, что встреча на высшем уровне может состояться уже в октябре 1985 г. в Вашингтоне или же Нью-Йорке, если М. С. Горбачев приедет на юбилейную сессию Генеральной Ассамблеи ООН. Президент и сотрудники аппарата Белого дома уклонялись от ответа на вопросы журналистов относительно конкретных сроков и места проведения встречи на высшем уровне, создавая вместе с тем впечатление, что американская сторона проявила добрую волю, предложив проведение встречи, и что теперь все дело за Советским Союзом. Отвечая на вопрос репортера, от кого ожидается следующий шаг, Рейган решительно ответил: «Мяч находится на их (т. е. советской.— Э. И.) стороне»<sup>29</sup>. Публикации американской печати и отдельные заявления американских официальных лиц создавали впечатление личной заинтересованности президента во встрече с М. С. Горбачевым. Однако информация, ставшая известной позднее, позволяет заключить, что и в этом случае, как и в вопросе о целесообразности нормализации американо-советских отношений, основной движущей силой был не президент, а государственный секретарь Дж. Шульц. По мнению М. Манделбаума и С. Тэлботта, авторов книги «Рейган и Горбачев», в конгрессе США, в столицах европейских союзников и даже

в правительстве США существовали силы, настаивавшие на необходимости какого-то американско-советского компромисса. «Их главным агентом был Шульц. Как только ему удалось завоевать влияние и доверие, он убедил Рейгана разрешить ему испробовать методы тихой дипломатии, дабы определить возможность проведения переговоров по нескольким мелким соглашениям и обсуждения вопросов с целью ослабления региональной напряженности. Шульц был в какой-то мере заинтересован в том, чтобы выяснить, насколько возможно уменьшить (если не полностью отказаться от него) твердое изначальное намерение администрации установить своего рода дипломатический бойкот Советского Союза. Ему удалось добиться некоторой свободы рук в поиске точек соприкосновения». Но добиться успеха уже в конце 1983 г., как считают М. Манделбаум и С. Тэлботт, Шульцу помешало сочетание неблагоприятных обстоятельств, в числе которых они называют инцидент с южнокорейским самолетом, смерть Ю. В. Андропова, а также советско-американскую конфронтацию в вопросе размещения американских ракет в Западной Европе<sup>30</sup>. Однако, даже если дополнить список неблагоприятных обстоятельств американским вторжением на Гренаду, присутствием американских вооруженных сил в Ливане, политикой США в отношении Никарагуа и Сальвадора, перечисление факторов негативного влияния на состояние советско-американских отношений будет неполным. И дело было не только в сохранявшемся в советском руководстве консервативном внешнеполитическом мышлении, но и в равной степени в том, что позитивному, если верить американским авторам, влиянию Дж. Шульца на американскую внешнюю политику продолжали противостоят влиятельные политические силы США. «Проталкиванием (идеи встречи на высшем уровне между руководителями СССР и США.—Э. И.) занималась лишь горстка людей из государственного департамента,— вспоминал, в частности, один из американских дипломатов.— Большую помощь им оказывали Нэнси Рейган и Майкл Дивер. Но «Кэп» (министр обороны Уайнбергер), Миз и Кейси (директор ЦРУ) саботировали это дело. Сам Рейган, казалось, был больше всего заинтересован в том, чтобы выяснить, верит Горбачев в Бога или нет»<sup>31</sup>. Большинство этих факторов негативного влияния на перспективы нормализации советско-американских отношений продолжали действовать, подчас даже с еще большей эффективностью, на протяжении всего 1984 и даже 1985 г. И если, несмотря на это, положительный сдвиг в советско-американских отношениях все-таки произошел, то объяснение и причину этого следует, по всей видимости, искать за пределами круга занятых в этом процессе на

протяжении предшествующих лет действующих лиц и вне рамок сложившихся за те же годы внешнеполитических подходов. В номере журнала «Форин Аффферс», подводившем внешнеполитические итоги 1985 г., М. Манделбаум писал: «Успехом, который сопутствовал Соединенным Штатам с 1981 г., страна была обязана в значительной степени обстоятельствам, непосредственно мало связанным с деятельностью администрации Рейгана. Этот успех был результатом сил и тенденций, неподвластных контролю Соединенных Штатов, и шагов, предпринятых другими, причем иногда вопреки г-ну Рейгану. Он обязан своими успехами за рубежом по крайней мере в такой же степени везению, как и разумной политике»<sup>32</sup>. Это замечание в еще большей степени относится к тому, что произошло в 1986—1988 гг.

В апреле 1985 г. в беседе с редактором газеты «Правда» М. С. Горбачев высказал убеждение, что «коли сели за стол договариваться о сокращении вооружений, так надо по крайней мере не наращивать их». «Поэтому, — продолжал он, — мы предлагаем, чтобы СССР и США ввели на весь период переговоров мораторий на создание, включая научно-исследовательские работы, на испытание и развертывание ударных космических вооружений, заморозили свои стратегические наступательные вооружения. Одновременно должно быть прекращено развертывание американских ракет средней дальности в Европе и, соответственно, наращивание наших ответных мер». С целью демонстрации готовности СССР к честному диалогу был введен действовавший до ноября 1985 г. мораторий на развертывание советских ракет средней дальности и приостановлено осуществление других ответных мер СССР в Европе. В ходе состоявшейся тогда же встречи со спикером палаты представителей конгресса США О'Нилом М. С. Горбачев подчеркнул, что для действительного улучшения отношений между СССР и США необходимо проявление политической воли со стороны руководителей этих стран. С советской стороны, заверил он, такая воля есть, как есть и искреннее желание возратить советско-американские отношения в русло нормального взаимовыгодного сотрудничества и взаимного уважения.

В утверждении, что на такой шаг — проявить инициативу в организации встречи на высшем уровне с руководителем СССР — мог пойти лишь президент США, обладающий непоколебимым и широко признанным реноме решительного противника коммунизма и неуступчивого политического оппонента «Советов», содержалась солидная доля истины. Но даже Рейган, обладающий в глазах консервативных политических деятелей — сторонников жесткого противостояния Со-

ветскому Союзу и традиционно милитаристски настроенных американских военных всеми необходимыми качествами, не мог еще решиться на открытое проявление безусловной готовности к конструктивным переговорам с СССР. Не прошло и нескольких дней после опубликования содержания личного послания президента М. С. Горбачеву и полученного на него ответа, как руководитель секретариата Белого дома Д. Риган по согласованию с президентом предпринял попытку охладить пыл средств массовой информации и отдельных излишне оптимистично настроенных наблюдателей. Президент, заявил он, выступает против «встречи ради встречи», поскольку-де было бы «очень большим разочарованием, если два лидера встретятся и ничего не добьются». Помощник президента по вопросам национальной безопасности Р. Макфарлейн в свою очередь заявил, что президент не прочь даже встретиться с М. С. Горбачевым просто для того, чтобы поближе познакомиться с ним, но эту встречу ни в коем случае нельзя будет считать «встречей на высшем уровне в полном смысле этого понятия». Истинная встреча на высшем уровне может состояться лишь в том случае, уточнил он, если и когда будет отмечен прогресс в переговорах по контролю над вооружениями в Женеве. В явном расчете на то, что выдвигаемые условия окажутся неприемлемыми для СССР, Белый дом объявил, что не следует ожидать никаких уступок с его стороны по четырем основным положениям американской позиции: необходимости серьезного сокращения ядерных вооружений, взаимному отказу сторон от преимущества в способности нанесения первого удара, продолжению научных исследований в целях обороны (под этим требованием имелась в виду возможность продолжения исследований в области СОИ) и гарантии соблюдения обеими сторонами достигнутых договоренностей (а это требование предусматривало согласие обеих сторон на проверку на местах). Президент заявил на одном из совещаний руководящих сотрудников аппарата Белого дома, проведенном в те дни «Мы намерены строго придерживаться наших позиций», Дж. Шульц развил мысль президента, подчеркнув: «Мы готовы сказать русским: «Если вы не хотите соглашения, что ж, мы готовы вернуться домой без него»»<sup>33</sup>.

Впечатление отсутствия готовности и желания администрации вступить на путь серьезных и конструктивных переговоров с Советским Союзом по вопросам контроля над вооружениями и возможного их сокращения усугублялось активизацией выступлений против переговоров с СССР министра обороны Уайнбергера, поднявшего, в частности, вопрос о нецелесообразности соблюдения Соединенными Штатами подписанного в июне 1979 г., но оставшегося нератифицированным



Договора ОСВ-2 и категорически возражавшего против любого сокращения военных расходов на 1986 финансовый год. Да и сам президент мог в один и тот же день декларировать утром свое неприятие военных конфликтов и человеческих жертв, а вечером восхвалять действия контраст в Никарагуа или критиковать конгресс США за его решение урезать военный бюджет страны. Ссылавшийся на эти факты Дж. Рстон писал: «Он (Рейган) не видит никакой связи между одним и другим, между высказываниями, которые хочет услышать от него данная аудитория, и его политикой... Дело заключается просто в том, что ему нравится произносить речи, но он забывает, что является президентом Соединенных Штатов. Он считает, что может говорить все, что ему заблагорассудится, даже не задумываясь о последствиях»<sup>34</sup>. Даже симпатизирующие Рейгану и разделяющие его консервативные взгляды лица были вынуждены признать, что «его голливудское прошлое иногда мешает ему ощущать объективную реальность... Опыт кинематографической деятельности научил его полностью полагаться на людей, которые руководят постановкой и пишут сценарии»<sup>35</sup>. 10 июня 1985 г. президент объявил о решении по-прежнему соблюдать положения Договора ОСВ-2, следуя совету Дж. Шульца, но вскоре, следуя совету К. Уайнбергера, отверг предложение СССР о полном запрещении испытаний ядерного оружия. Решение СССР об одностороннем объявлении моратория на подземные испытания ядерного оружия (июль 1985 г.) было названо Белым домом «не чем иным, как пропагандистской уловкой» «Так состоится встреча на высшем уровне или нет?— задал журнал «Тайм» интересующий очень многих вопрос и сам же ответил на него: — Уверенности в этом ни у кого не было. Столкнувшись с энергичным и грозным оппонентом в лице Михаила Горбачева, рейгановская администрация откровенно увиливала от прямого ответа на этот вопрос. Неожиданно стало болезненно очевидным для всех отсутствие в Вашингтоне четкой и целеустремленной внешней политики в отношении Советского Союза, которое не особенно бросалось в глаза в годы вакуума руководства в Москве»<sup>36</sup>. В июле 1985 г. к вопросам о перспективах встречи на высшем уровне добавился еще один, но уже не имеющий никакого отношения к политике вопрос.

Еще в марте 1985 г. в печати были опубликованы результаты медицинского обследования Рейгана, которое наряду с констатацией отличного физического и психического здоровья президента выявило наличие «доброкачественного

полипа» в брюшной полости. Опубликованные рядом с этим сообщением фотографии жизнерадостно улыбающегося президента, всем своим видом демонстрировавшего здоровое тело и здоровый дух, убедили американцев в отсутствии причин беспокоиться о самочувствии 74-летнего главы государства. Но когда в июле 1985 г. президенту сделали хирургическую операцию по удалению обнаруженного полипа, произведенной биопсией было установлено, что в брюшной полости прооперированного развивается злокачественная опухоль, подлежащая немедленному удалению. С первого появления в печати сообщения о том, что у президента обнаружен рак, и на протяжении последующих нескольких недель на американцев обрушился нескончаемый поток информации, сопровождаемой всевозможными диаграммами и рисунками человеческой анатомии. С дотошной скрупулезностью, достойной лучшего применения, терапевты и онкологи, гастроэнтерологи и проктологи, светила и начинающие исследовали президентскую наследственность и патологию (оказалось, что всего десятью днями раньше по аналогичному поводу был прооперирован старший брат президента Нил), описывали в газетах, журналах и по телевидению симптомы и возможный исход болезни, сопровождая свои выкладки и заключения подробным описанием внутренних органов президента. Одни из них успокаивали общественность, обещая благополучный исход и возвращение президента к исполнению своих обязанностей через месяц. Другие давали более осторожные прогнозы: «У президента есть 50-процентный шанс выкарабкаться, но существует, к сожалению, и 50-процентный шанс плохого исхода». Третьи и вовсе предрекали драматичный финал.

Вся информация о самочувствии президента, его отношении к происшедшему с ним и происходящему вокруг него пропускалась через тончайшее сито внутренней цензуры Белого дома, решающее слово в которой принадлежало Нэнси Рейган. Супруга президента решительно взяла в свои руки полный контроль над этой информацией после того, как увидела в печати крайне возмутившее ее графическое изображение пораженных раком внутренних органов Рейгана. С этого момента все тексты медицинских заключений о состоянии здоровья президента должны были согласовываться с ней, прежде чем передаваться средствам массовой информации. С Нэнси Рейган было согласовано и решение президента формально передать временное исполнение обязанностей главы государства вице-президенту, как этого требовала XXV поправка к Конституции США. Подобная формальная передача функций президента вице-президенту была беспрецедентной в истории страны, и существовали весьма серьезные

опасения как у сотрудников аппарата Белого дома, так и у Нэнси Рейган, что сообщение об этом представителям прессы может вызвать реакцию чрезмерной обеспокоенности в самих Соединенных Штатах и среди американских союзников за рубежом. Во избежание этого в информации о формальной передаче власти уточнялось, что президентские функции будут исполняться вице-президентом лишь в короткий промежуток времени нахождения Рейгана под наркозом. К тому времени, когда эта информация была доведена до сведения общественности, находившийся под наркозом в общей сложности немногим более восьми часов Рейган пришел в себя и вновь обрел полноту власти над страной.

Президентская мифология пополнилась новыми фактами рейгановского самообладания в стрессовых ситуациях и перлами его неизбывного юмора. Возможно, как это не раз было в прошлом, что-то сознательно приписывалось ему в целях политической рекламы, что-то действительно имело место, но обрастало красочными подробностями при передаче из уст в уста. Но одна из «острот» президента настолько соответствовала его натуре, что в ее аутентичности можно было не сомневаться: в палату приходящего в себя после наркоза Рейгана были впущены Д. Риган и Л. Спикс. Увидев их торжественно-печальные лица, президент моментально отреагировал: «Не говорите ничего, я сам догадываюсь. Русские запустили в нас ракетой». Абстрагируясь от сомнительного качества политического содержания президентской шутки, нельзя, однако, не восхищаться выдержкой человека, которому только что сделали сложнейшую хирургическую операцию.

Десять дней, проведенные президентом в военно-морском госпитале, оставили заметный след на взаимоотношениях Нэнси Рейган с руководителем секретариата Белого дома Риганом. Супруге президента, исполнявшей в дни пребывания Рейгана в госпитале все его функции протокольного характера, пришлось не по душе попытки Ригана взять под личный контроль все происходящее в Белом доме, точно так же как Дж. Бушу не нравилась выходящая за рамки функций руководителя секретариата политическая активность Ригана. Каплей, переполнившей чашу терпения Нэнси Рейган, была попытка Ригана воспользоваться президентским вертолетом, которым в отсутствие президента не могла пользоваться даже его жена. Вице-президент же не смог простить Ригану осложнившихся отношений Белого дома с республиканскими сенаторами в период отсутствия Рейгана. Неприязнь двух наиболее влиятельных в личном и государственном плане лиц к Ригану, зародившаяся в эти дни, привела в конечном итоге к его отставке.

Все дни пребывания Рейгана в госпитале Нэнси Рейган старалась быть с ним рядом. Доступ посторонних лиц к президенту был ограничен ею до минимума. Поддерживая телефонную связь со всеми четырьмя детьми Рейгана и информируя их о ходе выздоровления их отца, Нэнси Рейган, однако, отсоветовала им приезжать в Вашингтон, дабы не создавать нежелательного впечатления серьезности его физического состояния. Даже в эти насыщенные драматизмом дни она не была готова делить с кем бы то ни было положения «первого лица при первом лице» американского государства. Никому, кроме самых близких к семье Рейганов друзей, не довелось быть свидетелем потери ею контроля над своими эмоциями. «Я ожидала, что она сломается, и действительно, она теряла контроль над собой в приватной обстановке, — свидетельствовала одна из ее подруг. — Но на людях она демонстрировала сверхъестественную волю»<sup>37</sup>

Восьмидневное пребывание Рейгана в госпитале завершилось; президент переехал в Белый дом, а еще через пять дней похудевший президент провел первое очень короткое совещание с сотрудниками аппарата в своем Овальном кабинете. Вплоть до отъезда на трехнедельный отдых на свое калифорнийское ранчо президент проводил встречи со своими сотрудниками и даже членами конгресса одетым в домашний халат и пижаму, всем своим видом демонстрируя, что он еще не готов к несению своих обязанностей в полном объеме (на этом настояла Нэнси Рейган, по-прежнему ревностно оберегавшая его от перенапряжения). Перед отъездом Рейгана в Калифорнию Белый дом подтвердил намерение президента провести намеченную на ноябрь 1985 г. встречу в Женеве с М. С. Горбачевым. По словам Л. Спикса, когда несколько позднее Л. Кэннон поинтересовался у президента его отношением к перенесенной хирургической операции, Рейган ответил: «У меня не было рака. Просто у меня внутри было нечто, пораженное раком, и это нечто было удалено». Спикс вспоминал эти слова, когда годом позднее разразился скандал с продажей американского оружия Ирану и Рейган отрицал, что он менял оружие на американских заложников в Ливане. «Он верил в это, как верил в то, что у него нет рака, и в обоих случаях это было неправдой.

При всем том, что почти вся Америка с глубоким сочувствием восприняла сообщения о болезни президента и с огромной симпатией следила за его борьбой с опаснейшим бичом человечества, в отношении американцев к Рейгану произошли заметные изменения. Болезнь продемонстрировала физическую уязвимость президента, непрочность «тефлонового покрытия», еще совсем недавно, казалось, прочно защищавшего

его (и страну) от любых превратностей судьбы. Пик везения и всемогущества Рейгана многим представлялся пройденным. Такому впечатлению способствовало и появившееся в американской печати в начале августа сообщение о том, что врачи обнаружили у президента меланому — злокачественное новообразование на коже носа.

Обнаружение у президента на протяжении всего трех недель двух разновидностей раковой болезни вызвало понятное сочувствие и симпатии к Рейгану, что не замедлило отразиться на его личной популярности, достигшей в августе 1985 г. 63 %. Нельзя было, однако, не обратить внимание на участвовавшие в печатных публикациях и в комментариях радио- и тележурналистов ссылки на солидный возраст президента, в котором, как подчеркивалось, болезни и плохое самочувствие, препятствующие исполнению им государственных обязанностей, становятся неизбежными. В условиях прихода в Советском Союзе к руководству страной и внешней политикой нового поколения лидеров, отмечалось в комментариях политических обозревателей, геронтологические проблемы, некогда являвшиеся бичом верхнего эшелона власти в СССР, переместились в США. Все эти события совпали с заметным падением общественного доверия и поддержки рейгановской администрации, ее социальной и экономической политики. На общественное мнение страны в значительной мере повлиял тот факт, что критику администрации активизировали даже сенаторы — коллеги президента по республиканской партии, называвшие продолжающийся рост дефицита федерального бюджета (в 1985 г. он составил уже 215 млрд долл.) свидетельством окончательного отказа президента от мысли добиться сбалансированного бюджета, а увеличение потолка государственного долга США до двух триллионов долларов — грабежом будущих поколений американцев. Обострение критики социально-экономической политики администрации со стороны коллег по партии совпало по времени с резким усилением нападков на внешнеполитический курс страны со стороны американских консерваторов — другого важнейшего компонента политической базы Рейгана. Сознательно приглушая до поры до времени персональную критику президента, консерваторы ополчились на государственного секретаря Шульца, требуя его отставки в связи с проявленной им «мягкостью в отношении терроризма и коммунизма». Один из руководителей «консервативного корпуса» США заявил: «В одной стране за другой Джордж Шульц заключает сделки с дьяволом в ущерб интересу Соединенных Штатов»<sup>39</sup> Защищая своего государственного секретаря от «безосновательных и абсолютно нелепых обвинений», Рейган, однако, был вы-

нужден проявлять особую осторожность и предусмотрительность: он все еще нуждался в поддержке влиятельных консервативных сил и не чувствовал себя достаточно уверенным, тем более в условиях обострившихся внутренних проблем, чтобы пренебрегать их благосклонностью. В результате из Белого дома вновь зазвучали в полный голос ссылки на природную агрессивность СССР, вновь в подтверждение ее приводились «цитаты из Николая Ленина» и «отсутствие в русском языке понятия, соответствующего нашему слову «свобода»». Если Горбачев верит в мировую победу коммунизма, умиротворял Рейган своих давних и решительно антисоветски настроенных сторонников, то нам с ним не о чем говорить; в этом случае США останется лишь продолжать крепить свою военную мощь.

Отдавая себе отчет в том, что причиной активизации консервативной критики в адрес внешнеполитического курса администрации явилась перспектива заключения американо-советских соглашений в области контроля над вооружениями, президент счел необходимым выступить в конце октября 1985 г. на сессии Генеральной Ассамблеи ООН с вызывающей проповедью, восхваляющей послужной список США и капиталистической системы и осуждающей советский послужной список и коммунистическую систему<sup>40</sup>. Продолжая линию на успокоение консерваторов, Рейган выступил 8 ноября перед американскими законодателями, заверив их в своем намерении сохранять твердость при обсуждении с советским руководителем вопросов контроля над вооружениями: «Я намереваюсь довести до их сведения, что мы являемся единственными двумя странами в мире, способными гарантировать предотвращение мировой войны. Все, что мы делаем, делается в интересах нашей национальной безопасности, и мы понимаем, что все, что делает он (Горбачев), делается для обеспечения его национальной безопасности. Но мы не намерены допустить их превосходства над нами. Мы сделаем все необходимое для того, чтобы у них не возникало никаких сомнений на сей счет. И им ни черта не удастся сделать, чтобы помешать нам в этом. Что же касается проверки, то, если они на нее не пойдут, мы посмотрим им прямо в глаза и скажем: «Значит, вы хотите нас обмануть?»»<sup>41</sup> Одновременно с заявлениями подобного рода, призванными свидетельствовать о его непреклонности и решимости противостоять попыткам Советского Союза нанести ущерб национальной безопасности США, Рейган заверял тех, кто опасался договоренностей с СССР в области разоружения, что он вовсе не намерен сам и не позволит советскому руководителю делать вопрос контроля над вооружениями центральным вопросом переговоров в Женеве и что будет настаивать на

серьезном рассмотрении региональных проблем внешней политики, как бы против этого ни возражала советская делегация. (Рейган считал очевидной незаинтересованность Советского Союза в обсуждении проблем, связанных с Афганистаном, Никарагуа, Эфиопией, Анголой, Кампучией.)

Уже после завершения встречи на высшем уровне в Женеве и анализа состоявшихся в ходе ее официальных бесед Рстон пришел к выводу, что, судя по всему, закладывается начало новому процессу: «Вместо того, чтобы дебатировать по поводу прошлого, люди начинают говорить о будущем»<sup>42</sup>. Но такое впечатление могло (притом с известными оговорками) сложиться только после женевской встречи, поскольку в предшествующие встрече месяцы искусственно взвинчиваемая и Белым домом, и особенно противниками договоренностей с СССР напряженная атмосфера не способствовала возникновению надежд на ее успех. В советских официальных заявлениях тех месяцев осуждался враждебный тон американских заявлений, подчеркивалась проявляемая президентом США и представителями его администрации непоследовательность и выражалась надежда на проявление американской стороной доброй воли и здравого смысла, т. е., как подметили американские политические обозреватели, СССР не поддавался провокациям и не сбивался на ответный враждебный тон, демонстрируя тем самым искреннюю заинтересованность в том, чтобы встреча в Женеве обязательно состоялась. В ответах американскому журналу «Тайм» М. С. Горбачев подчеркивал, что «в нынешней ответственной обстановке Москва старается соблюдать сдержанность в высказываниях в отношении США, не прибегает к антиамериканским кампаниям, тем более не разжигает ненависти в отношении вашей страны»<sup>43</sup>.

Можно, конечно, считать это случайным совпадением, а можно и усмотреть в этом продуманную акцию внешнеполитических советников президента, но в октябре 1985 г., за месяц с лишним до встречи на высшем уровне в Женеве, в «Нью-Йорк таймс мэгэзин» была опубликована статья одного из видных американских политологов, Лесли Гэлба, озаглавленная «Рейган — мастер политического компромисса и идеологической безупречности». В статье, в основу которой легли интервью с Рейганом, а также личные впечатления Л. Гэлба от бесед с ближайшими помощниками президента, затрагивались вопросы, представлявшие особый интерес для советской стороны, тем более в преддверии женевской встречи М. С. Горбачева и Р. Рейгана. Само собой разумеется, что уже в течение нескольких месяцев обе стороны очень тщательно готовились к встрече, уделяя немало внимания (наряду с проработкой подлежащих обсуждению проблем) анализу политико-психо-

логического портрета главы делегации, которой предстояло занять противоположную сторону стола переговоров. В ходе составления такого портрета учитываются, естественно, сведения, полученные из различных источников, причем особо ценной считается информация из первых рук и от пользующихся полным доверием лиц. Можно предположить, что при составлении политико-психологического портрета М. С. Горбачева были использованы не только сведения, полученные от Дж. Буша и Дж. Шульца, уже имевших возможность встретиться с советским руководителем, но и информация из английских и французских источников, имея в виду состоявшиеся уже встречи М. С. Горбачева с премьер-министром Великобритании М. Тэтчер и президентом Франции Ф. Миттераном.

Круг советских дипломатов, имевших возможность лично встречаться и беседовать с президентом США вне рамок сугубо протокольных мероприятий, был весьма ограничен — бывший министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, сменивший его Э. А. Шеварднадзе, да посол СССР в Вашингтоне А. Ф. Добрынин. В этих условиях любая солидная информация, способная дополнить рейгановский портрет, представляла несомненный интерес, и скорее всего наблюдения и суждения Л. Гэлба нашли отражение в составленном советскими экспертами портрете Р. Рейгана. Но чего же было больше в статье Л. Гэлба — информации в чистом виде или «информации к размышлению»? Возникло впечатление, что основной целью ее публикации в тот конкретный момент было «подложить» внешнеполитическим советникам советского руководителя направленную информацию, свидетельствовавшую одновременно об известном прагматизме Рейгана и предупреждавшую от излишних иллюзий. «Президент знает, что он делает, знает, когда уступать, а когда бороться», — писал Л. Гэлб, приводя в подтверждение этой мысли следующее высказывание Рейгана: «Твердолобые консерваторы полагали, что в случае невозможности добиться всего, что я желаю, мне следует броситься с горы в пропасть с развевающимся знаменем и, горя синим пламенем, падать вниз. Нет, если мне удастся заполучить 70 или 80 % того, что я пытаюсь заполучить, я беру это и продолжаю попытки заполучить в дальнейшем и остальное... Но они не могут согласиться с тем, что я иду на компромиссы и соглашаюсь на меньшее, чем прошу».

Повторяя в чем-то уже не раз отмечавшиеся в прошлом особенности личности президента («ни один из проинтервьюированных друзей и помощников, к примеру, не утверждал, что президент является аналитически мыслящим, интеллектуально любознательным или хорошо информированным челове-



ком»), Л. Гэлб вместе с тем дополнял президентский портрет личностными характеристиками, как бы предостерегавшими будущих партнеров Рейгана по переговорам от легкомысленной недооценки сильных сторон его натуры. Он вновь ссылался на президентских помощников, которые, рисуя портрет «человека с серьезными интеллектуальными недостатками», восхищенно признавали в нем «политического тяжеловеса, лидера, чьи инстинкты и интуиция оказывались верными гораздо чаще, чем их собственный анализ». Из статьи Л. Гэлба и приводимых им отзывов президентских сотрудников сознательно вырисовывался образ человека, «четко представляющего себе, чего он хочет добиться и как этого следует добиваться», политического деятеля, глубоко уверенного в своей правоте, полностью полагающегося на свою интуицию, независимого если не в своих суждениях, то в своих решениях<sup>44</sup>. Советским участникам встречи на высшем уровне в Женеве предстояло на опыте личного общения с президентом США определить для себя, в чем и в каких пределах информация, столь целенаправленно доведенная до их сведения, отвечала истине.

Согласно воспоминаниям президентского пресс-секретаря Л. Спикса, Рейган был на борту своего самолета ВВС-1, летевшего в Женеву, когда ему было доложено, что содержание личного письма К. Уайнбергера, направленного в Белый дом незадолго до начала встречи в Женеве, опубликовано газетой «Нью-Йорк таймс». В этом письме министр обороны США настоятельно рекомендовал президенту не уступать русским ни в чем в ходе переговоров на высшем уровне и ни в коем случае не идти на договоренности с СССР, которые бы подтвердили договоры об ограничении стратегических вооружений и о противоракетной обороне. Представитель министерства обороны, с которым Л. Спикс связался по указанию Рейгана по телефону, категорически заявил, что министерство не имело никакого отношения к факту публикации текста письма в прессе. «Однако, по моему мнению,— писал впоследствии Л. Спикс,— письмо было написано Уайнбергером или кем-то другим из сторонников жесткой линии в министерстве обороны специально с целью передачи его в распоряжение прессы. Я подозревал, что либо сам Уайнбергер, либо же, следуя его указаниям, пентагоновский эксперт по вопросам контроля над вооружениями Ричард Перл передали письмо газете «Таймс». Отвечая на вопросы следовавших в Женеву президентским самолетом журналистов, Л. Спикс заявил, передавая раздражение Рейгана этим фактом: «Президент

предпочел бы прочесть это письмо в приватной обстановке Овального кабинета, а не на страницах «Нью-Йорк таймс». «Не саботаж ли это предстоящей встречи?» — спросили журналисты находившегося в том же самолете помощника президента по вопросам национальной безопасности Р. Макфарлейна. Заручившись их обещанием не ссылаться на него, Макфарлейн решительно ответил: «Конечно, саботаж»<sup>45</sup> Возмущение Рейгана поступком министра обороны было неподдельным: президент был готов выслушать точку зрения Уайнбергера в приватной обстановке и, возможно даже, учесть ее, тем более что на том этапе его собственная точка зрения мало чем отличалась от уайнбергеровской, но не мог согласиться с тем, чтобы кто-то пытался им открыто манипулировать. Возможно, это утверждение будет трудно обосновать документально, но скорее всего именно с этого момента началось постепенное, но неуклонное падение влияния Уайнбергера на Рейгана (и соответственно рост авторитета Дж. Шульца, его нередкого оппонента), приведшее в конечном счете к уходу министра обороны в отставку. Уайнбергер, пользовавшийся репутацией «ястреба из ястребов» даже в не отличавшейся «голубиным» нравом администрации, оказался не в состоянии распознать и одобрить то, что Дж. Рестон окрестил «естественным для большинства президентов, а тем более для большинства актеров стремлением к «хэппи энду» — счастливому концу заключительного акта пьесы»<sup>46</sup>

Делегация США и сам президент оказались в Женеве политически, а в еще большей степени психологически не готовыми к конкретным договоренностям с Советским Союзом. Порой казалось, что основной заботой Рейгана и сопровождавших его лиц был не позитивный исход встречи, не конкретные результаты, которые могли быть достигнуты в ходе переговоров, а «имидж» президента, то, как он и его администрация будут выглядеть в глазах американской и мировой общественности и особенно в глазах противников нормализации американо-советских отношений в США и других странах мира. Начав с заявления общего характера о своем стремлении содействовать уменьшению грозящей миру ядерной опасности и о готовности США к решительным шагам в интересах ослабления международной напряженности, Рейган принялся отстаивать необходимость продолжения работ в США в рамках «стратегической оборонной инициативы» (СОИ), отказываясь прислушиваться к доводам, ставящим под сомнение оборонительный характер, да и вообще практическую реализуемость задуманного им космического щита. Как писал позднее Дж. Ньюхаус, «за пять часов бесед со своим оппонентом Горбачев обнаружил человека, сочетавшего в себе

огромную добрую волю в вопросах, касавшихся ядерных вооружений, с неимоверным невежеством в этих вопросах»<sup>47</sup> Шесть личных встреч между Р. Рейганом и М.С. Горбачевым в присутствии только переводчиков, дополненные еще десятью с лишним часами переговоров с участием остальных членов делегаций в течение двухдневной встречи на высшем уровне, привели к подписанию предварительно согласованного Общего соглашения об обменах и контактах в области науки, образования и культуры между СССР и США и подготовленного уже на месте Совместного советско-американского заявления, в котором обе стороны подчеркнули необходимость скорейшего достижения прогресса на переговорах по ядерным и космическим вооружениям, а также в деле улучшения отношений между СССР и США. Но значение женевской встречи на высшем уровне выходило за рамки подписанных документов, и в этой оценке сходились большинство иностранных наблюдателей и, самое главное, сходились в принципе обе страны — участницы встречи и их лидеры. Если попытаться свести многочисленные нюансы оценок по обе стороны океана к нескольким основным положениям, то встреча М. С. Горбачева с Р. Рейганом в Женеве 19—20 ноября 1985 г. была охарактеризована как крупнейшее политическое событие международной жизни, состоявшиеся в ее ходе переговоры как необходимые и полезные, а их исход в целом как позитивный. В постановлении Верховного Совета СССР «Об итогах советско-американской встречи на высшем уровне в Женеве и международной обстановке», принятом по докладу М. С. Горбачева, отмечалось, что итоги переговоров «создают возможности для перехода от нынешнего состояния опасной конфронтации к конструктивным поискам путей нормализации советско-американских отношений, оздоровления международной обстановки в целом»<sup>48</sup>. Несомненный интерес представляла и оценка М. С. Горбачевым самой встречи и позиции, занятой американской стороной. Подчеркнув, что «переговоры в Женеве были подчас весьма острыми и... предельно откровенными», М. С. Горбачев отметил, что «в позиции американской стороны на встрече проявились определенные элементы реализма, что содействовало решению ряда вопросов»<sup>49</sup>. Слово «реализм» в оценке советскими руководителями внешнеполитического курса рейгановской администрации прежде никогда не фигурировало.

Конструктивной назвал встречу в Женеве и Рейган, выступивший с речью на совместном заседании обеих палат конгресса США. «Я не могу утверждать, — заявил он, в частности, — что у нас выявилось совпадение мнений по таким основополагающим вопросам, как идеология или национальные цели

наших стран, но мы стали теперь лучше понимать друг друга. Это ключ к миру». Убедительным свидетельством конструктивности состоявшейся встречи Рейган назвал достигнутую им и М. С. Горбачевым договоренность о продолжении контактов и обмене визитами. Новый тон во взаимоотношениях, если пока еще не новый характер этих взаимоотношений, был продемонстрирован и при подписании текста совместного заявления. «Могу поспорить, что сторонники жесткой линии в обеих наших странах истекают кровью, когда мы пожимаем друг другу руки», — с улыбкой произнес Рейган, двумя руками пожимая руку М. С. Горбачеву. А по возвращении в Вашингтон президент заявил журналистам: «Я считаю себя хорошим знатоком актерского мастерства. Я не думаю, что он (М. С. Горбачев) играл. Я уверен, что он столь же искренен, как и мы, в поиске ответа (на вопросы войны и мира. — Э. И.)»<sup>50</sup>

С точки зрения американских журналистов, комментировавших поведение и заявления Р. Рейгана по возвращении из Женевы, президент не был похож на себя, «доженевского». «Он был исключительно реалистичен и, что, возможно, самое главное, говорил о Советском Союзе в примирительном и уважительном тоне. Он не делал фальшивых заявлений об историческом прорыве; он не обещал, по своему обыкновению, счастливого конца; он не преуменьшал трудностей и противоречий, разделяющих Соединенные Штаты и Советский Союз. Но он и не пытался нажить дешевый идеологический капитал на утверждениях о зле и опасностях, которые несут «коммунисты». Г-н Рейган заставил нас поверить в то, что действительно убежден в необходимости начать все сначала с Советами; что он хочет оставить в наследство более здоровые отношения, открывающие перспективы более мирного мира. Весьма ободряющим было отсутствие в его заявлениях недавней жесткой риторики и резкой враждебности по отношению к Советам. Он заслуживал аплодисментов», — писал Х. Джонсон, обозреватель газеты «Вашингтон пост», не отличавшийся ранее сколько-нибудь заметной поддержкой идеи нормализации американо-советских отношений<sup>51</sup> Такое поведение президента после возвращения из Женевы вызывало энтузиазм, но далеко не у всех. Политическим силам, встретившим в штыки еще только наметившиеся сдвиги в отношениях между США и СССР, было уготовано президентское обращение к конгрессу с просьбой поддержать увеличение бюджетных расходов на вооружения и исследования в области «космической обороны». Явной уступкой этим же силам стала чуть ли не немедленная по возвращении из Женевы отставка президентского помощника по вопросам национальной безопасности Р. Макфарлей-

на, нередко оказывавшегося в оппозиции к министру обороны Уайнбергеру и руководителю аппарата Белого дома Ригану.

Произошла ли с Рейганом действительно метаморфоза, о которой кто с негодованием, а кто с одобрением писали в эти дни в Соединенных Штатах? А если и произошла, то чем она была вызвана (помимо уже упоминавшегося желания войти в историю миротворцем, внушенного ему в значительной степени Нэнси Рейган) и насколько глубокой она оказалась? Эти вопросы будут стоять, по всей видимости, перед всеми исследователями политической биографии Рейгана, и у каждого найдется скорее всего свой ответ. Но в одном они, наверное, сойдутся — в том, что начало серьезному и доверительному диалогу между советскими и американскими руководителями было положено в Женеве в ноябре 1985 г. Отдавая себе отчет в сложных, копившихся годами, а нередко и десятилетиями проблемах советско-американских взаимоотношений и тесно взаимосвязанных с ними международных проблемах и понимая, что выработка взаимоприемлемых оценок этих проблем может еще затянуться на долгие годы и даже десятилетия и может даже приводить к новым осложнениям в отношениях между СССР и США, именно встреча в Женеве скорее всего останется в мировой истории отправным пунктом в длительном процессе обретения обеими странами подлинного, а не конъюнктурного уважения друг к другу. Но что это — очередная и не столь уж редкая в политике ирония судьбы или закономерное историческое явление: американским лидером, способствовавшим реализации этого долгожданного момента, оказался непреклонный и убежденный противник коммунизма и Советского Союза Рональд Рейган, человек, казавшийся менее всего подходящим к этой роли?

С ноября 1985 г. и вплоть до конца своего президентства Рейган встречался с М. С. Горбачевым 5 раз. Трудно себе представить, зная его прошлое, что Рейган ни разу не пытался высказать в личной встрече с советским руководителем все, что он думал на протяжении предшествующих десятилетий об СССР, коммунизме и руководителях Советского государства, что не предпринял попытки «проучить», «образумить», «предупредить» представителей государства, олицетворявшего в его глазах все существующее в мире зло. Не мог отказать себе в этом американский политический деятель, воспитанный на «добрых традициях» присвоенного права «учить других, как следует жить», тем более искренне верящий в то, что лишь его твердость и возросшая его стараниями военная мощь США привели советского руководителя к столу переговоров. Уже после того, как Рейган покинул Белый дом, во время пребывания с государственным визитом во Франции в июле

1989 г. М. С. Горбачев вспоминал о попытках президента Рейгана — «а это было в ряде случаев — давать нам уроки, наставления или выступать с прокурорскими обвинениями». «Это мы отвергали с ходу,— прокомментировал М. С. Горбачев события тех дней.— И в конце концов наладился действительно плодотворный диалог, который вывел на очень интересные решения»<sup>52</sup>.

До М. С. Горбачева Р. Рейгану не доводилось встречаться ни с одним советским лидером (если не считать мимолетной встречи протокольного характера с Л. И. Брежневым в Сан-Клементе в бытность Рейгана губернатором Калифорнии), и он был искренне и, казалось, раз и навсегда убежден в невозможности и нецелесообразности иметь с ними дело, имея в виду их склонность «не останавливаться ни перед чем», «лгать и обманывать» и т. п. Бывший помощник Рейгана Дж. Бейкер, ставший государственным секретарем США в администрации Дж. Буша, говорил, что Рейган «не только твердо верит в определенные вещи, но и верил в них на протяжении продолжительного времени»<sup>53</sup>. Для того чтобы люди, подобные Рейгану, искренне, а не в конъюнктурных целях меняли свои убеждения, отказывались от своего «внутреннего компаса» (тоже фраза из характеристики Рейгана Дж. Бейкером), тем более в такой относительно короткий срок, должны были произойти поистине невероятные события. Нет оснований утверждать, что Рейган изменил свое отношение к коммунизму, к коммунистической идеологии, к советской истории и к личностям, творившим ее в прошлом. В подтверждение этой точки зрения достаточно привести слова тех, кому лучше других знать истинное положение вещей,— Рональда и Нэнси Рейган. «В аду наступят холода, когда я проявлю мягкость по отношению к коммунизму. Когда-то я пролил много крови, борясь с ним, и я не менял с тех пор своей точки зрения на него»,— говорил Рейган. Чуть ли не слово в слово повторила то же утверждение в 1986 г. и Нэнси Рейган: «В нем не произошло никаких изменений. Его взгляды сложились давно и глубоко укоренились»<sup>54</sup>. Изменение отношения к СССР, позитивная характеристика многих аспектов его внешней и внутренней политики, все чаще отмечавшиеся в заявлениях Рейгана последних трех перед уходом в отставку лет, имели в основе своей не какие-то малоестественные метаморфозы в личности и взглядах Рейгана, а были следствием изменений, происшедших в Советском Союзе, в его руководстве, в его внешней и внутренней политике и в отношении к окружающему миру и стоящим перед ним проблемам\*.

\* Здесь, возможно, будет уместным отметить, что не все приписываемые Рейгану позитивные высказывания по завершении женевской

О том, что администрация Рейгана оказалась не подготовленной к конструктивным сдвигам в советско-американских отношениях и в вопросах контроля над вооружениями и что на протяжении оставшихся трех лет пребывания администрации у власти инициатива дальнейшего продвижения в решении этих проблем полностью стала принадлежать Советскому Союзу, свидетельствуют следующие факты. Уже в самом начале 1986 г. премьер-министр Великобритании М. Тэтчер направила Рейгану послание, в котором выразила пожелание, чтобы в оставшееся до окончания президентского срока время администрация США добилась бы продвижения вперед в вопросах контроля над вооружениями. Однако, как утверждает Дж. Ньюхаус, М. Тэтчер так и не дождалась ответа на свое послание: «положив на свой счет в банке политический капитал, нажитый в ходе встречи на высшем уровне, администрация не сделала ничего для того, чтобы развить этот успех»<sup>56</sup>.

\*

15 января 1986 г. М. С. Горбачев выступил с новой инициативой: он предложил Соединенным Штатам осуществить поэтапное уничтожение к 2000 г. всех видов ядерного оружия, начав с 50-процентного сокращения в течение 5—8 лет ядерных вооружений, достигающих территории СССР и США. На первом же этапе предлагалась и полная ликвидация ракет средней дальности СССР и США в европейской зоне в качестве первого шага на пути освобождения Европейского континента от ядерного оружия. Полнейшей неожиданностью для администрации США прозвучали слова М. С. Горбачева о том, что «контроль за уничтожаемыми и ограничиваемыми вооружениями осуществлялся бы как национальными техническими средствами, так и путем инспекций на местах» и что «СССР готов договариваться о любых

встречи на высшем уровне действительно принадлежали ему. Уже уйдя в отставку с поста пресс-секретаря Белого дома, Л. Спикс признался в своих мемуарах, что по крайней мере дважды сфабриковал и передал в американскую прессу «высказывания» Рейгана в конкретных ситуациях во время встречи на высшем уровне в Женеве. В одном случае он приписал президенту слова, обращенные якобы к М. С. Горбачеву: «Многое еще нас разделяет, но мне кажется, что мир дышит спокойнее, потому что мы здесь с вами разговариваем». В другом случае Спикс придумал такое высказывание Рейгана, также якобы обращенное к М. С. Горбачеву: «Наши разногласия носят серьезный характер, но столь же серьезны наши стремления добиться лучшего взаимопонимания между нами». Обе сфабрикованные цитаты получили широкое освещение в американской и зарубежной печати и дополнили «имидж» трезвомыслящего и целеустремленного президента<sup>55</sup>.

других дополнительных мерах контроля»<sup>57</sup>. В сочетании с prolonged односторонним мораторием на любые ядерные подземные взрывы, объявленным СССР, эти предложения в еще большей степени укрепили распространявшееся во всем мире впечатление об отсутствии у администрации США адекватных требованиям исторического момента инициатив, так же как и готовности к ответственным решениям.

Растерянность, проступившая в реакции представителей администрации и самого президента на советские предложения, объяснялась помимо всего прочего и тем, что в этих предложениях были учтены основные американские предложения последних лет, в том числе и те, которые были выдвинуты Пентагоном в явном расчете на их неприемлемость для Советского Союза. Если же учесть, что СССР согласился с необходимостью самого тщательного контроля на местах, возражения против которого всегда приводились американской стороной в качестве свидетельства нежелания СССР вести серьезные разговоры о разоружении, то можно понять причины паники, охватившей прежде всего Пентагон.

Немало признаков сумятицы было и в реакции внешнеполитического ведомства США, явно растерявшегося при виде волны одобрения советских предложений, прокатившейся по США и странам Западной Европы. Некоторые американские авторы утверждают со ссылкой на сотрудников государственного департамента, что в отличие от военного и внешнеполитического ведомств, попытавшихся отместить советские предложения как пропагандистский маневр, президент Рейган воспринял заявления М. С. Горбачева от 15 января со всей серьезностью и якобы даже воскликнул: «Где же он был раньше?»<sup>58</sup> Но эта информация о реакции президента не может быть сочтена надежной. Официально же правительство США уклонилось от конструктивного ответа, попытавшись отделаться общими фразами.

Но еще более красноречивой реакцией на следовавшие одно за другим предложения Советского Союза, направленные на прекращение гонки вооружений и оздоровление международной обстановки, стали действия США на международной арене, в том числе появление американской эскадры у берегов Крыма, бомбардировка ливийских городов. Был произведен очередной мощный ядерный взрыв в Неваде, было выдвинуто обвинение в шпионаже сотрудника Секретариата ООН в Нью-Йорке Г. Захарова, и начата широкая кампания в печати США вокруг ареста в СССР корреспондента «ЮС ньюс энд уорлд рипорт» Н. Данилоффа. Все говорило о том, что в результате сознательных действий противников начавшегося процесса нормализации советско-



американских отношений и взаимосвязанного с ним оздоровления международной обстановки в Вашингтоне начинает побеждать линия на ревизию достигнутых в Женеве договоренностей. Можно предположить, что активизация оппозиционных женевским договоренностям политических сил США была реакцией на выступление М. С. Горбачева 29 марта по советскому телевидению, в котором он выразил готовность уже в ближайшее время встретиться с президентом Рейганом, чтобы договориться о прекращении ядерных испытаний. Комментируя свое предложение, М. С. Горбачев говорил 8 апреля 1986 г.: «Никаких предварительных условий для нее (встречи с президентом Рейганом.— Э. И.) мы не выдвигаем. Но хотим, чтобы она проходила в соответствии с тем, о чем мы с президентом договорились, а именно: чтобы она была шагом вперед, т. е. принесла практические результаты в деле прекращения гонки вооружений»<sup>59</sup>.

Весну и лето 1986 г. можно считать сложнейшим периодом в советско-американских отношениях после женевской встречи на высшем уровне. Но сложность ситуации объяснялась не «сумасшедшим графиком» мирных инициатив СССР, как называли в США поток обрушившихся на администрацию советских предложений, касавшихся различных аспектов сокращения вооружений и контроля над ними, а сбивающей с толку не столько Советский Союз, сколько самих американцев и их западноевропейских союзников противоречивой многоголосицей в верхних эшелонах власти США. Создавалось впечатление, что в этой многоголосице противоречивых заявлений и рекомендаций руководителей и ответственных сотрудников внешнеполитического и военного ведомств не может толком разобраться и президент. Картина разброда дополнялась заявлениями и требованиями политических группировок и общественных организаций США, придерживавшихся различных, подчас противоположных точек зрения на процесс сокращения ядерных вооружений и нормализации американо-советских отношений. И все это к тому же происходило в год выборов в конгресс США.

В конце мая 1986 г. Рейган, а за ним К. Уайнбергер и Дж. Шульц объявили о том, что США не считают более возможным и целесообразным для себя придерживаться не ратифицированного конгрессом Договора ОСВ-2. Но если Рейган объяснял этот шаг многочисленными нарушениями положений этого договора Советским Союзом, то министр обороны Уайнбергер открыто заявил, что отказ от договора объясняется требованиями национальной безопасности США, которая должна быть основной заботой американцев, «а соблюдаются ли при этом положения договора или нет, не имеет

никакого значения». Дж. Шульц связал политику США в области вооружений с поведением Советского Союза в области прав человека, а также с советскими действиями в Афганистане, Никарагуа и Кампучии. «Администрация сняла ногу с тормозов распространения ядерного оружия и готова нажать на акселератор производства ядерного оружия», — заявил спикер палаты представителей конгресса О'Нил. Канадский министр иностранных дел Дж. Кларк назвал решение администрации США «крайне тревожным событием», а министр иностранных дел Великобритании Дж. Хау заявил: «По нашему мнению, Договор ОСВ-2 представляет собой базу для хорошего соглашения, и мы очень сожалели бы, если американцы сочтут необходимым разорвать его». (Предупрежденная заранее об этом решении администрации М. Тэтчер выразила свою глубокую обеспокоенность ранее.) Решение президента не поддержали ни американские законодатели, ни американская общественность. Более 60 % американцев, опрошенных в эти дни, не одобрили решения президента отказаться от соблюдения Договора ОСВ-2. 70 % американцев заявили, что они верят в намерение Рейгана добиваться сокращения ядерных вооружений, но больше американцев, чем когда-либо раньше, высказало убеждение, что президент не делает всего возможного, чтобы добиться этой цели. Отказываясь от ОСВ, Рейган возрождает убеждение, что он отнюдь не сторонник сокращения вооружений и что его «стратегическая оборонная инициатива» в действительности носит наступательный характер, заявлял один из крупных чиновников внешнеполитического ведомства США<sup>60</sup>. В конгрессе США все чаще стали поговаривать о необходимости использовать угрозу сокращения ассигнований на реализацию программы СОИ, чтобы заставить президента ускорить достижение договоренности с СССР в области контроля над вооружениями. «Американцы сыты по горло шестью годами ядерной эскалации и шестью годами отступления от контроля над вооружениями! Господин президент, прекратите эскалацию гонки вооружений, начните эскалацию контроля над вооружениями!» — призвал Рейгана сенатор Э. Кеннеди, заметив, что «у президента Рейгана есть еще время сыграть самую важную свою роль. Печально, если вместо этого он решит играть роль Рэмбо»<sup>61</sup>.

«Становилось все очевиднее, что Рейгану придется заплатить высокую политическую цену, если повторная встреча с Горбачевым не состоится», — писали М. Манделбаум и С. Тэлботт. Президент решил больше не угрожать отказом от соблюдения положений Договора ОСВ-2, разъяснив, что с самого начала речь шла о том, чтобы поставить его соблюдение

Соединенными Штатами в зависимости от поведения СССР на переговорах. В направленном летом 1986 г. на имя М. С. Горбачева письме Рейган счел необходимым намекнуть, что США, возможно, будут готовы и к некоторым другим компромиссам. «Советам было предложено интерпретировать двусмысленную, загадочную позицию, которую президент занял в своем письме, как признак гибкости, намек на большую гибкость в будущем. Советы же были больше склонны интерпретировать письмо как еще одно свидетельство раскола и двусмысленности, все еще подкашивавших администрацию»<sup>62</sup>.

Ситуацию, сложившуюся к осени 1986 г. в сфере советско-американских отношений, обрисовал бывший заместитель министра ВВС США Т. Хупс, опубликовавший статью, в которой обратил внимание на два важных факта: «Первый из них — многочисленные свидетельства того, что Москва хочет стабилизации этих отношений, стремится к достижению соглашений, добивается, прежде всего, соглашения по вопросам контроля над вооружениями, которое остановило бы нарастающую гонку вооружений в космическом пространстве. Второй — рейгановская администрация решительно сопротивляется по всем этим пунктам»<sup>63</sup>. Но с каждым новым предложением Советского Союза, получавшим широкий отклик во всем мире и в самих Соединенных Штатах, сопротивление администрации решению самых насущных проблем современности грозило дальнейшей утратой президентом авторитета в стране и потерей шансов на почетное место в истории.

20 сентября 1986 г. министр иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе передал Р. Рейгану послание М. С. Горбачева о проведении встречи на высшем уровне в Лондоне или Рейкьявике. «Очевидно,— писал Дж. Ньюхаус,— Горбачев заключил, что с учетом царящего в Вашингтоне хаоса прогресс в вопросе контроля над вооружениями может быть достигнут лишь путем прямых переговоров с самим Рейганом»<sup>64</sup>. Но Рейган был в замешательстве, давать ли согласие на такую встречу в условиях, когда единственной сложившейся позицией у американской стороны была позиция по «звездным войнам», да и та сводилась к категорическому «никаких уступок». К тому времени, когда Белый дом дал наконец свое официальное согласие на встречу на высшем уровне в Рейкьявике, до нее оставалось всего девять дней.

Попытки представить дело так, будто Рейган с большой неохотой «попался уговорам» М. С. Горбачева

и вылетает в Рейкьявик с единственной целью выслушать советского руководителя, желающего-де ему что-то сообщить, начались буквально на следующий день после публикации официальной информации о встрече Р. Рейгана и М. С. Горбачева, назначенной на 11—12 октября 1986 г. «Встреча, которая состоится в Рейкьявике, является встречей на высшем уровне, которую мы не собираемся называть встречей на высшем уровне и от которой мы соответственно не должны ожидать результатов, обычно ожидаемых от встречи на высшем уровне»,— замысловато, но недвусмысленно высказался У. Пфафф, адекватно отразив отношение к встрече, уже определившееся в руководстве администрации<sup>65</sup>. Сам Рейган и своим поведением, и своими высказываниями при встречах с журналистами не раз подчеркивал, что у него и у его администрации нет особой заинтересованности во встрече с М. С. Горбачевым в данный момент. «Готовясь к исландской встрече на высшем уровне,— писал журнал «Тайм»,— Рейган не изучал истории и нюансов стратегии США в вопросах контроля над вооружениями. Вместо этого его занимал лишь вопрос, каким способом уговорить Горбачева согласиться на СОИ. Для того, чтобы соответственно настроить себя, он прочел книгу Тома Клэнси «Начало красной бури», захватывающий роман о ядерной войне между НАТО и советским блоком. Накануне вылета в Исландию Рейган летал по стране по делам внутриполитического характера и, находясь на борту своего самолета ВВС-1, провел все время, болтая с сотрудниками секретной службы»<sup>66</sup>.

«Возможно, что моими первыми словами после того, как я войду в комнату и сяду с Генеральным секретарем Горбачевым, будут: «Ну?.. (Следует продолжительная пауза, президент издает тихий хохоток и добавляет)... вот я и здесь (Дескать, ну и что дальше?)». Так, по свидетельству политического обозревателя Х. Сайди, начал Рейган разговор с журналистами о том, чего он ждет от встречи в Рейкьявике. «Я никогда не верил в то, что смогу заложить основу чему-то новому в переговорах с Генеральным секретарем, что смогу вынудить его отказаться от своих убеждений и воспринять наши. Леопард не собирается менять своей пятнистой окраски. Но то, что мы там делаем, делается и ему на пользу»,— говорил президент, перемежая свои рассуждения шутками. «Кто-то говорил мне, что вторым по глупости утверждением является утверждение, что русских можно понять. Меня всегда интересовал вопрос, а что же считается самым глупым утверждением». Кстати, о шутках, вспоминал Рейган свою встречу с М. С. Горбачевым в Женеве, «все было очень естественно. У меня был большой запас шуток. И на этот раз у меня будет несколько

новых». И в завершение беседы с журналистами, для того чтобы совсем успокоить критиков справа и чтобы они не подумали, что он намерен шутить с русскими или что его легко будет сбить с толку: «Самое трудное, с чем приходится иметь дело, — это марксистско-ленинская политика, которая декларирует, что Советский Союз должен создать единый коммунистический мир. Против этого надо бороться. Если они поймут, что наше неприятие систем друг друга не препятствует нашему добрососедству, тогда мы сможем жить мирно в этом мире»<sup>67</sup>. Несмотря на последнюю обнадеживающую фразу, все говорило о том, что американская делегация не видела необходимости в серьезной подготовке к встрече, разработке предложений и позиций, т. е., как позднее заметил М. С. Горбачев, собиралась ехать в Рейкьявик «с пустыми руками», «ничего не имея за душой»<sup>68</sup>.

Первые минуты встречи в Рейкьявике были сугубо протокольными: руководители и члены делегаций попозировали фотокорреспондентам в дверях замка Ходфи, Р. Рейган и М. С. Горбачев пожали друг другу руки, и, казалось, развитие событий пойдет по предусмотренному Рейганом сценарию пустого, бессодержательного фильма. Но начавшаяся сразу же личная встреча двух руководителей в присутствии лишь переводчиков спутала все расчеты Рейгана и его советников. (Впоследствии президент выразил крайнее неудовольствие Дж. Шульцу, заблаговременно оговаривавшему с советской стороной рабочий план встречи, за то, что тот допустил ее перерастание в полноправную встречу на высшем уровне и тем самым подвел Рейгана, рассматривавшего встречу в Рейкьявике всего лишь как подготовительную к основной встрече на высшем уровне в Вашингтоне<sup>69</sup>.) Советский руководитель предложил президенту США целый пакет крупных, явно компромиссных мер, которые, как он заявил, будь они приняты, положили бы начало новой эпохе в жизни человечества — эпохе безъядерной. Предложения были действительно всеобъемлющими и включали 50-процентное сокращение стратегического наступательного оружия в течение пяти первых лет, полную ликвидацию советских и американских ракет средней дальности в Европе (при этом СССР шел на большую уступку, соглашаясь на то, что ракетно-ядерное оружие Великобритании и Франции не будет учитываться), а также необходимость строго соблюдать бессрочный Договор по ПРО 1972 г. и взаимное обязательство СССР и США не использовать права выхода из него по меньшей мере в течение 10 лет. При понимании, что будут полностью соблюдаться все положения этого Договора и что американские исследования и испытания в рамках программы СОИ не выйдут за пределы лабораторий,

СССР решил не требовать прекращения работ, ведущихся в США в этой области. Первая реакция Рейгана на предложения, изложенные М. С. Горбачевым, не была целиком негативной. Он сказал даже: «То, что вы сейчас изложили, нас обнадеживает». «Однако,— вспоминал М. С. Горбачев подробности этой беседы,— от нас не ускользнуло, что собеседники (а к беседе по этим вопросам уже подключились и товарищ Шеварднадзе и господин Дж. Шульц) в некоторой растерянности. Вместе с тем в их разрозненных замечаниях сразу же появились сомнения и возражения. Президент и госсекретарь стали с ходу говорить о расхождениях и несогласии. В этих их словах мы явственно расслышали знакомые старые звуки, которые мы на протяжении многих месяцев слышали с женевских переговоров...»<sup>70</sup>

Неподготовленность американской стороны к серьезным и конструктивным договоренностям проявилась и в составе делегации США, приехавшей в Рейкьявик. Тогда как на обычной встрече на высшем уровне количественный состав американской делегации достигал тысячи и более человек, в Рейкьявик президента сопровождали 267 человек, и среди них не было основного советника Рейгана — Нэнси Рейган (кое-кто вполне серьезно объяснял проявленную президентом растерянность отсутствием возможности проконсультироваться с женой). Это обстоятельство впоследствии приводилось некоторыми американскими исследователями и мемуаристами в оправдание «крупного просчета»<sup>71</sup>, допущенного президентом во второй день встречи. В первый же день советники американской делегации во главе с Шульцем выработали наспех ответ президента на поднятые советской стороной вопросы, в котором в закамуфлированном всевозможными ссылками на варианты, цифры, уровни и подуровни виде содержалась по сути дела негативная реакция США на советский пакет предложений. М. С. Горбачев по возвращении в СССР рассказал в своем выступлении по советскому телевидению, что он выразил удивление по поводу позиции, занятой американской стороной: «Как же так? Мы предлагаем принять американский «ноль» в Европе и сесть за стол переговоров по средним ракетам в Азии, а вы, господин президент, отступаете от своей прежней позиции. Это непонятно»<sup>72</sup>. Четырехчасовые переговоры, состоявшиеся в первый день встречи, завершились на этой малообнадеживающей ноте.

В воскресенье, 12 октября, переговоры были продолжены, и в самом начале шестичасовой встречи произошло то, что было впоследствии названо ошибкой Рейгана. Дабы рассказ об этой «ошибке» не выглядел предубежденным, следует предоставить слово американским источникам. «Горбачев вы-

двинул контрпредложение, заключающееся в том, что в течение десятилетнего периода была бы уничтожена не просто большая часть, а все ядерные вооружения. Рейган, по свидетельству многих, отреагировал положительно. «Все ядерные вооружения? Но это именно то, что я всегда предлагал... избавиться от всего ядерного оружия. Это всегда было моей целью». «Почему же мы не можем договориться об этом?— спросил Горбачев.— Мы должны договориться. Об этом я и пытаюсь вам сказать». Так излагал этот разговор присутствовавший при этом руководитель аппарата Белого дома Риган. Л. Спикс описывал этот разговор в более общем плане: «Оба лидера, сидевшие в комнате, которая выходила окнами на залив Рейкьявик, подошли к основному вопросу, касавшемуся намерений сторон относительно ликвидации всех видов ядерного оружия. Рейган сказал, что он готов на это. Это потенциально было огромной ошибкой, которая поставила США в невыгодное положение перед превосходящими советскими обычными вооруженными силами. И тем не менее Рейган сказал: «Да», а Шульц сидел рядом и молчал»<sup>73\*</sup>. Но дальнейшее развитие событий оказалось менее обнадеживающим. Л. Спикс, рассказывающий в своих мемуарах о вышедших из замка Ходфи Р. Рейгане и М. С. Горбачеве после завершения их последней беседы, пишет, что по мрачному выражению их лиц он сразу понял, что переговоры кончились безрезультатно. Обратившийся к Рейгану с вопросом о совместном заявлении журналист получил резкий ответ, что совместного заявления не будет. М. С. Горбачев, по словам Спикса, обратился к президенту со словами: «Надеюсь увидеть вас в Соединенных Штатах», на что Рейган ответил: «Я не убежден, что встреча в Соединенных Штатах состоится». На встрече с американскими журналистами, состоявшейся сразу же по завершении встречи, государственный секретарь США Дж. Шульц часто прибегал к слову «разочарование», описывая события последних двух дней, а Д. Риган заявил в аэропорту исландской столицы, что Советы «наконец-то полностью разоблачили себя» и что он не ожидает в ближайшее время новой встречи на высшем уровне. В том же аэропорту, у трапа своего самолета, президент Рейган заявил собравшимся журналистам, что не мог согласиться на выдвинутые Горбачевым условия, затрагивавшие СОИ<sup>74</sup>. «...Когда произошел разрыв по ПРО, тогда оборвалась и вся дискуссия, приостановились все поиски. Мы прекратили нашу встречу»,— сказал и М. С. Горба-

\* Так писал Л. Спикс в изданных в 1988 г. мемуарах, но в октябре 1986 г. он заявлял, что президент, возможно, был неправильно понят и что он никогда не давал согласия на ликвидацию всего ядерного оружия.

чев на своей пресс-конференции в Рейкьявике <sup>75</sup>

По возвращении обеих делегаций домой возник спор относительно того, произносил ли Рейган «роковую фразу» о согласии на уничтожение всех видов ядерного оружия в течение десяти лет или нет. Представители Белого дома, государственного департамента, Совета национальной безопасности и министерства обороны США соревновались между собой в решительности, с которой отвергались даже возможность того, что президент мог сказать эти слова. Однако, даже согласно американским источникам, президент признавал, что он их произнес. Вице-адмирал Джон М. Пойндекстер, ставший к тому времени помощником по вопросам национальной безопасности, предупредил Рейгана о «необходимости прояснить этот вопрос относительно вашего согласия на уничтожение всех видов ядерного оружия». «Но, Джон, я действительно согласился на это», — ответил Рейган. «Нет, — настаивал Пойндекстер, — Вы не могли этого сделать». «Джон, — сказал президент, — я был там, и я это сделал» <sup>76</sup>. Так что попытки представить дело так, что лишь настойчивость советской стороны, связывавшей решение вопроса о ликвидации всех видов ядерного оружия с обязательным отказом США от программы строительства системы космической обороны в рамках СОИ, привела-де к срыву важной договоренности, не соответствуют действительности. Независимо от того, настаивала бы советская сторона на строгом соблюдении Договора по ПРО или нет, США не были готовы к договоренности о ликвидации всех ядерных вооружений. «Америка должна еще определиться. Она, кажется, еще не определилась. И это, как мы чувствовали, сказывалось на позиции президента», — заметил М. С. Горбачев на пресс-конференции по завершении встречи в Рейкьявике <sup>77</sup>

В первые дни после возвращения в Вашингтон в беседах с политическими деятелями и журналистами сам президент и члены американской делегации продолжали комментировать встречу в Рейкьявике как несомненный провал. Рейган, выступив по телевидению, сообщил, что предложил русским «самое всеобъемлющее и самое великодушное в истории предложение в области контроля над вооружениями», но не встретил понимания. Советский руководитель назывался единственным виновником неудачи, поскольку-де решился потребовать у президента выполнения условия, на которое, как М. С. Горбачеву должно было быть известно заранее, Рейган никогда не пойдет. Президенту не оставалось ничего иного, кроме как отвергнуть советское условие, рассчитанное на подрыв и ликвидацию программы СОИ. Но через некоторое время тон официальных комментариев резко изменился: осознав, по всей



видимости, потенциальный ущерб, который мог быть нанесен подобной оценкой встречи шансам республиканской партии на выборах в конгресс США, администрация приняла решение использовать, несомненно, сделанный в Рейкьявике конструктивный шаг вперед в своих политических целях. «От первых проклятий в адрес Рейкьявика быстро и дружно перешли к восторгам. Началась суетливая кампания по присвоению себе не своих предложений»<sup>78</sup>. Вот как писал журнал «Тайм» уже 27 октября 1986 г.: «Встреча на высшем уровне (!) была не провалом, а своего рода потрясающим успехом. Она подвела мир к соглашению, которое трудно было себе представить до того, как Рейган и Горбачев прибыли в Исландию. Ликвидация всех ядерных ракет средней дальности в Европе и радикальное сокращение их количества в Советской Азии; 50-процентное сокращение стратегических баллистических ракет, принадлежащих супердержавам, в течение пяти лет и их полная ликвидация еще через пять лет — вот лишь некоторые самые главные элементы соглашения, которое чуть не было заключено. Теперь, когда эти предложения были выдвинуты, они, по утверждению США, не могут быть аннулированы, и американская сторона будет вновь и вновь возвращаться к ним на переговорах в Женеве. Дональд Риган так говорит о Советах: «Они выложили эти предложения на стол, и мы собираемся требовать от них, чтобы они придерживались этих предложений»<sup>79</sup>.

Как по мановению руки, то, что называлось совсем недавно провалом, стало именоваться триумфом, а США, отвергшие инициативу СССР, взяли на себя благородную роль гаранта сохранения этой инициативы в силе. Результаты этой трансформации не замедлили себя ждать: индекс популярности президента возрос сразу на 11 пунктов, достигнув 75 %<sup>80</sup>. Правда, повышение личной популярности президента, как уже бывало прежде, не отразилось на популярности его партии: состоявшиеся в ноябре 1986 г. выборы в конгресс принесли победу демократической партии, вновь завоевавшей большинство мест в сенате и увеличившей свое большинство в палате представителей. Первой реакцией политических кругов и прессы США и других стран мира было убеждение, что завоевание демократами большинства в обеих палатах конгресса означает установление иной политической атмосферы в стране и вынудит Белый дом к более решительному продвижению к соглашению о контроле над вооружениями и к большей осмотрительности и сдержанности в международных делах. Но чуть ли не на следующий день после выборов Рейган вновь заявил, что будет проводить политику «с позиции силы» и что СОВИ представляет собой одну из основных опор «моста к

справедливому миру». А еще через несколько дней администрация предприняла акцию, странно выглядевшую после только что закончившейся встречи на высшем уровне и явно не способствовавшую продолжению диалога: из США были высланы 55 работников советского посольства и консульства. «Каждый раз, когда обнаруживается просвет в подходах к крупным вопросам советско-американских отношений, к урегулированию вопросов, затрагивающих интересы всего человечества, тут же следует провокация, рассчитанная на то, чтобы сорвать возможность позитивного решения, отравить обстановку,— заметил М. С. Горбачев.— Складывается весьма неприглядный портрет администрации великой страны, быстрой на деструктивные, разрушительные действия. То ли президент не может справиться с окружением, которое буквально дышит ненавистью к Советскому Союзу и ко всему, что может ввести международные дела в спокойное русло, то ли он сам этого хочет. Во всяком случае, управы на «ястребов» в Белом доме нет»<sup>81</sup>.

Как представляется, Рейган не был ни безвинным сторонним наблюдателем, ни инициатором подобных разрушительных акций, осложняющих, нередко надолго, процесс нормализации американско-советских отношений. Частая противоречивость слов и дела, непоследовательность, разноголосица и сумятица, отмечавшиеся на всем протяжении пребывания администрации Рейгана у власти, имели в своей основе ряд причин, но главной был рейгановский стиль руководства страной. По мере приближения конца президентства, и особенно в последние два года пребывания в Белом доме, Рейган, всегда проявлявший склонность к символическим акциям и высказываниям, стал все чаще только ими и ограничиваться, совершенно стеснявшись от того, как и какими средствами воплощаются в жизнь провозглашенные им «благородные идеи». Под категорию «деталей», которыми он никогда не любил и не хотел заниматься, с течением времени стали подпадать все президентские функции, кроме представительских, т. е. вся внешняя и внутренняя политика американского государства, за исключением тех случаев, когда без президента обойтись было нельзя. «Президент входит бойкой походкой в западное крыло Белого дома, где его приветствуют улыбающиеся помощники, которые сообщают ему, что дела идут нормально,— описывал журнал «Тайм» в начале 1987 г. ставшую обычной степень вовлеченности президента в решение государственных дел.—Руководитель секретариата заходит в Овальный кабинет с докладными записками, из которых изъято все спорное; президент просматривает предложенные варианты решений, указанные в конце каждой записки, и от-

мечает галочкой предпочитаемое им решение с таким видом, будто он заказывает десерт из обеденного меню Белого дома. Все это происходит в атмосфере полнейшей безмятежности»<sup>82</sup> В таких условиях, созданных самим президентом, лица из его ближайшего окружения обрели практически неограниченную и выпадающую из зоны внимания Рейгана власть, сохраняя при этом возможность и даже право утверждать, что совершаемое ими удостоено личного одобрения главы государства или во всяком случае согласовано с ним. То, что государственная машина функционирует таким образом, не было ни для кого секретом и, более того, казалось, устраивало всех — и президента, и сотрудников его аппарата, и членов кабинета министров, и даже большинство американцев (иначе трудно объяснить столь высокий уровень популярности Рейгана в стране). То, что началось в 1985 г. и стало известным в 1986 г., было неизбежно, и оставалось удивляться, что это или нечто подобное этому не произошло раньше. Впрочем, Дж. Рестон не понимал причин такого удивления: «Ведь он (Рейган) играл в эти тайные игры на протяжении почти шести лет. Единственная разница заключается в том, что его на этот раз поймали»<sup>83</sup>.

\* \* \*

В скандале, получившем по аналогии с уотергейтским название «ирангейт» или «Иран — контраст», нас интересует лишь тот его аспект, который связан с ролью, сыгранной лично Рейганом, и с созданными им условиями, способствовавшими происшедшему. Лихо закрученная сюжетная линия скандала, которая могла бы сделать честь приключенческой ленте и уже легла в основу не одного печатного труда, представляет большой соблазн для любого автора, но подробный пересказ тех событий выходит за рамки замысла этой книги, и поэтому ограничимся лишь изложением материала, без которого нельзя будет понять, что же произошло.

Американские средства массовой информации еще активно муслировали встречу на высшем уровне в Рейкьявике, когда в многословье комментариев и оценок, высказываемых видными деятелями администрации и журналистами, стали вкрапляться сообщения совершенно иного характера. У проблемы, затронутой в этих сообщениях, была трагическая предыстория — захват 53 американских граждан в качестве заложников иранскими экстремистами и освобождение их иранскими властями лишь через 15 месяцев, в день вступления Р. Рейгана на президентский пост. Болезненность этой темы для американцев с тех пор не ослабла, поскольку на протяжении ряда

лет в различных странах Ближнего Востока были похищены несколько американских граждан, и их судьба волновала соотечественников. Летом и осенью 1986 г. нескольких американцев удалось выволочь, и их возвращение домой широко освещалось в прессе.

В начале ноября 1986 г. оппозиционные к режиму аятоллы Хомейни иранские политические силы распространили листовки, обвиняющие режим в тайном сотрудничестве с США. Подробности факта сотрудничества были опубликованы бейрутским еженедельником «Аль шираа» — США передали Ирану через Израиль большое количество современного вооружения, включая ракеты, запасные части к истребителям, боеприпасы и другие виды военного снаряжения в расчете на получение содействия Ирана в деле освобождения американских граждан ливанскими экстремистами. Стоимостью переданного оружия и военного снаряжения, согласно опубликованным данным, составила 30—40 млн долл. Достоянием мировой общественности стал и факт тайного посещения Тегерана тогдашним помощником Рейгана по вопросам национальной безопасности Р. Макфарлейном, которого сопровождали несколько других сотрудников Совета национальной безопасности США, включая подполковника О. Норта. Перепечатанные из зарубежных источников сведения стали обрастать дополнительной и не всегда точной информацией буквально на следующий день после их появления в американских средствах массовой информации. Факты и фантазия сплелись в такой тугий комок сенсации, что без официальной оценки происшедшего разобраться было трудно. Но администрация США опубликовала официальный комментарий лишь после того, как была готова согласованная со всеми замешанными в это дело ведомствами США версия, которая, как выяснилось позднее, имела мало общего с происшедшим в действительности. Сначала эта версия была изложена руководящим деятелям конгресса США. Сменивший к тому времени Р. Макфарлейна Дж. Пойндекстер сообщил законодателям, что США, решившись на такой шаг, стремились установить «рабочий контакт с умеренными силами в Иране, остановить терроризм в этой стране и добиться освобождения похищенных американцев». Выступивший на этой встрече президент Рейган заявил, что администрация не нарушила никаких законов и не вступала в переговоры с террористами. Целью этой тайной операции, сказал он, была реализация стратегических задач США на Ближнем Востоке. Официальное разъяснение законодателей не удовлетворило. Более того, в действиях администрации ими были усмотрены явные нарушения ряда законов принятых в последние годы, в частности Закона 1976 г. о кон

троле над экспортом оружия, требующего от правительства США согласования с конгрессом всех случаев экспорта «значительного количества» военного снаряжения, «способного повысить военный потенциал страны-импортера», а также Закона 1979 г. об экспорте, категорически запрещающего экспорт военного снаряжения в любую страну, проповедующую и практикующую терроризм. Президенту Рейгану напомнили, что в 1985 г. именно он отнес Иран к таким странам.

Информация об официальной версии администрации, попавшая на страницы прессы, вызвала волну возмущения и в союзных с США странах Западной Европы, напомнивших администрации, что именно она категорически настаивала на соблюдении эмбарго на поставки оружия Ирану и требовала ни при каких обстоятельствах не поддаваться шантажу террористов и не вступать с ними в переговоры по вопросу об освобождении заложников. С осуждением действий администрации выступили даже два бывших президента страны — Дж. Форд и Дж. Картер; выразил несогласие с политикой президента Рейгана в Иране и государственный секретарь США Дж. Шульц, но и в этом неординарном случае, как не раз уже случалось в прошлом, основной мишенью возмущенных критиков, виновниками происшедшего оказывались ведущие сотрудники аппарата Белого дома и Совета национальной безопасности, ведающие «детальями», но не сам президент. «Он не получал столь необходимой ему помощи от аппарата Белого дома,— писал, в частности, Дж. Рестон.— Они знают о его слабых местах лучше, чем кто-либо, но, пытаясь заменить его своей «помощью», они удваивают и утраивают его проблемы»<sup>84</sup>

Дальнейшее развитие событий продолжало накалять общественное возмущение: оказалось, что суммы, выплаченные Ираном за полученное оружие и военное снаряжение, вносились на специальный счет в одном из швейцарских банков, откуда они затем перечислялись (или во всяком случае должны были перечисляться) никарагуанским контрабандистам в обход американских законов и решений конгресса. Непосредственными исполнителями этих незаконных операций назывались помощник президента по вопросам национальной безопасности Дж. Пойндекстер и ответственный сотрудник Совета национальной безопасности подполковник О. Норт. В Соединенных Штатах и за рубежом задавался один и тот же вопрос: «Мог ли президент не знать об этих операциях его ближайших сотрудников? Или он знал об их незаконной деятельности, а сейчас пытается спрятаться за спины защищавших его лояльных сотрудников?» Впрочем, и президентская отстраненность от руководства государственной машиной, и его

безответственность были в одинаковой степени основанием для серьезной обеспокоенности будущим развитием событий в оставшиеся два года его пребывания в Белом доме — такого убеждения придерживались многие. Проблема компетентности президента в вопросах внешней политики и степени его вовлеченности в процесс принятия внешнеполитических решений, поднятая в связи с «ирангейтом», связывалась теперь напрямую и с результатами встречи на высшем уровне в Рейкьявике, причем как теми политическими силами страны, которые ожидали более конструктивных шагов от администрации, так и теми силами, которые пытались сорвать намечающийся процесс оздоровления международной обстановки.

Попытки членов администрации (и самого президента) объяснить свои действия (или бездействие) благородными целями (или полным доверием к исполнителям) привели к еще большей путанице, которую нередко приходилось разъяснять дополнительными комментариями и оправданиями. Личная замешанность президента в скандальную сделку с Ираном не вызывала сомнения даже у тех американцев, которые годами приучались к мысли об отрешенности Рейгана от повседневного управления государственными делами. К началу декабря 1986 г. популярность Рейгана снизилась до 57 %, а 80 % опрошенных американцев высказали убеждение, что президент знает о деле «Иран—контрас» больше, чем готов признать. В рядах президентских советников и помощников, как еще действующих, так и бывших, начался разброд, вносящий еще большую путаницу в расследование скандала. Р. Макфарлейн, признавший ошибочность решения о поставках оружия и военного снаряжения Ирану, был назван Д. Риганом основным инициатором этого решения, человеком, достойным наказания.

Президент не решался на открытое признание своей вины в принятии решения, но и не предпринимал никаких попыток возложить ответственность на кого-либо из своих советников. Однако в окружении президента поговаривали, что Нэнси Рейган уже наметила нескольких «козлов отпущения» и приступила к целенаправленной обработке мужа: «на заклание» ею отдавались Д. Риган, Дж. Пойндекстер, О. Норт и, возможно даже, директор ЦРУ У. Кейси. Первыми были отправлены в отставку Дж. Пойндекстер и О. Норт, хотя последнего Рейган совсем недавно назвал «национальным героем» Америки. А вслед за решением Рейгана об увольнении в отставку этих лиц было принято еще одно решение Белого дома — о создании президентской комиссии во главе с сенатором Дж. Тауэром, которой поручалось провести расследование обстоятельств «ирангейта» и степени ответственности офици-

альных лиц администрации за нарушение законов США. «Если будут найдены доказательства того, что г-н Рейган не знал о том, что делал его собственный Совет национальной безопасности, — писал политический обозреватель «Нью-Йорк таймс» Т. Уикер, — он окажется ничуть не в лучшем положении, чем если выяснится, что он был тайным руководителем всего прожекта... Президенты избираются для того, чтобы они следили за такого рода вещами, а не дремали после обеда»<sup>85</sup>. Ничуть не снизили накала страстей поступившие в печать сведения о том, что никарагуанским контрабандистам не досталось ни единого цента из сумм, переведенных швейцарским банком, а что они осели на личных счетах участников операции с американской и иранской стороны и даже были использованы для финансирования избирательной кампании ряда конгрессменов, выступавших за ужесточение американской политики в отношении Никарагуа. Предвидя дальнейшее обострение ситуации, Белый дом пошел на очередную подтасовку, призванную в первую очередь обелить президента. Выступая перед конгрессменами, министр юстиции и ближайший советник и друг Рейгана Э. Миз заявил, что если президент и давал согласие на первую поставку оружия Ирану, то это произошло скорее всего, когда он находился под влиянием анестезирующих средств, введенных во время операции в госпитале Бетесды, т. е. когда он не отдавал себе отчета в том, что делал, и по этой причине не может об этом случае вспомнить. Эта версия, при всей ее надуманности, сделала, однако, возможным следующий шаг Рейгана, который от него ждали давно: президент признал сделку с Ираном ошибкой.

Спустя шесть лет пребывания в Белом доме авторитет Рейгана в стране оказался вновь на «нулевом цикле», утверждали средства массовой информации, выражая сомнение в том, что в оставшиеся два года президенту удастся восстановить его в прежнем объеме. В столице стали поговаривать о том, что 75-летний возраст уже серьезно сказывается на способности президента даже не руководить страной, а хотя бы держать под контролем деятельность подотчетных ему ведомств и лиц. Вопреки противодействию Нэнси Рейган в печать проникли сообщения о новой хирургической операции, предстоящей президенту. Союзники Рейгана среди членов конгресса настойчиво рекомендовали ему резко активизировать государственную деятельность по нескольким направлениям, включая принятие экстренных мер по борьбе с дефицитом внешнеторгового баланса, упорядочение взаимоотношений с европейскими союзниками и продвижение в переговорах с Советским Союзом по вопросам контроля над вооружениями. Для противодействия негативным тенденциям, вызванным

«ирангейтом», президент отчаянно нуждался в развитии событий, способных вызвать положительные эмоции у общественности и убедить американцев в том, что все обстоит нормально. «Мы не можем позволить и не позволим, чтобы это (т. е. «ирангейт». — Э. И.) помешало нам продолжать управлять страной», — заявил президент в декабре 1987 г., блеснув знакомой всем улыбкой<sup>86</sup>. Для того, чтобы вызвать у американцев впечатление нормального хода дел, одной президентской улыбкой было уже недостаточно.

Нэнси Рейган, вмешивавшаяся раньше в государственные дела только в тех случаях, когда она усматривала в ходе событий какую-то угрозу для мужа, взяла под свой контроль всю деятельность аппарата Белого дома вплоть до активного включения в работу над текстом очередного президентского послания. Послание о положении страны, которое президенту предстояло произнести на совместном заседании обеих палат конгресса 27 января 1987 г., должно было, по ее убеждению, продемонстрировать американцам неиссякаемую энергию и уверенность президента в правильности проводимой им политики. А пока, следуя ее указаниям, над текстом работал надежный и испытанный Кен Хачигян, шел процесс выздоровления Рейгана после хирургической операции. На протяжении этих недель Нэнси Рейган лично следила за тем, чтобы никому из посещающих президента лиц не пришло в голову поднять вопрос об «ирангейте». Выздоровление президента шло так же долго и тяжело, как и работа над текстом президентского послания. Хотя средства массовой информации США не жалели комплиментов в адрес президента и его послания после того, как он зачитал его в конгрессе, ни внешний вид президента, ни радужный портрет Америки, нарисованный в послании, оптимистических чувств не вызывали. В Рейгане не чувствовалось его былой энергии (что было в принципе понятным после перенесенной операции), а в его планах на будущее отсутствовали конкретные идеи. Телеобозреватель компании Эй-би-си назвал послание президента «классическим рецептом для политических тупиков в предстоящие годы», отразив в этой характеристике свое отношение к планам Рейгана продолжить работы по реализации программы СОИ, наращивать военные ассигнования перед лицом растущей агрессивности Советского Союза, поддерживать никарагуанских контраст и оказывать им военную помощь. Кое-кто предполагал, что президент повторит сделанное им уже раньше по телевидению заявление с признанием своей ошибки, приведшей к скандальным событиям «ирангейта», но Рейган ограничился выражением сожаления, что попытка содействовать освобождению похищенных американцев не удалась,



и вскользь заметил, что при осуществлении этой попытки «были допущены серьезные ошибки». Не было в послании даже такого двусмысленного признания своей вины, какое было сделано в телевизионном обращении к стране, когда президент взял на себя ответственность за действия своих подчиненных, «поскольку, как сказали бы на флоте, это произошло в мое дежурство»<sup>87</sup>

Январь и февраль 1987 г. были заполнены событиями, связанными с развитием «ирангейта»: была неудавшаяся попытка Р. Макфарлейна покончить жизнь самоубийством после его откровенного признания своей вины и разоблачения причастности к этому скандалу других официальных лиц администрации, включая президента; было уничтожение О. Нортон документов, уличающих его, а возможно, и еще кого-то, в незаконных действиях; были бесконечные полупризнания и отказы от признания своей вины со стороны президента и слушания его показаний в комиссии Тауэра. Казалось, что Рейган остался единственным человеком, верящим в собственную версию происшедшего. Но доклад комиссии Тауэра, опубликованный 26 февраля, продемонстрировал, что ему поверили или сделали вид, что поверили, и члены комиссии: во втором «уотергейте» не были заинтересованы ни республиканская, ни демократическая партии.

Доклад комиссии Тауэра констатировал, что в ходе событий, приведших к скандалу, «президенту плохо советовали и плохо служили» те, кто, зная особенности стиля руководства президента, были обязаны привлечь его особое внимание к тому, как происходила продажа оружия Ирану. Серьезные претензии комиссия предъявила в первую очередь бывшим помощникам президента по вопросам национальной безопасности Р. Макфарлейну и Дж. Пойндекстеру, а также руководителю секретариата Белого дома Д. Ригану. В числе косвенных виновников происшедшего были названы государственный секретарь Дж. Шульц и министр обороны К. Уайнбергер, которые «хотя и выразили свое несогласие, но самоустранились от развития событий». Досталось и директору ЦРУ У. Кейси, который не доложил президенту о том, что его ведомство не контролировало деятельность подполковника О. Норта и его сообщников. (Смерть У. Кейси 6 мая «спасла» его от неминуемых административных выводов.) В общем досталось всем, кроме президента, о котором американцам сообщили, что он, «очевидно, плохо понимал», что происходит, позволив своим эмоциям управлять собой, а своим помощникам — манипулировать собой, в результате чего те проводили свою собственную внешнюю политику. Доклад снял с Рейгана подозрения в том, что он пытался скрыть от страны происшед-

шее, и, напротив, отметил искреннюю заинтересованность президента в том, чтобы американцам стала известна вся правда. Но и комиссия Тауэра не ответила на все вопросы, многие из которых оставались до последнего времени невыясненными: знал ли и в какой степени Рейган о деятельности О. Норта; куда делись десятки миллионов долларов, полученные от продажи американского оружия Ирану (председатель комиссии сенатор Дж. Тауэр заявил, что эти деньги бесследно исчезли, «как провалились в черную дыру»), и многие другие. Ответы на некоторые из этих вопросов стали известны уже после того, как Рейган покинул Белый дом. Так, выяснилось, что президент не только знал о деятельности О. Норта, но и одобрил план передачи средств, полученных от продажи оружия Ирану, на военную помощь никарагуанским контраст. Что же касается денег, то по меньшей мере 30 млн долл. осели на тайных счетах, контролируемых О. Нортом и его сообщником отставным генералом Р. Секордом.

Публикация доклада комиссии Тауэра возродила на некоторое время разговоры о том, что после всего того, что стало известно, президенту следовало бы уйти в отставку, но в Вашингтонских политических кругах такую точку зрения всерьез никто не принимал. Как сказал один из сотрудников аппарата конгресса США, «Нэнси беспокоится о его (Рейгана) месте в истории. А в случае отставки рассчитывать на место в истории уже не придется»<sup>88</sup>. По настоянию Нэнси Рейган в отставку был отправлен, как и ожидалось, Д. Риган. Прежде чем он узнал о своей отставке из уст президента, до сведения представителей прессы из секретариата президентской супруги была доведена информация о том, что Нэнси Рейган «пожелала Д. Ригану успеха» и «приветствует назначение на его место Г. Бейкера».

«Что же остается делать после того, как ты совершил ошибку? Стойко перенести удары, сделать необходимые выводы и продолжать свой путь», — заявил Рейган в телевизионном обращении к стране<sup>89</sup>, но сформулировать этот принцип было намного легче, чем следовать ему на практике. Окружавшие президента сотрудники аппарата Белого дома и друзья семьи Рейгана, члены конгресса США, имевшие возможность время от времени встречаться с главой государства, заметили, что «ирангейт» вызвал у Рейгана серьезную психологическую депрессию. Падение его популярности, зарегистрированное проведенными с ноября 1986 г. опросами общественного мнения, очень обеспокоило президента. Ком-

ментировавшие душевное состояние Рейгана политические обозреватели объясняли это тем, что благосклонное отношение к нему со стороны соотечественников прибавляло Рейгану энергии на всем протяжении его политической карьеры, и, лишившись его, он утратил источник внутреннего питания. По свидетельству одного из его помощников, самым неприятным для президента было то, что более половины американцев считали его лжецом. Отметим изменения, происшедшие в Рейгане после начала «ирангейтского скандала», и лидеры шести ведущих капиталистических стран, встретившиеся с ним за столом переговоров в Венеции в июне 1987 г. На предыдущих встречах столь же высокого ранга, как отмечали в те дни газеты США и других стран — участниц этой встречи, Рейгану могло не хватать содержательности, но в нем неизменно чувствовалась энергия; после же «ирангейта» уверенности в себе в нем заметно поубавилось. (Пытаясь объяснить происшедшую в президенте метаморфозу, некоторые наблюдатели называли помимо возраста и «ирангейта» также и то, что к тому времени США превратились в чистого должника именно этих шести стран и президент уже не мог оказывать на них давление с прежней решительностью и эффективностью.)

Не осталось незамеченным и то, что после «ирангейта» заметно возрос интерес президента и администрации к внешнеполитическим проблемам. Объяснение этому одни искали в отсутствии у Рейгана и его советников сколько-нибудь реальных и содержательных внутриполитических и социально-экономических программ деятельности на оставшиеся неполные два года, другие — в большей эффективности внешнеполитических успехов над внутриполитическими с точки зрения восстановления популярности Рейгана у общественности страны и его авторитета за рубежом. По свидетельству политических обозревателей Б. Вайнтрауба и Дж. Бойда, «в широком кругу официальных лиц складывалось общее мнение, что без соглашения с Советским Союзом по вопросам контроля над вооружениями или без какого-то другого крупного успеха перспективы возрождения рейгановского президентства оставались крайне неопределенными»<sup>90</sup>. В необходимости крупного внешнеполитического успеха для преодоления негативных тенденций в общественном отношении к президентству ее мужа была убеждена и Нэнси Рейган. Ее вера в то, что популярность Рональда Рейгана восстановится еще до того, как им доведется покинуть Белый дом, была непоколебимой, и она делала все возможное, чтобы убедить в этом и мужа.

Поскольку официальные советские заявления и документы на сей счет отсутствуют, можно было бы, конечно, по примеру

прошлых лет сослаться на зарубежные источники, отмечавшие пристальное внимание, с которым в Советском Союзе следили за развитием «ирангейтского скандала». Но, наверное, такие ссылки были бы излишними, поскольку и без того ясно, что мимо внимания советских наблюдателей не прошел ни один нюанс назревавшего в США политического кризиса. Вполне естественно, что в СССР (как можно догадываться) было немало людей, испытывавших сомнение по поводу того, как может отразиться этот кризис на будущем советско-американских отношений: окажется ли президент в состоянии продолжить диалог с советским руководством после того, как прояснится создавшаяся в результате «ирангейта» сложная внутривластная ситуация; ужесточится или смягчится американская позиция в результате происшедших событий; станет ли президент более твердым или более сговорчивым при дальнейшем обсуждении уже поднимавшихся ранее проблем, и будет ли он готов к обсуждению новых; будет ли президент обладать достаточным авторитетом и влиянием для обеспечения политической и общественной поддержки возможных договоренностей с Советским Союзом и ратификации их сенатом США? Можно предположить, что возникал и такой вопрос: стоит ли СССР воспользоваться сложным положением, в котором оказалась администрация и ее глава, для оказания на них давления по вопросу о СОИ (тем более учитывая, что многие конгрессмены требовали от президента прекращения испытаний Соединенными Штатами ядерного оружия, а конгресс США заметно урезал ассигнования на реализацию СОИ) или же, наоборот, предложить администрации и президенту компромиссное решение проблем и снять тем самым часть испытываемого ими напряжения. Вопросов такого рода возникало множество, и ответа они требовали оперативного и точного, так как от этого зависело будущее важнейших для судеб человечества договоренностей в области сокращения и ликвидации ядерных вооружений. В конце февраля 1987 г. выбор был сделан — Советский Союз принял решение о выделении вопроса о ликвидации ракет средней дальности из предлагавшегося в Рейкьявике пакета предложений и, учитывая принципиальное согласие американской стороны на такую ликвидацию, предложил США договориться, не теряя времени.

Американские противники договоренностей с СССР в области разоружения и контроля над вооружениями предприняли ряд попыток помешать процессу согласования компромиссного решения, настаивая на необходимости жесткого контроля на местах за выполнением Советским Союзом соглашения об уничтожении ракет и пусковых установок и требуя согласия

СССР на внезапные проверки «в любом месте и в любое время». Особой активностью в этом плане отличался, как и прежде, министр обороны Уайнбергер. Советские представители на переговорах в Женеве не только приняли эти условия, но и предложили, чтобы проверяющие допускались не просто «к воротам предприятий», на которых будет осуществляться ликвидация этих видов вооружений, но и внутрь этих предприятий. «Советы загнали нас в угол, — заявил один из американских экспертов. — Мы без конца твердили о допуске, и они на этом поймали нас, сказав по сути дела: «Конечно. Давайте. В любое время. В любом месте». Мы пошли на попятную. Когда нас осенило, что «в любом месте» включает некоторые совершенно секретные объекты, мы отступили». Процитировавший это признание эксперта Дж. Ньюхаус заметил: «Вновь администрация выдвинула всеобъемлющее предложение в расчете на то, чтобы осложнить жизнь Советам, но, приняв его, Советы осложнили жизнь Вашингтону»<sup>91</sup>. Пентагоновское руководство категорически заявило, что не может допустить советских инспекторов на совершенно секретные военно-промышленные объекты США, оборудованные по последнему слову техники.

В результате продолжавшихся все лето переговоров в Женеве советские и американские представители договорились о ликвидации ракет не только средней, но и меньшей дальности, а также в значительной мере расчистили путь к дальнейшим договоренностям. Встречи в Москве и Вашингтоне с участием Дж. Шульца и Э. А. Шеварднадзе весной и осенью 1987 г. привели к договоренности о проведении встреч на высшем уровне в Вашингтоне в декабре того же года и в Москве в 1988 г. Шесть с лишним лет интенсивных и сложных переговоров наконец-то увенчались первым крупным успехом. Через несколько дней после того, как было опубликовано совместное советско-американское заявление о предстоящей встрече на высшем уровне и приезде М. С. Горбачева в Вашингтон, министр обороны Уайнбергер подал в отставку, сославшись на причины семейного характера (помощник Уайнбергера Р. Перл, считавшийся главным идеологом противников договоренностей с СССР в области вооружений, ушел в отставку в марте 1987 г., заявив, что, судя по всему, «наступает весна в области контроля над вооружениями», а он не хочет иметь с ней ничего общего<sup>92</sup>). Прощение Уайнбергера об отставке было принято президентом Рейганом; министром обороны был назначен Ф. Карлуччи, ранее занимавший пост помощника президента по вопросам национальной безопасности. А на освободившееся место президентского помощника был назначен генерал К. Пауэлл. Впервые за без малого семь

лет рейгановской администрации государственный секретарь, министр обороны и помощник президента по вопросам национальной безопасности принадлежали к одному лагерю — лагерю сторонников договоренностей с Советским Союзом по вопросам контроля над вооружениями.

Состоявшаяся в Вашингтоне 7—10 декабря 1987 г. встреча на высшем уровне между М. С. Горбачевым и Р. Рейганом привела к подписанию советско-американского Договора о ликвидации их ракет средней и меньшей дальности и нескольких связанных с договором документов. По оценке обеих сторон, встреча прошла в деловой атмосфере и диалог двух руководителей был более конструктивным, чем когда-либо прежде. Но не обошлось и без сложных ситуаций, вызванных тем, что американская сторона и сам президент пытались вести разговор в прежнем духе, с использованием обвинений и давления. Оценивая позиции и взгляды администрации США на советско-американские отношения, М. С. Горбачев был вынужден отметить, что «если стоять твердо на почве фактов, не впадать в преувеличения то о коленном переломе в наших отношениях пока говорить рано, пока рано»<sup>93</sup>.

Хотя Рейган и отмечал в преддверии встречи на высшем уровне в Вашингтоне важность достижения соглашения с СССР о сокращении на 50% стратегических наступательных вооружений, он совершенно не вмешивался в проблемы выработки позиции США по вопросу, оставляя их решение на усмотрение своих советников и помощников, которые никак не могли выработать единой позиции. Раздоры внутри американской делегации были настолько сильны и глубоки, что, как сказал один из руководящих деятелей государственного департамента, анонимно процитированный Дж. Ньюхаусом, «даже если бы Советы пришли к нам и сказали: «Вы составьте текст соглашения, а мы его подпишем», мы все равно не смогли бы сделать этого». Своеобразным признанием неспособности президента внести конструктивный дух в разгоревшиеся противоречия между представителями гражданских и военных ведомств США и внутри самих этих ведомств по вопросам стратегических вооружений было заявление Рейгана, сделанное спустя три месяца после завершения встречи в Вашингтоне. Президент заявил тогда, что остается слишком мало времени для завершения работы по подготовке соглашения по стратегическим вооружениям, чтобы оно могло быть подписано в ходе встречи на высшем уровне в Москве. Как стало известно, заявление было сделано президентом по рекомендации государственного департамента, руководство которого отлично понимало нереальность завершения работы над текстом соглашения в условиях, когда Пентагон категорически

отказывался допускать советских инспекторов на особо секретные военно-промышленные объекты США. Президентское заявление было сделано с таким расчетом, чтобы умерить необоснованно оптимистические надежды на возможность подписания соглашения в Москве и чтобы отсутствие конкретных результатов встречи на высшем уровне в Москве не было расценено как ее провал<sup>94</sup>.

Приближалась дата встречи М. С. Горбачева и Р. Рейгана в Москве. Происходившие в Советском Союзе процессы умили пыл большого числа (но, конечно, далеко не всех) убежденных противников СССР. Отражая противоречивый психологический настрой своих соотечественников по отношению к Советскому Союзу и пытаясь одновременно приноровиться к требованиям времени, Рейган то называл Советский Союз «обществом с завязанными глазами» (но уже не «империей зла») и призывал руководство СССР «снять повязку с глаз и позволить народу увидеть мир со всеми его чудесами» (апрель 1988 г.), то признавал происходящие в СССР позитивные сдвиги, в том числе и в области прав человека, и существование «некоторых недостатков» в этой области в самих США (май 1988 г.). Наверное, можно было согласиться с газетой «Вашингтон пост» от 29 мая 1988 г., в которой отмечалось, что в создавшейся психологической атмосфере Рейган, как никто другой, оказался способным «отразить столь адекватно американский характер с его провинциальностью и закоренелым скептицизмом, но и с его надеждой на лучшее и откровенностью».

Несколькими днями раньше, 23 мая, М. С. Горбачев, характеризуя личность Рональда Рейгана в интервью представителям американской прессы, назвал важным качеством президента как политика его реализм. «В данном случае,— разъяснил он,— я понимаю под этим умение, отстаивая свои убеждения, в то же время приводить свою позицию в соответствие с изменяющейся обстановкой. Кто бы мог подумать в начале 80-х годов не только в Советском Союзе, но и в США, что именно президент Рейган подпишет с нами первое в истории соглашение о сокращении ядерных вооружений? Однако трезвое осознание того, что мир изменился, что изменяются интересы наших стран, позволило президенту, не поступившись своими известными убеждениями, по-новому взглянуть на существующие реальности»<sup>95</sup>. В любом заявлении по такому случаю, как официальный государственный визит высокого

зарубежного гостя, есть, как представляется, что-то от кавказского госта или же эпитафии — когда о человеке говорят только хорошее, сознательно закрывая глаза на его недостатки и пороки, нередко приписывая ему чужие заслуги и отсутствующие в его характере черты. Первый визит главы американского государства за почти четырнадцать лет был именно тем событием, которое диктовало необходимость забыть о многом негативном, связывавшемся не так давно с именем этого государственного деятеля, его высказываниями и политикой его администрации. Требования дипломатии и дипломатической этики подлежат соблюдению при всех обстоятельствах, за исключением разве что открыто враждебной ситуации, но о такой ситуации в советско-американских отношениях в последние годы говорить уже не приходилось, и, судя по развитию событий, она становилась уже достоянием истории. Но, даже оставляя в стороне требования дипломатической этики, следовало признать и положительно оценить хотя бы то, что происходившие в советско-американских отношениях и в развивавшемся диалоге по проблемам контроля над вооружениями конструктивные сдвиги происходили если не по инициативе Рейгана и не благодаря его личному вкладу, то во всяком случае «в его дежурство».

Деловая часть встречи на высшем уровне была очень насыщенной. Помимо переговоров, проходивших (как отмечалось в совместном заявлении) в конструктивной атмосфере, обеспечившей широкие возможности для откровенного обмена мнениями по проблемам вооружений, а также обсуждения региональных вопросов и вопросов, касающихся дальнейшего расширения двусторонних контактов, обменов и сотрудничества, стороны обменялись ратификационными грамотами о введении в действие Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, подписанного М. С. Горбачевым и Р. Рейганом в ходе встречи на высшем уровне в Вашингтоне. Остававшееся от переговоров и протокольных мероприятий время по желанию президента было занято неофициальными встречами и осмотром достопримечательностей Москвы.

Рональд Рейган предстал перед москвичами и теми, кто имел возможность наблюдать за его пребыванием в СССР по телевидению и по публиковавшимся в советской печати материалам, одновременно и похожим и не похожим на того человека, о взглядах, политике, характере и привычках которого так много писали в Советском Союзе в последние семь с лишним лет. Внешне это по-прежнему был выглядевший моложе своих 77 лет, подтянутый и молодцеватый человек, живо реагировавший на все, что происходило вокруг него, и проявлявший чувство юмора и эрудицию как в официальной,



так и в неофициальной обстановке. За рамками телерепортажей и газетно-журнальных комментариев остались понятные и простительные в его возрасте «отключки» от внешнего мира, когда президент откровенно дремал на официальных общественных мероприятиях; прощались ему и явно неудачные или сомнительного свойства шутки («Как говорил английский король Генрих VIII каждой из своих жен, я вас долго не задержу» — так начал Рейган, в частности, свое обращение к представителям советской творческой интеллигенции в московском Доме литераторов), не всегда уместно приводимые русские народные (а порой вовсе не русские и не народные) поговорки и пословицы; с пониманием отнеслись советские люди к стремлению его помощников и составителей речей представить президента США начитанным и эрудированным человеком: перечень фамилий упоминавшихся в его выступлениях русских и советских деятелей литературы, изобразительного искусства и музыки (о большинстве которых скорее всего Рейган ранее даже не слышал) и ссылки на их произведения (которые Рейган явно никогда не читал, не видел и не слышал) могли бы сделать честь любому высокообразованному советскому человеку, не говоря уже об иностранце,— Пастернак и Ахматова, Солженицын и Гумилев, Пушкин и Достоевский, Гоголь и Толстой, Станиславский и Эйзенштейн, Прокофьев и Скрябин, Кандинский и даже Алишер Навои. (Американский журнал «Нью рипаблик» с явным удовлетворением привел слова советского историка Р. А. Медведева, заметившего: «Советские культурные деятели говорят как политики, а Рейган говорил как культурный человек»<sup>96</sup>. Чтобы быть уж совсем справедливым, надо было, конечно, признать, что если стиль выступлений советских деятелей культуры лежит полностью на их совести, то высоким культурным уровнем своих речей Рейган был обязан своим помощникам.)

Говоря о непохожести Рейгана на себя, «недавнего», нельзя не отметить, что для него первый визит в страну некапиталистического мира, а тем более в Советский Союз был глубоко символичен и, конечно, неординарен. «Вообще-то говоря, я не могу вам объяснить, как я сюда попал,— признался он в телефонном интервью журналу «Тайм»,— я никогда не собирался приезжать сюда»<sup>97</sup>. Бросалось в глаза, что он не только говорил так, но и выглядел человеком, никак не могущим понять, как он оказался в Москве, столице государства, которое несколько десятилетий фигурировало в его речах в качестве вселенского пугала. Выражение искреннего изумления в сочетании с нескрываемым любопытством не сходило с его лица, впрочем, как и с лица Нэнси Рейган, на всем протя-

жении их четырехдневного пребывания в Москве, будь то в Кремле, на Красной площади, на Старом Арбате или в МГУ. Советский Союз (а на самом деле та парадная часть столицы, которую он и Нэнси Рейган видели) совсем не походил на то, каким они ожидали его увидеть. Когда один из журналистов задал ему в Кремле вопрос, продолжает ли существовать в глазах президента «империя зла», Рейган ответил: «Я говорил о другом времени, о другой эре»<sup>98</sup>.

Президент «растаял» от оказанного ему в Москве приема и изменил свою точку зрения на Советский Союз, комментировали в эти дни американские журналисты правого и левого толка поведение и высказывания столь непохожего на себя Рейгана. «Ничего подобного, — настаивал один из близких к президенту членов администрации, процитированный журналом «ЮС ньюс энд уорлд рипорт», — Рейган не менялся. Изменились Советы». Не означает ли отказ от характеристики Советского Союза как «империи зла» пересмотра отношения президента к коммунизму как системе, задавали вопрос другие. Ни в коем случае, отвечал им сам президент, он призывает к пересмотру отношения к СССР, руководимому конкретным лидером, М. С. Горбачевым, поскольку «он отличается от всех русских лидеров, с которыми я встречался». Третьих особенно пугали заявления Рейгана о том, что на вопрос, считает ли он М. С. Горбачева «другом», он может ответить лишь утвердительно. Не может быть, чтобы он действительно так считал, успокаивали себя и своих единомышленников те, кому подобные заявления очень не нравились<sup>99</sup>.

Согласно утверждениям, встречавшимся в те дни в американской печати, на Рейгана произвело впечатление положение о роли человеческого фактора во внешней политике, содержащееся в книге М. С. Горбачева «Перестройка и новое мышление», поскольку-де и он сам всегда предпочитал личные отношения официальным. (С кем-то из глав правительств и государства ему удавалось установить тесный личный контакт — в частности, с М. Тэтчер и премьер-министром Японии Т. Накасоне; с кем-то, скажем с президентом Франции Ф. Миттераном, ему это не удалось.) Кроме того, еще в 1984 г. по рекомендации тогдашнего помощника по вопросам национальной безопасности Р. Макфарлейна президент познакомился с автором книги «Земля Жар-птицы: красота старой России» Сьюзанн Мэсси, которая выдвинула тезис о том, что «русские вообще большие индивидуалисты» и что общаться с ними лучше всего на личной основе. Возможность установления такого личного контакта с руководителем Советского Союза Рейгану очень импонировала, тем более что уже первые встречи с ним продемонстрировали их полезность. Комменти-

руя в телефонном интервью журналу «Тайм» в последний день своего пребывания в Москве историю договоренности об обмене визитами с М. С. Горбачевым, Рейган с явным удовольствием вспоминал женевскую встречу на высшем уровне 1985 г.: «Мы прошли в подготовленную мной бильярдную, сели перед горящим камином и начали беседу. На обратном пути я повернулся к нему и сказал: «Вы никогда не были в нашей стране. Я хотел бы, чтобы вы ее повидали». И он ответил: «Хорошо. Я приеду в Вашингтон на встречу на высшем уровне. Но затем давайте проведем еще одну в Москве, и вы увидите нашу страну». Когда мы присоединились к другим членам делегаций и сказали им о двух встречах на высшем уровне, они чуть не упали со своих стульев. Вот тогда-то я впервые понял, что увижу Москву»<sup>100</sup>.

Уже во время пребывания М. С. Горбачева в Вашингтоне Р. Рейган намеревался внести в программу пребывания советского руководителя вылет в Калифорнию с посещением школы, церкви, американской семьи со средним достатком, но насыщенное деловыми встречами расписание не позволило этого сделать. Судя по предварительно согласованным сторонами планам, встреча на высшем уровне в Москве, не предусматривавшая вылета президентской четы в другие города, оставляла некоторое время для неофициального общения.

Перед вылетом в Москву пресс-секретарь Белого дома информировал журналистов, что «президент очень хочет развить личные отношения» с М. С. Горбачевым<sup>101</sup>. В дни пребывания президента в Москве, как писали в американской печати со смесью изумления и язвительности, «ему (Рейгану) удалось высказать о Горбачеве больше хвалебных и оптимистически звучащих слов, чем за последние четыре года о Джордже Буше»<sup>102</sup>. Действительно, в высказываниях Рейгана о советском руководителе и о встрече в Москве (особенно, когда он говорил не «по написанному») проявлялась все более развивающаяся с годами эмоциональность, которую президент не мог, а скорее всего, не считал нужным сдерживать. Его намеренную «несдержанность» можно было понять: встреча на высшем уровне в Москве была последним, как он считал, крупным событием в жизни его администрации, заключительным аккордом, удостоверяющим его право на почетное место в истории в признание его личных заслуг в обеспечении менее опасного для существования человечества будущего. Кроме того, в самих США в эти недели уже шла активная предвыборная борьба, в которой принимал участие Дж. Буш, соратник президента по администрации и по партии. Проявлять сдержанность в выражении удовлетворения столь блестящим завершением восьмилетнего республикан-

ского правления было бы, с точки зрения Рейгана и его республиканского окружения, политически неразумным. А говорить о достигнутых за последние два года успехах в области решения важнейших вопросов советско-американских отношений и контроля над вооружениями, не воздавая должного позиции Советского Союза и его руководителя, было невозможно. Высказывалось удовлетворение результатами встреч на высшем уровне и М. С. Горбачевым: констатируя улучшения атмосферы советско-американских отношений, он подчеркнул, что «каждая такая встреча была ударом по устоям «холодной войны»»<sup>103</sup>.

Судя по всему, Рейган понимал, насколько он, «теперешний», отличается от того, каким его представляли себе в первую очередь в Советском Союзе — стране, непримиримым и убежденным противником которой он зарекомендовал себя на протяжении сорока с лишним лет. Неизвестно, во всяком случае на сегодняшний день, кому принадлежала инициатива включения в текст обращения Рейгана к представителям советской творческой интеллигенции, собравшимся в московском Доме литераторов, довольно странного признания. (Вопрос об авторстве этого абзаца вызван тем, что Рейган имел обыкновение дополнять написанные для него помощниками тексты речей представляющимися ему важными фразами.) А тогда Рейган, проведя параллель между своей актерской и политической карьерами, сказал: «В кинопроизводстве актеры очень часто, как мы говорим, закостеневают в типаже, т. е. киностудии начинают считать вас актером, исполняющим лишь определенный тип ролей, и, как бы вы ни старались, вы не можете заставить увидеть вас в другой роли. В политике дела обстоят в какой-то степени так же. Так что у меня было предостаточно времени, чтобы продумать свою роль»<sup>104</sup>. Можно спорить о смысле заключительного предложения, если брать его в отрыве от контекста, но вся фраза в целом может быть понята лишь однозначно: Рейган по непонятным причинам счел уместным и своевременным (именно в Москве) донести до сознания советских людей мысль о том, что ему давно хотелось вырваться из рамок определенного ему «студией» (?) типажа, но это ему до последнего времени не удавалось и что та роль, которую он исполняет сейчас и которая не соответствует привычному типуажу, не является случайной, а основательно им продумана и прочувствована. И все-таки, зная Рональда Рейгана и всю политическую предысторию его визита в Москву в 1988 г., трудно отделаться от мысли, что старый актер решил попробовать себя в новой роли, веря в свое действительное преобразование и пытаясь убедить в истинности происходящего других.

Оставшиеся до окончания срока пребывания администрации Рейгана у власти месяцы были полностью посвящены очередным президентским выборам и обеспечению победы республиканского кандидата Дж. Буша. После победы Дж. Буша на выборах Рейган практически отошел от государственной деятельности, всем своим видом и поведением демонстрируя, с каким нетерпением он ожидает официального окончания президентского срока. В декабре 1988 г. состоялась еще одна встреча на высшем уровне в Нью-Йорке с М. С. Горбачевым, но она скорее стала встречей советского руководителя с будущим президентом США Дж. Бушем, чем с официально все еще остававшимся президентом, но уже отошедшим от государственных дел Р. Рейганом. Трагедия в Армении прервала эту встречу.

А тем временем в приобретенном за два с половиной миллиона долларов старыми друзьями и поклонниками четы Рейганов особняке, расположенном в высокопрестижном районе Лос-Анджелеса Бель-Эйре, шел капитальный ремонт. Ремонт планировалось завершить к приезду новых хозяев, т. е. к 20 января 1989 г.

## Недописанный эпилог

Фотографии бывшего президента Соединенных Штатов Рональда Рейгана, отдающего прощальную честь воинскому караулу перед отлетом в Калифорнию, обошли всю американскую и иностранную прессу. Увлажненный взгляд и плотно сжатые губы Рейгана свидетельствовали о том, что прощание с Белым домом дается ему нелегко. Журналисты вспоминали день 20 января 1981 г., когда спустя всего лишь пять часов после окончания церемонии вступления в должность президента Рейган, уже успевший устать от бесконечных поздравлений, встреч, ответов на вопросы и ознакомления с поступавшими один за другим докладами об освобождении иранскими властями американских заложников, пошутил в присутствии репортеров: «Ну что же, это был прекрасный день. Полагаю, что теперь я могу вернуться в Калифорнию, не так ли?» Но вернуться насовсем в Калифорнию ему предстояло лишь через восемь лет, охарактеризованные газетой «Нью-Йорк таймс» как период, «полный контрастов и сюрпризов»<sup>1</sup> Наследие, оставленное Рейганом преемнику в Белом доме, было названо избыточным вопросами и сомнениями. На многие из этих вопросов и сомнений ответов, возможно, не удастся получить еще долгие годы.

Было бы неверным и несправедливым по отношению к 40-му президенту США утверждать, что Америка провожала его с чувством облегчения. Напротив, очень многие американцы с искренним сожалением наблюдали за тем, как поднимается по самолетному трапу и исчезает навсегда из активной политической жизни человек, имя которого на протяжении долгих (можно сказать, непривычно долгих за последние десятилетия) восьми лет не сходило с первых страниц газет, ежедневно присутствовало в утренних, полуденных, вечерних и ночных радио- и теленовостях. Америка успела привыкнуть к тому, что Рейган стал обязательной частью их повседневной жизни: ведь он пробыл в Белом доме больше, чем какой-либо президент США с 1961 г. Но дело было не только и даже не столько в привычке, сколько в тех ассоциациях, которые возникали у американцев (когда вполне обоснованно, а когда и не очень) при упоминании его имени. Комментировавшие завершение восьмилетнего рейгановского президентства политические обозреватели писали, что если бы в 1980 или 1981 г. американцам сказали бы, что этот «состарившийся

целлулоидный ковбой из Калифорнии, не обремененный высоким интеллектом, особым трудолюбием или опытом деятельности в Вашингтоне» (а именно таким он виделся многим американцам, и не только им) сумеет пробыть в Белом доме весь положенный ему по конституции срок и покинет президентский пост одним из наиболее популярных за послевоенные десятилетия государственных деятелей, то большинство из них этому просто не поверило бы. Пытаясь объяснить этот феномен Рейгана, журнал «Тайм» писал: «Нет ничего таинственного в личности ветерана публичных зрелищ, чутко чувствующего время, остро ощущающего, что именно может понравиться массовой аудитории, и обладающего талантом привлекать ловких советников в области политической рекламы. Рейган так и не смог до конца понять проблем ядерных вооружений или контроля над вооружениями. Выше его понимания оказались и сложные проблемы экономики — одного из основных предметов его специализации в колледже. Но он очень хорошо понимал американский фольклор и мифы. К 1980 г. разочаровавшаяся во всем, запутавшаяся Америка потеряла терпение, столкнувшись с внутренней стагфляцией, дерзостью зарубежных противников и шараханьями своего собственного руководства. Возник идеальный момент для появления лидера, который пользовался простейшими методами и доводами»<sup>2</sup>.

Предельно упрощенно выглядевшая философия управления государством и решения его экономических и социальных проблем, вызывавшая в конце 70-х — начале 80-х годов презрительную усмешку у крупнейших авторитетов в области государственного управления и социально-экономической политики, к нескрываемому их изумлению, не привела к окончательному расстройству аппарата государственной власти, разрушению экономической и финансовой системы или тем более к социальному взрыву. Нараставший на протяжении предшествующих пятнадцати лет кризис доверия к институтам государственной власти, вызванный целой серией причин, среди которых следовало прежде всего назвать войну во Вьетнаме, уотергейтский скандал, внутренние экономические неурядицы и внешнеполитические шараханья, не только утратил за годы рейгановского президентства признаки, дававшие основание именовать этот процесс кризисом, но и сменился положением дел, которое укрепило убежденность американцев в превосходстве их государственной системы над другими. На смену превалировавшей во многих публикациях и высказываниях мысли о неуклонном движении Америки к своему закату пришло утверждение о наступлении «нового утра». А вместе с этой уверенностью возродилось с новой силой и исчезнувшее на время стремление американцев «учить жить» другие наро-

ды и государства. Как в таких условиях не воздать должное чуть ли не единственному человеку в стране, которого никогда, даже в самые сложные периоды начала 80-х годов, не покидала уверенность в том, что такое время обязательно настанет, если страна пойдет по предлагаемому им пути. Массовый гипноз «великого мастера общения» в сочетании с умелой политической рекламой возымел действие, высветив перед глазами американцев положительные стороны и результаты восьмилетнего пребывания Рейгана в Белом доме и оттеснив на задний, второстепенный и даже третьестепенный план значительную часть того, что препятствовало позитивному восприятию его президентства.

Если бы в январе 1989 г. американцам был задан тот же вопрос, который адресовал им Рейган в 1976 г.: «Живете ли вы лучше или хуже, чем четыре (восемь) лет назад?», то большинство американцев, несомненно, ответили бы: «Лучше!», хотя столь же несомненным было и то, что за время пребывания рейгановской администрации у власти число бедняков в стране значительно возросло. В марте 1989 г. комитет по доходам и расходам палаты представителей конгресса опубликовал результаты исследования, согласно которому с 1979 по 1987 г. средний семейный доход беднейших 20 % американского населения сократился на 6,1 %, тогда как средний семейный доход наиболее состоятельных 20 % американцев вырос на 11,1 %. При этом средний доход американской семьи вырос за тот же период на 5,5 % (с 27 917 долл. до 29 487 долл.). Одновременно личный доход самых бедных 20 % американцев снизился на 9,8 %, а личный доход самых богатых 20 % вырос на 15,6 %<sup>3</sup>. Другие исследования свидетельствовали о том, что к концу 1988 г. каждый четвертый американский ребенок, т. е. 25 % детей страны, жил ниже «черты бедности». С 1981 г. государственные ассигнования на субсидируемое жилищное строительство были урезаны на 81 %, в результате чего число бездомных американцев перевалило за 3 млн человек. Коммунальные медицинские центры обслуживали лишь 5 млн из 25 млн американских бедняков, имеющих право на бесплатную медицинскую помощь. Около 37 млн американцев не располагали медицинским страхованием — на 20% больше, чем в 1980 г. Детская смертность в США была одной из самых высоких среди развитых стран мира<sup>4</sup>. «Социальная сетка безопасности», которую по аналогии с цирковой обеща-ла обеспечить администрация Рейгана для спасения бедствующих членов общества, оказалась дырявой, и в растущее по мере сокращения государственных программ социального вспомоществования и увеличения военных расходов количество «дыр» проваливалось все большее число американцев.



Все эти не соответствующие образу процветающей Америки сведения были хорошо известны американцам — время от времени они публиковались в различных органах печати и исследованиях, но их затмевали регулярно напоминаемые общественности данные о том, что так называемый «комбинированный индекс нищеты» — уровень безработицы, приплюсованный к уровню инфляции, был самым низким за последние десятилетия, не достигая даже 10 % (при президенте Дж. Картере он составлял 20,7 %). Уровень инфляции, составлявший в 1980 г. около 13 %, снизился к концу 1988 г. до 4,4 %, а безработица, достигавшая в 1980 г. 10,8 %, сократилась до 5,3%<sup>5</sup>.

В последние недели своего президентства Р. Рейган выступил с рядом заявлений, в которых нарисовал весьма оптимистичную картину результатов своего восьмилетнего президентства, особо выделив то, что его администрации удалось «восстановить военную мощь» страны (ценой колоссальных ассигнований на военные нужды, превысивших за восьмилетие 2 трлн долл.) и возродить «дух нации». Рост же государственного долга США почти в 3 раза при повышении внешней задолженности США до 500 млрд долл., рост дефицита федерального бюджета, составлявшего в среднем в годы администрации Рейгана 180 млрд долл. в год, рост дефицита внешнеторгового баланса США и другие признаки нездорового состояния экономики и финансов страны ставились им в вину силам и факторам, неподконтрольным республиканской администрации. Лишь изредка в статьях и исследованиях отдельных обозревателей и экономистов встречалась охлаждающая пыл убежденных сторонников «рейгановской революции» мысль, что уровень благосостояния, позволивший многим американцам говорить о том, что они живут лучше, чем в 1980 г., был достигнут за счет будущих поколений граждан страны, которым придется рассчитываться за долги, накопленные администрацией Рейгана, и которые скорее всего не будут разделять восторженных оценок результатов ее пребывания у власти<sup>6</sup>. В любом случае, как образно пишут американские авторы, присяжные, которые должны вынести решение по поводу того, была ли в действительности «рейгановская революция» и насколько позитивны ее результаты в долгосрочном плане, еще пребывают в совещательной комнате и могут пробыть там еще долго, пытаясь найти ответ на эти вопросы.

Не меньше вопросов, сомнений и полярно противоположных оценок вызывает сегодня и внешнеполитический курс администрации Рейгана и оставленное ею наследие. Т. Дейбел одобряет деятельность рейгановской администрации во внешнеполитической области, обращая внимание на то, что

она завершила свое пребывание у власти заметно отличающейся от той, какой она пришла к власти, и считает иронией судьбы то, что «изобличитель «империи зла», президент, напугавший миллионы людей своей болтовней о ядерных «демонстрационных ударах» и «бомбардировке (СССР) через пять минут», закончил, руководя процессом существенного снижения напряженности в отношениях между Соединенными Штатами и СССР, и стал архитектором первого в истории договора, действительно ликвидирующего целый класс уже существующих вооружений... Когда администрация (Рейгана) покинула политическую арену, ее внешняя политика была наиболее скоординированной, успешной и популярной за всю недавнюю историю, свидетельством чему был тот факт, что оба кандидата на пост президента в ходе избирательной кампании 1988 г. пытались вести борьбу, основываясь на внешнеполитическом послужном списке Рейгана»<sup>7</sup> Придерживающийся противоположной точки зрения Д. Игнашиус в свою очередь считает, что «рейгановское наследие в сфере внешней политики вряд ли обнадеживает. Рейган оставляет за собой множество нерешенных крупных проблем, поскольку он концентрировал слишком много внимания на форме, а не на содержании. Его преемник унаследует набор устаревших стратегических положений, слабо удерживающихся альянсов и переставших быть реальными взглядов на роль и будущее Америки»<sup>8</sup> При всей своей внешней противоположности эти оценки скорее параллельны, чем противоположны, и, оставляя в стороне «перебор» в оценке Рейгана Т. Дейбелом как «руководящей силы» и «архитектора», с ними обеими в принципе можно согласиться. Т. Дейбел, утверждая, что «Рейган оставил своему преемнику гораздо менее угрожающий мир, чем тот, который унаследовал он сам», приводит в подтверждение фразу из «прощального обращения» Рейгана: «Мы собирались менять нашу страну, а вместо этого изменили мир»<sup>9</sup>. Но изменениям, происшедшим в мире и с миром, были и другие, более убедительные объяснения, с которыми соглашались и в США и в других странах мира. «Многое из того, что ему (Рейгану) удалось добиться за рубежом, было бы невозможно без Горбачева, у которого были свои причины искать договоренностей», — писала газета «Нью-Йорк таймс». Достигнутые в области нормализации советско-американских отношений успехи были основной причиной позитивной оценки внешней политики администрации Рейгана в условиях отсутствия впечатляющих достижений на других направлениях ее внешнеполитической деятельности. С этим доводом соглашалось и беспрецедентно высокое число американцев — 88 %, ответивших утвердительно на вопрос, одобряют ли они то, как проводилась

внешняя политика США в отношении СССР в годы администрации Рейгана. «Ни один другой вопрос, заданный в ходе опроса общественного мнения, не получал такого количества утвердительных ответов, за исключением вопроса: «Дышите ли вы?»», — заметила в редакционной статье газета «Нью-Йорк таймс»<sup>10</sup>.

Исторически короткий срок, прошедший с января 1989 г., не дает оснований делать исчерпывающие и окончательные выводы о роли и месте Рональда Рейгана в американской и мировой истории. Это вовсе не означает, что не имеет смысла предпринимать или что не предпринимается уже сейчас попытки разобраться в том, что принесло Соединенным Штатам и международному сообществу восьмилетнее президентское правление Рейгана и какое наследие оно оставило. Вполне правомерны попытки тех исследователей, которые приходят к каким-то выводам на базе тех сведений, которыми они располагают сегодня. Каждое из проводимых «по свежим следам» исследований следует рассматривать как еще одну ступеньку к познанию исторического процесса и роли, сыгранной в нем той или иной личностью. Исследование рейгановского президентства на этом этапе можно сравнить с анализом под микроскопом мельчайших деталей сложного явления, близкое временное расстояние от которого дает возможность распознать и классифицировать его, но не позволяет делать глубоких обобщающих выводов о его характере и природе. Оценка же явления в комплексе требует, фигурально говоря, иного оптического прибора, позволяющего получить представление о масштабности предмета исследования лишь на большом временном удалении от него. (Хорошо известно, что нередки случаи, когда результаты сделанного с близкого временного расстояния аналитического исследования не только не совпали, но и противоречили результатам «хронотелескопического», причем именно последние оказывались исторически более объективными и точными.)

Процессы, начало которых было заложено в годы пребывания администрации Рональда Рейгана у власти, не только продолжаются, но и обретают новые формы и характеристики. Это обстоятельство дает еще больше оснований согласиться со справедливым замечанием журналиста Х. Донована: «Едва президент покидает свой пост, как его место в истории во многом начинает зависеть от событий, которые еще не произошли»<sup>11</sup>. События, последовавшие за завершением пребывания Рональда Рейгана в Белом доме, еще только разворачиваются, и история еще долго будет дописывать эпилог к рассказу о жизни и времени 40-го президента Соединенных Штатов Америки.

# Примечания

## В мире реальностей и фантазий

- Wills G.* Reagan's America: Innocents at Home. N. Y., 1987. P. 35.
- <sup>2</sup> Цит. по: *Halberstam D.* The Best and the Brightest. N. Y., 1972. P. 442; *Newsweek.* 1976. 13. IX. P. 22.
- <sup>3</sup> *Reagan R., Hubler R. C.* Where's the Rest of Me? N. Y. 1981. P. 22.
- <sup>4</sup> *Ibid.* P. 16, 18.
- <sup>5</sup> *Reagan R., Hobbs C. D.* Call to Action. N. Y., 1976. P. 25—26.
- <sup>6</sup> *Reagan R., Hubler R. C.* Op. cit. P. 24.
- <sup>7</sup> *Cannon L.* Reagan. N. Y., 1982. P. 23.
- <sup>8</sup> *Reagan R., Hubler R. C.* Op. cit. P. 15.
- <sup>9</sup> *Ibid.* P. 20.
- <sup>10</sup> *Ibid.* P. 24—25.
- <sup>11</sup> *Cannon L.* Op. cit. P. 27—28.
- <sup>12</sup> *Reagan R., Hubler R. C.* Op. cit. P. 28.
- <sup>13</sup> Цит. по: *Boyarisky B.* Ronald Reagan: His Life and Rise to the Presidency. N. Y., 1981. P. 40.
- <sup>14</sup> Цит. по: *Fortune.* 1980. 19. V. P. 80.
- <sup>15</sup> Цит. по: *Dugger R.* On Reagan. N. Y., 1983. P. 3.
- <sup>16</sup> *Reagan R., Hubler R. C.* Op. cit. P. 160.
- <sup>17</sup> *Time.* 1981. 5. I. P. 9—10.
- <sup>18</sup> *Reagan R., Hubler R. C.* Op. cit. P. 65.
- <sup>19</sup> *Cannon L.* Op. cit. P. 45.
- <sup>20</sup> *Reagan R., Hubler R. C.* Op. cit. P. 87.
- <sup>21</sup> *Cannon L.* Op. cit. P. 52.
- <sup>22</sup> *Reagan R., Hubler R. C.* Op. cit. P. 89.

## Непризнанное призвание

- <sup>1</sup> *Reagan R., Hubler R. C.* Op. cit. P. 11.
- <sup>2</sup> *Ibid.* P. 53.
- <sup>3</sup> *Newsweek.* 1980. 21. VII. P. 27.
- <sup>4</sup> *Cannon L.* Op. cit. P. 51.
- <sup>5</sup> *Ibid.* P. 53.
- <sup>6</sup> *Ibid.* P. 52.
- <sup>7</sup> *Wills G.* Op. cit. P. 177.
- <sup>8</sup> *Cannon L.* Op. cit. P. 52.
- <sup>9</sup> *Ibid.* P. 53.
- <sup>10</sup> Цит. по: *Time.* 1975. 24. XI. P. 18; *Newsweek.* 1980. 21. VII. P. 27.
- <sup>11</sup> *Reagan R., Hubler R. C.* Op. cit. P. 56.
- <sup>12</sup> *Эйзенштейн С.* Избр. произв. Т. 5. М., 1968. С. 171.
- <sup>13</sup> *Wills G.* Op. cit. P. 123.
- <sup>14</sup> *Erickson P.* Reagan Speaks. The Making of an American Myth. N. Y., 1985. P. 40—41.
- <sup>15</sup> *Станиславский К. С.* Собр. соч. Т. 3. М., 1954. С. 95.
- <sup>16</sup> *Erickson P.* Op. cit. P. 4.
- <sup>17</sup> Цит. по: *Cannon L.* Op. cit. P. 52.
- <sup>18</sup> *Станиславский К. С.* Указ. соч. Т. 3. С. 234.
- <sup>19</sup> *New Republic.* 1979. 1. XII. P. 3.

- <sup>20</sup> Washington Post. 1988. 18. IX.  
<sup>21</sup> Sklar R. *Movie-made America; How the Movies Changed American Life*. N. Y., 1975. P. 175.  
<sup>22</sup> Wills G. *Op. cit.* P. 159.  
<sup>23</sup> Reagan R., Hubler R. C. *Op. cit.* P. 145.  
<sup>24</sup> Ibid. P. 132.  
<sup>25</sup> Harper's. 1982. V. P. 35.  
<sup>26</sup> Wills G. *Op. cit.* P. 164.  
<sup>27</sup> Ibid. P. 165—167.  
<sup>28</sup> Ibid. P. 168.  
<sup>29</sup> Reagan R., Hubler R. C. *Op. cit.* P. 134.  
<sup>30</sup> Ibid. P. 143.  
<sup>31</sup> Ibid. P. 159, 212—213.  
<sup>32</sup> Ibid. P. 161.  
<sup>33</sup> Cannon L. *Op. cit.* P. 66.  
<sup>34</sup> New Republic. 1980. 1. XI. P. 23.

### В поисках роли

- <sup>1</sup> Чаплин Ч. *Моя биография*. М., 1966. С. 321.  
<sup>2</sup> Эйзенштейн С. *Указ. соч.* Т. 5. С. 85.  
<sup>3</sup> Cannon L. *Op. cit.* P. 78.  
<sup>4</sup> Цит. по: Wills G. *Op. cit.* P. 257.  
<sup>5</sup> Reagan R., Hubler R. C. *Op. cit.* P. 186—187.  
<sup>6</sup> Цит. по: Wills G. *Op. cit.* P. 246.  
<sup>7</sup> Ibid. P. 253.  
<sup>8</sup> Ibid. P. 249.  
<sup>9</sup> Reagan R., Hubler R. C. *Op. cit.* P. 163.  
<sup>10</sup> Flynt L., Freed D. *The Secret Life of Ronald Reagan*. The Hustler Press, 1984. P. 19.  
<sup>11</sup> Ibidem.  
<sup>12</sup> Reagan R., Hubler R. C. *Op. cit.* P. 202.  
<sup>13</sup> Flynt L., Freed D. *Op. cit.* P. 19.  
<sup>14</sup> Cannon L. *Op. cit.* P. 76.  
<sup>15</sup> Цит. по: Wills G. *Op. cit.* P. 161.  
<sup>16</sup> Dugger R. *Op. cit.* P. 10; Cannon L. *Op. cit.* P. 64; Boyarsky B. *Op. cit.* P. 72.  
<sup>17</sup> Wills G. *Op. cit.* P. 161.  
<sup>18</sup> Reagan R., Hubler R. C. *Op. cit.* P. 230.  
<sup>19</sup> Цит. по: Goulden J. *The Best Years: 1945—1950*. N. Y., 1976. P. 295.  
<sup>20</sup> Ibid. P. 296.  
<sup>21</sup> Boyarsky B. *Op. cit.* P. 66.  
<sup>22</sup> Sklar R. *Op. cit.* P. 246.  
<sup>23</sup> Congressional Record. 80th Congress, 1st Session. Vol. 93. P. 2900.  
<sup>24</sup> Ibidem.  
<sup>25</sup> Newsweek. 1980. 21. VII. P. 29.  
<sup>26</sup> Цит. по: Boyarsky B. *Op. cit.* P. 68.  
<sup>27</sup> New Republic. 1980. 1. XI. P. 21.  
<sup>28</sup> Цит. по: Boyarsky B. *Op. cit.* P. 68—69; Dugger R. *Op. cit.* P. 8.  
<sup>29</sup> Цит. по: Cannon L. *Op. cit.* P. 83—84.  
<sup>30</sup> Boyarsky B. *Op. cit.* P. 70.  
<sup>31</sup> Atlantic. 1980. X. P. 39—40.  
<sup>32</sup> Reagan R., Hubler R. C. *Op. cit.* P. 182.  
<sup>33</sup> Sklar R. *Op. cit.* P. 264, 262.

- <sup>34</sup> Ibid. P. 266.  
<sup>35</sup> Цит. по: *Goulden J.* Op. cit. P. 304.

### Выбор амплва

- Reagan R., Hubler R. C.* Op. cit. P.  
<sup>2</sup> Ibid. P. 189.  
<sup>3</sup> *Cannon L.* Op. cit. P. 80, 87  
<sup>4</sup> Цит. по: *Flynt L., Freed D.* Op. cit. P. 27.  
<sup>5</sup> *Dugger R.* Op. cit. P. 11.  
<sup>6</sup> *Reagan R., Hubler R. C.* Op. cit. P. 265.  
<sup>7</sup> *Wills G.* Op. cit. P. 190.  
<sup>8</sup> *Cannon L.* Op. cit. P. 89—90.  
<sup>9</sup> *Reagan R., Hubler R. C.* Op. cit. P. 279.  
<sup>10</sup> Ibid. P. 278—279.  
<sup>11</sup> *Cannon L.* Op. cit. P. 91—92.  
<sup>12</sup> Ibid. P. 93.  
<sup>13</sup> *Reagan R., Hubler R. C.* Op. cit. P. 286.  
<sup>14</sup> Цит. по: *Wills G.* Op. cit. P. 28.  
<sup>15</sup> *Reagan R., Hubler R. C.* Op. cit. P. 306.  
<sup>16</sup> *Wills G.* Op. cit. P. 283—284.  
<sup>17</sup> *Reagan R., Hubler R. C.* Op. cit. P. 305—307.  
<sup>18</sup> Цит. по: *Flynt L., Freed D.* Op. cit. P. 40—41  
<sup>19</sup> *Dugger R.* Op. cit. P. 14—15.  
<sup>20</sup> *Reagan R., Hubler R. C.* Op. cit. P. 308—310.  
<sup>21</sup> *Wills G.* Op. cit. P. 284—285.  
<sup>22</sup> *Esquire.* 1980. VIII. P. 29.

### Перед выходом на сцену

- <sup>1</sup> *Reagan R., Hubler R. C.* Op. cit. P. 336.  
<sup>2</sup> *Esquire.* 1980. VIII. P. 28.  
<sup>3</sup> *Atlantic.* 1980. X. P. 40.  
<sup>4</sup> *Harper's.* 1984. I. P. 47.  
<sup>5</sup> Ibid. P. 46.  
<sup>6</sup> *Commentary.* 1988. VI. P. 35.  
<sup>7</sup> Цит. по: *New Republic.* 1988. 30. V. P. 30.  
<sup>8</sup> *Harper's.* 1984. I. P. 48.  
<sup>9</sup> *American Mercury.* 1951. III. P. 123—126; *National Review.* 1959. 28. II. P. 556.  
<sup>10</sup> Цит. по: *Smith H. et al.* *Reagan: The Man, the President.* N. Y., 1980. P. 37.  
<sup>11</sup> Цит. по: *Esquire.* 1980. VIII. P. 29; *Smith H. et al.* Op. cit. P. 37.  
<sup>12</sup> *Newsweek.* 1980. 21. VII. P. 31.  
<sup>13</sup> *Esquire.* 1980. VIII. P. 30.  
<sup>14</sup> *Life.* 1964. 29. V. P. 29.  
<sup>15</sup> *New York Times.* 1985. 5. X.  
<sup>16</sup> Цит. по: *Evans R., Novak R.* *The Reagan's Revolution.* N. Y., 1981. P. 29—30.  
<sup>17</sup> *Cannon L.* Op. cit. P. 98—99.  
<sup>18</sup> *Reagan R., Hubler R. C.* Op. cit. P. 342—358.  
<sup>19</sup> *Davis P., Foster M. S.* *Home Front.* N. Y., 1986. P. 12.  
<sup>20</sup> *Atlantic.* 1980. X. P. 40.  
<sup>21</sup> Цит. по: *Cannon L.* Op. cit. P. 103.  
<sup>22</sup> *Atlantic.* 1980. X. P. 41.  
<sup>23</sup> *Cannon L.* Op. cit. P. 103.  
<sup>24</sup> *Boyarsky B.* Op. cit. P. 91.

- 25 Esquire. 1980. VIII. P. 30.  
 26 *Boyarisky B.* Op. cit. P. 83.  
 27 Цит. по: *Wills G.* Op. cit. P. 294.  
 28 *Ibid.* P. 295.  
 29 *Cannon L.* Op. cit. P. 115.  
 30 RWR: The Official Ronald Wilson Reagan Quote Book. St Louis Park (Minn.), 1980. P. 34; Harper's. 1976. II. P. 10; *Wills G.* Op. cit. P. 154; *Cannon L.* Op. cit. P. 148; *Boyarisky B.* Op. cit. P. 127.  
 31 *Brown E. G.* Reagan and Reality: The Two Californias. N. Y., 1970. P. 13.  
 32 *Boyarisky B.* Op. cit. P. 92—93; *Dugger R.* Op. cit. P. 198, 240.  
 33 RWR. P. 22.  
 34 *Brown E. G.* Op. cit. P. 19.  
 35 Цит. по: *Boyarisky B.* Op. cit. P. 101.  
 36 Цит. по: *Cannon L.* Op. cit. P. 118.

### Генеральная репетиция

- Цит. по: *Wills G.* Op. cit. P. 272.  
 2 Цит. по: *Flynt L., Freed D.* Op. cit. P. 53.  
 3 *Cannon L.* Op. cit. P. 119—120; *Boyarisky B.* Op. cit. P. 7—8.  
 4 Цит. по: *Brown E. G.* Op. cit. P. 27.  
 5 National Journal. 1980. 19. VII. P. 1177.  
 6 Esquire. 1980. VIII. P. 30.  
 7 *Wills G.* Op. cit. P. 304.  
 8 Цит. по: *Brownstein R., Easton N.* Reagan's Ruling Class. N. Y., 1982. P. 351.  
 9 Time. 1980. 31. III. P. 19.  
 10 Newsweek. 1967. 6. II. P. 50.  
 11 *Brown E. G.* Op. cit. P. 142.  
 12 RWR. P. 25, 36, 38.  
 13 Harper's. 1976. II. P. 10.  
 14 Цит. по: *Wills G.* Op. cit. P. 301.  
 15 RWR. P. 12.  
 16 *Barrett L. I.* Gambling with History; Reagan in the White House. N. V. 1983. P. 465.  
 17 *Davis P., Foster M. S.* P. 78, 89, 124.  
 18 Atlantic. 1980. X. P. 7.  
 19 *Brown E. G.* Op. cit. P. 24.  
 20 Цит. по: *Wills G.* Op. cit. P. 321.  
 21 Atlantic. 1980. X. P. 41.  
 22 *Boyarisky B.* Op. cit. P. 107.  
 23 Washington Journalism Review. 1981. I—II. P. 27.  
 24 Time. 1980. 20. X. P. 27.  
 25 National Journal. 1980. 19. VII. P. 1178.  
 26 *Ibid.* P. 1180.  
 27 *Cannon L.* Op. cit. P. 128.  
 28 *Ibid.* P. 124.  
 29 *Brown E. G.* Op. cit. P. 26.  
 30 Harper's. 1982. V. P. 32, 35.  
 31 Цит. по: *Smith H. et al.* Op. cit. P. 41.  
 32 *Brown E. G.* Op. cit. P. 49—50.  
 33 *Witcover I.* Marathon; The Pursuit of the Presidency, 1972—1976. N. Y., 1977. P. 92—93.  
 34 Esquire. 1980. VIII. P. 31; Time. 1980. 7. VII. P. 24.  
 35 *Cannon L.* Op. cit. P. 160; Newsweek. 1980. 21. VII. P. 36.  
 36 Цит. по: *Wills G.* Op. cit. P. 308.

- <sup>37</sup> International Herald Tribune. 1989. 17. I.  
<sup>38</sup> *Boyarsky B.* Op. cit. P. 7; Time. 1975. 24. XI. P. 23; U.S. News and World Report. 1981. 1. VI. P. 46.  
<sup>39</sup> *Speakes L.* Speaking Out. N. Y., 1988. P. 95—96, 98.  
<sup>40</sup> *Davis P.* Op. cit. P. 235.  
<sup>41</sup> *Wills G.* Op. cit. P. 308—309.  
<sup>42</sup> Newsweek. 1967. 22. V. P. 19.  
<sup>43</sup> Ibid. 1967. 7. VIII. P. 24.  
<sup>44</sup> Ibid. 25. IX. P. 12.  
<sup>45</sup> International Herald Tribune. 1968. 5. III.  
<sup>46</sup> Цит. по: Newsweek. 1967. 22. V. P. 20.  
<sup>47</sup> International Herald Tribune. 1968. 5. III.  
<sup>48</sup> Цит. по: Newsweek. 1967. 10. VII. P. 31.  
<sup>49</sup> Цит. по: Ibid. 25. IX. P. 12.  
<sup>50</sup> Цит. по: Ibid. 6. XI. P. 20.  
<sup>51</sup> *Chester L., Hodgson G., Page B.* An American Melodrama. The Presidential Campaign of 1968. N. Y., 1969. P. 363.  
<sup>52</sup> Цит. по: *Cannon L.* Op. cit. P. 134.  
<sup>53</sup> Newsweek. 1967. 22. V. P. 20.  
<sup>54</sup> Цит. по: *Wills G.* Op. cit. P. 333.  
<sup>55</sup> International Herald Tribune. 1968. 6. VIII.  
<sup>56</sup> *Reagan N. (with Libby B.).* Nancy. N. Y. 1980. P. 165.  
<sup>57</sup> *Cannon L.* Op. cit. P. 164.  
<sup>58</sup> *Carter J.* I'll Never Lie to You. N. Y., 1976. P. 165.  
<sup>59</sup> Time. 1968. 26. VII. P. 18—19.  
<sup>60</sup> *Boyarsky B.* Op. cit. P. 131.  
<sup>61</sup> Ibid. P. 127—128.  
<sup>62</sup> Ibid. P. 156.  
<sup>63</sup> Time. 1970. 2. XI. P. 13.  
<sup>64</sup> Newsweek. 1971. 20. XII. P. 28.  
<sup>65</sup> Ibid. P. 29.  
<sup>66</sup> *Cannon L.* Op. cit. P. 173.  
<sup>67</sup> *Boyarsky B.* Op. cit. P. 124.  
<sup>68</sup> Time. 1972. 28. VIII. P. 13.  
<sup>69</sup> *Cannon L.* Op. cit. P. 177.  
<sup>70</sup> *Flynt L., Freed D.* Op. cit. P. 95.

### За кулисами

- <sup>1</sup> *Cannon L.* Op. cit. P. 189; *Dugger R.* Op. cit. P. 18.  
<sup>2</sup> *Wills G.* Op. cit. P. 314.  
<sup>3</sup> Time. 1974. 26. VIII. P. 19; 23. IX. P. 11.  
<sup>4</sup> Цит. по: *Witcover J.* Op. cit. P. 66.  
<sup>5</sup> Цит. по: *Cook B. W.* The Declassified Eisenhower. N. Y. 1981. P. 154—155.  
<sup>6</sup> Цит. по: *Cannon L.* Op. cit. P. 197.  
<sup>7</sup> Time. 1975. 27. XI. P. 24.  
<sup>8</sup> New Republic. 1976. 12. VI. P. 10—11; *Reagan R., Hobbs C. D.* Op. cit. P. 36—49; *Mollenhoff C.* The Man Who Pardoned Nixon. N. Y., 1976. P. 258; *Drew E.* American Journal. The Events of 1976. N. Y., 1976. P. 48; National Review. 1976. 19. III. P. 267; Time. 1976. 12. IV. P. 19.  
<sup>9</sup> *Drew E.* Op. cit. P. 78—79.  
<sup>10</sup> National Review. 1976. 28. V. P. 540—541; *Drew E.* Op. cit. P. 239; New Republic. 1976. 12. VI. P. 8—10.  
<sup>11</sup> *Carter J.* Keeping Faith: Memoirs of a President. N. Y., 1982. P. 154.



- <sup>12</sup> Time. 1975. 24. XI. P. 17; 1976. 17. V. P. 12.  
<sup>13</sup> New Republic. 1976. 13. III. P. 24—25.  
<sup>14</sup> *Witcover J.* Op. cit. P. 383—389.  
<sup>15</sup> Time. 1975. 24. XI. P. 20.  
<sup>16</sup> International Herald Tribune. 1976. 11. III.  
<sup>17</sup> *Ford G. R.* A Time to Heal. N. Y., 1979. P. 294—295.  
<sup>18</sup> Time. 1976. 24. V. P. 16.  
<sup>19</sup> *Ford G. R.* Op. cit. P. 328.  
<sup>20</sup> *Drew E.* Op. cit. P. 64, 81.  
<sup>21</sup> Newsweek. 1976. 24. V. P. 34.  
<sup>22</sup> *Drew E.* Op. cit. P. 117.  
<sup>23</sup> Time. 1975. 24. XI. P. 16.  
<sup>24</sup> New Republic. 1979. 1. XII. P. 3.  
<sup>25</sup> *Wills G.* Op. cit. P. 332.  
<sup>26</sup> Цит. по: *Witcover J.* Op. cit. P. 94.  
<sup>27</sup> *Drew E.* Op. cit. P. 52—53.  
<sup>28</sup> Ibid. P. 448—449.  
<sup>29</sup> *Ford G. R.* Op. cit. P. 400.  
<sup>30</sup> *Glad B.* In Search of the Great White House. N. Y., 1980.  
P. 393; *Drew E.* Op. cit. P. 462; *Carter J.* I'll Never Lie to You. P. 125.  
<sup>31</sup> Washington Post. 1978. 16. V.  
<sup>32</sup> Time. 1980. 7. VII. P. 24; Newsweek. 1980. 21. VII. P. 37.  
<sup>33</sup> Human Events. 1977. 4. VI. P. 6.  
<sup>34</sup> *Carter J.* Keeping Faith. P. 224.  
<sup>35</sup> Newsweek. 1979. 5. III. P. 30.  
<sup>36</sup> Washington Post. 1978. 29. IX.  
<sup>37</sup> Time. 1979. 26. XI. P. 29; New Republic. 1979. 1. XII. P. 3.  
<sup>38</sup> *Cannon L.* Op. cit. P. 242.  
<sup>39</sup> Ibid. P. 243—244.  
<sup>40</sup> New York Times. 1980. 2. III.  
<sup>41</sup> International Herald Tribune. 1980. 17. VII.  
<sup>42</sup> Time. 1980. 28. VII. P. 21.  
<sup>43</sup> Цит. по: *Cannon L.* Op. cit. P. 273.  
<sup>44</sup> Ibid. P. 277.  
<sup>45</sup> *Carter J.* Keeping Faith. P. 542—543.  
<sup>46</sup> Time. 1980. 31. III. P. 18.  
<sup>47</sup> *Carter J.* Keeping Faith. P. 543.  
<sup>48</sup> Time. 1980. 3. XI. P. 12.  
<sup>49</sup> International Herald Tribune. 1980. 13. X.  
<sup>50</sup> Time. 1981. 5. I. P. 12.  
<sup>51</sup> Atlantic. 1980. X. P. 33—34; New Republic. 1985. 4. II. P. 21.  
<sup>52</sup> New Republic. 1980. 25. X. P. 3.  
<sup>53</sup> Maclean's. 1980. 17. XI. P. 29.  
<sup>54</sup> International Herald Tribune. 1980. 31. X.  
<sup>55</sup> Ibid. 30. X.  
<sup>56</sup> Time. 1983. 25. VII. P. 43; цит. по: *Flynt L., Freed D.*  
Op. cit. P. 101.  
<sup>57</sup> Time. 1980. 17. XI. P. 13, 21.  
<sup>58</sup> *Carter J.* Keeping Faith. P. 578.  
<sup>59</sup> *Brzezinski Z.* Power and Principle: Memoirs of the National  
Security Adviser, 1977—1981. N. Y., 1983. P. 513.

### В главной роли

- <sup>1</sup> Time. 1981. 2. II. P. 6.  
<sup>2</sup> *Brownstein R., Easton N.* Op. cit. P. XV.  
<sup>3</sup> Ibidem.

- <sup>4</sup> Time. 1981. 2. II. P. 7.
- <sup>5</sup> U.S. News and World Report. 1981. 2. II. P. 70—72.
- <sup>6</sup> Harper's. 1981. I. P. 8.
- <sup>7</sup> The Illustrated Heritage Dictionary and Information Book. Boston, 1977. P. 1622; The Oxford Dictionary of Quotations. 2nd. ed. L., 1966. P. 200.
- <sup>8</sup> New York Times. 1984. 17. I.
- <sup>9</sup> U.S. News and World Report. 1980. 17. XI. P. 51.
- <sup>10</sup> International Herald Tribune. 1980. 6. XI.
- <sup>11</sup> Цит. по: Cannon L. Op. cit. P. 305.
- <sup>12</sup> Time. 1981. 5. I. P. 24; 1980. 17. XI. P. 24.
- <sup>13</sup> U.S. News and World Report. 1980. 17. XI. P. 51.
- <sup>14</sup> Brownstein R., Easton N. Op. cit. P. 29.
- <sup>15</sup> Time. 1980. 20. X. P. 35.
- <sup>16</sup> Newsweek. 1980. 17. XI. P. 13.
- <sup>17</sup> Cannon L. Op. cit. P. 304.
- <sup>18</sup> Wills G. Op. cit. P. 304.
- <sup>19</sup> Цит. по: Brownstein R., Easton N. Op. cit. P. XVI.
- <sup>20</sup> Ibid. P. XXII, XXV.
- <sup>21</sup> Vital Speeches of the Day. Vol. XLVII. N 11. 1981. 15. III. P. 322—326; International Herald Tribune. 1981. 19. II.
- <sup>22</sup> Lekachman R. Vision and Nightmares: America after Reagan. N. Y., 1987. P. 119; The American Elections of 1984 / Ed. by A. Runney. Duke University Press, 1985. P. 19.
- <sup>23</sup> Cannon L. Op. cit. P. 328.
- <sup>24</sup> International Herald Tribune. 1982. 21. I.
- <sup>25</sup> Washington Post. 1981. 30. I; New York Times. 1981. 30. I.
- <sup>26</sup> International Herald Tribune. 1981. 31. I—1. II.
- <sup>27</sup> Ibid. 1983. 31. III.
- <sup>28</sup> Ibid. 1981. 28. II; 1. III.
- <sup>29</sup> Washington Post. 1981. 1. II.
- <sup>30</sup> Newsweek. 1981. 13. IV. P. 19.
- <sup>31</sup> Ibid. P. 13.
- <sup>32</sup> International Herald Tribune. 1981. 1. IV.
- <sup>33</sup> Cannon L. Op. cit. P. 405.
- <sup>34</sup> International Herald Tribune. 1981. 4—5. IV.
- <sup>35</sup> Newsweek. 1984. 8. X. P. 28.
- <sup>36</sup> U. S. News and World Report. 1981. 1. VI. P. 44.
- <sup>37</sup> Time. 1981. 5. I. P. 15.
- <sup>38</sup> Letters to the Editor. Washington Post. 1981. 2. XII.
- <sup>39</sup> New York Times. 1981. 26. IV.
- <sup>40</sup> Washington Post. 1981. 28. VI.
- <sup>41</sup> Цит. по: International Herald Tribune. 1981. 27. IV.
- <sup>42</sup> Cannon L. Op. cit. P. 335.
- <sup>43</sup> Ibid. P. 337.
- <sup>44</sup> International Herald Tribune. 1981. 21. I.
- <sup>45</sup> Ibid. 4. XI.
- <sup>46</sup> New York Times. 1981. 13. IV.
- <sup>47</sup> Cannon L. Op. cit. P. 400.
- <sup>48</sup> New Yorker. 1989. 2. II. P. 38—39.
- <sup>49</sup> Washington Post. 1981. 25. X.
- <sup>50</sup> Cannon L. Op. cit. P. 304—306, 308, 319, 328, 371—373, 375, 381, 394.
- <sup>51</sup> Wills G. Op. cit. P. 320, 333.
- <sup>52</sup> Newsweek. 1980. 21. VII. P. 41.
- <sup>53</sup> Цит. по: Talbot S. The Russians and Reagan. N. Y., 1984. P. 115—117

- <sup>54</sup> LaFeber W. *The American Age: United States Foreign Policy at Home and Abroad since 1750*. N. Y., 1989. P. 693.
- <sup>55</sup> De Mause L. *Reagan's America*. N. Y., 1984. P. 132.
- <sup>56</sup> International Herald Tribune. 1984. 18. I.
- <sup>57</sup> New York Times. 1982. 12. I.
- <sup>58</sup> De Mause L. *Op. cit.* P. 114; *The American Elections of 1984*/Ed. by A. Runney. P. 21; *Friedman B. M. Day of Reckoning. The Consequences of American Economic Policy under Reagan and after*. N. Y., 1988. P. 137.
- <sup>59</sup> U. S. News and World Report. 1981. 28. XII; 1982. 4. I. P. 27.
- <sup>60</sup> Washington Post. 1983. 21. I.
- <sup>61</sup> *The American Elections of 1984*/Ed. by A. Runney. P. 26—27; International Herald Tribune. 1983. 9. VIII.
- <sup>62</sup> U. S. News and World Report. 1983. 14. II. P. 71—73; International Herald Tribune. 1984. 2. II.
- <sup>63</sup> New Republic. 1984. 22. X. P. 8.
- <sup>64</sup> U. S. News and World Report. 1984. 6. II. P. 20.
- <sup>65</sup> Foreign Policy. 1989. Summer. N 75. P. 46—47.
- <sup>66</sup> New York Times. 1983. 25. IX; Chicago Tribune. 1983. 4. IX.
- <sup>67</sup> Ibid. 3. IX.
- <sup>68</sup> Цит. по: De Mause L. *Op. cit.* P. 347.
- <sup>69</sup> Mandelbaum M., Talbott S. *Reagan and Gorbachev*. N. Y. 1987. P. 36.
- <sup>70</sup> Цит. по: *The American Elections of 1984*/Ed. by A. Runney. P. 29—30.
- <sup>71</sup> Цит. по: De Mause L. *Op. cit.* P. 154.
- <sup>72</sup> Time. 1983. 7. XI. P. 30—38; Washington Post. 1983. 28. X; 13. XI; New York Times. 1983. 27, 28. X; 6. XI.
- <sup>73</sup> Observer. 1983. 30. X. P. 11; Newsweek. 1983. 7. XI. P. 42; New York Post. 1983. 27. X; цит. по: *The American Elections of 1984*/Ed. by A. Runney. P. 31.
- <sup>74</sup> Time. 1983. 7. XI. P. 30, 36; U. S. News and World Report. 1983. 7. XI. P. 11.
- <sup>75</sup> Time. 1983. 7. XI. P. 30.
- <sup>76</sup> New York Times. 1983. 7. XI.
- <sup>77</sup> Правда. 1984. 4 янв.
- <sup>78</sup> Talbott S. *Op. cit.* P. 129—140.
- <sup>79</sup> International Herald Tribune. 1984. 18. I.
- <sup>80</sup> New Yorker. 1989. 2. I. P. 51.
- <sup>81</sup> Ibid. P. 51—52.
- <sup>82</sup> New York Times. 1984. 15. I.
- <sup>83</sup> Washington Post. 1988. 18. IX.
- <sup>84</sup> Mayer I., McManus D. *Landslide: The Unmaking of the President, 1984—1988*. Boston, 1988. P. 15.
- <sup>85</sup> Washington Post. 1988. 18. IX.
- <sup>86</sup> Reagan R. In *Search of Peace with Freedom: Selected Presidential Speeches on Peace, Security and US — Soviet Relations, 1981 — 1987*. USIA, 1987. P. 35.
- <sup>87</sup> New Yorker. 1989. 2. I. P. 52.
- <sup>88</sup> *Eagle Resurgent? Reagan Era in American Foreign Policy*/Ed. by Oyl Kenneth A. et al. Boston, 1987. P. 204.
- <sup>89</sup> New York Times. 1984. 12. X; International Herald Tribune. 1984. 27—28. X.

- <sup>1</sup> New York Times. 1984. 24. X.
- <sup>2</sup> Time. 1984. 22. X. P. 37.
- <sup>3</sup> New Republic. 1982. 24. III. P. 9; 1985. 4. II. P. 22.
- <sup>4</sup> *Speakes L.* Op. cit. P. 110.
- <sup>5</sup> Цит. по: *Mayer J., McManus D.* Op. cit. P. 7.
- <sup>6</sup> Ibid. P. 8.
- <sup>7</sup> New York Times. 1984. 15, 19. VIII.
- <sup>8</sup> Time. 1985. 14. I. P. 5.
- <sup>9</sup> Ibid. P. 8—9.
- <sup>10</sup> Ibidem.
- <sup>11</sup> U. S. News and World Report. 1984. 19. XI. P. 40.
- <sup>12</sup> New York Times. 1985. 21. I.
- <sup>13</sup> Progressive. 1985. I. P. 18—19.
- <sup>14</sup> International Herald Tribune. 1984. 26. X.
- <sup>15</sup> Time. 1984. 19. XI. P. 22.
- <sup>16</sup> *Friedman B. M.* Op. cit. P. 54, 137, 139—140, 158—160.
- <sup>17</sup> New York Times. 1984. 13. XI; Time. 1984. 19. XI. P. 46; New Republic. 1984. 26. XI. P. 6.
- <sup>18</sup> *Friedman B. M.* Op. cit. P. 162.
- <sup>19</sup> New Republic. 1984. 26. X. P. 43.
- <sup>20</sup> Time. 1984. 19. XI. P. 47.
- <sup>21</sup> New York Times. 1985. 22. I.
- <sup>22</sup> Washington Post. 1984. 12. XI.
- <sup>23</sup> New Republic. 1985. 1. II. P. 24.
- <sup>24</sup> Time. 1982. 13. XII. P. 6.
- <sup>25</sup> U. S. News and World Report. 1985. 4. II. P. 65—66.
- <sup>26</sup> New Yorker. 1989. 9. I. P. 51.
- <sup>27</sup> Цит. по: *Mandelbaum M., Talbott S.* Op. cit. P. 44.
- <sup>28</sup> *Speakes L.* Op. cit. P. 123.
- <sup>29</sup> Time. 1985. 15. IV. P. 72.
- <sup>30</sup> *Mandelbaum M., Talbott S.* Op. cit. P. 33.
- <sup>31</sup> New Yorker. 1989. 9. I. P. 57.
- <sup>32</sup> Foreign Affairs. America and the World. 1985. Vol. 64. N 3. P. 393.
- <sup>33</sup> *Speakes L.* Op. cit. P. 124.
- <sup>34</sup> International Herald Tribune. 1985. 30. V.
- <sup>35</sup> Ibid. 1985. 21—22. IV.
- <sup>36</sup> Time. 1985. 22. IV. P. 19.
- <sup>37</sup> Newsweek. 1985. 29. VII. P. 10.
- <sup>38</sup> *Speakes L.* Op. cit. P. 192.
- <sup>39</sup> U. S. News and World Report. 1985. 19. VIII. P. 20.
- <sup>40</sup> International Herald Tribune. 1985. 30. X.
- <sup>41</sup> Цит. по: *Speakes L.* Op. cit. P. 125.
- <sup>42</sup> International Herald Tribune. 1985. 2. XII.
- <sup>43</sup> Правда. 1985. 2 сент.
- <sup>44</sup> International Herald Tribune. 1985. 9. X.
- <sup>45</sup> *Speakes L.* Op. cit. P. 127.
- <sup>46</sup> International Herald Tribune. 1985. 2. XII.
- <sup>47</sup> New Yorker. 1989. 9. I. P. 58.
- <sup>48</sup> Правда. 1985. 28 нояб.
- <sup>49</sup> Там же.
- <sup>50</sup> Newsweek. 1985. 2. XII. P. 16.
- <sup>51</sup> Washington Post. 1985. 25. XI.
- <sup>52</sup> Правда. 1989. 7 июля.

- 53 International Herald Tribune. 1985. 9. X.  
54 Time. 1986. 13. X. P. 14.  
55 *Speakes L.* Op. cit. P. 136.  
New Yorker. 1989. 9. I. P. 58.  
57 Правда. 1986. 16 янв.  
58 New Yorker. 1989. 9. I. P. 58.  
59 Правда. 1986. 30 марта; 9 апр.  
60 Time. 1986. 9. VI. P. 45; Newsweek. 1986. 16. VI. P. 34; International Herald Tribune. 1986. 26. VI.  
61 Правда. 1986. 15 авг.  
62 *Mandelbaum M., Talbott S.* Op. cit. P. 157—158.  
63 New York Times. 1986. 7. IX.  
64 New Yorker. 1989. 9. I. P. 61.  
65 International Herald Tribune. 1986. 6. X.  
66 Time. 1986. 8. XII. P. 17.  
67 Ibid. 1986. 20. X. P. 31.  
68 Правда. 1986. 15 окт.  
69 *Speakes L.* Op. cit. P. 144.  
70 Правда. 1986. 15 окт.  
71 *Speakes L.* Op. cit. P. 144.  
72 Правда. 1986. 15 окт.  
73 Цит. по: New Yorker. 1989. 9. I. P. 62; *Speakes L.* Op. cit. P. 144.  
74 *Speakes L.* Op. cit. P. 142—143; *Mandelbaum M. Talbott S.*  
Op. cit. P. 161—162; Time. 1986. 20. X. P. 22.  
75 Правда. 1986. 14 окт.  
76 New Yorker. 1989. 9. I. P. 62.  
77 Правда. 1986. 14 окт.  
78 Там же. 23 окт.  
79 Time. 1986. 27. X. P. 7.  
80 Washington Post National Weekly. 1986. 17. XI. P. 24.  
81 Правда. 1986. 23 окт.  
82 Time. 1987. 26. I. P. 26.  
83 New York Times. 1986. 18. XI.  
84 Ibid. 24. XI.  
85 Ibid. 15. XII.  
86 *Mayer I., McManus D.* Op. cit. P. 370.  
87 Newsweek. 1987. 9. II. P. 16; Time. 1987. 16. III. P. 24.  
88 The Tower Commission Report. N. Y., 1987. P. X—XIX;  
Newsweek. 1987. 9. III. P. 10, 12.  
89 Washington Post National Weekly. 1987. III. P. 6.  
90 International Herald Tribune. 1987. 19, 29. VI.  
91 New Yorker. 1989. 9. I. P. 66.  
92 Time. 1988. 30. V. P. 10.  
93 Визит Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева  
в Соединенные Штаты Америки. М., 1987. С. 167.  
94 New Yorker. 1989. 9. I. P. 68.  
95 Правда. 1987. 23 мая.  
96 New Republic. 1988. 20. VI. P. 8.  
97 Time. 1988. 13. VI. P. 11.  
98 Цит. по: Washington Post. 1989. 3. I.  
99 U. S. News and World Report. 1988. 6. VI. P. 17.  
100 Time. 1988. 13. VI. P. 15.  
101 U. S. News and World Report. 1988. 6. VI. P. 17  
102 New York Times. 1988. 3. VI.  
103 Правда. 1988. 2 июня.  
104 Time. 1988. 13. VI. P. 12.

## Недописанный эпиллог

- <sup>1</sup> New York Times. 1989. 1. I.
- <sup>2</sup> Time. 1989. 23. I. P. 24—25.
- <sup>3</sup> International Herald Tribune. 1989. 24. III.
- <sup>4</sup> Ibid. 1988. 30. XII; Washington Post. 1989. 12. I; 3. V; New York Times. 1989. 1. I.
- <sup>5</sup> Time. 1989. 23. I. P. 26.
- <sup>6</sup> New York Times. 1989. 1. I; New Republic. 1989. 9, 16. I. P. 23; U. S. News and World Report. 1989. 9. I. P. 20, 24.
- <sup>7</sup> Foreign Policy. 1989. Summer. N 75. P. 34.
- <sup>8</sup> The Reagan Legacy /Ed. by S. Blumenthal, T. B. Edsall. N. Y., 1988. P. 178.
- <sup>9</sup> Foreign Policy. 1989. Summer. N 75. P. 44—45.
- <sup>10</sup> New York Times. 1989. 1, 20. I.
- <sup>11</sup> Цит. по: Cannon L. Op. cit. P. 407.

# Содержание



<b>В мире реальностей и фантазий</b>	<b>3</b>
<b>Непризнанное призвание</b>	<b>29</b>
<b>В поисках роли</b>	<b>57</b>
<b>Выбор амплуа</b>	<b>84</b>
<b>Перед выходом на сцену</b>	<b>108</b>
<b>Генеральная репетиция</b>	<b>140</b>
<b>За кулисами</b>	<b>201</b>
<b>В главной роли</b>	<b>248</b>
<b>Под занавес</b>	<b>331</b>
<b>Недописанный эпилог</b>	<b>396</b>
<b>Примечания</b>	<b>402</b>

**Иванян Э. А.**

**И 23** Рональд Рейган — хроника жизни и времени.— М.: Мысль, 1991.— 411, [2]  
ISBN 5-244-00506-5

Книга представляет собой политическую биографию 40-го президента США Рональда Рейгана. Большое внимание в ней уделяется советско-американским отношениям.

**И** 0503030000-036 24-91  
004(01)-91

**ББК 66. 3(7США)**

Монография

**Эдуард Александрович Иванян**

**Рональд Рейган —**

**хроника жизни  
и времени**

Редактор **З. В. Макарова**  
Младший редактор **А. П. Овсепян**  
Оформление художника **В. И. Харламова**  
Художественный редактор **Н. В. Илларионова**  
Технический редактор **Е. А. Молодова**  
Корректор **З. Н. Смирнова**

**ИБ № 3909**

Сдано в набор 08.06.90. Подписано в печать 20.05.91. Формат 84×108<sup>1</sup>/<sub>32</sub>. Бум тип. № 1. Гарн. литературная. Высокая печать. Усл. печ. листов 21,84. Усл. кр.-отт. 22,26. Учетно-издат. листов 27,46. Тираж 50 000 экз. Заказ № 991. Цена 3 р. 50 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский пр., 15.

Набрано в ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградском производственно-техническом объединении «Печатный Двор» имени А. М. Горького при Госкомпечати СССР 197110, Ленинград, П-110, Чкаловский пр., 15.

Отпечатано с готовых диапозитивов в московской типографии № 11 Государственного Комитета СССР по печати. 113105, Москва, Нагатинская ул., д. 1.





Э. А. Иванян

Рональд Рейган